

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР
АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

ВЫПУСК 12

Серия основана в 1990 г.
С.А. Плетнёвой и И.П. Русановой

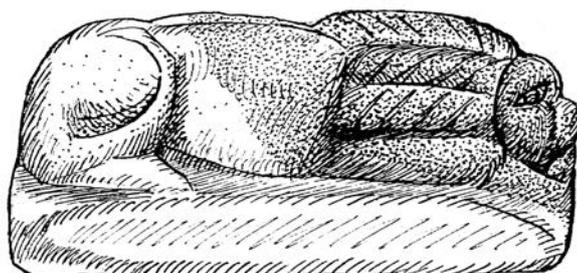
Редакционная коллегия серии:
И.О. Гавритухин, Н.В. Лопатин, А.М. Обломский

Москва
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**Поздnezарубинецкие
памятники
на территории Украины
(вторая половина I-II в. н.э.)**



**Москва
2010**

Введение

(А.М. Обломский)

Поздnezарубинецкий этап в истории Прикарпатья, Южного Побужья, Поднепровья и бассейна Дона (середина – вторая половина I – II в.н.э.) является особой исторической эпохой, завершающей период эволюционного развития зарубинецкой археологической культуры. В это время происходит ее распад как единой историко-культурной общности. В результате миграций потомков зарубинецкого населения возникает серия новых локальных образований, в той или иной степени связанных с зарубинецкой культурой по происхождению. Именно эти массовые миграции послужили первыми импульсами, приведшими в конечном итоге к сложению археологических общностей начала средневековья (пеньковской, колочинской и, вероятно, пражской культур), которые по мнению большинства исследователей соответствуют наиболее ранним славянским народам.

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой специальное исследование материалов поздnezарубинецкого периода на территории Украины, где расположено большинство памятников этого круга. Сведения о поселениях и могильниках, которые находятся в России и Белоруссии, в нашей книге также используются, но в общих обзорах или в качестве аналогий. Монография является продолжением с учетом новых сведений работы А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского «Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв.н.э.» (Москва, 1991), в которой впервые было дано описание поздnezарубинецких древностей, как особого культурно-хронологического горизонта.

Распад или кризис зарубинецкой культуры (середина – третья четверть I в.н.э.) – это цепь (или клубок) событий, в результате которых происходит ломка старой археологической структуры и возникает серия новых. Он служит рубежом, отделяющим «классические» зарубинецкие памятники от поздnezарубинецких, и выражается в прекращении в течение сравнительно узкого хронологического периода функционирования практически всех зарубинецких могильников и

большинства поселений во всех регионах распространения этой культуры, исчезновении городищ как типа поселений, массовой миграции зарубинецкого населения со своих исконных территорий в различных направлениях. Наблюдаются изменения и в топографии памятников. В поздnezарубинецкий период резко преобладают поселения, расположенные низко над уровнем водного источника (на останцах в поймах, на первых надпойменных террасах рек). В противоположность классическому зарубинецкому периоду Среднего и Верхнего Поднепровья количество поселений, находившихся высоко над основанием речных долин, невелико.

Изменения заметны и в планировке поселков. На поздnezарубинецком этапе в Поднепровье впервые появляются усадьбы, рассчитанные на индивидуальное хозяйство малой семьи. Длительность существования поселений в поздnezарубинецкий период, по сравнению с классическим, уменьшается. Поселки, существовавшие 150–200 лет и более (типа Чаплина или Пилипенковой горы), не известны. Нормой становятся селища, обитаемые в течение жизни одного-двух поколений. Укрепления на поселениях, сооружение которых требовало значительных затрат труда, а использование – длительной оседлости, возводиться перестали.

Если учесть, что не позднее середины – третьей четверти I в. н.э. перестали совершаться захоронения на всех возникших ранее общинных могильниках, то становится ясно, что кризис зарубинецкой культуры для ее населения был катастрофой. Он затронул все основные структуры общества: систему заселения территории, хозяйство (что отражают изменения в топографии и длительности существования поселков), общественные отношения (выделение малых семей как самостоятельных хозяйственных единиц), идеологию [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990].

Памятники классической зарубинецкой культуры (конец III в. до н.э. – начало I в. н.э.) распространены в четырех основных регионах: припят-

ском (верховья Западного Буга — среднее течение р. Припять), верхнеднепровском (юг Верхнего Поднепровья, приблизительно, от среднего течения Березины и Сожа до устья Припяти и западной части Среднего Подесенья), среднеднепровском (южнее впадения Припяти в Днепр, включая Нижнее Подесенье до р. Тясмин на юге), среднесейминском (среднее течение р. Сейм и примыкающие с юга верховья р. Сулы). На территории лесостепи Днепровского Левобережья и в районе Днепровских порогов известна серия курганов с захоронениями, содержащими зарубинецкие сосуды и некоторые другие вещи, по всей видимости, маркирующими контактную зону зарубинецких племен с населением степного мира.

География памятников позднезарубинецкого горизонта совпадает с зарубинецкой лишь частично.

Самая западная группа древностей локализуется в верховьях Припяти и в прилегающей части бассейна Западного Буга (памятники с керамикой типа Гриневици Вельки — Курадово). В Прикарпатье и на Волини при участии зарубинецких племен в I в. н.э. формируется особая этнокультурная группа — т.н. зубрецкая культура (или волино-подольская группа по более ранней терминологии) (рис. 1).

Позднезарубинецкие памятники на территории Центральной и Восточной Украины составляют несколько локальных образований: типа Марьяновки в бассейне Южного Буга, Лютежа в Среднем Поднепровье, Почепа в Подесенье, Картамышево на востоке Днепровского Левобережья, Терновки в бассейне Северского Донца. В Среднем Поднепровье и на Днепровском лесостепном Левобережье распространены поселения типа Гринеи, которые появились несколько позже прочих.

На территории Верхнего Поднепровья известны позднезарубинецкие памятники типа среднего слоя городища Тушемля. Самым восточным позднезарубинецким анклавом является группа поселений и могильников круга Шапкино в бассейне р. Хопер (восточный приток Дона) (рис. 1; 2).

Распространение позднезарубинецких памятников в довольно отдаленных от основной территории обитания зарубинецких племен классического периода регионах связано с массовыми миграциями населения. По всей видимости, отражением этого же процесса являются элементы зарубинецкого влияния, которые зафиксированы в начале нашей эры в ареалах дьяковской культуры в бассейне р. Москвы, в группе памятников типа Этулии северо-западного Причерноморья, в позднескифских анклавах в Нижнем Поднепровье и лесостепном Подонье.

Позднезарубинецкие памятники середины I—II вв., как показывает приведенный выше краткий обзор, не составляют единого массива, а делятся

на серию групп, которые отделяют друг от друга довольно обширные пространства. Иногда на этих территориях известны древности иного, не позднезарубинецкого, происхождения. Так, памятники типа Марьяновки и Лютежа разделяет группа сарматских погребений, распространенных на водоразделе Днепра и Южного Буга. Между ареалами древностей типа Терновки (бассейн Северского Донца) и прихоперских круга Шапкино расположены позднескифские поселения лесостепного Подонья и синхронные им сарматские могильники. Каждое локальное скопление позднезарубинецких памятников своеобразно, довольно сильно отличается от других, причинами чего являются участие разных групп зарубинецкого населения в их сложении, неодинаковая степень сохранности «классических» зарубинецких традиций, наличие других этнокультурных компонентов, контакты с соседями и др. По этой причине мы не считаем древности позднезарубинецкого этапа принадлежащими некой единой культуре, а употребляем термин «культурно-хронологический горизонт», специально введенный для обозначения промежуточного неустойчивого явления, характеризующего процесс распада старой археологической общности (зарубинецкой культуры) и возникновения новой (киевской культуры).

Настоящая монография написана в жанре свода археологических источников. Она состоит из введения, семи глав и приложения. В работе рассмотрены позднезарубинецкие памятники Центральной и Восточной Украины. Материалы зубрецкой культуры, которая формируется в результате синтеза не только пшеворских и липецких, но и зарубинецких традиций, и в этом отношении родственна древностям позднезарубинецкого круга, в нашей книге специально не анализируются, так как это сделано в ряде работ Д.Н. Козака [Козак, 1991; 1992; 1999; 2003 и др.].

В главе 1 (Р.В. Терпиловский) приводится историография позднезарубинецких древностей. Поскольку позднезарубинецкие памятники не являются единым однородным в культурном отношении массивом, а составляют несколько локальных групп, то изложение конкретного материала, происходящего с территории Украины (сведений о постройках, погребальном обряде, если данные о нем имеются, вещевом комплексе), и хронологии сделано для каждой из них отдельно. В главе 2 (А.М. Обломский) рассмотрены древности раннеримского времени бассейна Южного Буга, в главе 3 (Ю.Ю. Башкатов, Р.В. Терпиловский) — позднезарубинецкие материалы типа Лютежа Среднего Поднепровья, а также северные по происхождению (для украинской лесостепи) памятники круга Гринеи, распространенные на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, в главе 4 (А.М. Обломский) — почепские памятники Подесенья, в главе 5 (А.М. Обломский)

– древности типа Картамышево востока Днепровского Левобережья и круга Терновки бассейна Северского Донца. В разделах этого тематического блока приведена история исследования памятников каждого культурно-хронологического типа, рассмотрена степень достоверности материалов.

Топография и планировка поселений, конструкция жилищ и хозяйственных построек являются специфической группой источников, требующих обобщения по всем ареалам лесостепных памятников позднезарубинецкого горизонта. Этой теме посвящена глава 6 (Ю.Ю. Башкатов и Г.Л. Земцов).

В заключительной главе 7 (О.В. Арион, Ю.Ю. Башкатов, А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский) дана реконструкция этнокультурных процессов на территории лесостепного Поднепровья и Подонья, а также юга лесной зоны в I–V вв. н.э. с особым акцентом на те из них, которые привели к формированию раннеславянских народов восточной ветви (антов и «поздних венетов» Иордана). Отправной точкой этих процессов мы считаем распад зарубинецкой культуры. Произшедшие в результате его миграции населения

позволили предкам славян освоить территорию лесостепи от Прикарпатья до бассейна Оскола, а также частично лесное Поднепровье, т.е. те области, которые в начале средневековья стали базой раннеславянского расселения.

В Приложении приводится каталог позднезарубинецких памятников на территории Украины, известных не только по стационарным раскопкам, но и по разведкам. Памятники сгруппированы в соответствии с современным административным делением Украины. Для каждого из них мы старались дать сведения о географических привязках, истории исследований, материалах (привести наиболее характерные из опубликованных или, по возможности, полностью включить в свод до сих пор не изданные), степени их достоверности, основных публикациях и архивной документации, местах хранения коллекций. Статьи каталога написаны А.М. Обломским, Р.В. Терпиловским, О.В. Петраускасом, Р.Г. Шишкиным, М.В. Любичевым, М.В. Роздобудько, Л.А. Цыңдровской. Работа подготовлена при финансовой поддержке совместного проекта НАН Украины и РГНФ №05-01-91114а/Ук.

ГЛАВА 1.

Историография древностей позднезарубинецкого периода

(Р.В. Терпиловский)

1. История полевых исследований

Впервые позднезарубинецкие памятники I–II вв. были выявлены в виде сравнительно небольших материалов в ходе разведок на территории Киева и его ближайших окрестностей (Никольская Слободка, Красный Хутор и др.) в конце 1940-х – начале 50-х гг. Несколько позднее эпизодическими раскопками В.Н. Даниленко и Ю.В. Кухаренко было исследовано несколько погребений в Бортничаях, отдельные участки поселений Новые Безрадицы и Ходосовка. Аналогичные находки были сделаны и Д.Я. Телегиным в Вите-Литовской в ходе раскопок многослойного поселения. Материалы этих памятников легли в основу предложенной В.Н. Даниленко концепции «позднезарубинецких памятников киевского типа» как основной линии славянского этногенеза первой половины I тыс. н.э. [Даниленко, 1955], однако находки не были должным образом обработаны и отчасти поэтому не оценены современниками.

Масштабные исследования раннеславянских древностей в Среднем Поднепровье развернулись в 1960-х гг. Так, активно изучался ряд позднезарубинецких памятников, рассматриваемых в то время, как правило, в рамках «классической» зарубинецкой культуры. Практически полностью раскопано селище Лютеж со следами железодобывательного производства [Бидзиля, Пачкова, 1969]. Были продолжены начатые ранее раскопки поселения Новые Безрадицы, часть комплексов которого относилась к первым векам н.э. [Даниленко, Дудкин, Круц, 1967; Даниленко, 1976]. При раскопках в Тетеревке и в Гринях на р. Тетерев также встречена характерная керамика [Куза, 1964;

Максимов, 1969, с. 39–41]. Многолетние разведки и сборы позволили выявить ряд новых позднезарубинецких памятников в окрестностях Киева и в поречье Трубежа [Максимов, 1969, с. 42–43; Савчук, 1969]. На протяжении 1966–1974 гг. А.М. Шовкопляс осуществлены значительные раскопки поселения Луг-4 в зоне строительства жилого массива Оболонь в Киеве. В ходе работ исследовано 64 жилища и 918 хозяйственных ям, преимущественно относящихся к рубежу и первым векам н.э.

Работы по исследованию позднезарубинецких древностей в этом регионе продолжались и позднее, хотя и не достигли размаха 1960-х гг. Ряд памятников был обнаружен в результате систематических разведок А.П. Савчука, Ю.В. Костенко, М.В. Роздобудько в Барышевском и Переяславском р-нах Киевской обл. [Костенко, 1983]. Небольшие раскопки на поселениях Решетки и Вишенки (уроч. Мынычево) проведены экспедициями под руководством М.П. Кучеры и Д.Я. Телегина в 1970-х гг. [Кучера, Юра, 1986; Телегін, Круц, Степанчук, 1983]. Позднезарубинецкие находки были также выявлены при раскопках многослойного поселения Мартыновичи на р. Уж. В ходе охранных раскопок 1990-х гг. Киевского областного управления культуры частично исследованы поселения Обухов-13 и Крюковщина [Петраускас, Петраускас, Шишкін, 1999].

На юге Среднего Поднепровья, в Черкасской обл., обнаружены поселения Чубовка-4 [Приходнюк, Петраускас, 1999] и Леськи-3 [Куштан, Сиволап, Терпиловський, 1999].

Наряду с публикациями отдельных памятников, начиная с 1970-х гг. появились статьи обобщающего характера, в которых рассматривались вопросы хронологии, происхождения и роли

позднезарубинецких и киевских памятников в формировании раннесредневековых славянских культур [Даниленко, 1976, с. 65-93; Кравченко, Гороховский, 1979, с. 51-69; Кравченко, 1979, с. 74-92; Терпиловский, 1981]. Итоги изучения этого региона были подведены в кандидатской диссертации Н.С. Абашиной [1986], а также в соответствующих разделах совместных работ [Обломский, Терпиловский, 1991; Терпиловский, Абашина, 1992] и монографии [Терпиловский, 2004].

Исследование позднезарубинецких памятников в Подесенье началось с раскопок в 1955-1959 гг. Ф.М. Заверняева на селище у г. Почеп на р. Судость [Заверняев, 1969]. Одновременно поблизости А.К. Амброз исследовал подобное селище у с. Синьково, а также поселение Белокаменка на окраине Брянска. С конца 1950-х гг. в Подесенье начинает работу экспедиция П.Н. Третьякова, с 1966 г. исследования переносятся на территорию Черниговской обл. УССР. В 1966-1970 гг. на селищах Колодезный Бугор и Чулатово возле Новгорода-Северского были проведены раскопки [Горюнов, 1971; Третьяков, 1974], выявившие материалы типа Почепа. В 1976 г. Е.В. Максимовыми и Р.В. Терпиловским стационарно исследовалось позднезарубинецкое селище Киселевка-3 [Зеленецька, 1980].

Близким по общему керамическому набору к памятникам типа Грини оказалось поселение Змеевка на р. Снов возле Седнева [Горюнов, 1974]. Очевидно, аналогичны ему некоторые селища, обнаруженные выше по Снову, Крюкове и Замглаю в ходе разведок сотрудниками Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры Г.В. Жаровым, Т.Н. Майбородой (Жаровой), А.В. Шекуном, В.В. Простантиновой и А.Г. Пильником в конце 1980-х – начале 90-х г. (Прудец-2, Седнев-4, Миронова Гора-1, Законотопщина-5, Домограев-2). Характерная керамика (в том числе с расчесами), а также фибула типа Альмгрен-84 также выявлены во время раскопок начала 2000-х гг. В.П. Коваленко, А.П. Моци и Ю.Н. Сытого на территории известного Шестовицкого городища древнерусского времени.

В ходе работ Ю.Ю. Шевченко на поселении Белый (Высокий) Груд на окраине Чернигова и Т.Н. Вальковой на поселении Гребля обнаружены объекты, идентифицированные авторами раскопок как памятники типа Почепа. Впрочем, впоследствии выяснилось, что нижний горизонт указанных селищ представлен «классическими» зарубинецкими древностями верхнеднепровского варианта типа Чаплина, а верхний – ранними киевскими. Подобна ситуация также зафиксирована А.В. Шекуном и Р.В. Терпиловским [1993] на поселении Деснянка (Титова Речка).

Материалам Черниговского Подесенья посвящено несколько публикаций, а также разделы большой итоговой статьи П.Н. Третьякова [1974] и ряда монографий [Терпиловский, 1984; Обломский, Терпиловский, 1991; Терпиловский, Абашина, 1992].

Исследования на позднезарубинецких памятниках востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца проводились спорадически на протяжении конца 1950-х – начала 70-х гг. В это время осуществлены небольшие раскопки на поселениях Новодоновка-1 на Северском Донце [Митрофанова, 1965], Осиповка и Чернеччина на Орели [Телегін, Беляева, 1975]. При раскопках многослойного поселения у х. Вовки на р. Грунь было обнаружено несколько позднезарубинецких комплексов типа Гриней [Горюнов, 1981, с. 38-39, 42; Обломский, Терпиловский, 1991].

С 1970-х гг. систематические работы начались и в смежных с Украиной областях России. В частности, был выявлен ряд позднезарубинецких объектов на поселении Жерновец (раскопки А.А. Узянова). В 1978-1980 гг. группа памятников была обнаружена Е.А. Горюновым в верховьях Псла. Раскопки произведены на селищах Картамышево-2 и Шмырево [Горюнов, 1980, 1981; Горюнова, 2004]. В 1980-х гг. в этом районе продолжены раскопки на селищах Бобрава и Богдановка [Горюнова, 1985; 2004], а также на группе памятников у с. Гочево, в которую входило и позднезарубинецкое поселение Гочево-7. На территории Белгородской обл. в 1984-1989 гг. А.М. Обломским предприняты планомерные разведки в верховьях Ворсклы и Северского Донца, а также раскопки поселения Терновка-2 [Обломский, 1991, с. 150-217].

В 1980-х – 90-х гг. продолжались исследования и на территории Украины. Позднезарубинецкие объекты обнаружены в ходе раскопок многослойных поселений Занки [Дьяченко, 1993], Родной Край-1 (Ю.В. Буйнов), Колесники и Тимченки (М.В. Любичев) в Харьковской обл., Большие Будки-4 [Горюнова, Родинкова, 1999] и Песчаное в Сумской обл. [Журко, 1994].

В 1988-1993 гг. А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским проведены систематические работы на территории Сумской обл., имевшие целью заполнить лакуну между сравнительно хорошо изученными районами Среднего Поднепровья и водораздела Днепра и Дона. Объекты первых веков н.э. обнаружены в ходе раскопок поселений Рябовка-3, Солдатское-5, Березовка-2 на р. Ворсклице [Терпиловский, 1990; Обломский, Терпиловский, 1991; Обломский, 1992]. Разведки по Сейму, Пслу и их притокам также позволили выявить ряд позднезарубинецких поселений.

Многолетние разведки А.Б. Супруненко, И.Н. Кулатовой, Л.М. Луговой и др. на террито-

рии Полтавской обл. позволили обнаружить ряд пунктов с позднезарубинецкими находками, причем некоторые из них фигурировали еще в археологической литературе конца XIX – начала XX в. Небольшие раскопки были проведены на позднезарубинецком поселении в ур. Озеро на территории известного Бельского городища скифского времени [Супруненко, Терпиловский, 2000].

Результаты исследований памятников Днепровского лесостепного Левобережья изложены в серии статей различных авторов. Им посвящены разделы монографий А.М. Обломского [1991, 2002], Р.В. Терпиловского [2004] и их совместной работы [1991], а также часть монографии о памятниках Полтавской обл. [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005].

Если позднезарубинецкие памятники трех рассмотренных выше регионов так или иначе связаны с возникающими на их основе древностями киевской культуры, то памятники бассейна Южного Буга стоят несколько особняком: позднезарубинецкие традиции в этом регионе в более позднее время продолжения не имели. Речь идет о ряде памятников, открытых П.И. Хавлюком преимущественно в поречье р. Соб. Самые первые из них (могильник и поселение Рахны) были обнаружены в 1956 г. Разведки продолжались вплоть до 70-х гг., раскопки – до середины 80-х. Особый интерес представляет уникальный позднезарубинецкий могильник Рахны, исследованный рядом с селищем. К сожалению, эти материалы недостаточно введены в научный оборот, им посвящено лишь несколько коротких публикаций [Хавлюк, 1971; 1975а].

Отдельную культурно-хронологическую группу позднезарубинецких древностей составляют памятники типа Грини, не образующие более или менее компактного локального скопления. Единичные поселения этого круга исследованы в Среднем Поднепровье (Грини-1,2, Обухов-13, Решетки), на Днепровском Левобережье (Вовки, Рябовка-3, Раковка) и Подесенье (Змеевка) в ходе работ 1960-х – 90-х гг. таких авторов как Д.Я. Телегин, М.П. Кучера, Е.А. Горюнов, А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский и др., о чем шла речь выше. Материалы памятников типа Грини обобщены в работе А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского [1991], а позднее несколько дополнены в авторских монографиях обоих авторов [Обломский, 2002; Терпиловский, 2004]. Этими исследователями было высказано предположение о северном, верхнеднепровском, происхождении населения этой группы, о генетической связи его с памятниками типа Чечерск – Кистени пограничья зарубинецкой археологической общности и культуры штрихованной керамики. Тем не

менее, близкие по облику к памятникам типа Гриней материалы раннеримского времени в лесном Поднепровье были обнаружены сравнительно недавно [Колосовский, Куропаткин, 2002] и пока еще стационарно не исследовались.

На территории Верхнего Поднепровья П.Н. Третьяковым по материалам раскопок 50-х гг. были выделены памятники типа среднего слоя городища Тушемля [Третьяков, Шмидт, 1963, с. 12-14]. Сходство со среднетушемлинскими некоторыми поселений Верхнего Подвья и принадлежность всей группы к позднезарубинецкому горизонту было аргументировано А.Г. Фурасьевым [Фурасьев, 2000]. В настоящее время материалы этого круга зафиксированы на 50-ти поселениях [Шмидт, 1992, с. 136-137]. Большинство из них является городищами (Тушемля, Церковище и ряд других) в отличие от памятников лесостепи и юга лесной зоны, на которых укреплений не было.

В последние годы по материалам раскопок и разведок В.С. Вергей и В. Белевца (Белоруссия), а также археологов из Польши [Белявец, 2004] наметилось выделение еще одной, крайней западной группы позднезарубинецких древностей. Она локализуется в верховьях Припяти и в прилегающей части бассейна Западного Буга (памятники с керамикой типа Радость). К этой же группе, по-видимому, относятся позднезарубинецкие погребения могильника Гриневичи Вельки, известные с начала XX в. [Andrzejowski, 1999], некоторые захоронения, исследованные Ю.В. Кухаренко и отнесенные им к поморской культуре раннего железного века [Белявец, Вергей, 2005].

Самой восточной является изолированная от общего массива позднезарубинецких древностей группа поселений и могильников в бассейне р. Хопер. Честь ее открытия принадлежит А.А. Хрекову. Эталонными для позднезарубинецкого периода являются группа поселений у с. Шапкино, могильник Рассказань [Хреков, 1997а; 1997б]. Разведки и раскопки проводились им в этом регионе в 90-е гг., продолжаются и поныне.

Предварительные итоги изучения позднезарубинецких древностей на территории лесостепи России и Украины были подведены в монографии 1991 г. А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского [Обломский, Терпиловский, 1991]. Тем не менее, ряд ключевых памятников (Оболонь, памятники бассейна Южного Буга) в то время оказался недоступен для детальной обработки. Кроме того, за последние 10-15 лет исследован ряд новых поселений, материалы которых пока не введены в научный оборот. Все это вызывает необходимость вернуться к данной проблеме с учетом всего комплекса доступных данных.

2. Проблема выделения позднзарубинецких памятников и их интерпретации

Данная проблема оказалась тесно связанной со стремительным расширением источниковедческой базы, характерным для послевоенного развития советской археологии. Рост круга археологических данных сопровождался изменениями в оценке места тех или иных археологических общностей в процессе этногенеза и ранней истории славян.

Как известно, в конце 1940-50-х гг. доминировали чисто автохтонистские в своей основе концепции, чему способствовал рост самосознания славянских народов после завершения Второй мировой войны. Наличие объективно существовавших хронологических и территориальных лакун между отдельными звеньями, как правило, не мешало построению культурно-исторических схем, демонстрирующих преемственность развития местных племен от тшинцево-комаровской культуры эпохи бронзы до Киевской Руси. В частности, предполагалось, что черняховская культура возникла на основе зарубинецкой, как это доказывал еще в начале XX в. В.В. Хвойко. Однако по мере развития знаний о памятниках рубежа – первых столетий н.э. хронологические и типологические разрывы все сильнее бросались в глаза.

С момента выхода первых публикаций позднзарубинецкие материалы пользуются пристальным вниманием исследователей, изучающих как проблемы зарубинецкой культуры, так и общие вопросы славянского этногенеза в связи с развернувшейся в 1960-х – 70-х гг. и ведущейся поныне дискуссией о судьбах зарубинецкого населения. В современной историографии господствует направление в определении места позднзарубинецких памятников в системе культур Восточной Европы римского времени, которое условно можно назвать «линией П.Н. Третьякова – В.Н. Даниленко». Его особенностью является общий для всех авторов вывод, что зарубинецкая культура не исчезает бесследно. Традиции ее населения положили начало таким славянским культурам римского времени и раннего средневековья как киевская, колочинская, пеньковская и др. Позднзарубинецкие памятники в этой связи рассматривались как переходные между собственно зарубинецкими и киевскими, генетически связанные с зарубинецкими древностями.

В развернутом виде концепция о решающей роли зарубинецкой археологической общности в сложении системы славянских культур Восточ-

ной Европы раннего средневековья была изложена П.Н. Третьяковым в монографии «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге». По его мнению, на основе поздних зарубинецких памятников Верхнего Поднепровья и других регионов формируется культурная общность типа Посудичей – Смольяни на Десне, а также типологически близкие к ним пеньковские древности [Третьяков, 1966, с. 225-230, 259-273]. Впоследствии в трудах П.Н. Третьякова эта концепция существенных изменений не претерпела. В его последней монографии, опубликованной уже после смерти автора, излагаются те же идеи [Третьяков, 1982, с. 57-83], правда, с некоторыми поправками и дополнениями. Так, была высказана очень важная для изучения позднзарубинецкого периода мысль о значительном оттоке зарубинецких племен в период образования почепских памятников Подесенья с территории Среднего Поднепровья, которое в результате этого почти полностью обезлюдело. Указывалось, что этнический процесс в Поднепровье был весьма сложным и не ограничивался простой культурной эволюцией зарубинецкого населения [Третьяков, 1982, с. 57-59].

В.Н. Даниленко, общепризнанный первооткрыватель памятников киевского типа, подвел итог своим исследованиям лишь через четверть века после начала полевых работ в этом направлении. В обобщающей статье он выстраивал следующую культурно-эволюционную цепочку: от среднднепровского варианта зарубинецкой культуры через памятники I-III вв. Южного Буга и Трубежа к памятникам киевского типа Поднепровья и Подесенья, а от них к раннесредневековому «колочинскому этапу», памятникам типа Сахновка – Гончариха и Рипнев 2 на Вольни [Даниленко, 1976, с. 65-69]. Позднзарубинецкие древности I-II вв., по В.Н. Даниленко, являются переходными от зарубинецкой культуры к «киевскому этапу» и, следовательно, продуктом прямой эволюции зарубинецких традиций.

Именно в этом ключе позднзарубинецкие поселения Среднего Поднепровья рассматривались в статье Н.М. Кравченко и Е.Л. Гороховского [1979]. Представленный на них керамический комплекс трактовался как переходный от зарубинецкого к раннему киевскому [Кравченко, Гороховский, 1979, с. 51-60]. Для территории Верхнего Поднепровья концепция прямой эволюции зарубинецких древностей в раннесредневековье была выдвинута Л.Д. Поболем [1971, с. 178-179; 1983, с. 37-42]. Почепские памятники Подесенья Л.Д. Поболь отождествлял с собственно зарубинецкими и описывал в качестве «четвертого локального варианта» зарубинецкой культуры [Поболь, 1973, с. 23]. В состав зарубинецкой культуры включал позднзарубинецкие памятники Южного Буга и П.И. Хавлюк [1971, с. 95].

Противоположную «направлению П.Н. Третьякова – В.Н. Даниленко» концепцию отстаивал Ю.В. Кухаренко, считавший, что зарубинецкие традиции не имеют продолжения на территории Восточной Европы после конца I в. Несколько более поздними, возможно, являются лишь некоторые погребения могильника Гриневици Вельки [Кухаренко, 1964, с. 53]. Почепские древности Подесенья исследователь считал позднеохновскими [Кухаренко, 1964, с. 5,8,54]. В дальнейшем он отрицал какую-либо связь с зарубинецкой культурой и памятников типа Марьяновки – Рахнов на Южном Буге, относя их к культуре Пояншти – Лукашевка [Кухаренко, 1978, с. 142-146].

Хотя взгляды Ю.В. Кухаренко и не нашли прямых последователей, его идеи оказали определенное влияние на формирование концепции «полесского белого пятна», изложенной в ряде работ Д.А. Мачинского и М.Б. Щукина. Вкратце она сводится к следующему. На большей части территории зарубинецкой культуры, после прекращения ее существования, образуется обширная зона «археологической пустоты», локализованная в Припятском Полесье и на северо-востоке Волыни. Вплоть до появления древностей типа Брест-Тришин в эту зону включается и Западная Волынь. Большая часть «белого пятна» заполняется памятниками археологии лишь с возникновением культуры Корчак [Щукин, 1976, с. 77-78; Мачинский, 1976, с. 93-94]. Памятники, частично продолжающие развитие зарубинецких традиций (могильник Гриневици Вельки, памятники типа Марьяновки – Рахнов, Лютеж, поселения киевского типа Поднепровья, почепские Подесенья и Абидня в Белоруссии) располагаются по границам «белого пятна». Относительно их культурной принадлежности исследователи высказываются осторожно: они не отрицают их связь с зарубинецкой культурой, но в то же время подчеркивают их отличие от последней [Щукин, 1976, с. 78; Мачинский, 1976, с. 93-94]. В дальнейшем М.Б. Щукин вводит понятие распада зарубинецкой культуры, а древности I–II вв. Подесенья, Побужья и Поднепровья предлагает именовать «поздзарубинецкими» [Щукин, 1979, с. 69,74] или «горизонтом Рахны – Лютеж – Почеп» [Щукин, 1986]. Последнее понятие автор использовал для обозначения неоформившейся новой археологической общности.

В какой-то мере примиряющей оба направления является точка зрения Е.В. Максимова, изложенная в его последней монографии. Позднзарубинецкие памятники Подесенья и Побужья исследователь включает в состав зарубинецкой культуры в качестве особых локальных вариантов («регионов»), а также ставит в общую схему ее периодизации (они соответствуют «позднему» и «заключительному» этапам) [Максимов, 1982, с. 9-10, 28-30]. В то же время, появление зарубинецкого

населения на Южном Буге и Десне он связывает с его оттоком из Среднего Поднепровья под ударами сарматов. На Среднем Днепре в этот период заустевают «многолюдные и многочисленные поселения», а в середине – конце I в. н.э. зарубинецкие племена уходят и из Припятского Полесья [Максимов, 1982, с. 123, 29]. Иными словами, Е.В. Максимов описывает те же кризисные явления на зарубинецкой территории, что и М.Б. Щукин, однако позднзарубинецкие памятники не считает нужным выделять в особую, отличную от зарубинецкой культуры, археологическую общность.

Не отделяют позднзарубинецкие древности от «классических» зарубинецких и такие авторы как Л.А. Цыңдровская [1988] и С.П. Пачкова [2006, с. 134].

Иную позицию отстаивают А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский. В работах середины 1980-х гг. и особенно совместной монографии 1991 г. авторами проводится мысль о позднзарубинецких памятниках как самостоятельном культурном явлении, отличном как от предшествующей зарубинецкой, так и от последующей киевской культуры. Этот же подход сохранен и в более поздних монографиях А.М. Обломского [2002] и Р.В. Терпиловского [2004].

Подчеркнем, что термин «позднзарубинецкие» с нашей точки зрения более оправдан, чем «поздзарубинецкие», которым оперируют некоторые петербургские исследователи. Киевская культура, действительно, генетически связана через памятники I–II вв. с зарубинецкой культурой, а ее носителями, очевидно, являлись главным образом близкие потомки зарубинецких племен. В этом смысле, имея в виду сохранение определенных зарубинецких традиций, П.Н. Третьяков, например, называл позднзарубинецкими памятники всей первой половины I тыс. н.э. В то же время облик материальной культуры III–V вв. существенно отличается от памятников I–II вв. и тем более рубежа н.э., а также от культур Поднепровья V–VII вв. Поэтому целесообразно рассматривать в качестве позднзарубинецких именно памятники I–II вв., сохраняющие сильную зарубинецкую традицию, а памятники III–V вв., вещевой комплекс которых выразительно отличается от соседних культур и от диахронных древностей того же ареала, объединить в самостоятельную, киевскую, археологическую культуру [Терпиловский, 1984, с. 47-50].

Следует подчеркнуть, что позднзарубинецкие памятники характеризуются значительным разнообразием, обусловленным той или иной степенью сохранности «классических» зарубинецких традиций, наличием других этнокультурных компонентов и др. В силу этой разнородности их сложно объединить в отдельную археологическую культуру. Учитывая распространение позднзарубинец-

ких памятников на огромном пространстве в сочетании с объединяющим их сравнительно небольшим числом интегрирующих признаков, М.Б. Шукин предпочитает определять это явление как «горизонт Рахны-Почеп» [Шукин, 1986]. По своему содержанию к нему близко понятие «культурная группа», использовавшееся Д.Н. Козаком применительно к синхронным волыно-подольским или зубрецким памятникам. При этом подразумевается, что культурная группа характеризуется наличием нескольких этнокультурных компонентов, находящихся в процессе интеграции. Исследователь отмечает также, что культурная группа является самостоятельным археологическим явлением, отражающим начальный этап формирования археологической культуры [Козак, 1992, с. 4].

Именно поэтому некорректным, на наш взгляд, является использование применительно к памятникам раннеримского времени термина «позднзарубинецкая культура», который иногда можно встретить в литературе [Акимов, 2005, с.37].

Таким образом, в изучении позднзарубинецких памятников в последнее время достигнуты определенные успехи. Впрочем, проблему нельзя считать окончательно решенной. Причины этого коренятся, в частности, в недостаточно равномерной изученности позднзарубинецких памятников. Особенно это замечание относится к памятникам типа Марьяновки на Южном Буге и типа Гриней, не имеющим территориальной целостности. Лишь в последние годы наблюдается существенный рост источниковедческой базы, сопровождаемый появлением подробных публикаций и специальных исследований. Постепенно вводятся в научный оборот материалы таких опорных памятников, как Оболонь, без которых трудно было объективно представить типологические, хронологические и локальные особенности рассматриваемых древностей. Вместе с тем, неразработанность ряда теоретических вопросов зачастую вызывает появление обобщенных представлений о сути позднзарубинецких памятников, их месте в системе археологических культур Восточной Европы I тыс. н.э.

В целом, в истории изучения позднзарубинецких памятников можно выделить три периода:

1. Рубеж 1940/50-х – 70-е гг. – «эпоха первоначального накопления» данных о позднзарубинецких памятниках, рассматриваемых в рамках «классической» зарубинецкой культуры. Начало этого периода совпадает со временем появления первых концепций «зарубинецкой линии» славянского этногенеза (В.Н. Даниленко, П.Н. Третьяков и др.).

2. Конец 1970-х – середина 80-х гг. – «эпоха переосмысления», период проведения серьезных источниковедческих исследований (изучение керамического комплекса, хронологии и др.).

Появление представлений о позднзарубинецких памятниках как об особом культурно-хронологическом явлении, отличном и от зарубинецкой, и от киевской культур.

3. С конца 1980-х гг. – «период подведения итогов» на уровне создания обобщающих работ, учитывающих конкретные исследования позднзарубинецких памятников в полном объеме. Как правило, они рассматриваются в одном блоке с наследующими им киевскими древностями. Одновременно основные усилия направляются на изучение этнокультурных процессов в отдельных регионах, заполнение территориальных и хронологических «белых пятен».

В заключение отметим, что проведенные исследования позднзарубинецких древностей позволяют предпринять комплексное изучение всего круга памятников для создания полноценной источниковедческой базы, на основе которой возможна реконструкция культурно-исторических процессов, протекавших в лесостепном Поднепровье и Южном Побужье в первых веках н.э.

3. Распад зарубинецкой культуры и его причины

Около рубежа нашей эры происходит распад латенских традиций, выразившийся в исчезновении таких культур как зарубинецкая, поянешти-лукашевская, ясторфская и др., а также в значительной трансформации пшеворской и оксывской культур. Вместе с тем, зарубинецкая культура Поднепровья не исчезает бесследно. Развитие ее традиций продолжается на ряде памятников лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Тем не менее, налицо прерывистость развития зарубинецких древностей, отмеченная рядом исследователей [Шукин, 1979, с. 74; Максимов, 1982, с. 25-28].

Признаками кризиса, на наш взгляд, являются исчезновение зарубинецких памятников Припятского Полесья в течение сравнительно узкого промежутка времени, прекращение функционирования всех зарубинецких могильников и ряда поселений Поднепровья, массовые миграции населения с этих коренных зарубинецких территорий в различных направлениях вплоть до Южного и Западного Буга на западе и до верховьев Днестра, Десны и бассейна Дона на севере и востоке; изменение топографии поселений (массовое появление селищ на низких припойменных участках или в пойме) и др.

Кризис зарубинецкой культуры – культуры латенских традиций, вызвал изменение ее структуры, что дало толчок к возникновению нового культурного явления в новых исторических условиях раннеримского времени [Обломский, Терпи-

ловский, 1991, с. 9-10]. Понятие кризиса (распада) зарубинецкой культуры служит основанием для объединения позднезарубинецких памятников в некую общность и для обособления их от собственно зарубинецких. Напомним, что «позднезарубинецкими» мы называем памятники, возникшие во время распада зарубинецкой культуры или после него и распространенные вплоть до появления культур позднеримского времени (черняховской и киевской).

В этой связи хронологический диапазон бытования позднезарубинецких памятников можно определить таким образом: нижней границей их является дата кризиса зарубинецкой культуры или, другими словами, верхняя дата зарубинецких памятников. В работах М.Б. Шукина она устанавливается в пределах 40-х гг. н.э. – середины I в. н.э. [Шукин, 1979, с. 68; 1986, с. 29]. Кризис зарубинецкой культуры, по мнению А.М. Обломского, наступает несколько позднее – в третьей четверти I в. н.э. [Обломский, 1987]. Скорее всего, распад зарубинецкой культуры был не единовременным актом, а рядом последовательных событий середины-третьей четверти I в. н.э.

Верхнюю дату позднезарубинецких памятников в целом ограничивает возникновение сменившей их на данной территории киевской культуры, а также памятников черняховской культуры, распространившихся в Среднем Поднепровье и Днепровском лесостепном Левобережье в середине III в. н.э. Поскольку возникновение киевской культуры относится к концу II – началу III в., то эту же дату можно считать максимально допустимым верхним рубежом предшествующих позднезарубинецких памятников.

Причины кризиса зарубинецкой культуры до настоящего времени окончательно не выяснены. Ю.В. Кухаренко [1961, с. 19] предполагал, что зарубинецкое население покидает Припятское Полесье под натиском готов. Однако после уточнения хронологии могильников типа Брест-Тришин выяснилось, что между финалом зарубинецких классических памятников и приходом готов в Полесье имеется хронологический разрыв – зарубинецкие могильники перестают функционировать на рубеже позднего латена и периода V1, а наиболее ранние вельбарские комплексы относятся к стадии C1 [Каспарова, 1989].

М.Б. Шукин предложил концепцию сарматского вторжения на территорию Среднего Поднепровья, согласно которой распад зарубинецкой культуры и отток населения за пределы ее ареала был вызван нашествием сарматов [Шукин, 1972, с. 52]. При этом сарматское нашествие связывается с общим широким движением кочевников на запад, начавшимся в конце I в. до н.э. [Шукин, 1986, с. 30-31]. Близкие точки зрения излагались и в работах других авторов [Третьяков, 1982, с. 57-58; Максимов, 1982, с. 77-78; Каспарова,

1986, с. 16]. В качестве возможных причин кризиса зарубинецкой культуры назывались и некоторые другие «внутренние» явления (в том числе экологические изменения), однако по сравнению с «сарматским ударом» они признавались второстепенными [Каспарова, 1986, с. 13-14].

На наш взгляд, концепция сарматского нашествия не объясняет всех явлений, которые сопутствовали распаду зарубинецкой общности. Следы продвижения сарматов фиксируются только на территории Среднего Поднепровья, а поселения и могильники были покинуты в течение короткого времени по всему ареалу зарубинецкой культуры, даже там, где сарматов никогда не было: в Верхнем Поднепровье и Полесье. Иногда считают, что «разгром сарматами зарубинецких поселений на Среднем Днепре не мог не отразиться на жизни родственных племен в Полесье» [Каспарова, 1986, с. 16]. Однако, несмотря на то, что контакты между населением различных вариантов зарубинецкой культуры существовали, среднеднепровские, полесские и верхнеднепровские племена развивались достаточно обособленно друг от друга. Поэтому сарматское нашествие не могло привести к оттоку зарубинецкого населения из лесной зоны: достаточно замкнутые полесская и верхнеднепровская общности могли бы существовать и дольше, после опустошения Среднего Поднепровья.

Не понятно также, почему в позднезарубинецкий период (то есть во время максимальной угрозы вторжения кочевников) прекращается строительство укреплений на поселениях. Перенос поселений в пойму иногда объясняют тактическими соображениями: пойменные поселки защищены болотами [Шукин, 1986, с. 29]. Однако позднезарубинецкие селища расположены не только в пойме, но и на первой надпойменной террасе, которая не менее доступна для врагов, чем кромка коренного берега.

Представляется, что причины распада зарубинецкой культуры должны иметь не локальный (готское или сарматское нашествие), а глобальный характер, то есть действовать по всему ее ареалу в равной степени. Кроме миграций, они должны вызвать перемены в способе ведения хозяйства и сопутствующие им изменения в социальной организации населения. На наш взгляд, распад зарубинецкой культуры был вызван комплексом различных причин, среди которых важное место занимали экологические процессы. Возможно, именно нарушение водно-температурного баланса в Восточной Европе в конечном итоге определило хозяйственные, общественные и идеологические перемены. Подробно этот вопрос разработан в специальном исследовании [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1991]. Здесь же отметим лишь, что такая гипотеза вполне объясняет массовые миграции

зарубинецкого населения и перенос селищ на более влажные участки речных долин. Не исключено, что изменения климата явились общей причиной круга восточноевропейских миграций I-II вв., наиболее мощными из которых были движение сарматов в степной зоне, распад зарубинецкой культуры, передвижение готов из Прибалтики на Волынь.

Сформировавшиеся в этих условиях позднезарубинецкие памятники характеризуются значи-

тельным разнообразием, о чем уже говорилось выше. Поэтому их разнородность предполагает отдельное, а не суммарное рассмотрение древностей того или иного типа. При этом основное внимание будет уделено характеристике керамического комплекса и домостроительства, а также вопросам хронологии. В этой связи анализируются фибулы, выемчатые эмали, бусы и другие вещи, имеющие первоочередное значение для датировки позднезарубинецких памятников.

ГЛАВА 2.

Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга

(А.М. Обломский)

Общие замечания

Памятники типа Марьяновки расположены на территории Винницкой обл. Украины в лесостепной части бассейна Южного Буга (рис. 2; 3). От ареала позднезарубинецких древностей типа Лютежа, локализующихся в Среднем Поднепровье, они отделены серией сарматских погребений, известных на водоразделе Южного Буга и Днепра [Щукин, 1972; Симоненко, 1981]. Последние, в основном, датируются I в. н.э., т.е. синхронны позднезарубинецким памятникам [Симоненко, 1981, с. 62-66].

В своей последней публикации, вышедшей уже после смерти автора, П.И. Хавлюк указывает, что материалы зарубинецкого круга происходят из 99 пунктов [Хавлюк, 2003, с. 176]. На учете в Винницком областном управлении культуры стоит 87 памятников. По всей видимости, не все они относятся не только к позднезарубинецкому периоду, но и к зарубинецкой культуре. В бассейне Южного Буга известно, например, поселение подклошево-поморской культуры Райки, которое П.И. Хавлюк тоже считал зарубинецким (описание и анализ находок с этого селища см. в заключительной части настоящего раздела). По этой причине для свода отобраны только те памятники, материалы которых А.М. Обломскому и Ю.Ю. Башкатову удалось осмотреть в фондах Винницкого краеведческого музея, и некоторые известные по публикациям пункты, явно относящиеся к позднезарубинецкому кругу древностей.

В результате в свод вошли всего восемь поселений и один могильник. Все они расположены в центральной и восточной частях Винницкой обл., в основном, в бассейне р. Соб и на прилегающем к нему участке долины Южного Буга (рис. 3).

Честь открытия позднезарубинецких памятников в этом регионе принадлежит П.И. Хавлюку.

Самые первые из них (могильник и поселение Рахны) были обнаружены им в 1956 г. Разведки продолжались вплоть до 70-х гг. В 1963 г. открыто поселение Марьяновка, в 1970 г. – Ометинцы, в 1974 г. – Соколыцы и Шурильцы, в 1975 – Париевка и Пархомовка. Планомерные раскопки позднезарубинецких памятников проводились им с 1966 по 1985 г. В 1966–1967 гг. исследована Марьяновка, вероятно, в 1967 г. – Носовцы, в 1968–1970 гг. – Рахны, в 1975 г. – Париевка, в 1977, 1978, 1985 гг. – Пархомовка.

Позднезарубинецкие материалы своих раскопок, правда, в очень краткой форме, П.И. Хавлюк включил в две публикации [Хавлюк, 1971; 1975а]. Сразу же после выхода первой из них древности бассейна Южного Буга вызвали большой интерес у исследователей. Поскольку информации явно не хватало, то и отношение к этим памятникам было разным.

С.П. Пачкова считала их неотъемлемой частью зарубинецкой культуры и рассматривала в общем контексте ее материалов [Пачкова, 1974]. По мнению Е.В. Максимова, Южное Побужье представляло собой особый, поздний регион зарубинецкой культуры, сформировавшийся в I в. н.э. Кроме зарубинецких, здесь представлены и пшеворские элементы [Максимов, 1982, с. 117,118, 130,131; 1991, с. 4–7]. Южнобугские древности были одним из эталонов выделенного М.Б. Щукиным т.н. горизонта Рахны – Почеп, сформировавшегося тогда, когда классические зарубинецкие памятники уже прекратили свое существование [Щукин, 1986]. А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский рассматривают древности бассейна Южного Буга в качестве одной из групп памятников позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта – особого явления, возникшего после распада зарубинецкой культуры [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 102,103; Обломский, 1993]. Имеется и негативная точка

зрения. Ю.В. Кухаренко считал, что памятники Южного Побужья, наряду с приднестровскими, относятся не к зарубинецкому кругу древностей, а к культуре Поянешти-Лукашевка [Кухаренко, 1978].

К сожалению, информация, которая содержится в отчетах, также весьма лапидарна: отсутствуют планы объектов в Марьяновке, Носовцах, погребений на могильнике Рахны. Сами тексты отчетов – очень короткие, они зачастую не превышают нескольких машинописных страниц. Описи находок есть далеко не везде, а в состав тех, что приложены к отчетам, включены далеко не все вещи, что стало очевидным после осмотра фондов Винницкого краеведческого музея. Большинство полевых чертежей до нас не дошли, правда в архиве Винницкого музея хранится большая часть дневников раскопок. Фотографий в отчетах либо очень мало, либо нет совсем.

В результате на поселениях практически невозможно выделить закрытые комплексы. Принадлежность керамики и вещей к тем или иным постройкам условна. Она восстановлена по музейным шифрам и упоминаниям вещей в документации.

Коллекции разведок и раскопок первоначально хранились в Винницком пединституте, а после смерти П.И. Хавлюка были переданы в краеведческий музей, но, к сожалению, не полностью. Часть находок утрачена. Получить полное представление о материалах П.И. Хавлюка уже никому не удастся.

Одна из задач настоящей монографии применительно к Южному Побужью – спасти информацию о позднезарубинецких древностях и сделать ее доступной читателю. В каталоге памятников, приложенном к настоящему своду, мы постарались максимально учесть то, что сохранилось. В описании как памятников в целом, так и конкретных объектов использованы все виды документации, которые были в нашем распоряжении: от публикаций до архивных материалов. Все имеющиеся рисунки керамики и вещей (как А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова, так и П.И. Хавлюка) в монографии приведены (рис. 5-71). Пользуясь случаем, сердечно благодарим М.В. Потупчика (Винницкое управление культуры) и М.И. Потупчик (Винницкий краеведческий музей) за оказанную нам помощь при работе в архивах и фондах.

* * *

Топография позднезарубинецких поселений бассейна Южного Буга несколько отличается от традиционной для этого периода (более подробно о топографии, размерах, планировке позднезарубинецких селищ и типах построек см. в главе 6). Из восьми поселений только два (Пархомовка и Марьяновка) находятся на краю первых надпойменных террас рек. Марьяновка, при этом, зани-

мает и часть склона более возвышенного плато. Прочие расположены на вершинах и склонах плато рек (Рахны, Соколыцы, Шурильцы), ручьев (Носовцы, Париевка), обводненного оврага (Ометинцы). Большинство селищ привязаны к малым речкам и ручьям, и лишь два находятся в долине Южного Буга (Соколыцы, Шурильцы).

По площади все поселения довольно большие: от 4 до 16 га, правда, поскольку они зачастую многослойные, не всегда понятно, какие размеры имеют именно позднезарубинецкие участки памятников. Из сооружений П.И. Хавлюком зафиксированы остатки не менее 13-ти наземных домов с глинобитными стенами каркасной конструкции, четыре полуземлянки (одна из них трактуется как хозяйственная), 25 хозяйственных ям. На поселении Рахны исследовано скопление обожженных костей животных, около которого были найдены серия пряслиц и керамика. Этот объект интерпретирован автором раскопок как «жертвенное место» (подробное описание см. в каталоге памятников).

На единственном в регионе могильнике Рахны исследовано 12 погребений. Сведения об обряде захоронения и вещевом комплексе приводятся в табл. 1, описание – в каталоге памятников.

Все погребения представляют собой трупосожжения. Одно из них (№3) совершено на месте (в овальной яме размерами 1,8 x 1,9 м прослежены следы обожженности, на дне были остатки сгоревшего дерева), прочие – на стороне. Глубины могильные ям – очень небольшие: 0,1 – 0,45 м от дневной поверхности по конкретным данным. П.И. Хавлюк в публикации 1971 г. называет глубину 0,4-0,6 м [Хавлюк, 1971, с. 89]. Поскольку по сведениям П.И. Хавлюка пашня на территории могильника местами достигала 0,35 м вглубь, то не удивительно, что большинство захоронений в той или иной степени разрушены плугом (№№ 2, 4-6, 8, 10). В дневниках П.И. Хавлюка отмечены многочисленные находки кальцинированных костей и оплавленных вещей на поверхности пашни. На плане могильника, который приводится на рис. 17, обозначены, таким образом, только сохранившиеся сравнительно неплохо захоронения. На самом деле на исследованном участке могильника их было гораздо больше.

Погребальные ямы (там, где их удалось проследить) были довольно большими: длиной от 1,45 до 2 м и шириной от 1 x 1,8 м. Как правило, захоронения были безурновыми. Лишь в одном случае (погр. 9, скопление А) отмечено, что кости находились как рядом с сосудом, так и в нем. Большинство погребений были индивидуальными (в яме находилось одно скопление костей), но известны и коллективные с двумя (погр. 2 и 10) и четырьмя (погр. 9) кучками костей. Для погр. 9 и 10 зафиксирована концентрация инвентаря отдельно у каждого скопления.

В описаниях отсутствуют данные, какое количество костей находилось в каждом захоронении, и были ли они очищенными или смешанными с остатками погребального костра? На помещенной в публикации фотографии видно, что костей было довольно много, и они были крупными [Хавлюк, 1971, рис. 8]. Отмечено, также, что остатки черепа зачастую лежали сверху [Хавлюк, 1971, с. 89].

Во всех захоронениях, кроме двух (№№11,12) отмечены сосуды-приставки. С одним скоплением костей их могло быть связано от одного до шести, но чаще всего сосудов было один-два. Керамика из могильника сильно повреждена, совершенно целых форм мало. Причиной этого, по-видимому, послужили не ритуалы, а разрушение погребений распашкой. Обычай специально разбивать сосуды не отмечено. В погребения ставились лепные миски, горшки и кружки (как правило, столовые лощеные, но встречены и сосуды с шероховатой поверхностью). В двух случаях в качестве приставок использовались сероглиняные гончарные античные миски, в одном – красноглиняная амфора (рис. 19: 1–3,8; 20: 1–3; 22: 1,16; 23: 3,4; 24: 17,18; 25: 2).

Сосуды не обожжены повторно, т.е. в погребальном костре они не побывали. Они могли стоять на костях сверху, находиться среди или около них.

Прочие вещи (не керамика) обнаружены во всех погребениях, кроме №№3 и 6. Почти все вещи испытали воздействие огня. Предметы из бронзы оплавлены, большинство из них распалось на куски. Обнаружены, также, слитки бронзы. Стекланные бусы почти все расплавились, первоначальную форму их восстановить невозможно. Сердоликовые бусы, которых на могильнике обнаружено 28 экз., изменили свой цвет и фактуру. Вещи лежали, как правило, среди костей и лишь в одном случае (погр. 7) – около них.

Захоронения в Рахнах соответствуют первой и третьей модели трупосожжения по О.В. Петраускасу, защитившему кандидатскую диссертацию по истории обряда кремации на территории Среднего Поднепровья в I тыс. н.э. В соответствии с первой моделью сожжение покойника происходит за пределами могильника. После кремации остатки костей и вещей, которые были на умершем, собираются и переносятся в могилу, где и захораниваются вместе с погребальным инвентарем, в т.ч. и с сосудами-приношениями [Петраускас, 1993, с. 51]. Подобным образом совершено большинство погребений в Рахнах.

При использовании третьей модели тело умершего сжигается непосредственно на территории могильника. Кальцинированные кости и сохранившиеся вещи помещались в неглубокие ямки или оставались на поверхности. Остатки костра могли быть убраны или оставлены на месте [Пет-

раускас, 1993, с. 52,53]. Этой модели соответствует погребение 3 Рахнов.

О.В. Петраускас отмечает сходство устройства погребений в Рахнах с классическим зарубинецким. В то же время, наблюдаются и различия. Сожжение умерших производится не только за пределами могильника, но и непосредственно на его территории. Зарубинецкая «относительная однородность» погребального инвентаря исчезает [Петраускас, 1993, с. 141]. В Рахнах имеются как захоронения как с очень большим количеством вещей, так и только с сосудами-приставками.

Необходимо отметить, что погребальный обряд в большинстве регионов киевской культуры, которая, в целом, формируется на позднезарубинецкой основе, совершенно иной. Как правило, для него характерно помещение очень небольшого количества мелких кальцинированных костей вместе с углем в неглубокие ямки на разных уровнях. Кроме костей, в этих ямках могут находиться отдельные обломки сосудов и другие предметы [Терпиловский, 2004а, с. 38–40]. Разумеется, детали устройства могил могут различаться, но таков основной принцип захоронений. В раннем киевском периоде погребальный обряд, зафиксированный в Рахнах, пока находит продолжение только на могильнике Инясево в бассейне Хопра (Верхнее Подонье), где кальцинированных костей в могилах сравнительно много, они лежат скоплениями, имеются сосуды-приставки, хотя, в целом, инвентарь значительно беднее, чем в Рахнах [Хреков, 1997а, с. 325–327].

Вещевой комплекс

Лепная керамика

Лепная керамика составляет подавляющее большинство находок на поселениях. Встречена она также и в погребениях могильника Рахны. К сожалению, как указано выше и в каталоге памятников, состояние коллекций таково, что определить соотношение посуды с различной фактурой и обработкой поверхности, а также форм, не представляется возможным. Приходится оперировать терминами вроде «больше», «меньше», «чаще» и «реже».

По характеру обработки поверхности лепная посуда делится на грубую и лощеную. Груболопные сосуды численно преобладают. Они заглажены пальцами, от чего остаются характерные борозды. В нескольких случаях средняя и нижняя части сосуда были искусственно ошершавлены, т.е. сделаны нарочито грубыми. Этот эффект (т.н. хрупчатой поверхности) достигался дополнительным обмазыванием горшка слоем жидкой глины (рис. 53: 6). Состав примесей в керамическом тесте неустойчив. Ими могли служить шамот,

дресва, мелкая крошка какого-то минерала, от которого остаются блестки, органика. Довольно часты и различные сочетания этих примесей.

Большинство груболепных горшков не орнаментированы. Венчики сосудов иногда бывают украшены пальцевыми вдавлениями (рис. 9: 4; 31: 1; 41: 1; 47: 5; 50: 3; 53: 2,8) (в одном случае они расположены в шахматном порядке – рис. 10: 5), но чаще – насечками (рис. 9: 5; 10: 1-3,6,7; 36: 14; 38: 6; 47: 7,8; 50: 5; 51: 7; 53: 3; 56: 1; 57: 2,5; 58: 8,9; 64: 5), нанесенными ножом или палочкой. Тулово горшков изредка орнаментировалось рядами горизонтально расположенных пальцевых вдавлений, сгруппированных по два (рис. 57: 1; 62: 2). В одном случае пояс пальцевых вдавлений был помещен на днище сосуда (рис. 41: 8). Иногда сосуды снабжались налестками в виде округлых выступов (рис. 53: 1,4) или X-овидных псевдоручек (рис. 33: 6). Известны также налестчатые валики, причем поверхность некоторых горшков ниже валика была хрповатой (рис. 53: 6; 57: 4).

В основном, груболепными были плоские или со слабо намеченной закраиной диски, хотя встречались аналогичные лощеные и подлощенные изделия (рис. 34: 1,2,9,10; 38: 1,3; 55: 10; 66: 9). Как правило, они не орнаментированы, хотя на поверхности одного из них видны штрихи (рис. 38: 1), а на обломке другого – ряд вдавлений, очевидно бывший частью луча, направленного из центра изделия к его краю (рис. 55: 10).

Крышки представляли собой отрезок сферы или конуса с кольцеобразной ручкой, имевшей вдавление посередине. Кроме одного лощеного экземпляра (рис. 38: 5), все они груболепные. Орнаментирована лишь одна из них: как и горшки, насечками по краю (рис. 47: 8).

Лепная лощеная посуда достаточно часта. Сосуды, как правило, очень хорошо залощены (до глянцевого блеска), хотя встречаются и т.н. подлощенные экземпляры, которые заглажены значительно слабее. В керамическом тесте содержатся примеси дресвы, шамота и, вероятно, песка. Зерна дресвы и шамота – гораздо мельче, чем в тесте, из которого изготовлены груболепные сосуды. Цвет поверхности лощеных сосудов был разным: от черного, серого и коричневого до желтого и красного, что, по всей видимости, зависело от условий обжига. Часто сосуды были пятнистыми. Лощеную поверхность имеют некоторые горшки, как сказано выше, отдельные диски и крышки, почти все миски и все известные в бассейне Южного Буга кружки. Все сосуды не орнаментированы. Исключением является обломок одного из них с расчесами, нанесенными до обжига (рис. 6: 12).

Первая классификация позднезарубинецкой керамики, как особого комплекса форм, отличного от классического зарубинецкого, была дана в монографии А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского

1991 г. [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 2, табл. 1]. Впоследствии Р.В. Терпиловский несколько видоизменил эту систему [Терпиловский, 2004а, с. 19,20, рис. 1]. При этом обозначения таксонов остались очень похожими, хотя сами таксоны получились несколько другими. Для того, чтобы не создавать путаницы, ниже даются определения форм по обеим типологиям. В ряде случаев использована, также, классификация С.П. Пачковой.

Горшки

1. Таксоны I,1,а,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; I,1,А и I,1,Б по Р.В. Терпиловскому 2004а г. Округлобокие сосуды с отогнутым наружу изогнутым венчиком и выпуклой дугой в верхней части профиля. Стенки нижней части сосуда – прямые, слегка вогнутые или выпуклые. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше. Груболепных горшков – 22 экз. (Марьяновка – рис. 9: 5,6; 11: 1,2; Рахны, поселение – рис. 31: 3; 33: 4; 35: 5; Шурицы – рис. 38: 6; Пархомовка – рис. 47: 3; 53: 2,4,5,7; 56: 1,3,4; 57: 3,5; 58: 1; 61: 3; 62: 6; 65: 7), лощеных – 6 экз. (Марьяновка – рис. 6: 1; Пархомовка – рис. 49: 1,2,7; 51: 3,6).

2. Таксон I,1,б по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. Округлобокий сосуд с прямым венчиком и выпуклой дугой в верхней части профиля. Перегиб в месте шейки – плавный. Известен обломок одного экземпляра с лощеной поверхностью (Марьяновка – рис. 6: 13).

3. Таксон I,1,в по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. Округлобокие сосуды с прямым отогнутым наружу раструбообразным венчиком. Перегиб шейки изнутри зачастую подчеркнут ребром. В верхней части профиля ниже шейки – выпуклая дуга. Стенки нижней части сосуда – прямые, слегка вогнутые или выпуклые. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше. Все сосуды этого таксона – груболепные. Всего учтено 5 экз. (Марьяновка – рис. 9: 1,4; Рахны, могильник, погребение 9 – рис. 24: 2; Сокольцы – рис. 36: 15; Пархомовка – рис. 47: 1).

4. Тип 26.XIV по С.П. Пачковой [Пачкова, 2003, рис. 10: 8]. Из Марьяновки происходит обломок лепного лощеного сосуда с прямым утолщенным слегка отогнутым наружу венчиком, резким перегибом под ним около верхней части средней трети высоты (рис. 6: 2). Не исключено, что он принадлежал кружке, аналогия которой происходит с поселения Оболонь в черте г. Киева с классическими зарубинецкими и позднезарубинецкими напластованиями /Шовкопляс, Терпиловский, 2003, рис. 5: 6/

5. Таксон I,3-а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; I,2,А и I,2,Б по Р.В. Терпи-

ловскому 2004 г. Округлобокие закрытые горшки (диаметр венчика меньше или равен диаметру наибольшего расширения тулова). Венчики сосудов – изогнутые, отогнутые наружу, дуга профиля между шейкой и бочком выражена слабо. Стенки нижней части – вогнутые или прямые, максимальное расширение приходится на середину высоты. Учтены 3 груболепных экземпляра (Марьяновка – рис. 11: 4; Рахны, поселение – рис. 35: 2; Пархомовка – рис. 47: 2) и один лощеный (Рахны, могильник, погр. 4 – рис. 20: 3). Специфическую форму (5 экз.) имеют сосуды с суженной горловиной и выпуклыми стенками в нижней части (Рахны, погр. 2 – рис. 19: 1-3; Париевка – рис. 42: 2,6). Е.В. Максимов считает, что этим горшкам можно найти аналогии «в некоторых пшеворских памятниках Восточной Польши» [Максимов, 1982, с. 131], правда не указывает, на каких именно. Авторы настоящей монографии довольно основательно работали в хранилищах археологических коллекций Польши, просмотрели множество публикаций, но аналогичных форм на пшеворских памятниках раннеримского времени не нашли. Происходящие из погр. 2 Рахнов и из Париевки горшки по своим пропорциям приближаются к сарматским или позднескифским сосудам раннеримского периода Нижнего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья [Вязьмитина, 1972, рис. 61: 10; Гудкова, 1999, рис. 3: 16; Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 17: 14; Гросу, 1990, рис. 7: Г1; Костенко, 1993, рис. 20: 4; 25: 29], т.е. имеют не западный, а южный круг аналогий.

6. Таксон I,3-6 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г., I,3,А и I,3,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г. Округлобокие открытые горшки, т.н. тюльпановидные (диаметр венчика больше или равен диаметру наибольшего расширения тулова). Венчики сосудов – изогнутые, отогнутые наружу, дуга профиля между шейкой и бочком выражена слабо. Стенки нижней части – вогнутые или прямые, максимальное расширение приходится на середины высоты ли несколько выше. Все 7 сосудов этого таксона груболепные (Марьяновка – рис. 9: 2,3; Рахны, поселение – рис. 35: 3; Пархомовка – рис. 47: 5; 56: 2; 58: 8; 60: 3).

7. Таксон I,4 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. Фрагмент округлобокого баночного сосуда без выраженного венчика (имеется лишь небольшая закраина): Пархомовка, 1 экз. (рис. 65: 3).

8. Таксон II,1 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г., II,1,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г. Сосуды с ребристым переломом профиля, отогнутым наружу, изогнутым венчиком, вогнутой линией профиля выше места наибольшего расширения тулова сосуда. Известно 2 экземпляра, оба груболепные (Рахны, поселение – рис. 33: 6; Пархомовка – рис. 64: 5).

9. Таксон II,2,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г., II,2,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г. Сосуды с ребристым переломом профиля, отогнутым наружу, изогнутым венчиком, прямой линией профиля выше места наибольшего расширения тулова сосуда. Встречены фрагменты трех экз. Два из них – лощеные (Рахны, поселение – рис. 33: 7; Пархомовка – рис. 66: 1), характер обработки поверхности третьего не выяснен. Сосуд известен только в рисунках П.И. Хавлюка (Париевка – рис. 42: 11).

Миски

Все миски памятников бассейна Южного Буга, кроме одной (рис. 55: 7), относятся к категории низких, у которых диаметр наибольшего расширения тулова в два и более раз превышает общую высоту сосуда. Стенки нижних частей мисок всех таксонов, как правило, прямые или слегка вогнутые, реже – слегка выпуклые, днища – плоские, но встречаются и полые поддоны (рис. 20: 1,2).

1. Таксон I,2 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; I,1,А и I,1,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г. Округлобокие сосуды с изогнутым, отогнутым наружу венчиком, выпуклой или почти прямой линией профиля от шейки до бочка. Известно 14 лощеных экз. (Марьяновка – рис. 6: 9; 8: 5: 14; Носовцы – рис. 14: 2; Рахны, могильник, погр. 4 – рис. 20: 2; Пархомовка – рис. 49: 5; 54: 3,6,8; 55: 3; 57: 6; 60: 8,11; 61: 9; 64: 6).

2. Таксон II,1,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,1,А по Р.В. Терпиловскому 2004 г. Перегиб сосуда в месте максимального расширения тулова оформлен в виде сглаженного ребра. Выше него профиль имеет форму вогнутой дуги, граней на венчике нет. Известно 10 экз., все – лощеные (Марьяновка – рис. 8: 12,13; Носовцы – рис. 14: 1,3; Пархомовка – рис. 48: 2; 50: 7,8; 55: 1; 61: 4; 62: 4).

3. Таксон II,1,б по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. Признаки аналогичны предыдущему таксону, но с внутренней стороны венчика имеется одна грань. Единственный экземпляр с лощеной поверхностью происходит с поселения Пархомовка (рис. 51: 2).

4. Таксон II,2 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. Миска с перегибом профиля в месте максимального расширения тулова в виде сглаженного ребра. Венчик изогнут, отогнут наружу, участок между шейкой и бочком прямой. Известен 1 лощеный экз. (Пархомовка – рис. 50: 10).

5. Таксон II,3 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,3,А по Р.В. Терпиловскому 2004 г. Перегиб профиля в месте наибольшего расширения тулова у этих сосудов оформлен в виде сглаженного ребра, верхняя часть миски – пря-

мая. Учтено 8 лощеных экз. (Марьяновка – рис. 8: 11; Носовцы – рис. 14: 4,6; Рахны, поселение – рис. 31: 2; Париевка – рис. 42: 1,5, последняя – с небольшим бордюром с внутренней стороны; Пархомовка – рис. 58: 5; 61: 10) и 2 груболепных (Рахны, поселение – рис. 29: 1; Париевка – рис. 41: 12).

6. Таксон III,1 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,1,А по Р.В. Терпиловскому 2004 г. Место максимального расширения тулова оформлено в виде острого ребра. Профиль миски выше него представляет собой вогнутую дугу. Известны 2 лощеных экз. (Марьяновка – рис. 8: 6; Пархомовка – рис. 51: 10) и 1 – груболепной (Рахны, поселение – рис. 33: 3).

7. Таксон III,2,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,3,а по Р.В. Терпиловскому 2004 г. В месте наибольшего расширения тулова – острое ребро, стенки сосуда выше него – прямые гладкие без граней и бордюров. Самый многочисленный таксон формы мисок. С позднерубинских памятников бассейна Южного Буга происходят 34 экз., все лощеные (Марьяновка – рис. 6: 8; 7: 1; 8: 2,7; 10: 12; Носовцы – рис. 14: 5; Рахны, могильник, погр. 5 – рис. 22: 1; Рахны, поселение – рис. 27: 12,17,19; 29: 3,5; 34: 3; 35: 7; Ометинцы – рис. 36: 9,13; Щурильцы – рис. 38: 2; Париевка – рис. 42: 3; Пархомовка – рис. 48: 3; 49: 3,4; 50: 9; 51: 5,8; 54: 4,5; 57: 7; 61: 1,2,6; 62: 1,3; 66: 2,8).

8. Таксон III,2,б по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,3,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г. В месте наибольшего расширения тулова – острое ребро, оформленное в виде треугольного в сечении валика, стенки сосуда выше него – прямые с одной гранью с внутренней стороны. Встречены 2 экз., оба – лощеные (Марьяновка – рис. 8: 18; Рахны, поселение – рис. 27: 18). Еще у двух мисок из Марьяновки на внутренней стороне венчиков были, соответственно, две (рис. 8: 1) и три грани (рис. 6: 10).

9. Таксон III,2,в по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,3,В по Р.В. Терпиловскому 2004 г. В месте наибольшего расширения тулова – острое ребро, оформленное в виде треугольного в сечении валика, стенки сосуда выше него – прямые гладкие. Известно 26 экз. Все миски этого таксона имеют лощеную поверхность (Марьяновка – рис. 6: 5,7,11; 8: 8,9,15-17; 10: 10,11; Сокольцы – рис. 36: 19; Пархомовка – рис. 49: 4,5; 51: 9; 55: 4,6,8; 58: 4,6; 60: 1,4,6,10; 62: 7; 64: 4; 66: 3).

10. Таксон III,2,г по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,3,Г по Р.В. Терпиловскому 2004 г. В месте наибольшего расширения тулова – острое ребро, оформленное в виде треугольного в сечении валика, стенки сосуда выше него – прямые, на венчике – небольшой бордюр. Известно 2 лощеных экз. (Пархомовка – рис. 51: 1; 66: 7) и один груболепной (Рахны, могильник, погр. 4 – 20: 1).

11. Таксон III,2,д по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. В месте наибольшего расширения тулова – каннелюра, стенки сосуда выше нее – прямые гладкие. Учтено 2 экз. Одна миска из них имеет лощеную поверхность (Марьяновка – рис. 6: 6). Характер обработки поверхности второй установить не удалось: она вторично обожжена (Рахны, поселение – 31: 8).

12. Таксон III,3,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,2,А по Р.В. Терпиловскому 2004 г. В месте наибольшего расширения тулова миски – острое ребро, участок между ним и шейкой – прямой, перегиб в месте шейки – резкий, венчик – прямой, отогнут наружу. Профиль, таким образом, зигзагообразный. Известен только 1 экз. с лощеной поверхностью (Марьяновка – рис. 6: 4).

13. Таксон II,1,В по Р.В. Терпиловскому 2004 г. Высокая миска со слабо изогнутой дугой в верхней части профиля. Место наибольшего расширения тулова оформлено в виде острого ребра. Обломок единственного лощеного экземпляра происходит с поселения Пархомовка (рис. 55: 7).

Кружки

Кружки представляют собой сосуды с одной ручкой, как правило, небольшие по размерам. Для позднерубинского периода в меньшей степени характерны, чем для классического этапа зарубинской культуры. Все известные на Южном Буге сосуды этой группы имеют лощеную поверхность, округлобокие (рис. 23: 3; 24: 17,18; 55: 5; 62: 8), форма, к сожалению, восстановима далеко не для всех экземпляров. Ручки в сечении округлые, равномерной ширины, там, где их форма ясна – коленчатые. Ниже приводится описание типологически определяемых таксонов.

1. Таксон 38.III по С.П. Пачковой [Пачкова, 2003, рис. 8: 6]. Сосуд с раструбообразным венчиком, плавным перегибом шейки, наибольшим расширением тулова около середины высоты. Известен 1 экз. (Пархомовка – рис. 55: 5).

2. Таксон 41.III по С.П. Пачковой [Пачкова, 2003, рис. 7: 8]. Обломок сосуда со слабо вогнутой линией профиля в верхней части, с уступом, расположенным несколько выше места наибольшего расширения тулова. Единственный экземпляр происходит с поселения Пархомовка (рис. 62: 8).

Диски

1. Таксон I по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. Плоские диски без закраин. Учтено 19 экз. Из них груболепных – 12 экз. (Марьяновка – рис. 12: 8; Рахны, поселение – рис. 27: 16; Ометинцы – рис. 36: 3,4; Соколь-

цы – рис. 36: 17; Шурильцы – рис. 38: 4; Пархомовка – рис. 50: 12; 56: 5,6; 58: 11; 60: 7; 61: 5), лощеных – 7 экз. (Рахны, поселение – 34: 1,2,9,10; Шурильцы, 38: 3,4; Пархомовка – рис. 66: 9).

2. Таксон II по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. Диск со слабо намеченным бортиком с лощеной поверхностью – 1 экз. (Пархомовка – рис. 55: 10).

Крышки

Известно 14 экз., из них один – лощеный (Марьяновка – рис. 11: 6,7; Рахны, поселение – рис. 33: 5; Ометинцы – рис. 36: 5,6; Шурильцы – рис. 38: 5; Пархомовка – 47: 4,6,8; 50: 4; 51: 4; 56: 7; 58: 10; 65: 9).

Миниатюрные сосуды

Обе формы, найденные на памятниках бассейна Южного Буга, груболепные. Одна из них представляет собой модель миски таксона II,3 (Рахны, поселение – рис. 27: 15). Второй сосуд – усеченно-конический с невысоким поддоном (рис. 64: 2).

* * *

Структура керамического комплекса южнобугских позднезарубинецких памятников может быть реконструирована следующим образом. Среди кухонных сосудов наиболее широко распространены сильнопрофилированные округлобокие горшки таксона I,1,а,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (I,1,А и I,1,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Реже встречаются тюльпановидные сосуды таксона I,3-б по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (I,3,А и I,3,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Прочие формы горшков единичны или представлены небольшими сериями, причем довольно редки ребристые горшки, а округлобокие резко преобладают. Довольно часты диски и крышки. Миски с шероховатой поверхностью сравнительно редки, хотя и известны.

Лощеные горшки встречаются гораздо реже, чем груболепные, что вполне типично как для классических зарубинецких, так и для позднезарубинецких поселений. Именно с поселений Южного Побужья происходит подавляющее большинство типологически определимых сосудов. Среди лощеных форм преобладают горшки того же таксона, что и среди груболепных: I,1,а,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (I,1,А и I,1,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Ребристые горшки и кружки единичны.

Среди разнообразных по форме мисок чаще всего встречаются остросеребряные с прямыми венчиками. Среди них наиболее широко распространены сосуды таксона III,2,а по А.М. Обломскому

и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (II,3,а по Р.В. Терпиловскому 2004 г.; т.н. почепские), т.е. те, у которых ребро рельефно не выделено, и миски таксона III,2,в по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (II,3,В по Р.В. Терпиловскому 2004 г.) с гладким венчиком и ребром в виде треугольного валика. Реже встречаются, но, все же, довольно часты, округлобокие миски таксона I,2 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (I,1,А и I,1,Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.) и формы со сглаженным ребром таксона II,1,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. Прочие сосуды сравнительно редки, хотя и весьма характерны для позднезарубинецкого периода. Показательно, что мисок с двумя-тремя гранями на венчике учтено всего 2 экз. Этот способ декорирования сосудов весьма типичен для более ранних классических зарубинецких памятников Среднего Поднепровья и синхронных им древностей Среднего Посеймья [Максимов, 1982, с. 46; Обломский, Терпиловский, 1994], а в позднезарубинецкий период сохраняется в виде реликта.

Ранее уже указывалось, что основные формы кухонных сосудов позднезарубинецких поселений Среднего Поднепровья (типа Лютежа), а также дисков и крышек имеют прототипы на классических зарубинецких памятниках того же региона [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 38,39; Обломский, 1993, с. 51], что вполне очевидно, даже несмотря на отрывочность и неполноту публикаций зарубинецкой керамики. Формы и орнаментация большинства кухонных горшков памятников бассейна Южного Буга ничем принципиально не отличаются от среднеднепровских, включая такие редкие приемы декорирования, как хроповатая поверхность сосудов, наличие налепов-шишечек и валиков (см. раздел 2 настоящей главы). По набору кухонной посуды, таким образом, среднеднепровские и южнобугские памятники раннеримского времени очень близки, хотя каждый регион и имеет специфику. С одной стороны, в Южном Побужье пока не известны некоторые формы ребристых горшков, представленные в Лютеже (таксон II,3 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.) [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 6: 1,2], да и вообще на поселениях бассейна Южного Буга ребристые кухонные сосуды редки. С другой стороны, на среднеднепровских зарубинецких поселениях отсутствуют округлобокие горшки с раструбообразными венчиками (таксон I,1,в по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.) и сосуды особой формы таксона I,3-а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.

Горшки первой из перечисленных форм типичны для позднескифских памятников раннеримского времени по всему их ареалу: от древностей типа Холмского в Буджакской степи до городищ круга Алексеевского в Саратовском Поволжье. В

Северо-Западном Причерноморье, Нижнем Поднепровье и Крыму, т.е. в регионах, находящихся поблизости от лесостепной части бассейна Южного Буга, они, также, хорошо известны [Погребова, 1958, рис. 27: 7,8; 41: 2; Петров, 1961, с. 169, табл. IX; Вязьмітіна, 1962, рис. 63: 5,6; Гудкова, Фокеев, 1982, рис. 20: 1,2,13,18; Дашевская, 1991, табл. 25: 9,13,16]. Встречены они в Ольвии и ее округе, т.е. на Днепро-Бугском лимане [Крапивина, 1993, рис. 40: 14,15; 41: 8; Бураков, 1976, табл. V: 25; VI: 10]. Для позднезарубинецких древностей подобные формы не характерны. Они изредка встречаются лишь на некоторых почепских поселениях Подесенья [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 11: 9,10] и на поселении Березовка-2 в лесостепной части Днепровского Левобережья (рис. 103: 9,11,12). Сосуды второй формы, как уже отмечалось выше, тоже имеют параллели в позднескифо-сарматском керамическом комплексе.

Разнообразные округлобокие и ребристые миски с S-овидным профилем (таксоны I,2; II,1,а; II,1,б; II,2; III,1 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; I,1,А; I,1,Б; II,1,А по Р.В. Терпиловскому 2004 г.) известны на памятниках всех трех вариантов классической зарубинецкой культуры (полесского, верхнеднепровского, среднеднепровского) [Кухаренко, 1964, с. 27,28, табл. 6; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 38,39]. Хочется подчеркнуть, что на поселениях среднеднепровской лесостепи округлобокие миски употребляются очень долго и не являются специфическими раннезарубинецкими, как, например, в Верхнем Поднепровье (см. [Обломский, 1990б; 1997]). В частности, они хорошо известны на позднезарубинецком поселении Лютеж [Бидзила, Пачкова, 1969, рис. 9: 26,28,29,31] (см. также раздел 2 настоящей главы). Низкие ребристые миски с зигзагообразным профилем (таксон III,3,а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,2,А по Р.В. Терпиловскому 2004 г.) являются специфической формой лощеной посуды среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры [Кухаренко, 1964, с. 28, табл. 6: 31-35; Обломский, 2005].

Иное, не зарубинецкое, происхождение имеют остросереберные миски с прямыми венчиками (таксоны III,2,а; III,2,б; III,2,в; III,2,г; III,2,д по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г.; II,3,А II,3,Б; II,3,В; II,3,Г по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Мысль о близости их по форме к краснолаковым тарелкам Северного Причерноморья первым высказал В.П. Петров [Петров, 1961, с. 159], затем ее поддержал Е.В. Максимов [Максимов, 1982, с. 71]. Попытку определить непосредственные прототипы лепных позднезарубинецких сосудов предпринял А.М. Обломский. По его мнению, ими являются тарелки terra sigillata типов 19 и 20 Ольвии, а также 6 и 7 Мирмекия по Т.Н. Книпович. Начало их изготовления относится ко второй

четверти I в.н.э. При этом за основу была принята литература по хронологии краснолаковой керамики 50-х – 70-х гг. XX в. [Обломский, 1987, с. 82,83].

Второй третью I в. датируется начало использования аналогичных краснолаковых форм по материалам некрополя Кобыкова городища в Нижнем Подонье [Косьяненко, 1980, с. 219–221, рис. 1: 4,5,10–13]. Типологии и хронологии краснолаковой керамики на городищах Нижнего Подонья – Приазовья посвящена специальная монография И.С. Каменецкого. Формы, структуру профиля которых повторяют позднезарубинецкие миски с прямыми венчиками, относятся к типу V terra sigillata [Каменецкий, 1993, рис. 16-18]. Наиболее ранние из них по аналогиям датируются первой половиной I в., хотя по обобщенной стратиграфии городищ автор допускает возможность появления их в конце I в. до н.э. [Каменецкий, 1993, с. 87]. При этом некоторые ранние сосуды этой формы имеют клеймо в виде ступни. Такие клейма сам И.С. Каменецкий относит к первой половине I в. н.э. [Каменецкий, 1993, с. 84,85], хотя они известны и позднее [Журавлев, 2001, с. 104–106]. В.В. Крапивина датирует появление в Ольвии т.н. тарелок с вертикальным венчиком различной профилировки и оттянутым наружу ребром (типы 13, 14 по ее классификации) первой половиной I в. н.э. [Крапивина, 1993, с. 112]. Таким образом, учитывая новые данные, начало употребления в Северном Причерноморье краснолаковых прототипов позднезарубинецких мисок определяется несколько шире, чем в статье А.М. Обломского 1987 г., т.е. в рамках первой половины I в. н.э. в целом.

Лепные столовые ребристые миски с прямыми венчиками, следовательно, являются полноценным датирующим источником. Они не могли появиться раньше первой половины I в.н.э., учитывая хронологию прототипов. На относительно позднюю для зарубинецкого керамического комплекса дату таких сосудов указывал и Е.В. Максимов [Максимов, 1972, с. 88; 1982, с. 71; Максимов, Петрашенко, 1988, с. 74].

Общий набор форм лощеных мисок памятников бассейна Южного Буга наиболее близок к представленному на позднезарубинецких поселениях Среднего Поднепровья (типа Лютежа) и Подесенья (типа Почепа) (см. разделы 2 и 3 настоящей главы). Характерные для первых вв.н.э. миски с прямыми венчиками таксонов III,2,а и III,2,г встречены и на позднескифских памятниках Нижнего Поднепровья [Вязьмітіна, 1962, рис. 68: 1,2,7,8,10]¹.

¹ На параллели зарубинецкой и нижнеднепровской позднескифской керамики первой указала Н.Н. Погребова [Погребова, 1958, с. 139]. В.П. Петров посвятил специальную статью сравнению зарубинецкого и позднескифского керамического комплекса [Петров, 1961]. Э.А. Сымонович, проанализировав лепную керамику Николаевского могильника, сделал вывод,

В связи с общим зарубинецким импульсом, который наблюдается в I в. н.э. в направлении Воыни и Верхнего Поднестровья [Козак, 1991, с. 118-122] ребристые миски с вертикальными венчиками появляются на поздних памятниках липицкой культуры (Ремезивцы, Майдан Гологирский, Верхняя Липица) [Цигилик, 1975, рис. 37: 4,6; 39: 11-13,16,17; 40: 1-3,8,10-12,17,21; 41: 2,12].

Большинство прочих форм лощеных сосудов позднезарубинецких памятников бассейна Южного Буга (горшков и кружек) имеют прототипы в классический зарубинецкий период, преимущественно, на территории Среднего Поднепровья. К сожалению, материалы зарубинецких поселений этого этапа опубликованы весьма отрывочно. По этой причине сделать вывод, в какой степени широко распространены те или иные формы, невозможно. Лощеные горшки, как сильнопрофилированные округлобокие, так и ребристые известны на городище Монастырек (Среднее Поднепровье) [Максимов, Петрашенко, 1988, рис. 57: 16,18-21]. Аналогии горшку и кружкам, идентифицированным по классификации С.П. Пачковой, происходят из могильников Корчеватое, Велемичи-2 и Вишенки [Пачкова, 2003, рис. 7: 8; 8: 6; 10: 8].

Высокая ребристая миска таксона П,1,В по Р.В. Терпиловскому 2004 г. для позднезарубинецкого керамического комплекса не характерна. Подобные сосуды широко распространены на памятниках киевской культуры, возникающей на рубеже II/III вв. или в начале III в. ([Обломский, Терпиловский, 1998а, с. 80,81], в этой публикации они обозначены, как тип III,4). Тем не менее, отдельные находки их в более раннее время известны. Такая высокая миска найдена, например, на поселении Лютеж [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 8: 4].

что формы, подобные зарубинецким, могли появиться в Нижнем Поднепровье только в результате прямых контактов позднекиевского и зарубинецкого населения в I в. до н.э. — I в.н.э. [Сымонович, 1978]. Эту идею развил Е.В. Максимов, который указывает, что контакты зарубинецкого и позднекиевского населения в Поднепровье не ограничивались влиянием северного населения на южное. Они были более тесными вплоть до проникновения отдельных позднекиевских групп на зарубинецкую территорию. В качестве примера он приводит труположения из могильника Дидов Шпиль под г. Каневом, которые по погребальному обряду и набору лепной посуды имеют явные позднекиевские параллели [Максимов, 1982, с. 108,109]. Отметим, что характерная позднекиевская керамика происходит и из раскопок В.А. Петрашенко и Л.А. Цыдровской на городище Бучак из того же региона (сообщение В.А. Петрашенко). Противоположную точку зрения высказал В.Е. Ерёмченко. По его мнению, лепные лощеные миски позднекиевских памятников Нижнего Поднепровья характерны для керамического комплекса культуры Поянешти-Лукашевка, а не для зарубинецкого [Ерёмченко, 1997, с. 182-186]. Это утверждение вряд ли соответствует действительности. В.Е. Ерёмченко не обратил внимание на наличие в Нижнем Поднепровье низких ребристых мисок с зигзагообразным профилем, которые специфичны для среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры [Вязьмитина, 1962, рис. 68: 15,16,21,22], и ребристых с прямыми венчиками, появившимися после прекращения существования памятников круга Поянешти-Лукашевки.

Гончарная керамика

Амфоры

Фрагменты амфор довольно часты. На рисунках находок, происходящих с памятников Южного Побужья, представлены только обломки профилированных частей. Встречены фрагменты красноглиняных (Марьяновка — рис. 8: 3; Рахны, могильник, погр. 6 — рис. 22: 16; Рахны, поселение — рис. 29: 7; 33: 1,2; Пархомовка — рис. 58: 12), коричневоглиняных (Марьяновка — рис. 7: 4; 8: 4; Пархомовка — рис. 66: 10); розовоглиняных (Рахны, поселение — рис. 29: 6,8), розовоглиняных и красноглиняных с желтым ангобом (Пархомовка — рис. 50: 11; 66: 12), светлогоглиняных сосудов (Рахны, поселение — рис. 29: 4; Ометинцы — рис. 36: 7; Пархомовка — рис. 64: 3; 66: 11) сосудов. Серия амфорных обломков из Марьяновки опубликована П.И. Хавлюком без описания фактуры (рис. 13: 1-12).

Типологической идентификации поддаются далеко не все фрагменты. Двуствольные ручки, вроде происходящей из Пархомовки (рис. 64: 3), характерны для светлогоглиняных амфор типа С1 [Внуков, 2003, с. 52-54]. Суммарная дата двух вариантов типа: 50-е гг. I в. до н.э. — первая треть II в. н.э. [Внуков, 2006, с. 167]. Красноглиняные амфоры с двуствольными ручками, к которым могут относиться некоторые фрагменты, опубликованные из Марьяновки (рис. 13: 3,6,11), по А.П. Абрамову датируются I в. до н.э. — серединой I в. н.э. [Абрамов, 1993, с. 44,45].

Ручки светлогоглиняных амфор из Рахнов (поселение), Ометинцев, Пархомовки, Марьяновки (рис. 13: 10; 29: 4; 36: 7; 66: 11) относятся к типам либо СIII, либо СIVA по С.Ю. Внукову [Внуков, 2003, с. 109-111,125-127]. Первый из них датируется 20-15 гг. до н.э. — первой третью I в. н.э., второй — началом последней четверти — концом I в. н.э. [Внуков, 2006, с. 167].

Сероглиняная посуда

Встречается реже, чем обломки амфор. Целые сероглиняные миски происходят из погр. 3 и 8 могильника Рахны (рис. 19: 8; 23: 4), обломки еще одной миски и кувшина или горшка — с поселения Пархомовка (рис. 48: 1; 57: 8). Все формы этих сосудов достаточно типичны для комплекса гончарной керамики Северного Причерноморья первых вв.н.э. (анalogии: рис. 19: 8 [Гудкова, Малюкевич, 1999, рис. 1: 9,13,14; Гудкова, Крапивина, 1990, табл. I: 1-4,8,12,23; Гудкова, 1991, рис. 1: 9; рис. 2: 1; Гудкова, 1979, рис. 2: 1; 3: 3: 12,21; Каменецкий, 1994, №№ 2069, 2111, 4506, 4514]; рис. 23: 4 [Гудкова, 1979, рис. 3: 9,13,19]; рис. 48: 1 [Гудкова, Крапивина, 1990,

табл. III: 14]; рис. 57: 8 [Гудкова, Крапивина, 1990, табл. I: 31; Каменецкий, 1994, №№2893, 2894, 2113, 2215, 2471]).

Орудия труда, предметы быта и вооружения

Изделия из железа

Серпы. Известны 2 экземпляра, оба происходят из Марьяновки (рис. 12: 1; 13: 17). Характеризуются слабо изогнутыми лезвиями и пяткой для крепления рукояти, отогнутой перпендикулярно его плоскости. Относятся к типу 1 по С.П. Пачковой, которой принадлежит единственное пока монографическое исследование орудийного комплекса зарубинецкой культуры и позднезарубинецкого горизонта [Пачкова, 1974, с. 38].

Серповидный нож. Также мог использоваться в качестве орудия для сбора урожая. Единственный экземпляр из Носовцев имеет сильно изогнутую спинку, слабо вогнутое лезвие и загнутый вверх черешок для крепления рукояти) (рис. 14: 10).

Ножи. Учтено 9 экз. Все они – черешковые, у подавляющего большинства, кроме одного экземпляра, спинки прямые. К варианту 1 по С.П. Пачковой [Пачкова, 1974, с. 87] относятся изделия с черешком, продолжающим линию спинки (Марьяновка, рис. 7: 3; 12: 2; 13: 15; Пархомовка, рис. 49: 7), к варианту 2 – с двумя уступами выше и ниже черешка (Марьяновка, рис. 13: 14,16; Носовцы, рис. 14: 7,9). Единственный обломок ножа со слабо изогнутой спинкой происходит с поселения Пархомовка (рис. 49: 6).

Пробойники. Представляют собой стержни с острыми концами, круглые в сечении с одной стороны и квадратные – с другой. Учтено 3 экз. (Марьяновка – рис. 13: 13; Носовцы – рис. 14: 8,11).

Проколка – длинное изделие из железа с острым концом и противоположным, закрученным в трубочку – 1 экз. (Пархомовка – рис. 60: 13).

Долото – обломок массивного железного предмета с прямоугольной в сечении рукоятью и ложкообразной рабочей частью – 1 экз. (Пархомовка – рис. 60: 15).

Скобель – фрагмент плоского с острым лезвием предмета для работы по дереву. Штыри для крепления ручек загнуты вверх – 1 экз. (Марьяновка – рис. 7: 2).

Шпора – Марьяновка – рис. 7: 7.

Кольца. Изготовлены из плоских пластин. Могли служить для крепления орудий труда типа кос или копий к деревянным рукоятям – 2 экз. (Рахны, погр. 2 – рис. 19: 6; погр. 9 – рис. 25: 11).

Изделия из кости

Единичны и не составляют серий. К ним относятся проколка с отверстием в верхней части

(рис. 49: 8) и ложило (по определению П.И. Хавлюка) из длинной кости, которое возможно было орудием кожевенного промысла (рис. 60: 15). Оба изделия происходят с поселения Пархомовка.

Изделия из глины

К ним относятся многочисленные пряслица. Большинство изготовлены из черепков сосудов плотной фактуры (лепных лощеных, сероглиняных античных, амфорных). Всего учтено 11 экз. (Рахны, могильник, погр. 5 – рис. 22: 14; погр. 19 – рис. 24: 14; погр. 11 – рис. 25: 14; Рахны, поселение – рис. 29: 9; 31: 5–7, 11–13; 34: 6). Известны и заготовки таких изделий в виде обточенных черепков красноглиняных амфор без отверстия – 2 экз. (Пархомовка – рис. 65: 1,2). Одно плоское пряслице имеет такую же форму, как и предыдущие, но сделано из глины и потом обожжено (Рахны, поселение – рис. 27: 6). Не понятно назначение плоского предмета, по форме аналогичного пряслицам, с вдавлением в средней части одной из сторон (Рахны, могильник, погр. 5 – рис. 22: 13). П.И. Хавлюк отнес к позднезарубинецкому периоду два высоких биконических пряслица и одно – такой же формы, но средней высоты (рис. 31: 4,10; 60: 12), но поскольку они происходят с памятников, где зафиксированы и более поздние, чем позднезарубинецкие, напластования (поселения Рахны и Пархомовка, см. каталог), то уверенности в принадлежности их к раннеримскому времени нет.

Изделия из камня

В документации П.И. Хавлюка в трех случаях упоминаются находки каменных жерновов: на поселениях Соколыцы, Марьяновка и Париевка. Соколыцы обследованы только разведкой, поэтому уверенности в принадлежности жернова напластованиям раннеримского времени на этом памятнике нет. В Марьяновке и Париевке, вроде бы, слои более поздние, чем позднезарубинецкие, отсутствуют (см. каталог памятников).

По данным Д.Н. Козака впервые ротационные жернова появляются на позднескифских городищах. В раннеримский период они известны на памятниках липицкой культуры и волыно-подольской группы (зубрецкой культуры) [Козак, 1990, с. 74]. В этой связи наличие жерновов на юго-западных позднезарубинецких памятниках весьма вероятно.

Украшения

Фибулы. Удалось собрать данные о 14-ти экземплярах. Ниже они рассматриваются в соответствии с классификацией А.К. Амброза [Амброз, 1966].

*Группа 2. Фибулы «среднелатенской» схемы.**Подгруппа 2. Среднелатенские фибулы с треугольно расширенным концом ножки («зарубинецкие фибулы»)*

Обломок широкого треугольного щитка бронзовой фибулы без выделенной ножки, орнаментированный выдавленными с обратной стороны рельефными полусферами, с лицевой стороны окруженными прочеканенными точками, происходит из погр. 4 могильника Рахны (рис. 21: 4). Экземпляр сильно оплавлен. По А.К. Амброзу и А.М. Обломскому фибула относится к варианту V [Амброз, 1966, с. 18; Обломский, 1986, с. 50-52], по Ю.В. Кухаренко – к варианту К [Кухаренко, 1964, с. 32]. Аналогии такой фибуле происходят из могильника Гриневичи Вельки, где они также, как и погр. 4, встречены с глазчатыми [Амброз, 1966, с. 18; Andrzejowski, 1999]. Две находки около п. Красносельский Гродненской обл. Белоруссии упоминает А.А. Егорейченко [Егорейченко, 2005, с. 481, рис. 1: 2].

*Группа 5. Раннеримские шарнирные дуговидные фибулы
Тип 1. «Авцисса».*

Почти целый экземпляр из бронзы происходит из пахотного слоя могильника Рахны (рис. 18: 1). Утрачена только часть иглы. Ось шарнира – железная. Основной ареал – Европейская часть Римской империи, известны в Центральной Европе, в Северном Причерноморье, степях и лесостепной зоне Восточной Европы, на Кавказе, в Северной Африке [Chowaniec, 2001]. Исследователи отмечают связь фибул этого типа с воинским бытом. Дата таких фибул по А.К. Амброзу – первая половина I в. [Амброз, 1966, с. 26]. А.С. Скрипкин на основании находок в сарматских погребениях допускает возможность более длительного использования [Скрипкин, 1977, с. 116]. По данным, которые приводит Е. Генчева, самые ранние экземпляры появляются в последние два десятилетия I в. до н.э., наиболее широко такие фибулы распространены в I в. н.э. до времени императора Клавдия (41-54 гг.), но отдельные фибулы, даже на территории империи, употреблялись до начала II в. [Генчева, 2004, с. 37-39].

*Группа 9. Глазчатые фибулы.**Вариант 2. Основная серия.*

Фибула утрачена, известна по рисунку П.И. Хавлюка. Происходит из погр. 4 могильника Рахны, вероятно, бронзовая (рис. 21: 3). Верхняя часть не сохранилась, но по ряду характерных признаков (на спинке имеется валик, орнамента нет) ближе всего к типу Альмгрен 53 или серии А типу VII Р. Ямки [Jamka, 1964, s. 56]. Вторая почти целая подобная бронзовая фибула (утрачены игла и часть пружины, корпус и пружина оплавлены) из погр. 7 могильника Рахны хранится в фондах Винницкого музея (рис. 23: 1). Ареал – Центральная и Северная Европа. По хронологическим

выкладкам Р. Ямки относятся ко второй – третьей четверти I в., но в Польском Поморье использовались до II и начала III в. Датировки Ямки подвергла сомнению Т. Лиана. По ее системе относительной хронологии все глазчатые серии А относятся к периоду B1, который датируется 40–70 гг., а серии – к фазе B2, т.е. к 70–170 гг. [Liana, 1970, s. 442,459]. В современной литературе по хронологии Центральной Европы фибулы типов A57–61 относятся к началу периода B2 (т.е. к фазе B2a) и лишь A61 существуют в начале фазы B2b. Рубеж между фазами условно определяется около 100 г. [Оледзки, 2002, с. 89–92].

В погр. 4 Рахнов вместе с обломком фибулы Альмгрен 53 найдена глазчатая прусской серии (Альмгрен 61 – рис. 21: 2). Комплекс, соответственно, датируется очень узко: около 70-х гг. н.э.

Вариант 3. Прусская серия.

Ареал фибул прусской серии О. Альмгрена – Центральная и Северная Европа. Две оплавленные фибулы из бронзы (целая из погр. 10; рис. 26: 4; и с частично утраченными пружиной и иглой из погр. 9А; рис. 24: 16) по ряду признаков (валик на спинке, две пары колец на ножке, одна – ниже пружины, острый верхний край корпуса) относятся к типу Альмгрен 60 или типу IV серии В по Р. Ямке. По его хронологическим выкладкам датируются началом – третьей четвертью II в. [Jamka, 1964, s. 68–70]. По современным представлениям о хронологии глазчатых фибул относятся к периоду около 70-100 гг. н.э. (см. выше).

Обломок фибулы из погр. 4 (рис. 21: 2), который не сохранился и известен только по рисунку П.И. Хавлюка, без гребня и с глазками на ножке соответствует типу Альмгрен 61 или IV серии В по Р. Ямке. Датируется около 70-х гг. – начала II в. н.э. (см. выше).

Группа 10. Сильнопрофилированные фибулы западных типов.

Подгруппа 1. Одночленные фибулы с бусиной на дужке и с опорной пластиной над пружиной.

Обломок бронзовой фибулы (сохранились пружина и верхняя часть спинки) происходит с поселения Марьяновка (жилище 1; рис. 7: 4). Поскольку ножка изделия утрачена, то фибула может быть отнесена к типам Альмгрен 67–69 без более точной идентификации [Шукин, 1994, с. 234], которые распространены на территории Римской империи от Италии до Подунавья. Встречаются они и в Центральной Европе, на территории Украины вплоть до Среднего Поднепровья [Амброз, 1966, с. 36–38]. Застежки типа A67 появились в последние два десятилетия I в. до н.э., но стали типичными в первые 30 лет I в. н.э. A68 датируются от времени правления императора Тиберия (14–37 гг.) до 70-х гг. I в., A69 – от периода Клавдия (41–54 гг.) до середины II в. [Генчева, 2004, с. 28–31]. В Центральной Европе A67 и 68 относятся к фазе B1 относительной хро-

нологии римского времени [Maćzyńska, 1998, s. 420], причем A67 – к началу стадии B1, а A68 датируются 40–70-ми гг. Отдельные фибулы доживают до конца I – начала II в., но они отличаются особой массивностью [Maćzyńska, 2001, s. 165–169].

Подгруппа 3. Сильнопрофилированные фибулы с двумя валиками на дужке.

Подобная бронзовая фибула с рамчатым приемником (нижняя часть его утрачена) происходит с поселения Марьяновка (без более точных условий находки, рис. 12: 4). Относится к типу Альмгрен 236 варианту с [Шукин, 1994, с. 234]. Фибулы A236, в основном, распространены в Нижнем и Среднем Подунавье, Чехии и Западном Причерноморье. Встречаются в Польше и в лесостепной части Украины вплоть до Среднего Поднепровья [Амброз, 1966, с. 39; Гороховский, Сон, 1989, с. 70]. Дата – от времени правления императора Тиберия (14–37 гг.) до начала II в. [Генчева, 2004, с. 26, табл. IV: 3,4]. Вариант 236с датируется I в. н.э. [Гороховский, Сон, 1989, с. 70].

Группа 11. Сильнопрофилированные фибулы причерноморских типов.

Оплавленная бронзовая фибула варианта I–1 без орнамента по классификации А.К. Амброза происходит из погр. 9В могильника Рахны (рис. 25: 1). Ареал – Северное Причерноморье, степная и лесостепная зона Восточной Европы. По А.К. Амброзу такие украшения датируются второй половиной I – первой половиной II в. [Амброз, 1966, с. 40, табл. 8: 6]. По А.С. Скрипкину они относятся к первому варианту сильнопрофилированных причерноморских фибул (конец I или рубеж I–II вв. – первая половина II в.) [Скрипкин, 1977, с. 110–112; 1984, с. 49]. По В.М. Косяненко в некрополе Кобякова городища подобные фибулы датируются второй третью I в. [Косяненко, 1987, с. 46–47]. По поводу времени возникновения этих изделий мнения, таким образом, существуют разные. Отметим, что экземпляр из погр. 9 Рахнов может датироваться лишь около 70-х – 100 гг. н.э., поскольку из той же могилы происходит глазчатая фибула серии В Р. Ямки (см. выше).

Группа 12. Пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника.

Варианты 1–3. Небольших размеров.

Небольшие по размерам бронзовые фибулы с плоскими спинками одинаковой на всем протяжении ширины происходят из погр. 4 могильника Рахны (рис. 21: 1) и из пахотного слоя поселения Рахны (рис. 27: 14). Спинка первой из них орнаментирована двумя параллельными рядами прямоугольных ямок, которые получились, очевидно, при использовании для декорирования вещи зубчатого колесика. На спинке второй заметны насечки, размещенные «елочкой». Концы приемников у обоих экземпляров обломаны,

поэтому по классификации А.К. Амброза они относятся к вариантам 1–3 без более точной идентификации. Ареал – такой же, как и у предыдущих. Суммарная дата всех трех вариантов – I – первая половина II в. [Амброз, 1966, с. 43, табл. 5: 2–8]. По В.М. Косяненко эти фибулы принадлежат группе II типу I второму варианту и датируются в некрополе Кобякова городища I – началом II в. [Косяненко, 1987, с. 51–52]. По А.С. Скрипкину аналогичная фибула из Харьковки датируется I в. н.э. [Скрипкин, 1977, с. 116]. В своей работе 1990 г. А.С. Скрипкин в сарматских погребениях относит такие фибулы вместе с причерноморскими сильнопрофилированными к хронологической группе второй половины I – первой половины II в. [Скрипкин, 1990, с. 111, рис. 38: 5,6]. Отметим, что фибула из погр. 4 Рахнов датируется очень узко: около 70-х гг. н.э., поскольку найдена в одном комплексе с глазчатыми серий как А, так и В по Р. Ямке (см. ниже).

Вариант 4. Крупные с едва намеченной кнопкой.

Оба экземпляра не сохранились, известны лишь по рисункам П.И. Хавлюка. Целый орнаментированный экземпляр происходит из жилища I поселения Рахны (рис. 27: 2), обломок (верхняя часть) подобной неорнаментированной фибулы – из пахотного слоя могильника Рахны (рис. 18: 2)². Спинки у обеих фибул плоские, соответственно, они относятся к разновидности «а». Дата варианта по А.К. Амброзу – II – III вв. [Амброз, 1966, с. 43, табл. 5: 1–10]. Близкие типологически крупные фибулы, но разновидности «б», а не «а», А.И. Айбабин относит к первой группе относительной хронологии инвентаря могильников Крыма позднеимперского периода, которая датируется второй половиной III в. [Айбабин, 1999, с. 249,258].

Сюльгама. Эта категория украшений в работе А.К. Амброза не рассматривается. Тем не менее, сюльгамы в функциональном отношении близки к фибулам, поскольку так же, как и они, служили в качестве застежек для одежды. Оплавленный обломок единственной сюльгамы происходит из погр. 12 могильника Рахны (рис. 26: 3). Она изготовлена из круглого в сечении дрота, концы расплющены (сохранился один из них) и завернуты в трубочки, сильно выступающие за пределы корпуса. Подобные изделия получили название «сюльгам с усами». Они распространены на памятниках дьяковской культуры, в древнемордовских и некоторых рязано-окских могильниках [Розенфельдт, 1982, с. 75,76, рис. 17: 3,4]. Две

²Не исключено, что эта фибула относится к более позднему периоду – эпохи Великого переселения народов или раннего средневековья. Эта вещь не сохранилась, однако на рисунке П.И. Хавлюка видна ось пружины. Вполне вероятно, что фибула была двучленной. Благодарим И.О. Гавриутину и М.М. Казанского, указавших на это обстоятельство.

находки таких изделий известны и на контактных дьяковско-позднескифских памятниках типа Ново-Клеймёново, занимающих территорию водораздела Верхнего Дона и Оки [Воронцов, 2007, рис. 2: 15; 8: 2].

И.Г. Розенфельдт считала, что «сюльгамы с усами» датируются не ранее VI в., исходя из представлений об их типологически более поздней позиции по сравнению с экземплярами с закрученными концами, слабо выступающими за пределы корпуса [Розенфельдт, 1982, с. 76]. Эта дата находится в полном противоречии с хронологией могильника Рахны, где встречены вещи исключительно раннеримского периода. Верхняя дата памятников типа Ново-Клеймёново также не выходит за пределы первой половины III в. [Воронцов, 2007]. Хронологическая система И.Г. Розенфельдт уже неоднократно критиковалась за омолаживание датировок многих вещей (см., например [Кренке, Сулержицкий, 1988]). По всей видимости, типологическое развитие сюльгам не было столь прямолинейным, как это представлялось И.Г. Розенфельдт.

Булавка. Единственный экземпляр из Марьяновки изготовлен из бронзы и имеет кольцеобразное навершие (рис. 12: 7). Предмет хранится в Винницком краеведческом музее, как находка из Марьяновки, хотя в отчете П.И. Хавлюка за 1974 г. эта вещь приводится, как происходящая из Райков [Хавлюк, 1974б, рис. 41: 7].

Браслеты и гривны

В погребениях могильника Рахны обнаружено множество обломков изделий из дрота треугольного, прямоугольного или круглого в сечении. Они явно являются кусками браслетов или гривен, сильно поврежденных огнем. Ниже перечислены только целые экземпляры.

Гривна. Происходит из погр. 10 могильника Рахны (рис. 26: 1). Изготовлена из бронзового тонкого круглого перекрученного дрота. Один конец заканчивается таблеткообразной шишечкой, а другой – биконической.

Все *браслеты* происходят из могильника Рахны. Они изготовлены из бронзы. Точное место находки изделия из прямоугольного дрота (рис. 18: 5) не известно. Аналогичный обнаружен в погр. 4 могильника (рис. 21: 5). Из пахотного слоя происходят обломок браслета из круглой проволоки (рис. 18: 6) с расплюснутым одним из концов (второй не сохранился). Другой браслет (также из культурного слоя) имеет концы в виде овальных шишечек, корпус из круглого дрота, сегментовидного у окончаний (рис. 18: 7). Браслеты с конусовидными, овальными или круглыми шишечками встречаются в некрополях Северного Причерноморья, начиная с V в. до н.э. Наиболее широко распространены в I – начале II в. н.э.,

хорошо известны, в частности, в Херсонесе [Ольговский, 2001, рис. 1: 12]. В Усть-Альминском некрополе исчезают во второй половине II в. н.э. [Высотская, 1994, с. 110].

Детали ожерелья

Подвески. Обломок железной смятой ведерковидной подвески происходит из погр. 12 могильника Рахны (рис. 19: 4). Подобные изделия широко распространены на территории Северного Причерноморья начиная со II в. до н.э. В Центральной Европе появились в период VI, т.е. в 40–70-е гг. н.э. [Бажан, Каргопольцев, 1989, с. 163–166].

В жилище 1 поселения Марьяновка найдена литая бронзовая конусовидная подвеска-колокольчик с четырьмя треугольными прорезями и окантовкой в виде псевдо-филиграни в нижней части. Наиболее ранние конические колокольчики с прорезями известны в классических лесостепных скифских древностях [Петренко, 1967, табл. 32: 32–42; Либеров, 1965, табл. 21: 31]. Из погр. 12 могильника Рахны происходит литая бронзовая двурога миниатюрная подвеска-лунница (рис. 26: 6). Подобные изделия известны у сарматов [Скрипкин, 1984, с. 40, рис. 14: 62], распространены они и в Северном Причерноморье, причем датируются широко. Похожее изделие, но с сильнее загнутыми внутрь концами, происходит из могильника Совхоз 10 в Крыму (мог. 148а). Е.М. Алексеева относит ее ко второй половине III в. [Алексеева, 1982, с. 26, табл. 42: 4].

Бронзовые пронизи относятся к двум типам: пластинчатым (10 экз. – Марьяновка: рис. 12: 3; Рахны, могильник, точные условия находки не ясны: рис. 18: 3,4; погр. 4: рис. 20: 6–8; погр. 5: рис. 22: 9; погр. 8: рис. 24: 1; Пархомовка: рис. 49: 9; 58: 13) и спиральным, свитым из круглой или плоской в сечении проволоки (13 экз. – Рахны, могильник, погр. 5: рис. 22: 2–4,6; погр. 8: рис. 24: 3,6–8; погр. 9: рис. 25: 3–5; погр. 12: рис. 26: 7). Аналогичные пронизи распространены в более ранних классических древностях зарубинецкой культуры, где тоже представляют собой серийные типы украшений [Кухаренко, 1964, с. 40; Максимов, 1972, с. 84].

Бусы. На поселении Марьяновка обнаружены две стеклянные бусины (см. каталог), но описание их в публикации отсутствует, а сами вещи утрачены. Стеклянные бусы входили и в состав ожерелий во многих погребениях могильника Рахны, но все они побывали в погребальном костре и совершенно расплавились. Типы бусин восстановить невозможно, ясно лишь, что они были как одноцветными, так и полихромными. Неплохо сохранились сердоликовые бусы. Как правило, под воздействием погребального огня они изменили свой цвет и стали похожими на изделия из

мрамора. Все они имеют шарообразную форму, хотя и разные размеры. Сердоликовые бусы происходят из могильника Рахны (погр. 2 – 6 экз.: рис. 19: 7; погр. 4 – 12 экз.: рис. 20: 4; погр. 5 – 3 экз.: рис. 22: 10–12; погр. 9 – 3 экз.: рис. 24: 11; 15; 25: 12,13; без определенного места находки – 4 экз.: рис. 18: 8–11; всего – 28 экз.). По хронологии Е.М. Алексеевой такие бусы относятся к типу 2 и датируются широко: от классической эпохи до позднеримского времени. Тем не менее, Е.М. Алексеева отмечает, что они были наиболее популярны в I–II вв. н.э. [Алексеева, 1982, с. 15,16].

К импортным изделиям относятся две плакетки-пронизи из египетского фаянса с рельефным изображением лежащего льва на прямоугольной подставке (Носовцы – рис. 14: 12; Рахны, поселение – рис. 33: 8). По Е.М. Алексеевой они принадлежат к типу 68 варианту б и датируются I–II вв. [Алексеева, 1975, с. 44,45].

Не исключено, что из египетского фаянса были изготовлены и три бусины из погр. 4 Рахнов (рис. 20: 5).

Амулеты

К ним относятся три литых кольца из бронзы, снабженные шишечками, расположенными в три ряда. Два из них сохранились хорошо (Марьяновка, без точных условий находки; Пархомовка, жилище 2: рис. 12: 5; 49: 10), одно – сильно оплавлено (Рахны, без точных условий находки). Подобные изделия хорошо известны на памятниках культуры Латен в периоды C и D. Во II–I в. до н.э. они распространяются на территории юга Восточной Европы [Берлизов, Еременко, 1998, с. 26,27, табл. 2: 55; Дашевская, 1991, с. 39]. Очень похожее кольцо происходит с поселения классического зарубинецкого периода Красное-4 в Среднем Посеймье [Обломский, Терпиловский, 1994, рис. 5: 9]. Небольшие кольца, как в Марьяновке, известны в Северном Причерноморье в I–II вв. (тип 17 металлических деталей ожерелья по Е.М. Алексеевой [Алексеева, 1982, с. 24, табл. 40: 47–49]). В первые века н.э. они известны в Усть-Альминском некрополе и на других могильниках Крыма [Высотская, 1994, рис. 34: 20,21; Мыш, Лысенко, Шукин, Шаров, 2006, рис. 12: 5,8,9]. Судя по положению в захоронениях Усть-Альминского могильника, браслеты с шишечками и кольца, скорее всего, имели ритуальное назначение: ни один из браслетов не был надет ни на руку, ни на ногу погребенного [Высотская, 1994, с. 111]. Аналогичные изделия встречаются и у сарматов [Скрипкин, 1984, с. 40].

* * *

Комплекс украшений позднезарубинецкого населения лесостепной части бассейна Южного Буга, очевидно, формировался из трех основных

источников. К первому относятся некоторые традиционные для зарубинецкой культуры предметы (фибула с треугольным щитком на ножке, пластинчатые и спиральные пронизи), ко второму – вещи, происходящие из Южной и Центральной Европы (фибулы типа «Авцисса», западные сильнопрофилированные, глазчатые), к третьему – предметы, хорошо известные в Северном Причерноморье и в прилегающей к нему степной зоне Восточной Европы (сильнопрофилированная причерноморская и пружинные с кнопкой на конце приемника фибулы, некоторые браслеты, подвеска-лунница и ведерковидная, сердоликовые и, вероятно, стеклянные бусы, изделия из египетского фаянса, которых в Северном Причерноморье очень много, кольца с шишечками). Античный импорт представлен, также, амфорами и сероглиняной гончарной керамикой. Не понятно пока, каким образом в одно из погребений могильника Рахны попала «сюльгама с усами» – типичный предмет для культур весьма отдаленно от Южного Побужья бассейна Оки.

Связи населения Южного Побужья со степным югом и Причерноморьем, по всей видимости, просто торговыми контактами не ограничивались. Наблюдается и прямое проникновение в позднезарубинецкую среду позднескифского и сарматского населения, о чем свидетельствуют некоторые типы лепных сосудов (см. выше).

Вопросы хронологии, происхождения и дальнейших судеб памятников типа Марьяновки

Хронологические рамки позднезарубинецкого периода, очерченные во введении к настоящей монографии (середина – третья четверть I–II вв. н.э.), должны восприниматься лишь в самом общем смысле. Для каждой из групп позднезарубинецких памятников требуется уточнение времени ее сложения и прекращения существования, если это возможно. На памятниках бассейна Южного Буга достаточно много датирующих вещей, что позволяет относительно точно определить хронологическую позицию этой группы позднезарубинецких древностей.

Для удобства читателя в приведенной ниже таблице 2 собраны сведения о тех хронологических индикаторах, которые датируются более или менее узко.

По датирующим вещам максимально широкий диапазон существования памятников бассейна Южного Буга – I в. до н.э. – III в. н.э. Поскольку на всех поселениях (Марьяновка, Носовцы, Ометинцы, Шурицы, Рахны, Париевка, Пархомовка) и на могильнике Рахны обнару-

жены лощеные лепные острореберные миски с прямыми венчиками, которые с учетом даты прототипов не могли появиться раньше начала н.э., то существование перечисленных памятников в I в. до н.э. исключается. Красноглиняные амфоры с двустольными ручками и светлоглиняные типа СIII/CIVA на позднезарубинецких поселениях бассейна Южного Буга, таким образом, относятся к I в. н.э.

Серия вещей датируется различными диапазонами I в. н.э. (фибулы типа Альмгрен 53, 60, 236с) или, в основном, I в. н.э. (фибула типа «Авцисса»). Показательно, что вещей, которые можно было бы однозначно отнести к началу I в. на памятниках Южного Побужья пока нет. На это время приходится пик использования фибул типа «Авцисса», но даже на территории Римской империи, откуда они происходят, такие изделия известны и позже (см. выше). Глазчатые фибулы Альмгрен 53 появляются не ранее 40-х гг., а Альмгрен 60 и 61 — не ранее 70-х. В могильнике Рахны имеются два комплекса с довольно узкой датой: погр. 4 — около 70-х гг. (по сочетанию глазчатых фибул основной и прусской серии О. Альмгрена) и погр. 9, из которого происходят сильнопрофилированная причерноморская фибула и глазчатая прусской серии — около 70 — 100 гг.

Датировки ряда вещей, кроме I в. н.э., распространяются и на II в. (светлоглиняные амфоры типа СI, обломок сильнопрофилированной фибулы А67—69; пружинная фибула небольших размеров с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника; плакетки с лежащими львами из египетского фаянса). Непосредственно на существование южнобугских памятников во II в. н.э. указывает крупная пружинная одночленная фибула с гладким корпусом и едва намеченной кнопкой на конце приемника, которая по А.К. Амброзу датируется II—III вв. Весьма актуальным вопросом для памятников бассейна Южного Буга является проблема определения верхней даты, т.е. насколько далеко они «заходят» во II в.

Необходимо отметить, что на позднезарубинецких памятниках других регионов (Среднего Поднепровья, Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца) наиболее поздними из вещей, составляющих серии, являются фибулы типа Альмгрен 84 и т.н. украшения с выемчатыми эмальями восточноевропейского стиля (см. разделы 3—5 настоящей главы). Первые появляются на стадии В2b центральноевропейской хронологии, т.е. после прекращения использования большинства глазчатых фибул прусской серии, представленных в Рахнах, и существуют вплоть до периода В2/С1 включительно. Датируются изделия типа А84 началом II — рубежом II/III вв. [Dąbrowska, 1992, s. 106—107].

Наиболее архаичные вещи с выемчатыми эмальями появляются в период В2/С1, т.е. не ранее второй половины II в. [Обломский, 2002, с. 13; Терпиловский, 2004, с. 23,29]. На позднезарубинецких памятниках бассейна Южного Буга, несмотря на довольно большое количество изделий из бронзы, ни фибул А84, ни вещей с эмальями нет. Древности типа Марьяновки на этапе «ранних эмалей» не известны, соответственно, максимально допустимая верхняя дата памятников Южного Побужья может быть ограничена серединой II в., но не исключено, что они исчезают и раньше — где-то на рубеже периодов В2a и В2b, т.е. в начале II в.

Хронологические индикаторы позднезарубинецких древностей бассейна Южного Буга указывают, что памятники типа Марьяновки появляются, скорее, в середине или ближе к середине I в. н.э., чем в начале этого столетия. Наиболее вероятная дата этих древностей — середина I — середина II в. Тем не менее, и начальный, и конечный рубеж их существования требует уточнения.

Сделать это можно будет только тогда, когда представится возможность построить общую колонку древностей региона от финала скифской эпохи до появления черняховских памятников, т.е. до позднеримского периода. Пока эта работа не проделана. П.И. Хавлюк начал ее, но не успел завершить.

Согласно его представлениям, наиболее ранние зарубинецкие памятники (Ометинцы, Сокольцы, Носовцы, Пархомовка, Париевка и некоторые другие) появились в регионе во II в. до н.э. К более позднему времени он относил поселение и могильник Рахны. «Зарубинецкая культура в Южном Побужье и в прилегающем к нему Левобережном Поднепровье оставалась в значительной степени монолитной до конца первой четверти III в. н.э.» [Хавлюк, 1990; 2003, с. 176—177].

Это утверждение находится в резком противоречии с данными, приведенными выше. Все перечисленные П.И. Хавлюком памятники однородны по набору лепных сосудов, в частности, на всех обнаружены ребристые миски с прямыми венчиками, характерные для I—II вв. н.э. Каких-либо оснований разделения южнобугских древностей на этапы нет.

Одним из самых ранних зарубинецких памятников Побужья П.И. Хавлюк считал поселение Райки Ильинецкого р-на Винницкой обл. [Хавлюк, 1974б, с. 17]. Селище расположено на северо-восточной окраине села. Остатки углубленной постройки выявлены в стенке карьера для добычи глины. Здесь заложен раскоп площадью 180 кв. м.

Сохранившаяся часть постройки имела размеры 7,55 x 4,0 м. Глубина — от уровня материка — 1,2 м в центре и 0,55 м — около северо-восточной стенки. В восточной части постройки расположена хозяйственная яма глубиной 0,4 м. В постройке

исследовано отопительное устройство, которое П.И. Хавлюк трактовал как печь, расположенную на материковом останце высотой 0,8 м на глубине 0,5 м от древней поверхности. Печь имела каркасно-купольную форму и была круглой в плане. Остатки стенок сохранились на высоту около 30 см. Под печи был вымазан глиной, а снизу выложен черепками сосудов и мелкими камнями. Общая толщина пода — 0,25 м. Край пода, который выходил в постройку, заканчивался приступком с заглаженными краями.

Около северного и восточного краев землянки по обе стороны от печи прослежены две ямки от столбов деревянного каркаса диаметром 0,1–0,2 м и глубиной 0,1–0,15 м. Пол постройки неровный. У печи зафиксировано углубление до 1,2 м.

В заполнении постройки обнаружено 469 фрагментов сосудов, а на печном поде — 505 экз. [Хавлюк, 1974б, с. 15,16]. Основные формы приведены на рис. 67–70. По описанию в отчете П.И. Хавлюка не понятно, какие сосуды были лощеными, а какие имели шероховатую поверхность. Риском предположить, что лощеными были лепные миски.

По нашему мнению, комплекс из Райков относится не к зарубинецкой, а к поморско-подклошевой культуре. Сосуд с суживающейся сверху усеченно-конической шейкой, уступом под ней, округлым, но довольно резким перегибом бочка (рис. 67: 1) типичен для подклошевых могильников Польши, где такие горшки часто служили урнами. Самая близкая аналогия происходит из погр. 1 могильника Трансбор. Сосуд из этого комплекса, как и из Райков, украшен сплошными, расположенными рядами отпечатками ногтя по тулову [Kietlińska, Mikłaszewska, 1963, tabl. I: 3]. В Трансборе и Варшаве-Генрикове (на эталонных для Центральной Польши и Мазовии подклошевых могильниках) найдена целая серия подобных сосудов, но без такого орнамента [Zawadska, 1964, tabl. I: 7,14; VI: 14; VII: 2; VIII: 11; IX: 3,7; X: 1; XI: 1; Kietlińska, Mikłaszewska, 1963, tabl. II: 6; XV: 17; XXI: 5]. Пропорции их могут варьировать: сами сосуды были как вытянутыми по вертикали, так и несколько «сплюснутыми», но формы их очень близки. Аналогичные горшки известны на могильниках Головно-I и II в Припятском Полесье [Кухаренко, 1961, табл. 5: 1,4,16,17] и на некоторых поселениях Волини [Козак, Оприск, Шкоропад, 1999, рис. 47: 1].

В сочетании с этими горшками часто встречаются чашеобразные [Zawadska, 1964, tabl. I: 16; II: 11; III: 5,8; IV: 3,7,9; V: 1,2,7,11; VII: 15; VIII: 6; Kietlińska, Mikłaszewska, 1963, tabl. VIII: 6; XVIII: 13; XX: 9,14; XXII: 5,17; Кухаренко, 1961, табл. 5: 16; Козак, Оприск, Шкоропад, 1999, рис. 46: 4,5; Шкоропад, 2004, рис. 32: 3] и округлобокие или со сглаженным ребром S-овидные миски, похожие на найденные в Райках (рис. 69; 70) [Zawadska,

1964, tabl. III: 9; VI: 2,7; VII: 4; X: 1; XIV: 17; Kietlińska, Mikłaszewska, 1963, tabl. I: 14; V: 11; XVI: 1,6; XVIII: 4; XIX: 5; Козак, Оприск, Шкоропад, 1999, рис. 46: 3; Козак, 1991, рис. 58: 10; Шкоропад, 2004, рис. 22: 7; 31: 6; 32: 5,6; 35: 2]. Пальцевые вдавления, расположенные в шахматном порядке с внутренней и внешней сторон венчиков груболепных горшков, находят параллели на памятниках того же культурного круга [Zawadska, 1964, tabl. I: 12; VII: 11; IX: 8; X: 20; Kietlińska, Mikłaszewska, 1963, tabl. XIV: 18,19; Козак, 1991, рис. 58: 2,4; 59: 3,6; 60: 2,4; Шкоропад, 2004, рис. 16: 9,17; 17: 23; 22: 4].

Райки, таким образом, являются самым юго-восточным поселением поморско-подклошевой культуры. К сожалению, на самом этом памятнике датирующих вещей нет. Из постройки происходит лишь серия бытовых предметов, даты которых весьма широки (рис. 71).

Традиционно поморско-подклошевая культура датировалась IV–III вв. до н.э. [Кухаренко, 1961, с. 9–11] и считалась предшественницей пшеворской. Впоследствии появились данные о частичной синхронности этих двух культур. Подробно этот вопрос рассмотрен Т. Домбровской, которая приводит подборку пшеворских комплексов с находками подклошевой керамики с комментариями о степени их достоверности и делает вывод о сосуществовании двух культур вплоть до фазы A2 предримского времени (II – первая половина I в. до н.э.) [Dąbrowska, 1988, s. 84–103]. Это наблюдение подверг критике В.Е. Ерёмченко, отметив, что поморские элементы могли попасть в пшеворскую среду вместе с ясторфскими. Восточная часть ареала ясторфской культуры граничила с территорией поморской археологической общности и испытывала определенное влияние последней. Утверждать, что поморско-подклошевая и пшеворская культуры сосуществовали, по мнению В.Е. Ерёмченко, нет достаточных оснований [Ерёмченко, 1997, с. 71–73].

Действительно, идеи Т. Домбровской не вписываются в общую концепцию В.Е. Ерёмченко, который склонен соотносить археологические культуры с жестко очерченными хронологическими этапами. Реальность, тем не менее, оказалась более сложной. В.В. Шкоропад опубликовал обломок фибулы типа В Й. Костшевского, который происходит из поморско-подклошевого жилища 5 поселения Шанкив Яр на Волини [Шкоропад, 2004, рис. 13: 8]. Датирует эту фибулу он по Т. Домбровской, З. Возняку и К. Годловскому II – первой половиной I в. н.э. и выделяет вторую (позднюю) фазу подклошевой культуры на Волини, для которой характерно наличие зарубинецкой керамики в подклошевых комплексах, что свидетельствует о частичном сосуществовании этих культур [Шкоропад, 2000, с. 10,11; 2004, с. 31].

Разумеется, очерченные В.В. Шкоропадом хронологические рамки позднего этапа подклошевой культуры Волини должны восприниматься лишь как максимально допустимые широкие. Не исключено, что связанные с ней комплексы могли сложиться и в самом начале этого периода. Тем не менее, нельзя исключать, что материалы из Райков относятся не к IV–III, а ко II и даже к началу I в. до н.э.

Открытие П.И. Хавлюком поморско-подклошевого комплекса в Райках ставит больше вопросов, чем дает ответов. Если поморское население проникает в бассейн Южного Буга в IV–III вв., то каковы были его взаимоотношения с местными племенами лесостепного скифского круга? Если эта инвазия относится к более позднему периоду, то были ли контакты продвинувшихся в Южное Побужье поморских группировок с зарубинецким населением? Прояснить эту ситуацию помогут лишь новые раскопки.

Единственным косвенным свидетельством присутствия в лесостепной части бассейна Южного Буга латенизированного населения до рубежа н.э. являются материалы металлургического центра у с. Синица Христиновского р-на Черкасской обл. около г. Умани. В.В. Кропоткин, который первым провел здесь небольшие раскопки, отнес этот памятник к черняховской культуре [Кропоткин, Нахапетян, 1976]. Более масштабные исследования производственного центра и расположенного рядом поселения были проведены в 1981–1982 гг. Историко-технологической экспедицией Института археологии АН УССР. По находкам немногочисленных фрагментов груболепной и лощеной посуды этот памятник был отнесен авторами раскопок к «поздnezарубинецкой культуре» I в. до н.э. – I в. н.э. [Паньков, Манічев, Недопако, 2003, с. 112].

К сожалению, керамика поселения опубликована не в прорисовках, а в виде фотографий, сделанных анфас, по которым невозможно представить себе особенности форм сосудов [Паньков, Недопако, 1999, рис. 3]. Эти материалы были осмотрены А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским, которые пришли к выводу, что фрагменты лепных лощеных мисок резко отличаются от поздnezарубинецких наборов как Среднего Поднепровья (типа Лютеежа), так и бассейна Южного Буга (типа Марьяновки). Так, среди мисок из Синицы имеются обломки округлободких сосудов с прямыми венчиками, снабженными гранями с внутренней стороны [Паньков, Недопако, 1999, рис. 3: первые позиции слева во втором и третьем рядах], которые характерны как для классических зарубинецких древностей Среднего Поднепровья, так и для памятников круга Поянешти – Лукашевки Поднепровья. Типичных для поздnezарубинецкого периода обломков остросреберных мисок с пря-

мыми венчиками на памятнике нет, соответственно, I в. н.э., как период существования, для него исключается. К сожалению, пока нет ответа на вопрос, в какой степени типичны для бассейна Южного Буга материалы, близкие к происходящим из Синицы.

По поводу причин исчезновения памятников типа Марьяновки также много неясного.

Практически на всех исследованных П.И. Хавлюком раскопками поселениях (Марьяновка, Носовцы, Рахны, Париевка, Пархомовка) выявлены остатки наземных построек, погибших в пожарах. От них обычно оставались куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками деталей каркаса³, пепел, угли (см. описание памятников в приложении). Ничего подобного на селищах поздnezарубинецкого культурно-хронологического горизонта других регионов лесостепи не отмечено. Эти наблюдения заставляют сделать вывод, что поселения бассейна Южного Буга погибли в результате какого-то нашествия. Относительная многочисленность вещей на этих памятниках (бытовых предметов, орудий труда, украшений) свидетельствует в пользу того, что вторжение было внезапным. Представлявшие ценность вещи обитатели поселков не успели унести.

Кто же мог разгромить поздnezарубинецкие поселения?

По реконструкциям П.И. Хавлюка следующим этапом истории лесостепного Побужья и прилегающей части бассейна Днестра был вельбарский. Памятники вельбарской культуры, носителей которой в начале позднеримского периода обычно отождествляют с готами, по опубликованной им карте на территории Винницкой обл. составляют две области концентрации. Восточная практически полностью совпадает с ареалом более ранних поздnezарубинецких древностей типа Марьяновки [Хавлюк, 1988, рис. 7].

Наиболее ранней находкой с вельбарских поселений является фибула из Тымаря, которая обнаружена на месте распаханного наземного жилища [Хавлюк, 1988, с. 139, рис. 6: 1]. Это украшение П.И. Хавлюк считает типологически близким фибуле с двумя бусинами на спинке из могильника Рахны (рис. 25: 1). Действительно, экземпляр из Тымаря относится к группе 11 (сильнопрофилированные фибулы причерноморских типов) варианту I-1 без добавочной орнаментации по А.К. Амброзу [Амброз, 1966, с. 40]. В Рахнах такая фибула относится к 70–100 гг. н.э. Известны они и во II в. [Генчева, 2004, с. 36,37]. Прочие вельбарские фибулы, опубликованные П.И. Хавлюком, более поздние. Они относятся к

³ Как показывает практика, необожженная обмазка просто растворяется в грунте или фиксируется в виде пятен. Никакие отпечатки на ней не сохраняются.

группе двучленных прогнутых подвязных [Хавлюк, 1988, рис. 4: 6; 6: 3,4].

Фибула из Тымаря максимально близка по дате к финалу памятников типа Марьяновки. Проникновение готы в бассейн Южного Буга с учетом этой находки может быть связано с т.н. брест-тришинской волной по М.Б. Шукину или даже с несколько более ранним временем. Эту волну готской экспансии М.Б. Шукин первоначально относил ко времени между фазами В2 и С1 или к началу С1 центральноевропейской хронологической системы и датировал около 170–220 гг. [Szczyk, 1981, s. 143], потом в качестве наиболее вероятной даты указал на, приблизительно, 200 г. [Шукин, 1994, с. 247], а впоследствии несколько расширил возможный период процесса продвижения вельбарского населения на земли к юго-востоку от Западного Буга от 150–160-х до 220–240-х гг. [Шукин, 2005, с. 106]. Фибула из Тымаря может считаться одной из самых ранних датирующих вещей на вельбарских памятниках Юго-Восточной Европы.

Не исключено, что именно готы уничтожили поселения типа Марьяновки: фибула из Тымаря дает возможность это допустить. Тем не менее, вполне вероятно и другое.

До полной публикации материалов Тымаря нет уверенности, что изданная П.И. Хавлюком фибула относится именно к вельбарской культуре. Не исключено, что на этом памятнике были более ранние позднезарубинецкие напластования. Вполне вероятно, что до появления на Южном Буге вельбарского населения сюда проникла какая-то другая группировка, которая заняла хронологическую нишу периодов В2b, В2/С1, С1a центральноевропейской хронологии и, в свою очередь, была сметена готами. Выяснить, какое из двух предположений соответствует действительности, помогут только новые раскопки памятников римского времени бассейна Южного Буга, проведенные на современном уровне.

Таблица 1. Погребальный обряд и вещевой комплекс могильника Рахны.

№ погр.	Глубина от дневной поверхности (в м)	Размеры могильной ямы (в м)	Количество скоплений кальцинированных костей	Количество сосудов	Характер расположения сосудов	Вещевой комплекс	Характер расположения вещей	Примечания
1	?	?	1	1	?	бронзовые сережка, пронизь, обломок пружины от фибулы и оплавленная стеклянная бусина	среди костей	размыто
2	0,45	2 x 1,5 м	2	3	на костях	17 бусин, спираль, 3 пронизи, 3 пряслица, железные подвеска и кольцо	среди костей	частично разрушено распашкой
3	0,2	1,8 x 1,9 м	несколько костей	1	среди сгоревших поленьев	нет	нет	трупосожжение на месте: в яме – сгоревшие поленья, следы обожженности грунта
4	?	площадь – около 2 кв. м	1	6	на костях, среди костей	бронзовые 4 фибулы, 2 браслета, 7 обломков оплавленных браслетов или гривен, 3 пронизи; 3 пряслица, 21 бусина.	среди костей	частично разрушено распашкой

Таблица 1. Погребальный обряд и вещевой комплекс могильника Рахны (окончание).

№ погр.	Глубина от дневной поверхности (в м)	Размеры могильной ямы (в м)	Количество скоплений кальцинированных костей	Количество сосудов	Характер расположения сосудов	Вещевой комплекс	Характер расположения вещей	Примечания
5	?	?	1	5	на костях	10 сердоликовых бусин, несколько оплавленных стеклянных бусин, бронзовые полая бусина или подвеска, пружина фибулы	среди костей	сильно разрушено распашкой
6	0,35	кости концентрировались на пространстве 0,8 x 0,9 м	1	1	среди костей	нет	нет	сильно разрушено распашкой
7	сразу под пахотным слоем	кости концентрировались на пространстве 1,1 x 1,4 м	1	1 и отдельные черепки	сосуд — около костей, черепки — среди костей	бронзовые фибула и пружина от другой фибулы	около костей	
8	0,1	кости концентрировались на пространстве 1,2 x 1,4 м	1	2	«на поверхности грунта»	бронзовые 8 обломков браслета, 2 пронизи, часть подвески или колокольчика, стержень железного шила или иглы	среди костей	сильно разрушено распашкой
9	ниже пахотного слоя на 0,1	кости и находки занимали пространство 2 x 2 м	4	9А — 1; 9Б — 2; 9В — 2; 9Г — 2	9А — в сосуде и около него; 9Б — среди костей?; 9В — около костей; 9Г — ?	9А — фибула, бусина; 9Б — бронзовая фибула, пряслице, несколько обломков бронзовых иголок, две пронизи, оплавленные 2 бусины; 9В — 10 бусин, бронзовая бляшка, 2 пронизи; 9Г — нет	во всех скоплениях — среди костей	Из фондов Винницкого музея происходит серия вещей, соответствия со скоплениями которые не удалось
10	0,3	?	2	2	среди костей	Ск. 1 — бронзовые фибула и гривна; Ск. 2 — бронзовая подвеска	среди костей	сильно разрушено распашкой
11	0,3–0,4 м	1,4 x 1,7 м	1	нет	нет	5 бусин	?	
12	0,35	1,45 x 1 м	1	нет	нет	железная пружина фибулы, бронзовые обломки сюльгамы, подвеска, пронизь, две обожженные бусины	?	

Таблица 2. Хронология вещей позднезарубинецких памятников бассейна Южного Буга.

Категория и тип вещи	Рисунок	Дата	Примечание
Светлоглиняные амфоры типа С1 по С.Ю. Внукову	64: 3	50-е гг. I в. до н.э. — первая треть II в.н.э.	
Красноглиняные (?) амфоры с двустольными ручками	13: 3,6,11	I в. до н.э. — серединой I в.н.э.	Отнесение к этому типу условно
Светлоглиняные амфоры типа С11 или С1VA по С.Ю. Внукову	13: 10; 29: 4; 36: 7; 66: 11	20–15 гг. I в. до н.э. — конец I в.н.э.	Суммарная дата двух типов
«Зарубинецкая фибула» варианта V	21: 4	70-е гг.н.э.	По дате погр. 4 могильника Рахны
Фибула типа «Авцисса»	18: 1	последние два десятилетия I в. до н.э. — середина I в.н.э., допустимо существование до начала II в.н.э.	
Глазчатая фибула типа Альмгрен 53	23: 1	40–70 гг.н.э.	Из погр. 7 Рахнов
Глазчатая фибула типа Альмгрен 53	21: 3	70-е гг.н.э.	По дате погр. 4 могильника Рахны
Глазчатые фибулы типа Альмгрен 60	24: 16; 26: 4	70–100 гг.н.э.	
Глазчатая фибула типа Альмгрен 61	21: 2	70-е гг.н.э.	По дате погр. 4 могильника Рахны
Сильнопрофилированная фибула Альмгрен 67–69	7: 4	Последние 2 десятилетия I в. до н.э. — II в.н.э.	Обобщенная дата трех типов
Сильнопрофилированная фибула типа Альмгрен 236 варианта с	12: 4	Второе десятилетие — конец I в.н.э.	По общей дате типа и сочетанию вещей в погр. 9 Рахнов
Сильнопрофилированная причерноморская фибула варианта I-1 без орнамента по А.К. Амброзу	25: 1	70–100 гг. н.э.	По дате погр. 4 могильника Рахны
Пружинная фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника(небольших размеров) по А.К. Амброзу	27: 14	I — первая половина II в.н.э.	
Пружинная фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника(небольших размеров) по А.К. Амброзу	21: 1	70-е гг.н.э.	
Пружинная фибула с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника(крупная) по А.К. Амброзу	27: 2	II–III вв.	
Сюльгама с усами	26: 3	Первые вв.н.э.	
Плакетки с лежащим львом из египетского фаянса типа 68 варианта б по Е.М. Алексеевой	14: 12; 33: 8	I–II вв. н.э.	

ГЛАВА 3.

Поздnezарубинецкие памятники Среднего Поднепровья

(Ю.Ю. Башкатов, Р.В. Терпиловский)

1. Памятники типа Лютеж

Памятники типа Лютеж распространены на территории Среднего Поднепровья по обоим берегам Днепра от среднего течения р. Тетерев на севере до, приблизительно, широты впадения в Днепр р. Сулы на юге. Лишь одно поселение (Березовка-2) известно на востоке Днепровского Левобережья на р. Ворсклице (рис. 1,2).

При выделении поздnezарубинецких памятников Среднего Поднепровья в особую группу наиболее важным вопросом является определение их хронологии из-за значительного типологического сходства с зарубинецкими древностями.

Для разграничения этих двух групп памятников предлагается критерий их ландшафтного расположения. Подавляющее большинство поздnezарубинецких поселений, известных за пределами Среднего Поднепровья, но в той или иной степени связанных с этим регионом по происхождению (типа Почеп, типа Картамышево, Терновка, хоперской группы), расположены на всхолмлениях в пойме (дюны, останцы высокой поймы) или на первой надпойменной террасе на высоте от 0,5 до 6 м над уровнем затапливаемых в половодье участков речных долин. В таких же условиях находятся верхнеднепровские по происхождению, но известные частично и в Среднем Поднепровье, поселения типа Грини. Исключения из этого правила крайне редки.

В сводке Е.В. Максимова в северной части Среднего Поднепровья, на границе лесной и лесостепной зон упомянуто 17 поселений зарубинецкого круга «пойменной» или «околопойменной» топографии [Максимов, 1972, с. 19-52]. Нами учтено восемь селищ, подвергшихся раскопкам: Лютеж, Оболонь, Таценки, Тетеревка, Крюковщина, Чапаевка, Новые Безрадици, Вишенки, а также два погребения с кремацией в Бортничаях и Жукине (см. Приложение 1). По

данным разведок зафиксировано еще 27 памятников. По составу керамического комплекса и конструкции жилищ указанные селища сходны, что позволяет объединить их в группу «памятники типа Лютеж». Эпонимное поселение может служить определенным эталоном, поскольку, вероятно, существовало относительно недолго и, кроме того, раскопано полностью. Подавляющее большинство среднеднепровских зарубинецких поселений классического периода имеют иную топографию: они находятся преимущественно на коренных берегах рек [Максимов, 1972, с. 62-65]. Для ответа на вопрос, различаются ли поселения этих двух ландшафтных зон во времени, проанализируем их хронологическое соотношение.

Дата финала зарубинецкой культуры определяется в первую очередь по сравнительно многочисленным находкам фибул в погребениях. Наиболее поздние датирующие вещи классических могильников представлены типологически поздними проволочными или изготовленными из узкой пластины фибулами среднелатенской схемы варианта ГЗ, фибулами позднелатенской схемы вариантов М, Н, П/Р и одночленной подвязной варианта Ф по модифицированной классификации Ю.В. Кухаренко [Обломский, 1987], а также фибулами с треугольным щитком на ножке III и IV вариантов по А.К. Амброзу (могильники Пирогов, Корчеватое, Девич-Гора и Витачев). Все эти типы на территории зарубинецкой культуры синхронизируются в пределах третьей фазы предримского периода. Некоторые из них (П/Р, ГЗ, Ф) датируются только этим этапом, остальные появляются раньше, но доживают до конца латена D [Обломский, 1983, с. 118-119]. К этому же времени относится погребение 3 Суботовского могильника, датируемое на основании сочетания причерноморской фибулы и поясного крючка началом I в. н.э. [Шукин, 1972, с. 50; Обломский, 1987] и стеклянная фиала из

Девич-Горы [Обломский, 1987, с. 71-72; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 24,43].

Это наблюдение, сделанное в 80-е гг. до сих пор не потеряло актуальности. Более поздних фибул нет и на могильниках, исследованных позже. В Вишенках наиболее поздние из них представлены (из раскопок С.П. Пачковой) т.н. зарубинецкими с широкими и относительно длинными треугольными щитками, а также изделиями позднелатенской схемы без прогиба спинки, в Луке — к типам П/Р, Ф [Пачкова, 2006, с. 77; 2008, с. 73-75; Серов, Скиба, Цыдровская, 2003, рис. 4: 3,7; 5: 4,5].

Поздние фибулы зарубинецких поселений, расположенных на коренных берегах, не отличаются по хронологической позиции от найденных на могильниках. Это застежки вариантов Н (Сахновка), П/Р (Монастырек), ГЗ (Пилипенкова Гора, Бабина Гора). Таким образом, среднеднепровские городища и селища на коренных берегах в целом синхронны классическим могильникам и исчезают в период прекращения их функционирования не позднее финала позднего латена на территории зарубинецкой культуры. Ни с классическими зарубинецкими погребениями, ни с расположенными высоко над поймой поселениями достоверно не связаны находки раннеримских вещей средневропейских периодов В1 и В2 [Шукин, 1979, с. 68], кроме фиалы с Девич-Горы. Эти факты интерпретируются исследователями по-разному.

По мнению Е.Л. Гороховского, зарубинецкие могильники с украшениями латенских типов прекращают функционировать около рубежа нашей эры, в первой половине I в. н.э. появляются поздnezарубинецкие памятники с раннеримскими вещами, однако жизнь на таких поселениях как Оболонь не прерывалась [Гороховский, 1988б, с. 151-158]. Финал позднего латена на зарубинецких памятниках М.Б. Шукин и К.В. Каспарова датируют по аналогии с пшеворской культурой 40-ми гг. или серединой I в. н.э. С другой стороны, в погребениях заключительной фазы зарубинецкой культуры появляются острореберные миски с вертикальным венчиком, являющиеся, по мнению А.М. Обломского [1987, с. 81-83] (см., также, гл. 2 настоящей монографии), подражанием краснолаковым античным сосудам. Поэтому исследователь считает, что распад зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья происходит несколько позже, в пределах 40-70-х гг. н.э. Еще к более позднему периоду, концу I в. н.э., относит ряд погребений Пироговского могильника С.П. Пачкова по аналогии с керамикой могильника Рахны в Южном Побужье [Пачкова, Кубишев, 1992]. Однако своеобразие южнобугской погребальной обрядности по сравнению с зарубинецкой, а также значительный период существования большинства керамических форм требует поиска новых доказательств этого положения.

Датирующие находки из «пойменных» и «околопойменных» поселений Среднего Поднепровья по своей хронологической принадлежности делятся на две группы. Первую составляют фибулы вариантов М (Таченки-1), О (Оболонь) и П/Р (Волчков, Оболонь). Как говорилось выше, такие фибулы диагностируют также финал зарубинецкой культуры, причем варианты О и П/Р синхронизируются в рамках третьей фазы позднего латена. К этой же группе примыкают бронзовая и железная шпоры из Оболони [Шовкопляс, 1988, с. 237], типичные для позднелатенского времени и не выходящие за его пределы (рис. 93: 12,13,17,18).

Ко второй группе относятся более поздние датирующие вещи, ни разу не встреченные в комплексах погребений или жилищ, а также на поселениях и могильниках классического периода. Подобной находкой является поздняя глазчатая фибула из Лютежа (тип IV серии В по Р. Ямке). Согласно относительной хронологии Средней Европы, в частности пшеворской культуры, позднейшие варианты глазчатых фибул связаны с ранними комплексами периода В2 или В2а, то есть с последней четвертью I и первой четвертью II в. н.э. (рис. 86: 15) [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 27-28]. В Оболони встречен также фрагмент подковообразной фибулы с выемчатой эмалью (рис. 93: 11) [Шовкопляс, 1988, с. 236]. Из постройки 4 Новых Безрадицей, содержащей позднезарубинецкую керамику, происходит бронзовая полукруглая пряжка, близкая к типам D1-2 по Р. Мадыде-Легутко, а из культурного слоя — железная шпора с треугольной расширенной в середине дужкой и массивным шипом группы 1 по К. Годловскому или типа E2 по Е. Гинальскому (97: 18,19) [Терпиловский, 1985б, рис. 10: 39,44; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 79; Ginalska, 1991, s. 61-62, rys. 11: 4-9; Madyda-Legutko, 1986, S. 24-26]. Оба предмета характерны для центрально-европейского культурного круга. Пряжки относятся к фазам В1, В2, В2/С1, С1а, но в основном, к В1 и В2, т.е. в целом датируются серединой I — началом III в., а преимущественно были распространены в середине I — середине-третьей четверти II в. Шпоры характерны для фаз В2 и В2/С1, т.е. для последней четверти I — II в.

С двумя трупосожжениями близ Киева связаны «вендская» фибула (Бортнич) и известный Жукинский комплекс украшений, включающий диадему, ожерелье с подвесками, два браслета и фибулу. По мнению Е.Л. Гороховского [1988б, с. 119-120, 206], эти вещи следует датировать второй половиной II в.

Из Среднего Поднепровья происходит несколько десятков различных предметов убора и украшений, относящихся к этому периоду. Некоторые из них связаны с позднезарубинецкими памятниками, диагностируемыми на основании

разведок. Это поздняя глазчатая фибула из Таценок [Максимов, 1969, с. 43] и фибула позднелатенской схемы «почепского типа» из Коржей (Рябцы) в поречье Трубежа [Савчук, 1969, рис. 1: 22]. Серединой II в. следует датировать две находки из Бобрицы близ Канева: бронзовую шпору средневропейского типа и крупную фибулу, аналогичную застежке из Жукина. Ножка фибулы выполнена по среднелатенской схеме, но спинка отличается гигантскими размерами и пуансонным орнаментом в виде концентрических окружностей и дуг [Максимов, 1991, рис. 2: 9,10; Терпиловский, 2004, рис. 3: 6,7]. Возможно, с позднерубинецкими памятниками связаны также сильнопрофилированные фибулы типа Альмгрен-84 из Рудяков и близкая к ней из Пасечной [Максимов, 1972, табл. XI:3; Савчук, 1969, рис. 1:18]. Подобные фибулы относятся ко второй половине II в. [Гороховский, 1988б, с. 197]. Железные фибула и пряжка II в., связанные, очевидно, с находками груболепной и лощеной керамики типа Лютеж, а также Т-образной фибулы с выемчатой эмалью, происходят из размытого водами Кременчугского водохранилища поселения Леськи-3 [Куштан, Сиволап, Терпиловский, 1999; Терпиловский, 2004, рис. 3: 1,5].

Исходя из ставшего традиционным «принципа подобия» ландшафтного расположения зарубинецких поселений и могильников, С.П. Пачкова недавно сделала вывод об очень раннем возникновении «пойменных» селищ в Среднем Поднепровье. По ее мнению, на могильниках Вишенки, Хотяновка и Пуховка имеется ряд погребений, которые относятся к ранним (первому и второму) периодам зарубинецкой культуры, т.е. к латену С — началу латена D [Пачкова, 2006, с. 130-131]. К сожалению, все ранние погребения датируются исключительно по керамике. Если же принять во внимание более надежный датирующий материал (фибулы), то они относятся к достаточно поздним для зарубинецкой культуры типам: треугольным с относительно длинными щитками и проволочным позднелатенской схемы. Все эти вещи характерны для позднего этапа зарубинецкой культуры, а не для периода ее формирования. Лишь одно изделие может датироваться более ранним временем — фибула типа Г3 по классификации А.М. Обломского из могильника Казаровичи — Цегельня¹, но подобные вещи в зарубинецкой культуре существуют очень долго — по третьей фазу предримского периода включительно [Обломский, 1997, с. 143-144].

Таким образом, «пойменные» и классические зарубинецкие поселения на коренных берегах частично сосуществуют (в какой-то из отрезков

времени употребления вещей первой группы на пойменных селищах). Учитывая все приведенные выше данные, максимально ранним допустимым временем возникновения первых поселений и могильников с «пойменной» топографией является I в. до н.э. Основные поселения на коренных берегах не позднее третьей четверти I в. н.э. были оставлены, а пойменные (как ландшафтный тип) продолжали существовать и позже.

Очевидно, ряд поселений, таких как Оболонь, возник еще на финальной стадии зарубинецкой культуры, однако продолжал существовать и в I-II вв. Большая часть комплексов Оболони, судя по составу датирующих находок и керамических материалов, относится именно к «классической» зарубинецкой культуре. Так, в Оболони встречаются миски с S-видным профилем и двумя-тремя гранями на внутренней стороне венчика, которые полностью отсутствуют в Лютеже. Как известно, такие миски типичны для зарубинецкого керамического комплекса Среднего Поднепровья в период до рубежа н.э. [Максимов, 1982, с. 46]. Вместе с тем, находки характерных форм лощеных мисок, происходящие по крайней мере из шести жилищ (№№ 40, 47, 51, 61, 62, 64) и 15 ям (см. Приложение 1; рис. 90-92), по аналогии с Лютежем, свидетельствуют о функционировании селища и в раннеримское время.

Особенность памятников типа Лютеж наиболее выразительно можно представить по керамике эпонимного поселения, так как аналогичные находки из Оболони, Крюковщины, Таценок, Тетеревки, Новых Безрадицей и других пунктов сравнительно малочисленны. Доля лощеной керамики из Лютежа достигает 17,2% [Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 64].

На поселении представлены округлобокие горшки типа I,1 варианта а разновидностей а (рис. 86: 10,11) и б², а также ребристые типа II,1 (рис. 86: 1,7); II,2 варианта а (рис. 86: 8), II,3 (рис. 86: 2) по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (соответственно, типа I-1, типа I-2 варианта Б, а также ребристые типа II-1 вариантов А,Б и II-2Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Наиболее часто встречаются сосуды типов I,1 варианта а разновидности а, II,1 и II,2 варианта а по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (типов I-1 варианта Б, II-1Б и II-2Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Прочие (закрытые слабопрофилированные I,3-а, тюльпановидные I,3-б, ребристые II,3 с выпуклой дугой в нижней части профиля) сравнительно редки. Уникальна для памятников позднерубинецкого круга округлобокая «цедилка» с загнутым внутрь венчиком, на поверхности которой сплошь рядами нанесены сквозные отверстия.

¹ В работе С.П. Пачковой эта фибула, которая хранится в Музее истории г. Киева, ошибочно определена, как относящаяся к типу В-Костшевский [Пачкова, 2006, с. 130-131].

² Описание признаков таксонов горшков и мисок см. в главе 2.

Поверхность подавляющего большинства горшков — нелощеная. Она заглажена, иногда на ней заметны следы пальцев. Имеются и обломки с искусственно ошершавленной (хрповатой) поверхностью. Излюбленные приемы орнаментации — насечки и защипы по краю венчика. Встречаются изредка фрагменты верхних частей горшков, орнаментированные налепными валиками, иногда на плече сосудов имеются следы «ложного валика» — пояса защипов.

Лощеные горшки единичны. Два экземпляра, форма которых поддается реконструкции, относятся к типам II,2 и II,3 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (типам II-1Б и II-2Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Изредка они орнаментируются налепными подковками.

Лощеные кружки представлены единичными обломками (рис. 86: 3). Формы лощеных мисок очень разнообразны. На памятниках типа Лютеж встречены миски почти всех конечных типологических разрядов, встречающихся во всех позднезарубинецких регионах. Наиболее распространены формы I,2 (рис. 87: 1); II,1 вариантов а и б (рис. 87: 3,7), III,2 варианта а (рис. 87: 14) и III,3 варианта а (рис. 87: 17,18) по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (типы I-1Б, II-1Б, II-2Б и II-3Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Реже встречаются миски таксонов I,1 (рис. 87: 6), III,1 (рис. 87: 4,5,8), III,2, вариантов б (рис. 87: 19,20), в (рис. 87: 16), г (рис. 87: 12), д (рис. 87: 11). Уникален для позднезарубинецкой керамики лощеный сосуд из горна 5 [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 8: 4], близкий к мискам типа II,1 варианта В по классификации Р.В. Терпиловского.

Керамический комплекс Лютежа дополняется дисками без бортиков или с едва заметной закраиной (рис. 86: 12-14), а также коническими крышками с поллой ручкой, стенки которых в профиле имеют вид выпуклой дуги (рис. 86: 4,5). Края крышек изредка орнаментированы защипами [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 31-37].

Материалы прочих поселений этого круга менее разнообразны, чем лютежские, хотя сосуды большинства перечисленных выше таксонов на них присутствуют. Наиболее полные керамические комплексы круга Лютежа происходят из памятников, исследовавшихся раскопками, таких как Оболонь (Луг-4)(рис. 90-92), Крюковщина (рис. 96), Березовка-2 (рис. 103-112), Бортнички (рис. 88), Новые Безрадици (рис. 97), Таценки-1 (рис. 100-101).

Лютежские горшки по формам и пропорциям чрезвычайно близки нелощеной посуде из классических зарубинецких поселений (Пиlipенкова Гора, Бабина Гора, Ходосовка) и могильников Среднего Поднепровья (Дедов Шпиль, Корчеватое, Пирогов). Кроме того, все элементы декора позднезарубинецких горшков известны на памятниках классического периода. Орнаментация

венчиков защипами и насечками является общезарубинецкой.

На среднеднепровских поселениях часто встречаются сосуды с хрповатой поверхностью, рельефными налепами и поясами защипов по плечикам.

Среднеднепровское зарубинецкое происхождение имеет и большинство мисок набора, представленного в Лютеже. На тех же классических памятниках известны аналогии мискам типов I,1 варианта а и I,2, встречаются также S-овидные ребристые формы без граней на венчике, близкие к типу II,1 варианта а Лютежа. Миски типа II,2 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (типа II-2А по Терпиловскому 2004 г.) специфичны для Среднего Поднепровья как в период до рубежа н.э., так и в I-II вв. Изредка, как уже упоминалось, на поселениях и могильниках «зарубинецкой класики» Среднего Поднепровья встречаются различные варианты мисок типа II-3, III-1 и III-2 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (типа II-3 по Р.В. Терпиловскому 2004 г.), но основное распространение эти формы получают уже в позднезарубинецкий период. Для классических зарубинецких поселений характерны диски без бортиков и конические крышки с поллой ручкой [Максимов, 1993, с. 27-28]. Следует отметить, что позднее традиция использования дисков-сковородок сохраняется, в то время как конические крышки выходят из употребления — они встречены только в позднезарубинецких комплексах Лютежа, Крюковщины, Березовки-2 и, не исключено, Оболони. Впрочем, в последнем случае все достоверные находки крышек связаны с классической зарубинецкой культурой [Шовкопляс, Терпиловский, 2003].

Определенную этнографическую специфику имеют и глиняные пряслица из позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья. По форме они делятся на три основных типа: 1) высокие биконические, типичные для предшествующей зарубинецкой культуры; 2) уплощенно-биконические (как правило, с крупным отверстием), которые впоследствии характерны для киевской культуры; 3) плоские, изготовленные обычно из черепков лощеных сосудов. Именно последние численно преобладают, в то время как два первых типа пряслиц демонстрируют переходный характер позднезарубинецких памятников.

Достоверные сведения о погребальном обряде памятников типа Лютеж практически отсутствуют. Так, по мнению Г.Ф. Корзухиной предметы т.н. «Жукинского клада» происходят из исследованного В.В. Хвойко трупосожжения [Корзухина, 1978, с. 71]. Впрочем, побывавший в 1906 г. в районе Жукина Н.Е. Макаренко могильника не обнаружил. Еще несколько кремаций было исследовано в 1950-х гг. на дюнах в пойме левого берега Днестра в окрестностях Киева. Так, два ямных тру-

посожжения были выявлены В.Н. Даниленко у с. Красный Хутор. В одном из них найдены фибула «вендского» типа и груболепная керамика, в том числе небольшой биконический горшок. Еще одно подобное захоронение исследовано у с. Бортнички. Из него среди прочей керамики происходит верхняя часть горшка с процарапанными до обжига крестом и зигзагом [Кухаренко, 1956, с. 14-15] (см. Приложение 1).

Тип жилища «пойменных» памятников Среднего Поднепровья хорошо изучен по материалам Оболони, где исследовано 55 не нарушенных перекопами зарубинецких постройки, в т.ч. и позднезарубинецкого горизонта (рис. 89). Три жилища раскопаны в Лютеже и одно — в Новых Безрадичах. Все постройки представляют собой полуземлянки, незначительно углубленные в землю (0,3-0,7 м от дневной поверхности, мощность культурного слоя Оболони — 0,2-0,4 м), почти все они — прямоугольные в плане (см. главу 6) [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 153-156].

Жилища отапливались открытыми очагами, которые относятся к двум типам. Первый составляют кострища округлой формы диаметром 0,7-1 м, прослеженные прямо на полу постройки или в небольшом углублении 0,05-0,1 м. Второй тип представлен сильно обожженными подами, сооруженными из глины на полу котлована жилища. Иногда в конструкции подов входили вымостки из черепков сосудов или камня. Поды возвышаются над полом до 0,2 м. Очаг, как правило, размещался либо в углу жилища, либо у одной из его стен. Центральное расположение очага зафиксировано лишь в пяти случаях (подробнее см. в главе 6 настоящей монографии).

Конструктивно жилища поселения Луг-IV (Оболонь) разделяются на четыре типа: каркасно-плетневые постройки со слегка углубленным полом — 4 или 7 сооружений; каркасно-плетневые полуземлянки — 5 или 10 жилищ; срубы со слегка углубленным полом — 7 или 10 построек; срубные полуземлянки — 32 или 34 объекта (см. главу 6).

Не вдаваясь детально в сравнение домостроительных традиций памятников типа Лютеж и среднеднепровских поселений рубежа н.э. (см. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 39-40]), отметим лишь их значительное сходство. Как нами было показано, большинство признаков классических и позднезарубинецких жилищ совпадают (размеры стен, степень углубленности котлована, тип строительного сооружения, его расположение внутри жилища). Следовательно, домостроительство на пойменных памятниках Среднего Поднепровья в целом продолжает местные традиции классического периода. Существенные различия фиксируются лишь в конструкции стен построек. В позднезарубинецкую эпоху наблюдается отказ от плетня и его обмазки. Распространяется сруб-

ная конструкция стен. Не исключено, что это было вызвано освоением зарубинецкими племенами новой экологической среды с более высокой влажностью, где широкое применение обмазки нецелесообразно.

Кроме построек на среднеднепровских поселениях I-II вв. встречены многочисленные круглые или овальные хозяйственные ямы. Диаметр и глубина их колеблются от 0,6-0,7 до 1,5 м. Особенно значительное число таких ям (около 900) обнаружено в Оболони.

Как известно, наиболее полно исследованным памятником, связанным с производством железа у племен Поднепровья первой половины I тыс. н.э., является специализированное поселение Лютеж [Бидзиля, Пачкова, 1969]. На невысокой дюне в пойме правого берега Днепра исследовано три постройки I-II вв., 15 сыродутных горнов и 411 ям производственного и хозяйственного назначения. Соотношение трех жилищ со значительным количеством производственных сооружений свидетельствует, что здесь обитали исключительно профессионалы, занятые изготовлением железа из болотной руды [Пачкова, 1974, с. 83]. Очевидно, в Лютеже металл для собственных нужд вырабатывался семьей профессиональных металлургов-кузнецов в свободное от сельскохозяйственных работ время. Скорее всего, металлурги-кузнецы концентрировали в своих руках весь процесс обработки металла от получения сырья до изготовления различных предметов.

На уголь дубовые дрова пережигались в 391 яме. Основная масса горнов представляла собой наземные глинобитные сооружения с цилиндрической шахтой, диаметр которой в нижней топочной части составлял 0,4-0,45 м. Нижняя часть ряда горнов была углублена в материк до 0,4 м. Пять горнов имели ямы для выпуска шлаков. Несколько слоев шлаков на внутренней поверхности стенок свидетельствуют, что лютежские горны были пригодны для многократного повторения сыродутного процесса [Пачкова, 1974, с. 73-77].

Продуктивность Лютежа специалистами оценивается по-разному. По мнению С.П. Пачковой, в одном горне за время его эксплуатации выплавлялось до 30 кг железа. Поскольку на поселении одновременно функционировало не более трех горнов, то за сезон производилось 90 кг кричного железа. Во время раскопок Лютежа было собрано около 3 т шлаков, представляющих собой остатки более чем 460 плавок, суммарная продуктивность которых составляла около 1400 кг металла [Пачкова, 1974, с. 81-84]. С.В. Паньков предполагал, что производительность Лютежа была еще выше — только за сезон выплавлялось 255-633 кг железа, а центр, по его мнению, функционировал 6-15 лет [Паньков, 1986, с. 151-152].

Значительно скромнее оценивал возможности Лютежского центра В.Д. Гопак. Горны служили недолго и выдерживали не более семи плавков. Даже несколько более крупный Гайворонский центр раннего средневековья с горнами аналогичной конструкции за время своего существования едва ли смог произвести более 300-400 кг железа. С другой стороны, едва ли общине было необходимо больше железа, чем его мог использовать местный кузнец [Гопак, 1976, с. 39-41, 122].

Итак, насколько можно судить по материалам поселений, памятники типа Лютеж продолжают развитие классических зарубинецких традиций Среднего Поднепровья и оставлены, очевидно, прямыми потомками зарубинецкого населения. Крайне скудная информации о погребальном обряде памятников типа Лютеж не позволяет подтвердить или опровергнуть это предположение.

2. Памятники типа Грини

Изучение памятников типа Грини только начинается, однако можно отметить, что эти поселения не образуют компактного скопления, характерного для остальных позднезарубинецких культурных групп. В настоящее время их известно всего девять: Грини-1 и 2 в устье р. Тетев, Обухов-13, Решетки на левом берегу Днепра близ Канева, Змеевка в низовьях р. Снов, Шестовица на Десне, ряд комплексов в Вовках и Рябовке-3 в бассейнах Псла и Ворсклы, а также в Раковке-1 на Северском Донце (рис. 2). Все вышеуказанные памятники изучены раскопками разведочного характера или представлены небольшим числом комплексов многослойных селищ. Имеются также некоторые сведения о наличии подобных древностей в районе Гомеля и в поречье рр. Клевень и Снов близ Чернигова, однако они нуждаются в проверке путем стационарных раскопок. Постройки обнаружены только на поселениях Грини-1, Вовки и Раковка, причем в двух последних случаях они повреждены объектами последующего периода или плохо сохранились. Основанием для объединения этих материалов в особый культурный тип служат особенности керамического комплекса.

Наиболее распространенными являются округлобокие горшки таксона I,3 разновидности б (рис. 125: 3-5; 127: 5) и ребристые таксона II,1 (рис. 122: 1,2,5; 125: 1,2; 126: 1; 127: 1-3) по классификации А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1991 г. (соответственно, типов I-2Б и II-1Б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). Изредка встречаются сильнопрофилированные округлобокие сосуды таксона I,1 варианта а (рис. 122: 6; 127: 4; 136: 1,7), ребристые II,2 разновидности б (рис. 123: 4), II,3 и слабопрофилированные закрытые таксона I,3 разновидности а (рис. 123:

5), баночные таксона I,4 (рис. 123: 3) по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (типов I-2а и II-1а и II-2б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.), диски (рис. 122: 7,8). Специфична форма типа I,3 варианта б. Горшки этого типа на памятниках круга Гриней имеют относительно узкое по сравнению с венчиком дно. Они, как бы, «широко раскрыты». На памятниках других культурных групп позднезарубинецкого периода подобные сосуды почти не встречаются. Одновременность перечисленных форм подтверждается рядом закрытых комплексов, сведения о которых приводятся в издании [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 170-171].

Лощеная посуда встречена крайне редко и не на всех памятниках. С поселения Грини-1 происходят три фрагмента мисок, два из которых относятся к типам III,1 и III,2 варианта б по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (типам II-1а и II-3б по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). В культурном слое поселения Решетки обнаружены фрагменты мисок типа I,1 (рис. 136: 4-6), в Обухове-13 – мисок типа III,1 или III,3 по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому 1991 г. (типов I-2 и II-1, II-2 по Р.В. Терпиловскому 2004 г.). На поселении Змеевка найдены обломки лощеного горшка, форма которого не характерна для Среднего Поднепровья. Аналогии ему имеются в Чаплинском могильнике, где подобные сосуды существуют до финала существования памятника [Терпиловский, 1984, с. 55]. На поселении Раковка найден обломок высокой миски с зигзаговидным профилем, а в Рябовке-3 – типа III,1 (рис. 126: 11).

Как и на позднезарубинецких памятниках других культурных групп, nelloщенные горшки типа Грини часто орнаментируются насечками и пальцевыми вдавлениями по краю. Специфика декора керамики памятников типа Грини заключается в широко распространенном обычае покрывать горшки расчесами, нанесенными в различных направлениях гребнем или крупнозубчатой щепкой. На поселениях типа Лютеж, Почеп, Картамышево-2, Терновка-2 керамика с расчесами встречается крайне редко и только в виде отдельных фрагментов. Совершенно отсутствуют на памятниках типа Грини сосуды с хрупчатой поверхностью. Единственным экземпляром представлены знаки типа свастик, нанесенные по сырой глине в виде фриза в верхней части сосуда из Рябовки-3 (рис. 122: 5) [Обломский, Терпиловский, 2002, рис. 74: 3].

Среди керамики памятников типа Грини встречаются также отдельные индивидуальные формы. Таков, например, приземистый сосуд со слабо выраженным ребром в верхней части корпуса, орнаментированный насечками по срезу венчика и по ребру, из культурного слоя поселения Рябовка-3 (рис. 126: 2) [Обломский,

Терпиловский, 2002, с. 89, рис. 72: 9]. Близкая аналогия ему происходит из Тайманово в Верхнем Поднепровье [Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 49: 15]. Не исключено, что по своему происхождению подобные сосуды связаны с культурой штрихованной керамики римского периода.

Немногочисленные глиняные пряслица из памятников типа Грини по форме не отличаются от основного позднезарубинецкого набора и дают то или иное сочетание высоких биконических и плоских, изготовленных обычно из черепков лощеных сосудов, изделий (Змеевка), а также уплощенно-биконических пряслиц (Грини 1) [Терпиловский, 1984, рис. 24 : 21-24; 26: 15,16].

Остатки построек на поселениях типа Грини представлены пока лишь жилищем 1 из Гриней-1, жилищем 6 и керамической вымосткой пола другого жилища из Вовков, а также сильно разрушенным сооружением из Раковки. Обе более или менее сохранившиеся постройки из Гриней и Вовков были полуземлянками, углубленными в материк на 0,3 м. Их размеры, соответственно, 3,1 x 3,2 м и 3,4 x 2,6 м, в центре пола обоих жилищ выявлены ямы от опорного столба кровли. Еще два столба, находящихся на одной линии с центральным, прослежены у стен котлована жилища 6 Вовков [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 40: 1]. По углам построек столбовые ямы не выявлены, завалы обмазки стен отсутствуют. В этой связи стены обоих жилищ можно реконструировать как срубные. Таким образом, жилище 1 из Гриней-1 и жилище 6 из Вовков по перечисленным выше признакам достаточно близки полуземляночным постройкам прочих позднезарубинецких памятников. Своеобразны отопительные сооружения. В углах этих жилищ обнаружены хорошо сохранившиеся поды со следами бортиков, вымощенные черепками крупных сосудов. Принадлежали ли эти поды очагам с невысокими глиняными бортиками или печам со сводами по сохранившейся полевой документации определить невозможно.

Хронологические рамки памятников типа Грини можно ограничить раннеримским временем по находкам фрагментов лощеных мисок, имеющих аналогии на поселениях типа Лютеж, Почеп и Картамышево. Немногочисленные датированные вещи, найденные на памятниках типа Грини, позволяют несколько уточнить эту дату. В культурном слое поселения Вовки обнаружена верхняя часть сильнопрофилированной бронзовой фибулы (рис. 126: 7). В ходе исследования поселения Вовки Е.А. Горюнов на основании стратиграфических наблюдений пришел к выводу о связи фибулы с расположенными поблизости остатками жилища в виде вымостки

из черепков [Горюнов, 1981, с. 109]. Аналогичная застезка, очевидно, связанная с фрагментами керамики с расчесами, найдена в ходе раскопок многослойного поселения Шестовица на Десне (рис. 126: 9).

По классификации О. Альмгрена подобные фибулы относятся к типу 84, по А.К. Амброзу — к группе 10, подгруппе 2, серии двучленных фибул с гребнем на дужке и высоким приемником [Амброз, 1966, с. 38]. Основные признаки перечислены в названии серии. К ним можно добавить еще два: форма спинки выше гребня — треугольная в сечении и расширяется к пружине, на конце корпуса — выступ, оформленный в виде бусины, или более сложный многочастный. Ареал этих фибул — Центральная Европа, лесостепная зона Украины, лесное Поднепровье. В Поднепровье встречаются на позднезарубинецких памятниках [Циндровська, 1982; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 28-29; Колосовский, Куропаткин, 2002, рис. 59: 9; Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, рис. 40, с. 48]. По мнению А.К. Амброза, фибулы А-84 производились в Паннонии [Амброз, 1966, с. 38], являются прототипами Т-образных фибул с выемчатой эмалью с узкой ножкой (типа Головино-1 и Межигорского клада) [Гороховский, 1982, с. 133]. По центральноевропейской хронологии фибулы А-84 появляются на фазе В2b, но наиболее широко распространены на следующей (В2/С1), т.е. в целом, датируются II — началом III в., а «пик» использования приходится на вторую половину II в. [Dąbrowska, 1992; Гороховский, 1982, с. 153].

Из линзы культурного слоя вокруг жилища 1 поселения Грини-1 происходит обломок краснолаковой чашечки. Там же обнаружена бусина с выступами-глазками, относящаяся к варианту «а» типа 64 по Е.М. Алексеевой, распространенному в I-II вв. Таким образом, широкая дата памятников типа Грини может быть определена в пределах конца I-II, возможно, начала III в. н.э., а узкая — в рамках второй половины II в. н.э. [Терпиловский, 1981].

Необходимо отметить, что в Среднем Поднепровье памятники типа Грини появляются, видимо, позже, чем возникают поселения типа Лютеж, поскольку их влияние на последние практически не ощущается. На поселениях типа Лютеж нет горшков специфических пропорций таксона I,3-6, распространенных на памятниках типа Грини, и крайне редка керамика с расчесами. Процент сосудов с расчесами неминуемо увеличился бы, широкогорлые горшки должны были бы появиться на селищах лютежской культурной группы, если бы эти два типа памятников длительное время сосуществовали.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Днепровском лесостепном Левобережье, где материалы из соответствующих комплексов поселе-

ний Вовки, Рябовка-3 и Гочево-3 занимают промежуточное место между местными позднезарубинецкими памятниками типа Картамышево и Терновки и киевскими древностями [Обломский, 1994]. Соотношение памятников типа Грини с почепской культурой пока не вполне ясно, так как первые представлены в Подесенье лишь немногочисленными материалами поселений Змеевка и Шестовица. Хотя разведками выявлена группа памятников типа Грини вдоль рр. Крюковы и Снова (см. Приложение 1), говорить о их особенностях преждевременно. К тому же эти селища находятся на значительном удалении от основной группы памятников типа Почеп.

Итак, основными особенностями памятников типа Грини по сравнению с другими группами позднезарубинецких памятников являются: их значительный территориальный разброс (они присутствуют в пределах ареалов среднеднепровских, деснинских и левобережных памятников), более «молодой» возраст (около второй половины II в.), отсутствие местных корней для ряда форм кухонной посуды и ее орнаментации.

Как отмечалось выше, памятники типа Грини отличаются от остальных позднезарубинецких культурных групп по нескольким признакам. Наиболее существенные различия наблюдаются в обработке поверхности сосудов. Горшки часто орнаментируются расчесами, нанесенными гребенкой в разных направлениях. Вторая особенность памятников типа Грини заключается в отсутствии или редкости на них лощеной посуды. Некоторую специфику имеют и формы горшков. На поселениях типа Грини наиболее широко распространены широкогорлые округлобокие сосуды типа I,3 разновидности б по [Обломский, Терпиловский, 1991].

Все эти особенности выделяют памятники типа Грини из числа других позднезарубинецких групп, формирующихся на среднеднепровской зарубинецкой основе. Наибольшая близость памятников типа Грини наблюдается с одной из двух верхнеднепровских групп зарубинецкой культуры — памятниками типа Кистени — Чечерск, распространенными от среднего течения Березины до Среднего Посожья. Они характеризуются синтезом традиций другой верхнеднепровской зарубинецкой группы памятников типа Горошков — Чаплин (формы и орнаментация сосудов зашипами и насечками) и культуры штрихованной керамики (обычай покрывать сосуды штриховкой и расчесами, слабопрофилированные формы горшков, редкость лощеной посуды). Эти же особенности декора присущи и памятникам типа Грини, причем именно они выделяют материалы этого круга из числа позднезарубинецких памятников

среднеднепровского происхождения. Совпадает также большинство форм округлобоких и ребристых сосудов памятников типа Кистени — Чечерск и Грини. Так как период существования «посожской» группы зарубинецкой культуры, судя по немногочисленным находкам датируемых предметов, в основном ограничен I в. до н.э. — I в. н.э., то наиболее вероятно, что памятники типа Грини являются последующим этапом развития этих древностей [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 94-102]. К сожалению, на территории Верхнего Поднепровья памятники, синхронные украинскому типу Грини, пока не исследованы раскопками. Возможно, к подобному кругу древностей относится поселение Погост на р. Одров около г. Орши, где во время разведок вместе с груболепной керамикой с расчесами обнаружена фибула, близкая к типу Альмгрен 84 [Колосовский, Куропаткин, 2002, с. 75, рис. 59: 9-23].

Дальнейшая судьба позднезарубинецких памятников раскрывается путем их сравнения с последующей киевской культурой. В целом последняя характеризуется гораздо большей однородностью, чем субстратные позднезарубинецкие памятники, более соответствующие понятию культурной группы. Киевская культура представляет собой специфический культурно-хронологический комплекс, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же территории [Терпиловский, 1984, с. 47-50].

Очевидно, в процессе сложения киевской культуры происходит перестройка традиций различных групп позднезарубинецких древностей. Показательно, что, несмотря на значительную близость позднезарубинецких и киевских древностей, ни один из локальных вариантов киевской культуры не является следствием простого эволюционного развития местных позднезарубинецких памятников. Все они возникают в результате синтеза по меньшей мере двух типов позднезарубинецких древностей. В частности, Киевская культура в Среднем Поднепровье формируется путем смешения традиций среднеднепровского населения, оставившего памятники типа Лютеж, с верхнеднепровско-посожскими элементами, привнесенными носителями памятников типа Гриней [Терпиловский, 2004, с. 46-50].

Особенности сложения локальных вариантов Киевской культуры востока Днепровского Левобережья и Подесенья охарактеризованы в главах 4,5. Здесь отметим лишь, что степень участия упомянутых позднезарубинецких культурных групп в формировании киевской культуры была различной даже в пределах одного локального варианта. Так, в сложении памятников Черниговщины основная роль принадлежала верх-

неднепровским элементам типа Гриней. Они же отчетливо заметны на ранних киевских памятниках в северной части Среднего Поднепровья, в то время как в южной части региона доминируют местные черты, берущие начало в памятниках типа Лютежа.

В отличие от вышеуказанных позднезарубинецких групп памятники Южного Побужья территориально удалены от ареала киевской культуры. К тому же они вряд ли доживают до начала формирования киевской культуры и, следовательно, не принимают непосредственного участия в этом процессе.

ГЛАВА 4.

Памятники типа Почеп

(А.М. Обломский)

Поселения этой культурно-хронологической группы впервые выделены А.К. Амброзом в начале 60-х гг. прошлого века в качестве особой культуры финала латенского и раннеримского периода (т.н. почепской). Он же предложил деление ее на три этапа [Амброз, 1964, с. 59-66]. Образование почепской культуры А.К. Амброз связывал с проникновением в Подесенье «каких-то групп населения из Среднего и, возможно, Верхнего Поднепровья». По его мнению, «постепенное формирование почепской культуры и медленное затухание древнеюхновских традиций — показатель того, что сложение почепской культуры не сопровождалось значительным вытеснением местного населения. Может быть, правильнее говорить о почепском этапе истории юхновских племен» [Амброз, 1964, с. 66].

Подобной точки зрения придерживался и Ю.В. Кухаренко, который высказал мнение, что на памятниках Подесенья (Почеп, Городище и др.), «хотя и имеются отдельные элементы зарубинецкой культуры, но всем историко-культурным комплексом они резко отличаются от зарубинецких» [Кухаренко, 1964, с. 8].

Существенные коррективы в схему, предложенную А.К. Амброзом, внес П.Н. Третьяков. Он считал, что население городищ раннего железного века испытало лишь влияние зарубинецкой культуры. Собственно зарубинецкими памятниками Подесенья являются селища типа Почепа, Хотылево, Синьково и Спартака, которые возникли в результате расселения в регионе южного населения, что не исключает наличия в составе позднезарубинецких древностей Подесенья некоторых юхновских традиций [Третьяков, 1966, с. 226-228].

Полемизировал со сторонниками юхновского происхождения почепских памятников и автор раскопок эпонимного для этой культурно-хронологической группы Почепского селища Ф.М. Заверняев. В публикации материалов памятника он писал «мы полагаем, что А.К. Амброз и Ю.В. Куха-

ренко, исключая Почепское селище из рамок зарубинецкой культуры, допускают большую ошибку. Почепское селище, как и другие аналогичные деснинские памятники, является зарубинецким, точнее, позднезарубинецким, поселением I-III в.н.э.» [Заверняев, 1969, с. 117].

В последующие годы получили развитие обе точки зрения. Е.В. Максимов и С.П. Пачкова рассматривали почепские древности в зарубинецком контексте [Максимов, 1972, с. 61; 1982, с. 78; Пачкова, 1974, с. 3], отмечая, что Среднее и Верхнее Подесенье являются зарубинецкими территориями, хотя и сформировавшимися позже других [Пачкова, 2006, с. 129]. Противоположного мнения придерживались И.К. Фролов и Г.Н. Пронин [Фролов, 1979; Пронин, 1979], которые, в основном, на примере домостроительства, отстаивали генетическую связь почепских древностей с более ранними юхновскими. Да и сам А.К. Амброз в 1978 г. опубликовал статью, где развивал идею юхновского происхождения почепских длинных домов [Амброз, 1978].

Начиная с 1986 г., сторонником зарубинецких корней почепских древностей был М.Б. Шукин, выделивший «постзарубинецкий горизонт Рахны-Почеп», как особое явление, сформировавшееся после распада зарубинецкой культуры [Шукин, 1986].

В монографии «Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века н.э.» А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский, проанализировав все имеющиеся данные о почепских памятниках, пришли к заключению, что определенные зарубинецкие корни имели лишь древности третьего этапа почепской культуры по А.К. Амброзу, т.е. типа, собственно, Почепа. Зарубинецкие прототипы имеют все формы груболепных горшков памятников Подесенья, их орнаментация вдавлениями по венчикам и «ложными валиками» (поясом отпечатков пальца по тулову сосуда). Общий набор форм почепских лощеных мисок очень близок происходящему с памятни-

ков типа Лютежа Среднего Поднепровья и Марьяновки-Рахнов на Южном Буге. С зарубинецким импульсом, очевидно, связано распространение в Подесенье прямоугольных полуземлянок. Тем не менее, своеобразие древностей Подесенья первых веков н.э. не исчерпывается только наличием зарубинецких элементов. В домостроительстве, керамическом комплексе, наборе предметов быта почепских селищ отчетливо видны юхновские черты. К ним относится распространение на почепских памятниках длинных наземных домов, орнаментации некоторых сосудов композициями, выполненными отпечатками палочки, случаи находок в комплексах поселения Синьково таких специфических изделий из глины не слишком понятного назначения, как слабообожженные сферо-конические грузила. Памятники типа Почепа, таким образом, сформировались в результате синтеза местных юхновских и среднеднепровских зарубинецких элементов в результате продвижения в Среднее и Верхнее Подесенье потомков зарубинецких племен. Это перемещение населения было вызвано распадом классической зарубинецкой культуры [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 85–88]. Впоследствии эти выводы без существенных изменений высказывались и в ряде других работ авторов.

В 90-е гг. XX в. и в начале нынешнего столетия интерес к изучению почепских древностей, как и, в целом, позднезарубинецких, ослабел. Необходимо отметить несколько статей и тезисов докладов Ю.Ю. Шевченко [Шевченко, 1983; 1991; 1997], кандидатскую диссертацию Г.Л. Земцова, где почепское домостроительство анализировалось в сравнении с последующим киевским территориями Среднего и Верхнего Подесенья [Земцов, 2004], а также две работы С.В. Воронятова, в которых почепские материалы рассматривались в историографическом аспекте [Воронятов, 2004а; 2004б].

* * *

Как было отмечено выше, памятники типа Почепа или третьего этапа почепской культуры по А.К. Амброзу, которые представляют собой неукрепленные поселения (могильники не известны), локализируются на юге лесной зоны Восточной Европы. Они распространены на территории Среднего и Верхнего Подесенья, включая притоки Десны Судость, Неруссу и Навлю и их бассейны (рис. 1, 2). В границах Украины, кроме древностей почепского типа, в этом регионе известны, также, памятники круга Гриней. По этой причине из 20 обнаруженных в Черниговской обл. селищ раннеримского времени (см. каталог позднезарубинецких памятников) достоверно почепские отложения зафиксированы только на трех (Чулатово, Киселёвка-3,

Колодезный Бугор)¹. Все эти поселения исследованы раскопками.

Подавляющее большинство почепских селищ находится на территории России. По областям они распределяются следующим образом: Брянская обл. — 46 поселений, Орловская обл. — 34 поселения (табл. 1, 2). Два селища (устье р. Соложи, и Спартак) обнаружены в Смоленской обл. Раскопки проводились только на последнем (исследования П.Н. Третьякова 1959 г., вскрыто 116 кв. м) [Третьяков, Шмидт, 1963, с. 134–140].

Указанные цифры приблизительны, поскольку большинство поселений известны по данным разведок, которые нуждаются в дополнительной проверке.

Из расположенных на территории Украины памятников Чулатово занимает участок коренного берега Десны, Киселёвка-3 — край первой надпойменной террасы р. Замглай, а Колодезный Бугор — дюну в пойме р. Смячь. В целом, среди всех почепских селищ, характеристика топографии которых в источниках более или менее определена, непосредственно в поймах рек находятся два, на останцах в поймах (включая дюны) — 16, на низких террасах (первой надпойменной и на сниженных участках второй) — 33, сравнительно высоко над уровнем рек (на второй надпойменной террасе и на коренном берегу) — 18. Еще пять поселений расположены на склонах как первых, так и вторых террас. Памятники, которые находятся относительно низко над уровнем водного источника, таким образом, преобладают.

Планировка подавляющего большинства почепских поселений не ясна из-за сравнительно небольших вскрытых площадей. Исключение представляет собой селище Почеп, на плане которого выделяются два участка. На одном из них прослежены, преимущественно, конструктивные остатки наземных домов. К западу и востоку от них концентрируются полуземлянки [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 117]. По всей видимости, этот факт свидетельствует о сосуществовании на поселении двух этнографических групп обитателей. Первая из них в большей степени связана по происхождению с местными племенами юхновской культуры, в традициях которых возводились длинные дома, вторая — с пришлым позднезарубинецким населением.

Из расположенных в пределах Украины почепских памятников позднезарубинецкие материалы на поселениях Колодезный Бугор и Чулатово про-

¹ Ю.Ю. Шевченко называет еще серию памятников в бассейне Нижней Десны: Коровель-Шестовица, Бубны-Гапишковка, Деснянка, Высокий Груд, Мошенка, Смычин, Клочков/Шевченко, 1991, с. 32/. Из них в Деснянке зафиксированы не почепские, а классические зарубинецкие отложения, наличие в Высоком Грude почепских материалов маловероятно (см. приложение). Прочие памятники также нуждаются в дополнительной проверке. По этой причине они не включены в каталог.

исходят из культурного слоя и заполнения более поздних сооружений и лишь на селище Киселёвка-3 исследованы две полуземлянки и 13 хозяйственных ям этого периода.

Постройки на селищах почепского типа делятся на две группы — полуземлянки (23 постройки) и наземные дома (17 построек) (подробнее см. в гл. 6). Почепские полуземлянки имели глубину от 0,1 м до 1,0 м и были, как правило, прямоугольными длиной 3-7 м и шириной 2,5-5 м. При этом преобладают сооружения размерами около 4 х 3 м. Стены были либо срубными из не слишком толстых плах или бревен, либо каркасными, в т.ч. и с применением плетня в качестве материала, заполняющего пространство между вертикальными стойками. В 16 сооружениях прослежены ямы от расположенных в центральной части помещения столбов — опор кровли. В четырех случаях зафиксированы открытые очаги в виде следов кострищ (пятна прокала пола, угли). Не исключено, что в одной из построек (землянка 1 раскопа V поселения Почеп), судя по описанию автора раскопок Ф.М. Заверняева, находился глинобитный очаг-«под» без бортиков с субструкцией из камня и обломков сосудов, хотя последнее и не достоверно из-за противоречий в документации [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 54-56]. Прямоугольные полуземлянки, таким образом, могли служить как жилищами, о чем свидетельствуют их зачастую довольно значительные размеры, наличие ровного пола и очагов, так и хозяйственными сооружениями.

Подпрямоугольная полуземлянка поселения Киселёвка-3 (жилище 2; рис. 139: 1) размерами 4,0 х 4,8 м была углублена в материк на 0,1-0,25 м. В центральной ее части прослежена яма от столба-опоры кровли глубиной около 0,4 м от уровня пола. Около нее находился очаг в виде округлого углубления, заполненного золой и древесным углем. Судя по опубликованному чертежу, край постройки перекрывали три более поздние хозяйственные ямы. Какие-либо ямы от столбов у краев котлована не прослежены [Зеленецка, 1980, с. 82-84].

Кроме прямоугольных, на почепских памятниках известны и полуземлянки других форм. К ним относятся круглая (Почеп, жилище 2 раскопа II) и округлая (Спартак, сооружение А) постройки. Уникально жилище 1 селища Киселёвка-3 (рис. 138). Оно углублено в материк на 0,15-0,3 м и было в плане шестиугольным со стенами длиной (в направлении с юга по часовой стрелке) 4,0; 2,0; 2,7; 2,0; 4,0; 1,3 м. Общая длина постройки 5,4 м, ширина — 4,8 м. По периметру котлована прослежен ровик шириной 0,3 и глубиной 0,15 м. В центральной части сооружения прослежены 2 ямки от столбов, один из которых (юго-восточный) служил опорой кровли. Их диаметр — около 0,3 м, глубина от уровня пола северо-западной (по

опубликованному чертежу) — 0,65 м. Восточную часть сооружения перекрывают две хозяйственные ямы. К северу от постройки расчищены остатки обожженных плах или столбов, которые, как предполагает автор публикации И.Б. Зеленецкая «были, вероятно, частью этого сооружения — жилища шатровой конструкции» [Зеленецка, 1980, с. 81].

Как и на всех позднезарубинецких памятниках, лепная керамика поселений типа Почеп делится на кухонную с шероховатой поверхностью и столовую лощеную. Последняя на селище Спартак составляет «не более 5%» [Третьяков, Шмидт, 1963, с. 140], в Почепе — «не более 4-5% от всей массы керамического материала» [Заверняев, 1969, с. 107], в жилище 1 Киселёвки-3 — 11% [Зеленецка, 1980, с. 81]. Статистические данные по прочим памятникам отсутствуют. Ниже приводится краткая характеристика керамического комплекса, более полные данные см. в изданиях [Амброз, 1964; Заверняев, 1969; Обломский, Терпиловский, 1991].

Из форм груболепных горшков наиболее часто встречаются закрытые сильнопрофилированные округлобокие сосуды с изогнутым отогнутым наружу венчиком с плечом расположенным в верхней трети или несколько выше середины высоты (таксон I,1,a,a по классификации А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1991 г. или I,1,A в соответствии с типологией Р.В. Терпиловского 2004а г.; рис. 140: 1,2,7) [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 2; Терпиловский, 2004а, рис. 1]. На втором месте по степени распространенности находятся подобные описанным выше открытые горшки I,1,a,b (таксон I,1,B по Р.В. Терпиловскому) (рис. 140: 8) и округлобокие сосуды с раструбообразным прямым венчиком таксона I,1,v (рис. 140: 5). Горшки таксона I,1,b (округлобокие закрытые с выпуклыми стенками в верхней части профиля и вертикальными прямыми венчиками) единичны (рис. 140: 6).

В наборе груболепных сосудов округлобокие горшки резко преобладают над ребристыми. Последние представлены формами таксонов II,1 по обеим классификациям (с изогнутой линией профиля выше ребра, прямыми или слегка изогнутыми стенками в нижней части) (рис. 140: 9,10), II,2,a (закрытые подобной формы, но с прямой линией профиля выше ребра: II,2,B-Г по Р.В. Терпиловскому) (рис. 140: 4) и II,3 (с изогнутой линией профиля выше ребра и выпуклыми стенками в нижней части). На почепских памятниках не известны диски (по крайней мере, по тем материалам, которые нам доступны), усеченно-конические крышки с полыми ручками встречаются в виде исключения [Фролов, 1979, рис. 1: 5].

Большинство груболепных горшков орнаментированы пальцевыми вдавлениями по краю венчика, реже — насечками. Очень редко встречаются

отпечатки ногтя, расположенные поясом на шейке сосуда. Орнамент на корпусе иногда наносился палочкой и сопровождался фестонобразными композициями, в чем явно ощущаются реликты традиций юхновской культуры. Как на груболепных, так и на лощеных сосудах встречаются пиктограммы, основным элементом которых являются заштрихованные ромбы с четырьмя крючками, расположенными по два в верхней и нижней оконечностях фигуры. Эти пиктограммы процарапывались по поверхности уже готовых сосудов после обжига. Показательно, что такие пиктограммы пока не обнаружены за пределами ареала почепских памятников.

Поверхность большинства горшков гладкая, обычай искусственно ошершавливать ее путем нанесения дополнительного слоя жидкой глины населению почепской группы памятников известен не был. В виде исключения встречаются фрагменты сосудов со штриховкой и расчесами (ни одной целой формы не известно)².

Среди лощеных сосудов крайне редки горшки таксонов I,1,а и I,1,в по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому [Заверняев, 1969, рис. 10: 6]. Специфической формой, но также редкой, являются небольшие округлобокие или округло-биконические вытянутые по вертикали сосуды с раструбообразными венчиками [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 12: 15,16] (рис. 141: 13). Чаще всего на почепских памятниках встречаются лощеные миски.

Последние относятся к округлобоким таксонам I,1 (с загнутым внутрь верхним краем, I,2 по Р.В. Терпиловскому) (рис. 141: 1), I,2 (I,1,А и I,1,Б по Р.В. Терпиловскому; с изогнутым, отогнутым наружу венчиком, выпуклой или почти прямой линией профиля от шейки до бочка) (рис. 141: 2); со сглаженным ребром таксона II,1,а (II,1,А по Р.В. Терпиловскому; выше ребра профиль имеет форму вогнутой дуги, граней на венчике нет) (рис. 141: 3-5); остросереберным таксоном III,1 (II,1,А по Р.В. Терпиловскому, профиль миски выше ребра представляет собой вогнутую дугу) (рис. 141: 6,7), III,2,а (II,3,а по Р.В. Терпиловскому, стенки сосуда выше ребра — прямые гладкие без граней и бордюров, т.н. почепский тип) (рис. 141: 9,10); III,2,б (II,3,Б по Р.В. Терпиловскому, ребро оформлено в виде треугольного в сечении валика, стенки сосуда выше него — прямые с одной гранью с внутренней стороны), III,2,в (II,3,В по Р.В. Терпиловскому ребро оформлено в виде треугольного в сечении валика, стенки сосуда выше него — прямые гладкие) (рис. 141: 8), III,2,г (II,3,Г по Р.В. Терпиловскому, ребро оформлено в виде

треугольного в сечении валика, стенки сосуда выше него — прямые, на венчике — небольшой бордюр) (рис. 141: 12), III,2,д (в месте наибольшего расширения тулова — каннелюра, стенки сосуда выше нее — прямые гладкие) (рис. 141: 11). Днища мисок чаще плоские, но некоторые оформлены в виде полых поддонов [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 12: 11]. Шире всего распространены остросереберные миски, а из них — формы с прямыми венчиками, среди которых, судя по отрывочным публикациям, преобладают сосуды таксона III,2,а.

Кроме перечисленных выше категорий посуды, на селищах почепского типа встречаются миниатюрные сосуды разных форм.

На памятниках, известных на территории Украины, встречена следующая почепская керамика. Груболепные горшки таксона I,1,а,а известны в Киселёвке-3 (рис. 138: 1,4,5; 139: 6,7) [Зеленецька, 1980, рис. 2: 3,5-7,21,23] и в Чулатово [Терпиловский, 1984, рис. 24: 4], I,1,в (рис. 138: 3,6) — в Киселёвке-3 [Зеленецька, 1980, рис. 2: 1,4,22], миски таксонов I,2; II,1,а — в Киселёвке-3 (рис. 138: 12; 139: 13) [Зеленецька, 1980, рис. 2: 16,17,20,30,31]; III,1 — в Киселёвке-3 (рис. 139: 12) и в Колодезном Бугре [Зеленецька, 1980, рис. 2: 28,29; Третьяков, 1974, рис. 16: 19]. На последнем из перечисленных памятников найдены, кроме того, обломки мисок таксонов III,2,в [Третьяков, 1974, рис. 16: 20; Терпиловский, 1984, рис. 23: 19] и III,2,д [Третьяков, 1974, рис. 16: 22].

Комплекс орудий труда и предметов быта почепских памятников представлен железными ножами различных форм, резцами, долотом, иглами с ушком, шильями, серповидными ножами и серпами, крючками, но вероятно, не рыболовными, глиняными пряслицами, различными изделиями из кости и рога. Из предметов вооружения известны двушипные черешковые и втульчатые наконечники стрел. Украшения представлены бронзовыми и железными фибулами, сюльгамами, кольцами, обломками браслетов, подвесками, обоймами. Известны, также импортные стеклянные бусы и античная керамика. Наиболее богатая коллекция этих предметов происходит с селища Почеп [Заверняев, 1969, с. 109-116; Пачкова, 1974]. К сожалению, набор индивидуальных находок на памятниках Украины очень скуден. Достоверно к почепскому кругу древностей относятся лишь железные черешковый нож с выступом в верхней части и обломок серпа из Киселёвки-3, а также глазчатая бусина «из синего стекла» с того же памятника (рис. 139: 2-4) [Зеленецька, 1980, рис. 4].

Хронология памятников типа Почеп определяется по трем группам вещей: центральноевропейского, местного и причерноморского происхождения. К первой относятся фибулы варианта П/Р по модифицированной А.М. Обломским

² И.Б. Зеленецька отмечает, что на поселении Киселёвка-3 расчески наносились на придонную часть сосудов. Их доля составляет 15% в жилище 1 и 20% - в жилище 2. Осмотр коллекции показал, что это - следы заглаживания поверхности горшков пальцами.

классификации Ю.В. Кухаренко (рис. 142: 1-4) [Заверняев, 1969, рис. 15: 3,6,8], пряжка типа 13-14 группы А по Р. Мадыде-Легутко (рис. 142: 10) [Заверняев, 1969, рис. 14: 23], глазчатая фибула основной серии типа Альмгрен 53 или типа VII серии А по Р. Ямке (рис. 142: 9) [Амброз, 1964, рис. 7: 15]. Вторую группу составляют одночленная прогнутая подвязная фибула варианта Ф по Ю.В. Кухаренко (рис. 142: 5) [Заверняев, 1969, рис. 15: 2] и 7 или 8³ целых и фрагментированных воинских одночленных фибул т.н. почепского варианта (рис. 142: 6,7). Последние являются этнографическим признаком населения, оставившего памятники почепской группы и за ее пределами, кроме единственной находки на поселении Коржи (ур. Рябцы) в поречье р. Трубуж [Савчук, 1969, рис. 1: 22], не встречены. К третьей группе относятся сравнительно узко датируемые античные импорты: плакетка с фигуркой льва из египетского фаянса типа 68 варианта б по Е.М. Алексеевой (рис. 142: 11) [Алексеева, 1975, с. 44,45; Заверняев, 1969, рис. 16], лучковая подвязная фибула серии I варианта 2 по А.К. Амброзу (рис. 142: 8) [Заверняев, 1969, рис. 15: 1; Амброз, 1966, с. 49], серолощенный кувшин с цилиндрическим горлом (рис. 142: 12) [Заверняев, 1969, рис. 10: 9]. Все эти вещи рассмотрены в изданиях [Обломский, 1987; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 56-58]. Общая дата почепских древностей определялась в рамках середины I — II в. н.э. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 58]. Поскольку после выхода этих работ новые материалы по почепской хронологии получены не были, то рассматривать заново датировки перечисленных групп вещей не имеет смысла. Ниже даются лишь некоторые комментарии.

Фибулы вариантов П/Р и Ф характерны для финала зарубинецкой культуры, который может быть синхронизирован с третьей фазой предримского периода пшеворской археологической общности по Т. Домбровской и датируется второй половиной I в. до н.э. — первым или началом второго десятилетия I в. н.э. [Обломский, 1997, с. 143,144; Dańbrowska, 1988, s. 304]. Застежки варианта П/Р известны и на позднезарубинецких памятниках Среднего Поднепровья (см. главу 3 настоящего издания). Учитывая, что на поселениях почепского типа широко распространены лощеные ребристые миски с вертикальными венчиками, которые, как было указано в главе 2, подражают античным краснолаковым образцам первой половины I в. н.э., то фибулы, типологически относящиеся к финальным вариантам позднего

³ Обломок бронзового изделия, весьма похожего на верхнюю часть почепской фибулы с тордированной спинкой найден при раскопках поселения Борок-3 в Брянской обл. [Шинаков, 1985, рис. 60: 2]. В отчете это изделие названо пронизкой. Поскольку посмотреть саму вещь в натуре не удалось, то к фибулам находка из Борков отнесена предположительно.

латена, на позднезарубинецких памятниках явно использовались дольше, чем в пшеворской культуре⁴. В первой половине I в. н.э. они не только были в обиходе, но и переживали эволюцию, вызвавшую появление фибул «почепского» варианта, сочетающих признаки позднелатенских воинских и верхнеднепровских одночленных прогнутых подвязных [Амброз, 1966, с. 25]. Как уже отмечалось, по общему набору лощеной посуды почепские древности чрезвычайно близки южнобугским типа Марьяновки. Как и последние, они вряд ли могли сформироваться ранее середины I в. н.э.⁵

Центральноевропейские вещи раннеримского периода определенно указывают на существование почепских памятников в период В1 (40-е — 70-е гг. н.э., см. главу 2 настоящего издания), в течение которого распространены фибулы Альмгрен 53 и большинство пряжек типов 13-14 группы А [Madyda-Legutko, 1986, S. 6,7]. Верхняя дата фибул «почепского» варианта неопределенна. Ясно лишь, что они появились еще на каком-то отрезке бытования застежек финальной латенской группы, поскольку обнаружены в одних и тех же объектах с фибулами вариантов П/Р и Ф (поселение Почеп, землянка 2 раскопа V [Заверняев, 1969, с. 96,97; рис. 15: 6,10], землянка 1 раскопа IV [Заверняев, 1969, с. 97,98; рис. 15: 2,11]).

Возможность распространения даты почепских памятников на II в. предоставляют импортные античные вещи. Ранние одночленные лучковые подвязные фибулы типа происходящей из Почапа (вариант 2 по А.К. Амброзу или тип 1 по В.М. Косяненко) датируется большинством исследователей I в. н.э. («скорее, второй его половиной» или «только второй половиной») — началом II в. [Амброз, 1966, с. 49; 1969; Скрипкин, 1977, с. 107; Косяненко, 1987, с. 56; Сергацков, 2007, с. 413-414]. Плакетки с изображениями львов, аналогичные происходящей из Почапа, Е.М. Алексеева относит к I — II вв. н.э. [Алексеева, 1975, с. 44,45]. Тем не менее, насколько «заходят» во II в. почепские памятники (и существовали ли они во II в. вообще) точно определить нет никакой возможности.

Уточнение хронологии почепских древностей во многом зависит от степени точности определе-

⁴ Сторонникам прямого перенесения центральноевропейских латенских датировок на «восточноевропейскую почву» можно напомнить замечание А.К. Амброза: «Если дата появления воинских фибул на западе важна и для нашей территории, то вопрос о длительности существования ранних вариантов фибул следует в каждом случае решать на местном материале» [Амброз, 1966, с. 24].

⁵ Ю.Ю. Шевченко относит возникновение почепских памятников ко времени около 40-х гг. н.э. [Шевченко, 1991]. В принципе, эта дата может быть принята, хотя при ее определении использованы материалы поселения-могильника Высокий Груд, где, по нашему мнению, позднезарубинецкий горизонт отсутствует (см. приложение).

ния датировок предшествующих почепской и последующих археологических общностей.

Работа по изучению древностей раннего железного века (допочепских) в Нижнем и Среднем Подесенье находится в зачаточном состоянии.

В юго-западной части почепского ареала, а также рядом с ним к западу распространены памятники верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (типа Чаплина). Материалы этого круга зафиксированы на поселениях Деснянка (Титова Речка), Гребля, Яловщина и, как мы считаем, на селище Высокий (Белый) Груд (см. каталог позднезарубинецких памятников и [Обломский, 2003а, с. 93,94; рис. 3]). К сожалению, за исключением фибулы из Высокого Груда, которая по профилировке близка к варианту В по Ю. Костшевскому (вариант Г2 по А.М. Обломскому, первая – вторая фазы памятников круга Чаплина) [Шевченко, 1997, рис. 4: 1; Обломский, 1997, с. 143], но отличается наличием рельефных валиков на дужке, узко датированных вещей на поселениях Нижнего Подесенья нет. Авторы публикации поселения Деснянка пришли к выводу, что по набору лощеной посуды наиболее вероятная дата этого памятника – вторая фаза древностей круга Чаплина по А.М. Обломскому /Шекун, Терпиловский, 1993, с. 17/, т.е. вторая половина II в. – первая половина I в. до н.э. [Обломский, 1997, с. 144]. Судя по материалам, которые хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области и в Черниговском историческом музее, набор мисок из Яловщины и Гребли⁶ чрезвычайно близок тому, который происходит из Деснянки, т.е. эти поселения вряд ли сильно отличаются от последнего по дате. Зарубинецких памятников верхнеднепровского круга, которые непосредственно предшествовали бы почепским, в Нижнем Подесенье пока не обнаружено.

Памятники юхновской культуры, которая занимает центральную и северную части почепского ареала, исследованы весьма слабо, несмотря на то, что первый из них (собственно, Юхновское городище) был раскопан в 70-е гг. XIX в. (очерк историографии см. в [Каравайко, 2007, с. 4-6]). Попытка выделить в Среднем и Верхнем Подесенье древности, синхронные классическим зарубинецким, была предпринята А.К. Амброзом. Он относил к позднелатенскому периоду материалы т.н. первого и второго этапов почепской культуры [Амброз, 1964, с. 59-62] и трактовал их, как переходные от юхновских к тем, которые представлены на Почепском селище. В монографии 1991 г. А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский объединили эти этапы в особый тип памятников круга верхнего слоя городища Полужье и высказали

гипотезу, что по большинству характеристик археологического комплекса древности этого типа являются финальными юхновскими. Судя по немногочисленным находкам лощеной посуды, эта культурная группа формируется в классическое зарубинецкое время, но частично могла быть синхронна и позднезарубинецким древностям типа селища Почеп [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 58,59]. К сожалению, ни материалы Полужья, ни других поздних юхновских памятников не опубликованы полностью. Для проверки упомянутой выше гипотезы требуются, кроме того, новые раскопки.

Неопределенна также нижняя дата древностей деснинского варианта киевской культуры, которые в Подесенье сменяют почепские. На ранних киевских поселениях этого региона (Гребля, Хотыльёво) отсутствуют узко датированные вещи. Поселения, хронология которых более или менее отчетлива (Лавриков Лес, Деснянка, Киреевка-2), относятся ко второй фазе киевской культуры по Р.В. Терпиловскому, датирующейся не ранее второй половины III в. [Терпиловский, 2004а, с. 45,46].

Как было указано выше, памятники типа Почепа сформировались в результате синтеза местных юхновских и юго-западных по отношению к Подесенью позднезарубинецких традиций. Проблема дальнейших судеб почепского населения является довольно сложной. П.Н. Третьяков считал почепские древности непосредственными эволюционными предшественниками памятников 2-ой – 3-ей четверти I тыс. н.э. деснинского региона, т.е. киевских и колочинских [Третьяков, 1966, с. 260-264]. Это представление о характере развития археологических общностей деснинского региона П.Н. Третьяков отстаивал до конца своей жизни. В монографии 1982 г. (вышедшей уже после смерти автора) он писал: «основной вывод, который, по моему мнению, следует из анализа верхнеднепровских и деснинских древностей, – установление факта преемственности жизни населения в данной области в течение почти всего I тыс.» [Третьяков, 1982, с. 81,82].

Параллельно существовала и другая точка зрения. Сомнение в наличии генетической связи почепских памятников с раннесредневековыми деснинскими высказали еще А.К. Амброз [Амброз, 1964, с. 70] и несколько позже И.П. Русанова [Русанова, 1976, с. 72-73]. Дальнейшее развитие эта идея получила в статьях Г.Н. Пронина и А.М. Обломского [Пронин, 1979, с. 59-61; Обломский, 1986б, с. 39-47]. Детально рассмотрев керамический комплекс наиболее раннего поселения деснинского варианта киевской культуры Попово-Лежачи-4, А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский пришли к выводу, что он сформировался на основе хотя и позднезарубинецких традиций, но отличающихся от почепских, т.е. древностей типа

⁶ Пользуясь случаем сердечно благодарим Т.П. Валькову и А.В. Шекуна за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

Картамышево-2 (см. главу 5 настоящего издания) [Обломский, Терпиловский, 1998а]. Таким образом, как и предполагал А.К. Амброз, между почепским и последующими этапами истории Подесенья в регионе произошла смена населения.

Тем не менее, Р.В. Терпиловский и Г.Л. Земцов предполагают, что у населения киевской культуры Подесенья сохранились некоторые восходящие к почепской культурной группе приемы возведения жилищ-полуземлянок [Терпиловский, 2004, с. 48; Земцов, 2004]. Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен Г.Л. Земцовым. К общим чертам почепского и киевского домостроительства Подесенья он относит «наличие опорного столба, значительный процент котлованов квадратной формы, большую глубину жилищ, отсутствие глинобитных очагов с преобладанием открытых кострищ, редкое расположение хозяйственных ям и лежанок в постройках» [Земцов, 2004, с. 20]. Впрочем, у обоих авторов речь идет не о магистральном направлении развития древностей, а об отдельных реликтах. Учитывая состояние источниковой базы, окончательное решение вопроса о характере соотношения почепских и раннекиевских древностей станет возможным лишь после обнаружения и раскопок деснинских памятников, достоверно относящихся ко II в. н.э.

На близость лощеной керамики круга городища Мощины на Оке и почепской впервые обратила внимание Т.Н. Никольская [Никольская, 1959, с. 47,48]. А.К. Амброз считал перспективным исследование связи почепского и верхнеокского населения, оставившего курганы «шаньковского типа», т.е. мощинского [Амброз, 1964, с. 70]. Позже идея о переселении почепских племен на Оку и об участии их в сложении мощинской культуры была поддержана В.В. Седовым [Седов, 1970, с. 43,44], Г.Н. Прониным и И.К. Фроловым [Пронин, 1979; Фролов, 1979] и достаточно подробно аргументирована Г.А. Массалитиной [Массалитина, 1994]. В настоящее время эта точка зрения является общепринятой. Тем не менее, почепское наследие, по всей видимости, было лишь одним

из компонентов мощинской культуры, детальное исследование связи древностей раннего этапа которой с верхнеокской археологической общностью раннего железного века пока не проводилось.

Подводя итоги современному состоянию изучения почепских древностей, необходимо отметить следующее.

Во-первых, несмотря на множество спорных вопросов, очевидно, что памятники типа Почепа формируются в результате притока нового населения, присутствие которого в более ранние эпохи в Среднем и Верхнем Подесенье не зафиксировано, а именно зарубинецкого среднеднепровского. Об этом свидетельствует общий облик керамического комплекса почепских поселений и, особенно, набор лощеной посуды, а также некоторые приемы домостроительства. Почепские древности возникли не в результате прямой эволюции юхновской культуры. Процесс их формирования был более сложным.

Во-вторых, юхновские этнокультурные элементы в такой же степени присущи почепским древностям, как и зарубинецкие. Юхновские черты проявляются в керамическом комплексе, некоторых предметах быта (или культа – сфероконические грузила), в домостроительстве. На фоне прочих групп позднезарубинецких памятников своеобразие почепских определяется именно наличием юхновских традиций.

В-третьих, при современном состоянии источников можно с уверенностью утверждать, что почепские памятники существовали в середине – второй половине I в. н.э. Верхняя дата древностей этого круга неопределенна. Не исключено, что они «заходят» во II в., но однозначно утверждать это пока нет достаточных оснований.

В-четвертых, почепские памятники не являются прямым прототипом деснинского варианта киевской культуры. Несмотря на близость некоторых приемов домостроительства, в целом, он формируется на основе традиций других культурных групп.

Табл. 1. Памятники почепской культуры на территории Брянской обл. России⁷

Название памятника	Характер исследования	Топография
Арельск	Разведка	Пойма
Аркино-1	Разведка	Первая надпойменная терраса
Белокаменка	Раскопки А.К. Амброза 1955 г. Вскрыто 120 кв. м [Амброз, 1955, с. 9].	Вторая надпойменная терраса
Бетово	Разведка	Первая надпойменная терраса
Борок-3	Раскопки Е.А. Шинакова 1985-1986 гг. Вскрыто 758 кв. м [Шинаков, 1985; 1986].	Дюна в пойме
Высокое	Разведка	Первая надпойменная терраса
Денисовка	Разведка	Дюна в пойме
Дмитрово-1	Разведка	Возвышенный участок берега ручья
Дмитрово-2	Разведка	Склон берега реки
Дмитрово-3(Дмитрово-Синьково)	Раскопки Г.Н. Пронина 1975 г. Вскрыто 300 кв. м [Пронин, 1975].	Возвышенный участок правого берега реки
Добрунь-1	Разведка	Всхолмление поймы
Жуковка	Разведка	Высокая терраса реки
Жуковка-Ореховое-2	Разведка	Первая надпойменная терраса
Козорезовка-3	Разведка	Мыс берега реки
Рековичи (Красный Маяк-1)	Раскопки Г.И. Полякова 1985 г. Вскрыто 400 кв. м [Поляков, 1985].	Мыс второй надпойменной террасы
Кружаловка	Разведка	Мыс берега реки
Курово-2	Разведка	Мыс берега реки
Лозицы-2	Разведка	Придолинный склон берега реки
Макарово-1	Разведка	Мыс первой надпойменной террасы
Марковское-3	Разведка	Склон берега реки
Никитенка-2	Раскопки А..Н. Сорокина 1988 г. Вскрыто около 90 кв. м	Первая надпойменная терраса
Новое Гатьково	Разведка	Край террасы реки (высота – около 6 м)
Огородня	Раскопки Н.А. Сударева 1992 г.	Дюна в пойме
Парня-2	Раскопки Г.Н. Пронина 1974 г. Вскрыто 268 кв. м. [Пронин, 1974].	Край террасы реки (высота – 7 м)
Подгородная Слободка-1	Разведка	Край террасы реки (высота – 10 м)
Полужье	Разведка	Мыс первой надпойменной террасы
Поляна-1	Разведка	Склон первой и начало второй надпойменной террасы
Посудичи	Раскопки П.Н. Третьякова 1962-1963 гг. [Третьяков, 1974, с. 87-89].	Край террасы реки (высота – 6-7 м)
Почеп	Раскопки Ф.М. Заверняева 1955-1959 г. Вскрыто 2100 кв. м [Заверняев, 1954, 1960, 1969].	Дюна в пойме
Селище-2	Разведка	Склон террасы реки (высота – 2-10 м)
Рогово-3	Разведка	Берег реки
Рябчовка	Разведка	Мыс террасы (высота над уровнем реки – 4-6 м)
Партизанское	Раскопки А.С. Смирнова 1977 г. Вскрыто 3600 кв. м. [Артеменко, Смирнов, 1977].	Останец в пойме
Севск	Разведка	Останец в пойме
Синьково-1	Разведка	Дюна в пойме
Синьково-2	Раскопки А.К. Амброза 1956-1957 гг. Вскрыто 1385 кв. м. [Амброз, 1956; 1957].	Дюна в пойме
Синьково-3	Разведка	Первая надпойменная терраса
Туличево	Разведка	Первая надпойменная терраса
Хотылево	Раскопки П.Н. Третьякова 1962 г. [Третьяков, 1974, рис. 3: 2].	Первая надпойменная терраса
Шибенец	Разведка	Первая надпойменная терраса
Яковлевичи-3	Разведка	Первая надпойменная терраса
устье р. Гасомы (Голяжье)	Раскопки Ф.М. Заверняева 1968 и 1977 г. Вскрыто 153 кв. м. [Заверняев, 1974].	Первая надпойменная терраса
Чернея	Разведка	?

⁷ Сведения взяты из издания [Археологическая карта, 1993].

Табл. 2. Памятники почепской культуры на территории Орловской обл. России⁸

Название памятника	Характер исследования	Топография
Алешанка	Разведка	Первая надпойменная терраса
Булатово-1	Разведка	Первая надпойменная терраса
Булатово-2	Разведка	Дюна в пойме
Волконск	Разведка	Коренной берег
Воронино	Разведка	Дюна в пойме
Высокое-2	Разведка	Первая надпойменная терраса
Городище	Разведка	Коренной берег
Гуторово-1	Разведка	Дюна в пойме
Гуторово-2	Разведка	Первая надпойменная терраса
Дмитровск Орловский	Разведка	Дюна в пойме
Еньшино-1	Разведка	Коренной берег
Еньшино-2	Разведка	Первая надпойменная терраса
Железное-1	Разведка	Коренной берег
Железное-2	Раскопки И.К. Фролова 1968 и 1970 гг. Вскрыто 650 кв. м. [Фролов, 1979].	Дюна в пойме
Железное-4	Разведка	Первая надпойменная терраса
Железное-5	Разведка	Надпойменная терраса (высота - 7-11 м)
Крутогорье-5	Разведка	Коренной берег
Ломовец	Разведка	Первая надпойменная терраса
Мешково-1	Разведка	Склон мыса надпойменной террасы (высота 4-11 м)
Мешково-2	Разведка	Склон мыса надпойменной террасы (высота 2-8 м)
Мешково-3	Разведка	Первая надпойменная терраса
Мешково-4	Разведка	Первая надпойменная терраса
Огарково-3	Разведка	Мыс надпойменной террасы (высота 9-11 м)
Пальчиково-1	Разведка	Коренной берег
Пальчиково-4	Разведка	Коренной берег
Северный Поселок-1	Разведка	Коренной берег
Семеново	Разведка	Останец в пойме
Слободка	Разведка	Первая надпойменная терраса
Сомово-2	Разведка	Берег реки, высота 6-8 м над рекой
Сомово-3	Разведка	Берег реки, высота 6-7 м над рекой
Сомово-5	Разведка	Первая надпойменная терраса
Сомово-6	Разведка	пойма
Яблочково	Разведка	Первая надпойменная терраса

⁸ Сведения взяты из издания [Археологическая карта, 1992].

ГЛАВА 5.

Памятники типа Картамышево-2 и Терновки-2

(А.М. Обломский)

Первые поселения типа Картамышево-2 были обнаружены в результате разведок, проводившихся в 1970-1972 гг. экспедицией «Днепр-Донбасс» под руководством Д.Я. Телегина в бассейне р. Орель (левый приток Днепра) на территории Днепропетровской обл. Украины. В 1971-1974 гг. Д.Я. Телегиным и С.А. Беляевой стационарные раскопки были проведены на поселениях у с. Осиповка (ур. Лиман и Пляж), а в 1974 г. С.П. Юренко – на селище Чернечина. В 1972 г. на Среднем Сейме в Курской обл. России Э.А. Сымонович и О.Н. Мельниковская во время раскопок многослойного поселения Комаровка-2 обнаружили сходные материалы.

Наибольшего размаха изучение памятников типа Картамышево достигло в конце 70-х – 80-е гг. в результате работ Е.А. Горюнова и В.М. Горюновой в бассейне Верхнего Псла в пределах Курской обл. России. В 1979-1980 гг. на поселении Картамышево-2, которое стало эпонимным для обозначения данной культурно-хронологической группы памятников, Е.А. Горюновым было вскрыто 1866 кв. м, исследовано 10 жилищ, 43 хозяйственные ямы, три выносных очага, получена эталонная коллекция материала (керамики, украшений, предметов быта и т.д.) [Горюнова, 2004]. Менее масштабные, но, тем не менее, давшие интересный набор находок первых веков н.э. исследования проводились Е.А. Горюновым на селищах Картамышево-1 и Шмырёво (1978-1979 гг.), В.М. Горюновой – на поселениях Богдановка (1982 г.), Боброва-3 (1983 г.), Гочево-7 (1987 г.). Позднелазарубинецкие объекты были обнаружены также на селище Гочево-3, раскопки которого велись совместно В.М. Горюновой и О.А. Щегловой. Материалы того же культурного круга происходят из трех хозяйственных ям, трех сооружений и культурного слоя поселения Жерновец, распо-

ложенного севернее Курска на р. Тускарь (раскопки А.А. Узянова 1979, 1980, 1983 гг.) (рис. 143).

Большое значение для определения дальнейших судеб населения, оставившего памятники типа Картамышево, и их соотношения с племенами киевской культуры имели раскопки Н.А. Тихомирова и Р.В. Терпиловского на поселении Гочево-1 1986-1987 гг., где была исследована почти вся территория памятника и выявлена серия комплексов, переходных от древностей типа Картамышево к деснинскому варианту киевской культуры [Тихомиров, Терпиловский, 1990; Обломский, 1991, с. 228-230].

На территории Украины, кроме упомянутых выше исследований экспедиции «Днепр-Донбасс», раскопки памятников типа Картамышево-2 проводились Р.В. Терпиловским (Солдатское-5, 1988 г.), И.Н. Кулатовой и А.Б. Супруненко (Бельск, 1997 и 2000 гг.).

Первое поселение типа Терновки-2 (Новодоновка-1) было исследовано в Харьковской обл. Украины в 1960 г. В.И. Митрофановой. В течение длительного времени аналогичные происходящим из Новодоновки материалы известны не были, пока похожая керамика не была обнаружена во время новостроечных раскопок Ю.В. Буйнова и Е.Н. Петренко 1978-1984 гг. многослойного поселения Родной Край-1 в поречье р. Уды (бассейн Северского Донца) около Харькова и поселения Шоссейное южнее Белгорода (исследования А.С. Смирнова и А.Н. Сорокина 1978-1979 гг.). Само поселение Терновка-2 было раскопано А.М. Обломским в 1985-1986 гг. в окрестностях г. Белгорода (Россия). Этот памятник – однослойный, поэтому полученная в результате его исследований коллекция находок стала эталонной. Им же в бассейнах Северского Донца и Оскола проводились раскопки еще трех

поселений с материалами того же круга: Колосково-4 и Приоскольское-1(1984), Головино-1 (1988-1989 гг.) — а также в составлена общая карта памятников типа Картамышево и Терновки на территории Белгородской и Курской обл. [Обломский, 1991, с. 150-260]. Большое значение имели разведки А.Г. Николаенко, проводившиеся им в долине р. Оскол, результаты которых существенно дополнили эту карту.

Как известно, в 90-е гг. в связи с недостатком финансирования во время общего экономического кризиса государств, входивших в Советский Союз, произошел общий спад археологических исследований, в т.ч. и по славянской тематике. Многие программы по этой причине были свернуты. В последнее время стационарно исследовано было лишь одно поселение типа Терновки — Ездочное на Осколе (раскопки И.В. Зиньковской и А.П. Медведева 2002-2003 гг.).

В качестве особого культурно-хронологического типа позднезарубинецких древностей памятники типа Картамышево-Терновки были выделены А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским. Первая их общая характеристика приводится в монографии этих авторов 1991 г. [Обломский, Терпиловский, 1991]. Более подробные сведения с учетом данных разведок включены в монографию А.М. Обломского 1991 г., в целом, посвященную более широкой проблематике [Обломский, 1991]. В обеих работах указывалось, что несмотря на существенную близость набора груболепной посуды, древности, близкие к Картамышево-2, с одной стороны, и к Терновке-2, с другой, существенно различаются по лепной лощеной керамике, причем эти отличия, скорее всего, не хронологические, а локальные. Вполне возможно, что при дальнейшем накоплении материала этот тип древностей будет разделен на две группы. Ниже дается общая характеристика памятников типа Картамышево-Терновки с учетом новых сведений.

Все материалы этой культурной группы происходят с неукрепленных поселений, могильники пока не известны. Единственным исключением является трупосожжение на поселении Гочево-1, но керамический комплекс раннего этапа этого памятника является как бы промежуточным между древностями позднезарубинецкого этапа и киевской культуры. Остатки сожжения в виде мелких кусочков кальцинированных костей, обожженной земли, глины, золы и угольков были помещены в урну, которой служила груболепная корчага. Сверху урна была накрыта обломком нижней части подобного же сосуда, повернутого вверх дном. В округлой яме диаметром 0,4 м и глубиной в материке 0,2 м, в которой стояла урна, вокруг ее придонной части концентрировались фрагменты сосудов, в т.ч. и повторно обожженных, кальцинированные кости. Грунт в этом месте был углистым [Тихомиров, Терпиловский, 1990, с. 50,51].

Селищ типа Картамышево в настоящее время зафиксировано 20, включая те данные разведок, из которых происходит керамика, позволяющая определить принадлежность памятника к конкретному культурно-хронологическому типу, а не к позднезарубинецкому периоду в целом. Из этих поселений на территории Украины расположены семь (Осиповка-Лиман, Осиповка-Пляж, Чернечина, Бельск, Солдатское-5, Песчаное, Большие Будки-4: приложение 1, табл. 1). Ареал этих памятников охватывает верхнее и среднее течение рек, впадающих в Днепр с востока: Сулы, Ворсклы и Орели, а также Среднее и Верхнее Посеймье. Западная граница распространения древностей типа Картамышево из-за общей слабой исследованности западной части Полтавской обл. и юго-восточной — Черниговской пока не ясна, хотя в поречье Орели памятники этого круга известны в непосредственной близости от Среднего Поднепровья. Восточной границей древностей типа Картамышево служит водораздел Днепра и Дона.

Памятники типа Терновки распространены в лесостепной части бассейна Северского Донца и в поречье Оскола. Всего их известно 23, из них на Украине — пять (Новодоновка-1, Родной Край-1, Занки, Колесники, Тимченки-2: приложение 1, табл. 2; рис. 2).

Топография поселений близка к той, которая наблюдается в Среднем Поднепровье и в Подесенье. Резко преобладают селища, расположенные на первых надпойменных террасах рек (20 из 43-х, еще один памятник занимает край первой террасы и часть склона коренного берега). На останцах в поймах, включая дюны, находятся 13 поселений и еще одно — на всхолмлении в пойме и на краю первой надпойменной террасы. В высокой пойме зафиксировано одно селище, на коренных берегах рек — три, на краях обводненных оврагов — два. Сравнительно высоко над уровнем водного источника, таким образом, расположены всего пять селищ, а 37 тяготеют к нижним участкам речных долин. Общая закономерность топографической приуроченности позднезарубинецких поселений, таким образом, распространяется на восток Днепровского Левобережья и на бассейн Северского Донца. Тем не менее, в границах этого ареала наблюдаются локальные различия в расположении памятников в пределах речных долин.

Среди памятников типа Терновки 14 находятся на первой надпойменной террасе, шесть — в поймах рек (в т.ч. и на останцах), три — на коренных берегах, одно — на краю оврага. Из поселений круга Картамышево края первых надпойменных террас занимают восемь, но в поймах находятся девять селищ, а на краю обводненного оврага — всего одно. Получается, что поселения типа Картамышево тяготеют к «ландшафтно более низким» уровням, чем селища круга Терновки, хотя из-за малого количества известных памятников

пока не понятно, в какой степени эти особенности закономерны для того или иного региона.

Сведения о планировке позднезарубинецких поселков имеются лишь для двух селищ: Картамышево-2 и Терновки-2. В препринте А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, О.В. Петраускаса [1990] указано, что в первом из них жилища-полуземлянки занимают восточную часть дюны, а хозяйственные ямы сосредоточены в центральной и северной частях поселения. Его планировка, таким образом, близка к классической зарубинецкой типа Чаплинского городища, когда на поселении имеется единый хозяйственный двор, т.е. малые семьи еще не обособились в имущественном отношении. В главе 6 это предположение уточнено. Авторы Г.Л. Земцов и Ю.Ю. Башкатов выделяют на поселении два строительных горизонта. «Чаплинской» планировке соответствует расположение жилищ и хозяйственных объектов более раннего из них. На втором этапе планировка изменилась. На поселении в этот период существовали две группы построек, к каждой из которых относился свой собственный хозяйственный участок. По всей видимости, каждая из этих групп соответствовала месту обитания большой семьи, состоявшей из двух-трех малых.

Несколько иное, хотя и близкое, соотношение жилых и хозяйственных объектов прослежено на селище Терновка-2. Здесь зафиксированы две зоны концентрации материалов, одна из которых раскопана полностью. К сооружениям верхнего горизонта в ее пределах относились жилище, шесть ям-погребов и хозяйственная постройка. По всей видимости, этот комплекс представляет собой усадьбу — место обитания малой семьи. Судя по распределению материала, в поселке могли одновременно жить максимум две семьи, которые вели обособленное хозяйство [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990, с. 15,16].

На селищах лесостепной части востока Днепро-Донского Левобережья и водораздела Днестра и Дона известно 24 жилища, причем на территории Украины — 4 четыре. Подробная характеристика построек дается в главе 6. Здесь мы приводим лишь краткие сведения о них.

Большая часть сооружений представляли собой прямоугольные полуземлянки с длиной стены от 2,4 до 5,5 м, но чаще всего около 3,5 — 4,5 м. Глубины котлованов варьируют от 10 см до «около 1 м». В нескольких случаях вдоль стен и по углам котлованов прослежены ямы от столбов, но в большинстве построек они отсутствовали, т.е. стены большинства домов были, по всей видимости, срубными. Остатки стен, расположенных внутри котлована, в виде полос сгоревшего дерева прослежены в постройке 1 поселения Ездочное [Зиньковская, Медведев, 2005, рис. 3]. Обмазка при возведении стен, видимо, не использовалась. Явных ее завалов не было ни в одном случае, хотя

в заполнении жилища 1 поселения Бельск кусочки обмазки и встречались [Супруненко, Терпиловский, 2000, с. 72]. Ямы от центральных столбов-опор кровли редки, в ряде жилищ прослежены остатки открытых очагов, как правило, в виде следов костра. Лишь в сооружении 4 Терновки-2 был зафиксирован овальный глинобитный очаг на субструкции из камней.

Кроме полуземлянок, изучены остатки наземного дома и наземного с углубленной частью. Наземная постройка (жилище 1 поселения Картамышево-2) была прямоугольной с линиями столбов вдоль стен и тремя ямами от столбов в центральной части сооружения, которые, возможно, служили опорами кровли или потолка. Размеры постройки — 5,8 x 3,4-3,6 м. Почти по середине ее находился очаг в виде пятна прокала пола со скоплениями углей. Конструкция стен, судя по небольшому диаметру большинства столбовых ямок, была каркасно-плетневой. Не исключено, что постройка была поделена на две неравные части, о чем могут свидетельствовать две находившиеся рядом столбовые ямы к югу от очага [Горюнова, 2004, рис. 2:1]. Из постройки происходят обломки груболепных и лощеных сосудов, кости животных, два пряслица [Горюнова, 2004, с. 50]. К сожалению, вопрос о принадлежности этого сооружения позднезарубинецкому периоду остается открытым. На памятнике имеются и более ранние находки: скифской эпохи¹. Вполне вероятно, что материалы из постройки 1 механически смешаны (тем более, что она — наземная, т.е. читалась по конструктивным деталям). На это подозрение наводит серия обломков груболепных чашеобразных мисок или крышек с характерным уступом на краю венчика, иногда орнаментированных вдавлениями [Горюнова, 2004, рис. 9: 1-4]. Такие сосуды не встречены ни разу ни в одном из закрытых комплексов на памятниках круга Кар-

¹ В.М. Горюнова считает их позднескифскими и относит к этому периоду двустольную ручку красноглиняной амфоры из культурного слоя [Горюнова, 2004, с. 49]. Из керамики для «позднескифского» горизонта Картамышево-2 упоминаются «фрагменты достаточно тонкостенных, вылепленных из плотного теста, горшков, венчики которых украшены разного рода пальцевыми вдавлениями с отпечатками ногтей и проколами под венчиком» [Горюнова, 2004, с. 53-54]. По нашему мнению, эта керамика была не позднескифской, т.е. рубежа и первых вв.н.э., а более ранней. Проколы под венчиками — характерный орнамент сосудов ранней и развитой скифской эпохи. В I-II вв.н.э. ни на одном позднескифском памятнике от Молдавии до лесостепного Поволжья такой керамики нет [Обломский, 2006]. Из культурного слоя Картамышево-2 происходит, также, такой типичный для классической скифской эпохи предмет, как железный втульчатый наконечник стрелы с ромбовидным окончанием [Горюнова, 2004, рис. 6: 7]. Подобные изделия типичны для среднедонских курганов скифского времени [Либеров, 1965, с. 16, табл. 19: 10,11,26-31,33,45-47,71-77,88-92,135-138, 162,163]. А.И. Мелюкова и А.П. Медведев датируют период их максимального распространения V-IV вв. до н.э. А.И. Мелюкова считает возможным удлинить время их существования вплоть до II в. до н.э. Среднее Подонье, по ее мнению, является местом происхождения этого типа стрел [Мелюкова, 1964, с. 29; Медведев, 1999, с. 105-106, рис. 52: 40-46].

тамышево-Терновки. Несколько мелких фрагментов подобных крышек происходят с поселения Бельск, но на этом памятнике имеются и скифские материалы [Супруненко, Терпиловский, 2000]. В заполнении некоторых полуземлянок Картамышево-2 обломки подобных керамических изделий встречаются, но эти черепки — очень небольшие и вполне могли попасть в объекты из культурного слоя, где аналогичные «чаши» известны [Горюнова, 2004, рис. 14: 3,4; 16: 4; 31: 2,6]. Если принять во внимание, что постройка 1 находится в стороне от основной области концентрации жилищ в Картамышево-2, то принадлежность этого сооружения скифской эпохе весьма вероятна.

Вторая постройка (4 поселения Терновка-2) подпрямоугольная, слабо углубленная в грунт (максимально, на 14 см). В ее пределах прослежен упомянутый выше каменно-глинобитный очаг. Размеры котлована — очень небольшие (3,6 x 2,4 м). Он, скорее всего, являлся углубленной частью наземного дома [Обломский, 1990а, с. 11,12].

Хозяйственные постройки на поселениях, которые находятся к западу от водораздела Днпра и Дона, крайне редки. Остатки такого сооружения в виде неглубокой ямы 1 размерами 1,2 x 1,4 м со следами столба рядом с ней с областью повышенной концентрации находок вокруг исследованы на поселении у с. Бельск [Супруненко, Терпиловский, 2000, с. 73,74].

На памятниках типа Картамышево-2 известны, также, очаги, расположенные вне построек. Примером такого объекта является очаг на поселении Солдатское-5, к сожалению, разрушенный оползнем берега р. Ворсклицы. Размеры сохранившейся части составляли 1,5 x 0,4 м. Основу очага, который представлял собой глинобитную площадку, составляли фрагменты восьми горшков и железные шлаки (рис. 118) /Терпиловский, 1990, с. 61,62/.

Специфическими объектами поселений круга Картамышево являются т.н. конические печи, исследованные пока только на поселениях, находящихся в пределах России. Не считая трех таких сооружений, раскопанных на поселении Гочево-1, материалы которого являются переходными от памятников типа Картамышево-2 к древностям раннего этапа деснинского варианта киевской культуры, на позднезарубинецких поселениях известны четыре таких объекта (Богдановка — два, Гочево-7 и Бобрава-3 — по одному). Они представляли собой расширяющиеся кверху усеченно-конические ямы с плоским дном, стенки и основание которых выложены черепками сосудов, иногда камнями и обмазаны толстым слоем глины. Диаметр верхней части обычно около 0,5-0,6 м, нижней — 0,2-0,35 м. Глина сильно обожжена. В литературе предложено несколько вариантов интерпретации этих

печей: как связанных с металлургией, предназначенных для выпечки хлеба или для сушки снопов [Обломский, 1991, с. 46].

Если на поселениях круга Картамышево известны, в основном, жилища, хозяйственные ямы, «конические печи» и изредка открытые очаги, то на памятниках типа Терновки многочисленны хозяйственные постройки. Всего их учтено 10, все они представляют собой полуземлянки. Классификация этих объектов приводится в монографии А.М. Обломского 1991 г. К типу 1 относятся подквадратные или подпрямоугольные сооружения с одной или несколькими выровненными площадками на полу (Терновка-2 и Головино-1 — по одной постройке), к типам 2 и 5 — небольшие прямоугольные объекты с ровным полом (Терновка-2 — две постройки, Приоскольское-1 — одна постройка), к типу 3 — овальные полуземлянки без очагов (Терновка-2 — две постройки), к типу 4 — прямоугольные сооружения без отопительных устройств с одной ямой-погребом (Терновка-2, две постройки) [Обломский, 1991, с. 42, рис. 13].

Как и на всех памятниках позднезарубинецкого круга, на поселениях типа Картамышево и Терновки лепная керамика делится на кухонную с шероховатой поверхностью и лошеную. Последняя составляет: в Бельске — 6,4% по статистике, опубликованной в [Супруненко, Терпиловский, 2000, с. 74], в постройке 1 Гочево-7 — 5%, в Головино-1 в некоторых объектах — до 11% [Абашина, Кухарская, Обломский, 2004, с. 32], в Ездочном-1 в среднем по слою раскопа 2002 г. — 3%, в постройке 1 — 18% [Зиньковская, 2002, с.10, табл. 1], в Приоскольском-1 — 4,7% (подсчеты по табл. XI [Обломский, Терпиловский, 1991], в Терновке-2 — 5,5% в среднем (по сведениям из публикации [Обломский, 1990а])). Гончарная керамика единична, является импортной и встречена далеко не на всех памятниках.

В качестве примесей в тесто кухонных сосудов использовался, в основном, шамот, иногда в сочетании с песком и органикой. Зерна шамота — крупные, часто выступающие наружу. Кухонная керамика типа Картамышево — Терновки — более грубая, чем на памятниках типа Марьяновки, Почапа и Лютежа, стенки сосудов, как правило, более толстые. На поверхности часто заметны следы заглаживания пальцами — характерные борозды. Изредка и далеко не на всех поселениях встречена посуда с искусственно ошершавленной хрупчатой поверхностью. Обломки таких сосудов зафиксированы на селищах Картамышево-2, Терновка-2, Головино-1, Солдатское-5. Иногда встречается, также, керамика, орнаментированная расчесами, нанесенными гребнем (Терновка-2, Гочево-7, Осиповка-Пляж, Большие Будки-4: рис. 72: 4; 73: 2; 77: 1,3), на некоторых сосудах видны следы заглаживания щепкой и штрихи (Солдатское-5, Картамышево-2).

Излюбленный прием орнаментации груболепных горшков — насечки и вдавления, нанесенные пальцем по краю венчика. На фрагменте горшка из жилища 9 Картамышево-2 по венчику нанесены косые отпечатки веревочки или торца щепки [Горюнова, 2004, рис. 17: 4], на обломке одного из сосудов из Больших Будков-4 — насечки, ориентированные через одну в противоположных направлениях, что создает впечатление зигзага [Горюнова, Родинкова, 1999, рис. 43: 6]. Подобным же образом украшен венчик одного из горшков поселения Солдатское-5 (рис. 118: 4) [Терпиловский, 1990, табл. VI: 4].

Тулово большинства сосудов не орнаментировано, тем не менее, из этого правила имеются исключения. На нескольких памятниках известны обломки горшков, между шейкой и плечом которых (или на плече) имеются т.н. ложные валики (полосы пальцевых вдавлений или защипов, иногда расположенных по три — Солдатское-5, Картамышево-2) (рис. 118: 6). На одном из фрагментов сосудов поселения Терновка-2 заметен наклепной валик, расчлененный пальцевыми вдавлениями.

Орнаментация венчиков горшков с шероховатой поверхностью имеет локальное распространение. Сосуды с вдавлениями и насечками по венчику встречены как на памятниках типа Картамышево, так и на поселениях круга Терновки, но к западу от водораздела Днепра и Дона на тех памятниках, где имеется пригодная для статистической обработки серия позднезарубинецкой посуды, они составляют не менее половины или преобладают (Картамышево-2, судя по публикации — 71%, Бельск — 51%, Солдатское-5 — шесть из восьми экз.). На поселении Большие Будки-4, как отмечают авторы публикации, орнаментировано большинство фрагментов венчиков горшков [Горюнова, Родинкова, 1999, с. 205, 206]. К востоку от водораздела орнаментированных сосудов значительно меньше: Терновка-2 — единичны, Приоскольское-1 — 23%, Ездочное — обломки венчиков с насечками и вдавлениями в публикации не приводятся).

Из форм груболепных горшков преобладают закрытые округлобокие сильнопрофилированные сосуды с изогнутым отогнутым наружу венчиком таксона I,1,a,a по А.М. Обломскому и Р.В. Терпиловскому [Обломский, Терпиловский, 1991] (рис. 72: 7; 73: 1; 77: 2; 81: 2; 114: 3; 119: 1; 128: 14; 129: 1,4-6; 133: 1; 134: 2). Изредка встречаются близкие по профилировке, но открытые формы (I,1,a,b) (рис. 73: 2; 119: 2) и сосуды не с изогнутым, а с прямым вертикальным венчиком I,1,b (рис. 129: 13). Сравнительно широко распространены, также, закрытые округлобокие горшки с дугой неопределенной формы в верхней части профиля (она может быть слегка выпуклой или почти прямой — таксон I,3-a) (рис.

77: 1; 113: 1,2; 118: 1,3,8; 119: 6; 129: 2,3,9; 132: 3), встречаются и открытые сосуды подобной профилировки (т.н. тюльпановидные — I,3-b; рис. 119: 4; 120: 2; 129: 8,16; 134: 1), редки баночные с гладким верхним краем или с небольшим бордюром на нем (I,4 — рис. 129: 7,14,15). Из ребристых горшков наиболее часты сосуды с отогнутым наружу венчиком и вогнутой дугой в верхней части профиля и прямыми или слегка вогнутыми стенками в нижней (II,1 — рис. 72: 1,2; 78: 1; 81: 1; 128: 13; 134: 3,4), а также формы похожей профилировки, но с прямой линией между шейкой и плечом (таксон II,2,a — рис. 78: 4; 114: 1,2; 118: 4,5; 119: 5; 133: 5). Ребристые сосуды без венчика (II,5) единичны. Они встречены лишь на поселениях Приоскольское-1 и Картамышево-2 [Обломский, 1991, с. 37, рис. 39: 4; Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 24: 2,3; Горюнова, 2004, рис. 16: 1]. Горшок таксона II,3 (верхняя часть аналогична сосудам II,1, но стенки нижней — выпуклые) обнаружен в единственном экземпляре на поселении Шоссейное [Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987, рис. 4: 3]. Аналогичную форму имела урна, содержащая остатки сожжения на поселении Гочево-1 [Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 9: 18].

Комплекс груболепной керамики дополняется миниатюрными сосудами разных форм — чашеобразных и имитирующих горшки. Наиболее полно они представлены на поселении Картамышево-2 [Горюнова, 2004, рис. 32]. На памятниках типа Терновки встречаются диски, которые практически отсутствуют на поселениях круга Картамышево за исключением единственной находки на селище Песчаное Сумской обл. (рис. 119: 7).

Лепные лощеные горшки единичны и относятся к таксонам I,1,a,a [Обломский, 1990a, рис. 4: 24; Горюнова, 2004, рис. 13: 3; 14: 5], I,1,b (сильнопрофилированный округлобокий с вертикальным венчиком) [Горюнова, 2004, рис. 27: 3], I,1,v (округлобокий с отогнутым наружу прямым венчиком) [Горюнова, 2004, рис. 14: 9]; II,1 [Горюнова, 2004, рис. 21: 7]. Чаще всего встречаются миски, которые имеют локальную тенденцию распространения.

На памятниках типа Картамышево-2 изредка встречаются чашеобразные миски таксона I,1, низкие ребристые форм III,3,a и III,1 [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 14: 1,2; Обломский, 1991, с. 40] (описание таксонов см. в главе 2), но наиболее широко распространены высокие ребристые формы с зигзаговидным профилем таксона III,3,b (рис. 76: 12; 114: 4; 119: 8). Реже встречаются высокие миски с вогнутой дугой на участке профиля выше ребра (таксон III,4 — рис. 76: 8; 82: 8), характерные, в основном, для более поздней киевской культуры [Обломский, Терпиловский, 1998a, с. 79-82]. Иногда высокие миски на участке между шейкой и бочком орна-

ментируются поясом прочерченных по поверхности зигзагов, элементов меандра, вертикальных полос со штриховкой, нанесенной в противоположных направлениях, и свастик различной степени сложности. Наиболее разнообразен орнамент сосудов поселения Картамышево-2 [Горюнова, 2004, рис. 9,12,13,18,23,26,27,29]. У некоторых мисок под венчиком заметна горизонтальная каннелюра. Редкой формой является лощеная плоска (рис. 76: 10).

В бассейне Северского Донца и на Осколе миски таксонов III,3,б и III,4 обычно не встречаются. Единственным исключением является сосуд с поселения Родной Край-1 (рис. 135: 2). На памятниках типа Терновки распространены низкие ребристые миски таксонов II,3 и III,2,а (рис. 131: 4,8; 132: 4-6; 135: 1). От аналогичных форм памятников типа Лютежа и Марьяновки они отличаются более короткими (в тенденции) венчиками. Довольно широко распространены и округлобокие формы I,1 (рис. 131: 7; 133: 6). Орнамент на этих сосудах не отмечен.

Обломки гончарных серо-, красно-, коричнево- и оранжевоглиняных сосудов найдены на поселениях Картамышево-2, Гочево-7, Ездочное, Терновка-2 [Горюнова, 2004, с. 46,47; Зиньковская, Медведев, 2005, с. 12; Обломский, 1990а, с. 17]. Практически все авторы перечисленных выше публикаций считают, что эта керамика имеет античное происхождение. К сожалению, обломки сосудов сильно измельчены, и типологическому определению они не поддаются.

Более часты обломки античных амфор. Фрагменты светлоглиняных найдены на поселениях Чернечина, Бельск, Картамышево-2, Осиповка-Пляж (рис. 75; 82: 4; 128: 10), Приоскольское-1, Терновка-2, красноглиняных – в Осиповке (Пляж), Колесниках, Картамышево-2, Ездочном. Из стенок амфор часто изготавливались пряслица. Они найдены на селищах Картамышево-2, Бельск, Бобрава-3, Ездочное, заготовки с намеченными отверстиями – в Бельске и Терновке-2 [Супруненко, Терпиловский, 2000, с. 75,76; Зиньковская, Медведев, 2005, с. 7,12; Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 18, 37: 21; Горюнова, 2004, с. 46; Обломский, 1990а, с. 17]. Типологически определимы лишь немногие фрагменты. Из Картамышево-2 происходит ручка двуствольной красноглиняной амфоры [Горюнова, 2004, рис. 28: 4], из Осиповки-Пляжа – венчики и ручки светлоглиняных типов В, С и Д и раннеримских красноглиняных [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 71-73].

Сведения об орудиях труда, предметах быта, находках оружия и украшений на памятниках типа Картамышево – Терновки приводятся в перечисленных выше публикациях, а также в издании [Обломский, 1991, с. 35-57]. Наиболее многочисленны пряслица. Среди них преоблада-

ют изготовленные из черепков сосудов, хотя встречаются и плоские лепешковидные, низкие биконические, массивные биконические с воронковидными основаниями, высокие биконические, и конические. Поверхность пряслиц могла быть как лощеной, так и шероховатой. Известны, также, миниатюрные сосуды, шарик из глины. С металлургией связаны обломки тиглей, как правило, конической формы (Гочево-7, Картамышево-2). Из железа изготовлены ножи с прямой и слабо изогнутой спинкой, трехлопастной наконечник стрелы (Гочево-1), две шпоры (Гочево-1 и Ездочное), а также заклепка, булавки, рама пряжки. На поселении Жерновец найдены обломки серпа с крюком для крепления рукояти (рис. 113: 4,5). Из Картамышево-2 происходит проушной топор с узким лезвием и уникальное железное кольцо-перстень со вставкой из серебра. К сожалению, бытовых предметов, которые можно было бы достоверно отнести к позднезарубинецкому периоду, на памятниках, расположенных на территории Украины, немного. Они представлены двумя пряслицами из стенок чернолощенных сосудов (Большие Будки-4 [Горюнова, Родинкова, 1999, с. 206, рис. 44: 15,16]); обломками пряслиц из стенок светлоглиняных амфор, заготовками пряслиц из стенок амфор (Бельск, Осиповка-Пляж; рис. 73: 3-6; 128: 1-3 [Супруненко, Терпиловский, 2000, рис. 4: 1-3]).

Из бронзы изготовлены булавки, обломки браслетов, пронизи, накладки, пластинчатая обойма, фрагмент гривны с поселения Головино-1, рамка центральноевропейской пряжки из Занков (см. приложение) и глазчатая фибула типа Альмгрен-61 из Картамышево-2. Особый интерес представляют изделия с выемчатой эмалью и сопутствующие им пластинчатые украшения, которых на исследованных раскопках памятниках типа Картамышево и Терновки найдена целая серия. В виде свода с аналогиями и типологическим анализом эти изделия опубликованы в издании [Памятники киевской культуры..., приложение 2]. Ниже мы приводим их список.

Бобрава-3 (Беловский р-н Курской обл.). На памятнике обнаружены материалы эпохи бронзы, позднезарубинецкого периода, XVIII-XX вв. Коллекция находок хранится в ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург).

1. Литая ажурная подвеска-лунница. На окончаниях помещены по одному круглому гнезду с красной эмалью, каждый из концов снабжен тремя отростками-кольцами. На корпусе имеется треугольная прорезь. В ушко для подвешивания продето кольцо. Происходит из культурного слоя.

2. Обломок литой лунницы. Сохранился сплошной дугообразный корпус и начало расширения одного из концов. Обнаружена в верхней части заполнения ямы 5 вместе со скоплением позднезарубинецкой керамики.

Головино-1 (Белгородский р-н Белгородской обл.).

Материалы поселения относятся к позднезарубинецкому культурно-хронологическому горизонту и черняховской культуре. Прослежено также несколько ям XIX-XX вв. Находки хранятся в Белгородском краеведческом музее.

В культурном слое поселения обнаружена Т-образная фибула с массивным подтреугольным в сечении корпусом и тремя полями эмали в верхней его части: двумя красными круглыми у подпорок для крепления оси пружины и одним зеленым подтреугольным между ними. Фотография фибулы опубликована на цветной вклейке в [Славяне, 1993].

Гочево-1 (Беловский р-н Курской обл.). На памятнике обнаружены отдельные находки эпохи неолита-бронзы и Древней Руси. Большинство сооружений относится к первой-второй четверти I тыс. н.э., а именно, к двум этапам: переходному от позднезарубинецкого периода к киевской культуре (постройки 2-4, выносной очаг или печь 2, все три т.н. горна, урновое погребение с сожжением) и к позднему периоду сейминско-донецкого варианта киевской культуры (эпохи черняховского влияния: постройка 1 и перекрывающая постройку 4 яма с конским скелетом и костями других животных, где была найдена двучленная прогнутая подвязная фибула). Предметы круга восточно-европейских эмалей опубликованы в: [Тихомиров, Терпиловский, 1990, рис. 4: 1,2,5; Терпиловский, Абашина, 1992, рис. 44: 1-3; Обломский, 2002, рис. 12: 12,13,20]. Все они происходят из заполнения постройки 4. Материалы хранятся в Курском государственном археологическом музее.

1-2. Две одинаковые литые лунницы с круглыми окончаниями, на которых помещены круглые поля с красной эмалью (по одному на каждом). Ушки изделий сцеплены вместе кольцом, к которому прикреплен планка для подвешивания из перекрученной проволоки с крючками с двух сторон.

3. Литая подвеска-лунница, на каждом из концов которой имеются по четыре гнезда с красной эмалью (по одному — в трех полукруглых выступах, четвертое — в их основании). На корпусе помещены еще два поля подтреугольной формы с такой же эмалью. Из 10-ти гнезд эмаль сохранилась в пяти.

4. Трапециевидная подвеска с выдавленным с оборотной стороны орнаментом в виде двух дуг, окончания которых завершаются окружностями. Еще две таких же окружности расположены в верхней и нижней частях подвески. В пластинчатое ушко продето кольцо.

Ездочное (Чернянский р-н Белгородской обл.). Основной горизонт поселения относится к позднезарубинецкому периоду, но имеются и отдельные материалы салтово-маяцкой культуры, а также остатки постройки XVIII в. Коллекция нахо-

док хранится в Старооскольском краеведческом музее и археологическом музее Воронежского государственного университета.

Из заполнения постройки-полуземлянки вместе с позднезарубинецкой керамикой, пряслицами, зеленой пастовой бусиной, рядом железных предметов, в т.ч. и шпорой, происходит треугольная ажурная фибула с четырьмя полями красной эмали (три — на корпусе и одним — на треугольной ножке) [Зиньковская, 2002, с. 10-11, рис. 37: 17; Винников, Синюк, 2003, цветная вклейка; Зиньковская, Медведев, 2005, рис. 5].

В культурном слое найден обломок бронзового браслета с треугольным в сечении корпусом и треугольной выступающей наружу лопастью-ребром, помещенной на конце. Сохранилась, приблизительно, треть изделия [Зиньковская, Медведев, 2005, рис. 5].

Жерновец (Курский р-н Курской обл.). Большинство объектов поселения относится к позднезарубинецкому культурно-хронологическому горизонту, роменскому и древнерусскому периодам. Материалы хранятся в Институте археологии РАН.

В нижней части древнерусского сооружения 51 найден обломок литой лунницы с тремя полями красной эмали (треугольным в центре и двумя круглыми — на окончаниях) (рис. 113: 3). В ушко для подвешивания продето кольцо. Края эмалевых полей обломаны. По этой причине не понятно, были ли у лунницы первоначально отростки, а треугольные в центре и круглые по краям эмалевые вставки имеются у очень многих подвесок.

Картамышево-2 (Обоянский р-н Курской обл.). На памятнике обнаружены отдельные материалы неолита, раннего железного века, могильник колочинской культуры, несколько погребений XX в. Почти все объекты и подавляющее большинство находок из культурного слоя поселения относятся к позднезарубинецкому культурно-хронологическому горизонту. Материалы хранятся в ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

1. Литая подвеска-лунница. На концах, украшенных тремя выступами-шишечками — по одному круглому гнезду с красной эмалью. К ушку прикреплено кольцо, а к нему — узкая треугольная в сечении планка для подвешивания с крючками с двух сторон. Происходит из ямы 24.

2. Пластинчатая трапециевидная подвеска, орнаментированная выдавленными с обратной стороны изделия четырьмя кругами, каждый из которых представляет собой две вписанные друг в друга концентрические окружности. В верхней части находится отверстие для подвешивания или крепления ушка. Происходит из жилища 8 вместе пластинчатой лунницей и выразительным комплексом позднезарубинецкой посуды.

3. Фрагмент пластинчатой трапециевидной подвески. Сохранилась часть орнаментальной

композиции в виде двух выдавленными с обратной стороны кругов, каждый из которых представляет собой две вписанные друг в друга концентрические окружности. В верхней части изделия имеется отверстие, в которое продето кольцо, а в него — планка для подвешивания с крючками с двух сторон, загнутых в двух плоскостях. Происходит из культурного слоя.

4. Пластинчатая лунница без орнамента с утолщенными концами. Ушко — петлевидное, прямоугольное в плане. В него продето кольцо, а в последнее — планка для подвешивания из перекрученной проволоки с крючками с двух сторон. Происходит из жилища 8 вместе трапециевидной подвеской и выразительным комплексом позднезарубинецкой керамики [Горюнова, 2004, рис. 5: 7, 14, 16, 20].

Колесники (Змиевский р-н Харьковской обл.). Случайные находки на поверхности селища (место хранения не известно), где в 1995-1996 гг. исследованы объекты позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и черняховской культуры.

1. Литая бронзовая лунница не имеет эмалевых полей. Круглые концы (сохранился один из них) и выступающие наружу круглые отростки снабжены сквозными прорезями [Дідик, Любичев, 1998, с. 50; рис. 1: 2].

2. Обломок бронзовой литой лунницы с круглыми полями на концах (одно утрачено), украшенных круглыми вставками с красной эмалью. Поля оканчиваются тремя каплевидными отростками.

3. Нижняя часть треугольной (?) фибулы с крестообразным окончанием ножки. Последняя отделена от корпуса гребнем с каннелюрой посередине. В центре ножки и на трех крестообразных отростках ее имеются круглые прорези. В среднюю из них вставлено треугольное в сечении кольцо. На сохранившемся фрагменте эмаль отсутствует [Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. III.5].

4. Обломок, вероятно, корпуса фибулы. Сохранилась часть корпуса с ребром посередине и скошенными гранями. На корпусе имеется рельефно выступающий наружу треугольный валик, поверхность которого расчленена каннелюрами на три продольных гребня с чеканной орнаментацией. С тыльной стороны изделия заметен пластинчатый приемник [Бакуменко, Бейдин, Григорьянц, Дидык, 2006, рис. III.6].

Осиповка-Пляж (Магдалиновский р-н Днепрпетровской обл.). Поселение с материалами неолита, эпохи бронзы, раннего железного века, позднезарубинецкого периода и пеньковской культуры.

Из культурного слоя происходит бронзовая пластинчатая лунница с приклепанном сверху ушком и расширенными концами, снабженными отверстиями (рис. 75: 17) [Телегін, Беяева, 1975, с. 100, рис. 2: 20].

Родной Край-1 (Золочевский р-н Харьковской обл.). Случайная находка на поверхности памятника (хранится в Харьковском историческом музее), где в 1978-1984 гг. проводились раскопки. Исследованы остатки поселения эпохи бронзы, скифского периода, позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта, черняховских селища и могильника.

Пластинчатая лунница без орнамента имеет утолщенные овалы в сечении концы [Дідик, Любичев, 1998, с. 50; рис. 1: 3].

Терновка-2 (Яковлевский р-н Белгородской обл.). Материалы относятся к позднезарубинецкому культурно-хронологическому горизонту, хранятся в Белгородском краеведческом музее.

Пластинчатая обойма с выдавленной с обратной стороны композицией из двух кругов, каждый из которых состоит из двух концентрических окружностей с точкой в центре и двух параллельных линий, расположенных под ними, происходит из постройке 2 вместе с выразительным набором позднезарубинецкой посуды [Обломский, 1990а, с. 18; рис. 10: 27; 2002, рис. 12: 23; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 138].

В цитированной выше коллективной монографии А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским были выделены три этапа развития стиля вещей с выемчатой эмалью. К первой относятся сравнительно небольшие вещи без отростков и прорезных полей. Вставки эмали, если они есть (у некоторых подковообразных фибул, например, на концевых щитках эмали отсутствуют, зато имеются прочеканенные композиции) — красного цвета и невелики по размерам. На второй стадии изделия в большинстве своем становятся крупнее, кроме красной, используется эмаль и других цветов. Предметы зачастую снабжены отростками, дополнительными полями, имеют прорезную орнаментацию. Для финала этой стадии характерно использование украшений, богато орнаментированных отростками и кольцами (т.н. кружевных или барочных).

На третьей (заключительной) стадии эволюции распространяются украшения с прорезной орнаментацией без эмалевых вставок.

Из тех вещей, связь которых с позднезарубинецкими материалами документирована данными раскопок, к начальной стадии эволюции стиля относятся лунницы №1-2 из Гочево-1, к ранней или средней — лунница из Жерновца, к средней — лунницы №1 из Бобравы-3, №3 из Гочево-1, из Картамышшево-2, фибулы из Головино-1 и Ездочного. Типологически поздних вещей на памятниках раннеримского времени нет, за исключением лунницы №1 из Колесников, но во-первых, эта вещь происходит из сборов, т.е. связь ее с позднезарубинецкими материалами не документирована, а во-вторых, на этом памятнике, кроме материалов круга Терновки, обнаружены и более поздние черняховские.

К импортным изделиям относится небольшая серия стеклянных бусин (Картамышево-2, Терновка-2, Ездочное, Приоскольское-1 [Обломский, 1993, с. 48; Зиньковская, Медведев, 2005, с. 7,8]).

По амфорному материалу, глазчатой фибуле из Картамышево-2, обломку гривны из Головино-1 и бусам хронология памятников типа Картамышево – Терновки была определена в рамках позднезарубинецкого периода в целом, т.е. в пределах середины – второй половины I – II в. н.э. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 71-74; Обломский, 1991, с. 9-14; 1993, с. 48; 2002], при этом в монографии 2002 г. А.М. Обломский отмечал, что из-за малочисленности датирующих вещей время возникновения памятников типа Терновки пока с точностью определить невозможно.

Попытку пересмотра этой хронологии недавно предприняла В.М. Горюнова. Время существования поселения Картамышево-2 она определяет в рамках «середины (?) – последней трети (четверти) II – середины (?) III в.» [Горюнова, 2004, с. 50]. Аргументы при этом выдвигаются следующие.

1. Обломок двуствольной ручки красноглиняной амфоры относится к т.н. позднескифскому горизонту памятника, а не к позднезарубинецкому. Между датой подобных амфор и хронологической позицией прочих вещей из Картамышево-2 (фибулы, лунницы с эмалью) лежит хронологический разрыв.

2. Глазчатые фибулы типа Альмгрен-61 В.М. Горюнова датирует от рубежа I и II вв. н.э. до последней четверти II в.

3. Распространение в древностях круга Картамышево высоких мисок с зигзаговидным профилем представляет собой не локальное, а хронологическое явление и указывает на более позднюю дату памятников с такой лощеной керамикой по сравнению с древностями типа Лютежа и Почепа [Горюнова, 2004, с. 46-50].

Как уже было отмечено выше, амфоры с двуствольными ручками не могли сосуществовать со «скифоидной» керамикой из Картамышево. По характеру своей орнаментации она относится к гораздо более ранней эпохе. Некоторый хронологический разрыв между датой обломка ручки и глазчатой фибулой имеется, но он не слишком велик, если определять датировку последних, как это принято в современной литературе. Кроме того, на поселении есть и более ранние объекты, чем синхронные фибуле. В главе 6 показано, что на памятнике можно выделить два строительных горизонта. Фибула происходит из комплекса, относящегося к последнему из них (верхнему). Отметим, что на позднезарубинецких памятниках бассейна Южного Буга встречены как фрагменты амфор с двуствольными ручками, так и глазчатые фибулы серии В Р. Ямке (см. главу 2).

По современным хронологическим разработкам в Польше они характерны для периода В2а и до последней четверти II в. не доживают (см. главу 2 настоящей монографии). Возможность относительно длительного существования этих фибул предполагал Р. Ямка, но только для территории Нижнего Повисленья, на что и указал М.Б. Шукин в примечании к статье О.А. Гей и И.А. Бажана, на которую ссылается В.М. Горюнова [Гей, Бажан, 1993, с. 56]. В работе К. Годловского, которую в этом отношении упоминает В.М. Горюнова [Горюнова, 2004, с. 48], на с. 52 указано только, что такие фибулы типичны для периода В2а. В последующее время в Польше распространены застезки других типов.

В принадлежности материалам круга Картамышево обломков амфор типа В по Д.Б. Шелову или варианта CIVB по С.Ю. Внукову В.М. Горюнова, вроде бы, не сомневается, но их массовое употребление начинается около 80-х гг. н.э. по современным хронологическим разработкам [Внуков, 2006, с. 167].

По поводу более поздней хронологической позиции высоких мисок с зигзаговидным профилем. По имеющимся в настоящее время данным глазчатые фибулы серии В, в т.ч. и Альмгрен-61, происходят с позднезарубинецких памятников Подляшья (Гриневици Вельки), бассейна Южного Буга (Рахны), Среднего Поднепровья (Лютеж). Набор лощеной посуды на всех этих территориях, действительно, радикально отличается от картамышевского (см. главы 2 и 3), а фибулы, между тем, типологически близки и, соответственно, синхронны. Картамышевский набор, таким образом, имеет именно локальное распространение, по крайней мере, на время существования поздних глазчатых фибул, поскольку на других территориях в то же самое время встречена другая лощеная посуда.

Учитывая все изложенное, мы считаем, что для существенного пересмотра хронологии памятников типа Картамышево пока нет достаточных оснований. Возможно, они появятся в будущем, когда будут проведены новые полевые исследования.

В 1991 г. А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским была сформулирована гипотеза, что по общему набору груболепной керамики и традициям домостроительства памятники типа Картамышево – Терновки близки к среднеднепровским древностям круга Лютежа и возникли в результате переселения на восток Днепровского Левобережья и в бассейн Северского Донца потомков зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья. Своим образом древностям круга Картамышево, т.е. восточной части Днепровского Левобережья, придает специфический набор лепной лощеной посуды, а именно, широкое распространение высоких мисок с зигзаговидными профилями и специфиче-

ческим гравированным орнаментом. Прототипы последних наблюдаются на территории пшеворской культуры, что свидетельствует о переселении в район водораздела Днепра и Дона каких-то небольших групп пшеворского населения [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 85-89]². Эта миграция сопровождалась распространением в лесостепном Поднепровье украшений, деталей ременной гарнитуры и элементов вооружения центральноевропейского происхождения [Малашев, Обломский, 2002]. Прямой эволюционной связи между древностями типа Харьевки II в. до н.э. — начала I в. н.э., распространенных в северной части Днепровского лесостепного Левобережья, в основном, в Среднем Посеймье, и комбинирующих в своем археологическом комплексе зарубинецкие среднеднепровские, пшеворские и ясторфские черты, с одной стороны, и памятниками типа Картамышево — Терновки, с другой, пока не наблюдается [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 74-76; Обломский, 2002, с. 14,15].

В 80-е — 90-е гг. появились прямые данные, подтверждающие проникновение среднеднепровского населения на восток.

На поселении Берёзовка-2, расположенном в среднем течении р. Ворсклицы в Сумской обл. Украины, во время раскопок А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1989-1990 гг. получен оригинальный комплекс лепной посуды, подробно проанализированный в публикации. По активному использованию наряду с округлобочками ребристых груболепных горшков, наличию дисков и конических крышек, S-овидных лощеных округлобочных мисок, обломков лощеного округлобочного горшка с раструбообразным венчиком (рис. 103: 18; 105: 4; 107: 12,15; 108: 1,3; 110: 1; 111: 6,7), т.е. тех форм, которые совершенно не характерны для памятников типа Картамышево из того же региона, А.М. Обломским был сделан вывод, что это поселение относится к кругу Лютежа [Обломский, 1992а, с. 93,94]. Достаточно часто на этом поселении встречается и керамика, покрытая расчесами, нанесенными гребнем.

В отношении истоков памятников круга Картамышево весьма интересны, также, материалы поселения Жерновец под г. Курском (раскопки А.А. Узянова 1979, 1980, 1983 гг.). В монографии А.М. Обломского все материалы раннеримского времени этого памятника рассматривались, как

принадлежащие одному и тому же культурно-хронологическому горизонту [Обломский, 1991, с. 237]. После раскопок в Берёзовке стало ясно, что они относятся к двум периодам. На поселении исследован типичный комплекс круга Картамышево с крупным обломком миски типа III,3,6 и соответствующей толстостенной груболепной посудой (яма 20) (рис. 114). К этому же периоду, по всей видимости, относятся и два горшка из культурного слоя, в одном из которых находились обломки серпа (рис. 113).

Второй, более ранний набор составляют материалы из трех сооружений (X, XI, XII), трех ям (№№82,85,92) и культурного слоя в районе сооружений (рис. 115-117). Груболепная керамика из этого набора — в тенденции более тонкая. На некоторых сосудах замечены слабые штрихи или расчесы, нанесенные гребнем, иногда в сочетании с линиями, проведенными заостренной палочкой. В набор входит обломок диска, не характерного для древностей типа Картамышево, биконический горшок с орнаментом в виде ложного валика и округлобочий с хрупчатой поверхностью и насечками на венчике, сделанными отпечатками гребня, значительно сильнее профилированы, чем на памятниках круга Картамышево, и имеют параллели в Берёзовке и древностях типа Лютежа. Интересно, что в Жерновце для орнаментации груболепной посуды активно используются не только пальцевые вдавления, но и защипы (рис. 115: 8; 116: 1; 117: 1), как и в Картамышево.

Коллекции материалов и Берёзовки, и Жерновца не слишком велики и для любого вида статистических расчетов не пригодны. Тем не менее, они довольно наглядно показывают присутствие среднеднепровского населения в области формирования памятников круга Картамышево — Терновки.

В конце II — начале III в. н.э. на востоке Днепровского Левобережья, в бассейне Северского Донца и на Осколе распространяются памятники сейминско-днепровского варианта киевской культуры, начальный этап которых получил название древностей типа Шишино — Шмырево.

Керамический комплекс памятников первого этапа сохраняет ряд позднезарубинецких реликтов. Поверхность некоторых груболепных горшков поселения Шишино-5 искусственно ошершавлена или покрыта расчесами гребнем. На памятниках круга Шишино-5 — Шмырево встречаются высокие лощеные миски типа III,3,6. Сравнительно широко распространены сосуды, орнаментированные по венчику насечками и вдавлениями. На корпусах некоторых сосудов с шероховатой поверхностью помещен пояс вдавлений (т.н. ложный валик). Сравнительно широко распространены характерные и для предшествующих позднезарубинецких древностей региона

² Сомнение в однозначно пшеворском происхождении мисок таксона III,3,6 высказала В.М. Горюнова. Соглашаясь с выводами А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского в отношении истоков их формы, она указывает, что специфический гравированный орнамент на них мог быть связан с традициями оксывской и вельбарской культур. «Не исключено, что существовало третье передаточное звено, где могла сохраниться оксывская орнаментация и параллельно сформироваться форма мисок, аналогичная пшеворской» [Горюнова, 2004, с. 46]. Конечно, не исключено, но, к сожалению, ни территория, где могло оформиться такое явление, ни конкретные памятники указаны не были.

дисковидные пряслица [Обломский, 1991, с. 53], в т.ч. и изготовленные из черепков сосудов.

Архаичным для киевской культуры признаком является и обычай украшать лепные лощеные сосуды гравированным орнаментом в виде фриза из треугольников, зигзагов или свастик.

Ранние памятники сейминско-донецкого варианта демонстрируют переплетение черт двух типов позднезарубинецких древностей (круга Картамышево и Терновки), которые в предшествующий период занимали, соответственно, восточные регионы Днепровского лесостепного Левобережья и бассейн Северского Донца и существовали в известном смысле обособленно. При общем сходстве набора груболепной посуды с позднезарубинецким, в киевское время на востоке Днепровского Левобережья начинается широкое распространение не известных здесь ранее дисков, а также разнообразных по планировке хозяйственных построек, которые до этого были характерны для восточных древностей типа Терновки. С другой стороны, на восточных киевских памятниках бассейна Северского Донца появляются высокие лощеные миски с зигзаговидными профилями, которые в раннеримское время были распространены на западных поселениях типа Картамышево [Обломский, 1991, с. 68-79]. Сейминско-донецкий вариант киевской культуры, таким образом, формируется в результате микромиграций.

Памятники типа Картамышево-2 имеют также прямое отношение к формированию древностей

деснинского этапа киевской культуры.

Первые сведения о самых ранних памятниках деснинского варианта были получены только в 90-е гг. XX в.

К ним относятся поселения Попово-Лежачи-4 и Веселое-2 в Среднем Посеймье, а также Гребля в Нижнем Подесенье (рис. 147, 148). На основании анализа материалов первого из них (и раскопанного наибольшей площадью) был сделан вывод о промежуточном положении этого памятника между позднезарубинецкими древностями типа Картамышево-2 востока Днепровского Левобережья и деснинскими второго этапа развития культуры (Лавриков Лес, Форостовичи, Деснянка, Киреевка-1 и 2, Вишенки) [Обломский, Терпиловский, 1998а, с. 85-88]. Позднее Р.В. Терпиловский отметил наличие на селище Гребля некоторых сосудов, близких к горшкам культуры штрихованной керамики. В результате он пришел к заключению, что «освоение Нижнего и Среднего Подесенья в постпочепское время около рубежа II/III вв. происходило по двум основным направлениям: с юго-востока из верховьев Псла и Сейма и с севера из Гомельского Поднепровья» [Терпиловский, 2003а, с. 54]. Тем не менее, по общему составу археологического комплекса памятники раннего этапа деснинского варианта киевской культуры обнаруживают наибольшее сходство именно с древностями типа Картамышево, особенно с материалами финального для этой группы раннего горизонта поселения Гочево-1.

Таблица 1. Памятники типа Картамышево-2 на территории России.

Название памятника	Область	Топография	Характер исследования, источник
Бобрава-3	Курская 2	Дюна в пойме	Раскопки В.М. Горюновой 1983 г. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 141; Обломский, 1991, с. 228; Археологическая карта, 1998, с. 131].
Богдановка	Курская	Дюнные всхолмления	Раскопки В.М. Горюновой 1982 г. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 141; Обломский, 1991, с. 249,250].
Гочево-3	Курская	Первая надпойменная терраса	Раскопки В.М. Горюновой и О.А. Шегловой 1987-1991 гг. [Обломский, 1991, с. 230; 2002; Археологическая карта, 1998, с. 133,134].
Гочево-7	Курская 1	Дюна в пойме	Раскопки В.М. Горюновой 1987 г. [Обломский, 1991, с. 231].
Жерновец-1	Курская	Высокая пойма	Раскопки А.А. Узянова 1979, 1980, 1983 гг. [Обломский, 1991, с. 237].
Картамышево-1	Курская	Первая надпойменная терраса	Раскопки Е.А. Горюнова 1978-1979 гг. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 140; Археологическая карта, 2000, с. 43].
Картамышево-2	Курская	Дюна в пойме	Раскопки Е.А. Горюнова 1979-1980 гг. [Горюнова, 2004].
Комаровка-2	Курская	Всхолмление в пойме	Раскопки О.Н. Мельниковской и Э.А. Сымоновича 1972 г. [Мельниківська, Симонович, 1975].
Куркино	Курская	Первая надпойменная терраса	Разведки Н.А. Тихомирова 1981 г. [Обломский, 1991, с. 233].
Мокрая Орловка-1	Белгородская	Край и склон первой надпойменной террасы	Разведки А.В. Кропоткина 1988 г. [Обломский, 1991, с. 203].
Мокрая Орловка-3	Белгородская	Дюна в пойме	Разведка А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского 1989 г.
Ржавец	Курская	Первая надпойменная терраса	Разведки А.М. Обломского 2004 г.
Шмырёво	Курская	Первая надпойменная терраса	Раскопки Е.А. Горюнова 1978-1979 гг. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 140; Археологическая карта, 2000, с. 48].

Таблица 2. Памятники типа Терновки-2 на территории России.

Название памятника	Область	Топография	Характер исследования, источник
Бор-Анпиловка	Белгородская	Первая надпойменная терраса	Разведки А.Г. Николаенко 1982, 1985 г.
Головино-1	Белгородская	Край первой надпойменной террасы и мыс коренного берега	Раскопки А.М. Обломского 1988-1989 гг. [Абашина, Кухарская, Обломский, 2003; Абашина, Кухарская, Обломский, 2004].
Ездочное-1	Белгородская	Коренной берег	Раскопки И.В. Зиньковской 2002-2003 гг. [Зиньковская, Медведев, 2005].
Ивановка-1	Белгородская	Пойма и склон первой надпойменной террасы	[Николаенко, 1988, с. 129; Обломский, 1991, с. 207,208].
Колосково-4 (поселение у фермы колхоза им. Ленина)	Белгородская	Край первой надпойменной террасы	Раскопки А.М. Обломского 1984 г. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 135-136].
Никольское-2	Белгородская	Склон мыса первой надпойменной террасы	Разведки А.М. Обломского 1985 г. [Обломский, 1991, с. 219].
Новая Лоза-3	Белгородская	Мыс первой надпойменной террасы	Разведки А.М. Обломского 1984 г. [Обломский, 1991, с. 227].
Окуни-1	Белгородская	Первая надпойменная терраса	Разведки А.Г. Николаенко 1981-1982 гг. [Николаенко, 1988, с. 122, рис. 4: 12; Обломский, 1991, с. 216,217].
Окуни-2	Белгородская	Первая надпойменная терраса	Разведки А.Г. Николаенко 1982 г. [Николаенко, 1988, с. 122, рис. 4: 11; Обломский, 1991, с. 218].
Оскольское-3	Белгородская	Дюна в пойме	Разведки А.Г. Николаенко 1984 г. [Обломский, 1991, с. 205; Николаенко, 1988, с. 120].
Приоскольское-1	Белгородская	Высокая пойма	Раскопки А.М. Обломского 1984 г. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 129-135].
Пузино	Белгородская	Останец в пойме и край первой надпойменной террасы	Разведки А.Г. Николаенко 1981-1982 гг. [Обломский, 1991, с. 204].
Стенки Изгорья	Белгородская	Мыс первой надпойменной террасы	Разведки А.Г. Николаенко 1986 г. [Обломский, 1991, с. 206; Николаенко 1988, с. 121].
Терновка-2	Белгородская	Склон коренного берега	Раскопки А.М. Обломского 1985-1986 гг. [Обломский, 1990a].
Цепляево Второе-А	Белгородская	Край берега обводненного оврага	Разведка А.М. Обломского 1987 г. [Обломский, 1991, с. 222].
Шопино	Белгородская	Первая надпойменная терраса	Разведки А.М. Обломского 1984 г. [Обломский, 1991, с. 227].
Шоссейное	Белгородская	Мыс первой надпойменной террасы	Раскопки А.С. Смирнова 1978-1979 гг. [Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987].
Щелоково-2	Белгородская	Склон коренного берега	Разведки А.М. Обломского 1984 г. [Обломский, 1991, с. 206].

ГЛАВА 6.

Топография и планировка поселений, типы построек

(Ю.Ю. Башкатов, Г.Л. Земцов)

1. Топография поселений

Как известно, данные топографии поселений являются важным источником для реконструкции историко-культурных процессов. В частности, топография представляет собой один из важнейших и ярких признаков различия между «классическими» и позднезарубинецкими поселениями. Впрочем, Е.В. Максимов, объединявший обе группы в рамках единой зарубинецкой культуры, также отмечал наличие двух видов поселений:

I группа – укрепленные поселения, обычно располагающиеся на мысах, краях высокого плато;

II группа – открытые поселения, как правило, занимающие поймы, первые надпойменные («боровые») террасы, останцы в пойме.

Памятники первой группы на территории Верхнего и Среднего Поднепровья возникают в ранний период. Появление поселений второй группы исследователь относил к I в. н.э., отмечая, вместе с тем, что для Припяти пойменная форма заселения была единственной [Максимов, 1993, с. 24]. Тем не менее, как уже отмечалось, некоторые пойменные памятники имеют достаточно широкие датировки и могли возникнуть еще в классическое зарубинецкое время [Башкатов, 2004а, с.150].

В размещении поселений на местности четко прослеживается смена традиции. Это обстоятельство долгое время использовалось в качестве одного из аргументов в ходе дискуссии о причинах кризиса зарубинецкой культуры [Щукин, 1972, с. 52; Максимов, 1982, с. 77-78; Третьяков, 1982, с. 57; Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990]. Попытаемся проверить этот тезис с учетом новейших данных.

Поселения классической зарубинецкой культуры в Среднем и Верхнем Поднепровье преимущественно располагались на отрогах плато и нередко представляли собой городища, то есть были укреплены валами, рвами и эскарпами. Особенно широко городища распространены в Среднем Поднепровье. Они занимают мысы и останцы правого коренного берега Днепра или его высокие террасы.

В позднезарубинецкое время поселения основываются в долинах рек, возле воды, часто в пределах поймы. Селища позднезарубинецкого населения преимущественно располагаются на левом берегу той или иной реки (45 из 79 учтенных памятников, 57%), реже – на правом (34 поселения, 43%). По топографии их можно разделить на три группы.

Первую образуют поселения, расположенные на склонах и мысах первой надпойменной террасы (41 из 86 учтенных памятников, 47%). Подавляющее большинство таких поселений находится на высоте не более 5 м над уровнем поймы. Выделяется лишь три памятника Днепроовского Левобережья, занимающих более высокие участки. Это Бухаловка на р. Кратова Голтва (15-17 м), Песчаное на р. Олешня (6-10 м) и Засулье на р. Сула (6 м).

Ко второй группе памятников относятся поселения, находящиеся на останцах обтекания первой надпойменной террасы или на дюнах в поймах рек (34 пункта, 40%). Они расположены на высоте до 4 м над уровнем поймы. Исключение составляют поселения Новоодоновка-1 на Северском Донце (6 м) и Березняки на Суле (3,5-7 м).

Третья группа памятников – поселения на коренном берегу, то есть памятники, топография которых аналогична «классической» зарубинецкой. Их всего 11 (13%). Эти памятники находятся относительно высоко – на уровне 3,5-7 м (Вовки) и 10-14 м (Чулатово).

На территории Украины зафиксированы позднезарубинецкие памятники пяти культурно-хронологических групп. Рассмотрим топографию поселений каждой из них.

Поселения типа Лютеж (20 пунктов) (рис. 1,2; табл. 1) располагались как на правом, так и на левом берегах рек. Преимущественно они находились в пределах поймы, на дюнах или на останцах надпойменных террас (12 поселений), реже — на склонах, вершинах и мысах надпойменных террас (7 поселений) или на невысоком коренном берегу (одно поселение). Для селищ типа Лютеж характерно невысокое расположение над уровнем водного источника. Среди памятников этой группы выделяются два, имеющих значительную площадь. Это поселение Гостролучье на р. Трубже (12 га) и Оболонь (Луг-4) (9 га). Остальные селища имели площадь от 0,32 до 3 га.

К памятникам типа Почеп на территории Украины относятся три поселения, расположенных в Подесенье. Одно из них, Чулатово, выделяется среди других позднезарубинецких селищ. Оно занимало значительную площадь (11,2 га) на правом коренном берегу р. Десна высотой 10-14 м. Два других поселения (Колодезный Бугор и Киселевка-3) были сравнительно небольшими и располагались, соответственно, на останце в пойме и на первой надпойменной террасе на высоте 4 и 2 м.

Все шесть выявленных поселений типа Картамышево-2 находятся на левых берегах рек Днепропровского Левобережья. Три поселения этой группы расположены на невысоких останцах надпойменных террас или на дюнах высотой 1-2,5 м над уровнем поймы (поселения Осиповка-Пляж, Чернеччина, Большие Будки-4), еще три — на террасе. Два из них (Песчаное и Бельск) находились на большой высоте (6-10 и 7-13 м соответственно). Их выделяет, кроме того, значительная площадь — 2,6 и 4 га.

Четыре позднезарубинецких поселения, расположенных в бассейне Северского Донца, относятся к группе Терновка-2. Два из них занимают высокие останцы в пойме (Новодоновка-1, Родной Край-1), два других — участки первых надпойменных террас (Колесники и Тимченки-2).

Памятники типа Грини (9 пунктов) преимущественно расположены на террасах. На останце в пойме находится лишь одно поселение. Семь селищ занимали участки первой надпойменной террасы, в том числе мысы, и одно — участок коренного берега. При этом высота поселений от уровня водного источника была небольшой. Лишь одно селище находилось на высоте 2,5-7,0 м (Вовки на р. Грунь).

Своеобразна топография памятников типа Марьяновки бассейна Южного Буга. По имеющимся данным, которые, наверняка, не полны, здесь распространены крупные (от 4 до 16 га) поселения. Из восьми учтенных 6 расположены

на коренных берегах рек и ручьев и только 2 — на первой надпойменной террасе, причем одно из них (Марьяновка) занимает как часть террасы, так и склон коренного берега. Топография памятников Южного Побужья ближе к классической среднечереповской зарубинецкой, чем к характерной для первых веков н.э.

Очевидно, в топографии позднезарубинецких поселений можно выделить четыре традиции. Для первой, «восточной», типично расположение поселков и в пойме, и на террасах. Это характерно для селищ типа Картамышево-2, Терновка-2 и Почеп как на территории Украины, так и России [Обломский, 1991, табл. 1]. Вторая традиция фиксируется в Среднем Поднепровье для памятников типа Лютеж, которые находятся, преимущественно, в пойме. Поселения типа Гриней чаще всего расположены на склонах и мысах первой надпойменной террасы, а памятники круга Марьяновки — на коренных берегах рек и ручьев.

Таким образом, на современном уровне исследований можно подтвердить сделанный ранее вывод о резкой смене топографии поселений при переходе от классической зарубинецкой культуры к позднезарубинецкому периоду. Если для зарубинецких городищ и селищ на территории Среднего Поднепровья типично расположение на отрогах плато, то для позднезарубинецких памятников наблюдается противоположная картина, хотя традиция размещать поселки на коренных берегах и сохраняется, а в бассейне Южного Буга даже является господствующей. В целом, из всех учтенных селищ раннеримского периода только 13% занимают края коренных берегов, причем в большинстве своем эти поселки расположены не на Днепре с его высокими террасами, а на относительно небольших речках, где террасы значительно ниже.

2. Планировка поселений

Общепризнано, что планировка поселений является одним из важнейших показателей, характеризующих ту или иную археологическую культуру. Наряду с топографией памятников она позволяет сделать выводы о социально-экономических особенностях развития населения, именно планировка может дать информацию о возможных общественных отношениях обитателей поселка и формах организации хозяйства.

Истоки планировки позднезарубинецких селищ следует искать среди поселений предшествующего этапа. Планировку укрепленных поселений среднечереповского варианта зарубинецкой культуры можно проследить по материалам городища Пилипенкова гора на окраине Канева, где исследовано 38 жилищ. Не исключено, что всего здесь одновременно существовало до 80 жилищ. По мнению Е.В. Максимова, группы по 4-8

жилищ в пределах площадки городища образовывали круги с диаметром внутреннего незастроенного пространства 12-15 м [Максимов, 1972, с. 68-69; 1982, с. 34-36].

Для верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, судя по материалам Чаплинского городища, была характерна несколько другая планировка. По мнению П.Н. Третьякова, в течение всего времени существования поселения жилища располагались на отдельном участке, а рядом находилось пространство, занятое хозяйственными ямами [Третьяков, 1959, с. 123-124]. Дать характеристику планировки поселений припятско-полесского и сейминского (типа Харьевка) вариантов зарубинецкой культуры не позволяет отсутствие памятников, вскрытых широкими площадями.

Во многом эта проблема актуальна и для позднерубинецких древностей, существовавших во второй половине I-II вв. н.э. Поэтому попытаемся рассмотреть основные типы планировки на примерах нескольких наиболее широко исследованных поселений.

Памятники типа Лютеж. К поселениям, раскопанным большими площадями, в первую очередь следует отнести селища Лютеж и Луг-IV (Оболонь). Однако, в связи с тем, что Лютеж представлял собой специализированный металлургический комплекс, его вряд ли можно использовать в качестве типичного примера для изучения планировочной структуры поселения.

Определенные проблемы возникают и при изучении достаточно долговременного поселения Луг-IV (Оболонь). На нем исследовано 61 жилище и 918 ям на площади около 25000 кв. м, причем большинство объектов существовало еще в зарубинецкое время [Шовкопляс, Терпиловский, 2003, с. 179]. К сожалению, в процессе работ не удалось выявить уровни древней поверхности, с которой углубленные объекты были впущены в грунт, что чрезвычайно затрудняет выделение строительных горизонтов. Автор раскопок Оболони А.М. Шовкопляс считала, что жилища образовывали три вытянутых овала на наиболее возвышенных участках местности [Шовкопляс, 1988, с. 235] (рис. 89). Е.В. Максимов по аналогии с Пилипенковой горой предполагал, что внутри таких овалов располагались хозяйственные сооружения [Максимов, 1982, с. 91-92].

Конструктивно жилища поселения Луг-IV (Оболонь) разделяются на четыре типа: каркасно-плетневые постройки со слегка углубленным полом, каркасно-плетневые полуземлянки, срубы со слегка углубленным полом и срубные полуземлянки (по типологии, предложенной Ю.Ю. Башкатовым).

В целом, можно отметить, что постройки каркасно-плетневой конструкции сконцентрированы в центральной части поселения, образуя овал,

внутри которого находится одна из стариц и большое количество хозяйственных ям. Также подобие овала, вытянутого с востока на запад вокруг одной из стариц, образуют срубы с углубленным полом. Часть срубных полуземлянок составляют большой овал, вытянутый по оси север-юг, что практически повторяет ситуацию с каркасно-плетневыми постройками. В северной и южной частях раскопанного участка также фиксируются скопления срубных (?) жилищ, окруженных ямами, однако никаких четких структур они не образуют (рис. 89).

Ю.Ю. Башкатов не исключает существование старичных водоемов в центральной части поселения на рубеже эр и в начале нашей эры, что и обуславливало планировку центральной части селища [Башкатов, 2004б, с. 45-46]. Происхождение ям-стариц объясняется тем, что, судя по всему, пойма Днепра периодически подвергалась затоплению. В пользу этого свидетельствуют несколько фактов. Во-первых, высота возвышенности, на которой находилось поселение. В соответствии с топографическим планом, опубликованном А.М. Шовкопляс и И.О. Гавритухиным [Шовкопляс, Гавритухин, 1993, рис. 1], балтийская отметка поселения составляет +94 м. Соответствующие отметки на Подоле, который граничит с Оболонью — от +99 до +102 м. По упоминаниям древнерусских летописей древнекиевский Подол периодически затопливался [Радзивилловская летопись, 1989, с. 28]. Уровень же древнерусских горизонтов, которые подвергались затоплению во время разливов Днепра раз в 15-30 лет — +97 м и ниже. Поэтому можно сделать вывод, что земли на высоте +94 м также затопливалась. Во-вторых, косвенным свидетельством можно считать и самое название «Оболонь», обозначающее низкое заболоченное место. В-третьих, к отчету А.М. Шовкопляс за 1973 г. приложена справка-описание почвенного разреза на территории поселения, выполненная Институтом «Укрземпроект». Почвоведы по этому описанию сделали вывод, что горизонты, расположенные выше уровня погребенных почв, имеют намывной характер.

Следовательно, можно утверждать, что в периоды разливов Днепра поселение Луг-IV неоднократно подвергалось затоплению, а старицы были заполнены водой. Поэтому, на наш взгляд, можно предположить, что жилища центральной части образовывали небольшие группы из 4-6 построек по берегам ям-стариц. Колебание воды в них можно проследить по глубинам котлованов жилищ, которые варьируют от 0,2 до 0,7 м.

Учитывая чрезвычайную хронологическую плотность материалов памятника в позднелатенское и раннеримское время, можно предположить, что на поселении проживала одна и та же группа населения, которая периодически уходила на непродолжительное время, в период максималь-

ных уровней Днепра, а после снижения уровня воды возвращалась на то же место. В пользу этого говорит практически полное отсутствие перекрытия жилищ друг другом. Исключением является постройка 36, которая перерезает жилище 30, но при этом следует учесть, что данная ситуация сложилась на периферии поселения. В центральной же части, где застройка более плотная, жилища строились рядом, иногда под углом одно к другому, но без перекрытия. Можно предположить, что в момент строительства было хорошо известно расположение большинства ранних жилищ.

В пользу проживания на поселении одной группы населения свидетельствует чрезвычайно малая вариабельность керамических комплексов. Значительные размеры памятника, не характерные для этого периода, скорее всего, связаны с продолжительным временем функционирования поселка. Кроме того, большинство объектов слабо насыщены материалом [Шовкопляс, Терпиловский, 2003]. Можно предположить, что раз в 15-30 лет население было вынуждено оставлять поселение из-за наводнений, но после их завершения возвращалось назад. Днепровские разливы по древнерусским летописям длились не больше месяца.

Как уже отмечалось, керамические комплексы различных объектов довольно близки между собой, что затрудняет возможность их разделения. В качестве хронологического индикатора можно использовать только лощеные миски с прямыми венчиками «типа Почеп» и ряд мисок, имеющих прямые аналогии среди материалов эталонного Лютежского селища. Такие миски обнаружены в жилищах 40, 47, 51, 61, 62, 64 и в 15 ямах. Еще восемь построек (№№ 1, 3, 5, 21, 32, 42, 56, 60) отнесены к этому времени условно. Почти все они сконцентрированы в северной и южной частях раскопа. Таким образом, с известной долей вероятности можно предположить, что на начальных этапах поселение Луг-IV (Оболонь) сохраняло планировку, близкую к классическим зарубинецким традициям. В более поздние периоды она меняется, уступая место небольшим группам жилищ, окруженных хозяйственными ямами.

Памятники типа Почеп. Широко раскопанные поселения данной группы на территории Украины отсутствуют, поэтому для планиграфического исследования необходимо привлечь материалы наиболее изученных поселений Синьково и Почеп (Брянская обл. России). Вместе с тем, для анализа планиграфии Синьково вряд ли может служить эталоном, поскольку изучение данного селища не велось сплошными площадями.

Для наших целей наиболее пригодно поселение Почеп. На нем вскрыто 2100 кв. м, раскопы 1-9 вытянуты по линии восток-запад на 102 м, образуя единый участок неправильной формы. В целом, на поселении вскрыто более 30 построек и свыше 60 ям-погребов [Заверняев, 1969, с. 88,

рис. 2,3]. Часть построек была явно наземной, о чем свидетельствуют следы регулярных столбовых ям. Ф.М. Заверняев отмечал, что они составляют гнезда, расположенные следующим образом: первое занимало раскоп IX и прилегающую часть раскопа 8, второе находилось в пределах раскопов 1, 2, 5 и 7, третье — на раскопах 3 и 4 [Заверняев, 1969, с. 92, рис. 2,3].

Можно добавить, что, судя по плану поселения, наземные дома и полуземлянки располагались обособленно. Данная ситуация, скорее всего, объясняется сосуществованием двух этнических групп: первой, связанной с позднезарубинецкими традициями, и второй, происходящей от юхновской культуры [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 117; Терпиловский, 2004а, с. 26]. Хозяйственные ямы располагались, в основном, возле построек.

Таким образом, Почепское селище состояло из групп отдельно стоящих жилищ разных типов, окруженных хозяйственными ямами.

Памятники типа Картамышево и Терновки. Наиболее полно исследованным поселением данных групп является Картамышево-2 (Курская обл. России). К позднезарубинецкому горизонту относятся 10 жилищ, 43 хозяйственные ямы и три выносных очага, выявленных на площади 1866 кв. м. Расположенное на дюне поселение раскопано практически полностью, за исключением развеянных ветром участков [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 63; Горюнова, 2004, с. 43, 50].

В целом, складывается впечатление, что жилища составляют две группы: первую — постройки 2, 3, 4, 5, компактно расположенные, приблизительно, в центре поселения; вторую — сооружения 6, 7, 8, 9, 10, вытянувшиеся в ряд по легкой дуге. Жилище 1 стоит отдельно, но если учесть его близость к борту раскопа, возможно, оно относится к еще одной группе.

Следует отметить, что возле жилищ первой группы находится всего одна яма. Зато в северо-западной части раскопа их множество. Возможно, подобная ситуация была и в юго-восточной части селища, однако этот участок не раскапывался.

Постройки 7, 10 из второй группы находятся среди скопления ям. По мнению В.М. Горюновой, постройка 10 является производственным сооружением. Автор считает, что ямы 38-42 непосредственно связаны с постройкой [Горюнова, 2004, с. 51].

Данный тезис вызывает определенные сомнения. Ямы 38, 39, 41, 42 расположены частично вне контура котлована постройки, но при этом имеют свои четкие границы; ямы 38, 42 однозначно разрушают стену котлована. Большинство из них связано с очагом-горном, судя по находкам в них шлаков (ямы 42, 39) и обломков тиглей (ямы 38, 39, 40). Сама же постройка по конструктивным

особенностям ничем не отличается от остальных. Поскольку от ямы 38 сохранилась восточная часть, а яма 40 прослежена в полу жилища, можно утверждать, что постройка 10 относится к другому горизонту застройки.

Подобная ситуация наблюдается и с постройкой 7. Контур котлована нарушен выступами в северной и южной стенках. К сожалению, разрез их отсутствует, но в целом складывается впечатление, что это следы прорезанных постройкой ям [Горюнова, 2004, рис. 1, 4].

Необходимо отметить скопление регулярных столбовых ям в западной части раскопа, возможно, являющихся остатками загона, а также перекрывание очагом «Б» южной части постройки 2.

Таким образом, вероятно, на поселении существовало два горизонта застройки. Более ранний, представленный компактно стоящими постройками 2, 3, 4, 5 с находящимися отдельно хозяйственными участками, и более поздний (постройки 6, 7, 8, 9, 10, расположенные по дуге с севера на юг), частично перекрывающий более ранний хозяйственный участок. Ямы при этом располагались возле построек. Кроме стратиграфических наблюдений это подтверждается тем, что наиболее поздние находки (глазчатая фибула типа Альмгрен-61 и трапециевидные подвески круга выемчатых эмалей) найдены, соответственно, в жилищах 7 и 8. Эти вещи определяют верхнюю дату поселения, учитывая состояние фибулы, в рамках II-III вв. н.э. [Горюнова, 2004, с. 48] или начала — первой половины II в. н.э. (см. главу 5 настоящей монографии).

Более или менее обоснованные предположения относительно особенностей планировки поселений типа Марьяновка и Грини высказать сложно, поскольку широко исследованные памятники этих групп пока отсутствуют.

В своей работе, посвященной кризису зарубинецкой культуры, А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский и О.В. Петраускас пришли к выводу о существовании на позднезарубинецких селищах трех основных типов планировки: 1) крупные поселения вроде Оболони и Почепа, состоящие из нескольких групп жилищ, продолжающие традиции Пилипенковой горы, однако для I-II вв. н.э. становящиеся редкостью; 2) типа Лютеж, Картамышево-2 — с общим хозяйственным двором, близкие к Чаплинскому городищу (тип наиболее распространенный); 3) миниатюрные селища типа Терновки-2, состоящие из одной-двух усадеб, наименее многочисленные [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990, с. 13-16].

В целом, соглашаясь с этими выводами, считаем необходимым внести некоторые уточнения. Планировка поселения Луг IV (Оболонь) только на ранних этапах его существования совпадает с Пилипенковой горой. На более поздних этапах она становится более похожей на застройку вто-

рого типа. Скорее всего, подобная ситуация наблюдается и на Почепском селище. Если допустить существование на поселении Картамышево-2 двух горизонтов застройки, то наиболее ярко планировка второго типа выражена на раннем периоде существования селища.

Основываясь на материалах поселений Луг IV (Оболонь) и Картамышево-2 (верхний горизонт), на наш взгляд, необходимо добавить еще один тип планировки поселений — в пределах таких селищ постройки расположены на расстоянии в 10-20 м и каждая из них имеет свой комплекс хозяйственных ям. Данный тип был широко распространен наряду со вторым типом и в более позднее, киевское, время. Очевидно, появление подобной планировки связано с дальнейшим распадом патриархальной семьи. Возможно, именно он отражает процесс перехода к соседской общине с отдельным хозяйством.

Итак, можно констатировать, что имеется определенная тенденция изменения планировки поселений от классических зарубинецких памятников к позднезарубинецким. Именно она наиболее четко отображает процесс распада общины. Происходит переход от единой структуры поселка к селищам со скоплениями жилищ, имеющих пока общий хозяйственный участок, и далее — к появлению поселений хуторского типа (Грини-1, Терновка-2).

Таким образом, наблюдения над изменениями в топографии и планиграфии поселений рубежа эр и первых веков нашей эры подтверждают теорию А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, О.В. Петраускаса о климатических изменениях, повлекших за собой кризис зарубинецкой культуры. По их мнению, на рубеже эр в климате Восточной Европы наступает снижение влажности, которое, в свою очередь, вызвало понижение уровня грунтовых вод, общее высыхание почвы и сокращение площадей лесных массивов. Соответственно, первичная среда обитания зарубинецкого населения Поднепровья — вторая надпойменная терраса, склоны и останцы плато — становится малопригодной для жизни. Результатом является постепенное переселение в долины рек. Освоение новых ландшафтов, судя по всему, повлекло за собой определенные изменения в системе хозяйствования. Для использования земли в пойме требовалось меньшее число людей, но в то же время почвы истощались гораздо быстрее, что и обуславливало более короткий срок существования поселений на одном месте. Видимо, новая система хозяйствования была наиболее оптимальной для небольших коллективов численностью около 50 человек, которые могли проживать в 8-10 жилищах. Собственно, постепенное уменьшение размеров поселений мы наблюдаем в позднезарубинецкий период. В то же время, исходя из изменения планировки поселений, увеличивается значе-

ние малой семьи. Поздnezарубинецким племенам в результате удалось выработать весьма удачную систему хозяйствования. С одной стороны — экстенсивное земледелие на относительно влажных почвах, с другой — явно возрастает роль скотоводства (с участием охоты и рыболовства). Об эффективности данной системы свидетельствует существование ее в лесостепном Поднепровье с некоторыми модификациями до VIII в.

3. Поздnezарубинецкое домостроительство

Подход к домостроительству как к самостоятельному источнику, позволяющему выйти на уровень историко-культурных обобщений, требует соблюдения ряда условий. Главное из них — необходимость оперирования данными о постройках значительных территорий в широком хронологическом диапазоне. В связи с этим предпринята попытка рассмотрения строительных сооружений не только Украины, но и всего лесостепного Поднепровья (включая юг лесной зоны) и бассейна Северского Донца, как единого историко-культурного региона. Традиции, сложившиеся в этой зоне, сыграли важнейшую роль в формировании и развитии домостроительства на всем пространстве распространения культур «полей погребений». Кроме того, предложенный подход позволяет экстраполировать данные домостроительства хорошо исследованных поселений на менее изученные памятники Украины.

Постройки являются одним из самых главных культурообразующих элементов любого этноса. Традиции возведения сооружений видоизменялись слабо, долгое время сохраняя индивидуальные черты. Это обуславливает ценность использования данных домостроительства в качестве источника для реконструкции быта и развития древних обществ. Значительная перспектива открывается в их применении для изучения периодов нестабильности этнических групп. Хрупкие культурные образования, быстро трансформирующиеся под напором соседей, тем не менее, сохраняют укоренившиеся основы строительного дела. Для периода начала нашей эры — эпохи глобальных перемещений населения, это позволяет определить истоки формирования и направление миграций культурных групп.

* * *

Первые попытки интерпретации поздnezарубинецких построек начинаются сразу после их открытия, в середине 1950-х гг. В этот период анализ домостроительства содержится прежде всего в отчетах А.К. Амброза [Амброз, 1955; 1956; 1957].

А.К. Амброз широко привлекал данные домостроительства в работе, посвященной историческому развитию Верхнего Подесенья [Амброз, 1964, с. 56-71]. На этой территории он выделял два основных типа сооружений начала эры: большие жилые наземные дома и хозяйственные углубленные постройки. Соответственно, определялись юхновские (в первом случае) и зарубинецкие (во втором) истоки домостроительных приемов деснинского населения римского времени [Амброз, 1964, с. 66]. Таким образом, изучение построек легло в основу идеи А.К. Амброза о наличии здесь своеобразной синкретичной почепской культуры. Выделяя два этапа в ее развитии, исследователь отмечает и трансформацию домостроительства [Амброз, 1964, с. 61, 67].

Изучение приемов домостроительства населения Подесенья в первой половине I тыс. н.э. было продолжено только на рубеже 1970-х — 1980-х гг. В статьях Г.Н. Пронина и И.К. Фролова частично публикуются и интерпретируются материалы поселений Синьково-Дмитрово, Железное, Парня-2, поселения в устье р. Гасомы. Авторы статей развивают идеи А.К. Амброза о жилом предназначении больших наземных домов. На поселении Почеп, где Ф.М. Заверняевым были обнаружены лишь углубленные строительные объекты, Г.Н. Пронин выделяет ряд наземных построек [Пронин, 1979, с. 55-56]. Все они в западной части имели углубленный котлован. По мнению И.К. Фролова, жилые сооружения Подесенья и Поочья можно разделить на две группы — наземные и наземные с обширной углубленной частью [Фролов, 1979, с. 66]. Котлован может достигать значительных размеров и иметь в центре яму от столба. Оба исследователя сомневаются в «целесообразности помещения сруба в котлован вместе с опорным столбом» и считают, что перекрыть полуземлянку крышей в этом случае невозможно [Фролов, 1979, с. 63, 66; Пронин, 1979, с. 57].

В 1960-х гг. появляется ряд работ, в которых подвергаются сомнению некоторые выводы А.К. Амброза. Это стало возможным в связи со значительным расширением источниковой базы. В это время П.Н. Третьяков развивает гипотезу о зарубинецкой линии развития восточнославянских племен. Он считал, что в основе славянской культуры лежат зарубинецкие традиции [Третьяков, 1966, с. 254-273]. Данные домостроительства играют значительную роль в доказательстве этого положения. Исследователь считал жилища одним из наиболее консервативных элементов материальной культуры этноса [Третьяков, 1974, с. 55]. Подводя итог публикации памятников, исследованных в 1960-х гг., П.Н. Третьяков сделал вывод, что для славянского населения характерным типом жилой постройки была квадратная в плане полуземлянка [Третьяков, 1974, с. 55; Третьяков, 1982, с. 58]. Воспринятая от населения милоград-

ской культуры, она постепенно претерпевает определенные изменения [Третьяков, 1971, с. 246]. Возведение наземных сооружений исследователь связывает с традициями местных деснинских племен [Третьяков, 1982, с. 58]. Если в зарубинецкой культуре они сочетались с углубленными, то со временем количество наземных жилищ уменьшается [Третьяков, 1971, с. 243].

Е.А. Горюнов критически рассматривает идеи А.К. Амброза и П.Н. Третьякова относительно развития домостроительных традиций первой половины I тыс. н.э. Отсутствие очагов в ряде построек объясняется сложностью или невозможностью их выявления [Горюнов, 1981, с. 8]. По мнению Е.А. Горюнова, И.К. Фролов и Г.Н. Пронин предлагали реконструкцию наземных сооружений по разновременным столбовым и хозяйственным ямам, в расположении которых не было никакой системы [Горюнов, 1981, с. 26, сноска 88]. В то же время, он считал спорным заключение П.Н. Третьякова относительно плавного перехода от «старой» конструкции жилища к «новой». Е.А. Горюнов доказывал, что поселения, для которых П.Н. Третьяков предполагал одновременное существование этих сооружений, на самом деле являются многослойными [Горюнов, 1981, с. 27-29].

Работой Е.А. Горюнова знаменуется начало второго этапа изучения построек раннеславянского населения Поднепровья. Если раньше данные домостроительства использовались для доказательства готовых этногенетических схем, то теперь они становятся основой для их построения. Находя неточности в предшествующих работах, Е.А. Горюнов критиковал сам принцип получения широких выводов из узкого круга источников. Разумеется, только значительное увеличение объема результатов исследований позволило работам по домостроительству выделиться в самостоятельный блок знаний.

В 1980-х – начале 1990-х гг., кроме статей, появляется ряд обобщающих монографий Р.В. Терпиловского и А.М. Обломского, дающих полную оценку древностям первой половины I тыс. н. э. Одна из них полностью посвящена позднезарубинецким древностям начала эры (Обломский, Терпиловский, 1991). В итоге анализа керамики и домостроительства авторы приходят к выводу о формировании позднезарубинецких групп (кроме группы типа Грини) на основе традиций среднеднепровского зарубинецкого населения. Эти группы близки не только по набору форм сосудов, но и по конструктивной схеме полужемлянок. Локальные отличия объясняются внешним культурным влиянием. Для деснинского региона характерно отмеченное А.К. Амброзом наличие юхновских элементов (прежде всего – наземных столбовых домов), для востока Левобережья – пшеворских [Обломский, Терпиловский,

1991, с. 88-89]. Определенные трансформации в домостроительстве племен среднеднепровского региона исследователи предположительно связывают с изменением экологической среды, в которой находились поселения. В частности, в результате перехода на влажные пойменные участки, население отказывается от плетневой конструкции стен с обмазкой [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 40; Терпиловский, 2004а, с. 52]. Большим достоинством совместной монографии авторов является наличие в ней каталога позднезарубинецких сооружений [Обломский, Терпиловский, 1991, табл. 2].

В монографии А.М. Обломского, посвященной истории населения водораздела Днепра и Дона в первой половине I тыс. н.э. [Обломский, 1991], определенное место уделено домостроительству. В частности, А.М. Обломский считает наличие хозяйственных построек этнографическим индикатором поселений типа Терновка-2 на востоке исследуемого региона [Обломский, 1991, с. 42]. В период функционирования раннекиевских памятников, эта традиция распространяется на всю территорию востока Левобережья и сохраняется позднее [Обломский, 1991, с. 68, 101].

Рассматривая древности первых веков Днепровского Левобережья, Р.В. Терпиловский полемизирует с А.М. Обломским, отмечая наличие хозяйственных сооружений на поселении Березовка-2 в западной части ареала памятников типа Картамышево-Терновки [Терпиловский, 1994, с. 62].

В последние годы различные аспекты позднезарубинецкого домостроительства рассматривались в нескольких статьях Ю.Ю. Башкатов [Башкатов, 2004а; 2004б; 2009] и в диссертационном исследовании Г.Л. Земцова [Земцов, 2004].

В определенном смысле точка зрения П.Н. Третьякова и Е.А. Горюнова в отношении построек почепских селищ нашла отражение в работах Д.В. Каравайко. По его мнению, маловероятно что остатки юхновских племен могли оказать существенное влияние на формирование памятников типа Почеп, хотя и нельзя полностью исключить возможность «доживания» местного деснинского населения раннего железного века до позднезарубинецкого времени. Данные выводы сделаны как при анализе юхновских материалов, так и наблюдений Ф.М. Заверняева о наличии на поселении Почеп двух четко выделяемых стратиграфических горизонтов, разделенных песчаной прослойкой. По мнению Д.В. Каравайко более ранний из них был юхновским, а более поздний – позднезарубинецким [Каравайко, 2006, с. 73-78; 2007].

В целом, можно сказать об определенных успехах, достигнутых исследователями. Накопленный материал позволяет не только давать описание построек, но и выходить на уровень этнокультурных и социально-экономических обобщений.

Жилища

Поздnezарубинецкие сооружения можно разбить на жилые и хозяйственные (в том числе и производственные). В качестве критериев углубленного жилища взяты следующие используемые в совокупности признаки:

1. Значительная площадь жилого пространства постройки.
2. Относительно правильная форма сооружения.
3. Наличие плоского, ровного пола на значительной площади помещения.
4. Наличие очажного устройства.

При работе с поздnezарубинецкими строительными объектами может быть применен метод деления построек на жилые и хозяйственные путем рассмотрения сооружений отдельного памятника. На поселении выделяются группы близких друг к другу построек, затем производится отнесение их к жилым или хозяйственным объектам.

В литературе, посвященной проблемам изучения поздnezарубинецких памятников, уже традиционным стало деление их на локальные типы. По этой причине целесообразно излагать данные по домостроительству в соответствии с ними.

Среднее Поднепровье и бассейн Южного Буга

Жилища памятников типа Лютеж

В настоящий момент считается доказанной прямой преемственность между классической зарубинецкой культурой и поздnezарубинецкими памятниками Среднего Поднепровья [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 87-88; Терпиловский, 2004а, с. 25]. Соответственно, истоки поздnezарубинецкого домостроительства следует искать в зарубинецкой культуре. Е.В. Максимов приводит характерные типы конструкций жилищ для каждого из трех локальных вариантов классического периода. Так, для Среднего Поднепровья типичны жилища со стенами каркасно-плетневой конструкции, обмазанными глиной. Постройки слегка углублены в материк либо их стены стоят на нем [Максимов, 1972, с. 119].

Тем не менее, на рубеже эр на ряде поселений появляются жилища без следов каркаса, наземные либо слегка углубленные в материк, иногда со следами глиняной обмазки. К аналогичным постройкам можно отнести шесть построек поселения у с. Великие Дмитровичи [Махно, 1950, с. 96-100], постройку 7 городища Пилипенкова гора [Максимов, 1971, с. 44-45, рис. 46]. Две полуземлянки I в. н.э. исследованы на поселении Игнатовка-I [Кухарская, 1991, с. 53-54]. Можно предположить, что все эти постройки имели срубную конструкцию стен. Вероятно, смена конструкции стен с каркасно-плетневых на срубные

началась еще в зарубинецкое, а не поздnezарубинецкое время, как считалось ранее [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 40]. Возможно, причиной этого стала смена топографии поселений [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 40; Башкатов, 2004а, с. 14-18].

Особый интерес вызывает наличие остатков глиняной обмазки, например, в постройках 5, 6 поселения у с. Великие Дмитровичи со следами плах и бревен [Махно, 1950, с. 100]. В этнографии есть упоминания, что при отсутствии качественного строевого леса (сосны, дуба и т.п.) срубы строились из дерева наиболее распространенных в пойме пород (ольха, верба, осина), а для исправления неровностей дерева стены построек обмазывали глиной [Материальная культура, 1979, с. 290-291]. Вполне вероятно, что в I в. н.э. ситуация была похожей. К тому же следует учитывать традицию обмазывания глиной стен зарубинецких сооружений в более ранние эпохи. Возможно, обмазывание стен сруба глиной — индикатор переходных форм жилища, т.к. в дальнейшем этот прием распространения не получает.

Для памятников типа Лютеж информация о жилищах имеется только для самого Лютежа практически полностью раскопанного в 1962-1964 гг., и для исследованного в 1966-1973 гг. поселения Оболонь (табл. 3). На селище Крюковщина зафиксирована хозяйственная постройка. Она прослежена на глубине 0,4 м, была овальной в плане (1,16 x 2,6), вытянута по линии запад — восток. Стенки котлована были покатыми, дно находилось на глубине 0,6 м.

Кроме того, в отчете В.Н. Даниленко, В.П. Дудкина, В.А. Круца о разведке в Новых Безрадицах упоминается, что 1966 г. в ур. Митькив Кут были найдены остатки двух наземных жилищ поздnezарубинецкого периода [Даниленко, Дудкин, Круц, 1966, с. 4-7]. Дальнейшая информация о конструктивных особенностях или о размерах построек отсутствует. Судя по планам раскопок, возможно, речь идет о наземных срубах, т.к. контуры объектов выделялись по скоплению находок.

Луг-IV (Оболонь). К сожалению, изучение материалов данного поселения связано с рядом проблем. Автор раскопок А.М. Шовкопляс опубликовала часть результатов исследований в кратких заметках [Шовкопляс, 1974, с. 373-374], тезисах докладов [Шовкопляс, 1988, с. 235-240] и нескольких статьях [Гопак, Шовкопляс, 1983, с. 154-160, Шовкопляс, Гавритухин, 1993, 52-62; Шовкопляс, 1994, с. 3-15; Шовкопляс, Терпиловский, 2003, с. 178-190]. Полное издание материалов памятника отсутствует. А.М. Шовкопляс считала, что все жилища поселения имели традиционную для зарубинецкой культуры каркасно-плетневую конструкцию стен.

Обращение к архивным материалам выявило несоответствие чертежей ряда жилищ и их описа-

ний в отчетах. На планах раскопов обозначены только контуры жилищ. Чертежи выполнены на отдельных листах в масштабе 1:10. При сравнении их с текстом отчета оказалось, что на некоторых чертежах вообще не нанесены детали, указанные в отчете. Так, для жилищ 1,2 приведен только контур и не нанесены очаги; в жилищах 7, 9, 11, 12, 18, 22, 27 не обозначены фигурирующие в описании столбовые ямы или завалы обмазки; на чертежах жилища 62 под стеной размещена надпись «завал обмазки». В описании жилища 64 есть упоминание о прокале грунта вокруг костра, характеристика же собственно кострища и его чертежи отсутствуют.

Наиболее же часто встречаемое несоответствие между чертежами и описаниями – противоречие в ориентации по сторонам света отопительных сооружений и столбовых ям. Эта ошибка присутствует на всех чертежах за исключением жилищ 13, 15, 34, 46, 54, 55.

Таким образом, возникает вопрос о достоверности либо чертежей, либо текста отчета. К сожалению, в научном архиве Института археологии НАН Украины хранится лишь один полевой дневник за 1968 г. Сравнение его с текстом отчета за указанный год показало, что последний является практически полной копией дневника. Чертежи, как уже упоминалось, выполнены в масштабе 1:10 с использованием циркуля и линейки. В целом, создается впечатление, что чертежи выполнялись по эскизам и описаниям дневника уже в стационарных условиях. Именно этим могут быть объяснены отсутствие деталей, в частности, завалов стен, которые можно зафиксировать только на раскопе, и ошибки с ориентировкой.

Кроме того, в первичной документации полностью отсутствуют нивелировочные отметки и стратиграфические разрезы как раскопа, так и отдельных жилищ. Все это чрезвычайно усложняет работу с материалами поселения Луг IV.

По конструктивным особенностям жилища поселения Луг IV можно отнести к нескольким типам. В соответствии с дихотомическим принципом постройки делятся на каркасные и с несущей стеной.

В каркасном строении вес кровли опирается на столбы каркаса, вертикальные или дополненные раскосами (фахверк), а заполнение пустот между ними (дощатое, плетневое, земляное и др.) несет лишь изолирующую, а не опорную функцию. Несущая стена работает на сжатие всей своей массой, так как кровля опирается на нее.

Конструкция стен была избрана как признак в связи с низкой вариабельностью, в отличие от глубины отопительных сооружений и их расположения, что также необходимо учитывать. Как уже говорилось выше, А.М. Шовкопляс считала, что все жилища поселения имели традиционную для зарубинецкой культуры каркасно-плетневую кон-

струкцию стен. Жилища 15, 20, 22 и 59 обладают всеми признаками такой конструкции. В них всех по периметру расположено от 12 до 14 столбовых ямок диаметром от 14 см до 20 см и глубиной от 10 до 25 см.

В жилищах 11, 16, 17, 23, 27, 28, 29, 30, 34, 40 столбовые ямки тех же размеров сохранились частично и не образуют замкнутого контура. Тем не менее, вероятнее всего, стены этих построек также имели каркасно-плетневую конструкцию. Об этом свидетельствуют и упоминания о завалах обмазки стен, в частности, в жилище 11.

Особого внимания заслуживает жилище 62, в котором вдоль восточной стены были зафиксированы фрагменты ее обмазки, однако столбовых ям не было. К этому списку можно прибавить и жилище 2, в описании которого указано, что в заполнении встречались значительные куски пережженной глины. Ее интерпретировали как остатки разрушенного очага, что вызывает сомнение.

В жилищах 18, 32, 39, 41, 42 столбовые ямки сохранились или под одной со стеной, или в одном из углов. Вероятнее всего, эти постройки тоже имели каркасно-плетневую конструкцию. К жилищам той же конструкции можно отнести и 12-ое, поскольку расположение ямок на его чертеже не указано. Таким образом, 20 жилищ поселения Луг-IV были каркасно-плетневыми.

В оставшихся жилищах (41 постройка) никаких конструктивных деталей выявлено не было. Вероятнее всего, их стены были срубными. Большинство из этих построек имело квадратную или не слишком вытянутую прямоугольную форму, которая характерна именно для данной конструкции.

В целом, все жилища поселения Луг-IV – это полуземлянки прямоугольной или подквадратной формы с размерами стен 4,1-4,9 x 2,6-3,5 м, углубленные в землю от уровня материка на 0,3-0,7 м. Исключением можно считать жилище 4, опущенное в грунт лишь на 0,2 м, что делает его близким к наземному. Пол практически во всех жилищах ровный, песчаный. Никаких следов подсыпания не зафиксировано. Исключением является жилище 11, углубленное на 0,3-0,4 м.

Не совсем понятна ситуация с четырьмя глинобитными наземными открытыми очагами. А.М. Шовкопляс считала, что они могли относиться к наземным жилищам, следы которых не сохранились. Отметим, что на поселениях этого периода выносные очаги встречаются и сами по себе без привязки к каким-либо жилым постройкам.

В домостроительстве отчасти продолжались классические зарубинецкие традиции в виде каркасно-плетневой конструкции, отчасти возникают новые черты, характерные для более поздних памятников киевской культуры.

Исходя из этого, Ю.Ю. Башкатовым было предложено условное деление на строительные горизонты. За таксоны приняты конструкция

стен и глубина постройки. Таким образом, мы получаем линию развития от каркасно-плетневой, слегка углубленной постройки, через слегка углубленный сруб к срубной полуземлянке, наиболее характерной для киевской культуры Среднего Поднепровья.

Конструктивно жилища поселения Луг-IV (Оболонь) разделяются на четыре типа: каркасно-плетневые постройки со слегка углубленным полом — 17(?), 22, 28, 30, 39(?), 42(?), 59; каркасно-плетневые полуземлянки — 15, 16(?), 18(?), 20, 23, 27, 29, 32(?), 34(?), 40(?); срубы со слегка углубленным полом — 4, 5(?), 7(?), 11, 13, 25, 31(?), 46, 60, 63; срубные полуземлянки — 1-3, 6(?), 9, 12, 14, 19, 21, 24, 33, 35, 36-38(?), 41, 43-45, 47-58, 61, 62, 64.

Следует отметить, что к постройкам каркасно-плетневой конструкции были отнесены все объекты, имеющие ямы от столбов, хотя в некоторых случаях этот критерий отбора весьма условен (такие жилища отмечены знаком вопроса).

Отопительные сооружения в жилищах представлены как ямами линзовидной формы диаметром 0,6-1 м (жилища 23, 16), так и остатками глинобитных очагов диаметром 0,5-1 м, высотой до 0,2 м, в субструкции которых кроме глины могли использоваться керамика и камень (жилища 3, 52, 60). Очаги могли находиться в одном из углов, или под одной со стен. Только в одном случае очаг был расположен в центре постройки (жилище 46).

Лютеж. О специфике данного памятника речь уже шла выше, поэтому, несмотря на то, что территория поселения была исследована практически полностью, к позднезарубинецкому периоду относятся лишь три жилища. Все они — полуземлянки, углубленные в грунт на 0,4-0,5 м от дневной поверхности, площадью 12-16 кв. м. Жилища 1 и 3 имели срубную конструкцию стен. По мнению авторов раскопок, жилище 2 имело столбовую конструкцию, которую они интерпретировали как шалаш [Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 54]. Следует отметить конструктивное сходство этого жилища и многих построек поселения Оболонь (жилища 11, 16, 17, 23 и др.). По нашему мнению, в данном случае, скорее всего, мы имеем дело с остатками сооружения каркасно-плетневой (как жилище 11 Оболони) или срубной конструкции, в которой столбы появились в результате ремонта, дополнительного крепления стен или, возможно, были частью какой-то мебели.

Особенно интересной на наш взгляд может быть реконструкция жилища 3. Это один из довольно редких случаев, когда удалось проследить вход в постройку. Он находился на северо-востоке котлована и представлял собой удлиненную выемку 1,10 м шириной и 0,2-0,25 м глубиной. Само же жилище имело подпрямоугольную форму, размеры 3,8 x 3,6 м и было углублено в материк на 0,12 м и около 0,4 м от дневной поверхности. Учитывая то, что вход выступает за

границы котлована, довольно неровную форму самого котлована, слишком близкое расположение костра к северному углу здания и к входу, можно предположить, что сруб стоял над котлованом, перекрывая вход. В случае, если вход оставался бы открытым, вода во время дождя, собираясь в выемке входа, должна была стекать прямо в жилище. Аналогичной была бы ситуация и зимой, когда снег, собираясь там же, подтаивал близ жилища и возле входа также скапливалась бы вода. Следует также учитывать практически трапециевидную форму самого котлована.

Итак, позднезарубинецкие жилища Среднего Поднепровья представлены девятью постройками Оболони (жилища 40, 46, 51, 57, 60, 61, 62, 63, 64), тремя постройками Лютежа и двумя Новых Безрадичей, конструктивные особенности которых не известны (определенно лишь то, что постройки были наземными). Из оставшихся 12 жилищ 10 имели срубную конструкцию (жилища 46, 51, 57, 60, 61, 62, 63, 64 Оболони и жилища 1 и 3 Лютежа). Типичное жилище памятников круга Лютежа — это сруб площадью 15-20 кв. м с котлованом глубиной 0,2-0,5 м. Отопительным сооружением был округлый в плане очаг диаметром 0,5-1,0 м, расположенный в одном из углов, в некоторых случаях в ямках.

Что касается жилища 40 Оболони, то, судя по плотному расположению столбовых ямок в нем и их количеству (11), оно, скорее всего, было каркасно-плетневым, подобно классическим зарубинецким. Его размеры, характер и расположение отопительного сооружения также близки к классическим: 5,85 x 3,1 м и глинобитный очаг в юго-западном углу. Жилище 2 поселения Лютеж, как уже отмечалось, могло иметь как срубную, так и каркасно-плетневую конструкцию. Его особенностью был очаг, находившийся в центре постройки.

Таким образом, можно утверждать, что имея генетическую подоснову в местной зарубинецкой культуре, позднезарубинецкое домостроительство Среднего Поднепровья приобретает новые черты. Появление сруба делает его близким к сооружениям последующих памятников «зарубинецкой» линии развития — жилищам киевской культуры.

Жилища памятников типа Марьяновки.

Особое место среди позднезарубинецких древностей занимают памятники бассейна Южного Буга, наиболее детально исследованные П.И. Хавлюком. В своей статье, посвященной этой теме, он называет 25 памятников датированных им I в. до н.э. — II — началом III в. н.э. [Хавлюк, 1975а, рис. 1, с. 7-19]. Стационарные исследования проводились лишь на нескольких поселениях, а именно в Марьяновке, Рахнах Собоных, Носовцах, Париевке, Пархомовке.

В упомянутой выше статье приведена краткая характеристика жилищ этой группы. Указано, что известны как наземные жилища, так и полуземлянки. Первые имели деревянный каркас и стены, сплетенные из хвороста и обмазанные глиной. Внутри жилища был очаг в виде глиняной площадки. Иногда в одном из углов постройки устраивалась яма для хранения запасов пищи. Такие жилища известны в Носовцах и в Рахнах. Встречаются и полуземлянки (Рахны, Слободка), углубленные на 0,5 м, с купольной печью в центре (Рахны), в уголке — яма-хранилище. Площадь жилищ — около 16 кв. м (4 x 4 м) [Хавлюк, 1975а, рис. 2, с. 7-9].

Анализ отчетов П.И. Хавлюка в архиве Института археологии НАН Украины оказался мало продуктивным. Часть материалов раскопанных памятников вообще отсутствует (см. Приложение). В Винницком областном краеведческом музее удалось ознакомиться с полевыми дневниками П.И. Хавлюка. Тем не менее, обнаружить чертежи многих построек так и не удалось. На основании всей суммы данных можно с некоторыми допущениями сделать следующие выводы. Вероятно, что на поселениях бассейна Южного Буга существовали два типа построек. К первому (наиболее распространенному) относятся наземные жилища часто с глинобитными очагами. Такие сооружения зафиксированы на поселениях Марьяновка (две постройки), Рахны (четыре постройки), Париевка (одна постройка), Пархомовка (две постройки). Часто встречаются остатки глиняной обмазки стен (жилища 2, 3, 4 Рахнов, жилище 1 Париевки). Тем не менее, ни в одном из случаев не удалось зафиксировать следы столбовых ям каркаса. В жилище 3 поселения Рахны в юго-западном углу прослежены остатки горелого дерева (дуб) и обмазка со следами расколотых плах, находившаяся в яме в двух метрах от постройки [Хавлюк, 1970б]. На поселении Париевка в жилище 1 на обмазке прослежены отпечатки веток диаметром не более 3 — 4 см и жердей диаметром более 4 см [Хавлюк, 1975б].

Таким образом, конструкция стен наземных жилищ Южного Буга не совсем понятна. Как говорилось выше, П.И. Хавлюк считал их традиционными для зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья (каркасно-плетневыми, обмазанными глиной). Тем не менее, ни в одном из случаев зафиксировать следы каркаса не удалось. Указывающие же на подобную конструкцию остатки обмазки из жилища 1 Париевки могли принадлежать кровле. Принимая во внимание существование в Среднем Поднепровье срубных построек на переходном этапе от зарубинецкого домостроительства к позднерубинецкому и позднее, можно предположить, что срубная конструкция стен могла быть известна и на Южном Буге. Архаичным признаком является то, что постройки были

наземными. Глинобитные очаги и глиняная обмазка стен также более характерны для классической зарубинецкой культуры, чем для позднерубинецких памятников. Данные выводы подтверждаются и датировкой большинства памятников (I в. н.э.).

Вторая гораздо меньшая по численности группа жилищ представлена полуземлянками со срубной конструкцией стен и завалами печины в центре. П.И. Хавлюк интерпретировал их как остатки купольных печей [Хавлюк, 1975а, с. 8], однако в обоих подобных случаях нет даже упоминания о наличии субструкций пода и остатков стенок. Приведем описание объекта из заполнения жилища 1 Рахнов: «На полу сохранились остатки "печи или очага" в виде кучи обожженной глины размерами 1,2 x 1 м. В нижней части она имела комковатую структуру, в которой помещались черепки сосудов». В жилище 5 «печь находилась несколько ближе к юго-восточной стенке, но ставилась она явно по центру. Сверху имеет вид беловатой обожженной глины, растрескавшейся на мелкие обломки, еще ниже — комковатую структуру красного цвета и почти у самого основания — желтый цвет обыкновенной глины. С северной стороны в обмазке заметен черепок» [Хавлюк, 1970а]. Цельная конструкция ни в одном из случаев не прослеживается. Подобная ситуация имеет аналогии среди полуземлянок Почепского селища. Именно там известны квадратные полуземлянки с завалами обожженной глины в центральной части. Отличием может являться то, что под завалами в почепских полуземлянках фиксируются остатки столбовых ям (Заверняев, 1969, с. 92-93).

Таким образом, по имеющимся данным можно высказать предположение, что в Южном Побужье в I-II вв. н.э. существует две традиции домостроительства. Первая (наиболее распространенная) — это наземные постройки, скорее всего, прямоугольной формы, с возможно срубной конструкцией стен, глинобитным очагом и в некоторых случаях хозяйственными ямами внутри. Размеры приводятся только для жилища 1 из Париевки (8 x 3,5-4 м), Пархомовки (жилище 1 — 7,7 x 4,4 м и жилище 2 — 4,8 x 5 x 4 x 3,9 м), в остальных случаях их определить не удалось. Вторая традиция представлена срубными полуземлянками подквадратной формы с завалом глины по центру. Размеры колеблются в пределах 2,8-3,5 x 3,3-4 м.

Обе группы построек имеют достаточно близкие аналогии на синхронных позднерубинецких поселениях других территорий, но есть и отличия. Наземные жилища по сравнению со среднерубинецкими — более обширные. Полуземлянки отличаются от почепских отсутствием столбовых ям под завалами печины. К сожалению, на современном уровне изученности памятников судить о том, были ли эти отличия региональными, либо они вызваны ошибками полевой

фиксации, однозначно нельзя. Можно констатировать, что изучение позднезарубинецкого времени на территории Южного Побужья требует проведения дополнительных полевых исследований.

Днепровское лесостепное Левобережье, Нижнее и Среднее Подесенье, бассейн Северского Донца

На территории Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца известны остатки 80-ти позднезарубинецких построек, исследованные на 21-м селище. Поселения с постройками концентрируются в бассейне р. Десна, т.е. в ареале почепской группы, и в бассейнах рек Псел, Ворскла и Северский Донец, где распространены памятники типа Картамышево и Терновки. Кроме того, на территории Днепровского Левобережья обнаружены отдельные постройки на поселениях, отнесенных к типу Гриней, которые не составляют локального скопления (табл. 2).

Жилища памятников типа Почеп.

Поселения данного типа распространены на территории Среднего и Верхнего Подесенья, включая притоки Десны: Судость, Неруссу и Навлю и их бассейны. В Подесенье остатки позднезарубинецких построек обнаружены на селищах Спартак, в устье р. Гасомы, Хотылево, Белокаменка, Синьково, Почеп, Парня-2, Железное, Киселевка-3, Никитенка-2 и Огородня. Большинство из них находятся в Верхнем Подесенье на территории России, за исключением Киселевки-3 (Черниговская обл. Украины). И хотя большая часть памятников выходит за пределы современной территории Украины и, соответственно, данного исследования, по нашему мнению, нельзя отрывать их от общего контекста позднезарубинецких древностей.

Традиционно считается, что постройки на селищах почепского типа делятся на 2 группы — полуземлянки (24 постройки, исследованы: 13 на поселении Почеп, 1 — Хотылево, 1 — селище в устье р. Гасомы, 3 — Синьково, 2 — Железное, 1 — Белокаменка, 2 — Киселевка, 1 — Спартак) и наземные сооружения, получившие в литературе название «длинные дома» (Синьково — постройки 1, 5, 7, 9, 12, 15, 20, 21, 22, 23, Железное — сооружение 1, Парня-2 — постройка 1 и Почеп — постройки Б, В, Д, Е; всего 16 домов). По нашему мнению, степень распространения «длинных домов» в почепском ареале и наличие их на некоторых почепских поселениях до сих пор остаются дискуссионными вопросами. Так, реконструкции построек поселения Железное И.К. Фролова вызывают серьезные сомнения. Т.н. углубленные части сооружений 5 и 8, очевидно, являются сооружениями, подобными подквадратным полуземлянкам Почепа. В пользу этого говорит нали-

чие центральных опорных столбов кровли. Столбовые же ямы, имеющие отношение к постройкам, возможно, выполняли дополнительные фиксирующие функции при стенах. Сооружение 2 в интерпретации И.К. Фролова также вызывает некоторые сомнения. Так, почти вся площадь северной части объекта занята столбовыми ямами и двумя более обширными ямами, линии столбов от стен сооружения 2 также сомнительны. В северной части наблюдаются, скорее, хозяйственные ямы, а в южной — следы перекрытия (?) других объектов (сооружение 3) [Фролов, 1979, рис. 2]. К сожалению, в статью не включены подробные сведения о планиграфии и стратиграфии памятника и полное культурно-хронологическое описание материала. Из приведенного плана понятно лишь, что поселение Железное — многослойное с перекрытием объектов друг другом. Также сомнительно выглядит реконструкция постройки на поселении в устье р. Гасома [Пронин, 1979, рис. 2: 5]. Автор раскопок памятника Ф.М. Заверняев указывал, что остатки наземного дома и полуземлянка на этом памятнике относятся к разным строительным горизонтам (полуземлянка перекрывала наземную постройку) [Заверняев, 1974, с. 127-128], а не составляют единое сооружение, как считает Г.Н. Пронин [Пронин, 1979, с. 52]. Не отрицая возможности существования на почепских памятниках наземных домов, все же следует признать, что главным типом жилища позднезарубинецких поселений Подесенья является полуземлянка.

По мнению большинства исследователей, наземные постройки достаточно стандартны. Это прямоугольные в плане дома площадью 50-120 кв. м. Среди них выделяется небольшое наземное сооружение площадью примерно 9 кв. м (поселение Почеп, постройка 3 в раскопе 5). Длинные дома имели стены каркасно-столбовой конструкции. Она была закладной: горизонтальные бревна удерживались несколькими рядами вертикальных стоек. Сооружения обычно делились на две-три камеры. Лучшее всего фиксировалась жилая часть постройки. Она была немного (до 0,35 м) углублена в материк и имела прямоугольные размеры площадью около 8-12 кв. м. В центре этой камеры всегда располагалась яма с пологими стенками, борта которой, по-видимому, были выложены деревом. Ее размеры — приблизительно, 1 x 2 м. Судя по расположению столбовых ям, над ней находились нары.

Жилая камера отделялась от остальной части дома перегородкой. Перед входом в нее обычно вкапывался толстый столб — опора для крыши. Во второй, самой большой, камере сооружения располагался очаг. Он находился либо прямо на полу, либо в овальной очажной яме. Перегородкой также была ограничена третья камера сооружения — сени. По-видимому, они имелись не во всех длин-

ных домах. Наземные постройки имели различную ориентировку. Реконструируя сооружение 23 с поселения Синьково, А.К. Амброз отмечал, что вход в длинные дома обычно находился с противоположной стороны от жилой части, с торца [Амброз, 1964, с. 65]. В постройке 2 поселения Железное, реконструкция которой, впрочем, сомнительна, по мнению И.К. Фролова, вход располагался посередине длинной восточной стены, возле очага [Фролов, 1979, с. 65].

Наиболее хорошо углубленные постройки изучены на поселении Почеп. Условно их можно разделить на три группы. Самая многочисленная — это сооружения с прямоугольной или подпрямоугольной формой котлована площадью от 7,5 до 17,5 кв. м, углубленные в материк на 0,7 — 1 м. Все они, скорее всего, имели срубную конструкцию стен, о чем свидетельствуют остатки ровиков от нижнего венца, обнаруженные практически во всех постройках. Возможно, стены возводились не из цельных, а расколотых бревен, о чем говорит находка в землянке 3 раскопа II остатков стогрешших плах [Заверняев, 1969, с. 95]. Во всех постройках зафиксированы остатки центральных столбов. Особенностью большинства полуземлянок являются пологие углубления в центре сооружения. Также были встречены нерегулярные столбовые ямы возле стен, очевидно, остатки дополнительного крепежа или деталей интерьера.

Вторая группа — постройки с квадратной и подквадратной формой котлована площадью от 9 до 12,25 кв. м углубленные на 0,4 — 0,6 м в материк. Меньшие размеры (2,2 x 2,0 м) имеет постройка 14 раскопа 6, углубленная в материк на 0,25 м. Судя по небольшим размерам и отсутствию следов отопительного сооружения, она, возможно, имела хозяйственное назначение. Все постройки, кроме нее, имели яму от центрального столба и, вероятнее всего, срубную конструкцию стен.

Третья группа представлена жилищами со слабо углубленным полом либо вообще наземными. Их площадь от 14 до 26 кв. м, они углублены на 0,2 — 0,5 м, за исключением постройки 3 раскопа V которая была наземной. Все они, вероятно, имели срубную конструкцию стен. Неясна ситуация с постройкой 5 в которой было 10 столбовых ям. На наш взгляд, они расположены довольно хаотично и не образовывали какого-либо четкого замкнутого контура, что не позволяет однозначно интерпретировать стены сооружения, как каркасные.

Постройки первых двух групп имеют явное продолжение в жилищах деснинского варианта киевской культуры, с которыми их объединяет глубина котлована, конструкция стен и наличие центрального столба. Аналогии сооружениям третьей группы можно найти среди жилищ Среднего Поднепровья рубежа эр. В это время там происходит смена ведущего типа жилища [Башкатов,

2009, с. 228 — 229]. Возможно, что подобные постройки были и на Южном Буге (см. выше).

Уникальной является полуземлянка 2 в раскопе II, Она имела в плане округлую форму диаметром около 5 метров и глубину 0,65 м. Стенки были отвесными, пол горизонтальным, в центре располагался очаг диаметром до 1 м — черная углистая масса толщиной 0,15 м. В полу и за границами полуземлянки обнаружено большое количество столбовых ям [Заверняев, 1969, с. 104]. Прямые аналогии этому сооружению найти достаточно сложно.

Дискуссия о конструкции стен углубленных жилищ поселения Почеп ведется давно. Большинство исследователей, соглашаясь с тем, что большинство объектов имело срубные стены, в некоторых случаях предлагало другие варианты. Основываясь на наличии и расположении столбовых ямок, как возможные варианты предлагались заклад плахами или тонкими бревнами и стена, набранная из тонких бревен либо каркасно-плетневая [Заверняев, 1969, с. 93, Обломский, Терпиловский, 1991, с. 55-56]. На наш взгляд, замкнутый контур, необходимый для поддержки отличной от срубной конструкции, был лишь в постройке 2 раскопа IV. Тем не менее, количество ямок зафиксированных на ее площади, слишком велико. В этой связи возникает вопрос об их одновременности. Таким образом, не отрицая полностью возможности других реконструкций, все же наиболее обоснованным является предположение, что все позднезарубинецкие постройки имели срубную конструкцию стен.

Не меньшие споры вызывает конструкция отопительных сооружений. По мнению Ф.М. Заверняева, жилища Почепа отапливались печами и очагами, расположенными по центру построек, возможно поднятыми над полом [Заверняев, 1969, с. 95-98]. С обоснованной критикой этого выступили А.М. Обломский и Р.В. Терпиловский. Они отметили, что практически во всех объектах отсутствуют цельные поды, а завалы горелой глины и угля фиксируются выше уровня пола, перекрывая центральную столбовую яму. Остатки же открытых очагов расположенных в центре жилищ, сохранились в постройке 1 раскопа IX и постройке 2 раскопа II [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 54-55]. К этому можно добавить очажные ямы в постройках с углубленным полом (постройка 1 раскоп VIII).

Жилища памятников типа Картамышево 2 — Терновка 2

Позднезарубинецкие памятники типа Картамышево 2 — Терновка 2 находятся на востоке лесостепного междуречья Днестра и Дона. Они расположены в верховьях рек Сейм, Псел, Ворскла, Северский Донец и Оскол.

Опираясь на различия в материальной культуре поселений, исследователи выделили две подгруппы позднезарубинецких памятников этого региона [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 62-76]. Одна из них, типа Картамышево-2, расположена на востоке Днепровского Левобережья, другая типа Терновки 2 — в бассейне Северского Донца и Оскола [Обломский, 1991, рис. 7]. Постройки, относящиеся к типу Картамышево-2, были обнаружены на поселениях Картамышево-2, Бобрава-3, Гочево-7, Великие Будки (Хутор), Чернечина и на поселении в ур. Озеро на Бельском городище. Постройки типа Терновки — 2 прослежены на поселениях Приоскольское-1, Шоссейное, Терновка-2, Головино-1, Ездочное.

На поселении Картамышево 2 исследовано 10 построек. По мнению В.М. Горюновой постройка 10 имела хозяйственное назначение [Горюнова, 2004, с. 51]. С нашей точки зрения — это жилище, котлован которого нарушен более поздними ямами. В целом, складывается впечатление, что жилища поселения составляют две группы: первую — постройки 2, 3, 4 и, возможно, 5, компактно расположенные, приблизительно, в центре поселения; вторую — сооружения 6, 7, 8, 9, 10 (подробнее см. раздел «Планировка поселений»).

Жилища первой группы имели подквадратную форму, площадь около 16 кв. м и были углублены в материк на 0,4-0,6 м (даны отметки максимального углубления с учетом склона). Жилище 5 отличается округлой формой котлована с несколько большими размерами (5,4 x 4,6 м), однако учитывая достаточно большую глубину (от 0,4-0,5 до 1 м) и специфику проседания песков, можно предположить, что сама постройка имела гораздо меньшие размеры и форму, близкую к квадрату. След очага в виде пятна прокаленного песка обнаружен лишь в постройке 5. Исходя из отсутствия столбовых ям, можно предположить, что все постройки имели срубную конструкцию стен.

Жилища второй группы имели площадь от 6,3 до 25 кв. м и были углублены в материк на 0,25 — 0,5 м. Самыми большими были постройки прямоугольной формы (6, 7, 8), а меньшими — квадратные (9, 10). Особый интерес представляет жилище 8, в котором обнаружена яма от центрального столба. В постройках 7, 8, 9 найдены очажные ямы диаметром 0,35 — 0,4 м. Стены всех построек, очевидно, имели срубную конструкцию.

Жилище 1 было наземным, но культурно-хронологическая принадлежность этого сооружения не совсем ясна. Не исключено, что оно относится к скифскому периоду (см. главу 5).

На поселении Бобрава-3 было исследовано одно жилище. Постройка имела округлую в плане форму, размеры 4,2 x 3,8 м. Она была углублена на 0,5 м в материковый грунт. В центре сооружения на полу прослежены углистые включения, воз-

можно, остатки очага [Горюнова, Отчет 1983]. Стены сооружения, по-видимому, были срубными.

На поселении Гочево-7 обнаружена одна позднезарубинецкая постройка. Ее котлован имел в плане подпрямоугольную форму с длиной стен 3,75 x 3,45 м. Он ориентирован длинными сторонами примерно по линии север-юг, глубина — 1,0 м от уровня материка. С востока прослежено место входа — полуовальная ступенька глубиной 0,3 м. В юго-западном углу находился небольшой уступ [Горюнова, Романова, Щеглова, 1987]. Судя по отсутствию обмазки и столбовых ям, стены сооружения были срубной конструкции.

На поселении Великие Будки (Хутор) к позднезарубинецкому горизонту относится одно сооружение. Постройка 7 имела в плане неправильную квадратную форму, размеры 5,4 x 5,8 м. Котлован сооружения ориентирован стенами по сторонам света и углублен на 0,1-0,2 м в материк. На полу сооружения в юго-восточном и юго-западном углах зафиксированы две столбовые ямки. Еще три ямы от столбов найдены вне котлована, у северной его стенки [Горюнова, Родинкова, 1999, с. 204]. Отсутствие регулярных столбовых ям позволяет предположить, что стены имели срубную конструкцию.

На территории Бельского городища в ур. Озеро было обнаружено два позднезарубинецких жилища. В 1997 году была частично исследована постройка 1. Она, вероятно, имела прямоугольную форму. Полностью сохранилась ее юго-западная стенка длиной 2,75 м, от северо-восточной осталось чуть больше метра. Котлован был углублен на 0,25 м и фиксировался с глубины 0,4 м. В южном углу обнаружено скопление фрагментов печины возможно, от остатков отопительного сооружения [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 69, рис. 59]. Постройка 2000 г. сохранилась гораздо хуже и была зафиксирована как развал мелких фрагментов обмазки стен и печины [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 77, рис. 64].

Описание построек поселения Чернечина см. в приложении.

На поселении Терновка-2 обнаружено 9 сооружений, относящихся к двум горизонтам застройки. Среди объектов нижнего из них жилища не выделяются [Обломский, 1990а, с. 7-11]. К жилым комплексам верхнего горизонта можно уверенно отнести постройку 4. Она была подпрямоугольной в плане формы, размерами 3,6 x 2,2 м и глубиной 0,14 м от уровня материка. Возле юго-восточного угла располагался очаг — вымостка из камней, обмазанных двумя слоями глины. Очаг — подовальный, размерами 1,1 x 0,6-0,8 м, высотой 0,5-0,7 м над уровнем пола [Обломский, 1990а, с. 11-12]. По-видимому, стены сооружения были срубной конструкции. Также не исключено, что к жилым объектам могла относиться постройка 5.

В пользу этого говорит достаточно правильная форма котлована и ровный пол. Сама постройка была подпрямоугольной формы, размерами 2 x 2,5 x 1,5 x 1,8 м и глубиной 0,35-0,48 м от уровня материка. В центре заполнения сооружения зафиксировано скопление камней и кусков печной обмазки, которое, по мнению А.М. Обломского, не имеют отношения к сооружению [Обломский, 1990, с. 12-13]. Стены, скорее всего, имели срубную конструкцию. Также интересна постройка 6, имевшая подквадратную форму, размеры 2,1 x 2,0 м, глубину 0,23-0,41 м от уровня материка. Сооружение ориентировано стенами по сторонам света. На полу постройки зафиксирована овальная яма диаметром 1,0-1,2 м и глубиной 0,62-0,64 м. С северной стороны в яму ведет ступенька. Здесь же, по всей видимости, располагался вход в сооружение [Обломский, 1990, с. 13-14]. Конструктивные детали, скорее всего, не одновременны, поскольку яма от центрального столба была явно перекрыта ямой хозяйственной. В пользу этого также может свидетельствовать совпадение уступа «ступеньки» с уровнем пола в северной части [Обломский, 1990, рис. 2:6]. Стены были срубными и располагались внутри котлована. Если не учитывать хозяйственную яму, постройка похожа на почепские (постр.2 раскопа V, 14 раскопа VI). К сожалению, точно определить ее назначение не представляется возможным.

На поселении Приоскольское-1 обнаружены три сооружения. Одно из них (постр. 1), на наш взгляд, являлось жилым. «Яма 6» — хозяйственное сооружение, постройка 2 — трудноопределима.

Частично разрушенное карьером жилище 1 в плане прямоугольное, ориентированное длинными стенами по линии северо-запад — юго-восток. Размеры постройки — 3,0 x 3,6 x 3,2 x 3,8 м, глубина — 0,77-0,87 м от уровня материка. В сооружении прослежены ямки от столбов: 6 по периметру и 2 в центре [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 130]. Судя по наличию горелого слоя в сооружении и отсутствию завалов обожженной глины, стены были возведены без применения обмазки. Конструкция стен могла быть как каркасно-столбовой, так и срубной с дополнительной опорой на столбы. Не исключен и вариант закладной конструкции.

К позднезарубинецкому горизонту на поселении Головино-1, относятся постройки 1 (хозяйственная), 3 (жилище) и 6 (трудноопределимая).

Котлован постройки 3 имел в плане подпрямоугольную форму, ориентированную длинными стенами по линии юго-запад — северо-восток. Его размеры — 3,9-4,2 x 2,9-3,1 м, глубина — 0,12-0,43 м в материке. На полу сооружения прослежены две столбовые и хозяйственная ямы. Столбовые ямы прослежены в северной части котлована, у противоположных длинных стен. Хозяйственная яма располагалась впритык к юго-западной стенке.

Она была углублена в грунт на 0,26 м. А.М. Обломский предполагает, что это сооружение являлось жилищем [Абашина, Кухарская, Обломский, 2004, с. 28-29]. Котлован сооружения имел достаточно четкие контуры, столбовые ямы отступали от края котлована, таким образом, можно предположить, что сооружение имело срубные стены внутри котлована. Расположение ям от стояков, несущих конек, не по центру, а со смещением к северу предполагает наличие крыши, перекрывающей часть пространства вне котлована. Котлован постройки 6 врезается в материк лишь в северной части на глубину до 0,17 м. Он имел подпрямоугольную форму, размеры 3,0 x 3,6-4,2 м. На полу зафиксировано 5 столбовых ям. Две из них располагались в центре, две — в западном и восточном (спаренная) углах, еще одна — у юго-западной стены [Абашина, Кухарская, Обломский, 2004, с. 29-30]. Конструкция стен, возможно, была срубной с дополнительными креплениями. Не исключено, что в ямах были установлены столбы, несущие конек крыши сооружения.

Полуземлянка на поселении Ездочное-1 имела подпрямоугольную форму и размеры около 4 x 4 м. Глубина котлована в материке составляла 0,4 м. Вдоль юго-западной стены сооружения имелись 2 столбовые ямки: одна внутри котлована, другая — за его пределами. С южной стороны зафиксировано место входа в виде небольшого пандуса шириной около 1 м. Здесь же прослежены остатки сгоревшей конструкции стены. В северной части постройки пол был утрамбован и подмазан глиной. В северо-восточном углу и в западной стене котлован был нарушен двумя хозяйственными ямами [Зиньковская, Медведев, 2005, с. 3].

На селище Шоссейное позднезарубинецкие материалы происходят из жилища 1, углубленного в грунт на 0,5-0,57 м. Форма котлована в плане — подпрямоугольная, размеры — 3,6-4,4 x 5,2-5,6 м. Вдоль восточной стены на полу прослежены следы сгоревших плах. Очаг в виде округлого углистого пятна размерами 0,9 x 1,2 м находился в центре. Столбовых ям не было. Стены постройки, по всей видимости, были срубными [Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987, с. 174].

Памятники типа Грини

Из поселений, расположенных на территории лесостепного междуречья Днепра и Дона, исследователи относят к памятникам типа Грини поселения Вовки на р. Псел и Раковка на р. Северский Донец. На обоих селищах обнаружено по постройке¹.

На поселении Вовки исследована жилая постройка 6. В плане она была прямоугольной, размерами 3,4 x 2,6 м и глубиной от уровня материка

¹ Описание жилища на поселении Грини-1 в Среднем Поднепровье см. в главе 3.

0,3 м. Сооружение ориентировано длинными стенами по линии запад-восток. На его дне выявлено три столбовые ямы. Они расположены по длинной оси жилища. В юго-восточном углу зафиксированы остатки глинобитного очага, вымощенного битой посудой или пода печи. Стены сооружения, по мнению А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского, были срубной конструкции [Терпиловский, 1984, с. 55; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 83]. Три столбовые ямы по длинной оси жилища, скорее всего, свидетельствуют о наличии конька, поддерживавшего двухскатную крышу.

На поселении Раковка обнаружено хозяйственное сооружение. Котлован постройки 1 в плане был неправильной формы размерами 6,25 x 4,20 м, глинобитный пол углублен на 0,05 м от уровня материка. На его площади зафиксированы 9 ям. Все они углублены на 0,1-0,3 м от пола, их стенки и днища покрыты глиной. Очаг расположен в яме 3 у западной стены. В центре ямы выявлено небольшое углубление, заполненное углями и кусками гранита. Глина на дне ямы 3 обожжена [Любичев, 1993, с. 30-35]. Стены сооружения, по всей видимости, не были углублены в грунт.

Памятники Среднеднепровской традиции

На поселении Березовка-2, которое исследователи относят к среднеднепровским памятникам типа Лютеж, обнаружены четыре постройки. Две из них можно отнести к жилым (постройки 2 и 5), одну — к хозяйственным («яма 11»).

Котлован постройки 2 в плане подпрямоугольной формы, ориентирован длинными стенами по линии юго-запад — северо-восток, размерами 2,3-3,2 x 3,1-3,2 м и глубиной 0,34-0,46 м от материкового уровня. Около западного угла на краю котлована зафиксирована яма от столба. В центральной части постройки обнаружен очаг в виде овальной в плане ямы размерами 1,00 x 1,16 м по верхнему контуру, 0,66 x 0,70 м — по дну и глубиной 0,23 м. Дно ямы прокалено. В заполнении сооружения выделяется два слоя, верхний из которых был углистым [Обломский, 1992а, с. 84]. Судя по отсутствию в заполнении глиняной обмазки, стены сооружения имели срубную конструкцию. Четкие контуры котлована постройки 4 прослежены лишь в южной и западной частях. По-видимому, объект имел в плане прямоугольную форму, размеры 4-4,2 x 3,4 м, глубину 0,13-15 м от поверхности материка и 0,38-0,45 м от уровня фиксации [Обломский, 1992а, с. 85-86]. Котлован постройки 5 сохранился частично. Его первоначальные размеры неопределимы, глубина — 0,75-0,8 м от уровня материка. На полу, зафиксирован очаг в виде ямы размерами 1,22 x 1,10 м по верхнему краю, глубиной 0,05-0,15 м [Обломский, 1992а, с. 86]. Конструкция стен, по всей видимости, была срубной. Котлован «ямы 11»

имел в плане неправильную прямоугольную форму размерами 2-2,26 x 4,8 м по верхнему контуру и глубину 0,16-0,28 м от уровня материка. В противоположных концах сооружения находились две хозяйственные ямы. Они — округлой и овальной формы, глубиной, соответственно, 0,44 и 0,31 м от уровня пола постройки. В северо-восточной части прослежена очажная яма. Она неглубока, в плане неправильной овальной формы. Здесь же прослежены три ямы от столбов. Судя по всему, они не относятся к конструкции сооружения [Обломский, 1992а, с. 87].

* * *

Строительные объекты позднезарубинецкого населения разнообразны по своим конструктивным характеристикам, интерьеру, типу отопительного устройства, пропорциям, степени углубленности и др. Постройки подразделяются на наземные и углубленные. На позднезарубинецких поселениях большинство сооружений имело углубленную жилую или хозяйственную часть (62 постройки, 77,5%). К позднезарубинецкому периоду на территории Днепровского Левобережья относятся 42 жилые постройки (из них 16 — наземные длинные дома), 24 хозяйственные и 14 трудноопределимых.

Количество построек, выявленных на поселениях позднезарубинецких групп населения, позволяет провести как общий, так и региональный анализ домостроительства начала эры.

Жилища, обнаруженные на территории Днепровского лесостепного Левобережья и на водоразделе Днепра и Дона, подразделяются на два основных типа. К первому из них относятся сооружения со значительной углубленной частью. Стены подобных построек располагались как внутри котлована (26 объектов, 56%), так и снаружи углубленной части, на дневной поверхности (18 объектов, 44%). Второй тип жилищ — наземные сооружения (16 построек). Обратимся к рассмотрению жилищ первого типа, поскольку планировка и конструктивные особенности наземных рассмотрены выше в разделе, посвященном почепскому домостроительству.

На позднезарубинецких поселениях обнаружены жилища с котлованами разнообразных контуров. В плане они имели прямоугольную форму (12 построек), неправильную прямоугольную форму (6 построек), квадратную (3 постройки), подквадратную, овальную и округлую (по одной постройке). Анализ формы котлованов позволяет определить региональные особенности позднезарубинецкого домостроительства. Жилища Подесенья имели более правильные контуры, чем сейминско-донецкие. На поселениях типа Почеп исследовано довольно много прямоугольных и квадратных построек (11 построек, 85%). В вос-

точной части Днепровского лесостепного Левобережья и в бассейне Северского Донца жилища с подобной формой котлованов не известны. Здесь большинство построек имело неправильную прямоугольную форму (5 построек, 45%).

К объектам интерьера позднезарубинецких жилищ следует отнести хозяйственные ямы и отопительные устройства. Полки-лежанки для домостроительства начала эры не характерны.

Хозяйственные ямы в пределах жилища устраивались очень редко. На поселениях Подесенья и востока Днепровского Левобережья – бассейна Северского Донца обнаружено по одному подобному сооружению. В полу постройки 18 селища Синьково выявлены три хозяйственные ямы. Одна яма расчищена в полу постройки 3 поселения Головино-1.

На позднезарубинецких поселениях Днепровского Левобережья и водораздела Днепра и Дона зафиксированы восемь углубленных жилищ с очагами. В шести постройках прослежены пятна прокала материкового пола (Почеп, постройка 1 в раскопе IX – два очага, Картамышево-2, постройки 5, 6, 8, Бобрава-3, постройка 1 и Шоссейное, постройка 1). Пятна прокала находились в центральной части сооружения (пять объектов) или у северо-западной стенки котлована (Картамышево-2, постройка 6).

Две постройки имели отопительные сооружения в виде глинобитного пода с основой из керамики или камней (Вовки, постройка 6 и Терновка-2, постройка 4, соответственно). Очаги были расположены в юго-восточной части помещений.

На поселении Чернечина очаги в жилищах 2 и 4 находились в углах построек на некотором возвышении. В отчете указано, что в них обнаружена зола и угли, однако точные сведения о конструкции отсутствуют.

Таким образом, большая часть жилых позднезарубинецких сооружений имела открытый очаг. При полевых работах его не всегда можно зафиксировать из-за особенностей грунта. Если открытый очаг функционирует недолго, то он оставляет слабые следы прокала пола, которые сложно обнаружить во время раскопок, тем более, что у ряда сооружений нижний горизонт заполнения представляет собой углистый слой, сформировавшийся в результате пожара постройки. Это, на наш взгляд, объясняет незначительное количество жилищ с очагами (32%).

Место входа обнаружено в шести жилищах первых веков нашей эры. В четырех постройках оно было оформлено в виде входного приямка: Почеп, землянка 2 в раскопе I и землянка 1 в раскопе IV (землянка 1 в раскопе Б); Терновка-2, постройка 4; Ездочное, постройка 1. В землянке 1 раскопа VII (землянка 1 раскопа А) поселения Почеп зафиксированы ступеньки, ведущие в котлован. Как входной приямок, так и ступеньки

обнаружены при расчистке землянки 2 в раскопе V того же памятника. Вход в жилищах обычно располагался с теплой стороны – южной и юго-восточной (в четырех постройках).

В большинстве сооружений вход не был оформлен, хотя многие постройки имели значительную глубину в материке (более 0,4 м). Скорее всего, для спуска в их котлованы использовались какие-то деревянные конструкции.

Незначительные региональные особенности отмечаются на основе анализа площади позднезарубинецких построек. По этому показателю их можно разбить на несколько групп. К малым относятся объекты площадью до 8 кв. м (1 постройка, 4%). Средние по размерам сооружения имели площадь от 8 до 22 кв. м (19 построек, 80%). Эта группа распадается на две подгруппы – средние 1 (площадь 8-16 кв. м) (10 построек, 42%) и средние 2 (16-22 кв. м) (9 построек, 32%). К разряду больших относятся жилища площадью 24-26 кв. м (4 постройки, 17%). В целом, углубленные постройки типа Почепа более крупные, хотя больших построек в этом регионе меньше.

Позднезарубинецкие жилища имели различные глубины, варьирующие в пределах от 0,2 до 1,0 м в материке. Отметим, что более 20% сооружений были углублены на 0,8-1,0 м. Значительная глубина жилых построек особенно характерна для деснинского региона. Здесь 79% построек (11 сооружений) имели глубину 0,6-1,0 м от уровня материка. Это значительно превышает глубину хозяйственных построек (0,2-0,6 м). На позднезарубинецких поселениях востока лесостепного Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца подобная зависимость отсутствует. Здесь как жилые, так и хозяйственные постройки имели примерно одинаковую глубину (0,2-0,6 м в среднем).

Конструкции стен и крыш позднезарубинецких построек были разнообразны.

Большая часть жилищ имела стены, углубленные в котлован. Рядом с котлованом вне его пределов стены проходили, видимо, лишь в одной постройке группы Картамышево (Бобрава-3, постройка 1). Стены большинства жилищ были срубной конструкции (77% сооружений деснинского региона и 68% – сейминско-донецкого). Срубная конструкция особенно отчетливо прослежена в постройке 2 поселения в устье р. Гасомы и в постройке 1 поселения Шоссейное. В этих сооружениях зафиксированы остатки плах от сгоревших стен. Гораздо реже встречаются постройки с каркасной конструкцией стен. В некоторых сооружениях, вероятно, была применена кладная техника сооружения стен – горизонтальные плахи закреплялись между бортом котлована и вертикальными стояками (поселение Приоскольское-1, жилище 1, некоторые постройки с поселения Почеп).

Одной из характерных особенностей домостроительства востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца в I тыс. н. э. является наличие в сооружении ямы от центрального опорного столба. Особенно характерен этот признак для деснинского региона (86% жилищ). На памятниках типа Картамышево-Терновки опорный столб зафиксирован в 29% жилищ.

Наличие центрального опорного столба не обязательно свидетельствует о четырехскатной крыше постройки, как предполагал П.Н. Третьяков [Третьяков, 1974, с. 60-61]. Это хорошо заметно на материалах домостроительства киевской культуры. В девяти постройках этой общности наравне с ямой от центрального опорного столба фиксировались следы столбов, поддерживающих конек сооружения. Таким образом, данные постройки имели двускатную крышу. Р.В. Терпиловский предполагает двускатную крышу и для других сооружений киевской культуры, в которых не обнаружены ямы от стояков, державших матицу. По его мнению, они могли врезаться в стены постройки [Терпиловский, 1984, с. 11-12]. Не исключено, что данные черты домостроительства киевской культуры формируются еще в позднезарубинецкое время.

Ямы от столбов, несущих коньковую балку, обнаружены в двух позднезарубинецких сооружениях. Они встречены в постройке 3 поселения Головино-1 типа Терновки и постройке 6 поселения Вовки типа Гриней. В постройке поселения Вовки при этом зафиксированы следы центрального опорного столба.

Таким образом, на основе рассмотрения отдельных признаков позднезарубинецких жилищ можно сделать вывод о наличии на территории Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца трех традиций возведения домов. В Подесенье формируется своеобразный тип жилищ, который здесь сохранился в последующее время. Это — постройки со значительно углубленным в землю котлованом прямоугольной или квадратной в плане формы, с открытым очагом, срубными стенами и центральным опорным столбом. Сооружения второй традиции (большие наземные дома) также распространены в бассейне Десны. Подобные постройки на более поздних раннеславянских поселениях не возводились. В начале нашей эры начинается становление третьей традиции домостроительства, которая характерна для востока Днепровского Левобережья и водораздела Днепра и Дона. Здесь стали распространяться углубленные постройки вытянутых пропорций, чаще всего с неглубоким котлованом и без центрального опорного столба.

Хозяйственные, производственные и культовые объекты

На позднезарубинецких поселениях исследованы 24 хозяйственные и производственные постройки. Они сильно отличаются от жилищ.

Большинство котлованов хозяйственных построек начала нашей эры имели подпрямоугольную (10 сооружений, 45%) и прямоугольную (5 сооружений, 23%) форму. Меньше известно подквадратных сооружений (3 постройки, 14%) и объектов со сложными и овальными очертаниями (по 2 постройки, 18%). Таким образом, хозяйственные позднезарубинецкие постройки отличаются от жилищ неправильными контурами котлованов. Это особенно характерно для деснинского региона, где преимущественно возводились жилища прямоугольной и квадратной формы.

Зачастую внутри хозяйственных построек были ямы различного назначения. Эта традиция характерна как для деснинского региона (четыре постройки из девяти, 44,5%), так и для сейминско-донецкого (также четыре постройки из девяти, 44,5%). Обычно в пределах постройки находилась одна яма (Железное, постройка 5; Почеп, постройка 17 в раскопе VIII; Терновка-2, «яма 16» и постройка 6; Головино-1, постройка 1 в раскопе 1). Иногда фиксируются три ямы; постройка 1 поселения Терновка-2; возможно, в постройке 18 раскопа 9 поселения Почеп). Две хозяйственные ямы обнаружены в «яме 11» поселения Березовка-2 (Украина, Сумская обл.), которое А.М. Обломский относит к кругу памятников типа Лютеж.

По сравнению с жилищами, хозяйственные сооружения, как правило, имели меньшую площадь. По этому признаку среди них можно выделить несколько групп. К ним относятся группа «малых» построек площадью до 10 кв. м (13 построек, 59%), «средних 1» — (12-18 кв. м) (6 сооружений, 27%), «больших 1» (24-26 кв. м) (2 постройки, 9%) и «больших 2» (30-32 кв. м) (1 постройка, 5%). Таким образом, большинство хозяйственных построек имело малую площадь. Меньше сооружений группы «средних», больших объектов совсем мало.

Анализируя региональные отличия, отметим, что по площади деснинские постройки существенно отличаются от распространенных на территории востока Днепровского Левобережья и водораздела Днепра и Дона. Последние имеют незначительные размеры. Площадь более 70% сооружений — до 10 кв. м., больших построек не обнаружено. В то же время, в Подесенье сооружения зачастую имеют большую площадь. Малых построек здесь — всего половина, известны две постройки, которые относятся к группе «больших».

Большинство позднезарубинецких хозяйственных построек были углублены в грунт на 0,2-0,6 м (15 построек, 71%). На основе признака

глубины фиксируются определенные региональные отличия позднезарубинецкого хозяйственного строительства. Постройки территории Подесенья имели несколько меньшую глубину, чем на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца.

Хозяйственные сооружения, видимо, имели наземные стены. Для некоторых позднезарубинецких построек Днепровского Левобережья определена конструкция стен. Преимущественно, это сруб (70%), более редки каркасные сооружения (30%). По этому показателю хозяйственные постройки практически не отличаются от жилых.

Конструкция крыши хозяйственных сооружений, по-видимому, была такой же, как и у жилищ. В 33% хозяйственных построек Подесенья зафиксированы следы центрального опорного столба. На поселениях типа Картамышево – Терновка построек с центральным столбом всего 10%.

Среди позднезарубинецких хозяйственных построек выделяются сооружения с очагами. Так, на дне «ямы б» поселения Приоскольское-1 обнаружено значительное пятно обожженности. Близкой к данному объекту является постройка 17 из раскопа 7 поселения Почеп. Подобные сооружения можно реконструировать как овины.

Очажная яма зафиксирована в «яме 11» поселения Березовка-2. Кроме хозяйственных и производственных построек, на поселениях начала нашей эры обнаружено большое количество хозяйственных ям. Они разнообразны по форме и объему. Заметим лишь, что на поселении Оболонь в Киеве практически все из 918 хозяйственных ям относились к I в. до н.э. и первым векам н.э. Им соответствовало 61 жилище.

На территории деснинского региона распространения позднезарубинецких древностей обнаружено несколько построек, которые авторы раскопок отнесли к группе культовых. Это сохранившаяся частично постройка 2 поселения Белокаменка, постройка А поселения Спартак и постройка 2 в раскопе II поселения Почеп [Амброз, 1955; Третьяков, 1959а; Заверняев, 1969, с. 104]. Данные сооружения имели нехарактерную для Подесенья округлую (постройка поселения Белокаменка – предпо-

ложительно двенадцатиугольную) в плане форму значительного диаметра (5-5,5 м). В постройках 2 поселения Белокаменка и 2 раскопа II Почеп зафиксированы следы центральных опорных столбов. А.К. Амброз реконструировал постройку Белокаменки как сооружение, перекрытое конической крышей. Она опиралась на столбы, расположенные вне котлована (Амброз, 1955). В центре пола постройки поселения Почеп прослежены остатки очага – черная углистая масса толщиной около 0,15 м и диаметром 1 м. Прокал участка материкового пола обнаружен и в постройке А поселения Спартак. Он зафиксирован возле северо-западной стенки сооружения [Третьяков, 1959а].

* * *

Как показал приведенный выше обзор, приемы домостроительства позднезарубинецкого периода были весьма разнообразны, что, в целом, соответствует общей «неустойчивости» признаков древностей этого переходного в культурно-типологическом отношении горизонта. Тем не менее, отчетливо видно преобладание сравнительно небольших полуземлянок с открытыми очагами и стенами преимущественно срубной конструкции. Традиция возведения этих жилищ восходит к классической зарубинецкой культуре, но широкое распространение такие сооружения получают в первые века н.э. Именно этот тип жилых построек впоследствии становится господствующим на памятниках киевской археологической общности и на поселениях раннесредневековых славянских культур «восточной линии развития» на территории лесостепи и на юге лесной зоны (пеньковской и колочинской). Характерные для среднеднепровского зарубинецкого населения постройки с каркасно-глинобитными стенами, хотя и продолжают возводиться в первые века н.э., но в дальнейшем в раннеславянской среде развития не получают. То же самое можно сказать о восходящих к юхновской культуре почепских длинных домах. В позднеримское время в Подесенья они не известны и исчезают на финале памятников почепского типа.

Таблица 1. Топография позднезарубинецких поселений.

ПОСЕЛЕНИЕ	БЕРЕГ РЕКИ		ВЫСОТА в метрах	ДЛИНА в метрах	ШИРИНА в метрах	ПЛОЩАДЬ в кв. метрах	ТОПОГРАФИЯ		
	левый	правый					возвышение в пойме	терраса	коренной берег

ПОСЕЛЕНИЯ ТИПА МАРЬЯНОВКИ

Марьяновка	1			500	100	50000		1	1	
Носовцы									1	
Рахны		1		400	250	100000			1	
Сокольцы	1			600	100	60000			1	
Щуривцы	1			400	100	40000			1	
Париевка		1		500	300	150000			1	
Пархомовка	1			400	150	60000		1		
Ометинцы		1		800	200	160000			1	

ПОСЕЛЕНИЯ ТИПА КАРТАМЫШЕВО-2

Осиповка-Пляж	1		1,5-2	300			1			
Осиповка-Лиман	1		4							
Чернечина	1		1,5-2,5	150-200			1			
Большие Будки-4	1		1-2,5	360	60-70	23400	1			
Песчаное	1		6-10	400	50-80	26000		1		
Бельск	1		7-13	400	70-130	40000			1	
Солдатское-5	1							1		

ПОСЕЛЕНИЯ ТИПА ТЕРНОВКИ-2

Новодоновка-1	1		6				1			
Колесники		1				1400		1		
Тимченки-2		1		100	80	8000		1		
Родной Край-1		1	2-3	250	110	27500	1			

ПАМЯТНИКИ ТИПА ЛЮТЕЖ

Борщив							1			
Гостролучье	1			800	150	120000	1			
Селище	1			150	100	15000		1		
Коржи-Панский Кут	1						1			
Коржи-Рябцы				200	150	30000	1			
Лютеж		1	2,5	200	75-80	15500	1			

Таблица 1. Топография позднезарубинецких поселений (продолжение).

ПОСЕЛЕНИЕ	БЕРЕГ РЕКИ		ВЫСОТА в метрах	ДЛИНА в метрах	ШИРИНА в метрах	ПЛОЩАДЬ в кв. метрах	ТОПОГРАФИЯ			
	левый	правый					возвышение в пойме	терраса	коренной берег	нет данных
Оболонь (Луг-4)		1		400-500	200	90000	1			
Крюковщина		1						1		
Таценки	1	1						1		
Таценки-1	1							1		
Леськи-3		1					1			
Переяслав-Лагери			1,5-2	200	70	14000	1			
Цыбли-Билэ озеро 1			2-3						1	
Тетеревка	1		2-3				1			
Мартыновичи	1		4-5				1			
Новые Безрадичи - Митьков Кут			3-4					1		
Пасечное		1						1		
Березовка-2	1		0,5-1,5	170	40-60	8500		1		
Чубовка-4							1			

ПОСЕЛЕНИЯ ТИПА ГРИНИ

Обухов-13	1							1		
Грини-1	1		4-5	60	30	1800		1		
Вовки		1	2,5-7	300	50-100	22500			1	
Решетки	1							1		
Змеевка		1	3-4	200	80	16000		1		
Грини-2	1		1,5					1		
Раковка-1	1			135	40	5400	1			
Рябовка-3		1	1-5,5	400	40-60	20000		1		
Шестовица										

ПОСЕЛЕНИЯ ТИПА ПОЧЕП

Колодезный Бугор	1		4	130	40-60	6500	1			
Чулатово		1	10-14	350	320	112000			1	
Киселевка-3	1		2	50	30	1500		1		

ТРУДНООПРЕДЕЛИМЫЕ

Прудец-2		1				20000		1		
Седнев-4		1	6-8	370	120	44000				1

Таблица 1. Топография позднезарубинецких поселений (продолжение).

ПОСЕЛЕНИЕ	БЕРЕГ РЕКИ		ВЫСОТА в метрах	ДЛИНА в метрах	ШИРИНА в метрах	ПЛОЩАДЬ в кв. метрах	ТОПОГРАФИЯ			
	левый	правый					возвышение в пойме	терраса	коренной берег	нет данных
Миронова Гора-1			1-3			38000	1			
Законотопщина-5			0,5-1,5			15000	1			
Чапаевка - Вита-Литовская		1	4				1			
Никольская Слободка	1						1			
Вишенки- Мынычево	1						1			
Хижки-1	1		1-2	280	220	62000		1		
Хижки-6	1		2	300	50	15000		1		
Курманы-1	1		2,5-3,5					1		
Вегеровка-1	1		1-2	100	80	8000		1		
Шевченково-2		1	2	150	80	12000		1		
Скуносово (Калиновка) - 2	1		2-3	250	60	15000		1		
Ховзовка		1						1		
Бухаловка			15-17	110	25-55	4400		1		
Саранчевка		1	1-1,5	180	60	10800		1		
Прилипка		1	1,5-2	90	50	4500		1		
Березняки	1		3,5-7	125			1			
Засулье	1		6			5000		1		
Ливенское (Кумина балка)		1	4-5			65000		1		
Писаревка		1		100	80	8000		1		
Побиванка	1	1	1,5-3,5					1		
Клюшники-2	1		1,5-2			75000		1		
Коваливка	1						1			
Марки-1	1		1-8	500	300	150000	1			
Трибы	1		0,8-1,2				1			
Домограев-2		1	1-3			10000	1			
Кошовка-2		1								1
Смычин-2		1	1,5-2			18000		1		
Буда										1
Величковка	1		4-6	120	100	12000		1		
Шовкуны-1	1			150	30	4500				1

Таблица 1. Топография позднезарубинецких поселений (окончание).

ПОСЕЛЕНИЕ	БЕРЕГ РЕКИ		ВЫСОТА в метрах	ДЛИНА в метрах	ШИРИНА в метрах	ПЛОЩАДЬ в кв. метрах	ТОПОГРАФИЯ			
	левый	правый					возвышение в пойме	терраса	коренной берег	нет данных
Ловинь-3				40	30	1200	1			
Зруб-2				300	75	22500	1			
Зруб-3				125	100	12500	1			
Песчанка-1		1		350	60-100	28000		1		
Суничное-2		1				10000		1		
Волчков-Большой Баличин				200	100	20000	1			
Пристромы- Товарячий гай							1			
Хоцьки- Комаривський хутор	1		2-4					1		
Цыбли - Пидпоринцы	1		1,5-3,5							

Таблица 2. Позднесарубинские постройки на поселениях Левобережной Украины

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Киселевка-3 (тип Почеп)												
в р. 1	сложная	земляной	3 ямы	нет		нет	0,1-0,25	5 x 5,6	углубл.	каркас	да	хоз.
2	сложная	земляной	3 ямы	?		нет	0,1-0,25	5,2 x 6	наземное	каркас	да	хоз.
Вовки (тип Грини)												
6	прямоуг.	земляной	нет	глинобит.	Ю-В угол	нет	0,3	2,6 x 3,4	углубл.	сруб	да	жил.
Раковка (тип Грини)												
1	подпрямоуг	глинобит.	9 ям	очаг в яме	?	?	0,05	4,2 x 6,25	наземное	?	нет	хоз.
Березовка-2 (тип Лютеж)												
2	подпрямоуг	земляной	нет	очаг в яме	центр	есть	0,34-0,46	2,3-3,1 x 3,2	?	сруб	нет	?
4	прямоуг	земляной	нет	?			0,13-0,15	3,4 x 4,0-4,2	углубл.	сруб	нет	?
5	?	земляной	?	очаг в яме	?	есть	0,75-0,8	?	?	?	?	?
«Яма 11»	подпрямоуг	земляной	2 ямы	очаг в яме	центр	есть	0,16-0,28	1,5-2,0 x 4,02	наземное	?	нет	хоз.
Чернечина (тип Картамышево)												
2	прямоуг.	земляной	лежанка	?	С угол	нет	?	3,2 x 4,0	углубл.	каркас	нет	жил.
4	прямоуг.	земляной	лежанка	?	В угол	нет	0,6	3,7 x 5,1	?	?	нет	жил.
В.Будки (Хутор) (тип Картамышево)												
7	подквадр.	земляной	нет?	нет			0,1-0,2	5,4 x 5,8	?	?	нет	?
Колесники (тип Терновка)												
2, р. 4	подпрямоуг.	земляной	нет	из камня	?	нет	?	3,2-3,5 x 4,5	?	?	нет	?

Рубрикация таблицы: 1 — номер постройки; 2 — форма котлована в плане; 3 — характеристика структуры пола; 4 — количество ям и лежанок, связанных с конструкцией постройки; 5 — очаг; 6 — расположение очага; 7 — наличие предочажной ямы; 8 — глубина от уровня материка (в м); 9 — размеры; 10 — расположение стен; 11 — конструкция стен; 12 — наличие ямы от центрального столба; 13 — функция.

Таблица 3. Позднестаробульничские постройки на поселениях Среднего Поднепровья и бассейна Южного Буга.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Крыковщина Вовки (тип Грини)												
1	овал	земляной	нет	нет	нет	нет	0,6	1,16 x 2,6	углубл	?	нет	хоз.
Дуг IV (Оболонь)												
1	прямоуг подпря- моуг	земляной	нет	Печь? Глинобит очаг	С - з угол	нет	0,55	4,1 x 3,9	углубл	сруб	нет	жил
3	-	земляной	2 ямы?	-	С - з угол	нет	0,4	4,9 x 3,5	углубл	сруб	нет	жил
5	-	земляной	-	-	-	-	0,3	? x 2,6	углубл	сруб	нет	жил
21	прямоуг	земляной	нет	очаг в яме	С - в угол	нет	0,4	4,46 x 3,9	углубл	сруб	нет	жил
32	прямоуг	земляной	3 ямы столб	нет	-	нет	0,7	4,1 x 3,6	углубл	сруб?	нет	жил
40	прямоуг	земляной	11 ям столб	Глинобит очаг	Ю - в угол	нет	0,4	5,85 x 3,1	углубл	Каркасно- плетневая?	нет	жил
42	прямоуг	земляной	8 ям столб	Глинобит очаг	У сев стенки	нет	0,2	4,5 x 2,5	назем	Каркасно- плетневая?	есть	жил
47	подквадр	земляной	нет	очаг в яме	Ю - з части	нет	0,55	4,7 x 4,5	углубл	сруб	нет	жил
51	прямоуг	земляной	нет	очаг в яме	С - в части	нет	0,5	4,9 x 3,8	углубл	сруб	нет	жил
60	прямоуг	земляной	нет	Глинобит очаг	С - з части	нет	0,35	4,0 x 3,7	углубл	сруб	нет	жил
61	прямоуг	земляной	нет	очаг в яме	Ю - в угол	нет	0,45	4,3 x 3,4	углубл	сруб	нет	жил
62	прямоуг	земляной	нет	Керам- камен- ный вым	С - в части	нет	0,45	4,6 x 3,6	углубл	сруб	нет	жил
64	прямоуг	земляной	нет	нет	-	нет	0,45	4,7 x 3,4	углубл	сруб	нет	жил

Рубрикация таблицы: 1 – номер постройки; 2 – форма котлована в плане; 3 – характеристика структуры пола; 4 – количество ям и лежанок, связанных с конструкцией постройки; 5 – очаг; 6 – расположение очага; 7 – наличие предочажной ямы; 8 – глубина от уровня материка (в м); 9 – размеры; 10 – расположение стен; 11 – конструкция стен; 12 – наличие ямы от центрального столба; 13 – функция.

Таблица 3. Позднезарубицкие постройки на поселениях Среднего Поднепровья и бассейна Южного Буга (окончание).

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Лютеж												
1	прямоуг	земляной	нет	Очажное пятно	Ю - в угол	нет	0,2	4,0 x 3,8	углубл	сруб	нет	жил
2	прямоуг	земляной	4 ямы столб	очаг в яме	центр	нет	0,2	3,2 x 2,2	углубл	сруб?	нет	жил
3	прямоуг	земляной	нет	Очажное пятно	С угол	нет	0,12	3,8 x 3,6	назем	сруб	нет	жил
Рахны												
1	подпря- моуг?	земляной	нет	печь или очаг?	?	нет	0,7	3 x 3,5 м?	углубл	сруб?	нет	жил
2	Подпря- моуг?	земляной	нет	нет	-	нет	0,3	4 x 3?	наземное	Сруб? Кар- касноплет?	нет	жил
3	Квадрат?	земляной	нет	печь или очаг?	?	нет	0,3?	4 x 4?	наземное	Сруб? Кар- касноплет?	нет	жил
4	?	земляной	нет	Печь?	?	нет	?	?	наземное?	?	нет	жил
2	подпря- моугол	земляной	нет	Печь?	Ю - в стенка	нет	0,3-0,4	4,0 x 3,45 x 3,3	углубл	сруб	нет	жил
?	Квадрат?	земляной	нет	нет	-	нет	0,2-0,3?	4 x 4	углубл?	сруб	нет	хоз
Париевка												
1	прямоуг	земляной	3 ямы	нет	-	нет	-	8 x 3,5~4	наземное	Сруб? Каркас- о-плет?	нет	жил
2	прямоуг	земляной	нет	нет	-	нет	До 0,5	3,3 x 2,8	углубл	сруб	нет	жил
Пархомовка												
1	прямоуг	земляной	яма	Глинобит очаг	центр	нет	До 0,3	7,7 x 4,4	углубл	Сруб? Кар- касноплет?	нет	жил
2	трапещи- вид	земляной	нет	нет	-	нет	0,4	4,8 x 5,0 x 4,0 x 3,9	углубл	сруб	нет	жил?
2	?	земляной	нет	Под печи	?	нет	0,4 от с.п.	?	наземное	сруб?	нет	жил?

Рубрикация таблицы: 1 – номер постройки; 2 – форма коглована в плане; 3 – характеристика структуры пола; 4 – количество ям и лежанок, связанных с конструкцией постройки; 5 – очаг; 6 – расположение очага; 7 – наличие предочажной ямы; 8 – глубина от уровня материка (в м); 9 – размеры; 10 – расположение стен; 11 – конструкция стен; 12 – наличие ямы от центрального столба; 13 – функция.

ГЛАВА 7.

У истоков славянства (Вместо заключения)

(О.В. Арион, Ю.В. Башкатов,
А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский)

Сложная судьба славянских народов, их заметный вклад в формирование этнополитического облика современной Европы вполне объясняют интерес к жизни древних славян, протекавшей до VI в. вне поля зрения письменной истории. Проблема происхождения славян принадлежит к числу «вечных» вопросов науки. Процессы, приведшие к появлению одного из крупнейших этносов Европы на исторической арене, все еще недостаточно изучены. Основными причинами такого положения являются сложность самих этногенетических процессов и отсутствие надежных письменных свидетельств о глубинных областях Восточной Европы, где находилась прародина славян до начала их широкого расселения.

Свидетельства древних авторов о славянах крайне скудны и отрывочны. Однако, в отличие от данных других дисциплин, они обладают этнической, а также временной и пространственной определенностью. Необходимо отметить, что в последние годы наметился более строгий подход, переходящий местами в скептицизм, к оценке этих сведений, поколебавший ряд устоявшихся со времен П. Шафарика и Л. Нидерле представлений. Как известно, историк готлов Иордан (VI в.) утверждал, что венеты, *«производя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и склавинов»* [Iord. Get., 119]. Исходя из этого утверждения, многие слависты обычно привлекают в качестве основного источника по древней истории славян сведения, которые сообщают о неких венедах/венетах три автора I-II вв. — Плиний Старший, Тацит и Птолемей. Сведения эти нередко рассматривались суммарно, так как считалось, что все они относятся примерно к одному и тому же периоду. Однако внимательный анализ источников дает более сложную картину, на что

обратил внимание Д.А. Мачинский [1976, с. 83-91]. Из текста Иордана следует, что, говоря о «едином корне» венетов, антов и склавинов VI в., он имел в виду вовсе не венедов, упомянутых авторами I-II вв., а тех венетов, с которыми воевал в IV в. король готлов Германарих. Именно это сообщение о венедах-славянах времен Германариха [Iord. Get., 28, 117-119], и является древнейшим, достаточно достоверным, письменно зафиксированным фактом славянской истории.

Что же касается венедов/венетов Плиния, Тацита и Птолемея, то, как известно, этот этноним встречается еще до рубежа н.э. для обозначения заведомо неславянских племен в Британии и на северном побережье Адриатики. В качестве топонима корень «вент» или «венд» отмечается начиная с римского времени во многих местах Европы. Кроме того, сведения Плиния, Тацита и Птолемея о венедах/венетах нельзя рассматривать как нечто единое. Кроме современных им сведений, Плиний и Птолемей широко использовали в своих описаниях данные античной географической традиции. Наименее заметно влияние этой традиции в труде Тацита, отражающем реальность I в. н.э. и дающем развернутую, внутренне последовательную и логичную этническую карту варварской Европы. Венеты при этом обрисованы как крупный этнос, занимающий лежащую вдали от морей область к востоку от лугов, готлов и эстиев, к северу от бастарнов и сарматов, к югу от финнов [Tac. Germ., 46]. Территория обитания этих венетов и их характеристика не исключают сопоставления этой группы с основным массивом древнего славянства. При этом существенно, что Тацит, описывая венетов, в отличие от других случаев не указывает к какому из «варварских» языков близка их речь. Этого бы не произошло, если

бы венеты говорили на германском или иллирийском языке, но очень вероятно, если они были славяноязычными, то есть говорили на языке, не известном римлянам.

Анализ сведений Тацита приводит Д.А. Мачинского к ряду важных выводов. Основные данные по этногеографии глубинных областей Восточной Европы (в том числе сведения о венетах) были получены римлянами между 50-ми гг. и 98 г. н.э., то есть относятся ко второй половине I в. н.э. Опираясь на общее расположение различных племен, можно очертить территорию венетов следующим образом: от среднего течения Западного Буга на западе, далее к востоку — по верховьям Южного Буга и несколько севернее Роси. Восточная граница венетского ареала по данным письменных источников не фиксируется. Характерно, что согласно сообщению Тацита, жизнь венетов была нестабильной. Они находятся в постоянном передвижении, выступая как воинственные завоеватели («ради грабежа рыщут»). Область, занимаемая венетами, находится в северной части зоны «обоюдного страха», отделяющей Германию Тацита от Сарматии. Венеты, с одной стороны, вероятно, подвергались набегам сарматов, с другой — сами выступали как активная воинственная сила. Тацит подходит к описанию венетов, двигаясь с запада на восток, поэтому сведения, очевидно, в основном относятся к западной части венетской территории: к Западной Вольни и Подолии. Создается впечатление, что эти области во второй половине I в. н.э. были еще не вполне освоены венетами. Их коренная территория, очевидно, лежит к северу или востоку от верховий Припяти и Днестра [Мачинский, 1976, с. 87-91].

Анализ последующих письменных источников позволяет предположить, что зафиксированная Тацитом этническая карта в основных чертах оставалась неизменной до середины II в. и вплоть до этого времени венеты в основном обитали на той территории, где их отмечает Тацит в «Германии». В этой связи обратим внимание на этноним «ставаны», содержащийся в труде Клавдия Птолемея (160-е гг.) и локализуемый между судинами Прибалтики и степняками-аланами. Территория ставанов, входивших в «великий народ венетов», таким образом, размещалась где-то в Среднем Поднепровье [Lowmiański, 1963, s. 175-179]. По общему мнению, сообщение Птолемея восходит к описанию торгового пути, составленному купцами, торговавшими с Восточной Европой в I — начале II в. Ряд исследователей вслед за П. Шафариком склонны усматривать в имени ставанов искаженное самоназвание славян.

На карте, восходящей к оригиналу, созданному в римское время и, очевидно, отражающему реальность III в. («Певтингеровы таблицы»), венеты в первый и единственный раз отмечены в

Подунавье. Естественнее всего связать их появление здесь с движением на юго-запад каких-то групп венетов Тацита, так как во второй половине II в. наблюдается значительное движение северных варваров в направлении Подунавья. Очевидно, численность венетов Певтингеровой карты была незначительной, поскольку их участие в событиях II-IV вв. не отмечено.

Остановимся теперь на упомянутом выше древнейшем достоверном свидетельстве о славянах-венетах у Иордана. Описывая эпоху расцвета остроготского союза племен, историк рассказывает о войне Германариха с венетами — предками хорошо известных Иордану склавинов, венетов и антов VI в. Из текста [Iord. Get., 119] следует, что венеты жили в непосредственном соседстве с областью, где доминировали готы, хотя и не были им подчинены до войны с Германарихом; что они обитали между готами и эстами (эстиями Тацита?) — одним из балтских племен; что по характеру вооружения и типу военной организации они принадлежали к иной социо-культурной группе, чем германцы; что они были весьма многочисленны. Не вполне, правда, ясно когда происходила война, в которой венеты потерпели поражение — обычно ее датируют в диапазоне от рубежа III/IV вв. до 50-70-х гг. IV в. [Шукин, 1980, с. 404; Мачинский, 1976, с. 95]. Территория, подчиненная остроготам, охватывала по данным ряда источников (Аммиан Марцеллин, Иордан и др.), степные области Северного Причерноморья и большую часть лесостепной зоны между Днестром и Днестром, а также, возможно, в Днепро-Днестровском Левобережье. Где-то к северу и северо-востоку от этого ареала обитали балтские (колдас, голтаскифа?) и финно-угорские племена (меренс, морденс). Восточнее готы жили аланы, юго-восточнее, у Азовского моря — герулы. К западу от них, за Днестром, обитали везиготы, на Западной Вольни готы сталкивались с гепидами и другими германскими племенами Повисленья. Таким образом, единственным местом для обитания славян-венетов как самостоятельной и своеобразной этнической группы, остается Припятское Полесье с некоторыми примыкающими областями [Мачинский, 1976, с. 96], или, на наш взгляд, вся южная часть лесной зоны Поднепровья вплоть до водораздела Днестра и Верхнего Подонья.

Другой эпизод сочинения Иордана, связанный с историей славян IV-V вв., касается войны потомка Германариха — Винитария с антами [Iord. Get., 247-248]. Напомним, что Иордану и другим авторам VI в. были достаточно хорошо известны современные славянские группировки, с которыми Византия постоянно враждовала. В частности, Иорданом даны вполне конкретные географические привязки, позволяющие их локализовать в период экспансии на Балканы. В соответствии с ними выходит, что анты жили между Днестром и

Днепром; склавины — к востоку от Карпат, от Нижнего Дуная до Днестра, а на севере — до верховьев Вислы [Iord. Get., 34, 35]. Местоположения венетов (в «узком» значении этого термина) Иордан не указывает. Отметим, что кроме Иордана, написавшего свой труд на основе сочинения Кассиодора, другие современники, в том числе Прокопий, впервые давший славянам развернутую характеристику [Procop. Bell. Got., IV, 21-30], венетов не упоминают. Для локализации славянских группировок важно также сообщение Прокопия о движении с Дуная части герулов, разбитых в войне с лангобардами, через «поочередно все племена склавинов» и «обширную пустынную землю» в сторону варнов и данов [Procop. Bell. Got., VI, 15]. Событие это М. Парчевский относит к 512 г. и, сопоставляя эти сведения с ареалами склавинов по Иордану, приходит к выводу о запусчении в начале VI в. земель, лежащих к западу от верховий Вислы [Parczewski, 1998].

Важно также отметить, что по мнению А.Н. Анфертьева, использованные Иорданом данные о расселении славянских племен были получены Кассиодором в течение первого десятилетия VI в. и, следовательно, отражают ситуацию рубежа V/VI вв. [Анфертьев, 1991, с. 134-135].

Прокопий указывает несколько более широкие географические рамки обитания антов — от Нижнего Подунавья до Подонья [Procop. Bell. Got., VIII, 4]. Трудно, однако, определить ареал антов, о которых идет речь в связи с событиями, имевшими место вскоре после нашествия гуннов в 375 г. Мало того, другие авторы, описывая этот период, антов не упоминают. На наш взгляд, не исключено, что Иордан перенес имя хорошо известных ему антов VI в. на реальность более раннего времени. Об этом, в частности, может свидетельствовать имя предводителя готов Винитария, которое может быть интерпретировано как «победитель венетов» [Трубачев, 1991, с. 89]. Таким образом, вполне вероятно, что Боз и 70 старейшин, распятых готами, принадлежали к тому единому народу венетов, которые в этот период или вскоре после описанных событий разделились на венетов, антов и склавинов. При этом территория обитания «антов Боза» остается достаточно неопределенной. Очевидно, она находилась где-то в пределах очерченных выше ареалов венетов IV в. и антов VI в. М.М. Казанский, например, предполагает, что королевство Винитария находилось на территории Днепровского Левобережья [Казанский, 1997].

Остановимся вкратце на вышеперечисленных этнонимах, используемых древними авторами для описания славян. Среди лингвистов распространено мнение, согласно которому название «венеды/венеты» при обозначении славян как этнического целого употреблялось лишь соседями-неславянами. Предполагается, что первоначально этот

термин обозначал другой народ на северо-восточных германских рубежах — древних индоевропейских венетов и лишь вторично был перенесен германцами на славян, занявших частично их место [Иванов, Топоров, 1980, с. 20-23; Трубачев, 1991, с. 89].

Термин «анты», напротив, служил для обозначения славян в языках ираноязычных этносов, располагавшихся к юго-востоку от Славии. Впервые он встречается у авторов I в. н.э. Помпония Мелы и Плиния в перечне народов, населяющих Кавказ. Очевидно, и это название было перенесено позднее на соседнее славянское население. Таким образом, этнонимы венеды/венеты и анты вряд ли являются самоназваниями и скорее всего были даны различным общностям славян их соседями — германцами или балтами и скифо-сарматами.

Совершенно иначе обстоит дело с терминами типа «склавины», «стлавины», «склавы», которые в византийской традиции с начала VI в. служили для обозначения одной из крупнейших славянских групп. Как известно, для греческого языка сочетание «сл» было неудобопроизносимым, поэтому при передаче названий с корнем «слов-» или «слав-» обычно использовалась вставка «к» или «т». В этом случае, безусловно, имеет место передача самоназвания, близкого к современному «славяне». Именно упоминание Иорданом и Прокопием в одном ряду со склавинами антов и венетов не оставляет сомнений в том, что речь идет именно о славянских племенах, этнографическое и языковое родство которых для соседей было очевидно.

Считается, что самоназвание «славяне» не было изначальным и на ранних этапах истории этнонима могло сопровождаться частичным изменением фонетики слова, фиксирующем перемены семантических мотивировок и ассоциаций. Наиболее раннее наименование славян могло быть связано с древнеиндоевропейским корнем *suobh-*, для которого реконструируется значение «свобода», «человек, принадлежащий своему народу» (оппозиция «свой» — «чужие»). «Своих» объединяло в первую очередь взаимопонимание речи, откуда идет более поздняя этимология имени — от «слыть, слову/слыву», в значении «быть понятным», то есть славяне — люди слова — своего языка [Иванов, Топоров, 1980, с. 14-18; Трубачев, 1991, с. 90]. В целом, сам принцип обозначения самоназвания от слова «свой» достаточно широко известен в разных традициях, в частности, в Центральной и Западной Европе. По другой версии «-л-» в этниконе славян было исконным корневым и форма типа «словены, слованы» была изначальной.

Значительное место в изучении славянского этогенеза принадлежит языкознанию, так как развитие языка неразрывно связано с историей народа — его носителя. Языковеды много сделали

для реконструкции праславянского языка, успешно решен вопрос об отношении славянского к другим индоевропейским языкам. В этой связи был предпринят ряд попыток локализации «славянской прародины» на основе интенсивности языковых контактов славян с другими индоевропейскими народами, распространения славянской топонимики и др. Вместе с тем, языковым данным очень часто не хватает пространственной, хронологической и конкретно-исторической определенности. Можно согласиться с В.В. Седовым [1994, с. 72], считающим, что насущной необходимостью современной науки является привлечение на помощь лингвистике данных археологии и других дисциплин, способных осветить неясные стороны славянского этногенеза.

В славянском языкознании существует множество различных, часто диаметрально противоположных концепций. Так как анализ обширнейшей лингвистической литературы не входит в наши задачи, остановимся лишь на некоторых из них.

Обычно глоттогенез рассматривает процессы, происходившие задолго и на других территориях, чем те, где застала славян письменная история. Так, О.Н. Трубачев [1991] реконструирует ряд географических перемещений носителей праславянского языка и их связи с различными индоевропейскими группами III тыс. до н.э. В этом случае, очевидно, весьма условно можно говорить о славянах, скорее речь должна идти об их отдаленных языковых предках.

Наиболее активные языковые контакты славян прослеживаются с балтами, в меньшей мере они фиксируются с германцами и иранцами, еще слабее с фракийцами и кельтами. Типологическая близость балтских и славянских языков исключительно велика. Такой степени сходства не наблюдается между другими языками индоевропейской семьи, что дает некоторое основание говорить о периоде балто-славянской общности. Однако понимают и трактуют эту общность лингвисты по-разному: как свидетельство существования балто-славянского праязыка; как независимое развитие близких балтских и славянских диалектов; как вторичное сближение балтского и славянского и др. Так, О.Н. Трубачев считает, что балто-славянское сближение началось только в раннем железном веке, то есть в последних веках до н.э. [Трубачев, 1991, с. 29]. В любом случае, рассматривая историю славян в первой половине I тыс. н.э., нельзя не учитывать существования в это время самых тесных контактов между славянами и балтами.

Напомним, что термин «балты» является чисто кабинетным и отражает довольно сложное, динамичное и трудноуловимое языковое состояние. Балтский язык — это древнейшее, дошедшее до нас в живой речи, состояние индоевропейских

языков и предок конкретных языков современных литовцев и латышей (а также исчезнувших племен — ятвягов, пруссов, судавов и галиндов); и, как считает ряд языковедов, предок славянского языка, модель которого является результатом «преобразования модели, установленной для древнейшего балтского состояния» [Иванов, Топоров, 1961, с. 303]. Гипотеза, согласно которой общеславянский праязык сложился на основе периферийных балтских диалектов, получила широкое распространение [Иванов, Топоров, 1961, с. 218; Лер-Сплавинский, 1964, с. 136; Хабургаев, 1980, с. 45-51 и др.]. При этом особого внимания заслуживают западнобалтские диалекты, принадлежавшие пруссам, ятвягам, голяди и совмещающие как восточнобалтские особенности, так и черты реконструированной праславянской языковой системы. «Нет сомнения в том, что балто-славянская общность охватывала прежде всего праславянский, прусский и ятвяжский языки» [Бернштейн, 1961, с. 34].

Подавляющее большинство специалистов считает, что праславянский язык принадлежит, несомненно, к числу относительно молодых. Так как славянские языки характеризуются значительным единообразием, это дает возможность довольно точно представить облик праславянского языка в доисторическую эпоху, слабо дифференцированную в диалектном отношении. Очевидно, эта эпоха удалена очень недалеко от времени создания древнерусских летописей рубежа I/II тыс. н.э., поэтому конец праславянского или балто-славянского состояния должен быть отнесен к весьма позднему времени [Иванов, Топоров, 1961, с. 30]. Очевидно, праславянская языковая общность существовала еще около середины I тыс. н.э. («бессуффиксные» славянские этнонимы, известные в VII в., отражают ее существование накануне распада), а ее начало, то есть выделение из балто-славянской общности праславянского как самостоятельного индоевропейского языка следует искать в первой половине I тыс. н.э. [Лебедев, 1982, с. 47].

По мнению других исследователей, этот процесс охватывал несколько больший период. Так, Ф.П. Филин [1962, с. 99-100] относит развитие праславянского языка к I тыс. до н.э. — VII в. н.э., причем средний этап датируется от конца I тыс. до н.э. до III-V вв. н.э. В этот период происходят серьезные изменения в фонетике (палатализация согласных, устранение некоторых дифтонгов, изменение в сочетании согласных, отпадение гласных в конце слова). Одновременно развивается диалектная дифференциация славянского языка, что приводит к возникновению на позднем этапе, в V-VII вв., условий для зарождения отдельных языковых групп.

Поиски прародины славян тесно связаны с исследованиями восточноевропейской гидрони-

мии. Усилиями нескольких поколений лингвистов (К. Буга, М. Фасмер, Х. Крае, В.П. Шмид, В.И. Абаев, В.П. Петров, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев и др.) создана карта географических названий Восточной Европы различных этноязыковых групп и периодов. Особенное значение имеет анализ взаиморасположения древнеевропейских, балтских и архаичных славянских гидронимов. Балтские и славянские названия входят в древнеевропейский гидронимический ареал, образуя там единое пространство с широкой переходной зоной.

В пределах южной части лесной и лесостепной зон Восточной Европы массовый характер носит именно балтская и славянская гидронимия. Названия иранского, фракийского, иллирийского, германского происхождения здесь единичны. Согласно этим данным приблизительно очерчивается территория, где, возможно, происходило становление балтской и славянской этноязыковых общностей. Она занимала обширную область между Балтийским морем, Вислой, Росью, Сеймом, Окой и Западной Двиной. Архаические славянские речные названия занимают здесь окраинное юго-восточное положение (Schmid, 1984, S. 4; Железняк, 1987, с. 152-158). Основная зона архаичной славянской гидронимии находится на Верхнем Днестре, в поречье правых притоков Припяти, Тетерева, а также по обеим берегам Днепра в его среднем течении [Трубачев, 1968]. Интерпретация полученной картины требует, однако, определенной осторожности. Архаические славянские гидронимы распространяются компактными группами вплоть до Центральной Европы и Балкан, а поэтому, скорее всего, отвечают эпохе широкого расселения славян в VI-VII вв., а не их ареалу накануне этих событий. Предполагается, что место первоначального обитания должно давать не кучность однородных названий, а несколько смазанную ситуацию [Седов, 1979, с. 27-28; Трубачев, 1991, с. 16,101]. Поэтому, например, попытка локализации славянской прародины в небольшом районе Прикарпатья по одной из зон концентрации архаических речных названий, предпринятая Ю. Удольфом, встретила резкую критику [Godłowski, 1985, s. 145-146; Трубачев, 1991, с. 15-16]. С другой стороны, гидронимические ареалы, очевидно, включают разновременные названия и лишь отчасти соответствуют реальной ситуации. В частности, предполагается, что пласт гидронимии Верхнего Поднепровья, выделенный О.Н. Трубачевым и В.Н. Топоровым, может отражать не чисто балтское, а балто-славянское состояние до окончательного разрыва между языковыми группами [Birnbau, 1973, p. 57]. Таким образом, исключать верхнеднепровский регион (во всяком случае, его южную часть) из славянской прародины по лингвистическим соображениям нет достаточных оснований.

Обратим внимание на некоторые выводы лингвистической географии. В праславянской лексике особенно широко были распространены разнообразные названия животных, птиц, деревьев и растений умеренной зоны. В то же время, общеславянские наименования специфических черт гор, степей и моря отсутствуют. Поэтому утверждают, что прародина славян, по крайней мере, в последние столетия их истории как единой этнической единицы, находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами [Филин, 1962, с. 122-124].

Иногда считают, что общеславянский язык мог существовать где-то между зонами распространения бука, лиственницы и пихты, поскольку собственных названий для этих деревьев славяне не придумали, то есть в южной части области, лежащей к востоку от линии Калининград-Одесса [Филин, 1962, с. 22].

Таким образом, среди ряда лингвистов распространено мнение, согласно которому становление общеславянского языка происходило в восточной части далекой от гор и морей области, богатой лесами, болотами и озерами, незадолго до появления древнерусских летописей и на основе балтских диалектов.

Очевидно, при рассмотрении проблемы славянского этногенеза, многого можно было бы ожидать и от таких наук как антропология, этнография и фольклористика, однако их возможности наталкиваются на ряд объективных трудностей. Как известно, у славян вплоть до IX-X вв. господствовал обряд кремации умерших, что лишает нас полноценных антропологических данных. Фольклорно-этнографический подход также ограничен сложностью выделения первоначального пласта явлений славянской духовной и материальной культуры из источников, зафиксированных лишь в последние столетия.

Не отрицая большого значения истории и лингвистики в исследовании славянского этногенеза, следует отметить, что по мере накопления археологических фактов роль археологии в изучении этой проблемы становится ведущей. В отличие от лингвистических данных, которым часто не достаёт пространственной и хронологической определенности, материалы этой науки конкретно историчны и географически локализованы. К тому же археология по сравнению с другими общественными дисциплинами способна резко расширить объем источников, в чем приближается к естественным наукам, опирающимся на экспериментальные факты. Подход археологов к проблеме славянского этногенеза сводится главным образом к поискам предшественников культур раннеисторических славян. В этом смысле вопрос о генезисе славянских культур и поисках их предшественников среди археологических

культур первой половины I тыс. н.э. справедливо расценивается как первостепенный в изучении славянского этногенеза [Седов, 1979, с. 43].

Попробуем реконструировать ход основных этнических процессов на территории днепро-донской лесостепи, имеющих отношение к восточной линии славянского этногенеза, т.е. к формированию антов и раннесредневековых венетов Иордана.

Данная концепция является дальнейшим развитием теории П.Н. Третьякова — В.Н. Даниленко, сформулированной в 1960-х — 70-х гг. Согласно ей истоки раннесредневековых славянских древностей типа Пеньковки и Колочина нужно искать на территории лесостепного и лесного Поднепровья. Начальным звеном выделяемой в этом регионе цепочки археологических общностей является зарубинецкая культура (конец III — начало-середина I в.н.э. в соответствии с современными представлениями о хронологии). Непосредственными предками пеньковского и колочинского населения были племена киевской культуры (III — начало V в.) [Третьяков, 1968; 1974; 1982; Даниленко, 1976]. В советской, российской и украинской историографии это направление разрабатывались в трудах Е.А. Горюнова, Н.М. Кравченко, Н.С. Абашиной, Е.Л. Гороховского, Н.В. Лопатина, А.Г. Фурасьева и ряда других исследователей, в том числе авторов настоящей работы. В основных своих чертах, хотя и с рядом оговорок, изложенная ниже концепция согласуется с идеями М.Б. Шукина.

Хотя в предыдущих разделах нашей работы анализировались преимущественно памятники юго-западной части позднезарубинецко-киевского ареала, расположенные в пределах современной Украины, они тесно связаны с более восточными районами. Поэтому при подведении итогов нашего исследования, очевидно, следует рассмотреть их в более широком контексте, от Среднего Поднепровья на западе до Волги на востоке. В административном отношении этот регион соответствует северо-востоку Украины (восток Киевской, юг Черниговской, север Днепропетровской, Полтавская, Харьковская, Сумская обл.), юго-западу России (запад Курской, Белгородская, Липецкая, север Воронежской, запад Саратовской, Самарская обл.).

Отправной точкой процесса формирования восточных славянских народов является кризис (или распад) зарубинецкой культуры.

Впервые на это явление обратил внимание М.Б. Шукин [Шукин, 1986; 1994, с. 232]. Около рубежа нашей эры происходит распад археологических общностей с латенскими традициями, что нашло отражение в исчезновении таких культур как поянешти-лукашевская, ясторфская и др., а также в значительной трансформации пшеворской и оксывской культур. Кризис охватывает и

зарубинецкую культуру Поднепровья. Она не исчезает бесследно, хотя, все же, налицо прерывистость развития зарубинецких древностей.

Признаками кризиса являются исчезновение зарубинецких памятников Припятского Полесья в течение сравнительно узкого промежутка времени, прекращение функционирования всех зарубинецких могильников и ряда поселений Поднепровья, массовые миграции населения с этих коренных территорий в различных направлениях вплоть до Западного Буга на западе и до верховьев Десны, Псла, Северского Донца, Оскола и бассейна Хопра на северо-востоке и востоке (рис. 1,2,143); изменение топографии поселений (массовое появление селищ на низких припойменных участках или в пойме), инновации в социальной организации (начало ведения хозяйства малыми семьями: на поселениях появляются усадьбы одной — двух семей) и в погребальном обряде.

Кризис зарубинецкой культуры дал толчок к возникновению нового археологического явления в новых исторических условиях раннеримского времени — позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта. Понятие кризиса (распада) зарубинецкой культуры служит основанием для объединения позднезарубинецких памятников в некую общность и для обособления их от собственно зарубинецких. Нижняя дата позднезарубинецкого горизонта определяется временем распада зарубинецкой культуры, который, скорее всего, был не единовременным актом, а рядом последовательных событий середины — третьей четверти I в. н.э. Верхнюю дату позднезарубинецких памятников в целом ограничивает возникновение сменившей их на данной территории киевской культуры (конец II — начало III в.).

Причины кризиса зарубинецкой культуры до настоящего времени окончательно не выяснены. Ю.В. Кухаренко предполагал, что зарубинецкое население покидает Припятское Полесье под натиском готов [Кухаренко, 1961, с. 18,19]. Однако после уточнения хронологии могильников типа Брест — Тришин выяснилось, что между финалом зарубинецких памятников и приходом готов в Полесье имеется хронологический разрыв: зарубинецкие могильники перестают функционировать на рубеже позднего латена и периода В1 центральноевропейской хронологии, т.е. около 40-50 гг. н.э., а наиболее ранние вельбарские комплексы относятся к стадиям В2/С1 и С1а, т.е. к последней четверти II в. [Каспарова, 1989; Гей, Бажан, 1997, с. 39; Шукин, 1994, с. 247].

М.Б. Шукин предложил концепцию сарматского вторжения на территорию Среднего Поднепровья [Шукин, 1986, с. 29-30]. Тем не менее, на наш взгляд, концепция сарматского нашествия не объясняет всех явлений, которые сопутствовали распаду зарубинецкой общности. Вряд ли оно

могло привести к оттоку населения из лесной зоны: достаточно замкнутые полесская и верхнеднепровская группы могли бы существовать и дольше, после опустошения Среднего Поднепровья. Теория М.Б. Шукина находится также в противоречии с особенностями картографии позднезарубинецких памятников. Некоторые из них (селища поречья Орели, бассейна Трубежа, окрестностей гг. Полтавы и Харькова, бассейна Хопра) находятся на южной границе лесостепи, практически в степи, где угроза со стороны кочевников должна быть максимальной. Перемещение зарубинецкого населения, бежавшего от сарматов, ближе к степи «под сарматские стрелы», выглядит нелогичным.

Представляется, что причины распада зарубинецкой культуры должны иметь не локальный (готское или сарматское нашествие), а более общий характер, то есть действовать по всему ее ареалу в равной степени. Кроме миграций, они вызвали перемены в способе ведения хозяйства и в социальной организации населения. На наш взгляд, распад зарубинецкой культуры был результатом комплекса различных причин, среди которых важное место занимали экологические процессы.

Первыми идею о климатических изменениях как причине кризиса зарубинецкой культуры высказали А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский, О.В. Петраускас. Опираясь на данные, полученные палеоклиматологами при изучении колебаний уровня Каспийского моря, торфяников Эстонии и работы А.В. Шнитникова и Н.А. Хотинского, в которых приводятся сведения о наступлении на рубеже I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. достаточно засушливого периода, ими был сделан вывод, что подобные изменения окружающей среды не могли не сказаться на достаточно примитивном сельском хозяйстве зарубинецких племен [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990, с. 24, 25].

В последнее время появились работы, которые, в целом, подтверждая данную теорию, позволяют детализировать ее и уточнить некоторые моменты.

Особый интерес представляет докторская диссертация Н.П. Герасименко [2004, с. 23-24,27], где совмещены данные палеоклиматических наблюдений и почвоведения. Автором применено более дробное деление субатлантического периода, что способствует повышению степени точности определения времени. Так, в частности, каждая из трех фаз субатлантического периода позднего голоцена разделена Н.П. Герасименко на более короткие фазы развития ландшафтов, которые были связаны с определенными климатическими изменениями.

Наиболее интересующая нас первая фаза SA-1 делится на два этапа развития ландшафтов:

- SA-1A (2,6 – 2,2 тыс. лет назад (VI – II в. до н.э.);

- SA-1B (2,2 – 1,6 тыс. лет назад (II в. до н.э. – IV в. н.э.).

Первый этап SA-1A характеризуется похолоданием и ростом увлажнения в зоне смешанных лесов, что сопровождалось оподзоливанием пойменных почв. В лесостепи увеличивается степень залесенности, распространяется широколиственная растительность (в том числе восстанавливается в лесостане граб, который исчез к концу X в. до н.э.), хотя в этот период роль широколиственных пород несколько ниже, чем в предыдущие тысячелетия, а степень распространения степей — более высокая. Северная степь, как и в наше время, была злаково-разнотравной, но более залесенной, на речных террасах и в высокой пойме формировались дерново-подзолистые почвы (V в. до н.э.). В степном Поднепровье закреплялись дюнные пески (V – IV в. до н.э.).

Этап SA-1B характеризуется потеплением в зоне смешанных лесов (сопровождается увеличением доли широколиственных пород) и ростом засушливости южнее, приведшим к смене подлесного почвообразования в поймах на луговое (2,1-2,2 тыс. лет назад). В лесостепи происходит уменьшение залесенности и роли мезофильных (растущих при умеренном уровне увлажнения) пород, в пределах степных участков — ксерофитизация (увеличение доли растений приспособленных к засушливым условиям — 2 тыс. лет назад), в северной степи — развевание песков на террасах, осушение пойм и формирование луговых почв (IV в. н.э.), распространение злаковых степей. Наиболее аридная (засушливая) фаза датируется 2,1-1,9 тыс. лет назад.

В работе [Безусько, Климанов, Шеляг-Сосонко, 1988, с. 133] максимальное потепление, приведшее к широкому распространению тепло- и влаголюбивых широколиственных пород в составе лесной растительности Малого Полесья и Западной Подолии (лесостепь), датируется 2250 ± 60 лет назад. Все температуры были выше современных на $0,5-1^\circ\text{C}$, осадков выпадало больше — в пределах 25 мм.

Во второй половине субатлантического периода (SA-2) начинается похолодание. Фаза SA-2A (1,6-1,2 тыс. лет назад) характеризуется устойчивым похолоданием с двумя субфазами:

1 — увлажнение (1,6-1,5 тыс. лет назад), сопровождающееся высокой водностью рек. В зоне смешанных лесов наблюдается четкое уменьшение роли тепло- и влаголюбивых пород в составе древостоя и увеличение роли сосны. Увеличиваются также площади, занятые травяной растительностью. В зонах лесостепи и степи наблюдается увеличение роли мезофильных растений в степях, увеличение залесенности (при незначительной роли широколиственных пород и увеличении роли ольхи, березы, сосны), высокие паводки;

2 – аридизация (1,5-1,2 тыс. лет назад). В поймах формируются дерновые почвы (1,2 тыс. лет назад). Залесенность степей – низкая.

По изданию [Безушко, Климанов, Шеляг-Сосонко, 1988] наиболее сильным похолоданием в субатлантическом периоде было датированное 1460±50 лет назад. Температуры июля были ниже современных на 0,5-1°C, января – на 1-1,5°C, года – на 1°C; осадков выпадало больше современных на 25 мм.

Особо следует обратить внимание, что палеоклиматические данные, представленные в работе [Безушко, Климанов, Шеляг-Сосонко, 1988], полностью коррелируют с климатостратиграфической схемой подразделения голоцена лесной зоны Русской равнины на периоды и фазы [Хотинский, 1989].

Для реконструкции климатических условий проживания зарубинецкого населения следует сопоставить их с современными климатическими показателями. Они таковы. В пределах зоны смешанных лесов средние температуры января изменяются с запада на восток от – 4,5 до – 8,0°C, июля – от +17 до +19,5°C с севера на юг. Количество осадков 600-680 мм [ГЕУ, 1990, с. 376].

В пределах лесостепи средние температуры января составляют – 5 – 8,0 °C, а июля – изменяются от +18 на северо-западе до +22°C на юге зоны. Количество осадков – от 550-750 мм в год на западе зоны до 450 мм на востоке [ГЕУ, 1990, с. 283].

Исходя из приведенных выше данных, можно сделать вывод, что влияние климатических изменений на жизнь как зарубинецкого, так и более позднего праславянского населения было очень существенным. Появилась также возможность детализировать гипотезу А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, О.В. Петраускаса. Одним из уточнений являются хронологические рамки климатических изменений. Все специалисты по палеоклиматологии, мнения которых приведены выше, сходятся на том, что начало субатлантического потепления приходится на III – II в. до н.э. и изначально сопровождается увеличением осадков. К рубежу I в. до н.э. – I в. н.э. наступает пик засушливости. В определенной степени это соответствует и данным, полученными археологами. Возникновение части пойменных поселений зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье относится к I в. до н.э. (Оболонь, Игнатовка). В то же время, климатические изменения совпадают с формированием в поймах пригодных для земледелия почв. Такая ситуация продолжается до рубежа IV – V в. н.э. Этот период характеризуется началом похолодания и повышением степени увлажнения, увеличением водности рек. Следует особо обратить внимание на увеличение частоты высоких паводков, что однозначно приводило к периодическому затоплению пойм. Затем в середине I тыс. н.э. начинается новый засушливый период.

Резюмируя вышесказанное, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что кризис зарубинецкой культуры, вероятнее всего, связан с климатическими изменениями, повлекшими за собой изменения в хозяйстве и других сферах деятельности общества.

Таким образом, на рубеже эр и в I в.н.э. на территории Восточной Европы палеоклиматологами отмечен минимальный за все I тыс. до н.э. и первую половину I тыс.н.э. уровень влажности и значительное повышение среднегодовой температуры. Не исключено, что изменения климата явились общей причиной круга восточноевропейских миграций I – II вв. В I в.н.э. импульсы этих передвижений исходят из нескольких достаточно удаленных друг от друга территорий. В Польском Поморье формируется вельбарская культура и начинается движение ее носителей на юго-восток. В лесной зоне смена населения наблюдается в ареале культуры штрихованной керамики. Начинается ее поздний этап, который связан с существенной трансформацией археологического комплекса. В степной зоне происходит массовое перемещение сарматов, которые на западе доходят до Подунавья и тремя языками проникают на север в лесостепь: в Верхнее Подонье, Среднее Поднепровье и Верхнее Поднестровье [Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990; Oblomski, Petrauskas, Terpilovski, 1999].

Сформировавшиеся в этих условиях позднезарубинецкие памятники характеризуются значительным разнообразием, обусловленным той или иной степенью сохранности «классических» зарубинецких традиций, наличием других этнокультурных компонентов, инновациями в погребальном обряде, изменениями в планировке поселений наряду с сохранением старых ее принципов, появлением новых типов украшений и орудий труда и др.

Наиболее западная группа древностей локализуется в верховьях Припяти и в прилегающей части бассейна Западного Буга (памятники с керамикой типа Гриневици Вельки – Курадово). Их выделение наметилось по материалам раскопок и разведок В.С. Вергей и В. Белевца (Белоруссия), а также археологов из Польши, которые проводились в последние несколько лет [Белявец, 2004]. К этой же группе, по-видимому, относятся позднезарубинецкие погребения могильника Гриневици Вельки, известные с начала XX в. [Andrzejowski, 1999].

Небольшая изолированная группа позднезарубинецких памятников открыта П.И. Хавлюком в верховьях Южного Буга. Большинство поселений (Марьяновка, Париевка и др.) и могильник Рахны находятся в бассейне притока Южного Буга р. Соб [Хавлюк, 1975; 1990].

В северной части Среднего Поднепровья, на границе лесной и лесостепной зон, известны

памятники типа Лютеж (рис. 1,2). Раскопки производились на восьми поселениях (наиболее масштабные в Лютеже, Оболони, Крюковщине) [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 20-46; Терпиловский, 2004а, с. 22-25; Петраускас, Петраускас, Шишкін, 1999]. Известны также три погребения с кремацией (в Бортничаях, Жукине). По данным разведок зафиксирована еще серия памятников. Наиболее восточное селище типа Лютежа (Березовка-2) находится на р. Ворсклице в глубине Днепровского Левобережья [Обломский, 1992а].

Поречье Десны (преимущественно верхнее течение) и ее ближайшие притоки (Судость, Навля) занимали памятники типа Почеп. Раскопки осуществлялись на 13 поселениях (широкими площадями в Почепе, Синьково, Дмитрово-Синьково, Железном) [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 47-61; Обломский, 2002, с. 10-13; Терпиловский, 2004а, с. 25-27].

На территории Верхнего Поднепровья П.Н. Третьяковым были выделены позднезарубинецкие памятники типа среднего слоя городища Тушемля [Третьяков, Шмидт, 1963, с. 12-14]. Сходство со среднетушемлинскими некоторых поселений Верхнего Подвинья было аргументировано А.Г. Фурасевым [Фурасев, 2000]. В настоящее время материалы этого круга зафиксированы на 50-ти поселениях [Шмидт, 1992, с. 136-137]. Большинство из них является городищами (Тушемля, Церковище и ряд других) в отличие от памятников лесостепи и юга лесной зоны, на которых укреплений не было.

Памятники типа Картамышево-2 – Терновка-2 распространены в лесостепной зоне на востоке Днепровского Левобережья (в верховьях Сейма, Псла, Ворсклы и на Орели), а также в бассейне Северского Донца. Комплексы и материалы этого периода зафиксированы на 24 поселениях, исследованных раскопками (Картамышево-2, Бобрава, Гочево-7, Терновка-2, Родной Край-1, Головино-1, Бельск – Озеро и др.). Учитывая данные разведок, общее количество памятников составляет около 50. По некоторым особенностям керамического комплекса, в частности, по набору лощеной посуды, эти памятники делятся на две локальные группы: круга Картамышево, расположенные западнее водораздела Днепра и Дона, и типа Терновки, распространенные на Северском Донце и Осколе [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 62-78; Обломский, 2002, с. 10-13; Терпиловский, 2004а, с. 27-29].

Самой восточной является изолированная от общего массива позднезарубинецких древностей группа поселений и могильников в бассейне р. Хопер. Честь ее открытия принадлежит А.А. Хрекову. Эталонными для позднезарубинецкого периода являются группа поселений у с. Шапкино, могильник Рассказань [Хреков, 1997а; 1997б].

Позднее прочих на территории лесостепной зоны появляются памятники типа Грини. Они не образуют компактного скопления, характерного для других позднезарубинецких культурных групп. Их известно всего восемь: Грини 1 и 2 в устье Тетерева, Обухов 13, Решетки на левом берегу Днепра вблизи Канева, Змеевка в низовьях р. Снов, ряд комплексов в Вовках, и Рябовке-3 в бассейне Ворсклы, а также в Раковке-2 на Северском Донце [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 78-85; Обломский, 2002, с. 10-13; Терпиловский, 2004а, с. 30-31].

Анализ хронологии показывает, что почти все группы позднезарубинецких древностей (где датирующих вещей достаточной много) возникают в один и тот же сравнительно узкий период, который по шкале центральной европейской относительной хронологии совпадает с предримским этапом А3 и фазой В1 [Шукин, 1986; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 25-29; Обломский, 2002, с. 12-13] (рис. 146). «Классические» зарубинецкие памятники Припятского Полесья и Среднего Поднепровья прекращают свое существование в период В1 или на рубеже этапов А3 и В1, а наиболее поздний набор фибул Чаплинского могильника в Верхнем Поднепровье относится к этапу А3 [Каспарова, 1989; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 21-24]. При этом имеются данные, указывающие на более длительное существование на территории Восточной Европы фибул финального этапа позднего латена по сравнению с центральной европейским регионом. Развитие некоторых типов продолжается. Их дериваты (треугольные фибулы типа VI по М.Б. Шукину, застежки «почепского» варианта – рис. 146: 5,7) существовали и в раннеримский период [Обломский, 1987; Шукин, 2002, с. 13]. Некоторые из лепных мисок «классических» зарубинецких памятников являются подражанием краснолаковым мискам раннеримского времени [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 26,27]. Наиболее вероятный период появления позднезарубинецких памятников датируется серединой – третьей четвертью I в. [Шукин, 1986; Обломский, 1987]. Несколько раньше, в пределах этапа А3, формируются древности типа Лютежа (судя по позднелатенским шпорам из Оболони – рис. 146: 1) [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 28,29].

Верхнюю дату позднезарубинецких древностей можно, по нашему мнению, распространять на весь период В2, а также В2/С1. Позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт, таким образом, существовал до конца II в. К последнему этапу относится обломок гривны из Головино-1, фибулы типа Альмгрен-84 и их дериваты из Вовков, Пасечного, Рудяков, Коваливки, Шестовиц и ряд других вещей (рис. 146: 15,16). В некоторых случаях возможность расширить верхнюю дату позднезарубинецких памятников на

весь II в. предоставляет античный импорт. В этом отношении наиболее показателен набор обломков светлоглиняных амфор с поселения Осиповка (Пляж) [Обломский, 2002, с. 12,13; Терпиловский, 2004а, с. 23,24].

О хронологии припятско-западнобужской группы памятников пока почти ничего не известно. Поздnezарубинецкие погребения могильника Гриневичи Вельки относятся к периоду B2a [Andrzejowski, 1999, s. 32-37, 45,46].

На памятниках бассейна Хопра узко датированных вещей пока не найдено. Основой для отнесения большинства из пунктов к поздnezарубинецкому периоду является набор посуды, который весьма близок к представленному на поселениях круга Картамышево – Терновки.

Памятники типа Грини от других поздnezарубинецких групп отличает более «молодой возраст». По обломку сильнопрофилированной фибулы типа Альмгрен-84 (см. выше) из Вовков, фрагменту краснолаковой чашечки из Гриней и ряду типологических соображений они датируются в пределах второй половины II в. [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 82-83].

Поздnezарубинецкие поселения региона, который рассматривается в настоящей главе, не имеют укреплений. Селища расположены, преимущественно, на первых надпойменных террасах рек, реже – на всхолмлениях разной высоты в поймах, иногда – на высоких террасах. Наблюдения за хронологией поселений показали, что практически все они были относительно кратковременными. Максимально возможный срок их существования не превышает 70-100 лет. По планировке поселки делятся на три основных типа: 1) крупные и сравнительно долговременные вроде Почепа или Оболони, состоящие из нескольких групп жилищ, 2) относительно небольшие по размерам с обособленными жилым и хозяйственным участками (Лютеж, Картамышево-2), 3) миниатюрные (Терновка-2, Грини), состоящие из одной – двух усадеб ([Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990, с. 1-19], см. также главу 6 настоящей монографии). По сравнению с «классическим» зарубинецким периодом (до распада зарубинецкой культуры) инновацией является возникновение усадеб.

На поздnezарубинецких поселениях Днепровского Левобережья зафиксировано 80 построек (из них – 42 жилища) [Земцов, 2004, с. 12]. На памятниках Среднего Поднепровья (типа Лютежа и Гриней) исследовано 67 жилищ. Из них 61 постройка раскопана на поселении Оболонь на окраине г. Киева, где имеются отложения не только поздnezарубинецкого периода, но и более ранние. Достоверно к первым векам н.э. на Оболони можно отнести только шесть построек, хотя не исключено, что этим временем датируются и какие-то другие объекты [Башкатов, 2004б]. Реально, таким

образом, в Среднем Поднепровье с поздnezарубинецким периодом могут быть связаны 9 жилищ. В бассейне Хопра жилища пока не изучены.

17 изученных с той или иной степенью полноты жилищ на памятниках Подесенья были наземными, их длина около 18 м при ширине 2,5-4,5 м. Основа конструкции стен состоит из двойного ряда вертикальных столбиков. Дом делится на три части: «холодные» сени, жилое помещение с очагом в центре, «теплую» часть с подпрямоугольным углублением [Амброз, 1964]. Такие постройки характерны только для Подесенья. В этом регионе, а также по всему ареалу поздnezарубинецких древностей распространены относительно небольшие по размерам жилища-полужемлянки подпрямоугольной формы с открытыми очагами и стенами каркасной или срубной конструкции. В некоторых постройках имелся столб в центре – опора кровли.

Лепная керамика южных культурных групп поздnezарубинецкого круга делится на грубую (кухонную) и лощеную (столовую). Первая резко преобладает. К ней относятся корчаги, горшки и плоские диски (т.н. лепешечницы). Основные формы горшков и корчаг – сильно и слабопрофилированные округлобокие закрытые, «тюльпановидные», баночные, ребристые, в т.ч. и биконические. Сосуды, как правило, не орнаментированы, лишь по краю венчика они могли украшаться насечками или вдавлениями (рис. 144). Соотношение форм сосудов в керамическом наборе и некоторые приемы обработки их поверхности имеют локальную специфику. Так, ребристые горшки и корчаги шире распространены на территории Среднего Поднепровья, чем в других регионах. Здесь же, а также на востоке Днепровского Левобережья встречены сосуды с т.н. хрупчатой (искусственно ошершавленной) поверхностью (рис. 144: 15). Горшки и корчаги с поверхностью, покрытой расчесами, нанесенными гребнем или щепкой (иногда в сочетании со штриховкой), в большей степени характерны для поселений типа Грини, чем для прочих (рис. 145: 33,35,36). На памятниках типа Лютеж (Среднее Поднепровье) распространены, кроме того, конические или в виде отрезков сферы крышки с полый ручкой, помещенной в центре верхней части (рис. 144: 22,23). Довольно часты плоские диски – «лепешечницы», иногда со слабо выраженными бортиками (рис. 144: 27-33).

Доля лощеной посуды варьирует, но в целом, она составляет от 2-4% до 17,2%. Наиболее широко столовая керамика использовалась в Среднем Поднепровье. При этом для Среднего Поднепровья, Подесенья и бассейна Северского Донца характерны, в основном, низкие миски, среди которых выделяются формы с прямыми венчиками (рис. 145: 1,3,18,19,21-27,29). На Востоке Днепровского Левобережья (древности типа

Картамышево) распространены высокие мискообразные сосуды с зигзаговидными профилями (рис. 145: 30-32).

Типологическое сходство основных элементов материальной культуры позднезарубинецких древностей, с одной стороны, и раннекиевских, с другой, указывает на отсутствие между ними хронологического разрыва. В позднезарубинецкий период складывается особый набор украшений, в состав которого входили изделия с выемчатой эмалью и который будет впоследствии весьма популярен у населения киевской культуры (рис. 146: 17-22). По нашим данным, украшения этого круга обнаружены на 13 поселениях, где к римскому времени относятся только позднезарубинецкие слои. Четыре вещи происходят из постройки 4 поселения Гочево-1 — из комплекса, переходного от позднезарубинецкого горизонта к киевской культуре [Обломский, Терпиловский, 2004]. К позднезарубинецкому культурному кругу относится, вероятно, и знаменитый Жукинский клад, найденный в начале XX в. близ Киева. Вещи этого комплекса происходят из погребения с трупопожжением.

Степень близости к классическому зарубинецкому набору артефактов археологического комплекса позднезарубинецких групп различна. На памятниках типа Лютеж продолжается развитие местных среднеднепровских зарубинецких традиций. Близость форм лепных сосудов и конструкций полуземлянок Подесенья, востока Левобережья и бассейна Северского Донца с лютежскими указывает на то, что формирование новых культурных групп происходило на основе традиций среднеднепровского населения.

Вместе с тем, специфика почепских памятников заключается в синтезе традиций среднеднепровских и местных позднеюхновских племен, оставивших памятники типа верхнего слоя городища Полужье. На востоке Левобережья мискообразные сосуды с зигзагообразным профилем, украшенные композициями в виде меандров и свастик, вероятно, появляются вследствие переселения в этот регион небольшой группы носителей пшеворской культуры [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 85-94; 1994]. О продвижении отдельных пшеворских группировок на восток свидетельствует и широкое распространение вещей центральноевропейского происхождения (украшений, предметов вооружения и конского снаряжения) на территории лесостепного Поднепровья в I-III вв. н.э. [Малашев, Обломский, 2002]. На памятниках типа среднего слоя Тушемли, кроме зарубинецких, присутствуют и днепро-двинские культурные элементы [Шмидт, 1992, с. 136-137]. Для древностей круга Гриневичи Вельки по предварительным наблюдениям характерно сочетание зарубинецких элементов с традициями культуры штрихованной керамики [Белявец, 2004].

Памятники типа Шапкино появляются в бассейне р. Хопер, скорее всего, в результате переселения в этот регион носителей древностей круга Картамышево — Терновка. Одновременно происходит расселение зарубинецких племен и в западном направлении — в верховья Днестра и на Западную Вольту. Вследствие этого здесь формируется особая культурная общность — вольтско-подольская группа или зубрецкая культура, в которой, как показал Д.Н. Козак, синтезируются черты пшеворской, зарубинецкой и липицкой культур [Козак, 1992, с. 131-135].

Памятники типа Грини по набору форм лепной посуды, а также по обычаю орнаментировать кухонные горшки расчесами, нанесенными гребнем, и штриховкой (рис. 145: 33-37), отличаются от древностей, формирующихся на среднеднепровской зарубинецкой основе (типа Лютеж, Почеп, Картамышево — Терновка, Шапкино). Наибольшая близость памятников типа Гриней, как отметили А.М. Обломский и А.И. Дробушевский, наблюдается с одной из двух верхнеднепровских групп зарубинецкой культуры — древностями типа Кистени — Чечерск, распространенными от среднего течения Березины до Среднего Посожья [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 95-102; Дробушевский, 2000]. Вероятно, памятники типа Грини являются следующим этапом развития этих древностей.

Помимо позднезарубинецких, на территории днепро-донской лесостепи известны памятники других культур: сарматские (Среднее Поднепровье, Верхнее Подонье) [Симоненко, 1981; Медведев, 1990], а также позднескифские. В Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье пока обнаружены лишь отдельные позднескифские городища (Бучак, Битица, Ратское). Довольно значительный позднескифский анклав локализуется в Верхнем Подонье [Медведев, 2000; Бирюков, 2001]. Этнокультурная ситуация в лесостепном Поднепровье — Подонье показана на карте (рис. 143). Массовые передвижения населения в I в. н.э. привели к тому, что памятники этих трех этнокультурных массивов расположены чересполосно. Ни один из них не образует монолитного ареала.

На рубеже II/III вв. в лесостепной зоне наблюдается новая цепочка передвижений позднезарубинецкого населения. В результате этих событий возникает новое археологическое явление — киевская культура.

Ее памятники охватывают значительную территорию. Они относятся к нескольким культурно-хронологическим типам (или вариантам): средне- и верхнеднепровскому (круга Абидни), деснинскому, сейминско-донецкому и прихоперскому. Самые западные памятники известны на территории Польши близ белорусской границы (Кутово и др.) [Andrzejowski, 1999, s. 42-45].

В последнее время благодаря работам Д.А. Сташенкова появились первые сведения о киевских поселениях и могильниках в Самарском Поволжье (Сиделькино, Тимяшево, Крепость Кондурча) [Сташенков, 2005, с. 23-47]. На севере памятники киевской культуры обнаружены в бассейне Западной Двины и в верховьях р. Великой. К ним относятся т.н. древности типа Заозерье, в ареале которых известны памятники как верхнеднепровской (Заозерье, Городок), так и деснинской (Узмень, Фролы) традиций [Гавритухин, Лопатин, Обломский, 2004; Лопатин, Фурасев, 2007]. В целом, ареал киевской культуры по сравнению с позднесарубинским расширяется, хотя основные области концентрации памятников III – начала V в. в лесостепной зоне в значительной мере совпадают с предшествующими.

Происхождение киевской культуры можно определить путем сопоставления позднесарубинских памятников с наиболее ранними киевскими комплексами различных регионов. Как оказалось, ни один из локальных вариантов киевской культуры не возникает в результате простого эволюционного развития местных позднесарубинских древностей. Все они являются результатом синтеза традиций, как минимум, двух типов позднесарубинских памятников. Киевская культура в Среднем Поднепровье формируется путем слияния традиций среднеднепровского населения, оставившего памятники типа Лютеж, с верхнеднепровско-посожскими элементами. На водоразделе Днепра и Дона новое явление возникает в результате синтеза двух родственных позднесарубинских групп – «западной» типа Картамышево и «восточной» типа Терновка. В течение II в. почепские племена, возможно, оставляют Подесенье, куда впоследствии с юго-востока проникают потомки носителей древностей типа Картамышево, а с севера – верхнеднепровские группировки. Вследствие их интеграции, по всей видимости, возникает деснинский вариант киевской культуры (рис. 147). Вопрос о происхождении верхнеднепровского варианта пока не решен. Близость основных черт его археологического комплекса к характеристикам памятников типа Гриней не вызывает сомнений, но киевские древности Верхнего Поднепровья имеют свою специфику. Не исключено, что в их формировании приняло участие население какой-то, пока еще не открытой позднесарубинской группировки, в культуре которой сохранились традиции типа Чаплина «классического» сарубинского периода [Обломский, 1992б; Терпиловский, 2003]. Впрочем, это – не более чем предположение. Поволжская группировка киевской культуры пока только начинает изучаться. Ясно лишь, что киевское население проникает в этот регион извне. Его культура не связана с развитием местных традиций.

Таким образом, в процессе формирования киевской культуры происходит перестройка традиций различных позднесарубинских групп. Новая общность сохранила только отдельные черты классической сарубинской культуры. Это специфический культурно-хронологический комплекс, основные элементы которого выразительно отличаются не только от соседних культур, но и от предшествующих и последующих древностей той же территории.

Большинство киевских жилищ представляют собой полуземлянки, форма которых в плане близка к квадрату или прямоугольнику с длиной стороны 3,3-5 м. Свидетельством применения срубной или рамочной конструкции стен являются остатки сооружений с обугленными деревянными деталями, исследованные на поселениях Савенки, Бортнички, Деснянка, Гудок и др. Менее распространенной была каркасно-столбовая конструкция. Стены построек, как правило, дополнительно не обмазывались глиной. Остатки обмазки известны лишь в нескольких жилищах Киевщины и востока Днепровского Левобережья.

Отопительными сооружениями служили открытые очаги (иногда в виде глинобитной площадки). Изредка использовались печи-каменки (в Верхнем Поднепровье: Щатково, Гудок, Дедиловичи).

Кроме полуземлянок на поселениях киевской культуры исследована серия жилищ, для которых можно предположить применение стен, сооруженных на уровне материка или вокруг углубленной части. В таких постройках возводились глинобитные печи-камины, поды которых были вырезаны в материковых нишах (Роище, Александровка-1, Букреевка-2, Цепляево Второе и др.) [Башкатов, 1997].

В настоящее время известно около 170 погребений киевской культуры. Для нее характерны грунтовые могильники без внешних признаков и обряд кремации на стороне. Подавляющее большинство погребений – ямные. Обычно в яме находят немногочисленные кальцинированные кости и уголь, т.е. в нее помещали только горсть пепла с погребального костра. Часть погребений имеет небогатый инвентарь. Керамика, за исключением нескольких известных урн, попадала в яму в фрагментированном виде, что, вероятно, свидетельствует о проведении ритуалов типа тризны с разбиванием посуды.

Истоки погребальной обрядности киевской культуры не вполне ясны, так как позднесарубинские могильники пока еще недостаточно изучены. Несколько ранее, около рубежа нашей эры, подобные черты присущи, прежде всего, некоторым захоронениям могильников верхнеднепровского варианта сарубинской и, в меньшей мере, пшеворской культуры.

Лепная посуда киевской культуры делится на груболопную и лощеную. Для первой характерно сочетание округлобоких сильно- и слабопрофилированных горшков, банкообразных и ребристых сосудов. Последние, как правило, имели вогнутую дугу или прямую линию в верхней части профиля. Набор дополняется дисками (плоскими или с невысокими бортиками), которые, правда, встречены не на всех памятниках, а также коническими плоскими, зачастую имеющими полый поддон. Последние распространены только на памятниках периода черняховского влияния (рис. 148: 1-28, 150; : 1-25; 153: 1-15, 17, 18).

Лощеная посуда (главным образом ребристые миски, как низкие, так и высокие) типична в первую очередь для раннего керамического комплекса киевской культуры (рис. 148: 29-33). В этот период лепная столовая керамика составляет не более 5-7%. В наборе форм проявляются позднезарубинецкие традиции, вобравшие в себя ряд пшеворских элементов. Позже находки столовой лепной керамики становятся единичными. Видимо, в этот период лощенная посуда вытесняется импортной гончарной черняховской.

По современным данным общий период существования киевской культуры определяется в рамках рубежа II/III вв. — первой половины V в. Внутри него можно выделить три этапа, в какой-то мере перекрывающих друг друга [Обломский, 1991, с. 14-25, 99-100; Терпиловский, Абашина, 1992, с. 86-89; Терпиловский, 2004а, с. 42-46].

К раннему этапу (конец II — начало III — вторая половина III в., причем большинство памятников существовали в пределах первой половины III в.) относится ряд поселений и могильников Среднего (Казаровичи, Новые Безрадицы, Сушки-2, Хлепча и др.) и Верхнего Поднепровья (Абидня, Дедново), Подесенья, Нижнего и Среднего Посеймья (Попово-Лежачи-4, Гребля, Октябрьское-2), востока Левобережья (Шишино-5, Рябовка-1, Шмырево и др.), бассейна Хопра (Инясево, Борисоглебское-4). В последнем из перечисленных регионов более поздние памятники пока не известны (рис. 147). На территории лесостепного Поднепровья киевское население в этот период доминирует. Позднескифские и сарматские памятники прекратили свое существование раньше.

Киевские древности Среднего Поволжья могут датироваться лишь всем периодом существования культуры, при этом несколько архаичным выглядят селище и могильник Сиделькино.

Керамический комплекс памятников первого этапа сохраняет ряд позднезарубинецких реликтов. Поверхность некоторых груболопных горшков поселения Шишино-5 искусственно ошершавлена или покрыта расчесами гребнем. На памятниках круга Шишино-5 — Шмырево, некоторых среднеднепровских (Обухов-1) и в Попово-

Лежачах-4 встречаются высокие лощенные миски с зигзаговидными профилями, которые характерны, в основном, для позднезарубинецкого периода и имеют пшеворские прототипы. Сравнительно широко распространены груболопные горшки и корчаги, орнаментированные по венчику насечками и вдавлениями, а также обычай украшать лепные лощенные сосуды гравированным орнаментом в виде фриза из треугольников, зигзагов или свастик (рис. 148: 1-33).

На первом этапе киевской культуры продолжают существовать появившиеся еще в позднезарубинецкий период «варварские» украшения с выемчатыми эмалями (рис. 148: 35-38). В лесостепной зоне к этому времени относятся 14 изделий [Обломский, Терпиловский, 2004]. Их ярким примером является клад из Шишино-5, в состав которого входили две треугольные фибулы, три браслета (один — с выступающими наружу ребрами и еще два — проволочных спиральных).

Во второй трети — середине III в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья появляются памятники черняховской культуры, которая по современным данным соответствует протогосударственному объединению, возглавляемому готами. Продвижение ее носителей на восток происходит довольно быстро. Одно из самых ранних черняховских поселений (Головино-1) расположено в бассейне Северского Донца — близ восточной границы черняховской культуры [Гороховский, 1988в, с. 45; Обломский, 1999] (рис. 149).

На втором этапе своего существования (вторая половина III — IV в.) носители киевской культуры вступили в контакт с черняховскими племенами. Импортные изделия, в первую очередь, керамика встречаются весьма часто (Глеваха, Букреевка-2, Тазово, Воробьевка-2 и др.). В этот период происходит массовое распространение киевских памятников в Подесенье (Лавриков Лес, Киреевка-1 и 2, Форостовичи, Титова Речка, Смычин). Не исключено, что в это же время в поречье Десны проникают выходцы из Верхнего Поднепровья, которые оставили такие поселения, как Верхнестриженское-3 и Мена-5.

Распространение черняховской культуры на восток привело к тому, что изрядная часть ареала киевских памятников (юг Среднего Поднепровья и восток Днепровского Левобережья) вошла в состав черняховской территории. Киевское население, по всей видимости, частично ушло из мест своего первоначального обитания. Смена населения зафиксирована на нескольких поселениях с более ранними киевскими и более поздними черняховскими объектами: в Глевахе (Среднее Поднепровье), Боромле-2, Гочево-3 и 4 (Днепровское Левобережье) [Терпиловский, 2000; Обломский, 2002, с. 33-36]. Не исключено, что именно с этими драматическими событиями связано выпадение в

землю на территории лесостепи нескольких кладов, содержащих вещи с выемчатыми эмалями [Фурасьев, 2002].

Часть киевского населения оказалась непосредственно включенной в состав черняховской культуры. На территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья выделяется серия черняховских памятников с лепной керамикой, аналогичной киевской (Головино-1, Новолиповское, Великая Бугаевка, Хлопков, Песчаное Сумской обл, Мамрой-2, Великий Бобрин и др.) [Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999; Петраускас, Шишкін, 1999; Обломский, 2002, с. 49-50], получивших название «черняховские древности киевской традиции».

Под влиянием черняховской культуры киевское население Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, не вошедшее в ее состав, начинает использовать вертикальный ткацкий станок, ручные мельницы для помола зерна, массивные железные сельскохозяйственные орудия, некоторые новые технологические схемы обработки черного металла [Терпиловский, 2004а, с. 77-80]. Получают широкое распространение те типы пряслиц, которые характерны для черняховской культуры. В домостроительстве начинается применение печей-каминов в качестве отопительных сооружений. Последнее, по всей видимости, связано с переселением на восток каких-то групп населения из Верхнего Поднепровья и Прикарпатья, где постройки с такими печами известны, начиная с раннего железного века [Обломский, 2002, с. 53-54]. Широко распространяется импортная гончарная керамика (ее доля может достигать 36% в среднем по памятнику). Большинство украшений киевской культуры этого периода (фибулы, гребни, подвески) также имеют черняховское происхождение. Вещи с эмалями, являющимися деталями традиционного убора, постепенно выходят из употребления. Распространяются черняховские фибулы, гребни, пряжки и т.д. (рис. 150: 27-32).

Определенным консерватизмом в это же время отличается население деснинского варианта киевской культуры. Черняховское влияние на занятый им регион практически не распространяется, несмотря на близкое соседство памятников деснинского и черняховского круга в Нижнем Подесенье и Среднем Посеймье. По всей видимости, отношения деснинско-сейминского и черняховского населения были враждебными [Обломский, 1996].

С продвижением на восток черняховских племен связано формирование новой культурной группы в Верхнем Подонье.

Сарматские комплексы в этом регионе позднее середины – второй половины III в. не известны [Медведев, 1990, с. 26, 165-167]. Не позднее конца III в., а возможно, и раньше, в регионе пре-

кращают свое существование поселения с «культурой местного населения сарматского периода» [Бирюков, 2001, с. 97; Медведев, 2000], т.е. позднескифские. В этот же период в регионе распространяются памятники новой культурной группы типа Каширки – Седелок.

Их ареал охватывает верховья Дона с его притоками Красивая Меча, Быстрая Сосна, Снова и рядом других более мелких рек, а также междуречье Дона и Воронежа. В бассейне Воронежа пока известны лишь единичные памятники этого круга. Поселения типа Каширки – Седелок (в настоящее время их известно 46) – неукрепленные, расположены, как правило, на черноземных участках склонов оврагов или на террасах малых речек, имеющих очень узкую долину, что типично для черняховской культуры, но не характерно для киевской. Широкими площадями раскопаны поселения Каширка-2, Седелки, Кытино-3, Мухино, Верхнее Турово. Могильники пока не обнаружены [Обломский, 2001].

Жилищами служили наземные дома с открытыми очагами, стенами каркасной конструкции, обмазанными глиной. По площади они делятся на две группы: малые (менее 30 кв. м, в основном около 15 кв. м) и большие (60-80 и более кв. м) [Акимов, 2001, с. 148]. Известны и полуземлянки, но их назначение было хозяйственным или производственным. По конструкции стен, планировке и размерам наземные дома и полуземлянки имеют черняховские параллели.

Лепная керамика в этнокультурном отношении делится на две группы. К первой из них относятся округлобокие закрытые и открытые, а также ребристые горшки и корчаги, миски-плошки на полых поддонах, немногочисленные высокие ребристые лощеные миски (рис. 151: 1-9). Эта посуда аналогична керамике, обнаруженной на поселениях киевской традиции в черняховской культуре.

Посуда второй группы представлена корчагами грушевидной формы, сосудами с рельефной орнаментацией (зигзаговидным валиком, подковками и т.д.), высокими груболепными округлобокими мисками, горшками с шарообразными туловами и короткими венчиками (рис. 151: 10-13). Она находит прямые аналогии на поселениях и могильниках позднескифского круга Нижнего Поднепровья, близких им по археологическому комплексу поселениях хоры Ольвии, на южных черняховских памятниках типа Каменки – Анчекрак, где специалисты отмечают присутствие позднескифского элемента культуры в рамках черняховской общности [Обломский, Терпиловский, 1998б, с. 132].

Гончарная керамика составляет от 1,5% до 14%. Большинство сосудов имеют черняховское происхождение. Аналогичны черняховским орудия труда, предметы быта и украшения (прясли-

ца, грузила для ткацких станков, жернова, наборные гребни из рога, ведековидные подвески, фибулы и т.д.) (рис. 151: 16-20).

По немногочисленным пока датирующим вещам памятники типа Каширки – Седелок синхронизируются с первой и второй фазами черняховской культуры по Е.Л. Гороховскому) [Гороховский, 1988а] и датируются в диапазоне от возникновения черняховской культуры (вторая треть III в.) по начало IV в.

Появление древностей круга Каширки, очевидно, связано с теми миграциями населения, которые сопутствовали расширению территории черняховской археологической общности на восток. На Дон пришли две этнокультурные группы населения: киевского и нижнеднепровского позднескифского происхождения. Эти переселенцы уже были втянуты в орбиту черняховского влияния, о чем свидетельствуют их традиции домостроительства, принцип ландшафтной организации территории, набор орудий и украшений, черняховские импорты.

Судьба населения, оставившего памятники типа Каширки – Седелок трагична – почти все поселения этого круга уничтожены пожарами. В постройках на селищах, в т.ч. и погибших в пожарах, крайне мало находок, а те, что известны, представляют собой поломанные вещи, разбитые или оставленные в спешке горшки. Эти пожары, очевидно, не были внезапными. Скорее всего, обитатели поселков типа Седелок провели нечто вроде эвакуации, когда все вещи, представлявшие хоть какую-то ценность при переселении на новое место, были унесены, а заброшенные постройки сожжены.

Причины этого тотального переселения пока не ясны, но не исключено, что оно явилось результатом одного (или нескольких) походов готов на восток, предпринятых при короле Германарихе [Iord., Get., 117-120].

Вернемся к древностям Поднепровья. Поздний этап киевской культуры датируется, в основном, раннегуннским периодом (вторая половина-последняя треть IV – начало V в.). Керамический комплекс поздних киевских поселений весьма близок к раннесредневековым колочинскому и пеньковскому (рис. 153).

Появление гуннов в степях Восточной Европы и разгром ими державы Германариха в 375 г. послужил причиной серии масштабных миграций в лесостепной зоне. Подробно ситуация в этот период рассмотрена А.М. Обломским [2002, с. 61-80]. В конце IV – начале V в. происходит отток черняховского населения на запад, к границам Римской империи. Приходят в движение и племена в зоне контактов с населением киевской культуры. Так, на север в Нижнее Подесенье переселяется группировка из района киевско-черняховского лесостепного пограничья: археологичес-

кий комплекс поселений Александровка-1 и Роище имеет ярко выраженные южные черты [Обломский, 2002, с. 67; Терпиловский, Шекун, 1996, с. 31-34].

Более интенсивным было движение в противоположном направлении. В лесостепной части Днепровского Левобережья в пределах черняховского ареала появляются поселения деснинского варианта киевской культуры (Беседовка, Курган-Азак). Ярко выраженные северные элементы наблюдаются на поселении Сенча в среднем течении Сулы [Терпиловский, 2004б]. Деснинское протоколочинское население проникает и на территории, занятые другими группами киевской культуры: в Среднее Поднепровье (поселение Ходосовка-Диброва) [Абашина, 1999], на восток Днепровского Левобережья (Комаровка-2, Камнево-2, Песчаное Белгородской обл.) [Обломский, 1991, с. 122, 123]. В результате продвижения деснинского киевского населения на юг и юго-восток формируется южная граница будущей колочинской культуры [Обломский, 1996] (рис. 152).

В Верхнем Подонье в этот период возникает новая культурная группа – памятники типа Чертовицкое – Замятино.

Из 19-ти известных в настоящее время поселений этого типа 14 исследованы раскопками (Чертовицкое Третье, Замятинский и Ксизовский археологические комплексы, Мухино и ряд других). Они расположены в долинах наиболее полноводных рек региона (Дон, Красивая Меча, Воронеж, Снова).

Большая часть поселений представляют собой селища. Материалы типа Чертовицкого-Замятино известны и на городищах с более ранними слоями. Тем не менее, данные о том, что укрепления этих памятников использовались и частично перестраивались в гуннское время имеются только для городища Крутогорье.

На фоне прочих выделяется группа поселков на Острой Луке Дона у г. Задонска Липецкой обл., которые имеют самые большие в регионе размеры и ярко выраженный производственный характер. Здесь зафиксированы остатки ремесел: по изготовлению наборных гребней из рогов лосей и оленей – предметов, характерных для культур германского круга, а также бронзолитейного, кузнечного, в том числе оружейного (по изготовлению или ремонту кольчуг), гончарного. У с. Ксизово в настоящее время исследуется обширный могильник с труположениями, на поселении Мухино открыто богатое погребение женщины с золотыми украшениями [Земцов, 2003]. Поселения на Острой Луке Дона, очевидно, играли роль своеобразного центра округи.

Наземные постройки для памятников этого круга менее характерны, чем углубленные в грунт. Единственный «длинный дом», размерами около

9 x 5 м со стенами столбовой конструкции и открытым очагом раскопан на поселении Замятино-5. В Замятино-7 исследованы остатки еще двух домов. Все прочие жилища представляют собой довольно стандартные полуземлянки прямоугольной или подквадратной формы с длиной стены около 2,7-3 — 4 м, иногда со следами столбов по периметру котлована и центральным опорным столбом кровли, с плоскими полами, открытыми очагами. Аналогичные полуземлянки широко распространены на памятниках киевской культуры. В одном из жилищ Чертовицкого Третьего прослежена печь-камин в нише, выступающей за пределы котлована [Акимов, 2001].

По резко преобладающей на всех памятниках лепной керамике, некоторым особенностям конструкции построек, формам и орнаментации пряслиц на памятниках типа Чертовицкого — Замятино выделяется несколько этнокультурных компонентов. Наиболее широко распространены элементы, связанные по происхождению с сейминско-донецким вариантом киевской культуры (рис. 154: 1-9). В меньшей степени встречается груболопная и лощеная посуда, имеющая аналогии в более северном регионе Поочья, преимущественно среди древностей дяковской и мощинской культур (рис. 154: 8, 10-13, 15). На поселениях круга Замятино встречены также отдельные вещи, характерные для рязано-окских могильников (рис. 154: 23). Черняховский и причерноморский позднеантичные компоненты выражены менее «рельефно», чем два предыдущих. Отдельные формы лепных лощеных сосудов имеют параллели в поздних комплексах вельбарской и пшеворской культур Центральной Европы, в частности на могильниках добродзеньского типа [Обломский, 2003в; Острая Лука, гл. 16] (рис. 154: 14). На поселениях Ксизово-19 и Мухино исследованы две самые ранние в Восточной Европе юртообразных постройки — типичные жилища кочевников-тюрок в начале перехода к оседлости [Обломский, 2006а]. На могильниках, связанных с поселениями типа Чертовицкого Третьего, изучены разнообразные по обряду ингумации. Часть погребений предположительно принадлежали каким-то выходцам с юга, возможно, кочевникам, другие захоронения имеют ярко выраженные германские черты [Обломский, 2005б]. Ни одна из этнокультурных групп, чьи элементы прослеживаются в Верхнем Подонье в середине I тыс. н.э., не имеют в этом регионе местных корней.

По серии датирующих вещей культурная группа типа Чертовицкое-Замятино, в целом, относится к V в., не исключая конец IV и начало VI в. (рис. 154: 16-23). Древности оседлого населения VI-VII вв. в Верхнем Подонье пока не известны [Обломский, 2003б].

Вполне вероятно, что ступок поселений около современного г. Задонска играл роль базы обеспе-

чения одного из военных подразделений гуннской империи и какой-то группировки кочевников после ее распада. Не исключено, что все население группы Чертовицкого — Замятино было перемещено на Дон искусственно для каких-то нужд гуннской державы. Иначе трудно объяснить практически одновременное появление на опустевшей к этому времени территории различных по происхождению переселенцев, а также тесную культурную интеграцию их друг с другом, которая наблюдается с самого возникновения памятников типа Чертовицкое — Замятино.

В лесостепном Поднепровье после ряда перемещений населения конца IV — начала V в. происходит сложение пеньковской культуры и южных колочинских древностей (вторая четверть — середина V в.).

Как уже отмечалось, появлению колочинских памятников в лесостепной зоне предшествовало продвижение носителей деснинского варианта киевской культуры на юг вплоть до верхнего Посулья и на юго-восток до верховьев Сейма и Псла. Как показали специальные исследования, набор посуды памятников типа Ульяновки (деснинского варианта киевской культуры) отличается от колочинского лишь нюансами: деталями оформления сосудов и степенью распространения тех или иных типов горшков. Сохраняются также прежние традиции домостроительства [Горюнов, 1981, с. 15-29; Обломский, 1996; Терпиловский, 1984, с. 73-77; 2004а, с. 59-67]. Колочинская культура, в целом, формируется на основе деснинского варианта киевской. Не исключено, что она соответствует раннесредневековым вентам Иордана.

Процесс сложения пеньковской культуры представляется более сложным. В литературе, посвященной раннеславянским древностям, стало уже традиционным убеждение, что пеньковская культура оставлена историческими антагами. Главным аргументом в эту пользу является совпадение ареалов [Русанова, 1976, с. 111-112; Седов, 1995, с. 81-82; Приходнюк, 1985, с. 91; Баран, 1997, с. 154-156; Терпиловский, 1997, с. 7].

Как достаточно убедительно продемонстрировали Е.А. Горюнов, О.М. Приходнюк и Р.В. Терпиловский при сопоставлении основных признаков археологических культур, пеньковская культура из ей предшествующих в наибольшей степени близка к киевской и достаточно сильно отличается от черняховской [Приходнюк, 1980, с. 17-121; Горюнов, 1981, с. 57-60; Терпиловский, 1997б]. Тем не менее, наиболее острые споры возникают при попытке найти конкретные археологические прототипы пеньковской культуры в рамках древностей киевского круга.

Если расположить все известные по научной литературе возможные прототипы пеньковской археологической общности по степени близости

их керамики к ее «специфическому ядру», то наибольшее сходство наблюдается между материалами ранних пеньковских селищ с одной стороны, поздних киевских поселений Среднего Поднепровья и черняховских памятников киевской традиции (в особенности с поздними материалами поселения Хлопков-1) — с другой (рис. 153: 16, 19-22). В меньшей степени набор пеньковских сосудов похож на керамику Роища и Александровки Нижнего Подесенья и на материалы сейминско-донецких киевских поселений периода черняховского влияния.

Все культурно-типологические группы позднееримского периода, керамика которых в той или иной степени подобна ранней пеньковской, принадлежали этнически очень близкому населению. Все они представляют собой разнообразные проявления традиций киевских племен лесостепи, находившихся под сильным черняховским влиянием.

Сложение пеньковской культуры невозможно объяснить без участия киевского населения лесной зоны. Она выглядит довольно архаичной не только по сравнению с черняховской культурой, но и с теми группами киевской общности, где ощущается воздействие черняховских традиций. Это однообразие наблюдается как в сложении довольно однородного (за исключением некоторых нюансов) раннепеньковского керамического комплекса, так и в унификации типов построек. В период формирования пеньковской культуры разнообразие наземных и углубленных в грунт жилых и хозяйственных сооружений лесостепного Левобережья позднееримского времени исчезает. Ранние пеньковские жилища, причем не только на территории Левобережья, очень стандартны. Это — полуземлянки с открытыми очагами и, зачастую, с центральными опорными столбами [Приходнюк, 1985; Баран, 1990, с. 222-223]. Происходит возрождение позднезарубинецко-киевских приемов домостроительства. Традиционные киевские полуземлянки с открытыми очагами в качестве наиболее широко распространенного (а на многих территориях и единственного) типа построек в позднееримское время сохраняются, в основном, в лесной зоне, в т.ч. в Подесенье и Среднем Посеймье. Именно этот факт, а также особенности керамического комплекса построек т.н. «раннего горизонта» пеньковского поселения Хитцы, в которых встречались тюльпановидные и сабопрофилированные близкие к баночным сосуды, привели Е.А. Горюнова к выводу, что в сложении пеньковской культуры Левобережья приняли участие какие-то группы «киевско-колочинского» северного населения [Горюнов, 1981, с. 93-94].

Подведем краткие итоги. Развитие славянских древностей днепро-донской лесостепи проходит несколько этапов. На первом из них (середина-третья четверть I — II вв.) в результате распада

зарубинецкой культуры формируется серия новых археологических общностей т.н. позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта. Кроме зарубинецких, в составе большинства из этих структур прослеживаются элементы и других культурных групп. Происходившие в этот период передвижения позднезарубинецкого населения охватывают огромную территорию: от верховьев Западной Двины и Днепра на севере до верховьев Припяти и прилегающей части бассейна Западного Буга на западе до бассейна Хопра на востоке. Отдельные позднезарубинецкие памятники расположены в северной части степной зоны. По мнению Д.А. Мачинского, которое разделяем и мы, позднезарубинецкое население соответствует венедам Публия Корнелия Тацита [Мачинский, 1976, с. 90-91; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 106-108].

На втором этапе (рубеж II/III — середина III в.) в результате серии новых миграций позднезарубинецких племен возникает киевская культура. В южной части своего ареала (в лесостепи) она охватывает Среднее Поднепровье, Днепровское Левобережье, бассейн Северского Донца (до Оскола включительно). Отдельные анклав киевского населения известны в бассейне Хопра и в лесостепном Поволжье.

Третий этап (вторая половина III — третья четверть IV в.) характеризуется распространением на восток черняховской культуры, которая соответствует объединению племен, возглавляемому готами. Часть южного киевского населения оказалась сдвинутой с мест своего прежнего обитания, часть вошла в состав черняховской общности. На Верхнем Дону в результате переселения в этот регион киевского и позднескифского (нижнеднепровско-причерноморского по происхождению) населения формируется специфическая культурная группа типа Каширки — Седелок.

Четвертый этап (последняя четверть IV — середина V в.) начинается с появления гуннов в восточноевропейских степях и разгрома ими державы готского конунга Германариха. Черняховское население постепенно уходит с территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья. В лесостепную зону проникают с севера носители деснинского варианта киевской культуры, что положило начало оформлению южной части колочинской археологической общности, соответствовавшей, по-видимому, раннесредневековым венетам Иордана. В южной части лесостепной зоны на основе втянутых в орбиту черняховского влияния киевских группировок при участии переселенцев с севера формируется пеньковская культура, носителей которой отождествляют с антами Иордана и Прокопия Кесарийского. В Верхнем Подонье в течение всего V в. существует особый анклав полиэтничного населения, в составе которого преобладали ранние славяне. Не

исключено, что здесь находился один из центров гуннской державы.

Таким образом, в процессе изучения памятников I-V вв. выяснилось, что реальные этнокультурные процессы были значительно сложнее, чем предполагали П.Н. Третьяков и В.Н. Даниленко. Тем не менее, общее их направле-

ние исследователям удалось очертить правильно. Современные представления о культурогенезе в Поднепровье достаточно резко расходятся с теорией о висло-одерских истоках славянства, активным сторонником которой в советской и российской историографии был В.В. Седов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Каталог позднезарубинецких памятников на территории Украины

Винницкая обл.

Гайсинский р-н

1. Марьяновка¹. Поселение расположено на участке надпойменной террасы и склоне плато левого берега р. Соб (левый приток р. Южный Буг) в 0,7 м южнее юго-западной окраины села (по данным паспорта). Размеры поселения — 500 x 150 м (рис. 5). Открыто П.И. Хавлюком в 1963 г. В 1966-1967 гг. им были проведены раскопки.

Полевая документация по раскопкам весьма бедная. В отчете П.И. Хавлюка за 1967 г. содержится очень краткая информация об исследованиях, в которой упомянуты остатки двух жилищ, кратко перечислены находки. Планы и вообще любая графическая документация отсутствует. Более подробные данные можно почерпнуть из полевых дневников, которые хранятся в архиве Винницкого краеведческого музея². Поскольку информация, содержащаяся в них, крайне важна для интерпретации материалов памятника, мы приводим ее целиком.

¹ Авторство статей и разделов: Винницкая обл. — А.М. Обломский; Днепропетровская обл. — А.М. Обломский; Житомирская обл. — А.М. Обломский; Киевская обл. Барышевский р-н — А.М. Обломский; Бориспольский р-н — Р.В. Терпиловский; Вышгородский р-н: Жукин — Р.В. Терпиловский, Лютеж — А.М. Обломский; г. Киев — Р.В. Терпиловский; Киево-Святошинский р-н — О.В. Петраускас, Р.Г. Шишкин; Обуховский р-н — Р.В. Терпиловский (Таценки-1 — Л.А. Цындровская); Переяславский р-н — М.В. Роздобудько; Полесский р-н — Р.В. Терпиловский, Чернобыльский р-н — Р.В. Терпиловский; Сумская обл. — А.М. Обломский; Полтавская обл.: Бельск — Р.В. Терпиловский, остальное — А.М. Обломский; Харьковская обл.: Колесники и Раковка-1 — М.В. Любичев, остальное — А.М. Обломский; Черкасская обл.: Решетки — А.М. Обломский, остальное — Р.В. Терпиловский; Черниговская обл.: Чернигов — Белый (Высокий) Груд — А.М. Обломский, остальное — Р.В. Терпиловский.

² Сердечно благодарим начальника отдела охраны памятников истории и культуры Винницкого областного управления культуры М.В. Потупчика и заведующую отделом археологии Винницкого краеведческого музея М.И. Потупчик за оказанную нам помощь при работе с коллекциями и архивами П.И. Хавлюка.

Дневник 1965 г. [Хавлюк, 1965]. «Поселение расположено на левом низком берегу р. Соб на половине дороги из Марьяновки в Крутогорб. Лишь под лесом плато немного поднимается над долиной ручья, что течет из Тимаря.

На ежегодно распаханной поверхности песчаного грунта находится множество черепков посуды серо-коричневого цвета с шершавой поверхностью, большой примесью песка в тесте, венчики таких сосудов орнаментированы насечкой или вдавлениями пальцами и иными предметами, лощеной и подлощенной керамики, среди которой встречаются горшки, миски. Часто попадают в культурном слое амфорные обломки.

Интересно и то, что среди гончарных обломков есть серая посуда, похожая на черняховскую.

Культурный слой достигает толщины 0,5 м. Разведывательные раскопки начали на склонах небольшого мыска, примыкающего к поселению. Раньше здесь брали песок, и некоторая часть территории уничтожена. В обрывах мыска видны следы золы, керамика.

8. VIII. 66. Сделали зачистку стенок мыса около дороги. Здесь в 0,4 м от современной поверхности находился кусок жернова (диаметр 0,5 м), зола, мелкие черепки и кусок миски красно-коричневого цвета с прямыми венчиками. Возможно, в этом месте была хозяйственная *яма*.

13. VIII. 66. Зачисткой закончили правый выступ мыса. В 2 м от предыдущего пункта в обрыве прослежены неясные контуры *ямы*, часть которой уничтожена обрывом. В заполнении, которое состояло из золы и мелкой керамики, компактной массой найдены обломки округлобокого горшка с прямым венчиком и лощеной поверхностью. Тут же собраны несколько обломков амфорных стенок и др. керамика.

14-15. VIII. 66. Сняли дерновый слой на площади 14 кв. м. Сразу под ним найдена керамика и кости животных. При зачистке найдена пастовая бусина, которая имитирует глазчатую, а также обломок какого-то бронзового предмета.

16-17. VIII. 66. Углубили очищенный от дерна культурный слой на 0,5 м. В нем найдено несколько десятков обломков керамики, образцы которой характерны для поселения.

18-19. VIII. 66. Расширили площадь раскопа еще на 10 кв. м. В 6 м от первой ямы прослежена еще одна, *третья*. Стенки ее прямые, глубина — 0,7 м, диаметр — 1 м. Заполнение состояло из обломков керамики, золы, мелкого камня. Найдена стенка горшка с ручкой-ушком (поверхность лощеная).

20. VIII. 66. Сделали прирезку раскопа еще на 14 кв. м. Характер культурного слоя такой же, как и раньше. Встречается много фрагментов амфор.

15. IX. 66. После продолжительного перерыва были возобновлены работы на поселении. Был вскрыт культурный слой в западном направлении от дороги. На глубине 0,5 м от современной поверхности встречается много костей животных. В 7 м на запад от хозяйственной ямы 3 и ямы 4 выявлена *яма 5*. Заполнение ее, как и предыдущих, состоит из золы, угля, костей животных, керамики (рис. 7: 16-19). Интересно, что в культурном слое попадает много обломков амфор. Некоторые из них поддаются раставрации. Амфоры — желтого и красного цвета, размеры их невелики. На довольно значительной площади найдены 3 обломка миски с лощеной поверхностью и дырками для скрепления.

16-20. IX. 66. Продолжали вскрывать культурный слой в западном направлении. В 10 м от дороги и в 8 м от хозяйственной ямы 5 выявлена *землянка*. Размеры ее до раскопок восстановить пока что невозможно. Печь находилась на возвышении. Под обмазан глиной. Первым признаком, которые наводили на мысль, что здесь должно быть жилище, были находки обожженной глины. В верхнем слое заполнения насыщенность керамикой и костями была большей, чем в нижнем, где керамика — мелкая. Возвышение, на котором находилась печь, по краям разрушилось, и под осыпался. Пока что контуры землянки прослеживаются хорошо, почти на самом полу найдена керамика (рис. 6: 1-12), кости. По ним определяются также и края. Около жилища найдено много керамики, но вся она сильно фрагментирована. Верхняя часть печи разрушена. Очевидно, поселение было покинуто не внезапно. На поде печи найдена горловина амфоры. Почти перед печью — серп, а около землянки — шило. Ниже печи в культурном слое найдена железная шпора (рис. 7: 7).

После окончания раскопок около жилища выяснилось, что в этом месте перекрыта хозяйственная яма. В ней найдены кости животных, некоторые из них в правильном анатомическом положении.

Выводы. Жилище, очевидно, было наземным, но проследить ямки от столбов в сильно гумуси-

рованном грунте не удалось. Это можно будет сделать только после дальнейших раскопок.

Яма 6. Размеры ямы — 1,4 x 1,45 м, глубина от уровня древней поверхности — 85 см. Стенки — прямые. Заполнение состояло из массы костей животных, фрагментов керамики, в т.ч. желтоглиняных амфор с одно- и двуствольными ручками.

Дневник 1967 г. [Хавлюк, 19676].

«17-21.X.67. Общая площадь раскопок — 300 кв. м.

Раскоп 1 — 256 кв. м. Расположен в восточной части селища, примыкает к жилищу 1, раскопанному в прошлом году. Вся площадь вскрыта одновременно. Около жилища 1 на границе кв. Д — 6,7 найден железный струг (рис. 7: 2), около пода печи — железная шпора (рис. 7: 7). За приблизительными границами жилища 1 керамический материал отсутствует. Наибольшее скопление его отмечено на северо-восток от квадратов линии Д — в кв. В, Б, А, в пределах которых находились хозяйственные ямы. Здесь найдены и датирующие вещи: фибула с высоким прорезным приемником и двумя валиками на дужке (I в. н.э.) (рис. 12: 4), в ямках много обломков желтоглиняных амфор с одно- и двуствольными ручками, а также обломки сероглиняной миски с загнутыми в середину краями. Все они в древности были связаны, о чем свидетельствуют следы дырок. Миска похожа на ольвийские гончарные I в. н.э.

Жилище 2. Выявлены только остатки пода и то только той его части, которая почему-то оказалась ниже слоя пашни и не была затронута плугом. Конфигурация остатков пода имеет овальную форму и занимает площадь 1,2 x 1,3 м. На поде, а также около него найдены несколько десятков фрагментов керамики (рис. 8: 1-4), среди них — по большей части обломки мисок с прямыми венчиками и валиками на переломе тулова; венчиков ребристых мисок, которые известны на позднескифских городищах Н. Днепра.

Обломки горшков: больше всего с подлощенной поверхностью, изредка встречаются обломки шершавых больших сосудов с нарезками или пальцевыми ямками на краях венчиков. Встречаются венчики мисок с прямо срезанным краем и скругленными бочками. Эти миски, как правило, желтоглиняные.

Как и поблизости первого жилища, в районе расположения второго жилища выявлены обломки желтоглиняных амфор с одноствольными ручками. Ни одной амфоры с двуствольными ручками не найдено в этом месте.

Размеры жилища не установлены, какие-либо следы ямок или скоплений керамики, костей животных отсутствуют. Причиной этого была, очевидно, распашка культурного слоя.

Жилище №2 также представлено только остатками глиняного пода от печи. Он занимает площадь 0,9 x 1,0 м. В плане остатки пода округлые, повреждены распашкой. На нем и около найдены

несколько десятков обломков керамики в сильно поврежденном виде, но керамика встречалась так редко, что сделать выводы о конфигурации жилища совершенно невозможно».

В краткой публикации материалов поселения Марьяновка указано, что на памятнике исследовано четыре жилища [Хавлюк, 1971, с. 85-88]. Из них лучше всего сохранилось первое, а прочие представляли собой остатки поврежденных распашкой очажных подов. Размеры построек не приводятся. Судя по дневниковым записям, нет уверенности, что П.И. Хавлюк исследовал именно жилища, а не расположенные вне объектов очаги, которые довольно часты на памятниках лесостепной зоны первой половины 1 тыс. н.э. Железная шпора отнесена к жилищу 1, хотя она по данным дневника была обнаружена ниже очага этой «постройки» в культурном слое. Упомянуты находки из шести хозяйственных ям.

В Винницком краеведческом музее хранится довольно значительная коллекция материалов из Марьяновки (как керамики, так и индивидуальных находок) (рис. 6; 7: 1-6; 8: 1-11; 9-11; 12: 1-3,7). К сожалению, в ее составе имеются не все предметы. Не сохранившиеся вещи на рис. 7: 7; 8: 12-18; 12: 4-6; 13 даны в графике П.И. Хавлюка. Керамика, хранящаяся в музее, происходит из культурного слоя и построек. Материалов с шифрами, указывающими на принадлежность фрагментов сосудов к другим объектам (ямам, очагам) нет. Закрытые комплексы, таким образом, на памятнике отсутствуют.

Кухонная керамика поселения Марьяновка представлена фрагментами округлобоких открытых и закрытых и ребристых (реже) горшков, дисков, полусферических крышек, с примесями шамота и шероховатой поверхностью (рис. 9; 10: 1-7; 12). Венчики некоторых сосудов орнаментированы насечками и вдавлениями. У одного из горшков край венчика украшен вдавлениями, расположенными в шахматном порядке (рис. 10: 5), что является архаичным признаком. В нескольких случаях верхние части горшков имели форму раструба, с внутренней стороны сосуда подчеркнутого гранью (рис. 9: 1,4; 10: 3). Из лощеной посуды наиболее часты обломки мисок с мелкими примесями в тесте, с прямыми венчиками, сглаженными, острыми и валикообразными ребрами (рис. 6: 5-8,10,11; 7: 1; 8: 1,2,6-12,16-18; 9: 8,10-12). Внутренние поверхности венчиков этих сосудов изредка снабжены 1-3 гранями. Довольно редко встречаются фрагменты округлобоких S-овидных и ребристых с зигзаговидным венчиком мисок (рис. 6: 3,4,9,13; 7: 5,13,14, округлобоких и ребристых лощеных горшков (рис. 6: 1,2). Лощеная посуда, как правило, не орнаментирована. Лишь на обломке одной из стенок видны расчесы, нанесенные гребнем по сырой глине (рис. 6: 12). Керамика поселения, в целом, типична для позднесла-

рубинецкого периода бассейна Южного Буга и очень близка посуде, происходящей с таких эталонных поселений Среднего Поднепровья, как Лютеж и Оболонь.

Импортная керамика из коллекции Винницкого музея представлена обломками красно- и коричневоглиняных амфор (рис. 7: 4; 8: 3,4). В публикации П.И. Хавлюка приведены фрагменты двустольных светлоглиняных амфорных ручек [Хавлюк, 1975а, рис. 6: 3,5,10] (рис. 9: 3,6,11). Из орудий труда, предметов быта и украшений в Марьяновке обнаружены два обломка железных серпов (рис. 12: 1; 13: 17), один – с зубчиками на лезвии (рис. 12: 1), железные шпора (рис. 7: 7), пять ножей (рис. 7: 3; 12: 2; 13: 14-16), обломок скобеля (рис. 7: 2), шило (рис. 13: 13), стеклянная бусина (рис. 12: 6), бронзовые деформированная трубочка-пронизь (рис. 12: 3), ворворка с треугольными прорезями (рис. 7: 6), кольцо с выступами-шишечками (рис. 12: 5), булавка с кольцеобразным навершием (рис. Б8: 7), несколько пряслиц, изготовленных из стенок сосудов (как правило, амфор), два пряслица конической формы, фрагменты миниатюрных сосудов и обломки двух бронзовых фибул: типов Альмгрен-69 (рис. 7: 4) и 236 (рис. 12: 4).

2. Носовцы. Поселение расположено на высоком холме, ограниченном с запада долиной ручья (очевидно, правого притока р. Соб левого притока р. Южный Буг), а с севера – сухой балкой [Хавлюк, 1967а, с. 4; 1971, с. 4]. Раскопки П.И. Хавлюка. Точная дата их не известна, но краткая информация помещена в отчете за 1967 г.

Вскрыто 180 кв. м, исследованы остатки двух жилищ и хозяйственной ямы. Раскопы заложены в местах скопления глиняной обмазки на поверхности пашни. От первой постройки сохранились остатки разрушенного очага, от второй – очаг и глиняная обмазка с отпечатками прутьев. Контуры жилищ в обоих случаях не прослежены. Из находок в краткой публикации упоминаются груболепная керамика, фрагменты лепных лощеных S-овидных округлобоких и ребристых, а также ребристых (в т.ч. и со сглаженными ребрами) мисок (рис. 14: 1-6), обломки амфор, три железных ножа (рис. 14: 7,8,10), два шила или пробойника (рис. 14: 8,11), бронзовые иголка от фибулы, трубчатая пронизка, синяя биконическая стеклянная бусина, плакетка с лежащей фигуркой льва из египетского фаянса (рис. 14: 12) [Хавлюк, 1971, с. 88-89].

Информация в отчете – очень краткая. Точные географические привязки памятника, какие-либо графические планы и профили отсутствуют. В фондах Винницкого краеведческого музея хранится коллекция керамики поселения, но она относится к эпохе бронзы или раннего железного века. О том, что более ранний, чем позднеславу-бинецкий, слой на памятнике имеется, свидетельствует описание миски из-под завала обмазки,

которое приводится в публикации П.И. Хавлюка: «... с ямочным орнаментом по середине и "жемчужинами" извне под краем наклоненного к середине миски и ровно заглаженного венчика» [Хавлюк, 1971, с. 89]. Такая керамика на памятниках зарубинецкого круга не встречена.

3. Рахны, могильник. Могильник (один из эталонных для позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта Восточной Европы) расположен на высоком плато правого берега р. Соб (левый приток р. Южный Буг) в 1 км севернее позднезарубинецкого поселения и в 0,5 км к северу от села на селище трипольской культуры (по данным паспорта, хранящегося в архиве Винницкого управления культуры) (рис. 16). Открыт П.И. Хавлюком в 1954 г. Раскопки памятника проводились в 1968-1969 гг. Вскрыто около 300 кв. м [Хавлюк, 1971, с. 89], обнаружено 12 погребений, большинство из которых находилось на уровне 0,4-0,6 м от современной поверхности. В качестве особенностей погребального обряда П.И. Хавлюк отмечал расположение костей в могилах: остатки черепа лежали сверху вместе с сопровождающим инвентарем (металлическими предметами, бусами, пряслицами, горшками). В 11 захоронениях покойники были сожжены на стороне, а в одном — на месте [Хавлюк, 1971, с. 89].

Отчеты с изложением результатов исследования памятника отсутствуют, соответственно, планов погребений нет. В архиве Винницкого краеведческого музея сохранился эскиз общего плана могильника. Он приводится на рис. 17. Описание, которое дается ниже, составлено по публикации П.И. Хавлюка с дополнением по дневнику раскопок из архива Винницкого краеведческого музея. В документации наблюдаются некоторые противоречия. Тем не менее, для полноты картины мы решили привести как можно больше информации из той, которая оказалась нам доступной. Рисунки вещей сделаны А.М. Обломским в фондах музея. Часть предметов, которые не сохранились или которые посмотреть не удалось, приводятся в рисунках П.И. Хавлюка из двух его публикаций [Хавлюк, 1971; 1975]. Некоторые предметы утеряны.

Первые три захоронения выявлены на распашанной поверхности памятника. В культурном слое обнаружены бронзовые оплавленная фибула типа Авцисса (рис. 18: 1), обломок другой фибулы (рис. 18: 2) и деформированный также испытавший воздействие огня браслет из бронзового круглого дрота с расплюснутым концом («несколько сбоку» от погребения 3) (рис. 18: 6) [Хавлюк, 1967], оплавленный бронзовый браслет с овальными шишечками на концах (над погр. 5) (рис. 18: 7) [Хавлюк, 1971, с. 91]. «Во многих местах могильника встречаются пережженные кости, прямо в пахотном слое и на его поверхности. Два контрольных раскопа показали, что в этих местах были захоронения, но они уничтожены распашкой. В одном

случае найдены обломки горшка и бусина, в другом — кости, четыре черепка от лощеного горшка черного цвета, пряслице и остатки бронзовых украшений в виде небольших вкраплений бронзы в грунте» [Хавлюк, 1967]. В коллекции Винницкого музея хранятся четыре пережженные шарообразные сердоликовые бусины, а в публикациях П.И. Хавлюка приведены рисунки бронзовых браслета и двух пронизей. Точные условия находки этих предметов ни в издании, ни на музейных шифрах не указаны (рис. 18: 3-5, 8-11).

Погребение 1 обнаружено на краю полевой дороги в 1954 г. Размыто весенними водами. Оно сопровождалось толстостенным изготовленным из красной глины горшком с прямыми венчиками и слегка выпуклыми боками. Среди кальцинированных костей обнаружено несколько украшений: проволочная дуговидная бронзовая сережка, пластинчатая пронизь, обломок пружины от фибулы и оплавленная бусина голубого цвета. Ямка, в которой находились остатки сожжения, размыта водой и не прослежена.

Погребение 2. Совершено в овальной яме размером 2 x 1,5 м. Захоронение прослеживалось, начиная с глубины 0,1 м ниже пахотного слоя, глубина которого на территории могильника составляет до 0,35 м. Сверху «сильно кальцинированных и фрагментированных» костей на расстоянии 0,4-0,6 м друг от друга лежали три горшка (рис. 19: 1-3). «Только нижний слой костей и один горшок были несколько отделены от других, что создает ощущение наличия в яме двух или трех отдельных погребений». Это предположение подтверждается приведенной в публикации фотографией [Хавлюк, 1971, рис. 5], на которой видно, что скопления костей явно «тяготеют» к каждому из трех обнаруженных в могиле сосудов. При этом первый, ближний к зрителю, расположен вниз венчиком, второй лежит на боку, а третий стоит на днище. Судя по дневниковым записям, вещи также концентрируются около сосудов. Рядом с первым «найденны бусы³; 6 шт. (рис. 19: 7): три оплавленных. Кальцинированные кости находились выше и ниже горшка». Со вторым связаны «пряслице, три бусины, и спираль⁴. Кости находились сбоку выше и ниже горшка». К третьему относились «8 бусин, 8 оплавленных, булава, железный предмет, 3 бронзовые трубки, которые лежали среди костей» [Хавлюк, 1967]. В публикации кроме этих вещей упоминаются еще два пряслица (одно — из стенки гончарного горшка, другое — глиняное биконическое), железная ведровидная подвеска (рис. 19: 4), железное кольцо [Хавлюк, 1971, с. 90-91].

³ Упомянутые в публикации «бусы из беловатого минерала, похожего на опал» [Хавлюк, 1971, с. 90] на самом деле являются обожженными сердоликовыми.

⁴ По публикации, возможно, пружина от фибулы [Хавлюк, 1971, с. 91].

Погребение 3. «Трупосожжение на месте выявлено в круглой яме (1,8 x 1,9 м) на глубине 0,2 м. Здесь найдено только несколько пережженных костей, комочки красной обгоревшей земли и куски неполностью сгоревших дубовых поленьев с погребального костра, а среди них — серая гончарная античная миска (рис. 19: 8)» [Хавлюк, 1971, с. 91]. По записи в дневнике в погребении обнаружено еще два фрагмента венчиков горшков, один из которых орнаментирован насечками [Хавлюк, 1967].

Погребение 4. «Расположено от первых трех в 8 м» [Хавлюк, 1967]. Кальцинированные кости и сосуды были рассредоточены на площади около 2 кв. м. В верхней части погребения стояли три больших поврежденных распашкой горшка: два с лощеной желто-коричневой поверхностью, третий — чернолощенный с ручкой у венчика. Ниже сосудов находился сплошной слой кальцинированных костей, среди которых стояли небольшой чернолощенный горшочек (рис. 20: 3), накрытый сверху плиткой песчаника, чернолощенная чаша на коническом поддоне (рис. 20: 2), коричневая миска с шероховатой поверхностью, повернутая кверху дном (рис. 20: 1). Среди костей найдена оплавленная одночленная бронзовая фибула с широкой спинкой, орнаментированная двумя рядами отпечатков зубчатого колесика (рис. 21: 1), два обломка бронзовых глазчатых фибул (рис. 21: 2,3), треугольный щиток с оплавленной нижней частью бронзовой фибулы зарубинецкого типа с вдавлениями, слеланными с внутренней стороны щитка. Каждая из получившихся выпуклых полусфер была оконтурена с наружной стороны щитка кольцом из прочеканных точек (рис. 21: 4). Из слоя костей происходят также два бронзовых дротяных браслета (конец одного из них орнаментирован насечками), обломок оплавленного бронзового браслета или гривны из перекрученного дрота (рис. 21: 9), три пряслица (одно — глиняное биконическое и два, изготовленных из стенок гончарных сосудов), 15 пережженных сердоликовых бусин (рис. 20: 4), три оплавленных стеклянных бусины, три бусины из голубой массы с рифленой поверхностью (египетский фаянс?) (рис. 20: 5) [Хавлюк, 1971, с. 91].

В коллекции Винницкого краеведческого музея хранятся еще один обломок бронзового браслета или гривны из перекрученного дрота (оплавленный) (рис. 21: 10), шесть обломков бронзовых браслетов или гривен из гладкого дрота (рис. 21: 6-8, 11-13), три трубчатые пронизи (рис. 20: 6-8). На всех этих вещах помечено, что они происходят из погребения 4.

Погребение 5. Сильно разрушено. Сверху пережженных костей лежали обломки двух чернолощенных мисок (рис. 22: 5), раздавленный красноглиняный горшочек, черепки от двух больших

сосудов коричнево-желтого цвета с лощеной поверхностью, два пряслица из стенок гончарных сосудов (из них одно — из черепка красноглиняной амфоры: коллекция музея) (рис. 22: 14).

Среди костей, «изначальное положение которых в верхней части было нарушено распашкой», найдены около 10-ти обожженных сердоликовых бусин (в музее находятся три) (рис. 22: 10-12), несколько сильно оплавленных стеклянных бусин (в коллекции музея сохранилась одна), «бронзовая полая бусина или подвеска, в середине которой было оплавленное стекло», деформированная пружина фибулы (рис. 22: 8) [Хавлюк, 1971, с. 91].

В Винницком музее, как происходящие из погребения, хранятся, кроме того, обломок браслета из дрота (рис. 22: 5), два куса оплавленной бронзы (рис. 22: 7,15), бронзовая трубчатая пронизь (рис. 22: 9), четыре спиралевидные пронизи (рис. 22: 2-4,6), глиняный предмет с вдавлением с одной стороны (рис. 22: 13).

Погребение 6. Обнаружено на глубине 0,35 м от современной поверхности. Кальцинированные кости найдены в пахотном слое. Они концентрировались на площади 0,8 x 0,9 м. Среди них обнаружена нижняя часть оранжевоглиняной амфоры [Хавлюк, 1971, с. 91] с примесью мелких черных и коричневых частиц в тесте (рис. 22: 16). На фотографии, помещенной в публикации, видно, что кости находились, в основном, к северу и, в меньшей степени, к востоку от скопления обломков амфоры [Хавлюк, 1971, рис. 8].

Погребение 7. Пережженные кости находились сразу под пахотным слоем и занимали площадь 1,1 x 1,4 м. Могильная яма не прослежена. У южного края скопления костей лежала испытывавшая воздействие огня глазчатая фибула (рис. 23: 1), а в северо-восточной части погребения — пружина от другой фибулы с остатками железной оси (рис. 23: 2). Здесь же найдена нижняя часть коричневого округлобокого с ручкой горшка. В слое костей обнаружены несколько фрагментов горшка или миски [Хавлюк, 1967; 1971, с. 91].

Погребение 8. Расположено в 21 м от предыдущего. Сильно разрушено распашкой. В могильной яме глубиной 0,1 м, прослеженной только в северной части, на пространстве 1,2 x 1,4 м лежали пережженные кости. На поверхности грунта обнаружен гончарный сероглиняный горшок «очень похожий на однотипные сосуды черняховской культуры» (рис. 23: 4). Здесь же находились фрагменты краснолощеного горшка с двумя ручками (рис. 23: 3). Среди костей найдены вещи из бронзы: восемь обломков треугольного в сечении браслета (рис. 23: 3), спиральная и пластинчатая пронизи (рис. 24: 1,3), часть пирамидальной формы подвески или колокольчика, стержень железного шила или иглы (рис. 24: 13) [Хавлюк, 1971, с. 91-92].

В фондах Винницкого музея хранятся еще несколько вещей, происходящих из погребения. К ним относятся бронзовые четыре спиральные пронизи (две — в обломках; рис. 24: 4,6-8), девять кусков браслетов или гривен из сегментовидного в сечении дрота (рис. 23: 7-14,18), пять — из круглого (рис. 23: 5,6,15,22,23), четыре — из прямоугольного (рис. 23: 15,17,19,20), две деформированные пластинчатые пронизи (рис. 23: 21; 24: 2), два кусочка оплавленной бронзы (рис. 23: 16,24), железный предмет (рис. 24: 12), пережженная сердоликовая бусина (рис. 24: 11), восемь оплавленных стеклянных бусин (рис. 24: 9,10).

Погребение 9 расположено в 20 м севернее погребения 3. Оно находилось ниже пахотного слоя на 0,1 м. Вещевые находки и кальцинированные кости занимали общую площадь 2 x 2 м, в пределах которой они лежали скоплениями, образуя общий массив только в центре погребения. Скорее всего, это было коллективное захоронение, совершенное одновременно.

В северо-западной части площади находилось скопление А. Здесь обнаружен разбитый груболепной горшок, от которого в фондах Винницкого музея сохранилось лишь днище с примесью шамота в тесте (рис. 24: 19). Кальцинированные кости лежали в нем и к северу от него. Среди них найдена глазчатая фибула без пружины и иглы (рис. 24: 16) и пережженная сердоликовая бусина (рис. 24: 15).

В скоплении кальцинированных костей Б обнаружены бронзовая оплавленная сильнопрофилированная фибула (рис. 25: 1), плоское пряслице из стенки амфоры (рис. 24: 14), несколько обломков бронзовых иголок, две небольшие части спиральных бронзовых пронизей, оплавленные пастовая и красная стеклянная бусины. Здесь же находились два горшка. Один — «тюльпановидной формы со слабо отогнутыми венчиками и овальными ручками» с подлощенной внешней поверхностью (рис. 24: 17), второй — «также черного цвета, но с широким дном и несколько более широкой шейкой. Верхняя часть его не сохранилась, а на спинке уцелела часть ручки» [Хавлюк, 1971, с. 93].

Около скопления костей В лежали два сосуда. Один из них был баночным «с прямыми венчиками и выразительным поддоном в нижней части, высота его 12 см» [Хавлюк, 1971, с. 93]. От второго чернолощеного двустороннего сохранилась лишь нижняя часть с обломком ручки (рис. 24: 18). Среди костей обнаружено 10 деформированных огнем стеклянных и пастовых бусин, «небольшая бляшка, частично развернутая трубчатая и проволочная спиральная пронизки» [Хавлюк, 1971, с. 93].

Скопление костей Г сопровождалось двумя горшками. Один из них — с шероховатой поверхностью, раструбообразным венчиком и примесью дресвы в тесте (рис. 25: 2). Второй — также кухон-

ный, края его венчика орнаментированы насечками. Этот сосуд восстановить не удалось.

В фондах музея хранятся несколько предметов, имеющих шифр «погребение 9» без деления на скопления. К ним относятся железная пластина (рис. 25: 11), две бронзовые иглы (рис. 25: 9,10), кусочек бронзового браслета из дрота (рис. 25: 8), шесть кусков оплавленной бронзы, три бронзовые спиралевидные пронизи (рис. 25: 3-5), остатки двух пластинчатых пронизей (рис. 25: 6,7); две пережженные сердоликовые бусины (рис. 25: 12,13), оплавленная стеклянная бусина. Не исключено, что часть из них попала в описание, приведенное выше.

Погребение 10. Находилось в 6 м на северо-восток от предыдущего. Яма не выявлена, кости и сосуды перекрыты слоем грунта толщиной 30 см, который частично распахан. Погребение сильно разрушено, особенно пострадала керамика. Описание захоронения в дневнике несколько отличается от помещенного в публикации. Ниже приводятся обе версии.

«Кальцинированные кости лежали отдельной кучкой. Среди них в сильно разрушенном виде находился горшок коричневого цвета, который сохранился только в нижней части. Костей было мало, при этом они попадались в грунте небольшими скоплениями. Среди них найдена бронзовая ромбовидная литая бляха с отверстием почти посередине (рис. 26: 2), а несколько западнее — обломки большого толстостенного лепного горшка коричневого цвета. Среди обломков сосуда оказалась глазчатая фибула (рис. 26: 4), и шейная проволочная гривна (рис. 26: 1) сравнительно хорошей сохранности.

Большой сосуд в этом погребении уничтожен распашкой. Отдельные фрагменты выявленных в погребении горшков находились в 5-6 м от погребения, севернее от него по склону, т.е. они были отнесены плугом во время распашки в направлении склона, откуда велась распашка» [Хавлюк, 1967].

«Основные остатки концентрировались двумя скоплениями на расстоянии 20-30 см друг от друга. Первое состояло из нескольких костей и битой посуды. Среди черепков выявлены глазчатая фибула и шейная проволочная гривна со следами фигурной обработки на концах и замком в виде двух выступов, заходящих друг за друга. Скопление кальцинированных костей размерами 0,4 x 0,4 м лежало на северо-восток от вещевых находок. Правда и тут среди костей найдено дно большого горшка и бронзовая ромбовидная подвеска с отверстием почти посередине» [Хавлюк, 1971, с. 94].

Погребение 11. Обнаружено в 14 м от предыдущего. Находилось на уровне 0,3-0,4 м. Размеры могильной ямы овальной формы — 1,4 x 1,7 м. Кальцинированные кости составляли два пятна в верхней ее части, а внизу их скопление имело расплывчатую форму. Из вещевых находок выявлены

три бусины (сердоликовая, пастовая и стеклянная). В северо-западной оконечности ямы найдено пряслице, изготовленное из черепка сероглиняного сосуда (рис. 25: 14). Керамика представлена несколькими черепками [Хавлюк, 1967; 1971, с. 94]. В фондах музея хранится пять оплавленных стеклянных бусин из погребения.

Погребение 12. Находилось сразу под слоем пашни на глубине 0,35 м. Овальная в плане яма размерами 1,45 x 1 м и глубиной 0,15 м была вытнута по длинной оси с юго-востока на северо-запад. Кальцинированные кости в ее пределах расположены сплошной полосой, хотя небольшая их кучка находилась несколько в стороне. В погребении обнаружены железная пружина фибулы (рис. 26: 5), обломок бронзовой гривны, браслета или сьюльгамы (рис. 26: 3), бронзовая подвеска-лунница с остатками приклепанного ушка (рис. 26: 6), две обожженные сердоликовые бусины (рис. 26: 8) [Хавлюк, 1967; 1971, с. 94]. В фондах Винницкого музея хранится также бронзовая спиралевидная пронизь (рис. 26: 7).

4. Рахны, поселение. Поселение расположено в 300 м западнее села на склонах плато правого берега р. Соб (левый приток р. Южный Буг) (рис. 16). Размеры по плану в паспорте — около 400 x 250 м. Частично разрушено карьерами. Открыто П.И. Хавлюком в 1956 г. В 1968 и 1970 г. им были проведены раскопки. На памятнике, кроме позднезарубинецких, имеются отложения трипольской и черняховской культур. Материалы частично опубликованы [Хавлюк, 1971, с. 94-95]. Информация об исследованиях селища, которая приводится ниже, дается по паспорту на памятник (архив Винницкого областного управления культуры), дневникам и отчетам П.И. Хавлюка, материалам из коллекции Винницкого краеведческого музея, зарисованным А.М. Обломским и Ю.Ю. Башкатовым. Необходимо отметить, что из-за ремонта в музее не все коллекции оказались нам доступны.

В 1968 г. в обрыве карьера для забора глины расчищено **жилище-полуземлянка 1** (рис. 27: 1) [Хавлюк, 1975, рис. 2: 2]. Оно частично разрушено, углублено в материк на 0,7 м. Размеры уцелевшей части — 3 x 3,5 м. На полу сохранились остатки «печи или очага» в виде кучи обожженной глины размерами 1,2 x 1 м. В нижней части она имела комковатую структуру, в которой помещались черепки сосудов. В северном углу находилась хозяйственная яма диаметром около 1 м и глубиной 0,3 м. Из ее заполнения происходят пепел, угли, кости быка и свиньи, керамика, в т.ч. обломки светлоглиняной амфоры. В заполнении жилища обнаружены «обломки горшков серо-коричневого и черного цвета, украшенные по краю нарезками и пальцевыми ямками, черепки чернолощенных мисок и глиняных дисков с лощеной поверхностью. Около очага лежала одночленная фибула с широкой спинкой» (рис. 27: 2) [Хавлюк,

1967; 1970а, с. 1; 1971, с. 94]. В дневнике П.И. Хавлюка факт находки фибулы не отмечен. Из керамики, хранящейся в музее, достоверно к постройке относится лишь фрагмент чернолощенной миски с прямым вертикальным венчиком и валикообразным ребром и днища сероглиняного гончарного сосуда с шероховатой поверхностью (рис. 27: 12,13). Коллекцию вещей из постройки 1 в фондах Винницкого музея составляют глиняное лепешковидное пряслице с шероховатой поверхностью (рис. 27: 6), изогнутый железный прут (рис. 27: 7), серия деформированных огнем вещей из бронзы: игла (рис. 27: 3), фрагмент браслета (рис. 27: 5), проволочное кольцо (рис. 27: 9), три пластинчатых пронизи (рис. 27: 4,8,10), кусочек проволоки (рис. 27: 11).

В 1970 г. на памятнике заложено восемь раскопов. Общий его план с обозначением вскрытых площадей отсутствует.

Раскоп 1 (площадь — 49 кв. м). В его пределах обнаружена **«хозяйственная яма** овальной формы размерами 1,5 x 1,3 м. Стенки ее прямые. Всего в заполнении ямы было 774 черепка, преимущественно от горшков с шероховатой поверхностью. Два фрагмента принадлежат диску. Глубина ямы от уровня древней дневной поверхности — 0,55 м (рис. 28)» [Хавлюк, 1970б].

Раскоп 2 (площадь — 100 кв. м). В его границах исследовано **жилище 2**. «На глубине 0,3 м, т.е. под пахотным слоем, прослежено пятно гумуса со значительным содержанием обожженной глины, а в трех местах — скопления обмазки, залежавшей небольшими по площади пятнами, с гладкой поверхностью. Среди глины найдены отдельные черепки посуды (обломки мисок, венчики шероховатых горшков, наконечник стрелы или дротика, прясло из стенки амфоры и др.). Наиболее интересны обломки светлоглиняного горшка с вертикальными по венчику и беспорядочными по стенке расчесами гребенкой. Этот орнамент среди зарубинецких древностей Южного Буга найден впервые. По краю венчика горшок имеет углубленный орнамент. Размеры жилища, судя по пятнам глины, достигают 4 x 3 м. Жилище было наземным со стенками из жердей. Ямок от столбов не прослежено». [Хавлюк, 1970б]. По отчету в жилище найдена половина чернолощенной миски и фрагменты горшков, пряслице из стенки сосуда [Хавлюк, 1970а, с. 2-3, рис. 7: 2-5,7]. План постройки нигде не приводится. Коллекцию находок из раскопа 2 в фондах Винницкого музея составляют груболопная миска с вертикальным венчиком и обломок верхней части горшка (рис. 29: 1,2), фрагменты лепных лощеных ребристых мисок с прямыми венчиками (рис. 29: 3,5), обломки амфор (рис. 29: 4-8), пряслице из черепка чернолощенного сосуда (рис. 29: 9).

Раскопы 3 и 4 (площадь 200 кв. м). Здесь исследовано **жилище 3**. «Как и в предыдущем случае,

остатки жилища в виде глиняной обмазки, скопления черепков посуды залежали под пахотным слоем (рис. 30). На площади 4 x 4 м найдены остатки обмазки, обломки миски с лощеной поверхностью, несколько десятков черепков от посуды с шероховатой поверхностью и сероватого цвета. В юго-западном углу пятна прослежены остатки горелого дерева, видимо, от крыши (дуб), в юго-восточном углу — яма, заполненная комками горелой глины и черепками посуды, глиняной обмазкой, с одной стороны на ней видны отпечатки колотых плах, в яме было также несколько обломков мисок, горшков и костей животных. Под зарубинецким наземным жилищем оказалась трипольская землянка» [Хавлюк, 1970б]. В отчете указано, что «на месте жилища 3 сохранились остатки обожженного пода печи или очага, обломки мисок и горшков, два пряслица из стенок привозной посуды, венчик гончарной античной миски и несколько костей коровы». В отчете приводится и план постройки [Хавлюк, 1970а, с. 3, 8]. По данным коллекции Винницкого музея из раскопов 3 и 4 происходят обломки груболепных сосудов (рис. 31: 1,3), фрагмент лощеной лепной ребристой миски с прямым венчиком (рис. 31: 2), высокое биконическое пряслице с шероховатой поверхностью (рис. 31: 4). Последнее, впрочем, могло быть и более поздним и не иметь отношения к находкам первых веков н.э.

Раскоп 5 (площадь — 64 кв. м). **Жилище 4.** «Прослежены два пятна глиняной обмазки или печей. В заполнении в верхней части найдено несколько десятков черепков посуды, обломки мисок, горшков. Среди костей — кусок рога благородного оленя, обрезанный с двух сторон. Следы обрезки сохранились достаточно хорошо. Из других предметов — обломок и целое прясло из стенки сосуда, железный ножик и шиловидный стержень» [Хавлюк, 1970б]. План постройки отсутствует. В коллекции Винницкого музея из раскопа 5 происходят фрагмент венчика груболепного сосуда с насечками по краю (рис. 31: 9), пряслице из стенки лепного лощеного сосуда (рис. 31: 5), очевидное, упомянутое выше.

Раскоп 6 (площадь — 49 кв. м). «Почти в центре расчищена кучка жженных костей диаметром 0,35 м, аккуратно сложенных в виде круга. Рядом оказалась яма, заполненная в верхней части гумусом, мелкими черепками посуды и комочками глины (рис. 32). В верхней части заполнения оказалась пастовая подвеска в виде сидящего льва (рис. 33: 8). Глубже яма была заполнена серой почвой, смешанной с золой и изредка с угольками. Попадались мелкие обломки керамики со слюдой в глине. Вокруг горелых костей найдено 6 шт. прясел, изготовленных из стенок амфор или античных горшков, и одно глиняное биконическое. В заполнении оказались также несколько костей: ребра, два обломка челюстей крупного

кабана и ноги, возможно, также свиньи. На самом полу после засыпки найден втульчатый обломанный наконечник стрелы. Вероятнее всего, в этом месте находилась полуземлянка, углубление которой не прослежено. Кости находились на глубине 0,3 м от современной поверхности компактной кучкой. Лишь в трех случаях среди заполняющей окружение скопления костей найдено три кости. Часть костей внутри скопления сгорела не полностью, под костями найдены семь обломков горшка серого цвета с шершавой поверхностью. Яма, прослеженная вблизи, имеет размеры: 1,4 x 1,25 м, глубина — 85 см. Стенки ее внизу расширены наружу. В одном месте заметно покраснение стенки ямы от горения» [Хавлюк, 1970б]. Дополнения по отчету, где эти объекты интерпретированы, как «*жертвенное место*, сооруженное в последний период существования селища, поскольку под костями выявлены материалы более раннего характера»: «на одном уровне с костями найдено около двух десятков обломков горшков с ушками, стенки груболепных горшков, характерных для селища и могильника, и только три обожженных кости» [Хавлюк, 1970а, с. 3]. В отчете приводятся план и профили этих объектов [Хавлюк, 1970а, рис. 4]. В коллекции Винницкого краеведческого музея из раскопа 6 хранятся фрагменты ручки и венчика красноглиняных амфор (рис. 33: 1,2), груболепная керамика, в т.ч. обломки горшков (включая один — с псевдоручкой) (рис. 33: 4,6), миски со слегка изогнутым венчиком и острым ребром (рис. 33: 3), края полусферической крышки (рис. 33: 5); лепная посуда с лощеной и подлощенной поверхностью: фрагменты горшка (рис. 33: 7), кружки (рис. 34: 7), ребристой миски с прямым венчиком (рис. 34: 3), плоских дисков (рис. 34: 1,2,10), а также пять пряслиц, изготовленных из стенок амфор (рис. 31: 6,7,11), лепного лощеного сосуда (рис. 31: 12), серолощеного гончарного черепка (рис. 31: 13), глиняное биконическое пряслице с подлощенной поверхностью (рис. 31: 10).

Раскоп 7 (площадь — 81 кв. м). **Жилище-полуземлянка 2** (рис. 34: 3). «Размеры — 4,0 x 3,45 x 3,3 м, углублена на 0,3-0,4 м (по отчету — в материк А.О.). Печь находилась несколько ближе к юго-восточной стенке, но ставилась она явно по центру. Сверху имеет вид беловатой обожженной глины, растрескавшейся на мелкие обломки, еще ниже — комковатую структуру красного цвета и почти у самого основания — желтый цвет обыкновенной глины. С северной стороны в обмазке заметен черепок.

Заполнение полуземлянки состояло из редких обломков черепков, их найдено всего четыре десятка, среди них — горшки из черноватой и красной глины, очень напоминают последние керамику черняховской культуры, обломки миски черного цвета с лощеной поверхностью, а так-

же стенка желтоглиняной амфоры, впервые найденная на этом поселении, одно прясло и несколько костей животных, преимущественно, осколки. Вообще, заполнение выделялось слабо, изредка в нем попадались кусочки глиняной обмазки, замешанной на полове и соломе.

Пол уплотнен, изъеден кротовинами и норами грызунов, на его поверхности найдена зола, угольки... В обмазке печи в верхней части оказался обломок конусовидной чаши с коническим поддоном, изготовленной из желтой глины» [Хавлюк, 1970б]. В коллекции музея к жилищу относится фрагмент верхней части груболепного горшка (рис. 34: 8). Шифры раскопа имеет также пряслище из черепка лепного лощеного сосуда (рис. 34: 6).

Раскоп 8 (площадь не указана). **Хозяйственное сооружение** (рис. 35: 1). «Размеры прослеженного по заполнению углубления — 4 x 4 м. Заполнение состояло из большого числа грубой лепной керамики серо-грязного, желтого и черноватого цветов, преимущественно, горшков. Несколько мисок имели лощеную поверхность. Контуры углубленной части сооружения прослеживались плохо. Лучше всего они оконтурены с северо-западной стороны, где у стенки стояли три днища крупных горшков, фиксируя край сооружения. В сооружении среди керамики найдено несколько костей животных, преимущественно, крупного рогатого скота» [Хавлюк, 1970б]. В отчете описание этого объекта отсутствует.

В коллекции Винницкого музея к раскопу 8 относятся обломки груболепных горшков (рис. 35: 2-5), лепная лощеная керамика: фрагмент кружки (рис. 35: 6), ребристой миски с прямым венчиком (рис. 35: 7); полого поддона сосуда (рис. 35: 8).

По той керамике, которая приведена на рис. 27-35, видно, что памятник относится к кругу Марьяновки. В пахотном слое, судя по шифрам музея, найдена, также, одночленная фибула с плоской спинкой, орнаментированной насечками, расположенными «елочкой» (рис. 27: 14). Упоминаний об этой находке нет ни в отчете, ни в дневниках раскопок. Не исключено, что она происходит из слоя могильника, т.к. на предмете видны следы воздействия огня.

5. Соколыцы. Публикуемые сведения о памятнике взяты из паспорта П.И. Хавлюка, хранящегося в Винницком управлении культуры и его дневника за 1974 г. [Хавлюк, 1974]. В отчетах информации о памятнике нет.

Поселение примыкает с востока к восточной окраине села. Находится в верхней части плато левого берега р. Южный Буг. Размеры памятника — 100 x 600 м. Открыто П.И. Хавлюком в 1956 г., повторно обследовано в 1974 г.

«Разведка дала возможность уточнить, что селище имеет размеры около 600 м. Оно на востоке упирается в Кузьминский лес, а на западе — в

глубокий яр. Северная часть поселения занята современным селом и кладбищем.

На распаханной поверхности по обе стороны дороги прослеживаются следы распаханых жилищ. В левом срезе дороги были зачищены остатки хозяйственной ямы с ровными стенками. Глубина ее от уровня современной поверхности — 1 м. В яме найдены несколько фрагментов типичной керамики сероватого цвета и нижняя часть челюсти молодого коня. Выходы культурного слоя в срезе дороги отмечены также и вдоль правого края.

Вблизи дороги перед въездом на современное кладбище был заложен шурф размерами 2 x 2 м. Он дал возможность собрать значительное количество керамики, в основном, горшков и в меньшей степени мисок. В этом же раскопе выявлены обломки нескольких глиняных дисков и фрагмент жернового камня из луговского вулканического туфа, что является первой находкой жерновов на зарубинецком поселении. Миски имеют резкий изгиб и наклон венчиков в середину. Попадались сосуды на поддонах. Отдельные фрагменты хорошо заложены. Горшки по венчикам имеют орнамент из ногтевых насечек. На селище найден обломок ручки от горшка и множество образцов керамики, привезенной из эллинистических городов Северного Причерноморья. По характеру керамики селище можно отнести к памятникам типа Марьяновки» [Хавлюк, 1974].

Коллекция находок, которая хранится в фондах Винницкого краеведческого музея, значительно менее богатая, чем та, что описана П.И. Хавлюком. Материалы, таким образом, сохранились не полностью. Тем не менее, сделанный им вывод о культурной принадлежности памятника подтверждается фрагментами мисок с прямыми венчиками (в одном случае — с валикообразным ребром) (рис. 36: 18,19), характерной груболепной посудой (рис. 36: 14-17). Сведения о позднерубинецких материалах памятника публикуются впервые.

6. Шурицы. Публикуемые сведения о памятнике взяты из паспорта П.И. Хавлюка, хранящегося в Винницком управлении культуры и его дневника за 1974 г. [Хавлюк, 1974]. В отчетах информации о памятнике нет.

Поселение находится на плато и склонах, обращенных к левому берегу Южного Буга (точнее, Ладьжинского водохранилища) на северной окраине села в ур. Березина. Размеры памятника 400 x 100 м. Открыто П.И. Хавлюком в 1958 г., повторно осмотрено в 1974 г. На памятнике зафиксированы черняховские и раннесредневековые славянские напластования. «В обрыве берега, но южнее выхода раннеславянских материалов, выявлены остатки культурного слоя зарубинецкого селища. В грунте на высоте 1 м от уровня водохранилища и на глубине 1,1 м от уровня

современной поверхности обнаружен развал миски, по форме глубокой, и фрагмент обломка керамики черного цвета с лощеной поверхностью. Зачистка обрыва не дала результатов. В этом месте было найдено два десятка обломков керамики и два обломка глиняных дисков» [Хавлюк, 1974].

Материалы из коллекции Винницкого краеведческого музея публикуются на рис. 38. Они достаточно типичны для памятников Южного Побужья позднерубинецкого круга. Показательны обломок лощеной ребристой миски с прямым вертикальным венчиком (рис. 38: 2), подлощенной конической крышки (рис. 38: 5), фрагменты округлобокого кухонного горшка с насечками по венчику, примесями шамота и дресвы в керамическом тесте (рис. 38: 6), трех дисков, один из которых имел шероховатую поверхность, второй — подлощенную, а третий — лощеную снизу. Внешняя поверхность последнего украшена штрихами (рис. 38: 1,3,4).

Сведения о памятнике публикуются впервые.

Ильинецкий р-н

7. Париевка. Поселение расположено в 500 м на юг от северо-восточной окраины села на правом берегу безымянного ручья — левого притока р. Соб (левого притока р. Южный Буг) на высоком обрывистом мысу. Через центральную часть поселения проходит высоковольтная линия. Размеры памятника — 500 x 300 м (рис. 39). В 1975 г. на памятнике проводил раскопки П.И. Хавлюк, исследованы два жилища. Ниже публикуются выдержки из его отчета. «Раскопки были заложены около высоковольтной линии напротив карьера для добычи щебня. Всего заложено 2 раскопа общей площадью 140 кв. м».

Раскоп 1 (площадь 90 кв. м). **Жилище 1** (рис. 40). «Раскоп разбит на месте большого скопления глиняной обмазки». Постройка была наземной. «Жилище 1 представляло собой прямоугольное сооружение, ориентированное длинной осью по линии север — юг. Длина жилища — 8 м, ширина — 3,5 — 4 м. В пределах контуров выявлено много глиняной обмазки с отпечатками хвороста. Лишь в некоторых случаях отмечены отпечатки жердей диаметром около 4 см. Среди материала следует отметить кости животных. Их, правда, немного и принадлежат они, в основном, коню и корове. Керамика вся — темно- и светло-коричневого, иногда, серого цвета. Обжиг — средний, изготовлена при помощи кольцевого налеса, который характерен для зарубинецкой культуры Южного Побужья. В пределах жилища найдены два куса кварцита, позднескифский наконечник стрелы. Изготовлен он из сплава и сохранился без следов окисла. В границах жилища прослежены три небольших углубления. Одно — овальной формы, глубиной 20-30 см в северной части жилища, дру-

гое — круглой формы в центре жилища и третье — также круглой формы диаметром 1,7 м около южной поперечной стены. В последнем углублении было сконцентрировано значительное количество керамики. Среди нее — половина банкоподобного груболепного горшка с прямыми стенками коричневого цвета, два больших бруска из песчаника, один из которых рассыпается. На него, возможно, воздействовал огонь во время пожара в жилище. Здесь же найден гранитный жерновый камень с круглым отверстием по центру, кости животных. Вместе с мисками зарубинецких форм с прямыми и эсовидной формы венчиками в жилище неоднократно встречались миски позднескифских форм с загнутыми в середину венчиками. Глубина наибольшего по площади углубления около северной стены — 0,40 м. Следов печи или очага в жилище не обнаружено. Не выявлены также следы столбов или кольщиков от каркаса жилища».

В фондах Винницкого музея хранится фрагмент венчика груболепного горшка, который происходит из жилища. Образцы керамики из постройки приводятся и в отчете П.И. Хавлюка (рис. 42: 3,4,11,13).

Раскоп 2 (площадь 49 кв. м). **Жилище 2.** «Раскоп 2 был заложен недалеко от опоры высоковольтной линии на расстоянии 90 м от раскопа 1. После выборки заполняющего грунта, который состоял из гумуса темного цвета, насыщенного пеплом, мелким камнем, углем, костями животных и керамикой, прослежены контуры прямоугольного углубления размерами 3,3 x 2,8 м и глубиной до 0,5 м. Ориентировано углубление углами по линии север-юг и параллельно склону мыса, как и первое жилище (рис. 43).

В границах углубления найдено несколько десятков обломков глиняной обмазки, керамика и кости животных. Среди находок — три обломка эллинистических красноглиняных амфор половинной емкости III-II вв. до н.э. Наибольшее количество сосудов — горшки с высокими плавно отогнутыми венчиками. Они по форме напоминают позднескифские. В меньшем количестве встречены небольшие горшки. На втором месте по количеству находок — миски. По конфигурации венчиков они — ребристые с прямыми венчиками и легким наклоном всередину. Часть мисок имеет округлые бока, наклоненные всередину венчики с закраинами и характерными для позднескифского времени налестами-выступами. Следы печи или очага в жилище не обнаружены.

В центре между раскопами заложены 2 шурфа размерами 1 x 1 м. Из них происходит керамика (рис. 42: 6,8,10)» [Хавлюк, 1975в, с. 18-20].

В фондах Винницкого музея хранится несколько венчиков груболепных сосудов из жилища 2 (рис. 41: 2-6). Керамика из постройки приведена и в отчете П.И. Хавлюка (рис. 42: 1,2,5,7,9,12).

Яма 7, из которой происходит крупный фрагмент венчика груболепного горшка (рис. 41: 1), в отчете не упомянута.

По наличию скифской керамики П.И. Хавлюк склонен датировать поселение более ранним временем, чем прочие южнобугские. Тем не менее, некоторые из мисок (рис. 42: 1,3) имеют такие же прямые венчики и ребристый перелом тулова, как и формы из Марьяновки, Носовцев, Рахнов, т.е. «зарубинецкий» слой относится к тому же времени, что и эти памятники. Скифские материалы, скорее всего, более ранние и на площадях объектов смешаны с позднезарубинецкими механически.

Материалы памятника издаются впервые.

8. Пархомовка. Селище расположено в 0,3 км к востоку от села на первой надпойменной террасе левого берега р. Кальник (правый приток р. Соб левого притока р. Южный Буг) в ур. Гонтове. Размеры памятника — 400 x 150 м (рис. 45). Поселение открыто П.И. Хавлюком в 1975 г., в 1977-1978, 1985 гг. здесь были проведены раскопки.

Площадь раскопов 1977 г. составила 275 кв. м. На памятнике обнаружены материалы трипольской культуры, позднезарубинецкие, раннесредневековые славянские. Ниже публикуются сведения о позднезарубинецких объектах.

Наземное жилище 1. «Это сооружение прямоугольной формы размерами 7,7 x 4,4 м (рис. 46). Возле восточной боковой стены выявлена яма прямоугольной формы размерами 2,15 x 1,6 м, с прямыми стенками, глубиной 0,6 м. Заполнение ямы состояло из глиняной обмазки стен с отпечатками хвороста, черепков и костей животных. На расстоянии 1,2 м от ямы находился очаг. Он представлял собой глиняный хорошо обожженный под. На поде лежало шесть камней, фрагменты керамики, кости животных, преимущественно, быка. Почти на всей площади жилища, пол которого был ниже древней поверхности на 0,4 м, находилась глиняная обмазка от стен, кости животных, керамика, камни, два куса песчаника. В западной части жилища найдены две бронзовые трубки-пронизки (рис. 49: 9) и фибула среднелатенской схемы, которая хорошо датирует жилище II в. до н.э. Об этом свидетельствует также и керамика, которая не встречалась до этого на поселениях Южного Побужья. Кроме традиционных зарубинецких форм керамики, которая характерна для Южного Побужья, в жилище 1 найдены фрагменты горшков, орнаментированных пальцевыми ямками, и миски эсовидного профиля, которые до этого не были известны на поздних памятниках Побужья. В жилище найдены также обломок проколки-иголки из кости (рис. 49: 8) и обломок костяной иголки. Такие орудия использовались для прошивания грубой ткани, плетения матов и нанизывания рыбы на веревку для вяле-

ния. Из числа железных орудий следует упомянуть два черешковых ножа (рис. 49: 6,7) и наконечник стрелы, а также глиняное бочкообразное пряслице».

Материалы из жилища сохранились не полностью. В частности, утрачены фибула, пряслице, один из обломков проколки, наконечник стрелы. Груболепная керамика из постройки, которая хранится в фондах Винницкого краеведческого музея, приводится на рис. 47, лепная лощеная — на рис. 48, 49. В постройке обнаружен крупный обломок сероглиняного позднеантичного гончарного сосуда с шероховатой поверхностью, скорее всего, кувшина (рис. 48: 1). Набор лощеной посуды из постройки (ребристые миски с прямыми венчиками, немногочисленные обломки округлобоких мисок с S-овидными профилями) типичен для поселений региона, которые датируются первыми веками н.э. (Марьяновка, Рахны, Носовцы). Считать материалы из жилища 1 более ранними, как представляется, нет достаточных оснований.

«Единый комплекс с жилищем составили две хозяйственные ямы, расположенные от него на расстоянии менее 1 м. **Яма №1** в плане овальная (1,9 x 1,5 м). Стенки вертикальные, глубина — 0,8 м. Заполнение состояло из гумуса, смешанного с костями животных (бык), керамикой и обломками красно- и желтоглиняных амфор (рис. 50).

Другая яма (**яма №2**), расположенная рядом, имела круглую форму (1,6 x 1,6 м). Стенки прямые, глубина 0,6 м. Заполнение аналогично первой яме». Керамика из фондов Винницкого музея приведена на рис. 51: 1,4,7,8,10.

«**Жилище 2** расположено от первого на расстоянии около 3 м. Его можно назвать жилищем условно, потому что ни печи, ни очага тут не найдено. Форма его также необычна, в виде трапеции, размеры сторон 4,8 x 5,0 x 4,0 x 3,9 м, углублено в грунт на 0,4 м (рис. 52). В жилище 2 найдено значительное количество костей быка домашнего, а также диких животных (лисица, бобр). Заполнение состояло из гумуса, смешанного с пеплом и керамикой, мелких гранитных камней. Среди керамики преобладали формы позднезарубинецкой лепной продукции, в т.ч. ребристые миски, хотя присутствовали и миски эсовидного профиля (рис. 54, 55), а также образцы сосудов, орнаментированных пальцевыми ямками и бугорками (рис. 53: 2-4,6,8). В левом нижнем углу жилища найдена фибула с бусинами на спинке, которая датируется временем около рубежа н.э., серебряная бляшка с орнаментом-выпуклинами на внешней поверхности (на самом деле, бронзовая А.О.; рис. 49: 11) и пряслице из стенки красноглиняной амфоры. Из числа керамических форм следует отметить фрагменты горшков с вертикальными лощеными венчиками (рис. 55: 7), кружки с ручками (рис. 55: 5), небольшие горшки с сосковидными налестками (рис. 53:

4), горшки с насечкой по краю венчиков (рис. 53: 3), обломки посуды с налпами (рис. 53: 4,6) и сосуда на высоком кольцевом поддоне.

Можно допустить, что жилище 2 относится к более позднему времени, чем жилище 1».

Ряд вещей из постройки утрачен, в т.ч. и фибула.

«К зарубинецкому времени можно отнести также *яму №3*, которая была расположена в конце раскопа. В плане она — овальная (1,9 x 1,7 м). Стенки прямые, глубина — 0,7 м. Заполнение ничем не отличалось от предыдущих ям, тут найдены керамика, кости и обломки амфорных стенок.

На отдалении 20 м от раскопа был заложен *шурф*. Между раскопом и шурфом площадка поселения повреждена двумя силосными ямами. Шурфом выявлен поврежденный культурный слой зарубинецкого поселения, в котором найдена керамика с ранними признаками (эсовидного профиля миски) (рис. 51: 2,3,5,6,9; 56; 57). Из числа орудий труда следует упомянуть железный нож» [Хавлюк, 1977, с. 12-14].

Для части фрагментов сосудов из культурного слоя поселения (раскопки 1977 г.) и бронзовой пластинчатой пронизи, хранящихся в фондах Винницкого музея, установить связь с конкретной вскрытой площадью не удалось (рис. 58).

«Раскопы 1978 г. находились рядом с раскопами 1977 г. на отдалении от предыдущих на 20 м. Заложено четыре раскопа общей площадью 348 кв. м и несколько поисковых траншей.

Раскоп III. Хозяйственные ямы. Через 20 м от раскопов 1977 г. был заложен **раскоп III**, где в пахотном слое обнаружено много керамики зарубинецкого времени (рис. 60: 1-11). Значительное число керамики относится ко II в. до н.э., она, в основном, сосредоточена вблизи ям №№ 5 и 14. Под пахотным слоем прослеживалось скопление керамики по всей площади раскопа. Тут найдены стенки горшков, как правило, с грубой обработкой поверхности, несколько стенок красноглиняных амфор, кости животных, среди которых большинство принадлежали быку-корове, лошади и дикому кабану. Из предметов найдено ложило из кости коня (рис. 60: 14), железная проколка (рис. 60: 13) и два пряслица (рис. 60: 12). Площадь раскопа была зачищена, после чего были выявлены контуры 10 хозяйственных ям. Все они прослеживались в виде темных пятен грунта, насыщенного углем, керамикой и костями, а также мелкими обломками гранита.

Яма №5. Контур ее, как и всех, прослежены на глубине 0,5 м от современной поверхности. В верхней части она имела вид овала размерами 1,6 x 2,2 м (рис. 59). Стенки прямые, дно ровное. Заполнение состояло из нескольких обломков керамики с грубой поверхностью, костей коровы и пепла, смешанного с мелким древесным углем. Среди керамических образцов, которые можно

определить (рис. 61: 1-3), следует отметить обломок венчика миски с лощеной поверхностью, которая относится к ранним образцам. Такие миски встречаются на позднескифских поселениях Южного Побужья, и яму можно отнести ко II в. до н.э.

Яма №6. Расположена в 1,5 м от предыдущей. В плане имела овальную форму неправильных очертаний. Размеры — 2 x 2,6 м (рис. 59). Заполнение верхней части состояло из костей животных и обломков керамики. Вся керамика — грубой обработки (рис. 61: 4,5). Лощеными были только стенки мисок. Грунт смешан с пеплом и углями. В заполнении найдена часть ручки и стенки красноглиняной амфоры с заглаженными боками, они использовались как ложило. На основании обломков амфор яму можно отнести ко II-I вв. до н.э. Удлиненные неправильные очертания ямы объясняются тем, что она перекрывается более поздней славянской ямой или небольшим углублением, в котором найдены днище с закраиной и три стенки славянских горшков со слабо отогнутыми венчиками VI в. Стенки ямы — прямые. Глубина — 0,95-1,0 м.

Яма №7. В плане овальной формы. Диаметр — 1,25-1,3 м. Стенки прямые, глубина 0,5 м (рис. 59). Заполнение — грунт, смешанный с пеплом и углем. Найдены несколько стенок керамики, в т.ч. мисок с прямыми венчиками (рис. 61: 6).

Яма №8. В плане овальной формы. Диаметр — 1,6-1,8 м, стенки прямые, глубина — всего 0,35 м (рис. 59). В заполняющем яму грунте найдено несколько обломков керамики (рис. 61: 7), обломок ручки горшка, кости животных и обломок горловины светлоглиняной амфоры I в. до н.э. — I в.н.э.

Яма №9. Неправильной овальной формы. Правое пятно — на глубину 0,2 м, левое — на глубину 0,2 м, к центру стенки суживаются до глубины 0,85 м (рис. 59). Сверху заполнение ямы состояло из обожженной глины, пепла и нескольких стенок керамики. Размеры ямы — 1,14 x 1,8 м, глубина — 0,85 м.

Яма №10. Овальная в плане, диаметр 2,2 x 2,8 м. Глубина по склону — 0,4-0,55 м, стенки прямые, дно плоское (рис. 59). Заполнение состояло из гумуса, смешанного с пеплом, мелкими углями, несколькими черепками керамики, в т.ч. обломка стенки миски с эсовидным профилем II в. до н.э. (рис. 61: 9,10). Аналогичные миски характерны для позднескифских поселений Побужья. В заполнении найдено также несколько костей животных.

Яма №11. Небольшая, овальной формы, диаметр по верху горловины — 1,26 x 1,6 м, глубина — 0,45 м (рис. 59). Стенки прямые, дно ровное. Заполнение: пепел, несколько стенок горшков серого цвета и грубой обработки, среди грунта прослеживались небольшие угли.

Яма №12. Диаметр 1,2 x 1,4 м. Стенки прямые, но имеют наклон наружу. Глубина по склону — 0,8-0,9 м (рис. 59). Заполнение состояло из пепла большой концентрации, который придавал грунту серый цвет. Найдено несколько черепков (рис. 61: 10), среди которых есть обломки мисок позднескифских форм эсовидного профиля, что дает основание отнести яму к раннему времени — II в. до н.э.

Яма №13. Овальная в плане, диаметр 1,6 м. Стенки прямые, глубина 0,8 м (рис. 59). Заполнение — пепел, несколько стенок керамики грубой обработки, а также древесный уголь, несколько обломков мисок II в. до н.э. (рис. 62: 1,3-5).

Яма №14. Овально-удлиненная в плане, диаметр 2,8 x 1,6 м, стенки прямые, дно — плоское (рис. 59). Заполнение — пепел значительной концентрации, черепки с грубой поверхностью, несколько костей животных.

Можно сделать вывод, что ямы относятся к двум хронологическим периодам II-I вв. до н.э. и I-II вв. н.э. Находились они на возвышенном участке поселения. Ныне речная долина поднялась до такого уровня, что вода проходит в ямы после их расчистки.

Раскоп IV. Площадь 143 кв. м. Прибрежная часть поселения. Раскоп заложен на месте пода печи (рис. 63). На глубине 0,4 м от современной поверхности был прослежен под печи овальной формы с продолговатым камнем, который находился около челюстей печи. Размеры пода — 1,3 x 1,3 м. В пределах раскопа на этой же глубине выявлено значительное количество керамики, преимущественно, стенок сероглиняных горшков с грубо обработанной поверхностью и изредка обломков мисок. Венчики горшков имели традиционный орнамент: нарезки ножом по краю, реже — пальцевые вдавления. В нескольких местах раскопа найдены мелкие куски гранита. В отдельных местах керамика чередовалась с костями животных. Вся керамика позднезарубинецкого времени: I — III вв. н.э.

В культурном слое найден брусок прямоугольной формы из местного гранита. Границы жилища (рис. 63) проведены условно по скоплению материала. «Рядом с ямой в кв. 5/3 найдено массивное железное долото с поврежденной верхней частью (рис. 60: 15). В кв. 1/ж найден браслет с тремя рядами напаянных бусин⁵ (рис. 49: 10). Такие украшения известны на зарубинецких памятниках на протяжении всего времени существования культуры, известны они и на позднескифских памятниках. Диаметр отбора браслета — 3 см. В общем, материалы *наземного жилища 2*

⁵ На самом деле, это — не браслет, а кольцо сравнительно небольшого диаметра. «Бусины» являются шишечками-выступами. Они изготовлены вместе со всем изделием в технике литья.

можно отнести к I в. до н.э. — I в. н.э. Они немного более ранние, чем материалы из Рахнов. Вблизи раскопа, но несколько выше по склону на распаханной поверхности найдены половинка стеклянной бусины, бронзовый наконечник стрелы позднескифского типа, бронзовый стержень с конической головкой⁶, которые не относятся к материалам жилища.

Яма №15. Овальной в плане формы, диаметр 1,8 x 2,0 м. Стенки прямые, глубина 0,8 м. Заполнение состояло из нескольких черепков, костей животных, камней, перемешанных с пеплом и углем. Без всякого сомнения она имела отношение к жилищу.

Раскоп 5. Площадь 30 кв. м». Здесь исследована раннесредневековая славянская полуземлянка. «У верхней стенки полуземлянки слева от печи прослежены контуры *зарубинецкой ямы*, в которой найдены три стенки зарубинецкой керамики. Контуры ямы довольно нечеткие, она, очевидно, была раскопана в период строительства славянского жилища». Материалы из культурного слоя раскопа приводятся на рис. 62: 2,6-8.

Раскоп 6. Площадь 26 кв. м. В культурном слое найдена зарубинецкая керамика, отдельные куски гранита и кости животных.

Яма №16. Расположена в 10 м от последней и, безусловно, имеет отношение к жилищу 2 раскопа 4. В плане яма — круглая, диаметр — 1,8-1,85 м. Стенки прямые, дно — ровное, глубина — 1,1 м. Заполнение ямы только в верхней части состояло из керамики, в т.ч. из эллинистической миски, костей животных, двух небольших кусков гранита, некоторого количества костей животных. Нижняя часть заполнения ямы лишена находок.

Из других находок стоит упомянуть найденную местным агрономом на поселении сердоликовую бусину, фрагменты сосудов и мисок, а также половинку горшка, обнаруженную в поисковых траншеях» [Хавлюк, 1978, с. 1-8]. Из траншеи III происходит достаточно представительная коллекция керамики (рис. 64).

Документация о раскопках 1985 г. отсутствует, поэтому мы публикуем только подборку находок, которые хранятся, как и вся коллекция Пархомовки, в фондах Винницкого краеведческого музея (рис. 65; 66).

Попытки П.И. Хавлюка разделить зарубинецкие сооружения селища на два хронологических периода представляются искусственными. Как показано на рис. 48-51, 54, 55, 57, 58, 60-62, 64, 66, наиболее широко на поселении распространены ребристые миски с прямыми венчиками, которые характерны для финала зарубинецкой культуры и позднезарубинецкого этапа. Встречены они и в тех объектах, которые П.И. Хавлюк считал ранними. К сожалению, фибулы из построек 1 и 2 раскопок 1977 г., которые могли бы дать узкие даты,

⁶ Судя по рисунку в отчете, обломок булавки скифского времени.

в коллекции музея отсутствуют. Нет их рисунков и в отчетах. Амфорный материал памятника относится к первым векам н.э.

Немировский р-н

9. Ометинцы. Поселение находится в 1 км к западу от села на склоне правого берега обводненного оврага. Его размеры составляют 800 x 200 м. Памятник открыт П.И. Хавлюком в 1970 г., повторно обследован в 1975 г.

«На мысу, образованном краями двух балок, по дну одной из которых протекает речка, расположено селище зарубинецкого времени. Вдоль склонов мыса, а также на плато прослеживаются пятна темного грунта, который соответствует местам расположения жилищ. Керамика — грубая, серо-коричневого цвета. Венчики горшков слабо отогнуты, отдельные сосуды имели чернолощеную поверхность. Найдено пряслице, орнаментированное сплошными наколами, а также два фрагмента керамики, один орнаментирован линией ямок, другой — волнистыми линиями. По аналогии с керамикой Рахновского селища, Ометинцы датируются I в. н.э., хотя в культурном слое и немало чернолощеной керамики, которая позволяет допустить более раннюю дату поселения. При повторном обследовании поселения выяснилось, что оно занимает значительную площадь вдоль северо-восточного склона плато на протяжении 600 м. В отдельных местах шурфовкой выявлен культурный слой, который по большей части распахан. В слое пашни попадаются остатки глиняной обмазки, черепки, кости животных. Гумус в этих местах окрасил грунт до темного цвета, и они четко выделяются на поверхности пашни, указывая на наличие здесь жилищ.

Распаханное жилище найдено на самом конце мыса. Здесь выявлено немало образцов лепной посуды, обмазки от стен жилища. Аналогичная керамика найдена, также, и на примыкающем берегу ручья, который к селищу повернут склоном. Здесь также во многих местах прослежены места расположения жилищ и хозяйственных ям. Ометинское селище — одно из самых больших на территории Побужья» [Хавлюк, 1975б].

В Винницком краеведческом музее хранится довольно большая коллекция материалов из Ометинцев. Среди груболепной посуды (рис. 36: 1-6) показательны обломки дисков и крышек с полыми ручками с примесью известняка, дресвы и шамота в керамическом тесте (рис. 36: 3-6). С памятника происходит серия обломков ребристых лошенных мисок с прямыми венчиками (рис. 36: 8-13), сильнопрофилированная в сечении ручка светлоглиняной амфоры (рис. 36: 7). Поселение относится к кругу Марьяновки. Сведения о нем публикуются впервые.

Днепропетровская обл.

Магдалиновский

10. Осиповка-Пляж. Поселение находится в 1,5 км к северо-западу от села на дюнном всхолмлении левого берега р. Орель (левый приток р. Днепр) в ур. Пляж. Высота памятника над уровнем воды — 1,5-2 м, он вытянут на 300 м вдоль берега реки. Поселение обнаружено во время сплошного обследования берегов р. Орели, которое проводилось экспедицией «Днепр-Донбасс» Института археологии АН УССР под руководством Д.Я. Телегина в 1970-1972 гг. В 1971-1974 гг. здесь под руководством Д.Я. Телегина проводились раскопки. Вскрыто 928 кв. м.

На памятнике обнаружены материалы эпох неолита, бронзы, позднезарубинецкого периода, пеньковской культуры. К сожалению, ни во время раскопок, ни в публикации результатов исследования 1972 г. находки по этим двум горизонтам не были разделены, а описывались, как относящиеся к единому «раннеславянскому» этапу. Материалы из заполнения углубленных сооружений брались в целом, без учета внутренней стратиграфии. По этой причине выделить на памятнике закрытые комплексы позднезарубинецкого этапа невозможно. Ниже мы приводим рисунки керамики (груболепной с примесью шамота в тесте и лепной лошенной), которые по аналогиям относятся к первым векам н.э. (рис. 72-74, 76, 77). Они, разумеется, не полные, поскольку сосуды пеньковской культуры имеют фактуру, близкую к груболепной позднезарубинецкой и, зачастую, очень похожие формы (особенно, в обломках). В частности, осталось не ясным, использовались ли в Осиповке в первые века н.э. диски, которые присущи как позднезарубинецким древностям лесостепи, так и пеньковским.

Набор позднезарубинецкой посуды с шероховатой поверхностью состоит из округлобоких (сильнопрофилированных и слабопрофилированных закрытых, тюльпановидных, баночных) и ребристых форм. Некоторые горшки и корчаги украшены по венчику редкими пальцевыми вдавлениями или насечками. Часть фрагментов имеет расчески по внешней поверхности, нанесенные гребнем, а один из сосудов — две глубокие горизонтальные борозды на шейке. Лепная лошенная посуда представлена, в основном, обломками высоких мисок таксонов III,3,6 и III,4, что свидетельствует о принадлежности поселения к кругу Картамышево. На памятнике обнаружена серия фрагментов раннеримских светло- и красноглиняных амфор (рис. 75).

Из культурного слоя поселения происходит бронзовая двурогая пластинчатая лунница с приклепанным сверху ушком и расширенными концами, снабженными отверстиями (рис. 75: 17).

Опубликована общая информация о памятнике, планы и описания объектов из раскопок 1972 г., выборочно образцы форм сосудов и индивидуальные находки [Телегін, Беляева, 1975, с. 96-100]. Коллекция находок хранится в фондах Института археологии НАНУ.

11. Осиповка-Лиман. Памятник расположен севернее села на песчаном всхолмлении высотой 4 м на левом берегу р. Орель (левый приток р. Днепр). Большинство объектов памятника составляют разновременные погребения грунтового могильника (от неолита до раннего железного века). В 1971 г. Д.Я. Телегиным здесь выявлены остатки глинобитной печи, план, разрез и описание которой опубликованы [Телегін, Беляева, 1975, с. 100, рис. 5]. Из ее завала происходит груболепная и лощеная позднезарубинецкая керамика, в т.ч. целый сосуд (рис. 78). Археомангнитным способом печь была датирована серединой – второй половиной II в. н.э. Материалы хранятся в фондах Института археологии НАНУ.

12. Чернеччина. Поселение расположено в 3 км к востоку от села на возвышении в пойме левого берега р. Орель (левый приток р. Днепр) около оз. Круглое. Протяженность селища – 150 – 200 м, высота над поймой реки – 1,5 – 2,5 м. Памятник обнаружен во время сплошного обследования берегов р. Орели, которое проводилось экспедицией «Днепр-Донбасс» Института археологии АН УССР под руководством Д.Я. Телегина в 1970-1972 гг. Собран подъемный материал, заложены два шурфа. Из коллекции материалов разведки происходит фрагмент ребристой лощеной миски с зигзаговидным профилем [Телегін, Беляева, 1975, с. 104; рис. 7:7].

В 1974 г. раскопки на памятнике проводила С.П. Юренко. Вскрыто около 260 кв. м, заложены три шурфа и раскоп (рис. 79). Исследованы четыре постройки и 23 хозяйственных ямы [Юренко, 1974, с. 4, черт. 3]. На памятнике имеются материалы эпохи бронзы, раннего железного века, позднезарубинецкого периода, раннесредневековые и нового времени. К позднезарубинецкому этапу, вероятно, относятся жилища 2 и 4 и керамика из культурного слоя.

Жилище 2 (рис. 80: 2) – полуземлянка четырехугольной формы. Размеры – 4 x 3,2 м. «По углам и по середине стен обнаружены близкие к прямоугольнику или овальной формы ямки от столбов, диаметр которых 0,2-0,25 м, а глубина – до 0,2 м от уровня пола. Вдоль стен жилища, за исключением северо-восточной, зафиксирован выступ материка шириной от 0,4 до 0,7 м. Он поднимается над уровнем пола на высоту 7-10 см. В восточном углу жилища прослежена овальная ямка размерами 0,5 x 0,7 м, опущенная ниже пола на 0,3 м. В северном углу обнаружены остатки разрушенного очага в виде скопления пережженного песка с зольным заполнением. Его размеры 0,7 x 0,9 м. Под очага возвышался

над полом на 0,1 м.

В заполнении, представленным темным гумусированным песком с глинистыми прослойками, в большинстве своем найдена лепная керамика раннеславянского облика, среди которой встречаются обломки чернолощенных сосудов зарубинецкого типа» [Юренко, 1974, с. 6].

Жилище 4 (рис. 80: 1) «углублено в предматериковый супесчаный суглинок на глубину 0,6 м от дневной поверхности. Жилище не было раскрыто полностью: его западный край уходит в стенку раскопа. Предполагаемые размеры жилища – 5,1 x 3,7 м. Вдоль юго-западной стенки жилища прослежено широкое (до 1,5 м) возвышение из материкового суглинка, поднимающееся над полом на 0,1 м. Здесь же зафиксированы две овальные в плане ямки от столбов (0,1 x 0,15-0,18 м), углубленные в материк на 0,2 м. Три аналогичные ямки обнаружены в северном углу у северо-восточной стенки и в центре жилища. Все они имели одинаковые размеры и глубину дна.

В восточном углу жилища обнаружены следы очага в виде несколько возвышающейся над полом на 5 см площадки чашеобразной формы, без следов кольев по периметру. Его размеры – 1,3 x 0,8 м. Заполнение очага – золисто-углистое с включением обожженных костей и обломков лепной посуды». Восточный угол жилища перерезала раннесредневековая яма.

«В заполнении жилища обнаружена преимущественно лепная раннеславянская посуда с пальцевыми вдавлениями по венчику. В заполнении очага был найден венчик и несколько обломков чернолощенной посуды характерного зарубинецкого профиля. Отсюда же происходит и обломок верхней части зарубиноидной миски с высоким бортиком и ребром ниже венчика» [Юренко, 1974, с. 7-8]. «Именно здесь была найдена ручка амфоры, датируемой специалистами II-III вв. н.э.» [Юренко, 1974, с. 8].

Керамика поселения обычна для памятников типа Картамышево-2. Груболепная посуда представлена обломками округлобоких и ребристых горшков с примесью крупного шамота в тесте с заметными иногда на поверхности бороздами от заглаживания пальцами. Выразительна коллекция фрагментов лощеных сосудов. Они относятся к высоким мискам таксонов III,3,б и III,4 (рис. 81,82).

Сведения о памятнике публикуются впервые. Материалы раскопок хранятся в Полтавском историко-краеведческом музее.

Житомирская обл.

Коростышевский р-н

13. Тетеревка. Поселение расположено на мысообразном всхолмлении площадью около 1 га высокой поймы левого берега р. Тетерев (правого

притока р. Днепр). Мыс на 2-3 м возвышается над уровнем воды. Мощность культурного слоя до 0,4 м. В 1960 г. экспедицией Института археологии АН СССР под руководством И.П. Русановой на поселении двумя траншеями вскрыто около 1150 кв. м. На этой площади исследовано шесть хозяйственных ям глубиной до 0,6 м. Из ям и культурного слоя происходят фрагменты милоградских и зарубинецких сосудов. Лощеная керамика составляет около 20%. Небольшая коллекция, хранившаяся в фондах Института археологии РАН, была представлена немногочисленными обломками ребристых лощеных мисок, груболепных горшков и диска [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 29]. В публикации [Куза, 1964] упоминаются также фрагмент конической крышки с пустотелой ручкой, льячка и бронзовая булава с петлевидной головкой.

Киевская обл.

Барышевский р-н

14. Барышевка. Поселение находится в 2 км к северу от поселка на песчаном возвышении в пойме правого берега р. Трубеж (левого притока р. Днепр) в ур. Остров. Размеры селища 40 x 80 м. Многолетние сборы Ю.В. Костенко.

«Зарубинецкие» материалы на памятнике преобладают, хотя имеются и черняховские [Костенко, 1978, с. 109-110]. Груболепная керамика позднезарубинецкого периода представлена обломками горшков и корчаг с примесью шамота и дресвы в тесте, иногда слюды. Венчики изредка украшены пальцевыми вдавлениями или насечками, на некоторых обломках заметны вертикальные расчески. Найдены также обломки лепных лощеных мисок с ребрами в месте перелома профиля и прямыми венчиками [Костенко, 1983, рис. 4: 2-8], форм, характерных для среднеднепровских памятников типа Лютежа и деснинских типа Почепа. Отмечено, что лощеная керамика в Барышевке встречается чаще, чем в других пунктах на р. Трубеж. Из обломков лощеных мисок изготовлены пряслица. С памятника происходят, кроме того, фрагмент светлоглиняного античного гончарного сосуда и несколько стеклянных бусин.

Общие сведения о памятнике и материалы (выборочно) опубликованы [Костенко, 1983, с. 54-55]. Коллекция находок хранится в Барышевском краеведческом музее.

15. Борщив. Поселение расположено в 3,5 км ниже ур. Рябцы у с. Коржи по течению р. Трубеж (левый приток р. Днепр) в ур. Кут около с. Борщив на песчаной гряде в пойме реки. Сборы Ю.В. Костенко. Памятник — многослойный. На поверхности селища на пространстве 50 x 30 м обнаружена обожженная обмазка от стен постро-

ек с отпечатками деревянных конструкций. Среди «зарубинецкого» подъемного материала преобладали обломки горшков с шероховатой поверхностью с примесью шамота или зерен гранита в тесте. На венчиках этих сосудов встречаются пальцевые вдавления.

Лепные лощеные миски Ю.В. Костенко делит на два типа: открытые с прямыми венчиками, гранями на внутренней стороне, "угловатыми" валиками ниже венчиков; ребристые. Встречаются обломки округлобоких лощеных сосудов и кружек с коленчатыми ручками. Найден фрагмент светлоглиняного античного кувшина, серия биконических и округлобоких пряслиц, иногда с лощеной поверхностью, бронзовое кольцо, пластинчатая пронизь, прямоугольная рама пряжки, две стеклянные бусины.

Керамика поселения характерна для памятников типа Лютежа.

Краткое описание и образцы материалов поселения опубликованы [Костенко, 1983, с. 58-59]. Коллекция находок хранится в Барышевском краеведческом музее.

16. Гостролучье. Поселение расположено на северо-запад от села в ур. Остроливка и занимает супесчаное возвышение в пойме левого берега р. Трубеж (левый приток р. Днепр). Размеры селища — 800 x 150 м. Многолетние сборы Ю.В. Костенко.

В публикации упомянуто, что т.н. зарубинецкие материалы на памятнике хотя и встречены, но не преобладают. Присутствуют находки и других эпох, в т.ч. черняховские [Костенко, 1978, с. 109].

Основную массу позднезарубинецких материалов составляет груболепная керамика с примесью песка, шамота и дресвы в тесте с заглаженной пальцами поверхностью. Венчики некоторых сосудов орнаментированы насечками или пальцевыми вдавлениями [Костенко, 1983, рис. 2: 1-4]. Пояса ногтевых отпечатков встречаются и на шейках сосудов. Лощеная посуда представлена прямыми венчиками цилиндрических мисок. Сосуды с такой обработкой поверхности могли иметь как плоские днища, так и кольцевые поддоны. Встречены пряслица с лощеной поверхностью округлых и биконических форм, а также изготовленные из стенок сосудов. Материалы поселения близки к характерным для памятников типа Лютежа.

Общее описание памятника и образцы обломков сосудов опубликованы [Костенко, 1983, с. 52, рис. 2]. Материалы хранятся в Барышевском краеведческом музее.

17. Селище. Поселение расположено на дюнах мыса первой надпойменной террасы левого берега р. Трубеж (левый приток р. Днепр) в части ур. Бирки, которая называется «Под Веселою горой». Размеры памятника 150 x 100 м по А.П. Савчуку и 60 x 30 м по Ю.В. Костенко. В 60-70-е гг. памятник неоднократно обследовался

А.П. Савчуком и Ю.В. Костенко. Кроме т.н. зарубинецких (по терминологии авторов публикаций), найдены и материалы других эпох, в т.ч. черняховские [Костенко, 1978, с. 109].

На поселении обнаружены обломки груболепных и лепных лощеных сосудов. Среди первых преобладают фрагменты горшков, украшенных пальцевыми вдавлениями или насечками по краю. Из последних выразительны миски (округлобкая с загнутым внутрь венчиком и фрагмент ребристой с прямой верхней частью). Лощеная керамика такого облика характерна для среднеднепровских памятников типа Лютежа и деснинских типа Почапа. Кроме того, найдена серия пряслиц, как низких биконических, так и изготовленных из черепков сосудов (в т.ч. и заготовка такого предмета), колечки из круглой, трехгранной в сечении бронзовой проволоки, а также несколько колец, согнутых из пластин с тремя ребрами по внешней поверхности, трубчатые и спиралевидные пронизи, обоймы, обломки трапециевидных подвесок и одна целая, несколько очковидных подвесок, два пинцета и швейные иглы из бронзы, стеклянные бусы, в т.ч. параллелепипедные из красной пасты, обломок бронзовой литой подвески со вставкой белой эмали и ряд других предметов.

По наличию среди подъемного материала капель застывшей бронзы и бронзового лома Ю.В. Костенко предположил, что на поселении существовало бронзолитейное производство [Костенко, 1983, с. 53].

Описание памятников и образцы находок опубликованы в изданиях [Савчук, 1969, с. 83-85; Костенко, 1983, с. 53-54]. Коллекция материалов хранится частично в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав», частично — Барышевском краеведческом музее.

18. Коржи-Панский Кут. Памятник находится северо-восточнее с. Коржи на противоположном (левом) берегу р. Трубеж (левый приток р. Днепр) на песчаной гряде среди торфяника в ур. Панский Кут. Сборы Ю.В. Костенко.

В публикации, где изданы общие сведения о поселении, отмечены находки груболепной керамики и фрагментов «чернолощенных сосудов с конической верхней частью и ребристой формой бочка» [Костенко, 1983, с. 56]. Весьма вероятно, что здесь находилось позднезарубинецкое поселение, такое же, как и в других пунктах долины р. Трубеж. Коллекция находок хранится в Барышевском краеведческом музее.

19. Коржи-Рябцы. Памятник находится около села в ур. Рябцы на р. Трубеж (левый приток р. Днепр) в 2 км на восток от предыдущего на большом дюнном массиве. В 1978 г. здесь был устроен песчаный карьер, который полностью уничтожил памятник. «Зарубинецкие» материалы на поселении преобладали [Костенко, 1983, с. 51], хотя встречены обломки гончарного сосуда, близ-

кого к салтовскому и наконечник стрелы [Костенко, 1978, с. 111; рис. 10: 5,6] гуннского типа.

На площади 200 x 150 м А.П. Савчуком собрана «зарубинецкая» и черняховская керамика. Отмечено наличие «зарубинецких» лощеных реберчатых мисок на поддонах [Савчук, 1969, с. 85]. В публикации А.П. Савчука приведены рисунки бронзовой фибулы т.н. почепского типа, 4-х трапециевидных подвесок, бронзовых пронизей, колец, обломка «очковидной» подвески, нескольких стеклянных бусин [Савчук, 1969, рис. 1: 20-36]. Ю.В. Костенко уточнил, что поселение находилось на северо-западном краю дюнного массива.

В 1980 г. Ю.В. Костенко на одном из выдувов размерами 20 x 10 м обнаружил большое скопление керамики, отдельных вещей, углей, которое он интерпретировал, как остатки жилища [Костенко, 1983, с. 56]. Здесь и в других местах поселения обнаружены обломки груболепных сосудов, иногда украшенных по венчику насечками или вдавлениями, целый миниатюрный сосуд, фрагменты нескольких плоских дисков и конической крышки с центральной полой ручкой.

Лощеная посуда представлена выразительными обломками ребристых мисок, в т.ч. и цилиндрикоконических, фрагментом коленчатой ручки.

Набор посуды памятника, детально описанный Ю.В. Костенко, характерен для поселений типа Лютежа.

Прочие находки представлены двумя трапециевидными подвесками, свитым из двух проволок держателем подвески, кольцами и обломком спиралевидной подвески из бронзы, серией стеклянных бусин, медной ольвийской монетой 50-54 гг. н.э. На памятнике обнаружены капли застывшей бронзы, многочисленные находки шлаков, что свидетельствует о бронзолитейном производстве [Костенко, 1983, с. 57-58].

Материалы хранятся частично в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав», частично — Барышевском краеведческом музее.

20. Пасечная. Памятник расположен на песчаном мысу правого берега р. Трубеж (левый приток р. Днепр). Материалы происходят из сборов А.П. Савчука и Ю.В. Костенко. В публикациях отмечены находки зарубинецкой керамики, которая собрана «в значительном количестве» [Савчук, 1969, с. 85]. Среди нее выделяются обломки корчаг бурого цвета с примесью крупного шамота в тесте. Встречены фрагменты лощеных сосудов «с резким переломом плеча» [Костенко, 1983, с. 52], а также стеклянные бусы, бронзовые спиральная пронизь и сильнопрофилированная фибула [Савчук, 1969, с. 85; рис. 1: 18,19; Костенко, 1983, с. 52; рис. 3: 2]. Последняя представляет собой дериват изделий типа Альмгрен-84, отличающийся от классических образцов более сильным

изгибом спинки и наличием трех, а не двух, как обычно, граней ниже гребня. Коллекция материалов частично хранится в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав». Она опубликована выборочно [Савчук, 1969, с. 85; Костенко, 1983, с. 52].

Бориспольский р-н

21. Вишенки-Мынычево. Поселение расположено в ур. Мынычево в 1 км к югу от окраины села, на возвышенности в пойме левого берега Днепра. Поверхность памятника задернована, поэтому размеры его не ясны. В 1979 г. экспедицией Института археологии АН УССР «Славутич» под руководством Д.Я. Телегина тут проведены небольшие разведочные раскопки, выявившие две хозяйственные ямы. Из культурного слоя и заполнения ямы с углистым заполнением происходит характерная груболепная керамика: обломки округлобоких и ребристых груболепных горшков и корчаг, а также фрагмент ребристой чернолощеной миски (рис. 83). Памятник относится к позднезарубинецкому периоду или к раннему этапу киевской культуры.

Краткая информация о памятнике опубликована [Телегин, Круц, Степанчук, 1983, с. 93-94]. Коллекция хранится в фондах Института археологии НАНУ.

Вышгородский р-н

22. Жукин. Речь идет об так называемом «Жукинском кладе» вещей круга выемчатых эмалей, найденном В.В. Хвойко около рубежа XIX/XX вв. возле села на правом берегу Десны и проданном затем в коллекцию братьев Ханенко. Комплекс бронзовых предметов состоял из венчика из широкой орнаментированной бляхи, ожерелья с шестью крестовидными подвесками, венчика из волнисто изогнутой проволоки, крупной фибулы, спинка которой изготовлена из треугольной орнаментированной бляхи, а также двух литых браслетов с гребнями на концах. Детальное описание вещей и соображения о происхождении комплекса предложены Г.Ф. Корзухиной [Корзухина, 1978, с. 71]. По ее мнению, есть основания предполагать, что вещи происходили из погребения (сожжения), несмотря на то, что побывавший в 1906 г. в районе Жукина Н.Е. Макаренко могильника не обнаружил.

«Жукинский клад» считается одной из наиболее ранних находок украшений круга эмалей в Среднем Поднепровье. Его следует датировать II в. н.э. [Даниленко, 1976; Гороховский, 1988, с. 17-18]. Поскольку вещи с эмалью достаточно характерны для позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья (Оболонь, Леськи-3) и водораздела Днепра и Дона (Картамышево-2,

Бобрава, Головино и ряд других), можно предположить, что погребение из Жукина могло являться одним из них.

Сами вещи, хранившиеся в Историческом музее г. Киева, были утрачены в годы Второй мировой войны. Изданы их описания и фотографии [Ханенко, 1907, табл. XXXI-XXXII].

23. Лютеж. Поселение находилось в 3 км к северо-востоку от села в уроч. Церковное, южнее селища протекает ручей Лютежок. Оно занимало дюнное всхолмление высотой 2,5 м в пойме правого берега Днепра при впадении в него р. Ирпень (правый приток р. Днепр). В настоящее время уничтожено Киевским водохранилищем. Размеры поселения — 200 x 75-80 м. В 1962-1964 гг. памятник был исследован экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В.И. Бидзили. Вскрыто около 16 тыс. кв. м, то есть практически вся площадь поселения. На поселении были выявлены объекты милоградско-подгорцевского и зарубинецкого периодов, а также отдельные фрагменты керамики эпохи бронзы. К первому из них относятся три полуземляночных жилища (№№ 1-3), остатки 15 сырдутных железодельных горнов и множество разнообразного назначения ям (погребов и сооружений для выжигания древесного угля) (рис. 84,85).

По данным фондовых коллекций, выразительные фрагменты позднезарубинецкой керамики происходят из ям 1, 7, 29, 32-34, 51, 63, 65, 72, 74, 88, 90, 95, 106, 113, 117, 128, 131, 135, 136, 148, 152, 154, 158, 159, 167, 169, 178, 187, 198, 199, 204, 217-219, 238, 246, 254, 264, 267, 272-276, 279, 280, 287, 298, 301, 309, 313, 323, 335, 336, 342, 344, 347, 350, 351, 364, 365, 367, 370, 371, 374, 378, 380, 397, 400, 405, 406, 410. Остальные ямы содержат в заполнении или подгорцевскую керамику или маловыразительные черепки, не позволяющие отнести их с определенностью к какой-то из представленных на поселении культур. Несмотря на огромное количество вскрытых на памятнике объектов, по сохранившейся документации закрытые комплексы выделить не удалось.

Зарубинецкий керамический комплекс состоит из кухонной, тарной и столовой посуды, причем количественно преобладает груболепная керамика, представленная посудой двух первых функциональных категорий. В керамическом тесте таких сосудов заметна примесь крупного шамота, иногда — дресвы. Внешняя поверхность небрежно заглажена, иногда очень неровная, бугристая. Подавляющее большинство груболепной посуды представлено горшковидными сосудами. Сюда же по составу теста принадлежат единичные конические крышки с пустотелыми ручками и диски, которые, очевидно, использовались как своеобразные сковородки или крышки кухонных горшков (рис. 86). Лощеная столовая керамика представлена почти исключительно фрагментами

мисок, а также единичными обломками кружек, горшков или ваз (рис. 87).

Среди индивидуальных находок следует упомянуть бронзовую глазчатую фибулу (рис. 86: 15), а также довольно значительный набор целых и фрагментированных железных изделий (ножи, серпы, долота и зубила, шилья, рыболовный крючок и др.), несколько пряслиц, отдельные обломки античной гончарной керамики и днище стеклянного сосуда.

Небольшое количество жилищ позволяет предположить, что Лютеж функционировал как специализированное поселение металлургов-кузнецов в течение довольно небольшого времени. Этот вывод подтверждается и гомогенным характером зарубинецкого керамического комплекса. Скорее всего, памятник существовал в течение I в. н.э. и в этой связи может считаться эталоном позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья.

Материалы раскопок опубликованы [Бидзиля, Пачкова, 1969]. Изданы общие сведения о памятнике, планы и описания объектов (ям – выборочно), рисунки керамики и находок (частично). Уточненные рисунки керамики помещены в: [Обломский, Терпиловский, 1991, рис. 6-9]. Коллекция хранится в фондах Института археологии НАН Украины.

г. Киев

24. Бортнич. Между предместьем Киева, Красным Хутором и с. Бортнич (ныне входящим в черту города) в начале 1950-х гг. экспедицией Института археологии АН УССР «Большой Киев» был обнаружен ряд памятников различных эпох, от энеолита до римского времени. Они находились на гряде дюн в пойме левого берега Днепра. В 1951 г. В.Н. Даниленко неподалеку от позднетрипольского могильника в безымянном урочище у южной окраины с. Красный Хутор, получившем название «Отдельная Дюна», было исследовано ямное трупосожжение с фибулой «вендского» типа и груболепной керамикой. Последняя представлена обломками высоких венчиков горшковидных сосудов с насечками по краю и небольшим биконическим горшком с суженой горловиной (рис. 88).

В 1956 г. неподалеку Ю.В. Кухаренко обнаружил еще одно ямное погребение с кремацией, относящееся, очевидно, к тому же позднезарубинецкому могильнику. Второе подобное захоронение исследовано у северной окраины с. Бортнич. Из него среди прочей керамики происходит верхняя часть горшка с процарапанными до обжига крестом и зигзагом.

По имеющимся отчетным данным [Кухаренко, 1956, с. 14-15] локализовать памятник, а также установить соотношение позднезарубинецких погребений с объектами киевской культуры

(остатками двух сгоревших жилищ) невозможно. Краткие сведения о памятнике опубликованы [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 122]. К настоящему времени в фондах Института археологии НАНУ сохранилась часть материалов памятника.

25. Никольская Слободка. Памятник находился на дюнном всхолмлении в пойме левого берега Днепра, в 1,5 км к востоку от реки, напротив Киево-Печерской лавры. В настоящее время эта территория полностью застроена жилыми массивами Русановка и Березняки. Выдувы неоднократно обследовались экспедицией Института археологии АН УССР «Большой Киев», обнаружившей материалы различных эпох, от энеолита до римского времени. В 1949 г. В.Н. Даниленко здесь были собраны находки, вероятно, относящиеся к первым векам нашей эры: фрагменты лепной керамики, несколько железных ножей и стеклянных бус, следы бронзолитейного производства [Даниленко, 1950].

Материалы хранятся в фондах Института археологии НАНУ или Музея истории Киева.

26. Оболонь (Луг-4). Поселение Оболонь было расположено в пойме Днепра на северной окраине Киева, на невысокой дюне, вытянутой с юго-востока на северо-запад вдоль правого берега не существующей нынче речки Почайны (правого притока Днепра). Размеры дюны, которую занимало селище, 400-500 x 200 м. Мощность культурного слоя составляла 0,2-0,4 м. В связи с сооружением жилого массива Оболонь памятник исследован практически полностью в течение 1966-1973 гг. экспедицией Национального музея истории Украины и Киевской городской организации Общества охраны памятников истории и культуры под руководством А.М. Шовкопляс. Во время раскопок обнаружены остатки 64 жилищ зарубинецкого круга и пражской культуры, пяти выносных очагов и 918 хозяйственных ям на площади около 25 тыс. кв. м (рис. 89). Почти все постройки и ямы, а также основные находки из культурного слоя также принадлежат к зарубинецкому горизонту. С пражской культурой связаны два жилища и несколько хозяйственных ям, в немногочисленных ямах также встречены материалы эпохи средней бронзы и милоградской культуры раннего железного века.

К горизонту рубежа и первых веков н.э. уверенно можно отнести 55 жилищ, которые сохранились полностью, а также еще шесть сооружений, частично разрушенных промоинами. Очевидно, часть жилищ в центральной и южной части поселения были уничтожены двумя промоинами площадью до 3-4 тыс. кв. м каждая. Расстояние между крайними исследованными постройками составляет до 115 м. Безусловно, не все они существовали одновременно. Можно допустить, что в каждый из периодов поселок состоял из двух-трех десятков жилищ. Автор раскопок указывает, что

жилища, в целом, расположены скоплениями в виде трех овалов. Е.В. Максимов считал, что жилища Оболони образовывали несколько своеобразных кольцевых структур, внутри которых находились хозяйственные дворы [Максимов, 1982, с. 91-92], но эта гипотеза требует проверки после выделения строительных горизонтов. Некоторые жилища, особенно в северо-западной части раскопа, расположены вплотную друг к другу, однако замечен только один случай перекрывания жилищ (30 и 36).

Жилища имели в плане прямоугольную форму с закругленными углами площадью от 9,5 до 21 кв. м (3,0-5,85 x 2,4-4,4 м). Чаще всего площадь зданий составляла 14-17 кв. м. Пол был углублен на 0,2-0,7 м от древней поверхности. В большей части жилищ столбовые ямы отсутствуют, что может свидетельствовать об использовании сруба в качестве конструкции стен. В трех случаях в центре находился опорный столб крыши. В 20 жилищах по углам и вдоль стен в полу зафиксированы ямки от столбов и кольев. Стены этих построек имели каркасную конструкцию, вероятно, они были переплетены лозой и обмазаны глиной, но только в жилище 11 вдоль стен по линии опорных столбов были прослежены следы обмазки.

Остатки очага преимущественно размещались в северо-западной или северо-восточной части жилища, ближе к одной из стен или в углу и только в пяти случаях — около центра. По мнению А.М. Шовкопляс, отличия в конструкции очагов объясняются их принадлежностью к различным периодам существования поселения [Шовкопляс, 1988, с. 236]. В более ранних жилищах очаги имели вид обожженных пятен на полу или линзовидных углублений диаметром 0,45-1 м, частично заполненных золой и углем. Другой тип очага представлял собой глинобитный под, в вимостку которого иногда входили черепки и камни. Такие поды имели диаметр 0,8-1,1 м и толщину 0,1-0,2 м (жилища 46, 52, 60, 62).

Три открытых очага расположены в центре поселения, еще по одному — в южной и северной частях. Вероятно, это — остатки летних кухонь. Они находились вблизи жилищ 9, 13, 40, 55.

На поселении обнаружено 918 хозяйственных ям. Определенной системы их расположения не наблюдается, хотя, конечно, они незначительно удалены от жилищ. Довольно часто ямы находились в пределах жилищ, однако по большей части они принадлежат к более раннему или позднему времени. Большое количество ям и нередкие случаи перекрывания ям жилищами и друг другом свидетельствуют, что подобные погребения использовались недолго. Большинство ям (619) имели в плане округлую форму, диаметр 0,45-1,5 м, глубину от 0,35 до 1,3 м. Приблизительно треть ям (297) были овальными, длиной 0,8-2,4 м и шириной 0,6-1,6 м, глубиной от 0,2 до 1,55 м. Стенки пре-

имущественно вертикальные, пол равный. В заполнении ям встречено обломки посуды, орудия труда, кости животных и рыб и др. Только 72 ямы из 918 не содержали находок.

Коллекция вещей зарубинецкого типа из Оболони достаточно значительна. Из железа и стали изготовлен 51 предмет, в том числе 15 ножей, преимущественно с горбатой спинкой. В жилище 54 найдено большое ножеобразное орудие. Следует упомянуть также четыре обломка шильев, четыре фрагментированных серпа (два из них имеют завершение черенка в виде крючка, еще один — небольшие закраины на черенке для крепления деревянной рукояти). Найдены также две рыболовные остроги и крючок.

Изделия бытового назначения из железа представлены четырьмя фибулами позднелатенской схемы со сплошным приемником, фрагментом бритвы и латенской шпорой с коническим острием и выпуклыми «пуговицами» на концах дужки [Гопак, Шовкопляс, 1983].

Из бронзы изготавливались главным образом украшения (26 вещей и их обломков). Среди них три целые и три фрагментированные фибулы. Два изделия имеют средне-, а три — позднелатенскую схему. Браслеты и их обломки (9 экземпляров) изготовлены из круглой проволоки или узких пластин. Найден также фрагмент витого браслета. Несколькими экземплярами представлены спиралеобразные пронизки, кольца диаметром 1,5-2 см и трапециевидные подвески с пунктирным орнаментом. Уникальной находкой является обломок подковообразной фибулы (концевой щиток и часть дужки) с крестовидным углублением со следами красной эмали.

Особый интерес представляет бронзовая шпора латенского типа, подобная по форме и размерам вышеупомянутому железному изделию. Ее дужка с «пуговицами» на концах около острия украшена выпуклыми валиками (рис. 93) [Шовкопляс, 1994].

Среди индивидуальных находок, изготовленных из других материалов, можно упомянуть каменные растиральники, обломок стеклянной бусины из жилища 55, изделия из кости, глиняные льячки и несколько десятков пряслиц. Последние имеют биконическую форму или сделаны из черепков (преимущественно чернолощеных сосудов). Особого упоминания заслуживают немногочисленные обломки античной посуды. Кроме стенок и венчиков, встречаются фрагменты двустольных ручек, а также широкая ножка амфоры на кольцевом поддоне (неапольского типа?). Часть амфорных обломков использовались как ложила при изготовлении керамики.

Коллекция зарубинецкой керамики из Оболони, изученная Р.В. Терпиловским в 2003-2004 гг., насчитывает около 25 тыс. экземпляров. Выразительные обломки преимущественно происходят

из заполнения жилищ и хозяйственных ям, в культурном слое встречены, в основном, более мелкие фрагменты. Представительных комплексов, в целом, немного. В качестве примера набора посуды, которым пользовались обитатели одного из жилищ, можно привести комплекс жилища 27. Сюда входили несколько корчаг и кухонных горшков, диск-крышка, несколько столовых мисок с лощеной и шершавой поверхностью. Зарубинецкий керамический комплекс состоит из кухонной, тарной и столовой посуды, причем количественно преобладает груболепная керамика, представленная посудой двух первых функциональных категорий. В керамическом тесте таких сосудов заметна примесь крупного шамота, иногда — дресвы. Внешняя поверхность небрежно заглажена, иногда — очень неровная, бугристая. Подавляющее большинство груболепной посуды представлено горшковидными сосудами. Сюда же по составу теста относятся единичные миски, конические крышки с пустотелыми ручками, а также диски, которые, очевидно, использовались как своеобразные сковородки или крышки кухонных горшков. Лощеная столовая керамика представлена преимущественно фрагментами ребристых мисок нескольких типов. Сравнительно небольшой серию составляют кружки и горшки или вазы [Шовкопляс, Терпиловский, 2003].

Предполагается, что для поздnezарубинецкого периода существования Оболони диагностирующими находками являются сравнительно немногочисленные фрагменты чернолощенных мисок, имеющие аналогии в Лютеже, Марьяновке или Почепе. Такие находки происходят по крайней мере из шести жилищ (№№ 40,47,51,61,62,64) и 15 ям (рис. 90-92). Еще восемь построек (№№ 1,3,5,21,32,42,56,60) отнесены к этому периоду условно. Характерно, что практически все указанные постройки имели срубную конструкцию стен и располагались на северной и южной оконечности селища. Очевидно, центральная часть была застроена еще в период зарубинецкой «классики». Можно предположить, что поселение, возникнув на рубеже II/I вв. до н.э., продолжало существовать вплоть до начала или середины II в. н.э. С финальной фазой существования поселения, в частности, связан обломок украшения круга выемчатых эмалей. Таким образом, памятник принадлежит как к зарубинецкой «классической» культуре, так и поздnezарубинецкому культурно-хронологическому горизонту.

Материалы поселения Оболонь хранятся в Национальном музее истории Украины. Информация о памятнике частично опубликована в виде коротких сообщений А.М. Шовкопляс о результатах раскопок, а также отдельных статей, посвященных изделиям из черного и цветного металла и др. [Шовкопляс, 1971; Шовкопляс, 1988; Гопак, Шовкопляс, 1983; Шовкопляс,

1994]. Обзор материалов памятника сделан Е.В. Максимовым [1982, с. 91-95]. Существует также сводка основных параметров жилищ зарубинецкого круга из Оболони [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 37-38, табл. 2], предварительный анализ керамического комплекса [Шовкопляс, Терпиловский, 2003] и домостроительства [Башкатов, 2004].

27. Чапаевка — Вита-Литовская. Поселение было расположено на южной окраине Киева, в северо-западной части села на обширном останце первой надпойменной террасы правого берега р. Виты (правого притока Днепра) высотой около 4 м над уровнем реки. В 1954 г. на памятнике были проведены раскопки экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Д.Я. Телегина. Вскрыто около 100 кв. м. Раскоп в северо-западной части останца выявил горизонты периода неолита, энеолита, эпохи бронзы, а также ряд поздnezарубинецких объектов.

Мощность культурного слоя достигала 0,5 м. В тексте отчета упоминается пять хозяйственных ям с материалами «корчеватовского типа», хотя на плане раскопа таких ям семь. Они имеют неправильно-округлую форму поперечником около 1 м, стенки вертикальные, дно на глубине около 1 м также ровное. В черном углистом заполнении ям встречена большая часть поздnezарубинецкой керамики, кости животных, пряслица из стенок сосудов, грузила. Венчики груболепной посуды иногда имеют насечки по краю, чернолощенные фрагменты принадлежат мискам и, возможно, горшкам или вазам.

Общая информация о памятнике содержится в научном отчете [Телегин, 1954, с. 6-15], хотя материалы «первых веков н.э.» упоминаются очень кратко. Коллекция находок хранится в фондах Института археологии НАНУ.

Киево-Святошинский р-н

28. Крюковщина. Поселение расположено на южной окраине села, на террасе правого берега безымянного притока р. Сиверки (правого притока Днепра), на этом участке превращенного в пруд. Обнаружено О.В. Серовым в 1983 г., атрибутировано, как памятник эпохи бронзы и Киевской Руси. В 1994 г. археологической экспедицией Киевского областного управления культуры в связи с отводом участка под дачную застройку здесь были проведены охранные раскопки. Четырьмя раскопами было вскрыто около 500 кв. м. При этом выяснилось, что культурный слой первых веков нашей эры был перекрыт оползнем, поэтому установить размеры поселения этого времени сложно. Основные материалы концентрируются в 20-30 м от края террасы на участке, ограниченном с северо-запада оврагом и ложбиной с юга и запада (рис. 94,95).

Позднезарубинецкие объекты представлены небольшой хозяйственной постройкой овальной формы и 15-ю ямами-погребями. Последние, в основном, сосредоточены в пределах раскопа 2. В пяти ямах встречены куски железных шлаков и криц, причем в яме 14 — кусок крицы весом около 1,5 кг. Из объектов и культурного слоя происходит достаточно многочисленная коллекция керамики. Груболопная посуда представлена обломками округлобоких горшков с коротким отогнутым венчиком, горшками с почти вертикальными венчиками, фрагментами двух корчаг с налепными расчлененными валиками, а также обломками дисков (в основном, украшенных вдавлениями или зашипами) и несколькими фрагментами конических крышек, включая обломок пустотелой ручки. Большинство венчиков горшков орнаментировано вдавлениями или насечками. Небольшой биконический горшок украшен по ребру нарезками (рис. 96: 1-10).

Лощеная посуда составляет 7-8% от общего количества. Это — обломки мисок с четким или округлым ребром и небольшая усеченно-коническая чарка (рис. 96: 12-15). Из числа индивидуальных находок следует назвать железные нож с прямой спинкой из ямы 14 и шило из культурного слоя (рис. 96: 16,17).

Керамический комплекс поселения Крюковщина позволяет отнести его к памятникам типа Лютеш. Информация о поселении опубликована [Петраускас, Петраускас, Шишкін, 1999].

Обуховский р-н

29. Новые Безрадици — Митькив Кут. Памятник расположен в юго-восточной части села, возле хут. Писки в уроч. Митькив Кут. Занимает край первой надпойменной террасы р. Стугна (правый приток р. Днепр), высотой 3-4 м над уровнем поймы. Исследовался экспедицией Института археологии АН УССР под руководством В.Н. Даниленко в 1966 г. Памятник многослойный — здесь выявлено позднезарубинецкая постройка, ряд сооружений и 14 погребений киевской культуры, раннесредневековое славянское жилище.

Среди остатков плохо сохранившейся наземной постройки (№ 4) встречены обломки груболопной позднезарубинецкой керамики, в том числе фрагменты высоких венчиков горшков и корчаг с насечками и вдавлениями, а также отдельные обломки чернолощенной посуды, в том числе верхняя часть миски и коленчатая ручка кружки или вазы (рис. 97: 1-18). Здесь же найдена бронзовая пряжка близкая к типам D1-2 по Р. Мадыде-Легутко, характерная для середины I — начала III в. (рис. 97: 19). Очевидно, с позднезарубинецким горизонтом связаны относящиеся к этому же времени находки из культурного слоя, в том числе железная шпора

группы I по К. Годловскому или типа E2 по Е. Гинальскому (рис. 97: 20). Последняя датируется последней четвертью I — II в. (см. главу 3 настоящей монографии).

Сведения о памятнике в отчете и публикации [Даниленко, Дудкин, Круц, 1967, с. 209-215] далеко не полные. Предпринималась попытка их упорядочить [Терпиловский, Абашина, 1992, с. 78-80, 108-109]. Материалы хранятся в фондах Музея истории Киева.

30. Обухов-13. Поселение расположено в пределах города на участке мыса, образованного пологой надпойменной террасой левого берега р. Кобрини (правый приток р. Стугны правого притока р. Днепр) и балкой пересохшего ручья. С северо-запада границы поселения установить не удалось, поскольку оно разрушено автодорогой по ул. Ленина. Поселение обнаружено в 1990 г. археологической экспедицией Киевского областного управления культуры. В ходе охранных исследований заложено два раскопа (48 и 24 кв.м). В раскопе 1 (по адресу ул. Ленина, 110) был исследован культурный слой мощностью до 1 м. В центральной части раскопа на глубине 0,25 м обнаружено скопление керамики (следы наземного жилища?) толщиной около 0,5 м и размером 4 x 3 м. Кроме позднезарубинецкого материала тут найдены несколько фрагментов поздне трипольской и скифской керамики. Груболопная посуда представлена обломками округлобоких и ребристых горшков и корчаг. Часть венчиков орнаментирована насечками и вдавлениями по краю, несколько обломков горшков украшены расчесами гребнем. Встречены также несколько обломков дисков и ребристых чернолощенных мисок.

Сосуды с широкой горловиной и керамика с расчесами позволяют отнести Обухов-13 к памятникам типа Грини. Информация о поселении содержится в отчете, который хранится в архиве ИА НАНУ [Серов, Левада, Максьюк, 1990, с. 2-6]. Рисунки керамики опубликованы [Терпиловский, 2004а, рис. 22]. Место хранения материалов точно не известно.

31. Таценки — 4. Сведения о находках зарубинецкого круга у с. Таценки опубликованы Е.В. Максимовым [Максимов, 1969, с. 42-43]. По его данным сборы на протяжении 1950-60-х гг. производились на двух пологих берегах р. Стугны (правый приток р. Днепр) на расстоянии до 1 км по ее течению. Последующие осмотры поречья Стугны, которые производились Раннеславянской экспедицией (руководитель Н.М. Кравченко) Киевского государственного педагогического института (ныне Киевского национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова) показали, что местонахождение у с. Таценки, которое описано Е.В. Максимовым, примыкает к шоссе Киев — Обухов в том месте, где оно пересекает р. Стугну и распространяется далее вниз по

течению реки. Оно представляет собой не единый памятник, а серию разновременных поселений, существовавших от эпохи неолита до периода Древней Руси. Где точно были обнаружены опубликованные Е.В. Максимовым материалы (груболепная и лощеная керамика, железные изделия, в том числе топор-кельт, сегментовидная бронзовая подвеска, кольцо с выступающими наружу шишечками и ряд других), не известно⁷. Они относятся к разным периодам этой культурной общности, о чем наглядно свидетельствует набор фибул, которых здесь было обнаружено «более десяти» [Максимов, 1969, с. 43]. Среди них есть как явно относящиеся к классическому этапу зарубинецкой культуры (фибулы с треугольными щитками второго и третьего вариантов, возможно, «воинская» со сплошным приемником [Максимов, 1969, рис. 5: 14,15; 6: 11,13]), так и к позднезарубинецкому горизонту (глазчатая серии В по Р. Ямке и крупная с мягко изогнутой спинкой группы 13 по А.К. Амброзу) [Максимов, 1969, рис. 5: 15; 6: 12]. В Музее истории Киева хранится лепная керамика, происходящая из упомянутых Е.В. Максимовым сборов. К позднезарубинецкому горизонту, по аналогиям с селищем Лютеж, явно связаны фрагменты груболепных и лепных лощеных сосудов, которые приводятся на рис. 98,99.

32. Таценки — 1. Раннеславянской экспедицией (рук. Н.М. Кравченко) Киевского государственного педагогического института (ныне Киевского национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова) в районе с. Таценки в ходе охранных работ было зафиксировано восемь местонахождений. Данное поселение находится на южной окраине села в районе 39-го километра шоссе Киев — Обухов на песчаной дюне левого пологого берега р. Стугны (правый приток р. Днепр). В ходе раскопок, произведенных Л.А. Цыңдровской в 1977 г., были обнаружены остатки двух плохо сохранившихся построек и несколько ям, содержащих кухонную керамику, уголь и печину. Основные находки происходят из культурного слоя поселения. Кроме материалов зарубинецкого типа здесь встречена керамика милоградской культуры и бронзовая подвеска скифского времени. К позднезарубинецкому периоду могут относиться фрагменты груболепных горшков с почти прямыми или отогнутыми наружу венчиками, края которых во многих случаях украшены пальцевыми вдавлениями.

⁷ По предположению Л.А. Цыңдровской, воинская фибула со сплошным приемником, топор-кельт и ряд других находок обнаружены справа от автострады, а бронзовое кольцо, сегментовидные подвески, ножи и др. — на правом берегу р. Стугны, где находился разрушенный могильник. Глазчатая фибула и серебряная монета Антонина Пия происходят из ур. Довжичок [Цыңдровська, 1988, с. 90]. Тем не менее, на тех находках, которые хранятся в Музее истории Киева, точные привязки к местности отсутствуют.

Чернолощенная керамика представлена обломками мисок, в том числе и ребристых с прямым венчиком. Обнаружено также несколько фрагментов античных амфор (рис. 100,101).

В культурном слое найдено также несколько пряслиц, одно из которых орнаментировано наколами (рис. 101: 12,13). Металлические изделия представлены обломком ножа, а также железной проволочной фибулой позделатенской схемы с нижней тетивой, утолщением на спинке и рамчатым приемником (рис. 101: 11) [Цыңдровская, 1977, с. 1-4; 1991]. По мнению автора раскопок, на основании характерной керамики, фибулы и фрагментов амфор поселение можно датировать концом I в. до н.э. — I в. н.э. Материалы раскопок хранятся в фондах Киевского национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова.

Переяславский район

33. Волчков-Большой Баличин. Поселение расположено в среднем течении р. Трубеж возле с. Вовчків, на дюнном возвышении в пойме левого берега реки. На площади 100 x 200 м А.П. Савчук собраны многочисленные обломки лепной посуды позднезарубинецкого типа. Обнаружено несколько биконических плоских пряслиц. Из выдувов культурного слоя происходит железная фибула позднелатенской схемы со сплошным приемником и сильно изогнутой спинкой [Савчук, 1969, рис. 1: 41]. На поселении обнаружены также материалы киевско-черняховского типа, в том числе воинская фибула позднеримского времени. Общие сведения о памятнике и отдельные находки опубликованы [Савчук, 1969, с.86]. Материалы хранятся в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав». В настоящее время памятник практически уничтожен мелиоративными работами.

34. Переяслав-Лагери. Памятник расположен в нижнем течении р. Трубеж на южной окраине г. Переяслав, в пойме реки возле ее старицы, на небольшом возвышении, поднимающемся над уровнем поймы на 1,5-2 м. Памятник обнаружен М.В. Роздобудько в 1996 г. При детальном обследовании в 1999 г. с применением шурфовки, обнаружен культурный слой с материалами зарубинецкого типа [Роздобудько, Костюк, 1999, с. 7]. В целом на площади 200 x 70 м занятой сезонными огородами, за период с 1996 по 2003 г. собрана коллекция подъемных материалов, включающая более 80 фрагментов керамики эпох энеолита, бронзы и начала I тыс. н.э. Материалы начала I тыс. н.э. составляют подавляющую часть находок. Представлены преимущественно мелкими фрагментами лепных сосудов грубой выделки, с шершавой, бугристой поверхностью, толстыми стенками, утолщенными днищами с закраиной.

Попадают фрагменты слегка отогнутых наружу венчиков с пальцевым декором. Один фрагмент принадлежит плоской сковородке-дису со слегка приподнятыми закругленными бортиками. Около десяти обломков принадлежат лепной лощеной посуде. Среди них выделяются три фрагмента кольцевых поддонов мисок, один небольшой фрагмент прямого венчика миски с «оттянутым» ребром и фрагмент стенки с треугольным в сечении валиком. Также обнаружен фрагмент лощеного биконического пряслица с соразмерной диаметру высотой. Несколько мелких фрагментов принадлежат красноглиняным и белоглиняным амфорам неопределенного типа. Комплекс находок начала I тыс. н.э., сделанных на поселении в нижнем течении Трубежа, отвечает среднеднепровским позднезарубинецким памятникам типа Лютеж и расположенным в среднем течении Трубежа памятникам Борщив, Коржи, Селище. С последними поселение возле Переяслава объединяет и сходная топография. Материалы хранятся в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав».

35. Пристромы-Товарячий Гай. Памятник расположен в среднем течении р. Трубеж возле с. Пристромы, на дюнном возвышении в пойме реки. Здесь, А.П. Савчуком в 1980 г. собрана большая коллекция керамики относящейся преимущественно к энеолиту, ранней, средней и поздней бронзе. Среди находок — до десяти обломков от грубых лепных сосудов с шершавой поверхностью. Один фрагмент принадлежит горшку со слабо отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю пальцево-ногтевыми углублениями. Несколько фрагментов принадлежат лощеной посуде, в том числе большой фрагмент кольцевого поддона миски. По аналогии с материалами соседних более надежно датированных памятников среднего течения Трубежа — Барышевка, Коржи, Пасичное, Селище, поселение в урочище Товарячий Гай можно также отнести к позднезарубинецкому времени. Материалы хранятся в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав».

36. Хоцьки — Комаривський хутор. Памятник находится в 5 км к западу от с. Хоцьки, на левом берегу Каневского водохранилища. Поселение располагалось вдоль края мысоподобного выступа боровой террасы р. Днепр в сторону поймы, возле заболоченной старицы, возвышаясь на 2-4 м над уровнем последней. Площадь поселения не определена. На протяжении 1995-2003 гг. на памятнике регулярно проводились охранно-спасательные работы, в результате которых получены материалы эпох энеолита, бронзы и раннего железа [Роздобудько, Тетеря, Костюк, 1995; 1997; 1998; Роздобудько, Тетеря, Товкайло, Костюк, 1996; Роздобудько, Костюк, 1999; Роздобудько, 2001]. Как выяснилось во время исследований

2002-2003 гг., последние представлены древностями позднезарубинецкого типа. Они составляют коллекцию из нескольких десятков обломков груболепной и лощеной посуды, а также нескольких вещевых находок. Среди обломков груболепной керамики много фрагментов прямых или слегка изогнутых шеек горшков, с венчиками, украшенными пальцевыми вдавлениями либо насечками по краю. Керамическая масса груболепных сосудов содержит значительное количество дресвы и крупного шамота. На поверхности некоторых фрагментов толстостенных сосудов наблюдаются следы от заглаживания пальцами. Несколько фрагментов принадлежат плоским дискам-сковородам, изготовленным из того же теста. Лепная лощеная посуда представлена фрагментом кольцевого поддона и несколькими обломками ребристых мисок с прямыми венчиками, характерными для керамических комплексов второй половины I — II вв. н.э. К вещевым находкам относятся несколько фрагментов точильных брусков, изготовленных из осадочных пород типа мелкозернистого песчаника или сланца. На одном бруске сохранился желобок от заточки шилоподобного орудия. Обнаружена также бусина эллипсоидной формы диаметром 8 мм. Бусина изготовлена из темнокрасной пасты и украшена тремя «глазками» желтой пасты. Позднезарубинецкие материалы памятника частично опубликованы [Роздобудько, 2004, с. 55-57], хранятся в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав».

37. Цыбли — Биле озеро 1. Памятник находится в 2,5 км к югу от с. Цыбли, на берегу Каневского водохранилища. Поселение расположено на краю боровой террасы р. Днепр, возле заболоченной старицы, возвышаясь на 2-3 м над уровнем последней. На протяжении 1995-2003 гг. на памятнике проводились охранно-спасательные работы, во время которых собрана большая коллекция подъемных материалов с размывов культурных слоев [Роздобудько, Тетеря, Костюк, 1995; 1997; 1998; Роздобудько, Тетеря, Товкайло, Костюк, 1996; Роздобудько, Костюк, 1999; Роздобудько, 2001]. Кроме находок эпох энеолита, бронзы, предскифского и скифского времени, на памятнике в значительном количестве присутствуют материалы первой половины I тыс. н.э., преимущественно киевского типа. Киевский горизонт памятника датируется железной двухчленной фибулой с подвязной ножкой [Роздобудько, 2002, с. 233-236]. Среди материалов первой половины I тыс. н.э. присутствует большое количество обломков груболепных горшков с пальцевыми зашипами и углублениями на венчике. Они находят полную аналогию в датированных позднезарубинецких комплексах среднеднепровских памятников, в отличие от киевских, где не имеют широкого распространения. На памятнике обна-

ружены и многочисленные обломки лощеных сосудов, часть которых, вероятно, также принадлежит позднезарубинецкому горизонту. Собранные материалы хранятся в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав».

38. Цыбли – Пидпоринцы. Памятник расположен на берегу Каневского водохранилища на западной окраине с. Цыбли. Занимает относительно узкую полосу бортовой террасы, примыкающую с одной стороны к старице Цыбля в пойме Днепра, а с другой – к подножию склона второй надпойменной (лессовой) террасы Днепра. Возвышается на 1,5-3,5 м над уровнем поймы. Длительное время памятник размывался водохранилищем. В период наиболее интенсивного размыва, с 1980 по 1982 г., А.П. Савчуком собрана большая коллекция разновременных материалов с размыва культурных слоев памятника. Среди находок эпох энеолита, бронзы и раннего железа подавляющую часть составляют материалы I тыс. н.э. – позднезарубинецкого, киевско-черняховского, пеньковского типов. Позднезарубинецкая керамика представлена обломками лепных горшков с зашипами по венчику и шероховатой поверхностью, а также фрагментами лощеной посуды. Встречаются типичные для позднезарубинецких комплексов пряслица, обломки амфор. А.П. Савчук датировал эти находки I – II вв. н.э. [Савчук, 1982]. Материалы хранятся в Национальном историко-этнографическом заповеднике «Переяслав».

Чернобыльский р-н

40. Грини-1. Поселение находится на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Тетерев ниже ее устья, примыкая к бывшему хут. Грини с юга. Высота памятника над уровнем поймы 4-5 м, размеры – 60 x 30 м. В 1962-1963 гг. экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Д.Я. Телегина на памятнике вскрыто 728 кв.м. Основная масса находок относится к периоду неолита. Позднезарубинецкие материалы происходят из заполнения полуземляночного жилища и окружающего его культурного слоя.

Размеры прямоугольной постройки 3,4 x 3,2 м, ее пол углублен на 0,3 м в материк. В юго-восточном углу зафиксировано место входа, а в северо-восточном – остатки отопительного сооружения в виде глиняного пода с невысокими бортиками, вымощенного черепками. Груболепная керамика представлена обломками горшков, изготовленных из теста с примесью дресвы. Часть венчиков орнаментирована вдавлениями или насечками по краю, поверхность нескольких горшков украшена расчесами гребнем или крупнозубой щепкой. Встречено также несколько обломков ребристых чернолощенных мисок. Из культурного слоя кроме лепной керамики происходят

фрагмент античной краснолаковой мисочки, два уплощенных биконических пряслица и стеклянная бусина с выступами-глазками. Последняя относится к варианту «а» типа 64 [Алексеева, 1975, с. 66], который датируется II в. н.э.

Материалы поселения опубликованы [Максимов, 1969, с. 39-41]. Уточненные рисунки приведены в [Терпиловский, 1984, рис. 26]. Коллекция хранится в фондах Института археологии НАНУ.

41. Грини-2. Памятник расположен в 200 м к юго-западу от паромной переправы через р. Тетерев на краю первой надпойменной террасы левого берега на высоте 1,5 м над уровнем поймы. Обнаружен в 1980 г. Р.В. Терпиловским в ходе обследования берегов Киевского водохранилища экспедицией Института археологии АН УССР «Славутич».

В обрыве берега было выявлено скопление керамики, на месте которого заложен шурф. Скопление находилось в хозяйственной яме на глубине 0,4-0,7 м. Сверху яма была перекрыта культурным слоем XIX-XX вв. мощностью до 0,4 м. Керамика представлена фрагментами груболепных горшков, в том числе банковидных. Венчики корчаг с широкой горловиной орнаментированы вдавлениями.

Материалы разведки опубликованы [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 142-144] и хранятся в фондах Института археологии НАНУ.

Сумская обл.

Великописаревский р-н

42. Берёзовка-2. Селище расположено на краю сниженного участка первой надпойменной террасы левого берега р. Ворсклицы (правый приток р. Ворсклы левого притока р. Днепр) в 1 км к юго-востоку от фермы с. Берёзовка (через реку). Общие размеры селища – 170 x 40-60 м, высота от уровня поймы реки – 0,5 – 1,5 м. Территория памятника была занята сосновым лесом. Ныне большая его часть уничтожена карьерами для выборки песка.

Поселение открыто А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в 1989 г. В 1989-1990 гг. на оставшихся нетронутыми участках А.М. Обломским были проведены раскопки. Всего на шести раскопах вскрыто 344 кв. м.

На памятнике обнаружены остатки шести углубленных в материк построек (относительно неплохо сохранились четыре жилых и одна хозяйственная), 26 ям и выносной очаг. Все объекты относятся к позднезарубинецкому периоду (рис. 102).

На поселении преобладают обломки груболепных сосудов (как округлобочных, так и ребристых). Они отличаются рыхлым тестом и примесью крупного шамота в керамической массе. Поверхность носит следы грубого заглаживания пальцами или щепкой. Встречаются фрагменты горшков с рас-

чесами, нанесенными гребнем, но они составляют менее 1% от общего количества кухонной керамики. Венчики зачастую орнаментированы (около 50%) пальцевыми вдавлениями или насечками по краю. В верхней части одного тщательно заглаженного горшка помещен треугольный в сечении налепной валик. Некоторые детали оформления верхних частей горшков из постройки 2 (раструбообразные венчики, подчеркнутые изнутри острым ребром) свидетельствуют о влиянии традиций позднескифского керамического комплекса.

Лепная лощеная посуда представлена обломками мисок и горшков (или «ваз»). В среднем ее — около 4%. В заполнении ямы 12 обнаружен обломок венчика античного гончарного коричневоглиняного сосуда. Из ямы 14 происходит фрагмент ручки кувшина такой же фактуры, использовавшейся как точило.

Из индивидуальных находок на поселении найдены: камень-куррант одноручной зернотерки, два железных шила, два обломка железных ножей с прямыми спинками, бронзовое кольцо со склепанными концами, фрагменты двух пряслиц из черепков лощеных сосудов (рис. 103-112).

Материалы памятника хранятся в Сумском краеведческом музее. Они полностью опубликованы [Обломский, 1992]. Автор публикации А.М. Обломский интерпретировал поселение как позднезарубинецкое среднеднепровской традиции, демонстрирующее проникновение населения культурной группы типа Лютежа на восток [Обломский, 1992, с. 90-95]. Р.В. Терпиловский, не отрицая значительного сходства материалов из Березовки со среднеднепровским, все же по территориальному признаку отнес этот памятник к восточнолевобережной группе типа Картамышево-2 [Терпиловский, 2004а, с. 29].

43. Солдатское-5. Поселение занимает невысокий мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Ворсклицы (правый приток р. Ворсклы левого притока р. Днепр) в 0,3 км к северо-западу от крайних домов с. Солдатское (ближних к с. Ницаха). Памятник занят лесопосадками (соснами), поэтому точные размеры его не ясны. Культурный слой поврежден плантажной вспашкой. Край террасы разрушается разливами реки.

Обследование В.В. Приймака, Р.В. Терпиловского и А.М. Обломского 1988 г. В том же году Р.В. Терпиловский зачистил край обрыва над рекой на протяжении 20 м и заложил небольшой раскоп площадью 20 кв. м. Поселение — многослойное. На памятнике обнаружены объекты эпохи бронзы, позднезарубинецкого периода и нового времени (XVIII-XIX вв.). К позднезарубинецкому периоду относится скопление лепной керамики и железных шлаков, связанное с остатками глинобитной площадки размерами 1,5 x 0,4 м, которую Р.В. Терпиловский интерпретирует как остатки выносного очага.

Сосуды скопления орнаментированы вдавлениями и насечками по венчику. У одного из горшков имеются нанесенные ногтем чуть ниже шейки отпечатки, сгруппированные по три (т.н. ложный валик), у другого горшка поверхность ниже шейки — хророватая (рис. 118). Керамика памятника составляет выразительный комплекс груболепной посуды круга Картамышево-2. Позднезарубинецкие материалы поселения опубликованы [Терпиловский, 1990]. Коллекция находок хранится в Сумском краеведческом музее.

Конопотский р-н

44. Хижки-1. Поселение занимает мыс, образованный пересечением края первой надпойменной террасы левого берега Сейма (левый приток р. Десна левого притока р. Днепр) и долины безымянного ручья. У подножия террасы находится оз. Щимля (старица Сейма). Селище расположено в 2 км к югу от южной окраины с. Хижки. Размеры памятника составляют 280 x 220 м, высота над уровнем поймы Сейма — 1-2 м.

Памятник открыт А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в 1990 г. Большая часть подъемного материала, собранного во время осмотра, относится к позднезарубинецкому периоду. В его число входят фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота в тесте и обломки лепных лощеных мисок. В значительно меньшем количестве встречена гончарная керамика эпохи Киевской Руси.

Сведения о поселении публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

45. Хижки-6. Поселение расположено на изгибе первой надпойменной террасы левого берега р. Сейм (левый приток р. Десна левого притока р. Днепр) в 1,8 км к северо-западу от фермы с. Хижки. Размеры селища — 300 x 50 м, высота над уровнем поймы реки — 2 м.

Памятник открыт А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в 1990 г. При его осмотре обнаружена груболепная керамика с примесью шамота в тесте, в т.ч. и обломки венчиков слабопрофилированных сосудов, и несколько фрагментов лепных лощеных мисок. Наличие на поселении отложений позднезарубинецкого периода весьма вероятно.

Сведения о поселении публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Недригайловский р-н

46. Большие Будки-4. Памятник расположен на дюне, вытянутой с севера на юг вдоль левого берега р. Терн (правый приток р. Сулы левого притока р. Днепр) в ур. Хутор. Размеры дюны — 360 x 60-70 м, высота над уровнем низкой поймы реки — 1 — 2,5 м. Раскопки В.М. Горюновой и

Г.А. Романовой 1981-1982 гг. Вскрыто 712 кв. м (на двух раскопах). В 1989 г. памятник повторно обследовала Г.А. Романова. К этому времени восточная его часть оказалась полностью разрушенной карьером [Романова, 1989, с. 3].

На селище имеются отложения юхновской культуры раннего железного века, позднезарубинецкие и колочинской культуры. Резко преобладают раннесредневековые материалы. К позднезарубинецкому периоду относятся постройка с углубленной частью (№7) и две ямы (№№22 и 26) на раскопе II. Все эти объекты расположены компактно, что заставляет сделать вывод о принадлежности их к одной усадьбе.

Находки представлены лепной керамикой (сильно измельченной) и двумя пряслицами, выточенными из стенок лощеных сосудов. Груболепные горшки содержали в тесте примесь шамота, песка или органики. Поверхность некоторых обломков покрыта расчесами, нанесенными гребнем, или слабой штриховкой. Венчики горшков иногда орнаментированы насечками. Фрагменты лощеных сосудов единичны. Показателен обломок острорезной миски с изогнутой верхней частью с выгравированными параллельными горизонтальными линиями. Поселение является одним из памятников круга Картамышево-2.

Материалы Великих Будков-4 полностью опубликованы [Горюнова, Родинкова, 1999], хранятся в Институте истории материальной культуры РАН.

47. Курманы-1. Селище расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Сулы (левый приток р. Днепр) 0,7 км к югу от юго-западной окраины села на высоте 2,5 – 3,5 м от уровня низкой поймы. Занята лесом, поверхность нарушена ямами для добычи песка. Поскольку территория памятника задернована, то его размеры определить трудно.

Памятник открыт Г.А. Романовой в 1990 г. Собраны материалы эпохи бронзы и позднезарубинецкого периода, хотя для последних и не исключена принадлежность к раннекиевскому этапу. К ним относятся груболепная керамика с примесью крупного шамота в тесте, фрагмент стенки лепной лощеной миски, пряслице из черепка лощеного сосуда [Романова, 1990, с. 4]. Сведения о памятнике публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

Путивльский р-н

48. Вегеровка-1. Поселение находится на склоне мысообразного выступа первой надпойменной террасы левого берега р. Клевень (правый приток р. Сейм левого притока р. Десны левого притока р. Днепр) между урочищами Кулыга и Вегеровское болото в 800 м к северо-западу от северной окраины села. Размеры селища – 100 х 80 м, высота над уровнем поймы реки – 1-2 м.

Памятник открыт А.М. Обломским и В.В. Приймаком в 1992 г. На поверхности пашни собрана груболепная керамика с шамотом в тесте, найдены два фрагмента стенок лощеных лепных мисок, фрагмент светлоглиняной амфоры. Наличие на поселении отложений позднезарубинецкого периода весьма вероятно. Кроме того, на памятнике имеется древнерусский материал.

Сведения о поселении публикуются впервые, коллекция находок хранится в Путивльском краеведческом музее.

49. Шевченково-2. Поселение расположено в 800 м к северосеверо-западу от северо-западной окраины с. Шевченково в 200 м к северо-востоку от моста через безымянный ручей на грунтовой дороге Путивль – Гвинтовое. Памятник занимает небольшое всхолмление на краю террасы правого берега ручья. Размеры поселения – 150 х 80 м, высота от поймы ручья – 2 м.

Селище открыто А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в 1990 г. При осмотре памятника собрана керамика эпохи бронзы и груболепная с шамотом в тесте. Судя по обломку венчика горшка с насечками по краю и нескольким фрагментам стенок лепных лощеных мисок, на памятнике имеются отложения позднезарубинецкого периода.

Сведения о поселении публикуются впервые. Материалы хранятся в Сумском краеведческом музее.

50. Скуносолово (Калиновка)-2. Поселение расположено на дюне, примыкающей к краю первой надпойменной террасы левого берега р. Любки (левой протоки р. Сейм левого притока р. Десны левого притока р. Днепр) в 800 м к северо-востоку от фермы с. Калиновка. Высота памятника над уровнем поймы – 2-3 м, размеры – 250 х 60 м.

Поселение открыто А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в 1990 г. На поверхности селища собраны материалы неолита и эпохи бронзы, а также фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота в тесте, среди которых имеется обломок венчика груболепного горшка, орнаментированного пальцевыми вдавлениями по краю. Найдены, также, фрагмент стенки лепного лощеного сосуда. Наличие на поселении позднезарубинецких объектов весьма вероятно.

Сведения о поселении публикуются впервые, коллекция находок хранится в Сумском краеведческом музее.

51. Ховзовка. Поселение, находившееся в 500 м к юго-западу от южной окраины с. Ховзовка на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Клевень (правый приток р. Сейм левого притока р. Десна левого притока р. Днепр), ныне полностью уничтожено карьером. В 1992 г. А.М. Обломским и В.В. Приймаком в его отвалах собрана лепная керамика с примесью шамота в тесте. Среди обломков сосудов выразительны фрагменты венчика с пальцевыми вдавлениями

по краю и ребристого перелома тулова горшка. Принадлежность памятника к позднезарубинецкому периоду весьма вероятна.

Сведения о поселении публикуются впервые, коллекция находок хранится в Путивльском краеведческом музее.

Сумской р-н

52. Песчаное. Поселение находится к 300 м к на юго-восток от села на первой надпойменной террасе левого берега р. Олешня (правый приток р. Псел левого притока р. Днепр). Размеры селища составляют 400 x 50-80 м, высота над уровнем поймы реки — 6-10 м.

Раскопки А.И. Журко 1990 г. На поселении было заложено 4 раскопа и 8 траншей общей площадью 1338 кв. м. К I тыс. н.э. относятся материалы позднезарубинецкого, черняховского и волынцевско-роменского периодов. Груболепная керамика памятника всех трех эпох однородна в технологическом отношении: в тесте содержится примесь крупного шамота, на поверхности сосудов заметно грубое пальцевое заглаживание. Вопрос о распределении керамики по объектам рассмотрен А.М. Обломским [Обломский, 2002, с. 40]. Обломки округлых и ребристых сосудов, венчики которых иногда украшались вдавлениями или насечками, фрагмент плоского диска с пальцевыми вдавлениями по краю, а также обломки высоких лощеных мисок, в т.ч. и с зигзаговыми профилями, происходят из культурного слоя (рис. 119, 120). По характерному набору форм сосудов ранний горизонт поселения наиболее близок к памятникам типа Картамышев-2 позднезарубинецкого периода. Некоторые формы, в т.ч. и лощеные миски, имеют параллели в ранних древностях киевской культуры.

Краткие сведения о памятнике опубликованы [Журко, 1994, с. 215-217]. Материалы хранятся на историческом факультете Сумского педагогического университета.

Тростянецкий р-н

53. Рябовка-3. Поселение расположено на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Ворсклицы (правый приток р. Ворсклы левого притока р. Днепр) над старицей Бобёр на высоте 1-5,5 м над уровнем поймы. Имеет размеры 400 x 40-60 м и примыкает с юго-запада к юго-западной окраине села (рис. 121).

В 1987-1989 гг. поселение неоднократно обследовалось Л.А. Белинской, В.В. Приймаком, А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским. В 1990 г. А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским здесь были проведены раскопки. Вскрыто 1200 кв. м. Исследованы объекты скифского времени, позднезарубинецкие, средневековые (пеньковской культуры и погребения кочевников VII в.).

Позднезарубинецкие материалы происходят из культурного слоя и 14 хозяйственных ям. Груболепная керамика содержала в тесте примесь крупного шамота. На венчиках сосудов встречаются пальцевые вдавления или насечки. Поверхность некоторых из них орнаментирована расчесами, нанесенными гребнем (5%). Среди керамики памятника имеются обломки горшков с пальцевыми вдавлениями, расположенными группами по два на тулове сосуда. Встречены и фрагменты лощеных мисок, но они, как правило, сильно измельчены. Из заполнения ямы 69, кроме керамики, происходит обломок железного серпа (рис. 122-126).

Материалы памятника опубликованы [Обломский, Терпиловский, 2002]. Коллекция находок хранится в Сумском краеведческом музее.

Полтавская обл.

Зеньковский р-н

54. Бухаловка. Поселение находится в 0,4 км на северо-восток от села и в 0,6 км на юг от с. Деряги у истоков р. Кратова Голтва (приток р. Средняя Голтва притока р. Ольховая Голтва притока р. Голтва левого притока р. Псел левого притока р. Днепр). Селище занимает высокий мы (15-17 м над уровнем поймы) при слиянии двух ручьев и имеет размеры 25-55 x 110 м. Разведки А.Б. Супруненко 2004 г.

Позднезарубинецкие материалы представлены фрагментами груболепных сосудов с примесью шамота в тесте и обломком лепной серолощенной миски. На венчиках некоторых сосудов с шероховатой поверхностью замены насечки и вдавления. Материал образует три скопления размерами около 10 x 12 x 15 м. Сведения о памятнике опубликованы [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 41]. Коллекция находок хранится в фондах Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации.

55. Вовки. Селище находится на сниженном участке правого коренного берега р. Грунь (левого притока р. Грунь-Ташань левого притока р. Псел левого притока р. Днепр) и на прилегающей к нему первой надпойменной террасе напротив хут. Вовки и с. Проценки. В 2 км выше по течению реки расположено с. Пилипенки Зеньковского р-на. Размеры поселения 0,3 x 0,05-0,1 км, высота над уровнем поймы — 2,5 — 7 м. Раскопки Е.А. Горюнова 1975 и 1977 гг. (вскрыто 696 кв. м), обследование А.Б. Супруненко 2002 г.

На памятнике преобладают материалы волынцевского культурно-хронологического этапа. К позднезарубинецкому периоду достоверно относятся два объекта: остатки глинобитного пола разрушенной постройки 1975 г. и жилище-полу-

землянка VI 1976 г. Из культурного слоя, кроме немногочисленных фрагментов сосудов (рис. 127: 1-6), происходит обломок сильнопрофилированной фибулы типа Альмгрен-84 (рис. 126: 7). Памятник является одним из эталонов культурной группы типа Гриней. Поздnezарубинецкие материалы поселения опубликованы [Горюнов, 1981, рис. 10; 13: 3; Обломский, Терпиловский, 1991, с. 83, 144-146]. Коллекция находок хранится в Институте истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

56. Саранчевка. Поселение расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Сухая Грунь (истоки р. Грунь левого притока р. Грунь-Ташань левого притока р. Псел левого притока р. Днепр) в пределах села на перекрестке грунтовых дорог, ведущих от его центра в с. Должик. Высота памятника — 1 — 1,5 м над уровнем поймы, размеры — 60 x 180 м. Территория частично занята современными усадьбами и хозяйственными сооружениями.

Обследования А.Б. Супруненко, А.В. Гейко, К.М. Мироненко 2001 и 2004 гг.

Поселение относится к поздnezарубинецкому периоду. Находки этого времени представлены фрагментами груболепных сосудов с примесью крупных зерен шамота в тесте, в т.ч. обломками венчиков горшков и корчаг с вдавлениями и редкими насечками по краю. Найдены также фрагменты лепных лощеных мисок, один из которых имеет острое ребро, заготовка пряслица из черепка сосуда. Не исключено, что с поселением следует связывать находку обломка пластинчатой двурогой лунницы из билона с приклепанным сверху ушком — изделия, характерного для комплексов украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля. Лунница хранится у одного из полтавских коллекционеров, коллекция прочих находок — в фондах Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации. Материалы поселения опубликованы [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 40, 41].

Козельщинский р-н

57. Прилипка. Поселение находится в 3 км на северо-запад от центра села в ур. Топиршки. Занимает задернованный мыс выноса из древнего оврага на правом берегу р. Псел (левый приток р. Днепр). Поселение имеет размеры 50 x 90 м, высоту над уровнем поймы — 1,5-2 м. разведки Л.М. Луговой 1984 и 1986 гг.

Толщина культурного слоя составляет более 1,8 м. Он перекрыт сверху полуметровым слоем чернозема и глины. Из него происходят материалы неолита, бронзы и поздnezарубинецкого этапа, не исключено наличие отложений пеньковской культуры. К последним относятся фрагмен-

ты груболепных сосудов с примесью шамота и кварцита, как округлобоких, так и ребристых. На венчиках некоторых из них и на обломке ребра одного из горшков видны пальцевые вдавления. Собраны также фрагменты лепных лощеных мисок, в т.ч. и с острыми ребрами. Сведения о поселении опубликованы [Лугова, Левченко, 1999; Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 42-43]. Материалы хранятся в Полтавском краеведческом музее.

Котелевский р-н

58. Бельск. Поселение расположено на территории известного Бельского городища скифского времени, в уроч. Озеро в 1,4 км на юго-запад от села. Оно занимает пологий склон высокого левого берега ручья Тарапунька — правого притока р. Сухая Грунь — между валами Западного укрепления и возникшим в результате запруды ручья Бельским озером. Поселение вытянуто вдоль склона, его длина до 400 м, ширина 70-130 м, высота 7-13 м над уровнем поймы ручья. Отдельные материалы скифского времени зафиксированы здесь П.Я. Гавришем и С.П. Степановичем в 1980, 1984 и 1994 гг.

Памятник значительно поврежден дорожным карьером, многочисленными трубопроводами и коммуникациями. В 1997 и 2000 гг. здесь были проведены небольшие охранные раскопки (всего вскрыто около 200 кв.м) И.Н. Кулатовой и А.Б. Супруненко, выявившие поздnezарубинецкие материалы и объекты. Встречены также отдельные находки скифской эпохи и черняховской культуры, а также остатки землянки рубежа XVIII-XIX вв. В ходе раскопок исследованы две частично сохранившиеся постройки (прямоугольное жилище со следами глинобитного отопительного сооружения, пол которого углублен в погребенный чернозем на 0,25 м, и наземная хозяйственная постройка), а также несколько хозяйственных ям. Основные поздnezарубинецкие находки происходят из заполнения жилища и культурного слоя вокруг него.

На поселении преобладают обломки груболепных горшковидных сосудов (как округлобоких, так и ребристых). Они отличаются рыхлым тестом и примесью крупного шамота в керамической массе. Поверхность носит следы грубого заглаживания пальцами или щепкой. Венчики зачастую орнаментированы (около 50%) пальцевыми вдавлениями или насечками по краю.

Лепная лощеная посуда, количество которой составляет 5-7%, представлена маловыразительными обломками венчиков нескольких сосудов (мисок?). Лепной керамический комплекс дополняется серией обломков светлоглиняных античных амфор, в том числе фрагментов ручки.

С позднезарубинецким горизонтом также связаны лепное уплощенное пряслице и фрагменты пряслица и двух заготовок из черепков античных гончарных сосудов (рис. 128-130), а также кости диких (олень, лось, кулан, кабан) и домашних (бык, конь, овца, свинья и коза) животных (определения О.П. Журавлева).

Материалы поселения позволяют отнести его к группе позднезарубинецких памятников типа Картамышево-2. Сведения о памятнике опубликованы [Супруненко, Терпиловский, 2000; Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 66-87]. Коллекция находок хранится в фондах Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации.

Лубенский р-н

59. Березняки⁸. Поселение расположено на песчаном возвышении в пойме левого берега р. Сулы (левый приток р. Днепр) в 3,5 км на северо-запад от села. Находки сделаны в обрыве берега высотой 3,5 – 7 м и протяженностью 125 м [Моргунов, Неприна, Супруненко, 1984, с. 48-49]. Разведки В.Г. Ляскоронского конца 1880-х – начала 1890-х гг., обследование Ю.Ю. Моргунова, В.И. Неприной и А.Б. Супруненко 1984 г.

На памятнике обнаружены материалы эпох позднего неолита, бронзы, первой половины – середины 1 тыс. н.э. и XVII – XVIII вв. К позднезарубинецкому периоду или к раннему этапу киевской культуры относятся фрагмент плоского диска и обломок верхней части ребристого налощеного сосуда. Материалы хранятся в Полтавском краеведческом музее. Краткие сведения о памятнике опубликованы [Супруненко, 2000, с. 206; Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 39].

60. Засулье. Поселение находится в ур. Коса по ул. Песчаная в пределах села, занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Сула (левый приток р. Днепр) высотой 6 м. Площадь поселения – около 0,5 га. Обследования Ф.И. Каминского в 1874-1875 гг., К.П. Бочкарева и В.Г. Ляскоронского начала 1880-х гг., разведки Ф.Б. Копылова 1945 г., И.Н. Кулатовой 1988 г.

На поселении обнаружены материалы эпох неолита, бронзы, позднезарубинецкого периода, середины – третьей четверти 1 тыс. н.э., позднего средневековья. Часть поселения занята современными жилыми постройками. К раннеримскому времени относятся обломки венчиков горшков с шероховатой поверхностью, насечками и вдавлениями по краю, фрагмент ребра серолощенной миски. Материалы опубликованы [Супруненко, 2000, с. 210; Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 38-39], хранятся Полтавском краеведческом музее.

⁸ В своде И.Н. Кулатовой, А.Б. Супруненко, Р.В.Терпиловского памятник относится к Хорольскому р-ну [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 39].

Новосанжарский р-н

61. Ливенское (Кумина балка). Поселение находится в 0,3 км от ур. Попова гора и в 0,5 км на юго-юго-восток от части села, называемого Кумина Балка, занимает возвышение первой надпойменной террасы правого берега р. Орель (левый приток р. Днепр) в ур. Червонивка. Площадь памятника – 6-7 га, высота над уровнем воды в реке – 4-5 м. Разведки И.В. Бовкуна 1982 г., обследование А.Б. Супруненко, И.Ф. Ковалевой и В.О. Шалобудова 1987 г.

На памятнике обнаружены материалы эпох неолита, бронзы, позднезарубинецкого периода, черняховской культуры, XVII – XVIII вв. К раннеримскому времени относятся обломки груболепных горшков, в т.ч. и нескольких венчиков, орнаментированных насечками или пальцевыми вдавлениями, а также фрагменты серо- и коричневоошпанных мисок, в т.ч. одной со сглаженным ребром. Сведения о поселении опубликованы [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 52]. Материалы хранятся в Полтавском краеведческом музее.

62. Писаревка. Поселение находится в 1,25 км на северо-запад от платформы Писаревская на железной дороге Полтава – Кременчуг. Оно занимает невысокий мыс первой надпойменной террасы правого берега р. Тагамлык (левый приток р. Ворскла левого притока р. Днепр) размерами 80 x 100 м. В настоящее время частично разрушено постройками дачного кооператива и новой железнодорожной платформой. Обследования В.И. Неприной 1976 г., А.Б. Супруненко 1983-1984 гг.

Памятник – многослойный. При осмотрах выявлены материалы эпохи бронзы и пеньковской культуры раннего средневековья. К позднезарубинецкому периоду или к раннему этапу киевской культуры могут относиться фрагмент груболепной корчаги с пальцами вдавлениями по краю и пряслице из черепка светлоглиняной амфоры. Почти целая груболепная корчага с округло-ребристым переломом тулова, которую авторы публикации материалов памятника считали позднезарубинецкой [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, рис. 45: 1], скорее всего относится либо к финальному этапу киевской, либо к пеньковской культуре (см. сосуды таких форм в издании [Горюнов, 1981, рис. 31: 1; 36: 6; 44: 13]. Сведения о памятнике опубликованы [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 50], материалы хранятся в Полтавском краеведческом музее.

г. Полтава

63. Побиванка. Поселение расположено на склонах четырех мысов правого и левого берега ручья Побиванка (приток р. Полузирья правого притока р. Ворскла левого притока р. Днепр) в

0,25 км на юго-запад от с. Побиванка и в 0,2 км к северо-востоку от окраины с. Тахтаулово. Высота поселения над уровнем поймы — 1,5-3,5 м, размеры северной части — 60 x 140 м, южной — 50 x 140 м. Разведки И.Н. Кулатовой и А.Б. Супруненко 1985 и 2003 г.

На памятнике преобладают материалы черняховской культуры. Кроме того, на поселении найдено пряслице из стенки амфоры, груболепная керамика с шамотом в тесте, в т.ч. фрагмент слегка отогнутого края диска, обломок венчика миниатюрного сосуда, фрагменты венчиков горшков и корчаг, по краю орнаментированных насечками. Принадлежность этого материала к позднезарубинецкому горизонту весьма вероятна, но не исключено, что он относится и к раннему периоду киевской культуры. Сведения о поселении опубликованы [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 44-46; Супруненко, Пуголовок, 2005, с. 135]. Материалы хранятся в фондах Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации.

Полтавский р-н

64. Ключники-2. Селище находится в 0,8 км от железнодорожного переезда и в 0,1 км от западной окраины села на низкой террасе левого берега Никольского ручья (левый приток р. Ворскла левого притока р. Днепр). Высота памятника над уровнем поймы — 1,5 — 2 м, площадь — 7-8 га. Обследование А.Б. Супруненко 1983 г.

Большинство материалов поселения относится к раннескифскому периоду. Кроме них, найдены фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота в тесте, в т.ч. обломки венчиков горшков с пальцевыми вдавлениями или насечками по краю, фрагмент ребра биконического горшка. Эта группа находок может датироваться либо позднезарубинецким периодом, либо ранним этапом киевской культуры. Сведения о памятнике опубликованы [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 49]. Материалы хранятся в Полтавском краеведческом музее.

65. Коваливка. Поселение занимает вершины дюнного возвышения первой надпойменной террасы левого берега р. Коломак (левый приток р. Ворскла левого притока р. Днепр) на территории Лицея для талантливых детей в составе Учебно-воспитательного комплекса им. А.С. Макаренка в 50-100 м к западу от Белого дома на школьных учебных участках. Обследования С.В. Сапегина 1999 г.

Точные размеры памятника не ясны, поскольку отложения на вершинах дюн сильно разрушены. Во время сборов обнаружены материалы эпох неолита, бронзы. Скифского времени, позднезарубинецкого периода. К последнему относятся фрагменты груболепных горшков с примесью

шамота в тесте. На одном из венчиков заметны слабые пальцевые вдавления. На памятнике обнаружена, также, бронзовая сильнопрофилированная фибула типа Альмгрен-84 (рис. 127: 8). Материалы поселения опубликованы [Сапегин, 1999; 2000; Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 47,48], хранятся в фондах Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации..

66. Марки-1. Поселение расположено на левом берегу р. Ворскла (левый приток р. Днепр) на северо-западной окраине хутора. Занимает подножье и вершину подковообразной дюны высотой 1 — 8 м. Размеры селища — 300 x 500 м. Разведки А.К. Тахтая 1926 г., обследования И.О. Пислария 1972 г., А.Б. Супруненко 2000 и 2003 г., разведывательные раскопки В.И. Неприной 1976 г. Заложены две поисковые траншеи [Неприна, 1976, с. 4-6]. По нумерации А.Б. Супруненко — пункт I [Супруненко, Пуголовок, 2005, с. 140-141].

Большая коллекция керамики собрана А.Б. Супруненко при осмотре огородов и старого карьера, испортившего верхнюю часть дюны. Памятник — многослойный. На нем обнаружены материалы эпох неолита, бронзы, позднезарубинецкого периода. К последнему относятся фрагменты груболепных горшков и корчаг округлобоких, баночных и ребристых форм с примесью крупного шамота в тесте, иногда орнаментированных нарезками или пальцевыми вдавлениями по краю, обломки светлоглиняных амфор, пряслице из стенки амфоры. Сведения о памятнике и происходящие с него позднезарубинецкие материалы опубликованы [Неприна, Писларий, 1972, с. 94-95; Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с. 46-47]. Коллекция находок из раскопок В.И. Неприной хранится в Институте археологии НАНУ, из сборов А.Б. Супруненко — в фондах Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации.

67. Трибы. Памятник расположен на дюнном возвышении первой надпойменной террасы левого берега р. Коломак (левый приток р. Ворскла левого притока р. Днепр) на месте бывш. хут. Трибы в 0,2 км на северо-запад от складов вторсырья у края старого (до 1950-х гг.) шоссе Полтава — Харьков. Поселение занимает вершины двух песчаных возвышений размерами 60 x 100 и 20 x 50 м высотой 0,8 — 1,2 м над уровнем поймы. Открыто М.Я. Рудинским в 1921-1922 гг., обследования А.К. Тахтая в 1925-1927 гг., Г.А. Сидоренко в 1940-1950-х гг., А.Б. Супруненко в 1983 и 2003 гг.

Памятник многослойный. На нем обнаружены материалы неолита, энеолита, эпохи бронзы. К началу I тыс. н.э. относятся фрагменты груболепных сосудов с примесью шамота в тесте. Некоторые из них имеют насечки или пальцевые вдавления по краю венчика, на одном фрагменте верхней

части горшка имеется отверстие — след ремонта. Принадлежность этого материала к позднезарубинецкому периоду весьма вероятна, но он может относиться также и к раннему этапу киевской культуры. Сведения о памятнике опубликованы [Кулатова, Супруненко, Терпиловский, 2005, с.48,49]. Коллекция находок хранится в Полтавском краеведческом музее и в фондах Центра охраны и исследования памятников археологии управления культуры Полтавской облгосадминистрации.

Харьковская обл.

Балаклейский р-н

68. Раковка-1. Памятник расположен в 3 км юго-западнее железнодорожной станции Савинцы на дюне размерами 135 x 40 м, находящейся в пойме левого берега р. Северский Донец (правого притока р. Дон) [Михеев, 1987, с. 30].

Раскопки В.К. Михеева и М.В. Любичева 1987 г. Вскрыто 213 кв. м. Исследованы остатки наземной постройки и девяти ям. Все объекты отнесены автором публикации к одному раннепеньковскому горизонту III-V вв., керамика которого имеет позднезарубинецкие и киевские черты [Любичев, 1993, с. 34]. Тем не менее, сооружения на раскопе явно разновременны. Судя по опубликованному плану, ряд ям (6-9) перекрывает контуры постройки [Любичев, 1993, рис. 1]. К позднезарубинецкому периоду относится яма 3, которая трактуется, как очаг.

*Яма 3*⁹ имеет округлую форму, размеры 1,2 x 0,9 м, глубину от уровня материка 0,1 м. Глина на дне была обожжена. В центре ямы прослеживалось дополнительное заполненное углем углубление размерами 0,12 x 0,14 м, вокруг которого находились куски гранита. В публикации указано, что углубление было обложено фрагментами лепных горшков.

Два горшка, обломки которых происходят из ямы, груболепные. Поверхность одного из них — «строго серого цвета», у другого — «украшена штрихами, нанесенными палочкой». Третий сосуд, по мнению М.В. Любичева, чернолощенный, изготовленный на гончарном круге. Вряд ли это соответствует действительности, поскольку в публикации приводится рисунок типичного для позднезарубинецкого периода лепного сосуда с зигзаговидным профилем [Любичев, 1993, рис. 2: 8].

Материалы памятника хранятся в Музее археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина, они опубликованы [Любичев, 1993].

После завершения раскопок на памятнике были обнаружены две трапециевидные подвески типа входящих в состав комплексов украшений с

выемчатыми эмальями восточноевропейского стиля, которые хранятся в честной коллекции г. Харькова. Первая из них орнаментирована композицией из штампованных циркульных колец, дуг и прямых линий. В отверстие, находящееся в верхней части изделия, продето кольцо, соединенное с планкой для подвешивания в виде пластинчатой обоймы.

Вторая подвеска, судя по обломку, была близка по форме к первой. Она также украшена штампованным орнаментом в виде циркульных колец и линий [Дідик, Любичев, 1998, с. 50; рис. 1: 4,5].

Волчанский р-н

69. Новодоновка-1. Поселение расположено на всхолмлении в пойме левого берега р. Северский Донец (правый приток р. Дон) в ур. Лужки в 500 м к югу от села. Высота памятника над уровнем реки — 6 м. Раскопки В.И. Митрофановой (Непринной) 1960 г. Заложена поисковая траншея и 2 раскопа общей площадью 168 кв. м, сделана зачистка. Во время раскопок поверхность памятника была повреждена окопами и картофельными ямами. На памятнике обнаружены материалы эпох неолита, бронзы, «зарубинецкие» (по терминологии автора раскопок, на самом деле — позднезарубинецкие), салтовской культуры.

К позднезарубинецкому периоду по данным публикации [Митрофанова, 1965, с. 190-191] относятся остатки жилища 1 и двухкамерное жилище 2. А.М. Обломским была сопоставлена отчетная документация с данными публикации и выяснено, что отчетливо выраженных следов жилищ на памятнике не было. Позднезарубинецкие материалы происходят из 11 хозяйственных ям и из культурного слоя [Обломский, 1991, с. 250-251]. Ниже следует их описание по отчету и полевым чертежам [Митрофанова, 1960].

Зачистка 1, «очаг». Представляет собой овальную яму размерами 0,88 x 0,7 м, глубина от основного слоя — 0,59 м. Заполнена золой, содержащей кости животных, обломки лепных сосудов с шероховатой и лощеной поверхностью.

Траншея 1, хозяйственная яма. Глубина от поверхности — 0,7 м. «В заполнении ямы и на ее дне было много костей животных и обломков сосудов: лощенных и грубых лепных с примесью очень крупных кусков шамота. Венчики лепных сосудов имеют защипы по краю».

Раскоп I, яма 4. В плане округлая, диаметр около 0,8 м. Частично уходит в стенку вскрытой площади. «На дне найден крупный отщеп из светлого кремня и обломок сосуда с примесью шамота в глине».

Раскоп II, яма 5. В плане также округлая, диаметр — 1,1 м, глубина от основного слоя — 0,3 м. Дно — ровное, стенки — прямые. Из заполнения происходит обломок льячки, несколько черепков эпохи бронзы. На глубине 0,4-0,7 м от поверхнос-

⁹ По отчету — №4 [Михеев, 1987, с. 31].

ти обнаружен «развал сосуда с зашипами по венчику» (на самом деле в «развал» входили фрагменты разных горшков).

Раскоп II, яма 6. В плане круглая. Диаметр составляет 1,6 м, глубина от основного слоя — 0,4 м. Дно — корытообразное. Из заполнения, которое представляет собой углистый песок, происходит несколько обломков лепных сосудов и каменных орудий, относящихся к более ранним эпохам.

Раскоп II, яма 7. Диаметр ямы составляет 0,6 — 0,8 м, глубина — 0,2 м. На дне ямы найдено три обломка сосудов, один — с лощением.

Раскоп II, «очаг 1» («печь») на кв. 13. Представлял собой круглую в плане яму диаметром около 1 м и глубиной 0,3-0,4 м. Объект заполнен сероватым песком с кусками печины и белой глины. «В устье печи» обнаружен развал толстостенного лепного сосуда.

Раскоп II, «очаг 2». Представлял собой яму-погреб с расширяющимися книзу стенками глубиной 0,74 м.

Раскоп II, «печь на кв. 8». На полевом чертеже изображена в виде скопления нескольких кусков известняка, около которого стояла лепная лощеная миска.

Раскоп II, яма 11. Диаметр 0,8 м, глубина около 0,4 м. В заполнении обнаружена керамика с примесью шамота в тесте.

Раскоп II, яма 12. Представляла собой три ямы, из которых одна верхняя перекрывала две более древних. Верхняя — неправильных очертаний, близких к округлым с выступом, шириной 1,6 м, глубиной от основания культурного слоя 0,3 м. Одна из более древних ям «продолжается на глубину еще 0,6 м», а вторая (самая древняя) — «еще глубже на 0,2 м. В самой древней яме находок нет. Две другие имеют одинаковые находки — обломки лепных сосудов с примесью шамота в тесте».

Раскоп II, яма 18. Вскрыта не полностью: частично выходит за пределы раскопа. Глубина ямы — 0,8 м от поверхности, заполнение — гумусированный черный песок, на ровном дне ямы — углистый песок. «В профиле ямы видны ступеньки, по-видимому, это был погреб. В яме найдены обломки лепных лощеных и грубых сосудов обычного типа».

Коллекция находок памятника невелика и состоит из груболепной и лепной лощеной керамики, типичной для памятников круга Терновки (рис. 131). Материалы хранятся в Институте археологии НАНУ. Вероятнее всего, они сохранились не полностью, поскольку часть фрагментов сосудов, которые упомянуты в отчете, в коллекции отсутствуют.

Змиевский (бывш. Готвальдовский) р-н

70. Занки. Раскопки А.Г. Дьяченко 1976-1989 г. Вскрыто около 7,5 тыс. кв. м. В соответствии с

краткой публикацией по итогам работ, на памятнике имеются комплексы позднезарубинецкого периода, киевской, пеньковской и волынцевской культур [Дьяченко, 1993, с. 22-23]. Просмотр материалов, которые хранятся в краеведческом музее пгт. Шебекино Белгородской обл., показал, что явных находок киевской культуры на поселении нет, а обнаруженная на нем черняховская гончарная керамика связана с раннепеньковским горизонтом. К позднезарубинецкому периоду относятся находки керамики из культурного слоя, в т.ч. несколько фрагментов верхних частей лепных лощеных ребристых мисок с прямыми венчиками и комплекс керамики из ямы 448, в который входят обломки округлобоких и ребристых груболепных сосудов, один из которых украшен редкими вдавлениями по краю. Не исключено, что этим же временем датируется и постройка Д, из нижнего горизонта которой происходят груболепная керамика и обломки лощеной миски с загнутым внутрь краем [Дьяченко, 1986, с. 14]. В яме 151 найдена рамка центральноевропейской вытянуто-прямоугольной двучленной пряжки с двумя уступами на внешних углах, ранее ошибочно определенная, как «держатель цепи рога для питья» круга изделий с выемчатыми эмальями [Обломский, 1991, с. 251]. Судя по характерным обломкам мисок, позднезарубинецкие материалы из Занков относятся к кругу Терновки.

71. Колесники. Селище находится в 200 м к северо-востоку от села и занимает склон первой надпойменной террасы правого берега р. Мжа (правый приток р. Северский Донец правого притока р. Дон). Площадь поселения 1400 кв. м, поверхность распахана. Памятник открыт разведками Б.П. Зайцева в конце 50-х гг. В 1995-1996, 1999 гг. М.В. Любичев провел здесь раскопки. Вскрыто в 1995 г. 70 кв. м, в 1996 — около 180 кв.м, в 1999 г. — 238 кв. м.

На памятнике обнаружены материалы эпохи бронзы, скифского периода, позднезарубинецкие, черняховской культуры. Определимые фрагменты груболепных и лепных лощеных сосудов позднезарубинецкого периода происходят из культурного слоя траншей 1, 2, 3, 4, 6 (1996 г.), раскопа 1 (1999 г.), ямы 1 раскопа III и ямы 2 и жилища 2 раскопа IV (1996 г.). Ниже следует описание сооружений.

Яма 1 раскопа III. Имела овальную форму, размеры 3,6 x 1,9 м, глубину 0,6 м от поверхности материка. С одной из ее сторон прослежена подтреугольная в плане ступенька максимальной шириной 1,1 м и высотой от уровня дна ямы 0,3 м. На дне ямы находилось углубление (до 0,2 м) размерами 0,6 x 0,65 м с золисто-углистым заполнением.

Верхняя часть ямы 1 частично повреждена телефонным кабелем. Из заполнения происходят фрагменты груболепных позднезарубинецких

сосудов, фрагмент лепной лощеной миски, кости животных, отщеп кремня.

Яма 2 раскопа IV. Частично уходила в стенку раскопа. Исследованная часть имела размеры 0,5 x 0,9 м и глубину 0,55 м от уровня материка. В заполнении обнаружены кости животных, фрагменты лепных позднезарубинецких сосудов, мелкий обломок стенки амфоры.

Жилище 2 раскопа IV¹⁰. Жилище было полуземляночным, хотя дно котлована точно не фиксировалось, а контуры слабо читались в культурном слое. Примерные размеры постройки составляли 3,2-3,5 x 4,5 м. Очаг был выложен из кусков песчаника и имел форму, близкую к овалу. Размеры его составляли 1,1 x 1,4 м. В 0,3 м к югу от очага было прослежено скопление кусков песчаника и развал груболепного горшка без венчика. Из котлована жилища и из очага происходит серия выразительных фрагментов груболепных сосудов с примесью шамота в тесте и обломков лепных лощеных цилиндроконических мисок (рис. 132). В заполнении обнаружен обломок стенки красноглиняной амфоры.

Лепная керамика памятника делится на кухонную (с шероховатой поверхностью и примесью шамота в тесте) и лощеную. Первая представлена обломками округлобоких и ребристых горшков. Венчики некоторых из них были украшены пальцевыми вдавлениями или насечками. Миски представлены двумя формами: чашеобразными с загнутыми внутрь венчиками и ребристыми с прямым верхним краем (рис. 132, 133). По формам лощеной посуды памятник относится к кругу Терновки. Сведения о памятнике публикуются впервые, находки 1995-1996 гг. хранятся в Музее археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина.

После раскопок М.В. Любичева на поверхности селища было обнаружено несколько вещей круга восточноевропейских украшений с выемчатой эмалью (место хранения не известно).

1. Литая бронзовая лунница не имеет эмалевых полей. Круглые концы (сохранился один из них) и выступающие наружу круглые отростки снабжены сквозными прорезями. [Дідик, Любичев, 1998, с. 50; рис. 1: 2].

2. Обломок бронзовой литой лунницы с круглыми полями на концах (одно утрачено), украшенных круглыми вставками с красной эмалью. Поля оканчиваются тремя каплевидными отростками.

3. Нижняя часть треугольной (?) фибулы с крестообразным окончанием ножки. Последняя отделена от корпуса гребнем с каннелюрой посередине. В центре ножки и на трех крестообразных отростках ее имеются круглые прорези. В сред-

нюю из них вставлено треугольное в сечении кольцо. На сохранившемся фрагменте эмаль отсутствует.

4. Обломок, вероятно, корпуса фибулы. Сохранилась часть корпуса с ребром посередине и скошенными гранями. На корпусе имеется рельефно выступающий наружу треугольный валик, поверхность которого расчленена каннелюрами на три продольных гребня с чеканной орнаментацией. С тыльной стороны изделия заметен пластинчатый приемник. [Памятники... 2007, с. 136, 137].

72. Тимченки-2. Поселение находится в 1,5 км к юго-западу от села рядом с шоссе, выходящим на трассу Мерефа — Готвальд. Памятник занимает часть первой надпойменной террасы правого берега р. Мжи (правый приток р. Северский Донец правого притока р. Дон). Его размеры — 80 x 100 м. Разведки Ю.В. Буйнова 1975 г. и Е.Н. Петренко 1978 г. [Буйнов, 1975, с. 22; Петренко, 1978, с. 5-8].

По определению Е.Н. Петренко, на памятнике встречен материал двух периодов. К раннему относится груболепная посуда с примесью песка и шамота в тесте и лепная лощеная керамика «типа поселения Новодоновка-1», т.е. этот горизонт, скорее всего, позднезарубинецкий. На поселении имеются, также, черняховские отложения.

В 1998 г. на памятнике проводил раскопки М.В. Любичев. Вскрыто 197 кв. м. Подавляющее большинство находок относится к черняховской культуре [Любичев, 1998]. Наличие позднезарубинецких отложений не отмечено, но одна из лощеных мисок из культурного слоя, насколько можно судить по рисунку, имеет характерную для памятников типа Терновки форму: ребристая с загнутым внутрь венчиком [Любичев, 1998, рис. 8: 5].

Место хранения материалов разведок не известно. Находки из раскопок переданы М.В. Любичевым в Музей археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете. Краткие сведения о памятнике опубликованы [Обломский, 1991, с. 252].

Золочевский р-н

73. Родной Край-1. Памятник расположен на дюне в пойме правого берега р. Уды (правый приток р. Лопань правого притока р. Северский Донец правого притока р. Дон) в 1 км к северо-востоку от с. Родной Край. Размеры памятника — 250 x 110 м, высота над уровнем поймы — 2-3 м. Раскопки Ю.В. Буйнова и Е.Н. Петренко 1978-1984 гг. На дюне заложено восемь раскопов (раскопы I-III составляют общую площадь). Всего вскрыто 2200 кв. м. Памятник — многослойный. Здесь исследованы остатки поселений эпохи бронзы, скифского и позднезарубинецкого периодов, черняховских селища и могильника. К позднезарубинецкому периоду, кроме керамики из культурного слоя, относятся три хозяйственные

¹⁰ По общей нумерации построек с 1995 г. — жилище 3. На плане в отчете М.В. Любичева обозначено, как жилище 2 [Любичев, 1996, табл. I].

ямы. Ниже следует их описание по отчетной документации.

Яма 1. В отчете описание объекта отсутствует. Указано лишь, что большей частью площади яма уходит за пределы раскопа. В заполнении найдены развал «большого пифоса» и сосуда средних размеров. У обоих – тесто с примесью шамота. На венчике «пифоса» заметны ногтевые вдавления по краю. Малый сосуд имеет «цилиндро-коническую форму» с закраинами на дне. На поверхности видны следы небрежного заглаживания пальцами [Буйнов, 1978, с. 23].

Яма 7. В плане – округлая размерами 1,25 x 1,35 м и глубиной 1,15 м. В заполнении объекта обнаружены обломки четырех сосудов с примесью крупного шамота в тесте (рис. 134: 3). На поверхности имеются следы небрежного пальцевого заглаживания [Петренко, 1980, с. 3].

Яма 24. Перерезала стенку ямы 23 бондарихинской культуры. Яма 24 имеет подпрямоугольную форму, размеры 1,8 x 1,4 м, глубину 1,7 м от современной поверхности. В заполнении встречено несколько крупных обломков груболепных сосудов с примесью шамота в тесте, фрагменты нижней части чернолощеной миски (рис. 134: 1,2,4; 135: 1) [Петренко, Буйнов, 1981, с. 11].

Лепная керамика поселения характерна для памятников типа Терновки.

Краткие сведения о памятнике опубликованы [Петренко, 1991]. Позднезарубинецкие материалы издаются впервые. Коллекция находок хранится в Музее археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина и Харьковском городском дворце творчества молодежи (бывш. Дворце пионеров).

В Харьковском Историческом музее хранится пластинчатая двурога лунница без орнамента с утолщенными овальными в сечении концами, найденная случайно на поверхности памятника [Дідик, Любичев, 1998, с. 50; рис. 1: 3]. Вещь относится к группе пластинчатых изделий, входящих в комплексы украшений с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля.

Черкасская обл.

Каневский р-н

74. Решетки. Поселение расположено на первой надпойменной террасе левого берега Днепра в 4 км к западу от с. Липляво. Памятник обнаружен А.С. Бугаем в 1973 г., в 1974 г. здесь проведены небольшие раскопки для исследования участка «Змеёвского вала» экспедицией Института археологии АН УССР под руководством М.П. Кучеры. Позднезарубинецкие материалы представлены исключительно керамикой. Фрагменты сосудов были сосредоточены преимущественно в культур-

ном слое под насыпью вала в пределах траншей 1 и 2, а также раскопа, заложенного по линии вала между ними. Встречалась керамика и в насыпи вала, а также в заполнении наружного и внутреннего рвов. Сооружений позднезарубинецкого периода не обнаружено.

Груболепная керамика представлена обломками округлобоких и ребристых горшков и корчаг. Часть венчиков орнаментирована вдавлениями по краю, несколько обломков горшков украшены расчесами гребнем. Встречено также несколько обломков ребристых чернолощеной мисок (рис. 136).

Наличие слабопрофилированных сосудов с широкой горловиной позволяют отнести Решетки к памятникам типа Грини. Краткая информация о поселении и рисунок одного из горшков опубликована [Кучера, Юра, 1976, с. 204-205]. Рисунки остальной керамики публикуются впервые. Материалы хранятся в фондах Института археологии НАНУ и Национального историко-этнографического заповедника «Переяслав».

Черкасский р-н

75. Леськи-3. Поселение занимало один из участков цепи дюн в пойме Днепра, вытянутой вдоль правого берега реки. После создания в конце 1950-х гг. Кременчугского водохранилища дюны превратились в острова, систематически заливаемые водой, разрушающей культурный слой. Разрушаемые поселения были впервые выявлены работами экспедиции «Славутыч» Института археологии АН УССР. С 1994 г. разведки здесь были продолжены Черкасской лесостепной археологической экспедиции (М.П. Сиволапом, Д.П. Куштаном и др.).

Было установлено, что позднезарубинецкие материалы концентрируются, в основном, в районе обширного мыса, получившего название Леськи-3 (Кучугуры-IX). Здесь также встречены находки эпохи поздней бронзы и скифского времени. На поселении собрана выразительная коллекция позднезарубинецкой керамики. Она представлена многочисленными фрагментами груболепных горшков и корчаг округлобоких и ребристых форм, иногда орнаментированных вдавлениями по венчику или защипами по ребру. В керамическом тесте – примесь шамота, реже – дресвы и железистых конкреций. Лощеная (столовая) керамика изготовлена из более тонкой массы, ее поверхность имеет черный или бурый цвет. Это обломки мисок довольно высоких пропорций, в том числе «почепских» (цилиндро-конических) форм.

С позднезарубинецким горизонтом можно связать несколько уплощенных пряслиц, изготовленных из стенок сосудов, а также серию предметов из железа (фибула, пряжка, наконечники копья и стрелы, другие изделия из железа, плас-

тинчатая подвеска-лунница), Т-образную фибулу из бронзы, стеклянную красную параллелепипедную бусину.

Фибула имеет треугольное поле красной эмали на головке. На круглых окончаниях верхней части корпуса под стойками для пружины заметны сквозные прорезы. Ниже на корпусе помещены две перекладыны, на каждой из которых нанесены по две параллельные каннелюры. Ножка фибулы своеобразна. Она оформлена в виде «раздвоенного хвоста».

Наиболее близкие аналогии керамическим материалам из Лесек можно найти среди поздних комплексов Оболони и Лютежа.

Материалы сборов опубликованы [Куштан, Сиволап, Терпиловский, 1999]. Они хранятся в фондах Черкасского областного краеведческого музея.

76. Чубовка-4. Поселение расположено в 3,5 км к юго-востоку от села на останце первой надпойменной террасы в месте слияния рек Тясмин и Жаботинка. Территория памятника занята дачными участками. В 1993 г. памятник обследован экспедицией Института археологии НАНУ под руководством О.М. Приходнюка. Памятник оказался многослойным: здесь встречены материалы эпохи бронзы и раннего железа, раннего и позднего средневековья, Киевской Руси, а также позднезарубинецкие. Последние представлены многочисленными обломками лепных кухонных (горшки) и столовых (лощенные миски) сосудов, имеющих аналогии а памятниках типа Лютежа. Материалы разведки опубликованы [Приходнюк, Петраускас, 1999, с. 185-186]. Коллекция находок хранится в фондах Черкасского областного краеведческого музея.

Черниговская обл.

Городнянский р-н

77. Домограев-2. Возле с. Конотоп на останце правобережной террасы р. Снов (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр) длиной около 3,5 км, ограниченной современным руслом реки, старицей и поймой, обнаружены следы 18 поселений различных культур. Данный памятник находится в 1,2 км к югу от окраины села на мысу останца в ур. Домограев. Высота — 1-3 м над уровнем поймы, площадь около 1 га. Мощность культурного слоя — 0,2-0,4 м. На момент выявления памятника экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Майборода, 1992, с. 8] территория поселения была засажена лесом. На поселении встречена керамика периода неолита, эпохи бронзы, раннего железного века и Киевской Руси.

Позднезарубинецкие материалы представлены фрагментами венчиков горшков, орнаментиро-

ванных вдавлениями по краю, и обломками стенок с расчесами. В тесте заметна примесь шамота. Не исключено, что поселение относится к культурной группе типа Грини.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

78. Законотопщина-5. Поселение расположено в 1,7 км к северо-востоку от окраины с. Конотоп на мысу останца правобережной террасы р. Снов (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр) в ур. Законотопщина. Высота — 0,5-1,5 м над уровнем поймы, площадь 1,5 га. Мощность культурного слоя — 0,2-0,3 м. На момент выявления памятника экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Майборода, 1992, с. 12] северо-восточная часть была задернована, юго-западная — засажена лесом. На поселении встречена керамика периода неолита и эпохи бронзы.

Позднезарубинецкие материалы представлены обломками стенок с расчесами. В тесте заметна примесь шамота. Не исключено, что поселение относится к культурной группе типа Грини.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

79. Миронова Гора-1. Поселение расположено в 0,9-1,1 км к юго-востоку от окраины с. Конотоп на возвышении останца правобережной террасы р. Снов (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр) в ур. Миронова Гора. Высота — 1-3 м над уровнем поймы, площадь 3,8 га. Мощность культурного слоя — 0,3 м. На момент выявления памятника экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Майборода, 1992, с. 9] было засажено лесом. На поселении встречена керамика периода неолита, эпохи бронзы и Киевской Руси.

Позднезарубинецкие материалы наиболее многочисленны. Они представлены фрагментами венчиков горшков, орнаментированных вдавлениями по краю, и обломками стенок с расчесами. В тесте заметна примесь шамота. Возможно, с этим горизонтом связана и находка бусины зеленого стекла. Не исключено, что поселение относится к культурной группе типа Грини.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

80. Седнев-4. Поселение находится в 2 км к югу от с. Макишин и в 1,5 км к юго-востоку от Седнева. Занимает край правого берега р. Снов (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр) высотой 6-8 м. Размеры — 370 x 120 м. Впервые отмечено Э.А. Сымоновичем в 1960 г., затем посещалось экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством П.Н. Третьякова в 1973 г. На момент обследования памятника экспедицией Черниговской областной

инспекции по охране памятников истории и культуры [Простантинова, 1987, с. 2-3] распахивалось. На поселении встречена керамика эпохи бронзы и позднезарубинецкая.

Позднезарубинецкие материалы представлены фрагментами горшков, в том числе обломками стенок с расчесами, а также ребристыми бочками чернолощенных мисок. Не исключено, что поселение относится к культурной группе типа Грини.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

81. Смычин-2. Поселение расположено в 0,1 км к северу от окраины села. Оно занимает два мысообразных выступа первой надпойменной террасы правого берега р. Крюковы (правый приток р. Снов правого притока р. Десна левого притока р. Днепр). Высота — 1,5-2 м над уровнем поймы, площадь около 1,8 га. Мощность культурного слоя — 0,4-0,6 м. На момент выявления памятника экспедицией Черниговской обласной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Майборода, 1992, с. 2] было задерновано. На поселении встречена керамика эпохи бронзы, Киевской Руси и позднезарубинецкого облика (с примесью шамота и дресвы в тесте груболепных сосудов).

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

Крюковский р-н

82. Буда. Городище находится в 0,25 км к югу от юго-восточной части села в ур. Шипка в месте слияния двух безымянных ручьев. Заросшая лесом площадка городища обнесена двумя линиями валов и рвом, въезд находился с юго-востока. Мощность культурного слоя в этой части городища — 0,4 м. Памятник обнаружен экспедицией Черниговской обласной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, 1990, с. 8].

На городище встречена керамика юхновской культуры и позднезарубинецкая. Последняя представлена фрагментами груболепных горшков с примесью шамота, реже — дресвы в керамической массе, обломками венчиков с ногтевыми вдавлениями. Культурный слой стратиграфически не разделяется.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

Менский р-н

83. Величковка. Поселение расположено в юго-восточной части села на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Мена (правый

приток р. Десна левого притока р. Днепр). Занимает территорию мыса размером 120 x 100 м, высотой 4-6 м над уровнем поймы. Селище обнаружено экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Шекун, 1991, с. 39].

На поселении встречена керамика юхновской культуры и позднезарубинецкая. Последняя представлена фрагментами груболепных горшков, в том числе обломками венчиков с защипами.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

Нежинский р-н

84. Шовкуны-1. Поселение находится в 0,3 км к востоку от северо-восточной окраины с. Березанка на левом берегу правого притока р. Остер (левый приток р. Десна левого притока р. Днепр). Памятник обнаружен экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Простантинова, 1987, с. 12-13].

Распахивается. Культурный слой сохранился пятнами на площади 150 x 30 м. На поселении встречена позднезарубинецкая или раннекиевская керамика, представленная фрагментами груболепных горшков с примесью шамота в тесте.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

Новгород-Северский р-н

85. Колодезный Бугор. Поселение расположено в 1 км к югу от с. Лесконоги в пойме левого берега р. Смячка (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр) близ ее владения в Десну в ур. Колодезный Бугор на дюнном всхолмлении размером 130 x 40-60 м. Следы стариц реки огибают дюну с трех сторон. Высота поселения над уровнем поймы — 4 м. Культурный слой занимает участок 60 x 20 м. В 1967 и 1969 гг. здесь были произведены раскопки экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством П.Н. Третьякова. В ходе исследования вскрыто 230 кв.м.

Поселение — многослойное. Здесь обнаружены землянка эпохи бронзы, а также культурные отложения почепского типа, киевской и колочинской культур. С последними связаны два подквадратных полуземляночных жилища и свыше десятка хозяйственных ям. Культурно-хронологическую принадлежность этих сооружений определить, однако, трудно. Керамика почепского типа происходит из культурного слоя, заполнения жилищ 1 и 2, ямы В. Это немногочисленные обломки лощеных мисок и фрагменты венчиков кузонных горшков с защипами и насечками по краю. Остальная посуда, принадлежащая различ-

ным культурам I тыс. н.э. по формам и фактуре практически не различается. Не исключено, что некоторые из тюльпановидных горшков, встреченных в жилищах вместе с фрагментами лощеных мисок, также относятся к позднезарубинецкому комплексу.

П.Н. Третьяков считал Колодезный Бугор однослойным (за исключением материалов эпохи бронзы) позднезарубинецким памятником. С этим горизонтом, по его мнению, связаны находка железной фибулы почепского типа [Третьяков, 1974, с. 96]. Позднее выяснилось, что это изделие представляет собой застежку типа Прага, характерную для V в. н.э. [Терпиловский, 1985, с. 96]. Таким образом, эта находка, как и большинство керамических форм, относится к колочинской культуре.

Материалы поселения опубликованы [Третьяков, 1974, с. 92-99]. Коллекция хранится в фондах Государственного Эрмитажа РФ.

86. Чулатово. Поселение находится на правом коренном берегу Десны (левого притока р. Днепр) на юго-восточной окраине села. Протяженность селища — 320-350 м, высота над уровнем воды — 10-14 м. В 1968 г. здесь были произведены раскопки Е.А. Горюновым в ходе работ экспедиции ЛОИА АН СССР.

Памятник оказался многослойным: кроме материалов первых веков н.э. здесь исследована полужемлянка с вырезанной в материке печью роменско-древнерусского периода. Позднезарубинецкая керамика происходит из заполнения этого жилища, а также из некоторых хозяйственных ям и культурного слоя. Керамика представлена обломками груболепных горшков двух основных типов: округлобоких с отогнутой шейкой и вдавлениями по краю венчика (в одном случае — с ногтевыми вдавлениями по шейке) и двух неорнаментированных тюльпановидных горшков. Принадлежность последних к позднезарубинецкому горизонту условна, не исключено, что они связаны с более поздними киевской или колочинской культурами [Обломский, Терпиловский, 1991, с. 51]. К столовой посуде относятся фрагменты ребристых чернолощенных мисок.

Сочетания сосудов округлобоких и тюльпановидных форм позволяют отнести Чулатово к памятникам типа Почеп. Материалы поселения опубликованы [Горюнов, 1971, с. 72-75]. Коллекция хранится в фондах Государственного Эрмитажа.

Репкинский р-н

87. Ловинь-3. Поселение расположено в 3,3 км к юго-востоку от южной окраины села, на доне размером 40 x 30 м в болоте Северный Замглай. Культурный слой распахан на всю глубину. Обнаружено экспедицией Черниговской

областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Пильник, 1989, с. 13-14]. Памятник оказался многослойным: в подъемном материале встречена керамика эпохи бронзы и позднезарубинецкая. В 1990 г. на памятнике были проведены охранные раскопки [Жаров, 1990, с. 6,7]. В западной части поселения в раскопе 1 площадью 137 кв.м обнаружено несколько скоплений керамики Киевской Руси и позднезарубинецкой. Последняя представлена фрагментами отогнутых венчиков груболепных горшков, часть которых украшена вдавлениями по краю, обломками стенок, в том числе с ребром, и днищ с закраиной. Тесто рыхлое, с примесью шамота.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

Сосницкий р-н

88. Старая Бутовка. Многослойное поселение в ур. Чубкова гора обнаружено к юго-западу от села, напротив с. Бондаревка. Занимает останец боровой террас в пойме левого берега р. Десны (левый приток р. Днепр), с трех сторон окруженный старицами. Обнаружено в ходе разведки В.И. Неприной [Неприна, 1969, с. 12-14]. Подъемный материал представлен керамикой эпохи неолита и бронзы, а также позднезарубинецкого круга. В шурфе, заложенном, на восточной оконечности останца встречены фрагменты груболепных горшков и чернолощенных мисок (рис. 137), куски печины с отпечатками прутьев, кости животных, сосредоточенные в культурном слое на глубине 0,3 — 0,5 м.

Повторно обследовано авторами в 1983 г. [Обломский, Терпиловский, 1983, с. 3]. В шурфе встречена преимущественно керамика эпохи бронзы. Мощност культурного слоя здесь составляет 0,4 — 0,5 м. Не исключено, что поселение представляло собой городище: северная часть останца площадью 200 x 200 м ровная, от пологого южного склона она отделена почти вертикальным уступом (эскарп?).

Материалы разведки В.И. Неприной хранятся в фондах Института археологии НАНУ, А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского — в фондах Черниговского исторического музея.

Черниговский р-н

89. Змеевка. Поселение расположено на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Снов (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр) около оз. Змеевка в 2 км к юго-востоку от с. Клочков. Его размеры — 200 x 80 м, высота над уровнем поймы 3-4 м. В 1970 г. шурфовка селища была произведена Е.А. Горюновым в ходе

работ экспедиции ЛОИА АН СССР. При этом обнаружено две хозяйственные ямы.

Памятник — однослойный. Керамика представлена обломками груболепных горшков двух основных типов: слабопрофилированных с широкой горловиной (поверхность одного из них покрыта расчесами) и и округлобоких с отогнутой шейкой и вдавлениями или насечками по краю венчика. К столовой посуде относятся фрагменты ребристой чернолощеной миски и горшка с округлым туловом и высокой шейкой, аналогичного некоторым находкам из Чаплинского могильника. Встречено также несколько высоких биконических пряслиц и фрагмент изделия из стенки сосуда.

Сосуды с широкой горловиной и керамика с расчесами позволяют отнести Змеевку к памятникам типа Грини. Материалы поселения частично опубликованы [Горюнов, 1974, с. 68-69]. Уточненные рисунки приведены в [Терпиловский, 1984, рис. 24]. Коллекция хранится в фондах Института истории материальной культуры РАН.

90. Зруб-2. Поселение расположено в 2,8 км к северу от окраины с. Петрушин и в 5,5 км к востоку от окраины с. Роище Репкинского р-на. Занимает дюнообразное возвышение в болоте Южный Замглай размером 300 x 75 м. На момент обнаружения памятника экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Пильник, 1989, с. 4] было задерновано, но центральная часть прорезана мелиоративным каналом. На поселении собрана керамика эпохи бронзы и позднезарубинецкая, представленная фрагментами груболепных горшков, а также обломками ребристых мисок черного или коричневого лощения.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

91. Зруб-3. Поселение расположено в 2,2 км к северу от окраины с. Петрушин и в 6 км к востоку от окраины с. Роище Репкинского р-на. Занимает дюнообразное возвышение в болоте Южный Замглай размером 100 x 125 м. На момент обнаружения памятника экспедицией Черниговской обласной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Пильник, 1989, с. 4] было задерновано, но центральная часть прорезана мелиоративным каналом. На поселении собрана керамика эпохи бронзы и позднезарубинецкая, представленная фрагментами груболепных горшков, а также стенкой миски коричневого лощения.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

92. Киселевка-3. Поселение находится в 1 км к востоку от села возле шоссе Чернигов — Мена в месте поворота на Седнев. Примыкает с юга к шоссе. Занимает край первой надпойменной тер-

расы левого берега р. Замглай (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр) в месте ее впадения в Десну. Размеры селища — 50 x 30 м, высота над уровнем поймы — 2 м. В 1976 г. здесь проведены раскопки экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Е.В. Максимова. Исследовано 126 кв.м.

Поселение — однослойное, поэтому может считаться эталонным памятником типа Почепа для Нижнего Подесенья. Здесь исследовано две полуземлянки и 13 хозяйственных ям. Одна из построек имела в плане прямоугольную форму (5 x 4,6 м) с ямой в центре, где мог помещаться опорный столб или очаг. Второе сооружение имело шестиугольную форму. Среди керамики основное место принадлежит кухонной посуде (постройка 1 — 89% общего количества, постройка 2 — 85%), представленной округлобокими горшками с раструбообразной горловиной. Край венчика обычно украшен глубокими пальцевыми вдавлениями. Подлощенные ребристые миски отличаются небольшими размерами. Кроме керамики, найден железный нож с прямой спинкой, обломок ножа с горбатой спинкой или серпа и глазчатая бусина, относящаяся к типу 34 (рис. 138,139) [Алексеева, 1975, с. 63].

Материалы раскопок поселения опубликованы [Зеленецька, 1980]. Коллекция находок хранится в фондах Института археологии НАНУ.

79. Кошевка-2. Поселение расположено в северо-западной части села, по правую сторону дороги Чернигов-Любеч, вдоль пологого склона правого берега р. Белоус (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр). Памятник обнаружен экспедицией Черниговской обласной инспекции по охране памятников истории и культуры [Шекун, 1991, с. 20].

На поселении встречена позднезарубинецкая керамика и материалы киевской культуры. Более ранний горизонт представлен фрагментами груболепных горшков с примесью шамота, реже — дресвы в керамической массе, обломками чернолощенных мисок. Биконическое пряслице с орнаментом относится к раннему железному веку (милоградская культура).

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

93. Чернигов — Белый (Высокий) Груд. Памятник находится на дюне в пойме левого берега р. Белоус (правый приток р. Десна левого притока р. Днепр) напротив южной оконечности с. Старый Белоус у дачного пригорода Чернигова Подусовка. Общие размеры памятника, судя по опубликованному схематическому плану, составляют около 120 x 60 м. На нем в течение многих лет собирал материал краевед из Чернигова А.А. Попко, проводил шурфовку А.В. Шекун и раскопки Ю.Ю. Шевченко, который вскрыл здесь

2500 кв. м (1977-1989 гг.). По его сообщению, на памятнике обнаружены отложения эпох неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века (милоградской культуры), зарубинецкие, т.н. почепские, киевской культуры и эпохи Древней Руси [Шевченко, 1997].

«Зарубинецкие» и «почепские» находки по мнению Ю.Ю. Шевченко происходят из погребений и слоя могильника, который занимает северную часть дюны, и поселения, примыкающего к нему с юга. Всего исследовано 28 погребений и несколько построек (сколько их было точно, из публикации не понятно). Изданы планы и профили пяти построек и 13-ти погребений, серия фрагментов сосудов и вещей, к сожалению, в весьма плохих рисунках. По этой причине вызывают сомнения точные реконструкции и типологические определения многих предметов, от которых сохранились мелкие обломки: «ясторфской» очажной подставки, якобы типа I-2 по М. Бабешу, пряжки, фибул, поясных крючков, которые могли быть просто железными скобами, бронзовой ручки ситутлы и ряда других [Шевченко, 1997, рис. 8: 3,7,8; 9: 4,11; 13: 10; табл.: 35]. Систематического описания объектов и происходящего из них материала нет ни в одной из статей Ю.Ю. Шевченко, зато в них в обилии содержатся исторические выводы автора, которые были бы уместны после полного издания памятника с обязательным пояснением, как залегали вещи в постройках и ямах, поскольку без этого невозможно понять, в какой степени объективно выделены комплексы. Сомневаться в их составе имеются веские причины. Так, например, фрагменты верхней части лощеной кружки в одной статье отнесены к постройке 7 (комплекс 16) [Шевченко, 1983, с. 64; рис. 1: 14], а в другой — к яме 1 1947 г. [Шевченко, 1997, рис. 4: 10]; обломок днища лощеного сосуда с каннелюрами в первом случае — также к постройке 7 [Шевченко, 1983, с. 64; рис. 1: 21], а во втором — к яме 2 1947 г. [Шевченко, 1997, рис. 4: 7].

«Зарубинецкие» и «почепские» материалы представлены серией обломков груболепных горшков, иногда орнаментированных вдавлениями или насечками по венчику [Шевченко, 1997, рис. 5: 9; 16; 7: 1; 13: 4], а также лепных лощеных мисок, как правило, ребристых, и кружек [Шевченко, 1983, рис. 1; 1997, рис. 4: 3,6,10; 5: 1-3,6,7; 13: 1-3]. На памятнике обнаружена также серия предметов из металла, из которых к раннему горизонту, безусловно, относятся обломки ножей с горбатыми спинками и два фрагмента фибул, скорее всего, среднелатенской схемы [Шевченко, 1997, рис. 4: 1; 6: 5; 13: 11]. Керамический комплекс и вещи раннего горизонта указывают, скорее, на зарубинецкое классическое, чем почепское происхождение материала. Здесь нет характерных для древностей раннеримского периода Подесенья ребристых мисок с прямыми венчика-

ми (т.н. почепских), за исключением помещенной в [Шевченко, 1997, рис. 5: 2], хотя мелкий рисунок допускает возможность и другого толкования. Набор форм лощеных мисок близок к происходящему с некоторых зарубинецких памятников Нижнего Подесенья (например, Деснянка — Титова речка, Яловщина; ср. [Шекун, Терпиловский, 1993, рис. 8: 9-14; 9: 12,13; 15: 5-7], которые относятся к кругу верхнеднепровских древностей чаплинского типа [Обломский, 2002, с. 14; 2003а, с. 92-94]. Вещей, однозначно датирующихся раннеримским временем, на памятнике нет.

Совершенно верхнеднепровским зарубинецким (чаплинским) выглядит набор керамики из постройки 7 в том виде, в котором он опубликован [Шевченко, 1997, рис. 13].

К горизонту киевской культуры Ю.Ю. Шевченко относит постройки 8, 11 и 12. В первой из них, как отмечено в публикации, «единственной находкой являлись крайне малочисленные фрагменты керамики, покрытые штриховкой» [Шевченко, 1997, с. 124]. Комплекс постройки 11 к киевской культуре отношения не имеет. Происходящие из этого объекта нож с горбатой спинкой, венчики груболепных сосудов с вдавлениями и насечками по краю, фрагменты стенки с лунообразным налепом и обломки нескольких лощеных мисок со сглаженными ребрами, а также, видимо, браслета, на одном из концов которого хорошо видна проволочная «завязка» (как в Чаплинском могильнике) [Шевченко, 1997, рис. 11] свидетельствуют о принадлежности этого сооружения к зарубинецкому периоду существования поселения.

Несмотря на сравнительно мелкие обломки сосудов, из нее происходящие, к киевской культуре явно относится постройка 12. Здесь обнаружен фрагмент диска с невысоким бортиком и насечками по его краю, венчики груболепных горшков, из которых один также орнаментирован насечками, стенка сосуда близкой фактуры с расчесами или штриховкой (судя по рисунку), железный серповидный нож с черешковой рукоятью и т.д. [Шевченко, 1997, рис. 12]. К этому же горизонту поселения, по всей видимости, относятся ручка красноглиняной амфоры конца II — первой половины III в. [Шевченко, 1997, с. 124; рис. 8: 20], две, вероятно, бритвы [Шевченко, 1997, рис. 5: 5; 9: 5], обломок D-образной рамы пряжки [Шевченко, 1997, рис. 8: 4], фрагмент черняховской острореберной гончарной лощеной миски из комплекса 1 [Шевченко, 1983, с. 64] и, возможно, ряд других находок. Лощеная посуда, которую Ю.Ю. Шевченко считает пшеворской [Шевченко, 1997, рис. 4: 4,5; 5: 8] представлена обломками высоких ребристых мисок с зигзаговидным и более сглаженным профилем, которые, действительно, имеют пшеворское происхождение, но вполне типичны для киевского керамического

комплекса, особенно для ранней стадии этой культуры [Обломский, Терпиловский, 1994].

Таким образом, на памятнике, по всей видимости, имелись отложения двух периодов: классического зарубинецкого и раннего киевского. Достоверных материалов позднезарубинецкого культурного этапа, похоже, нет. Тем не менее, это заключение — не более, чем впечатление от статей Ю.Ю. Шевченко. Не исключено, что оно изменится после полной публикации материалов.

По сообщению Ю.Ю. Шевченко, материалы Высокого Груда хранятся в Институте археологии НАНУ и архивном фонде Черниговского архитектурно-исторического заповедника [Шевченко, 1997, с. 121].

94. Шестовица. Позднезарубинецкие материалы встречены на территории известного древнерусского городища в ур. Коровель, расположенного к югу от села, на стрелке узкого и длинного мыса первой надпойменной террасы, выступающего более чем на 1 км в пойму левого берега р. Десна (левого притока р. Днепр). Небольшие работы на памятнике проводились начиная с 1925 г. В 1948 г. Д.И. Блитель провел значительные раскопки в юго-восточной и центральной частях площадки. Исследовав ряд объектов, он предложил предварительную культурно-хронологическую схему развития городища, включавшую зарубинецкий, раннероменский и древнерусский этапы.

Работы были возобновлены в 1998 г. экспедицией под руководством В.П. Коваленко, А.П. Моци и Ю.Н. Сытого [Коваленко, Моца, Сытый, 2003, с. 54-55, рис. 1-4]. Исследования показали, что позднезарубинецкий горизонт памятника значительно поврежден объектами VIII-IX вв. сахновско-волынцевского облика и древнерусскими сооружениями. Находки начала н.э. представлены фрагментами керамических сосудов с примесями шамота и дресвы в тесте, поверхность которых нередко покрыта расчесами. Подобная керамика концентрировалась в культурном слое, прорезанном траншеями 1948 г. (раскоп 3 Д.И. Блителя), несколько к востоку от центральной части площадки. Неподалеку, при раскопках неисследованных участков, в 2005 г. была найдена бронзовая фибула типа Альмгрен 84 (рис. 127: 9). Принято считать, что фибулы А-84 производились в Паннонии [Амброс, 1966, с. 38]. В целом, они датируются II — началом III в., а «пик» использования приходится на вторую половину II в. [Dąbrowska, 1992; Гороховский, 1982, с. 153].

Характерная фибула и керамика с расчесами позволяют предположить, что позднезарубинецкое поселение в ур. Коровель относится к памятникам типа Грини. Его материалы публикуются

впервые. Коллекция хранится в фондах Черниговского исторического музея.

Щорский р-н

95. Песчанка-1. Поселение находится за южной окраиной села, занимает мыс правого берега р. Снов (правый приток р. Десны левого притока р. Днепр) в месте впадения в нее безымянного ручья. Размеры — 350 x 60-100 м. На момент выявления памятника экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Пильник, 1989, с. 14-15] площадь мыса распахивалась. На поселении собран подъемный материал: керамика эпохи бронзы и позднезарубинецкая с примесью шамота и дресвы в тесте груболепной посуды, в том числе венчик с ногтевыми вдавлениями, а также биконическое орнаментированное пряслице (эпоха бронзы? милоградская культура?).

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

96. Прудец-2. Поселение расположено в 2,4 км к северо-западу от окраины с. Смяч на мысообразном выступе первой надпойменной террасы правого берега р. Прудец (правый приток р. Снов правого притока р. Десна левого притока р. Днепр). Площадь 2 га. Культурный слой распахан. Памятник обнаружен экспедицией Черниговской обласной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Майборода, 1992, с. 17]. На пашне собрана позднезарубинецкая керамика, представленная фрагментом венчика и обломками стенок с расчесами, а также фрагментами ребристых мисок черного или коричневого лощения. Не исключено, что поселение относится к культурной группе типа Грини.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской облгосадминистрации.

97. Суничное-2. Поселение расположено в 2,8 км к югу от окраины с. Смяч на мысу правого берега безымянного ручья (правый приток р. Бречь правого притока р. Снов правого притока р. Десна левого притока р. Днепр). Площадь — 1 га. Культурный слой распахан. Памятник обнаружен экспедицией Черниговской областной инспекции по охране памятников истории и культуры [Жаров, Майборода, 1992, с. 19]. На пашне собрана позднезарубинецкая керамика, представленная фрагментом венчика с ногтевыми вдавлениями и обломками стенок. В керамическом тесте заметна примесь шамота.

Материалы хранятся в фондах Инспекции по охране памятников истории и культуры Черниговской области.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Абашина Н.С. 1986.** Население Среднего Поднепровья в III-V вв. н.э. (по материалам киевской культуры). Дисс... канд. истор. наук. Киев. // Архив ИА НАНУ.
- Абашина Н.С. 1999.** Поселення середини I тис. н.е. поблизу с. Ходосівка на Київщині. // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е., Київ-Львів.
- Абашина Н.С., Кухарская Е.Н., Обломский А.М. 2003.** Поздnezарубинецкий горизонт поселения Головино-1 под Белгородом. // Stratum plus, 4, 2001-2002. Кишинев.
- Абашина Н.С., Кухарская Е.Н., Обломский А.М. 2004.** Поздnezарубинецкий горизонт поселения Головино-1 под Белгородом. // КСИА. 216.
- Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1999.** К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья //РА, 4.
- Абрамов А.П. 1993.** Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 3. М.
- Айбабин А.И. 1999.** Этническая история ранне-византийского Крыма. Симферополь.
- Акимов Д.В. 2001.** Постройки второй четверти - середины I тыс.н.э. в бассейне Верхнего Дона и лесостепного Хопра // Верхнедонской археологический сборник. 2. Липецк.
- Алексеева Е.М. 1975.** Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1-12. М.
- Алексеева Е.М. 1982.** Античные бусы Северного Причерноморья //САИ, Г1-12. М.
- Амброз А.К. 1955.** Отчет о разведках по Десне в 1955 г. (в пределах Брянской области) // Архив ИА РАН, р-1. №1250.
- Амброз А.К. 1956.** Отчет об археологических разведках и раскопках Славянской экспедиции АН СССР в Брянской обл. в 1956 г. // Архив ИА РАН, р-1, №1334.
- Амброз А.К. 1957.** Отчет о работах Верхнеднепровской экспедиции ИИМК СССР 1957 г. // Архив ИА РАН, р-1 №1658.
- Амброз А.К. 1964.** К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н.э. // СА. 1.
- Амброз А.К. 1966.** Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Д1-30. М.
- Амброз А.К. 1978.** Длинные дома Полужского городища IV-III вв. до н.э. // Древняя Русь и славяне. М.
- Анфертьев А.Н. 1991.** Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. I (I-VI вв.). М.
- Артеменко И.И., Смирнов О.С. 1977.** Партизаньске – богатошарова пам'ятка на Брянщині // Археологія. 23.
- Археологическая карта России.** Брянская обл. М, 1993.
- Археологическая карта России.** Курская обл. 1. М., 1998.
- Археологическая карта России.** Курская обл. 2. М., 2000.
- Археологическая карта России.** Орловская обл. М, 1992.
- Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. 1989.** Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. 3.
- Бакуменко К.И., Бейдин Г.В., Григорьянц М.М., Дидык В.В., 2006.** Фибулы римского времени верховьев Ворсклы и Северского Донца // Древности римского времени на Слобожанщине. Харьков.
- Балакин С.А., Зализняк Л.Л., Нужный Д.Ю. 1978.** Отчет о полевых работах Полесского неолитического отряда в Киевском Полесье в 1978 г. // Архив ИА НАНУ. 1978/276.
- Баран В.Д. 1990.** Типы жилищ и хозяйственных построек. Раннеславянские культуры V-VII вв. и этнополитическая консолидация славян // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Баран В.Д. 1997.** Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. 1. М
- Башкатов Ю.Ю. 1997.** Об одном типе построек киевской культуры // Древности 1996. Харьков.
- Башкатов Ю.Ю. 2004а.** К вопросу о времени появления пойменных поселений зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье (на примере поселения Луг IV (Оболонь) // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель.

- Башкатов Ю.Ю. 2004б.** Особливості житлобудування та господарчої діяльності мешканців заплавного поселення Луг IV (Оболонь) // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ.
- Башкатов Ю.Ю. 2009.** До питання про походження слов'янського житла Середнього Подніпров'я (за матеріалами I-V ст.) // *Vita antiqua*. 7-8. Київ.
- Безусько Л.Г., Климанов В.А., Шеляг-Сосонко Ю.Р. 1988.** Климатические условия Украины в позднеледниковье и голоцене // Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР. М.
- Белявец В. 2004.** Грунтові могильник у Тросцяниці – невідомий винікі раскопак Палескай экспедыцыі 1962 г. // ГАЗ. 19. Мінск.
- Белявец В., Вяргей В. 2005.** Гарызонт перыяду рымскіх уплываў паселішча Курадава-1 каля Пінска // ГАЗ. 20. Мінск.
- Берлизов Н.Е. Еременко В.Е. 1998.** Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации // Древности Кубани. 7. Краснодар.
- Бернштейн С.Б. 1961.** Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.
- Бидзиля В.И., Пачкова С.П. 1969.** Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. 160.
- Бирюков И.Е. 2001.** Среднее течение р. Воронеж в первые века н.э. // Верхнедонской археологический сборник. 2. Липецк.
- Буйнов Ю.В. 1978.** Отчет об исследованиях памятников бондарихинской культуры в бассейне Северского Донца в 1978 г. // Архив ИА НАНУ, 1978/41.
- Бураков А.В. 1976.** Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.
- Валькова Т.П. 1989.** Отчет об археологических исследованиях в Черниговском, Городнянском, Менском районах Черниговской области в 1989 г. // Архив ИА НАНУ, 1989/136.
- Винников А.З. Синюк А.Т. 2003.** Дорогами тысячелетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Изд. второе, исправленное и дополненное. Воронеж.
- Внуков С.Ю. 2003.** Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в.н.э. (морфология). М.
- Внуков С.Ю. 2006.** Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в.н.э. Часть II. СПб.
- Воронцов А.М.** Памятники типа Ново-Клеймёново в первой четверти I тыс. н.э. на территории Окско-Донского водораздела // РА. 3.
- Воронятов С.В. 2004а.** Почепская культура римского времени: терминологическая условность или археологическая реальность? (К вопросу о неоднозначности определений) // Альманах молодых археологов 2004. СПб.
- Воронятов С.В. 2004б.** Планиграфия и домостроительство Почепского селища // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004.
- Высотская Т.Н. 1994.** Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Вязьмитина М.И. 1972.** Золотобалковский могильник. Киев.
- Вязьмитина М.И. 1962.** Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. Київ.
- Гавригухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М. 2004.** Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза) // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1993.** Захоронение с комплексом вещей круга выемчатых эмалей на Нижнем Днепре // Петербургский археологический вестник. 3. СПб.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1997.** Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.
- Генчева Е. 2004.** Римските фибули от България (от края I в. пр. н. е. до края на VI в. на н. е.). Велико Търново.
- Герасименко Н.П. 2004.** Развитие зональных ландшафтов четвертинного периода на территории Украины. Автореф... дисс. докт. географ. наук. Киев.
- ГЕУ – Географічна енциклопедія України. 2.** Киев. 1990.
- Гопак В.Д. 1976.** Кузнечное ремесло славян Днепровско-Днестровского лесостепного междуречья в VI-VIII вв. н.э. Дисс. канд. истор. наук. Киев // Архив ИА НАНУ.
- Гопак В.Д., Шовкопляс А.М. 1983.** Черный металл зарубинецкого поселения Оболонь в Киеве // СА. 4.
- Гороховский Е.Л. 1982.** О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев.
- Гороховский Е.Л. 1988а.** Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Киев.
- Гороховский Е.Л. 1988б.** Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья. Дисс... канд. истор. наук. Киев // Архив ИА НАНУ.
- Гороховский Е.Л. 1988в.** Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев.

Гороховський Є.Л., Сон Н.О. 1989. Фібули з Тіри // Археологія, 3.

Горюнов Е.А. 1971. Поселения у с. Чулатово // КСИА. 125.

Горюнов Е.А. 1974. Древности I тыс. н.э. нижнего течения р. Снова. // КСИА. 140.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепро-Днепровского Левобережья. Л.

Горюнов Е.А., 1979. Отчет о работе Днепро-Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН, р-1. №7561.

Горюнов Е.А., Горюнова В.М., 1980. Отчет о работе Днепро-Днепровского Левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА РАН, р-1. №9264.

Горюнова В.М., 1983. Отчет о работе Днепро-Днепровского Левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1983 г. // Архив ИА РАН, р-1. №11840.

Горюнова В.М. 2004. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепро-Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000 г.). СПб.

Горюнова В.М. Родинкова В.Е. 1999. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus, 4. СПб-Кишинев-Одесса.

Горюнова В.М., Романова Г.А., Щеглова О.А., 1987. Отчет о работе Днепро-Днепровского Левобережного отряда ЛОИА в 1987 г. // Архив ИА РАН, р-1. №12506.

Гросу В.И. 1990. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.

Гудкова А.В. 1979. Классификация столовой сероглиняной керамики Тиры II-V вв. н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев.

Гудкова А.В. 1991. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.

Гудкова А.В. 1999. I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // Stratum plus, 4. СПб-Кишинев-Одесса.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры (препринт). Киев.

Гудкова А.В. Малюкевич А.Е. 1999. Сероглиняная кружалная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс.н.э.) // Stratum plus, 4. СПб-Кишинев-Одесса.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памят-

ники римского и средневекового времени Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I – IV вв. н.э. Киев.

Даниленко В.М. 1976. Пізньюзарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. 19.

Даниленко В.Н. 1955. Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра // КСИА АН УССР. 4. Киев.

Даниленко В.Н., Дудкин В.П., Крещ В.А. 1967. Археолого-магнитная разведка в Киевской обл. // Археологические исследования на Украине в 1965-1966 гг. Киев.

Дашевская О.Д. 1991. Поздние скифы в Крыму // САИ. Д1-7. М.

Дідик В.В., Любичев М.В. 1998. Прикраси з виїмчастими емалями у басейні Сіверського Дінця. // Археологічний літопис Лівобережної України. 1-2. Полтава.

Дробушевский А.И. 2000. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Краеведческие записки (к 80-ти летию Гомельского областного краеведческого музея). Гомель.

Дьяченко А.Г. 1986. Отчет о работе Славяно-русской археологической экспедиции БГПИ в 1986 г. // Архив ИА НАНУ, 1986/79.

Дьяченко А.Г. 1993. О культуре поселений Днепро-Донской лесостепи в I тыс. н.э. (по материалам селища Занки) // Археология и история юго-востока Древней Руси. Воронеж.

Егорейченко А.А. 2005. Историческая ситуация в Белорусском Полесье и прилегающих регионах в первой половине I тыс. н.э. // Archeologia o początkach słowian. Kraków.

Ерёмченко В.Е. 1997. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб.

Жаров Г.В., Майборода Т.Н. 1992. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1992 г. (Городнянский и Щорский р-ны) // Архив ИА НАНУ, 1992/64.

Жаров Г.В., Пильник А.Г. 1989. Отчет об археологических разведках в Черниговском, Городнянском, Репкинском и Щорском р-нах Черниговской обл. в 1989 г. // Архив ИА НАНУ, 1989/150.

Железняк І.П. 1987. Рось і лінгвістичні процеси Середньонадніпряньського Правобережжя. Київ.

Журавлев Д.В. 2001. О датировке Eastern sigillata В из Юго-Западного Крыма // Археологія, 3.

Журко А.И. 1994. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепро-Днепровском Левобережье // РА. 4.

Заверняев Ф.М. 1954. Археологические находки возле г. Почапа // КСИИМК, 53.

- Заверняев Ф.М. 1960.** Почепское селище первых веков нашей эры // СА. 4.
- Заверняев Ф.М. 1969.** Почепское селище // МИА. 160.
- Заверняев Ф.М. 1974.** Селище в устье р. Гасомы // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Зеленецька І.Б. 1980.** Нове поселення зарубинецького типу в Подесенні // Археологія, 33.
- Земцов Г.Л. 2003.** Миграционные потоки III-V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара.
- Земцов Г.Л. 2004.** Жилые и хозяйственные постройки лесостепного Днепро-Донского междуречья в первой половине I тыс. н.э. Автореф... дисс. канд. истор. наук. Липецк.
- Зиньковская И.В. 2002.** Отчет Раннеславянской археологической экспедиции Воронежского госуниверситета о раскопках в 2002 г. // Архив Института археологии РАН.
- Зиньковская И.В., Медведев А.П. 2005.** Позднезарубинецкое поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1961.** К постановке вопроса о древнейших отошениях балтийских и славянских языков // Исследования по славянскому языкознанию. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1980.** О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Киев.
- Казанский М.М. 1997.** Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев.
- Каменецкий И.С. 1993.** Городища донских меоттов. М.
- Каменецкий И.С. 1994.** Сероглиняные миски Пашковского 6 городища // Боспорский сборник. 5. М.
- Каравайко Д.В. 2006.** Бассейн Средней Десны на рубеже эр (юхново-почеп) // Археологічний літопис Лівобережної України. 2. Полтава.
- Каравайко Д.В. 2007.** Юхнівська культура. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Киев.
- Каспарова К.В. 1986.** Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тыс. н.э. Куйбышев.
- Каспарова К.В. 1989.** Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T II. Lublin.
- Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н. 2003.** Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998-2002 гг. // Дружинні старожинності Центрально-Східної Європи VIII-X ст. (Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару). Чернігів.
- Козак Д.Н. 1990.** Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора и оружие. Юго-Восточная Европа в первой четверти I тыс. н.э. по археологическим данным // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев.
- Козак Д.Н. 1991.** Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – IV ст. н.е.). Київ.
- Козак Д.Н. 1992.** Проблеми етнокультурної історії Північно-Західної України в перший половині I тис. н.е. // Археологія. 3.
- Козак Д.Н. 1999.** Поселення зубрицької культури Городок-2 на Волині // Археологія. 2.
- Козак Д.Н. 2003.** Зубрицька культура на Хрінницькому водоймищі // Археологічні студії. 2. Київ-Чернівці.
- Козак Д., Оприск В., Шкоропад В. 1999.** Пам'ятки давньої історії Волині у с. Городок. Київ.
- Колосовский Ю.В., Куропаткин А.С. 2002.** Памятники киевской культуры в Оршанском Поднепровье // Верхнее Поднепровье и Подвине в III-V вв. н.э. Материалы. Раннеславянский мир, 4. М.
- Корзухина Г.Ф. 1978.** Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Е 1-43.
- Костенко В.И. 1993.** Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск.
- Костенко Ю.В. 1978.** Пам'ятки I тыс. н.е. в поріччі р. Трубежа // Археологія, 28.
- Костенко Ю.В. 1983.** Пам'ятки зарубинецької культури на Трубежі. //Археологія. 42.
- Косяненко В.М. 1980.** Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 г.) // СА. 3.
- Косяненко В.М. 1987.** Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища //СА. 2.
- Кравченко Н.М. 1979.** Исследование славянских памятников на Стугне // Славяне и Русь. Киев.
- Кравченко Н.М., Гороховский Е.Л. 1979.** О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. // СА. 2.
- Кравченко Н.М., Петраускас О.В., Шишкин Р.Г., Петраускас А.В. 2007.** Памятники археологии поздне римского времени правобережной Киевщины. Киев.
- Крапивина В.В. 1993.** Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. Киев.

Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д. 1988. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. 194.

Кропоткин В.В., Нахапетян В.Е. 1976. Новый центр железодельного производства III-IV вв. в бассейне Южного Буга // СА. 3.

Куза А.В. 1964. Зарубинецкое поселение около Житомира // КСИА, 164.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б., Терпиловський Р.В. 2005. Пізньоскифські та пізньозарубинецькі старожитності Полтавщини. Київ-Полтава.

Кухаренко Ю.В. 1956. Отчет об археологических исследованиях в Поросье и об археологии Волынского Полесья в 1956 г. // Архив ИА НАНУ, 1956/15.

Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. Д1-29. М.

Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Д1-19. М.

Кухаренко Ю.В. 1978. О так называемых зарубинецких памятниках Подолии // Проблемы советской археологии. М.

Кухарская Е.Н. 1991. Охранные исследования раннеславянских памятников у с. Игнатовка // Археологічні дослідження в Україні у 1990 р. Київ.

Кучера М.П., Юра Р.О. 1976. Дослідження Зміювих валів у Середньому Подніпров'ї // Дослідження з слов'янсько-руської археології. Київ.

Куштан Д.П., Сиволап М.П., Терпиловський Р.В. 1999. Пізньозарубинецьке поселення на Черкащині // Археологічний літопис Лівобережної України, 2. Полтава.

Лебедев Г.С. 1982. Этногенетические процессы и образование государств в Восточной Европе (балты, финно-угры, славяне) // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар.

Лер-Сплавинский Т. 1964. О северо-восточных окраинах праславянского языка. // ВЯ. 1.

Либеров П.Д. 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1-31. М.

Лопатин Н.В., Фурасев А.Г. 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III-V вв. н.э. М.

Лугова Л.М., Левченко Д.І. 1999. Знахідки I тис. н.е. біля с. Прилипка на Пслі // Археологічний літопис Лівобережної України, 2. Полтава.

Любичев М.В. 1993. Раннеславянское селище на Северском Донце // Вестник Харьковского университета, 374'93; история, вып. 27. Харьков.

Любичев М.В. 1996. Отчет об археологических исследованиях на Харьковщине в 1996 г. // Архив ИА НАНУ. 1996/17.

Любичев М.В. 1998. Отчет об археологических исследованиях на территории Харьковской и Полтавской обл. в 1998 г. // Архив ИА НАНУ, 1998/12.

Ляпушкин И.И., 1959. Славянские памятники второй половины I тыс. н.э. верхнего течения р. Десны // КСИИМК, 74.

Максимов Е.В. 1969. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. 160.

Максимов Е.В. 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев.

Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.

Максимов Е.В. 1993. Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М.

Максимов Е.В., Петрашенко В.А. 1988. Славянские памятники у с. Монастырѣк на Среднем Днепре. Киев.

Максимов Є.В. 1971. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора // Археологія. 4.

Максимов Є.В. 1991. Актуальні питання вивчення зарубинецької культури // Археологія. 4.

Малашев В.Ю., Обломский А.М. 2002. Поясная Центральноевропейская гарнитура римского времени на территории Днепроовского Левобережья //РА. 4.

Массалитина Г.А. 1994. Мощинская культура. Автореф. дисс. канд. истор. наук. М.

Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. М. 1979.

Махно Е.В. 1950. Раскопки зарубинецких поселений в Среднем Поднепровье в 1950 г. Поселение у с. Великие Дмитровичи // МИА. 70.

Мачинский Д.А. 1976. К вопросу о территории обитания славян в I-VI веках // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 17. Л.

Медведев А.П. 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж.

Медведев А.П. 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону.

Медведев А.П. 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. М.

Мельниківська О.М., Симонович Е.О. 1975. Розкопки в с. Комарівці на Посейм'ї // Археологія. 15.

Мелокова А.И. 1964. Вооружение скифов // САИ. Д1-4. М.

Митрофанова В.И. 1960. Отчет Кочетокской экспедиции 1960 г. (раскопки в с. Новоодоновка Старо-Салтовского р-на Харьковской обл.) // Архив ИА НАНУ, №1960/5.

Михеев В.К. 1987. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харь-

ковского Госуниверситета в 1987 г. // Архив ИА НАНУ, 1987/100.

Мітрофанова В.І. 1965. Пам'ятки зарубинецького часу на Дінці // Археологія. XVIII. Київ.

Моргунов Ю.Ю., Неприна В.И., Супруненко А.Б. 1984. Отчет о работе Посульской экспедиции ИА АН СССР, ИА АН УССР и Полтавского музея в 1984 г. // Архив ИА НАНУ, 1984/51.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.

Непріна В.И. 1976. Отчет о работе Левобережной экспедиции в 1976 г. // Архив ИА НАНУ, 1976/23.

Непріна В.І., Післарій І.О. 1972. Неолітичні пам'ятки поблизу Полтави // Археологія, 7. Київ.

Николаенко А.Г. 1988. Лесостепное Приосколье в I тыс.н.э. (материалы к археологической карте) // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.

Никольская Т.Н. 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. // МИА, 72. М.

Обломский А.М. 1983. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1.

Обломский А.М. 1986а. Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке (т.н. зарубинецких) // КСИА. 186.

Обломский А.М. 1986б. Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их взаимодействие с деснинским вариантом киевской культуры // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев.

Обломский А.М. 1987. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. 3.

Обломский А.М. 1990а. Позднезарубинецкое поселение Терновка 2 // Материалы и исследования по археологии Днепроовского Левобережья. Курск.

Обломский А.М. 1990б. Периодизация и характер развития керамического комплекса Чаплинского могильника // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. Москва – Сумы.

Обломский А.М. 1992а. Березовка-2 (позднезарубинецкое поселение на Сумщине) // Петербургский археологический вестник, 2.

Обломский А.М. 1992б. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепроовского Левобережья. // СА. 1.

Обломский А.М. 1993. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыся-

челетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. Археология СССР. М.

Обломский А.М. 1994. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I-V вв. н.э. // РА. 2.

Обломский А.М. 1996. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. 4.

Обломский А.М. 1997. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии Чаплинского могильника // Стратум + Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев.

Обломский А.М. 1998. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // ГАЗ. 13.

Обломский А.М. 1999. О времени появления черняховского населения на территории Днепроовского Левобережья // Сто лет черняховской культуре. Киев.

Обломский А.М. 2001. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени // Верхнедонской археологический сборник. 2. Липецк.

Обломский А.М. 2002. Днепроовское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). М.

Обломский А.М. 2003а. Зарубинецкие материалы поселения Красное-4 в Среднем Посеймье // Старожитності I тисячоліття н.е. на території України. Київ.

Обломский А.М. 2003б. Материалы финала римского времени поселения Чаплищи-3 в Среднем Посеймье // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Н.М. Кравченко. Київ.

Обломский А.М. 2003в. Новая культурно-хронологическая группа памятников гуннского времени на территории восточноевропейской лесостепи. // Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin-Warszawa

Обломский А.М. 2003г. Хронология Замятинского археологического комплекса в Верхнем Подонье. // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. II. М.

Обломский А.М. 2005а. Об одной группе сосудов эпохи Великого переселения народов // РА. 2.

Обломский А.М. 2005б. Верхнедонские ингумации середины I тыс. н.э. (типа Животинного могильника) // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. М.

Обломский А.М. 2006а. Юртообразная постройка V в. н.э. на территории Верхнего Подонья // Средневековая археология Евразийских степей

(сборник статей к юбилею С.А. Плетневой). Москва-Йошкар-Ола.

Обломский А.М. 2006б. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. М.

Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н. 1987. Материалы I тыс. н.э. на поселении Шосейное (Белгородская обл.) // СА. 4.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н.э. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1994. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время. // *Kultura przeworska*. 1. Lublin.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998а. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia archaeologica*. 22. Łódź.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998б. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс.н.э. Воронеж.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2002. Позднезарубинецкие материалы поселения Рябовка-3 // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III-V вв. н.э. Материалы. Раннеславянский мир. 4. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2004. Хронология и этнокультурная принадлежность украшений с выемчатыми эмальями восточноевропейского круга на территории лесостепной зоны // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины (препринт). Киев.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1994. Посейм'я у латенський час // Археологія, 3.

Оледзки М. 2002. Вельбарская и пшеворская культуры на рубеже раннего и позднего римского периодов. Динамика поселенческо-культурных изменений в хронологическом освещении // ГАЗ. 17.

Ольговський С.Я. 2001. Метал браслетів Херсонеса // Археологія, 1.

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Раннеславянский мир. 6. М. 2004.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). Раннеславянский мир. 10. М. 2007.

Паньков С.В. 1986. Черная металлургия племен лесостепной зоны Восточной Европы в конце

I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Дисс. канд. ист. наук. Киев // Архив ИА НАНУ.

Паньков С.В., Манічев В.Й., Недопако Д.П. 2003. Нові техніко-технологічні дослідження залишків стародавньої чорної металургії та металообробки в околицях с. Синиця // Археологія, 2.

Паньков С.В., Недопако Д.П. 1999. Поселение и производственный центр позднезарубинецкого времени у с. Синица // РА. 4.

Пачкова С.П. 1974. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ.

Пачкова С.П. 2003. О соотношении пшеворской и зарубинецкой культур // *Stratum plus*. 5, 2001-2002. Кишинев.

Пачкова С.П. 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Восточной Европы. Киев.

Пачкова С.П. 2008. Могильник зарубинецкой культуры Вишеньки біля Києва. Київ.

Петраускас О.В. 1993. История обряда кремации на территории Среднего Поднепровья в I тыс. н.э. Дисс. канд. истор. наук. Киев // Архив ИА НАНУ

Петраускас А.В., Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. 1999. Нове пізнєозарубинецьке поселення біля с. Крюківщина на Київщині // *Vita Antiqua*, 2. Київ.

Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. 1999. Про черняхівські пам'ятки «змішаного» типу на Правобережжі Київського Подніпров'я // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ-Львів.

Петренко В.Г. 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V – III вв. до н.э. // САИ. Д1-4. М.

Петренко Е.Н. 1978. Отчет об археологических исследованиях Черняховского отряда Харьковской областной организации общества охраны памятников истории и культуры в бассейне Северского Донца в 1978 г. // Архив ИА НАНУ, 1978/78.

Петренко Е.Н. 1980. Отчет об археологических исследованиях Черняховской экспедиции в 1980 г. на Харьковщине // Архив ИА НАНУ, 1980/91.

Петренко Е.Н. 1991. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца. // Археология славянского Юго-востока. Воронеж.

Петренко Е.Н., Буйнов Ю.В. 1981. Отчет о раскопках многослойного памятника у с. Родной Край Золочевского р-на Харьковской обл. в 1981 г. // Архив ИА НАНУ, 1981/113.

Петров В.П. 1961. До питання про ліпну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н.е. – II ст. н.е. // Археологічні пам'ятки УРСР. X. Київ.

- Поболь Л.Д. 1971.** Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск.
- Поболь Л.Д. 1973.** О новых археологических памятниках БССР VI-IX вв. // Славяните и средиземноморский свят в VI-IX век: Международен симпозиум по славянска археология. София.
- Поболь Л.Д. 1983.** Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск.
- Погребова Н.Н. 1958.** Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 64.
- Поляков Г.И. 1985.** Отчет об археологических исследованиях Брянского отряда Деснинской экспедиции // Архив ИА РАН, р-1, №11037.
- Приходнюк О.М. 1980.** Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII – IX ст. Київ.
- Приходнюк О.М. 1985.** Пеньковская культура. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев.
- Приходнюк О.М., Петраускас О.В. 1999.** Археологічні дослідження в поріччі Тясмину в 1990-1993 рр. // Полтавський археологічний збірник. Полтава.
- Пронин Г.Н. 1974.** Отчет о работах Деснинского Левобережного отряда в 1974 г. // Архив ИА РАН, р-1, №5260.
- Пронин Г.Н. 1975.** Отчет о работе Брянского отряда в 1975 г. // Архив ИА РАН, р-1, №5476.
- Пронин Г.Н. 1979.** Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа // СА. 1.
- Простантинова В.В. 1987.** Отчет о разведочных работах на Черниговщине в 1987 г. // Архив ИА НАНУ, 1987/50.
- Простантинова В.В. 1989.** Отчет о разведочных работах на Черниговщине в 1989 г. // Архив ИА НАНУ, 1989/50.
- Радзивиловская летопись.** // ПСРЛ, М, 1989.
- Роздобудько М.В. 2001.** Звіт про охоронні дослідження узбережжя Канівського водосховища за 2000-2001 р. // Архив ИА НАНУ, 2001/25.
- Роздобудько М.В. 2002.** Нові пам'ятки київського типу на лівобережжі Середнього Дніпра // Археологічні відкриття в Україні 2000-2001. Київ.
- Роздобудько М.В. 2004.** Знахідка кельтоподібного знаряддя на Лівобережжі Середнього Дніпра // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. Київ.
- Роздобудько М.В., Тетеря Д.А., Костюк О.В. 1998.** Звіт про охоронні дослідження узбережжя Канівського водосховища Київської та Черкаської областей за 1998 р. // Архив ИА НАНУ, 1998/38.
- Роздобудько М.В., Тетеря Д.А., Костюк О.В. 1995.** Звіт про охоронні дослідження узбережжя Канівського водосховища Київської та Черкаської областей за 1994-1995 р. // Архив ИА НАНУ, 1994-1995/52.
- Роздобудько М.В., Тетеря Д.А., Костюк О.В. 1997.** Звіт про охоронні дослідження узбережжя Канівського водосховища Київської та Черкаської областей за 1997 р. // Архив ИА НАНУ, 1997/82.
- Роздобудько М.В., Тетеря Д.А., Товкайло М.Т., Костюк О.В. 1996.** Звіт про охоронні дослідження узбережжя Канівського водосховища Київської та Черкаської областей за 1996 р. // Архив ИА НАНУ, 1996/49.
- Роздобудько М.В., Костюк О.В. 1999.** Звіт про охоронні дослідження узбережжя Канівського водосховища за 1999 р. // Архив ИА НАНУ, 1999/85.
- Розенфельдт И.Г. 1982.** Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI – IX вв. М.
- Романова Г.А. 1989.** Отчет о работе Сумского отряда Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. // Архив Сумского краеведческого музея.
- Романова Г.А. 1990.** Отчет о работах Сумского отряда Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. // Архив Сумского краеведческого музея.
- Русанова И.П. 1976.** Славянские древности VI-VII вв. М.
- Савчук А.П. 1969.** Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубуж // МИА. 160.
- Савчук А.П. 1982.** Отчет о разведках Переяслав-Хмельницкого заповедника на территории города за 1982 г. // Архив ИА НАНУ, 1982/92.
- Сапегін С.В. 1999.** Різночасове поселення у с. Ковалівка на Коломаку // Археологічний літопис Лівобережної України. 2. Полтава.
- Сапегін С.В. 2000.** Ще одна фібула з Ковалівки під Полтавою // Археологічний літопис Лівобережної України. 1-2. Полтава.
- Седов В.В. 1970.** Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
- Седов В.В. 1979.** Происхождение и ранняя история славян. М.
- Седов В.В. 1994.** Славяне в древности. М.
- Седов В.В. 1995.** Славяне в раннем средневековье. М.
- Сергацков И.В. 2007.** Фибулы из погребений Азиатской Сарматии I – первой половины II в. н.э. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.
- Серов О.В., Скиба Л.Е., Цыдровская Л.А. 2003.** Могильник зарубинецкой культуры у с. Лука // Stratum plus. 5, 2001-2002. Кишинев.
- Серов О.В., Левада М.Е., Максук К.И. 1990.** Отчет об археологических исследованиях на

Киевщине экспедиции Киевского областного управления культуры в 1990 г. // Архив ИА НАНУ, 1990/179.

Симоненко А.В. 1981. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев.

Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 2.

Скрипкин А.С. 1984. Нижнее Поволжье в первые вв. н.э. Саратов.

Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. Археология СССР. М. 1993.

Смирнов А.С., 1978. Отчет о работах Деснинского отряда в 1977 г. // Архив ИА РАН, р-1. №6704.

Смирнов А.С., Нигматуллин Р.А. 1988. Отчет о работах Деснинской экспедиции в Калужской и Брянской обл. // Архив ИА РАН, р-1, №12608.

Сорокин А.Н., Кузнецова Т.М. 1988. Отчет о раскопках в Жуковском р-не Брянской обл. и разведках на территории мелиорации // Архив ИА РАН, р-1, №12710.

Стащенко Д.А. 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I — V вв. н.э. М.

Супруненко О.Б. 2000. Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К.М. Скаржинської). Київ-Полтава.

Супруненко О.Б., Пуголовок Ю.О. 2006. Археологічні розвідки у Полтаві та Полтавському районі // Археологічний літопис Лівобережної України, 1-2. Полтава.

Супруненко О.Б., Терпиловский Р.В. 2000. Пізньозарубинецьке поселення на території Більського городища. // Археологічний літопис Лівобережної України, 1-2 /7-8/. Полтава.

Симонович Э.А. 1978. Посуда зарубинецкого типа из Николаевского могильника на Нижнем Днепре // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.

Сытый Ю.Н. 1985. Отчет об археологических разведках 1985 г. в Бахмачском, Борзнянском и Куликовском р-нах Черниговской обл. // Архив ИА НАНУ, 1985/163.

Сытый Ю.Н. 1988. Отчет об археологических разведках 1988 г. в Черниговском Задесенье // Архив ИА НАНУ, 1988/102.

Сытый Ю.Н. 1990. Отчет об охранных археологических исследованиях в Нежине и Черниговском Задесенье // Архив ИА НАНУ, 1990/237.

Сытый Ю.Н. 1991. Отчет об охранных археологических работах 1991 г. в Черниговском Задесенье // Архив ИА НАНУ, 1991/38.

Сытый Ю.Н., Коваленко В.П. 1992. Отчет об охранных археологических работах в междуречье Десны и Остра в 1992 г. // Архив ИА НАНУ, 1992/63.

Телегин Д.Я. 1954. Исследование неолитических стоянок в окрестностях г. Киева. // Архив ИА НАНУ, 1954/3а.

Телегин Д.Я., Круц В.А., Нужный Д.Ю. 1979. Отчет о работе археологической экспедиции «Славутич» в 1979 г. в зоне Каневского водохранилища, низовьях Десны и в Надпорожье // Архив ИА НАНУ, 1979/18.

Телегин Д.Я., Беляєва С.О. 1975. Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі // Археологія, 18.

Телегин Д.Я., Круц В.О., Степанчук В.М. 1983. Из работ экспедиции «Славутич» у 1979 г. // Археологія, 42.

Терпиловский Р.В. 1981. К сложению памятников киевского типа. // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР (тез. докл. республиканской конференции молодых ученых). Киев.

Терпиловский Р.В. 1985а. Колочинская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев.

Терпиловский Р.В. 1985б. Киевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев.

Терпиловский Р.В. 1990. Новые исследования памятников первой половины I тыс. н.э. на Сумщине // Питання археології Сумщини. Суми.

Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. н.э. Киев.

Терпиловский Р.В. 1997. Склавини и анты. Николаев.

Терпиловский Р.В. 2000. Киевская и черняховская культура. Проблема контактов // Stratum plus. 4. СПб-Кишинева-Одесса-Бухарест.

Терпиловский Р.В. 2002. Новые славянские памятники гуннского времени в бассейне Десны // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.). Материалы III Междунар. конференции. Тирасполь.

Терпиловский Р.В. 2003. К проблеме формирования киевской культуры // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Н.М. Кравченко. Київ.

Терпиловский Р.В. 2004а. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin.

Терпиловский Р.В. 2004б. Поселение Сенча и его место среди памятников Днепровского Левобережья // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье (доклады

научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова – Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.). СПб.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры. Свод археологических источников. Киев.

Терпиловський Р.В. 1994. Слов'яни Подніпров'я у першій половині I тис. н. е. Автореф. дис. докт. істор. наук. Киев.

Терпиловський Р.В. 1997а. Про характер колочинської культури Чернігівського Подесення // Проблеми історії та археології. Харків.

Терпиловський Р.В. 1997б. До проблеми походження ранньосередньовічних культур Подніпров'я. // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ-Львів.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 1996. Олександрівка 1 – багатощарове слов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів.

Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. 1990. Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.

Третьяков П.Н. 1953. Восточнославянские племена. М.

Третьяков П.Н. 1959а. Отчет об археологических исследованиях в Смоленской области // Архив ИА РАН, р-1, №1878.

Третьяков П.Н. 1959б. Чаплинское городище // МИА, 70.

Третьяков П.Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.

Третьяков П.Н. 1968. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. // СА. 4.

Третьяков П.Н. 1970. У истоков древнерусской народности // МИА. 179.

Третьяков П.Н. 1971. Из предыстории славянского жилища. // Archeologia Polski. XVI.

Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четверти I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.

Третьяков П.Н. 1982. По следам древних славянских племен. Л.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. 1963. Древние городища Смоленщины. М.-Л.

Трубачев О.Н. 1968. Название рек Правобережной Украины. М.

Трубачев О.Н. 1991. Этногенез и культура древнейших славян. М.

Филин Ф.П. 1962. Образование языка восточных славян. М.-Л.

Фролов И.К. 1968. Отчет Орловского отряда Верхнеокской экспедиции за 1968 г. // Архив ИА РАН, р-1. №4920.

Фролов И.К. 1970. Отчет Орловского отряда Верхнеокской экспедиции за 1969–1970 гг. // Архив ИА РАН, р-1, № 4920.

Фролов И.К. 1979. О домостроительстве первой половины I тыс. н.э. на территории Подесенья и Поочья // СА. 1.

Фурсев А.Г. 2000. Среднетушемлинские памятники Подвинья. // Stratum plus. 4. СПб-Киев-Одесса-Бухарест.

Фурсев А.Г. 2002. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмальями // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб.

Хабургаев Г.А. 1980. Становление русского языка. М.

Хавлюк П.И. 1988. Вельбарские памятники на Южном Буге // Kultura wielbarska w młodszym okresie gzymskim. I. Lublin.

Хавлюк П.И. 1990. Зарубинецкая культура Южного Побужья и левобережья Среднего Днестра // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М.

Хавлюк П.И. 1965. Щоденник археологічної розвідки і розкопок у Південному Побужжі та Подністров'ї у 1965 р. // Архив Винницкого краеведческого музея.

Хавлюк П.И. 1967а. Науковий звіт про розвідку у басейні р. Південний Буг і розкопки зарубинецьких селищ перших ст. н.е. Мар'янівки та Носовець Гайсинського р-ну Вінницької обл. // Архив ИА НАНУ, 1967/58.

Хавлюк П.И. 1967б. Щоденник археологічної розвідки і розкопок у Південному Побужжі та Подністров'ї у 1967, 1968–1969 рр. // Архив Винницкого краеведческого музея.

Хавлюк П.И. 1970а. Науковий звіт про археологічні дослідження на Південному Бузі, проведені в 1970 р. експедицією Вінницького педагогічного Інституту // Архив ИА НАНУ, 1970/75.

Хавлюк П.И. 1970б. Щоденник археологічної розвідки та розкопок у басейні Південного Бугу і Лівобережжя Дністра. 1970 р. // Архив Винницкого краеведческого музея.

Хавлюк П.И. 1971. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. 4.

Хавлюк П.И. 1974. Щоденник археологічних досліджень Південного Побужжя (1974 р.) // Архив Винницкого краеведческого музея.

Хавлюк П.И. 1974б. Науковий звіт про дослідження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя Вінницького педінституту в 1974 р. // Архив ИА НАНУ, 1975/86.

Хавлюк П.И. 1975а. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. 18.

Хавлюк П.И. 1975б. Щоденник археологічних досліджень Південного Побужжя (1975 р.) // Архив Винницкого краеведческого музея.

Хавлюк П.І. 1975в. Науковий звіт про дослід-ження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького педінституту в 1975 р. // Архив ИА НАНУ, 1975/35.

Хавлюк П.І. 1977. Науковий звіт про дослід-ження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького педінституту в 1977 р. // Архив ИА НАНУ, 1977/76.

Хавлюк П.І. 1978. Науковий звіт про дослід-ження археологічних пам'яток на території Південного Побужжя експедицією Вінницького педінституту в 1978 р. // Архив ИА НАНУ, 1978/54.

Хавлюк П.І. 2003. Південнобузький регіон зарубинецької культури // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. Київ

Ханенко Б.І. и В.І. 1907. Древности Приднепровья. VI. Киев.

Хотинский Н.А. 1989. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. М.

Хреков А.А. 1997а. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. 3. М.

Хреков А.А. 1997б. Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. 2. Саратов.

Цигилик В.М. 1975. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ.

Циндровська Л.О. 1982. Про деякі типи фібул перших століть н.е. на Середньому Подніпров'ї // Археологія. 37.

Циндровська Л.О. 1988. Пам'ятки першої чверті I тис. н.е. на території Середнього Подніпров'я // Археологія. 62.

Цындровская Л.А. 1977. Отчет о разведывательных и охранных работах в районе сс. Таценки, Ново-Украинка, Триполье Обуховского р-на Киевской обл. в 1977 г. // Архив ИА НАНУ, 1977/54.

Шевченко Ю.Ю. 1983. Кераміка перших століть нашої ери з околиць Чернігова // Археологія. 42.

Шевченко Ю.Ю. 1991. Начальная дата почепских древностей в низовьях Десны // Гомельщина: археология, история, памятники. Гомель.

Шевченко Ю.Ю. 1997. Высокий (Белый) Груд на рубеже нашей эры. // Stratum+Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев.

Шекун А.В., Терпиловский Р.В. 1993. Памятники I в. до н.э. – VII в. н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов.

Шинаков Е.А. 1985. Отчет о работах Погарского отряда Деснинской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН, №11047

Шинаков Е.А. 1986. Отчет о раскопках Погарского отряда Деснинской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА РАН, 11716

Шкоропад В. 2004. Пам'ятки поморсько-кльошової культури // Козак Д., Прищепя Б., Шкоропад В. Давні землероби Волині (пам'ятки археології на Хринницькому водоймищі). Київ.

Шкоропад В.В. 2000. Племена поморсько-кльошової культури на Волині. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Київ.

Шмидт Е.А. 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.

Шовкопляс А.М. 1974. Работы на Оболони в Киеве // Археологические открытия 1974 г. М.

Шовкопляс А.М. 1988. Древние и раннесредневековые славянские памятники на территории Киева // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. 4. Киев.

Шовкопляс А.М., Гавритухин И.О. 1993. Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак // КСИА. 208.

Шовкопляс Г.М. 1971. Дослідження на березі р. Почайни у Києві // Археологічні дослідження на Україні 1969 р. Киев.

Шовкопляс Г.М. 1994. Бронзові вироби з Оболоні // Шляхи становлення Національного музею історії України: від першовитоків до сьогодення. Київ.

Шовкопляс Г.М., Терпиловський Р.В. 2003. Кераміка рубежу нашої ери з поселення Оболонь у Києві (попередні спостереження) // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. Київ.

Шукин М.Б. 1972. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 14. Л.

Шукин М.Б. 1976. Археологические данные о славянах II-IV вв. Перспективы ретроспективного метода. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 17. Л.

Шукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 20. Л.

Шукин М.Б. 1980. Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян // Материалы III Международного конгресса славянской археологии. 2. Братислава.

Шукин М.Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.

Шукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.

- Щукин М.Б. 2002.** Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский р-н с древнейших времен до наших дней. Киев.
- Щукин М.Б. 2005.** Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб
- Юренко С.П. 1974.** Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции «Днепр-Донбасс» в 1974 г. // Архив ИА НАНУ, 1974/1в.
- Andrzejowski J. 1999.** Hrniewiczze Wielkie – cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // Comhlan. Warszawa.
- Birnbaum H. 1973.** O mozliwosci odtworzenia pierwotnego stanu jezyka praslowianskiego za pomoca rekonstrukcji wewnetrzej i metody porownawczej // American contributions to the Seventh International congress of Slavists. 1. Warsaw.
- Chowaniec R. 2001.** Zapinki typu Avcissa z ziem Polski // Nowe znaleziska importów rzymskich z ziem Polski. II. Warszawa.
- Dąbrowska T. 1992.** Die späten kräftig Fibeln (Almgren Typ 84) in Polen // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow.
- Dąbrowska T. 1988.** Wczesne fazy kultury przeworskiej (chronologia – zasięg – powiazania). Warszawa.
- Gavritukhin I. 2002.** On the study of double plate fibulas of the first subgroup // A Nyiregyhazi josa andras museum evkoenyve. XLIV. Nyiregyhaza.
- Ginalski J. 1991.** Ostrogi kabłakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny. 38.
- Godlowski K. 1985.** Wschodnia koncepcja pierwotnych siedzib Słowian // Z otchłani wieków. №3-4.
- Jamka R. 1964.** Fibule typu oszkowatego w Europie środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem Polskich // Materiały starożytne. X. Warszawa.
- Kietlińska A, Mikłaszewska R. 1963.** Cmentarzysko grobów kloszowych we wsi Transbór, pow. Mińsk Mazowiecki // Materiały Starożytne. IX. Warszawa.
- Liana T. 1970.** Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // Wiadomości Archeologiczne. XXXV-4. Warszawa.
- Lowmiański H. 1963.** Początki Polski. 1. Warszawa.
- Mączyńska M. 1998.** Die Fibel als Tracht- und Schmuckelement in der Przeworsk-Kultur // Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. 5. Wünsdorf.
- Mączyńska M. 2001.** Das verbreitungsbild der Fibeln A.67/68 und A.68 im Barbaricum // Slovenská Archeológia. XLIX. Nitra.
- Madyda-Legutko R. 1986.** Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // British Archaeological Research International Series 360. Oxford.
- Oblomski A.M., Petrauskas O.V., Terpilovski R.V. 1999.** Enviromental reasons of migrations of the South-East Europe population in the 1st – 5th cc. A.D. // Archaeologia Polona. 37.
- Parczewski M. 1998.** U zrodel Słowianszczyzny // Słowianie w Europie wczesniejszego sredniowiecza. Warszawa.
- Prahistoria ziem Polskich. 1981.** V. Wrocław etc.
- Schmid W.-P. 1984.** Alteuropa und das Balticum. // Baltica, XX(1). Vilnius
- Szczukin M.B. 1981.** Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.
- Zavadzka B. 1964.** Cmentarzysko grobów kloszowych w Warszawie-Henrikowie // Materiały Starożytne. X. Warszawa.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ – Вопросы языкознания. М.

ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР /РАН

КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ИЛЛЮСТРАЦИИ

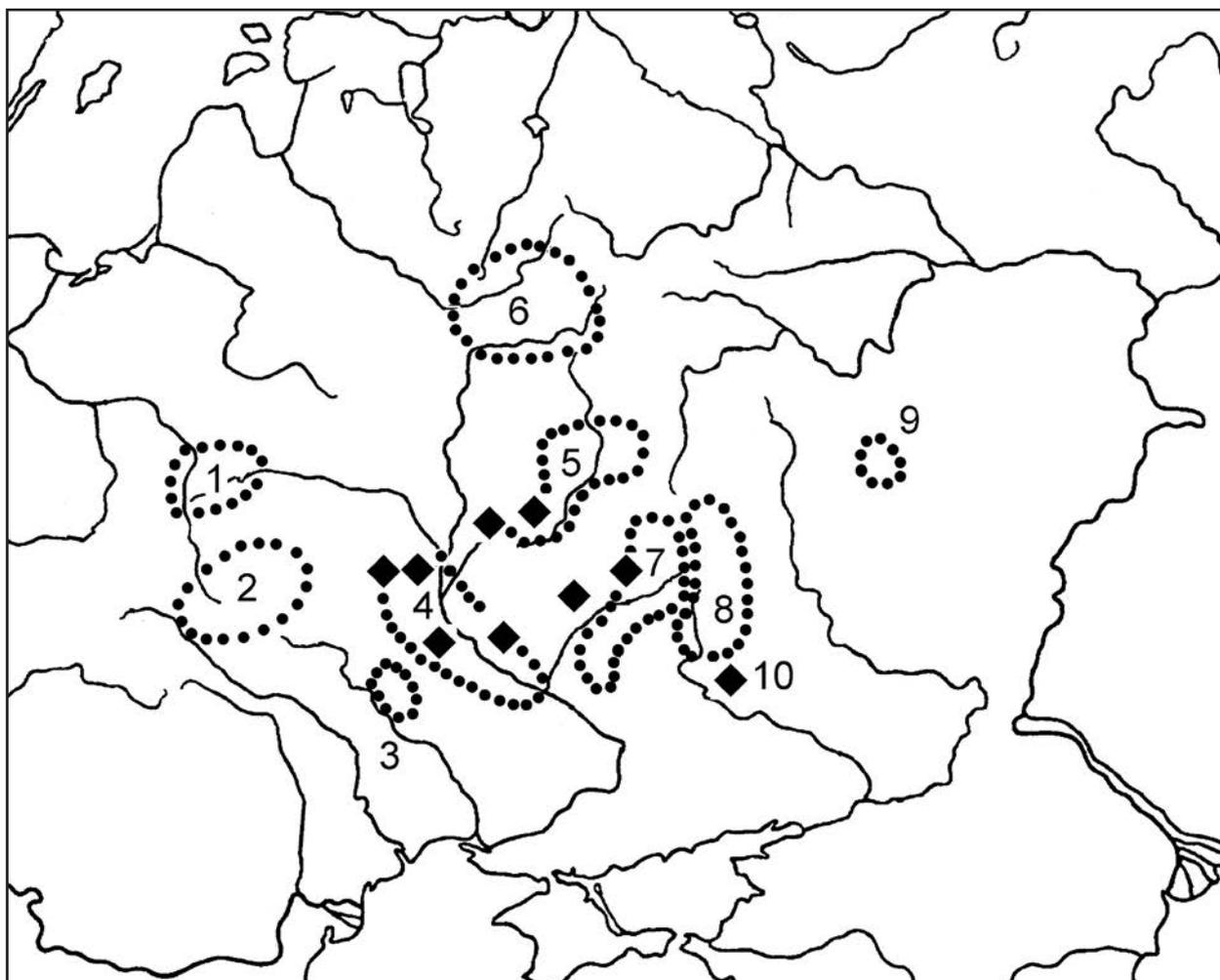


Рис. 1. Схема расположения основных ареалов позднезарубинецких памятников на территории Восточной Европы.

1 – памятники типа Гриневици Вельки-Куродово; 2 – зубрецкая культура (волыно-подольская группа); 3 – памятники типа Марьяновки; 4 – памятники типа Лютеж; 5 – памятники типа Почеп; 6 – памятники типа среднего слоя Тушемли; 7 – памятники типа Картамышево-2; 8 – памятники типа Терновки-2; 9 – хоперская группа (памятники типа Шапкино); 10 – памятники типа Грини (черные ромбы).

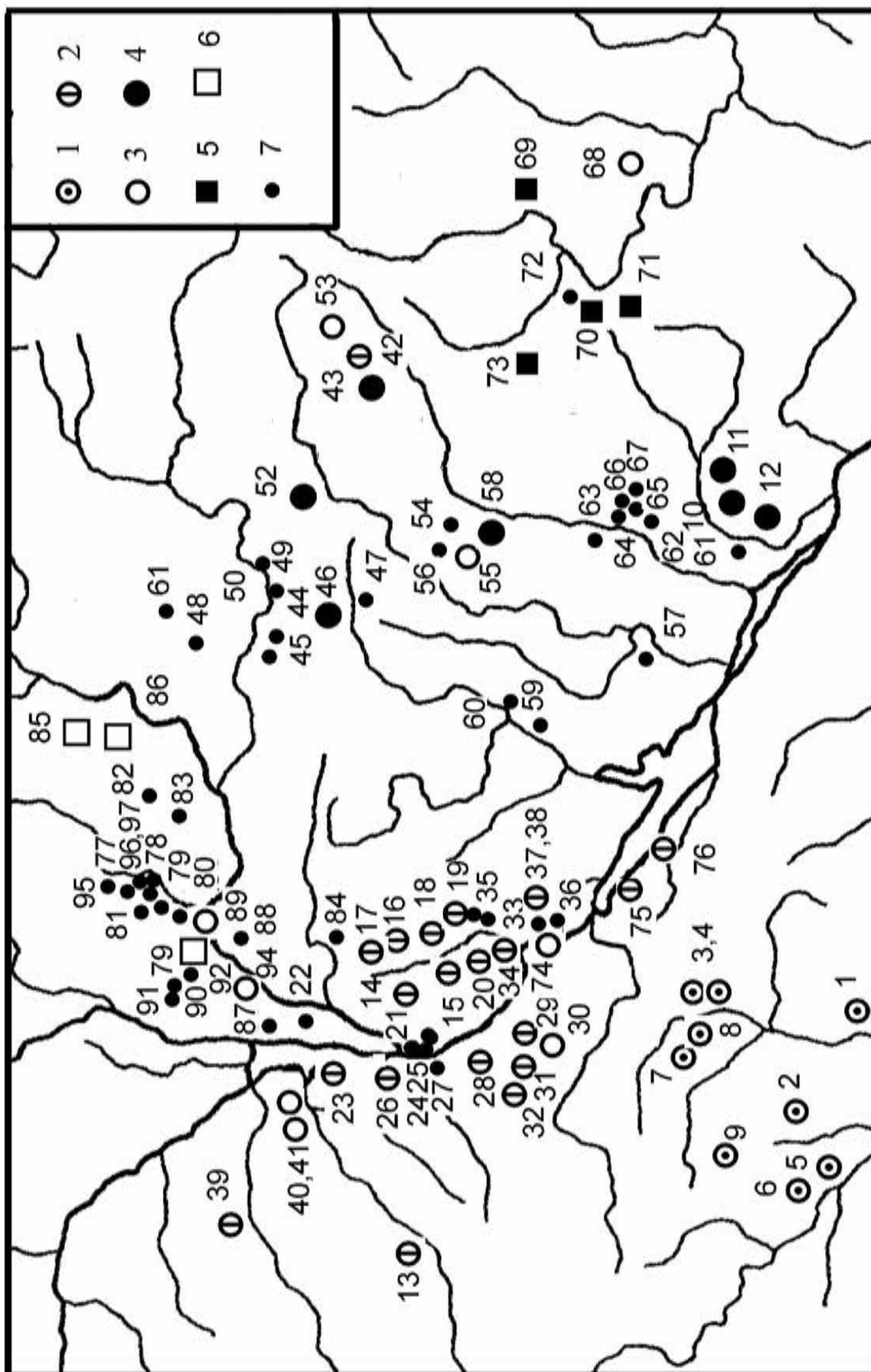


Рис. 2. Поздnezабричанские памятники на территории Украины (нумерация соответствует Приложению 1).

1 – типа Марьяновки; 2 – типа Лютеж; 3 – типа Грини; 4 – типа Картамышево-2; 5 – типа Терновки-2; 6 – типа Почеп; 7 – неопределимые.

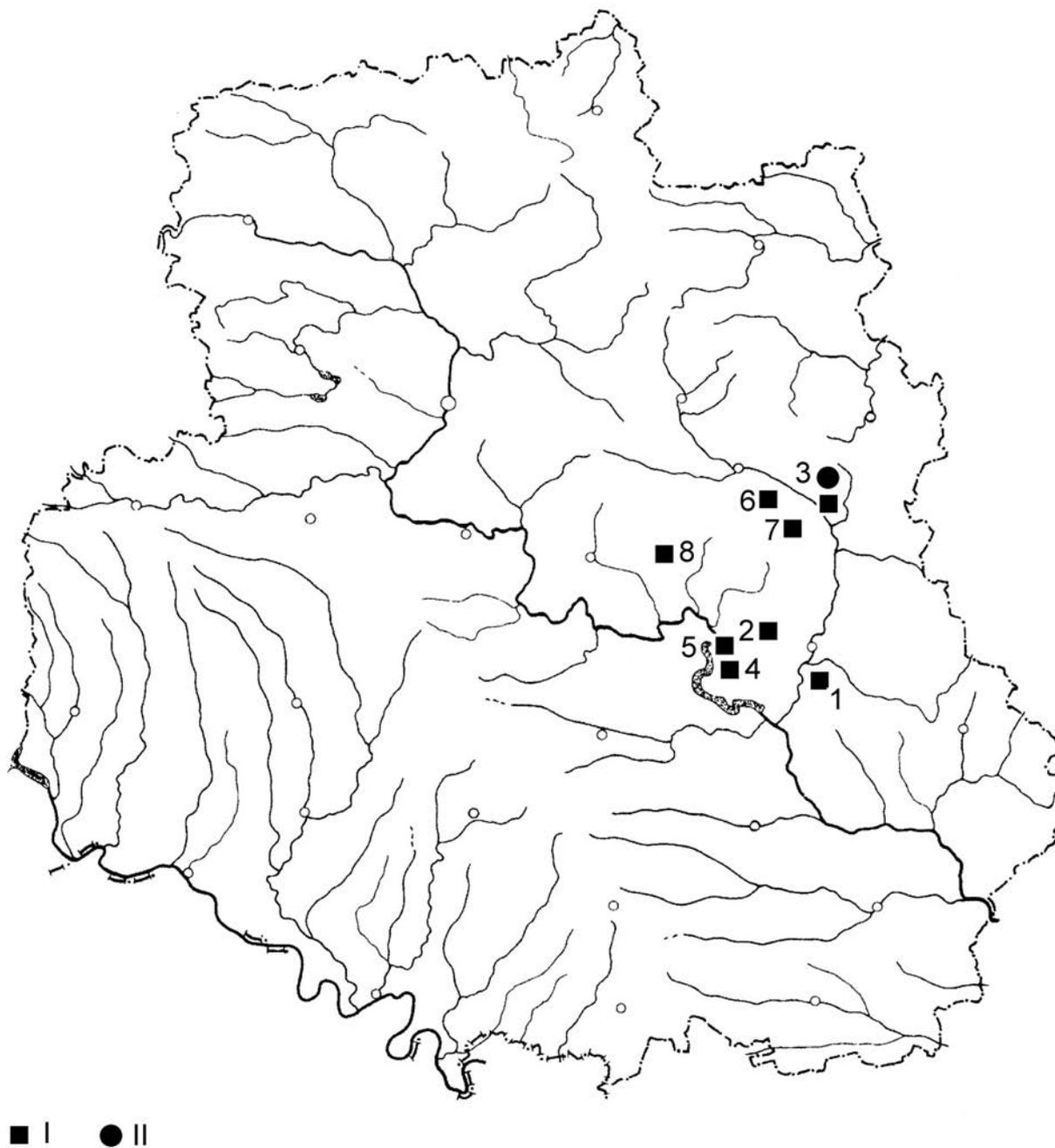


Рис. 3. Позднерубинецкие памятники бассейна Южного Буга (основа – карта Винницкой обл.).
I – поселение, II – могильник; 1 – Марьяновка; 2 – Носовцы; 3 – Рахны; 4 – Сокольцы; 5 – Шурильцы;
6 – Париевка; 7 – Пархомовка; 8 – Ометинцы.

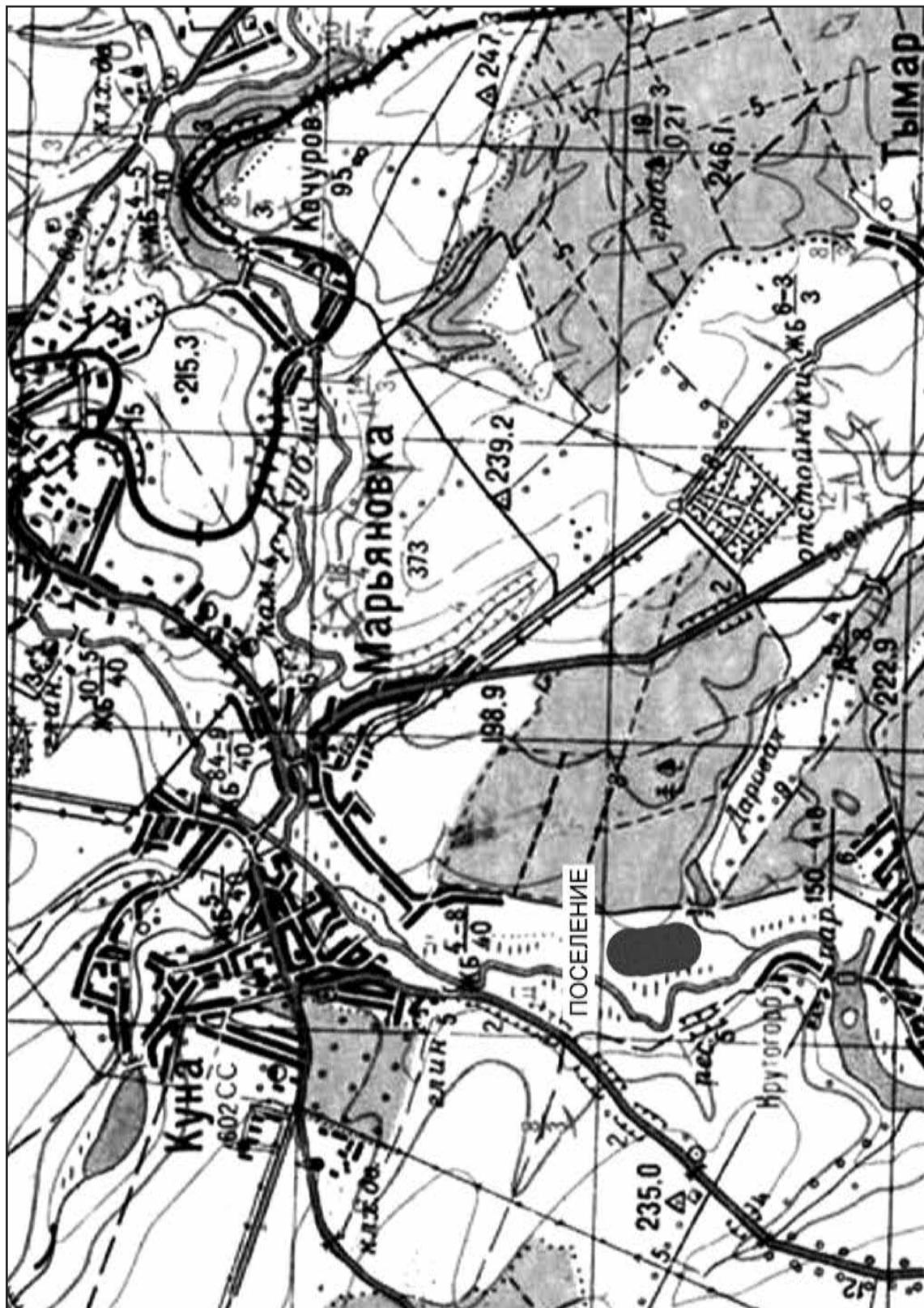


Рис. 4. Марьяновка, схема расположения поселения.

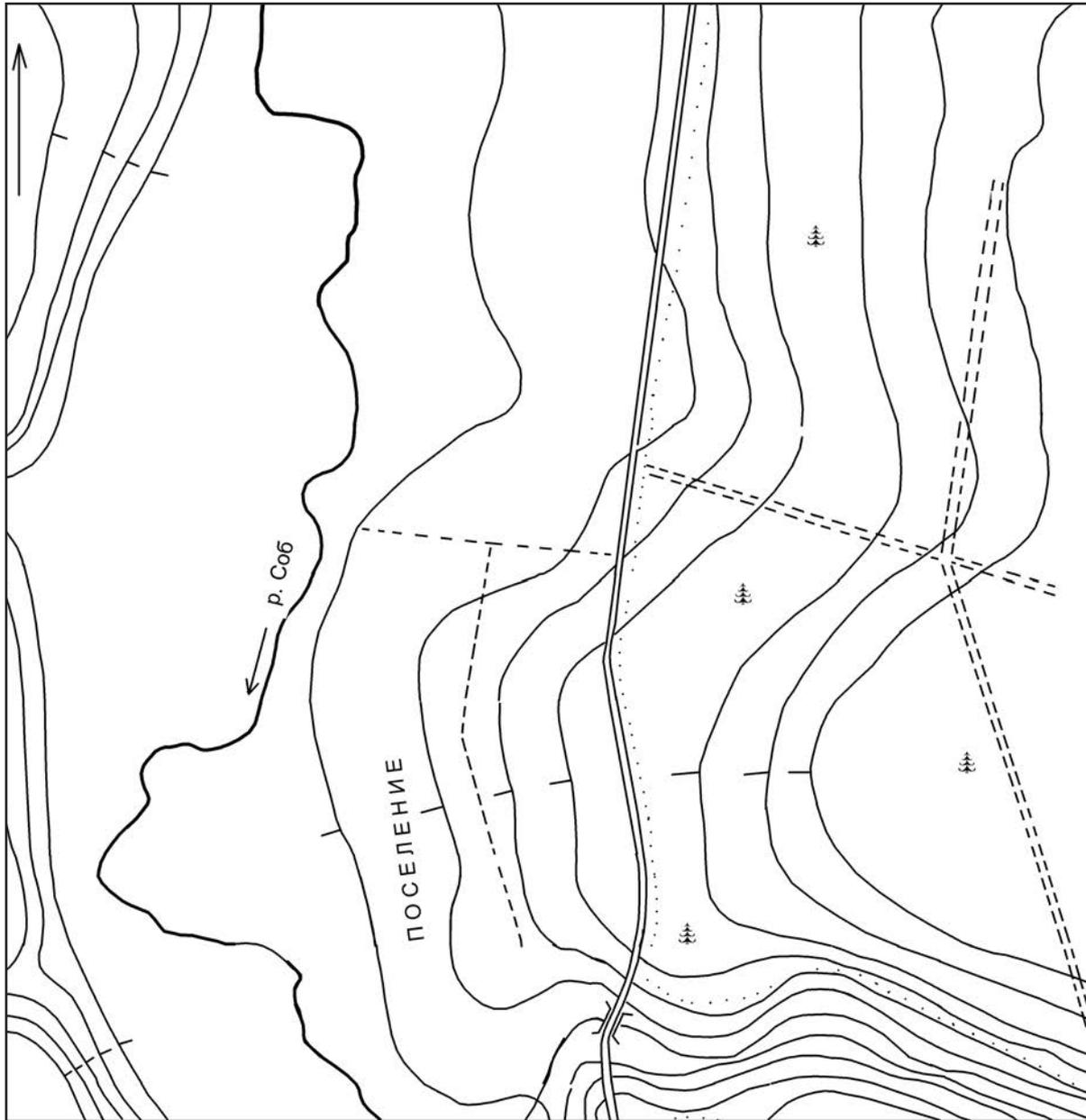


Рис. 5. Марьяновка, общий план памятника (рис. П.И. Хавлюка).

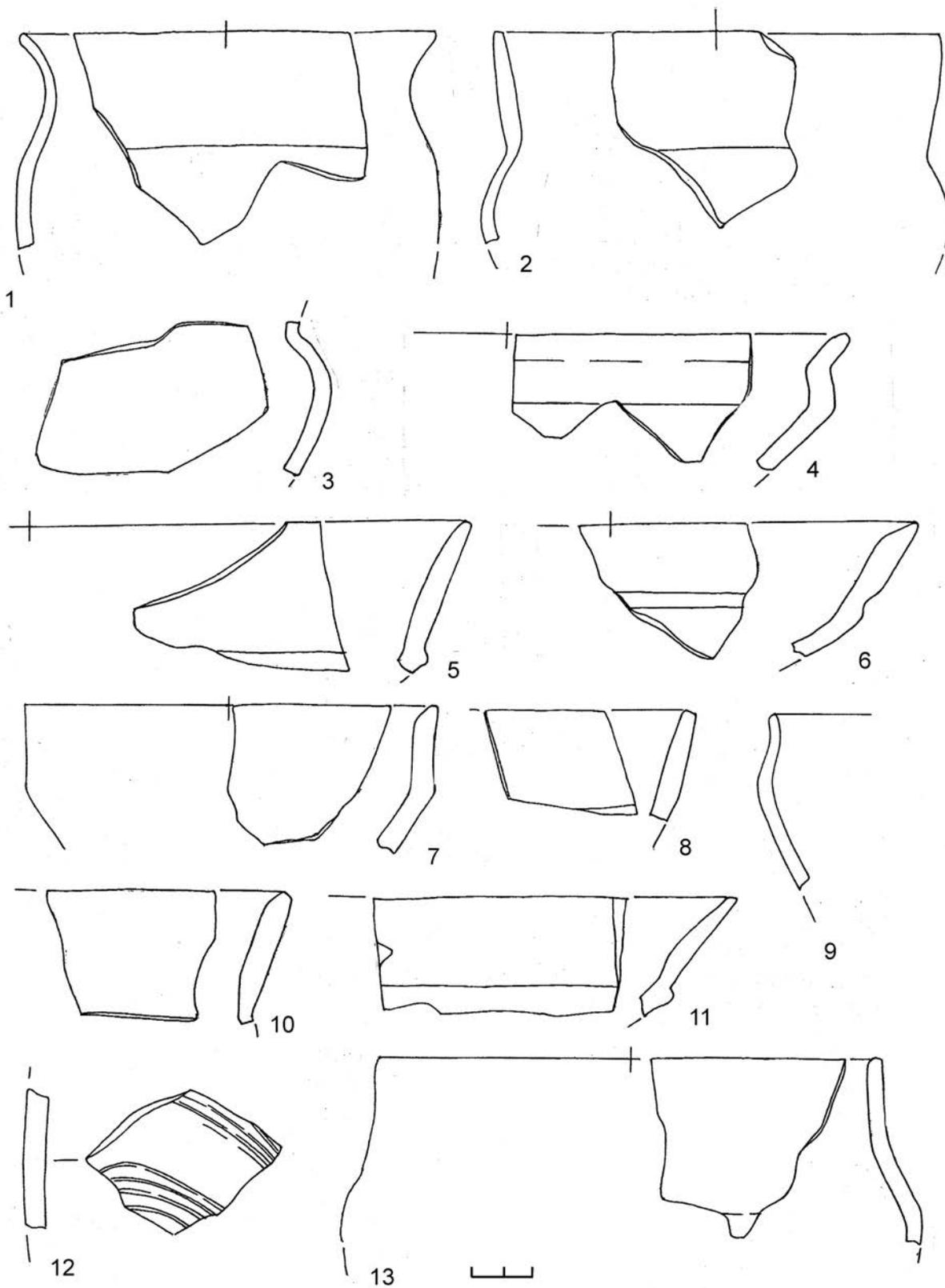


Рис. 6. Марьяновка. Жилища 1 (1-12), 4 (13). Лепная лошенная керамика
(рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова).

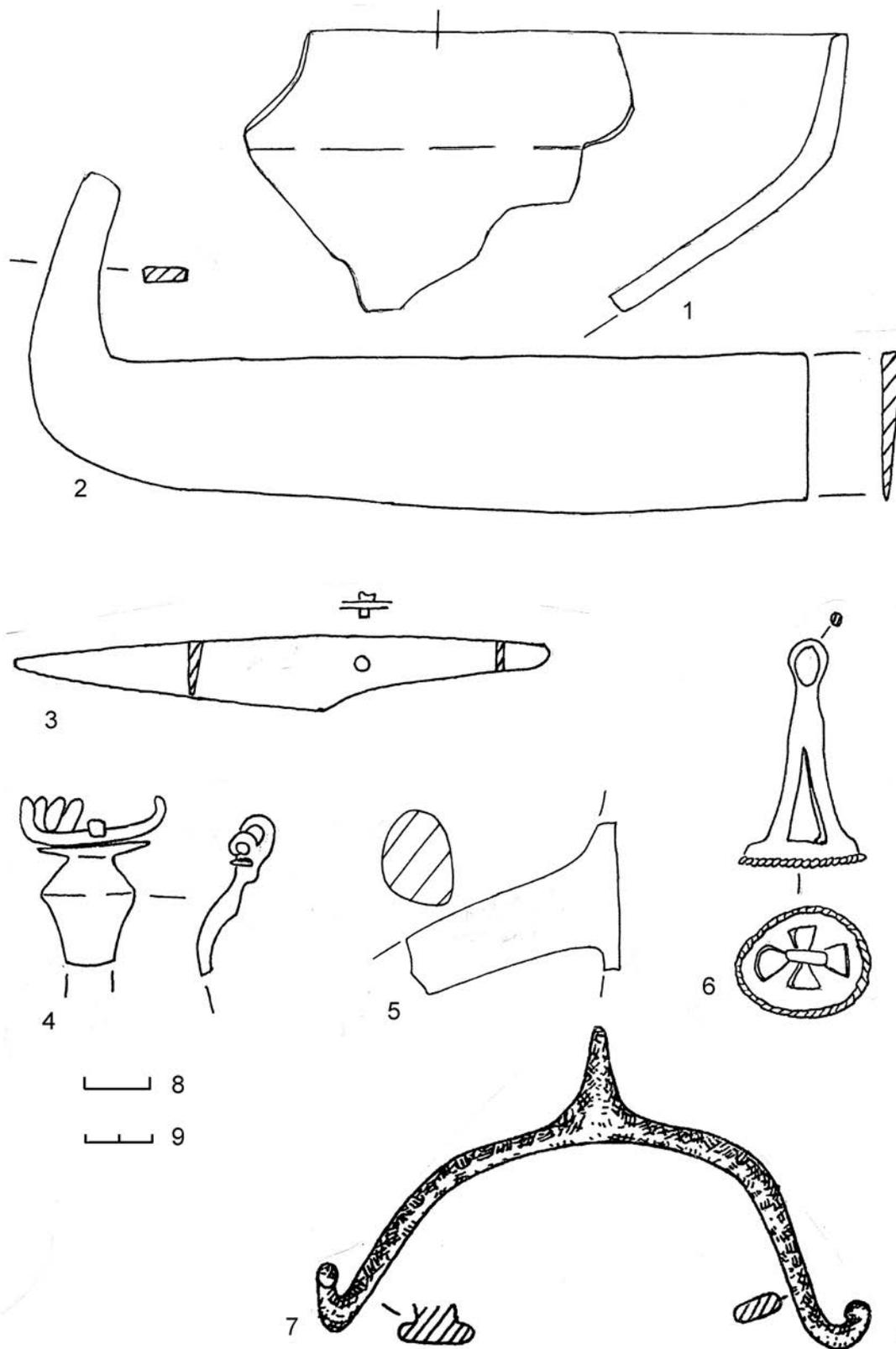


Рис. 7. Марьяновка. Жилища 1 (2-7), 3 (1). Материалы.

1 – фр-т лепной лощеной миски; 2,3,7 – изделия из железа; 4,6 – изделия из бронзы; 5 – фр-т ручки розовоглиняной амфоры. Масштабы к позициям: 8 – к 2-4,6,7; 9 – к 1,5 (рис.: 1 – Ю.Ю. Башкатова; 2-6 – А.М. Обломского; 7 – П.И. Хавлюка).

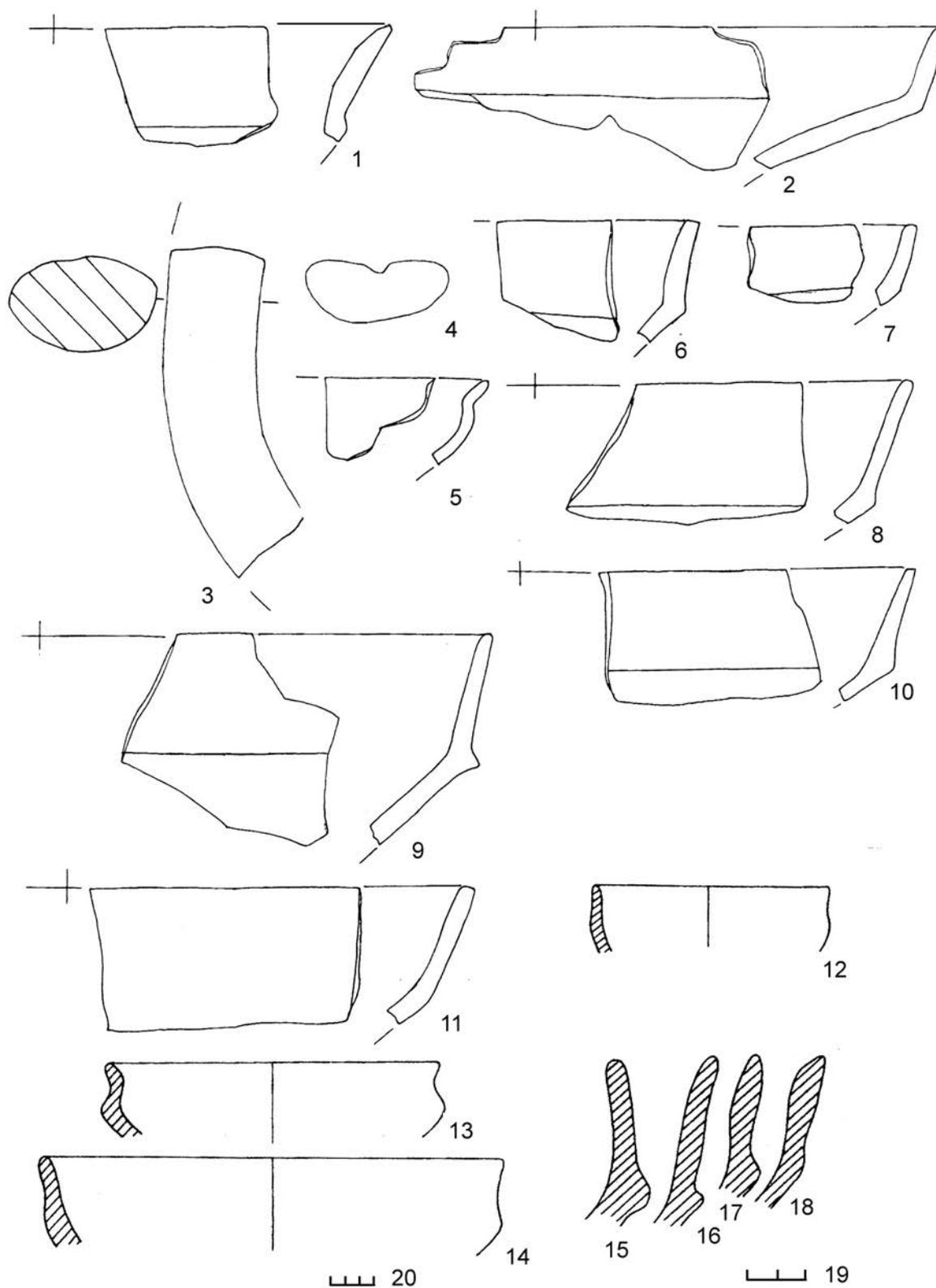


Рис. 8. Марьяновка, объекты, керамика.

1-4 – жилище 2; 5-11 – жилище 3; 12-14 – яма 4; 15-18 – яма 5; 1,2,5-18 – лепная лошенная керамика; 3 – фр-т красноглиняной амфоры; 4 – фр-т коричневоглиняной амфоры. Масштабы к позициям: 19 – 1-11,15-18; 20 – 12-14 (рис.: 1,2,5-11 – Ю.Ю. Башкатова; 3,4 – А.М. Обломского; 12-18 – П.И. Хавлюка).

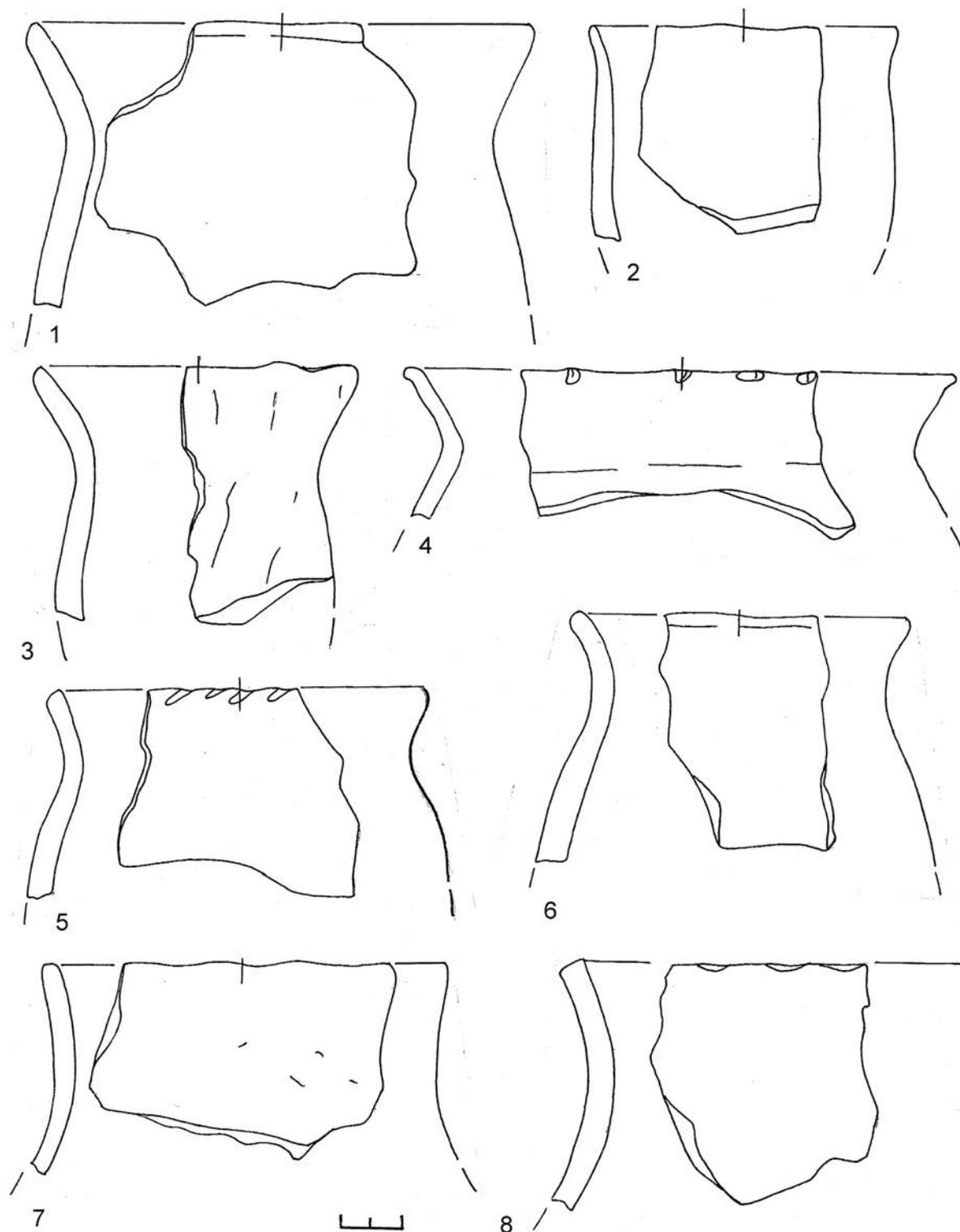


Рис. 9. Марьяновка, раскопки 1966 г. Груболопная керамика, точные условия находки не известны. Примеси в керамическом тесте: 1-4,6,7 – шамота; 5,8 – дресвы (рис. А.М. Обломского).

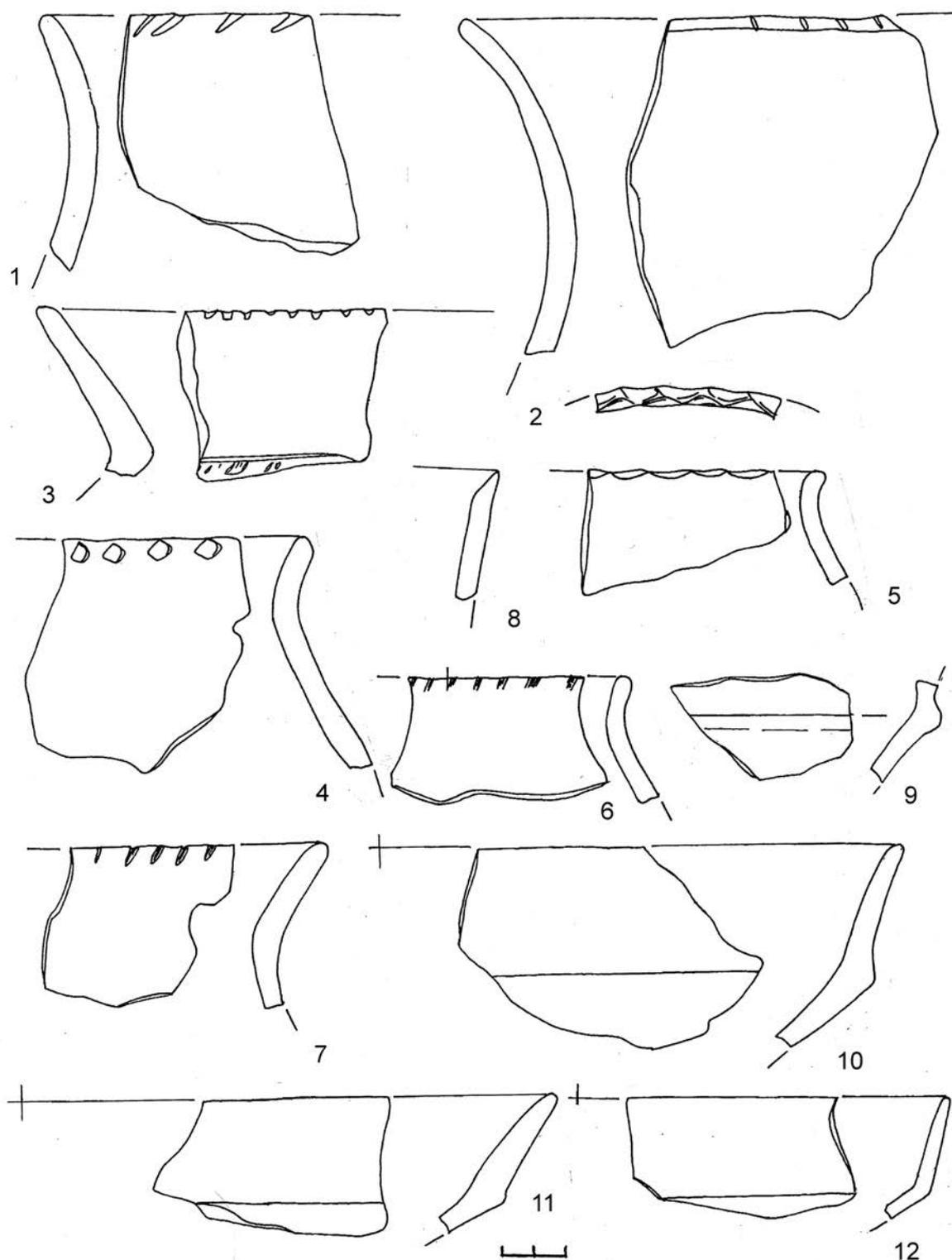


Рис. 10. Марьяновка, раскопки 1966 г. Лепная керамика, точное местонахождение которой не известно.

1-7 — груболепная керамика (примеси в керамическом тесте: 1,6,7 — дресва; 2,4 — шамот и дресва; 3 — шамот; 5 — дресва и блестки); 8-12 — лепная лощеная керамика (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова)

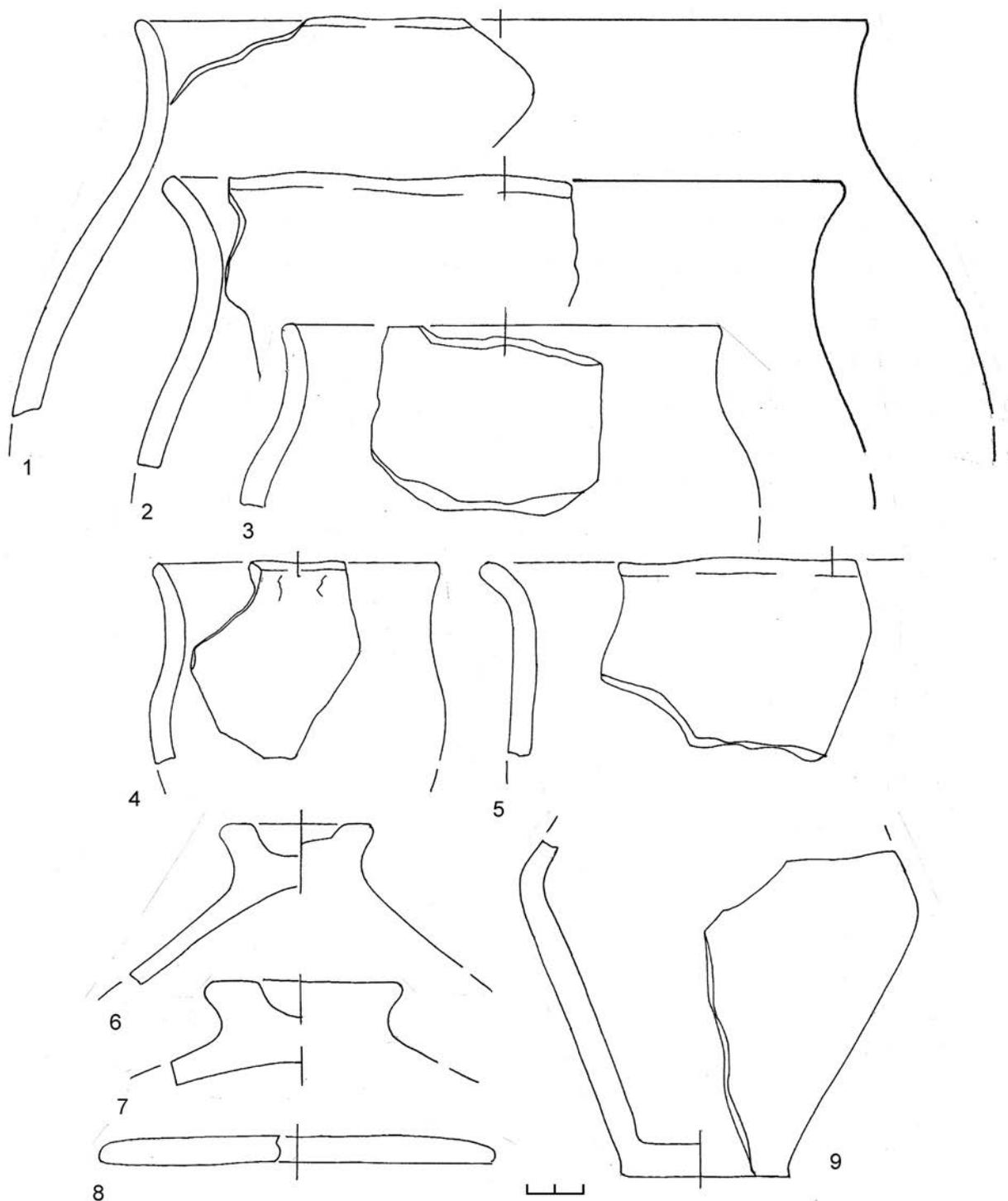


Рис. 11. Марьяновка, раскопки 1967 г. Груболопная керамика, точное местонахождение которой не известно.
Примеси в керамическом тесте: 1-6,8,9 – шамот; 7 – шамот и дресва (рис. А.М. Обломского).

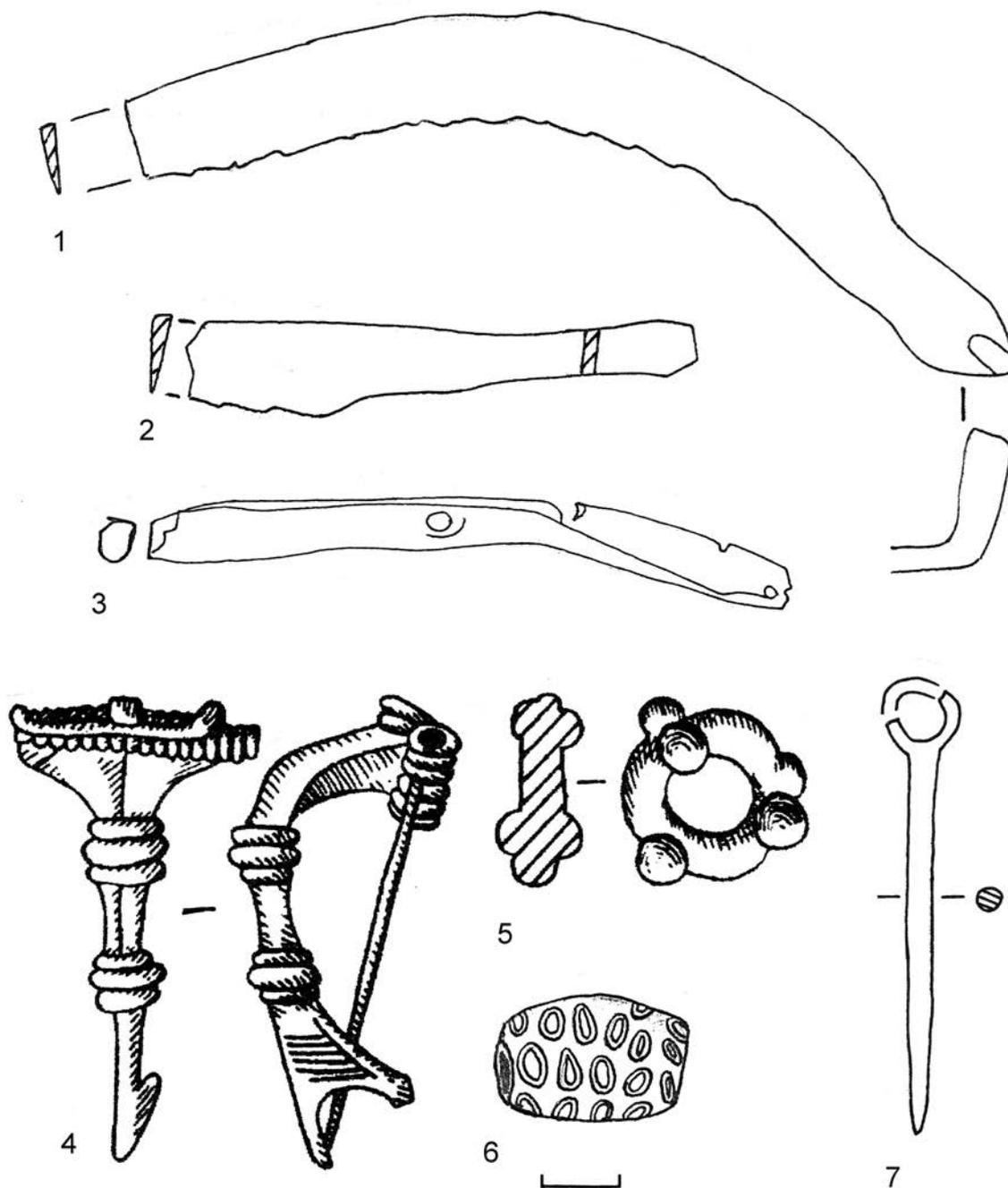


Рис. 12. Марьяновка, вещи из культурного слоя раскопа 1967 г. (4), а также те, точное местонахождение которых не известно (1-3,5-7).
1,2 – железо; 3-5,7 – бронза; 6 – стекло (рис.: 1-3,7 – А.М. Обломского; 4-6 – П.И. Хавлюка).

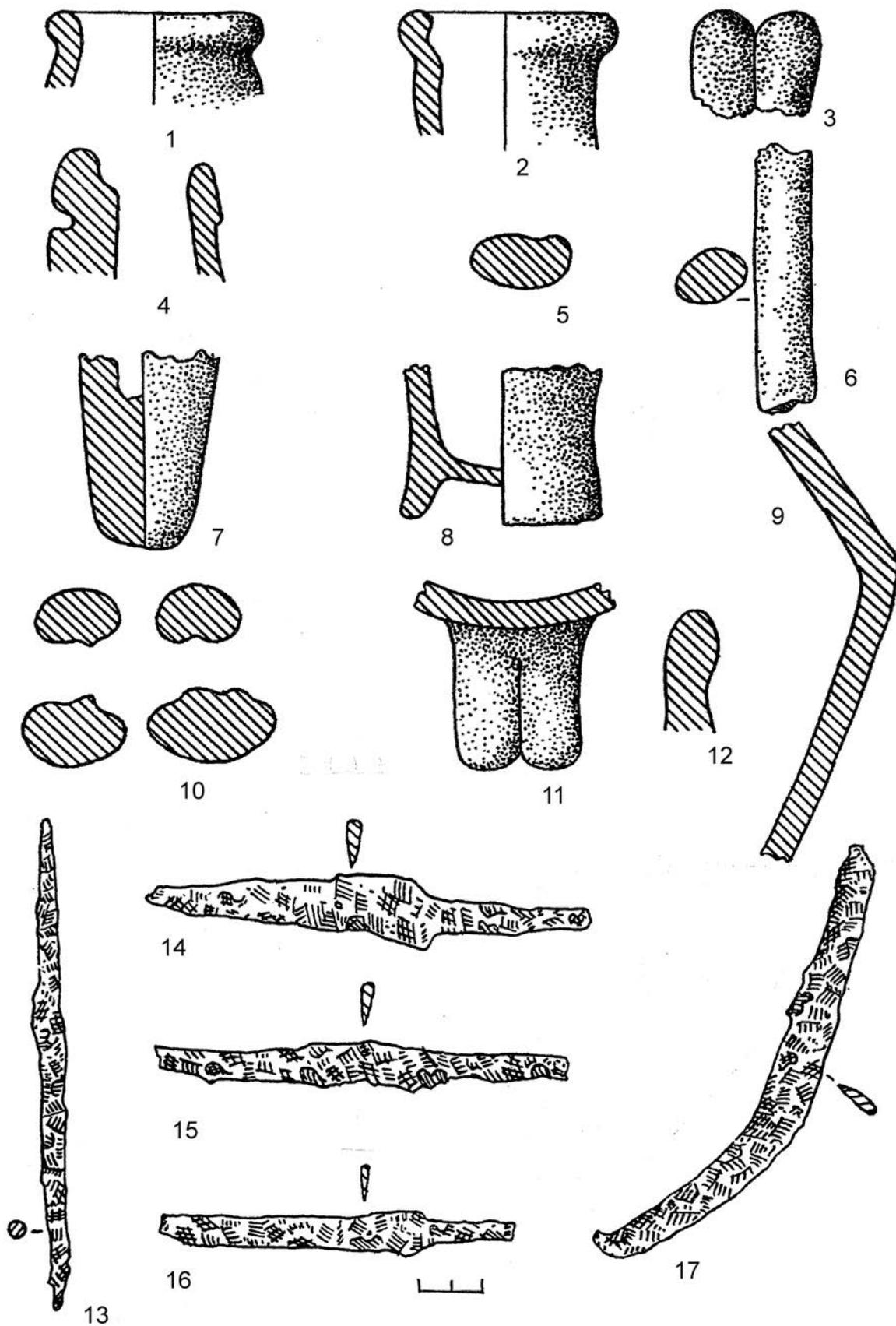


Рис. 13. Марьяновка, материалы, точное местонахождение которых не известно (рис. П.И. Хавлюка).
1-12 — фр-ты амфор; 13-17 — изделия из железа.

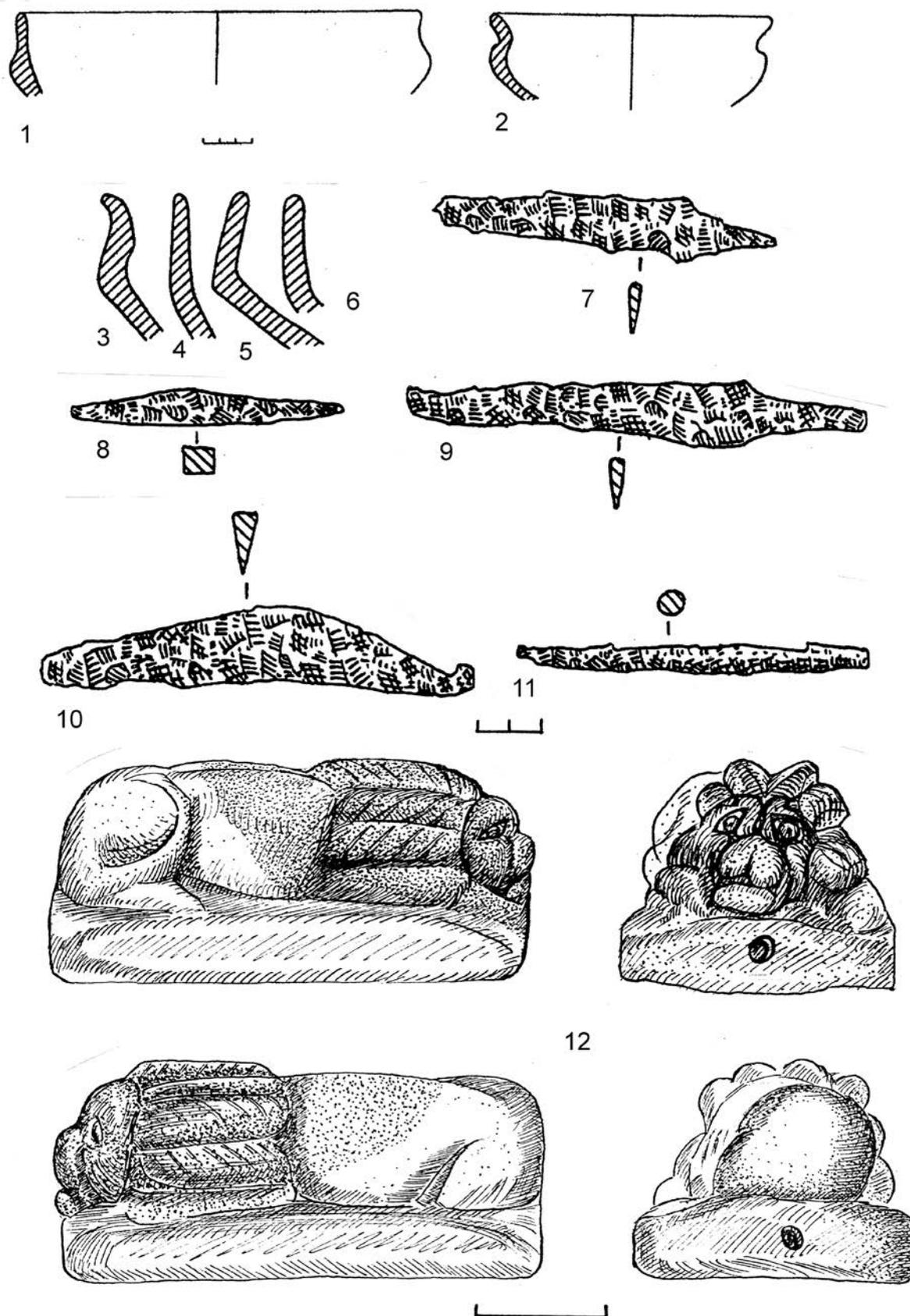
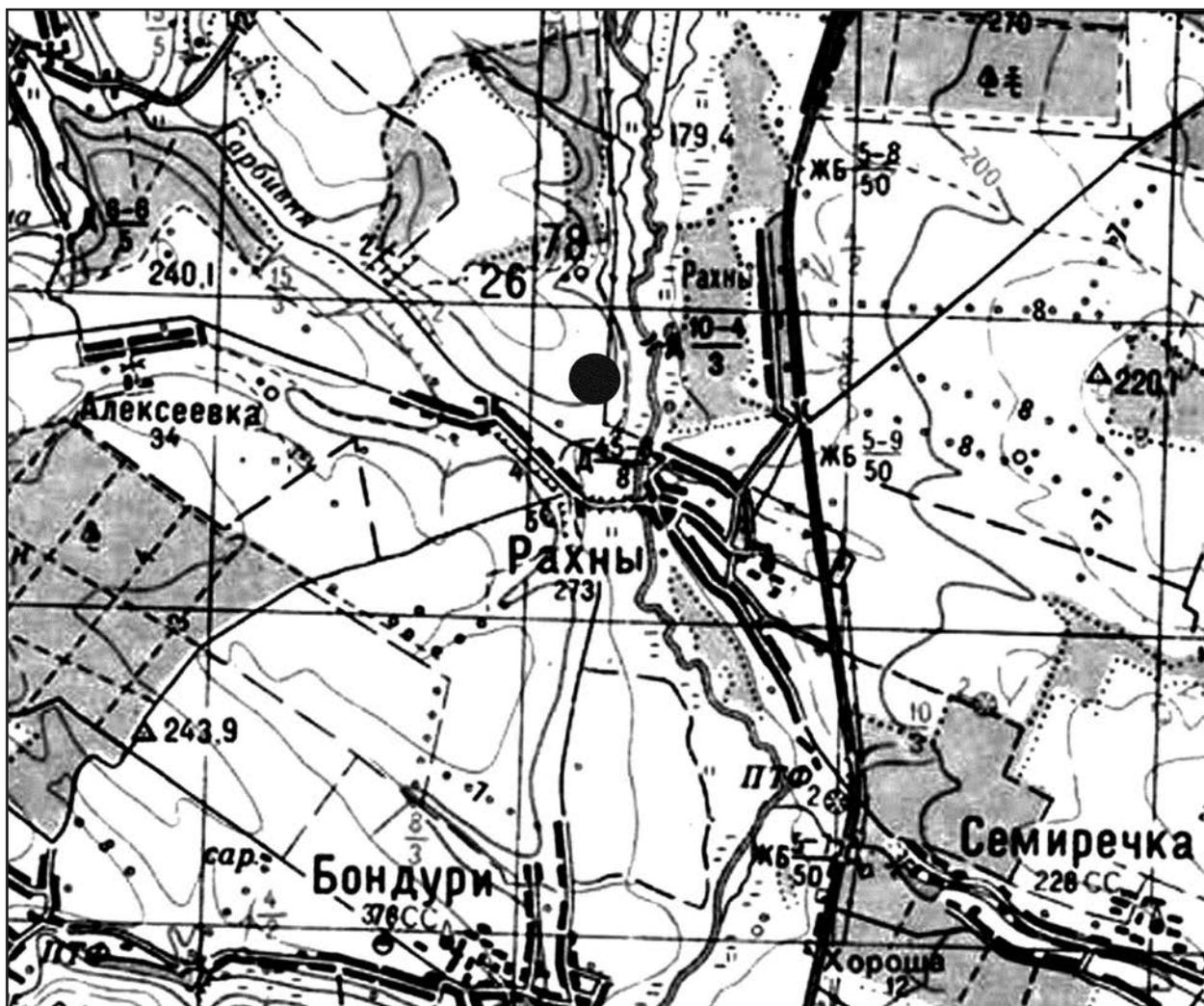


Рис. 14. Носовцы, материалы (рис. П.И. Хавлюка).

1-6 - лепная лощеная керамика; 7-11 — изделия из железа; 12 — плакетка-пронизь из египетского фаянса.



0 1 км

Рис. 15. Рахны. План расположения поселения и могильника.

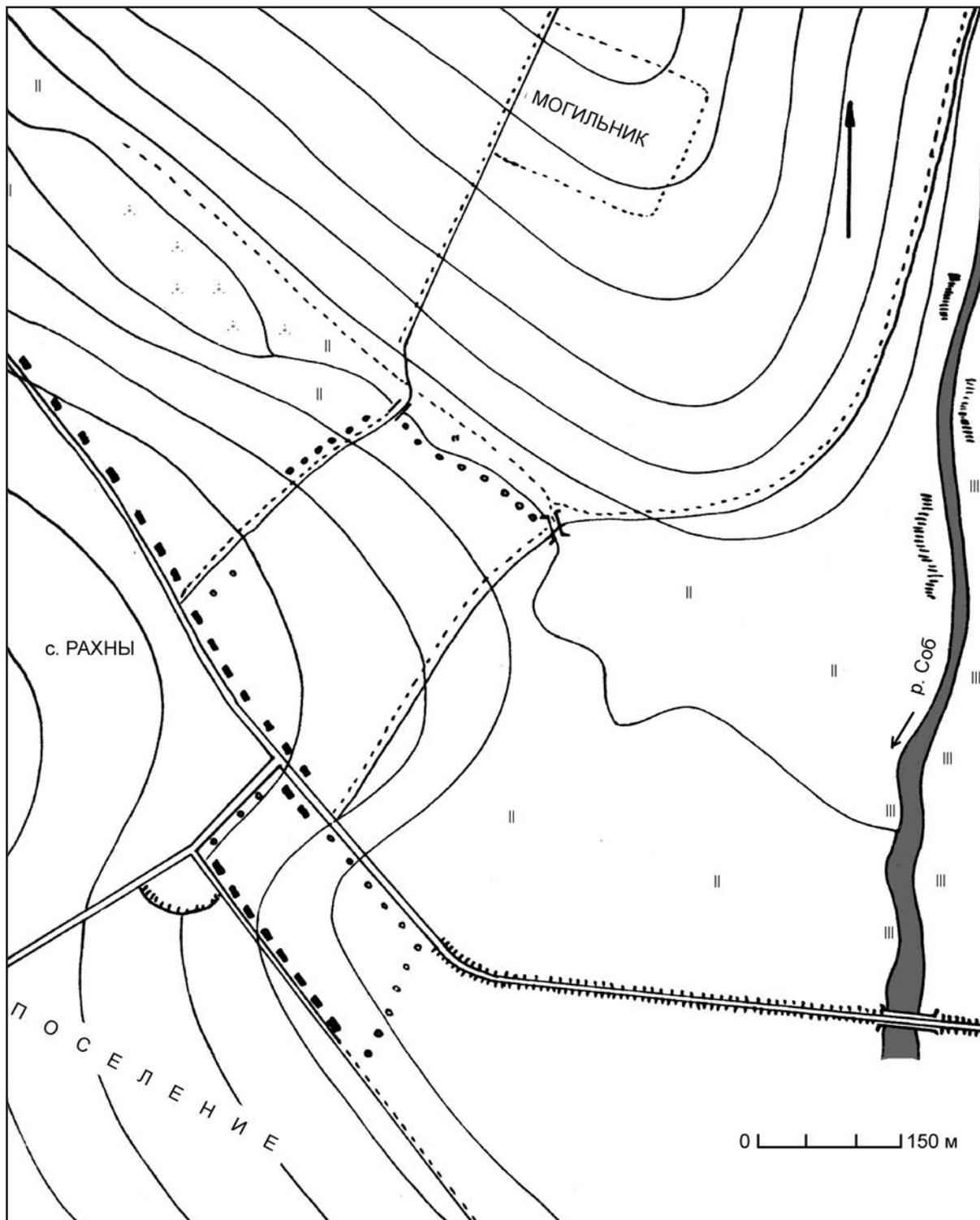


Рис. 16. Рахны, общий план поселения и могильника (рис. П.И. Хавлюка).

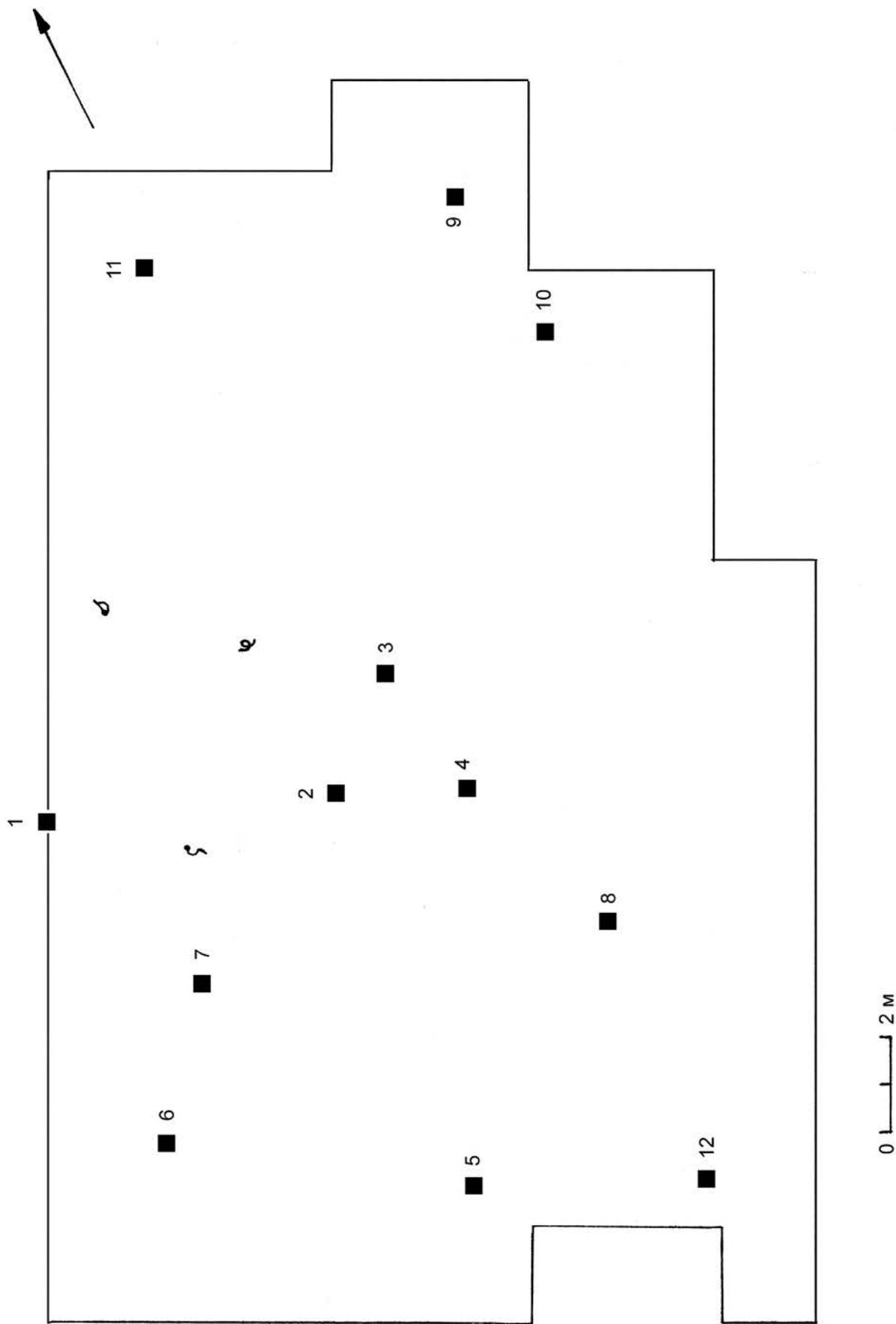


Рис. 17. Рахны. Схематический план раскопа на могильнике (по П. И. Хавлюку)

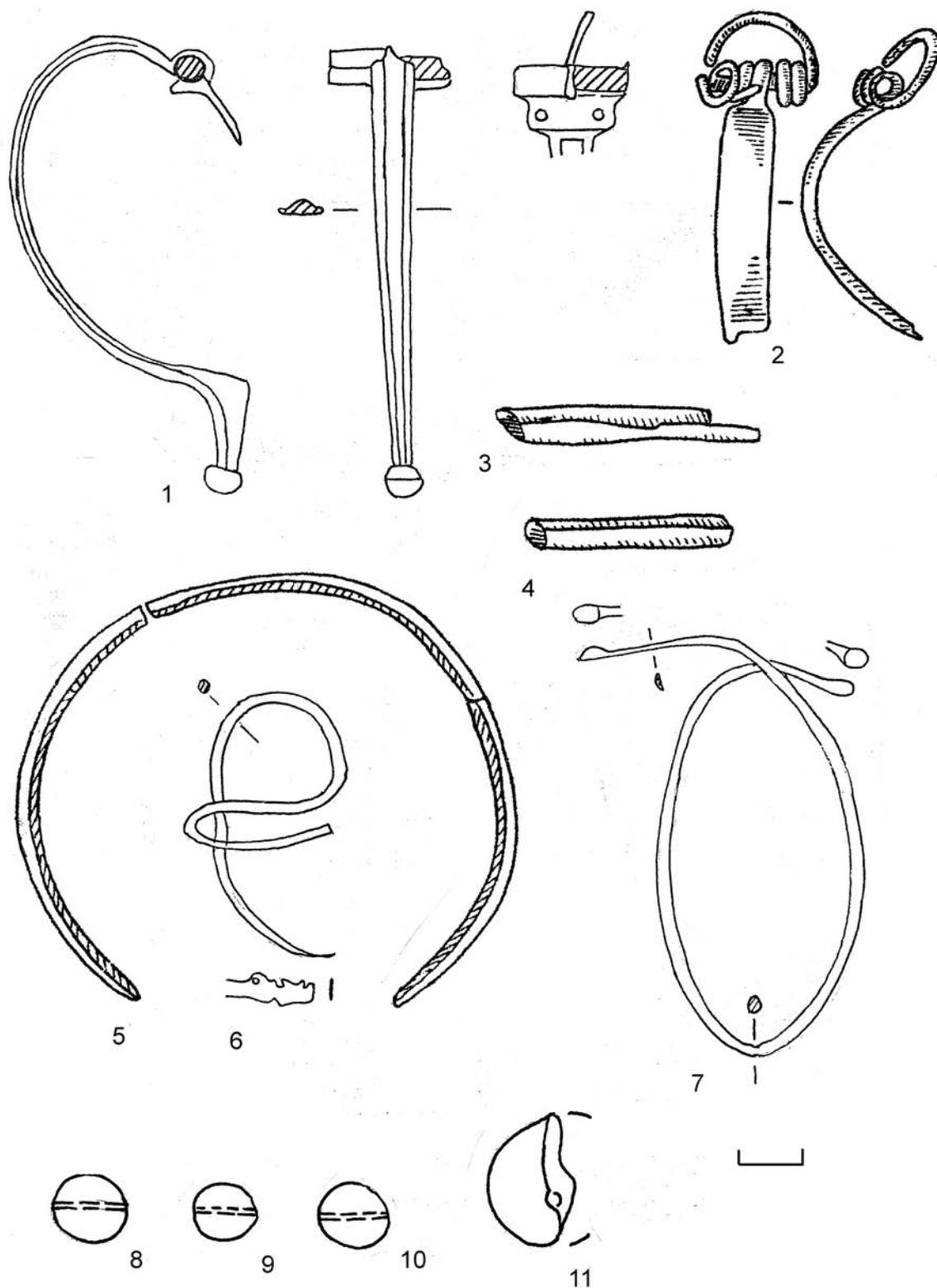


Рис. 18. Рахны, могильник, материалы
 1,2,6,7 – пахотный слой; 8-11 – место находки не установлено; 1-7 – бронза; 8-11 – обожженный
 сердолик (1,6-11 – рис. А.М. Обломского; 3-5 – рис. П.И. Хавлюка).

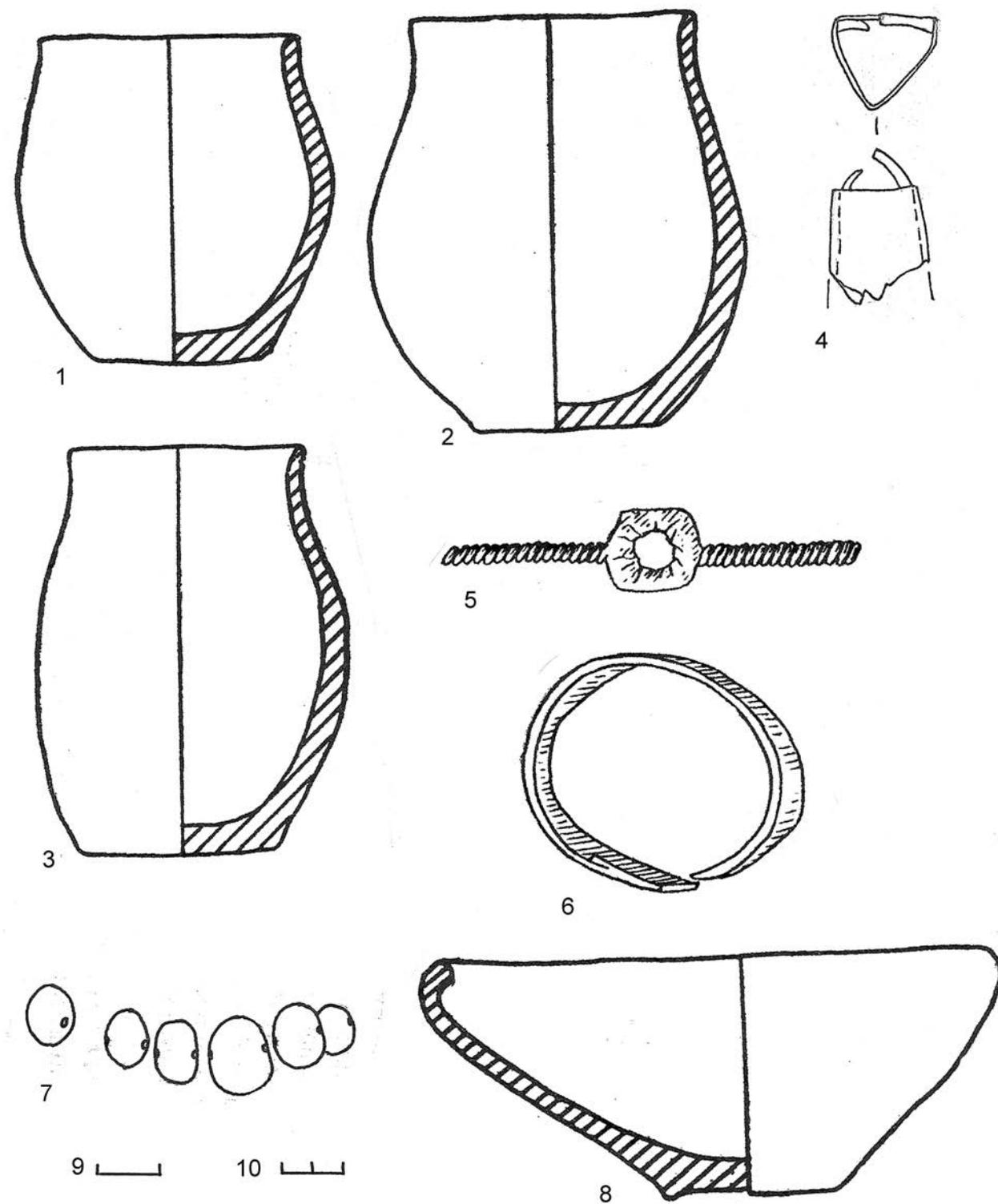


Рис. 19. Рахны, могильник, материалы.

1-7 – погр. 2; 8 – погр. 3; 1-3 – лепные горшки; 4-6 – изделия из железа; 7 – бусы из обожженного сердолика; 8 – сероглиняная гончарная миска (рис.: 1-3,5,6,8 – П.И. Хавлюка; 4,7 – А.М. Обломского). Масштабы к позициям: 9 – 4-7; 10 – 1-3,8.

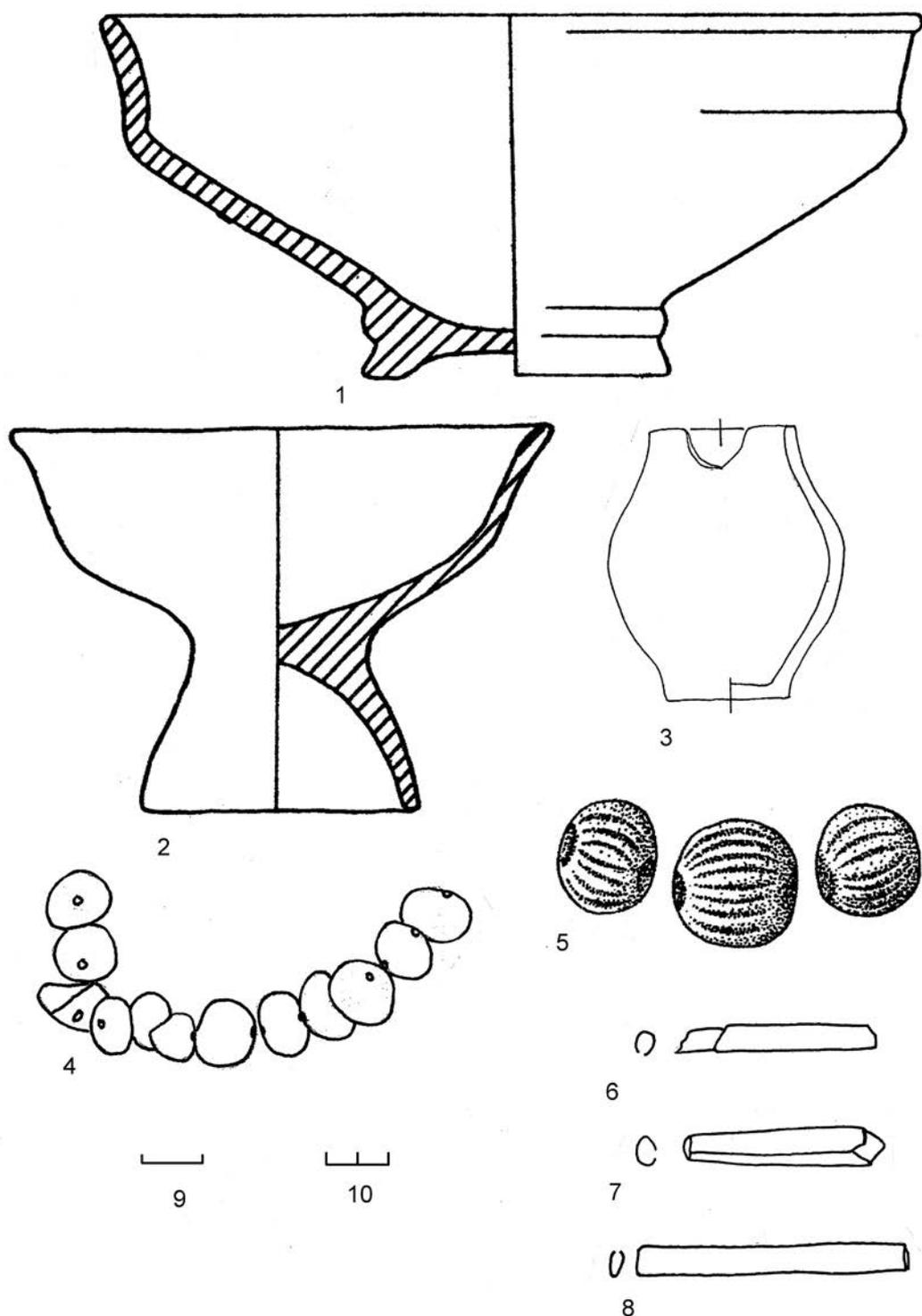


Рис. 20. Рахны, могильник, погребение 4.

1 – лепная миска с шероховатой поверхностью; 2,3 – лепные лощенные сосуды; 4 – бусы из обожженного сердолика; 5 – бусы из египетского фаянса (?) 6-8 – бронзовые пронизи; (рис.: 1,2,5 – П.И. Хавлюка; 3,4,6-8 – А.М. Обломского). Масштабы к позициям: 9 – 4-8; 10 – 1-3.

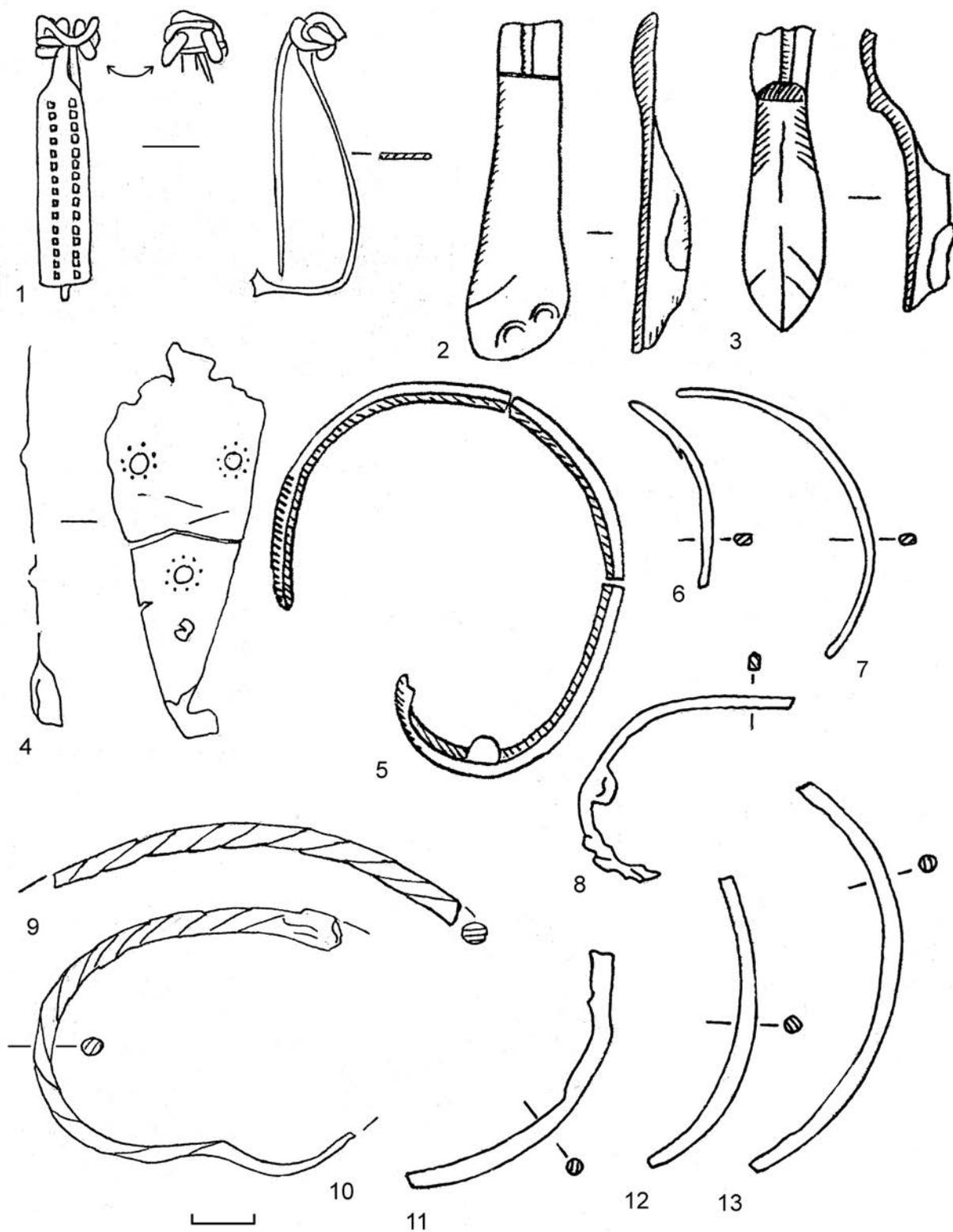


Рис. 21. Рахны, могильник, погребение 4. Изделия из бронзы (1,4,6-13 – рис. А.М. Обломского; 2,3,5 – П.И. Хавлюка).

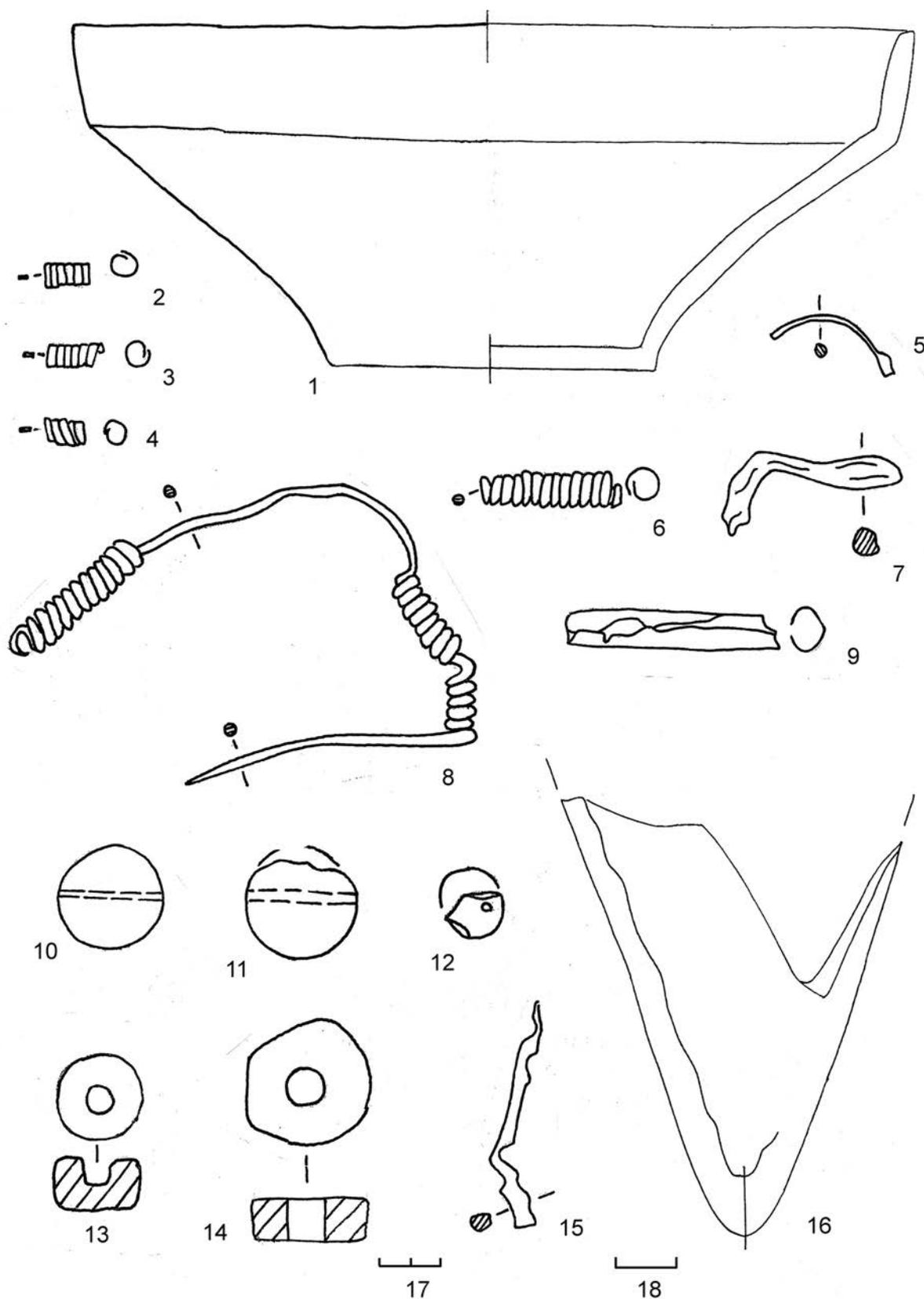


Рис. 22. Рахны, могильник, материалы.

1-15 – погр. 5; 16 – погр. 6; 1 – лепная чернолощенная миска; 2-9,15 – изделия из бронзы; 10-12 – сердоликовые обожженные бусы; 13 – изделие из глины; 14 – пряслице из черепка сосуда; 16 – нижняя часть красноглиняной амфоры (рис. А.М. Обломского).

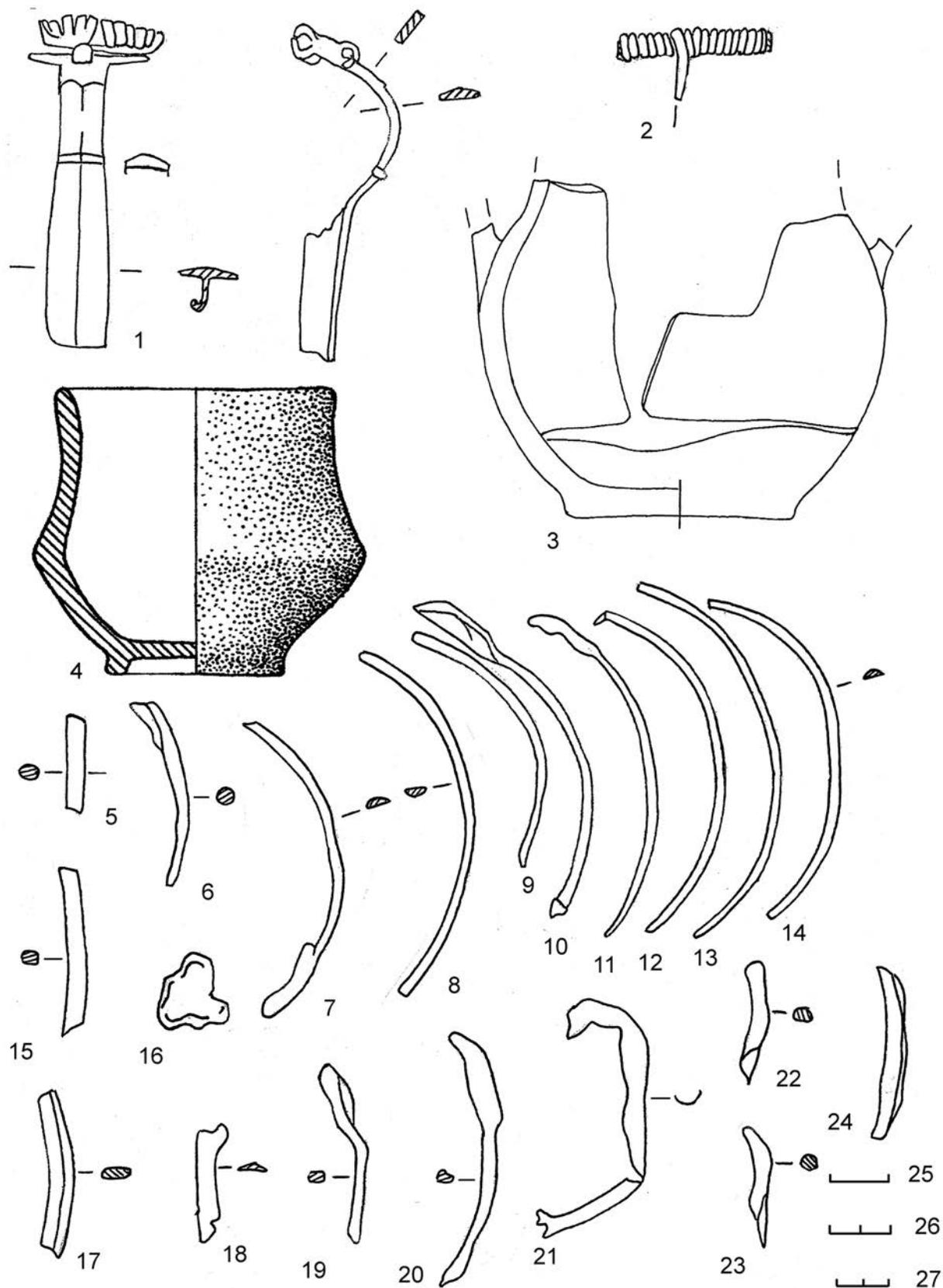


Рис. 23. Рахны, могильник, материалы.

1-2 – погр. 7; 3-24 – погр. 8; 1,5-24 – изделия из бронзы; 2 – бронзовые игла и пружина фибулы, намотанные на железный стержень; 3 – лепной чернолощенный сосуд; 4 – сероглиняный гончарный сосуд (рис.: 4 – П.И. Хавлюка, остальные – А.М. Обломского). Масштабы к позициям: 25 – 1,2,5-24; 26 – 3; 27 – 4.

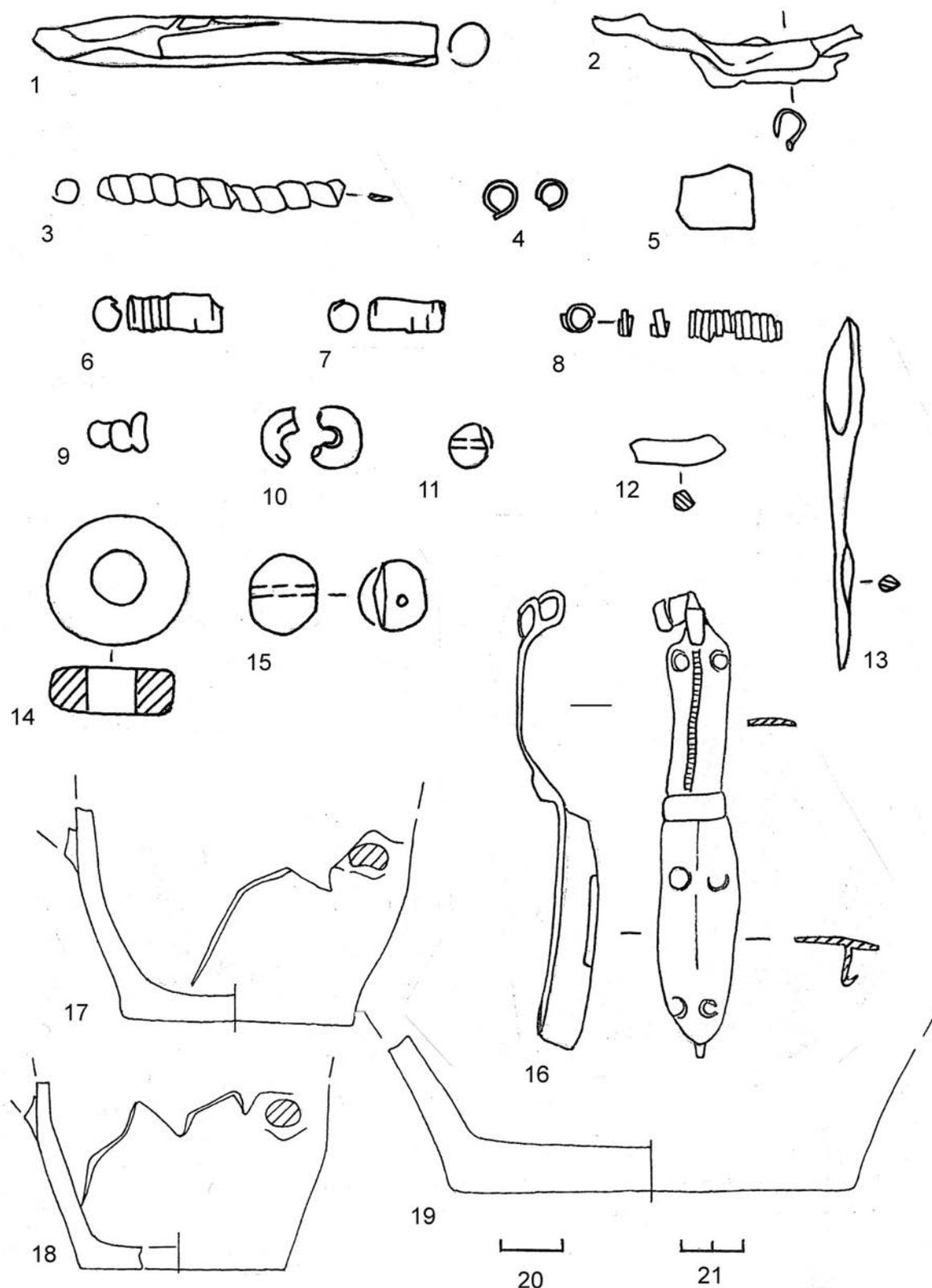


Рис. 24. Рахны, могильник, материалы.

1-13 – погр. 8; 14,17 – погр. 9Б; 15,16,19 – погр. 9А; 18 – погр. 9В; 1-8,16 – изделия из бронзы; 9,10 – остатки стеклянных бусин; 11,15 – бусины из обожженного сердолика; 12,13 – изделия из железа; 14 – фр-т пряслица из черепка сосуда; 17 – нижняя часть лепного подлощенного сосуда; 18 – нижняя часть лепного чернолощенного сосуда; 19 – днище груболепного сосуда с шамотом в тесте (рис. А.М. Обломского). Масштабы к позициям: 20 – 1-16; 21 – 17-19.

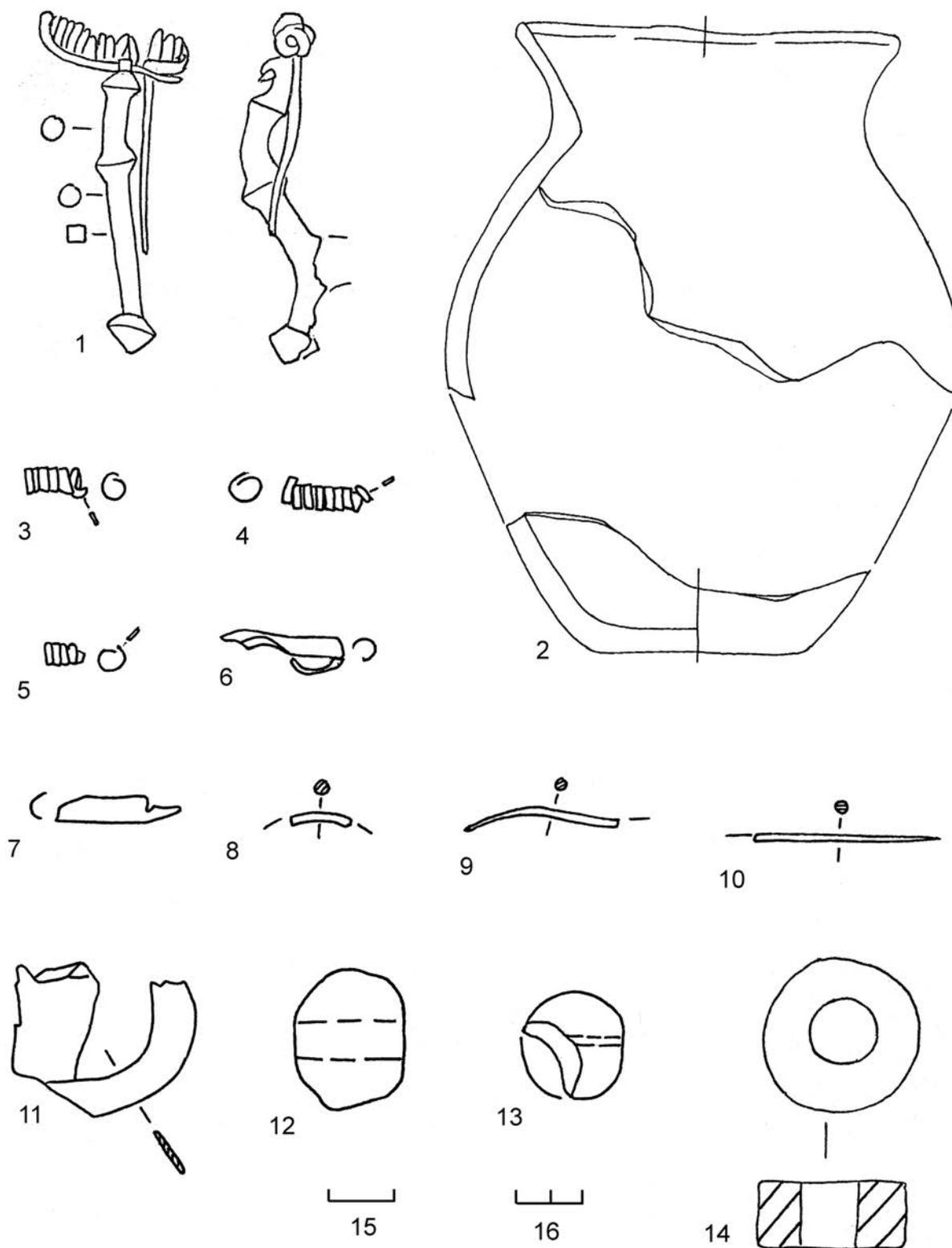


Рис. 25. Рахны, могильник, материалы.

1 — погр. 9В; 2 — погр. 9Г; 3-13 — погр. 9 в целом; 14 — погр. 11; 1,3-10 — изделия из бронзы; 2 — груболепной горшок с дрсевой в тесте; 11 — железная пластина; 12,13 — сердоликовые обожженные бусы; 14 — пряслице из черепка гончарного сероглиняного сосуда (рис. А.М. Обломского). Масштабы к позициям: 15 — 1,3-14; 16 — 2.

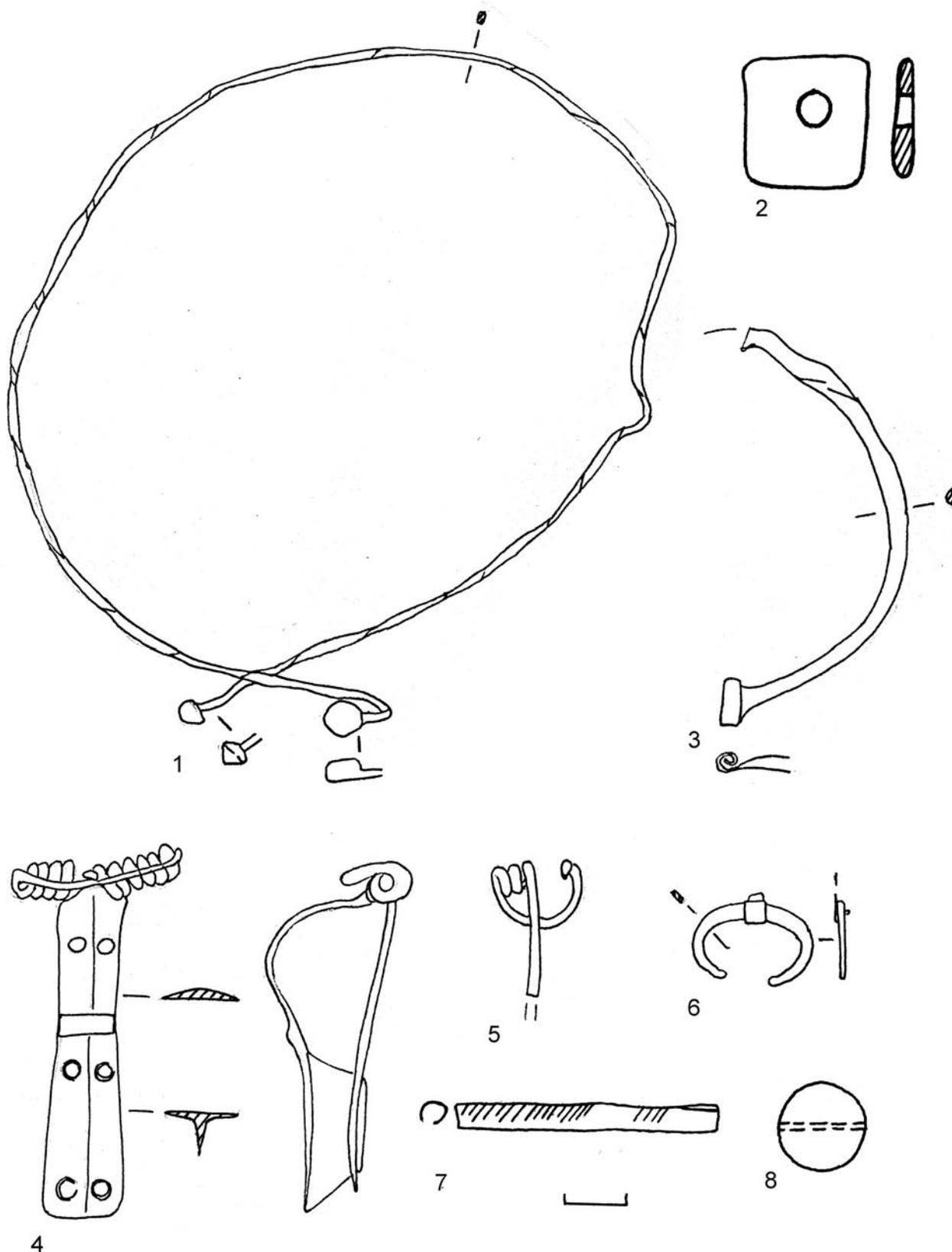


Рис. 26. Рахны, могильник, материалы.

1,2,4 – погр. 10; 3,5-8 – погр. 12; 1-7 – изделия из бронзы; 8 – обожженная сердоликовая бусина (рис. А.М. Обломского).

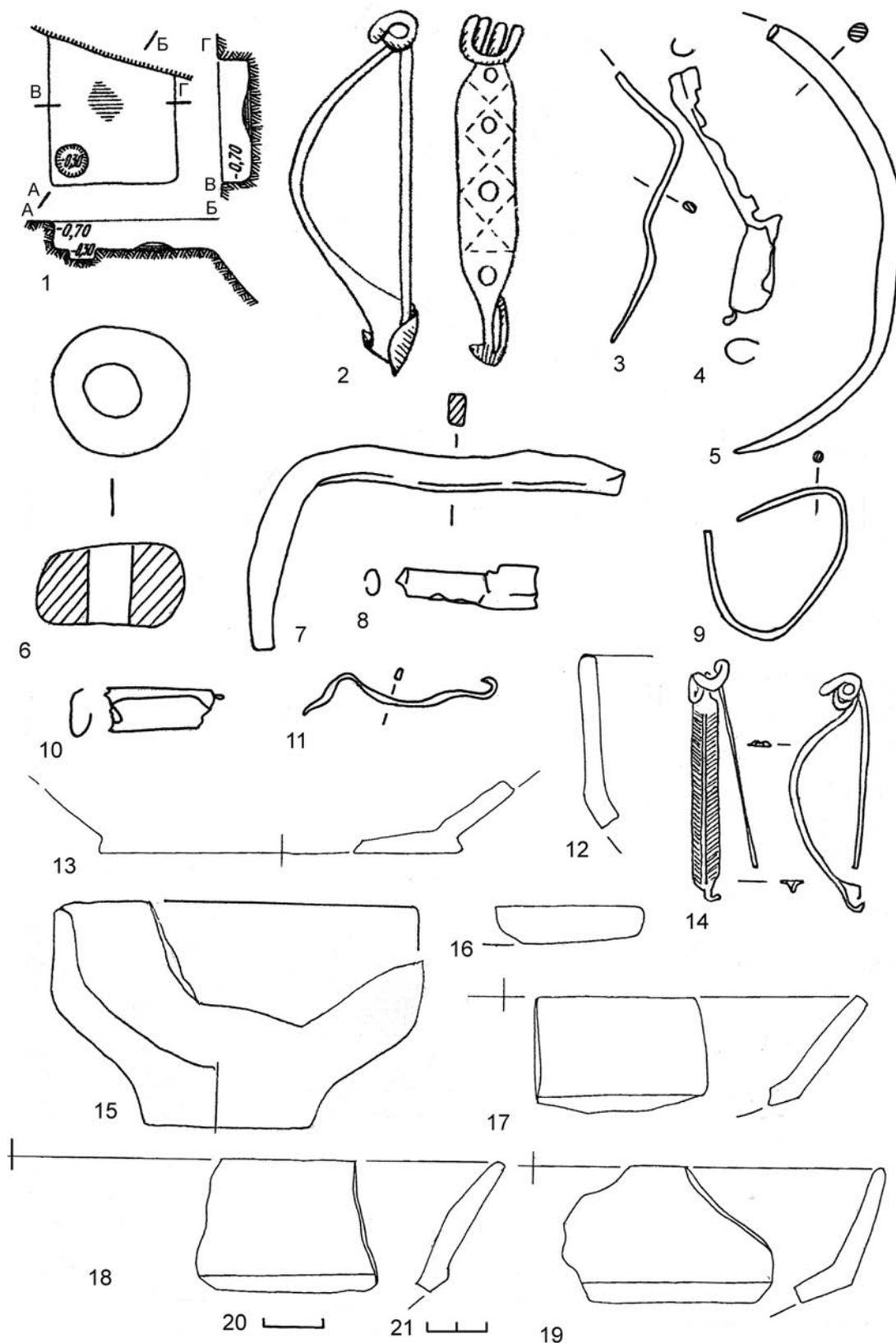


Рис. 27. Рахны, поселение, материалы.

1 – жилище 1 (план, профиль, без масштаба); 2-13 – материалы жилища 1; 14 – пахотный слой; 15 – подъемный материал; 16-19 – без определенного места находки; 2-5, 8-11, 14 – изделия из бронзы; 6 – глиняное пряслице с шероховатой поверхностью; 7 – железный предмет; 12, 17-19 – лепная лощеная керамика; 13 – днище сероглиняного гончарного сосуда; 15 – груболепная миска с дресвой в тесте (рис.: 1, 2 – П.И. Хавлюка; прочие – А.М. Обломского). Масштабы к позициям: 20 – 2-11, 14, 15; 21 – 12, 13, 15-19.

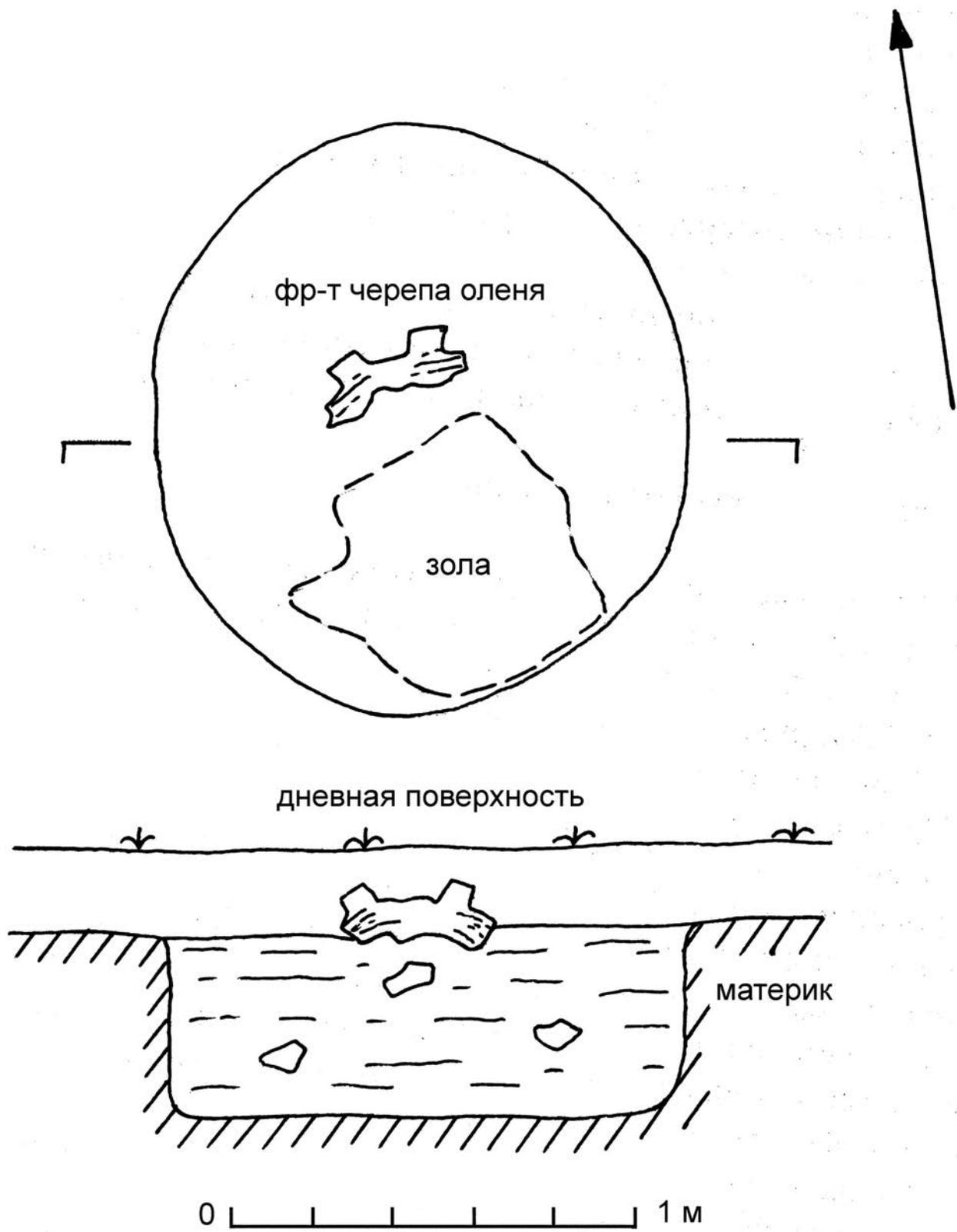


Рис. 28. Рахны, поселение, раскоп 1, хозяйственная яма 2 (по П.И. Хавлюку)

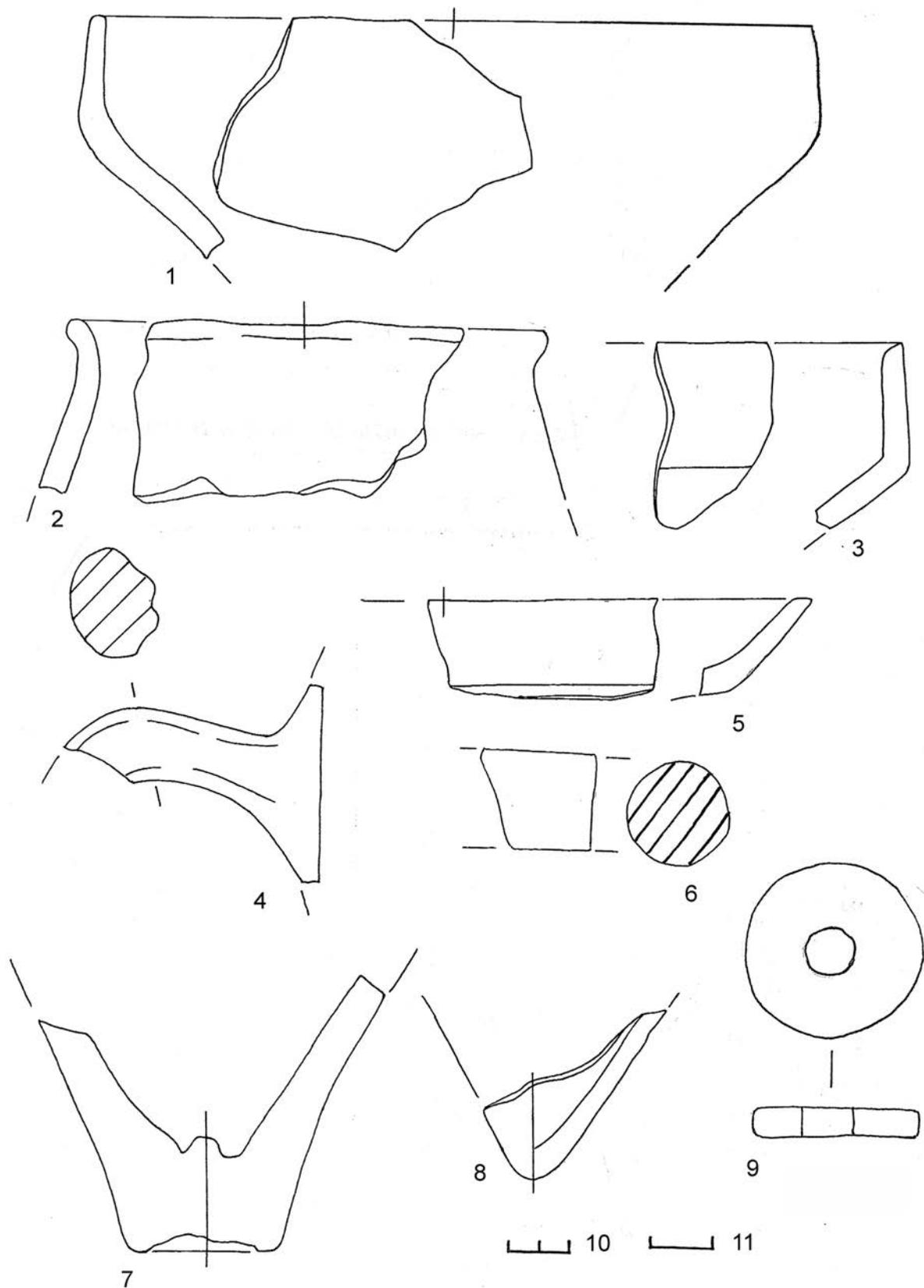


Рис. 29. Рахны, поселение, раскоп 2.

1,2 – груболепная керамика с примесью шамота в тесте; 3,5 – лепная керамика с подшошенной поверхностью; 4 – фр-т светлоглиняной амфоры; 6,8 – фр-ты розовоглиняных амфор; 7 – фр-т красноглиняной амфоры; 9 – пряслице из черепка чернолощеного сосуда (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова). Масштабы к позициям: 10 – 1-8, 11 – 9.

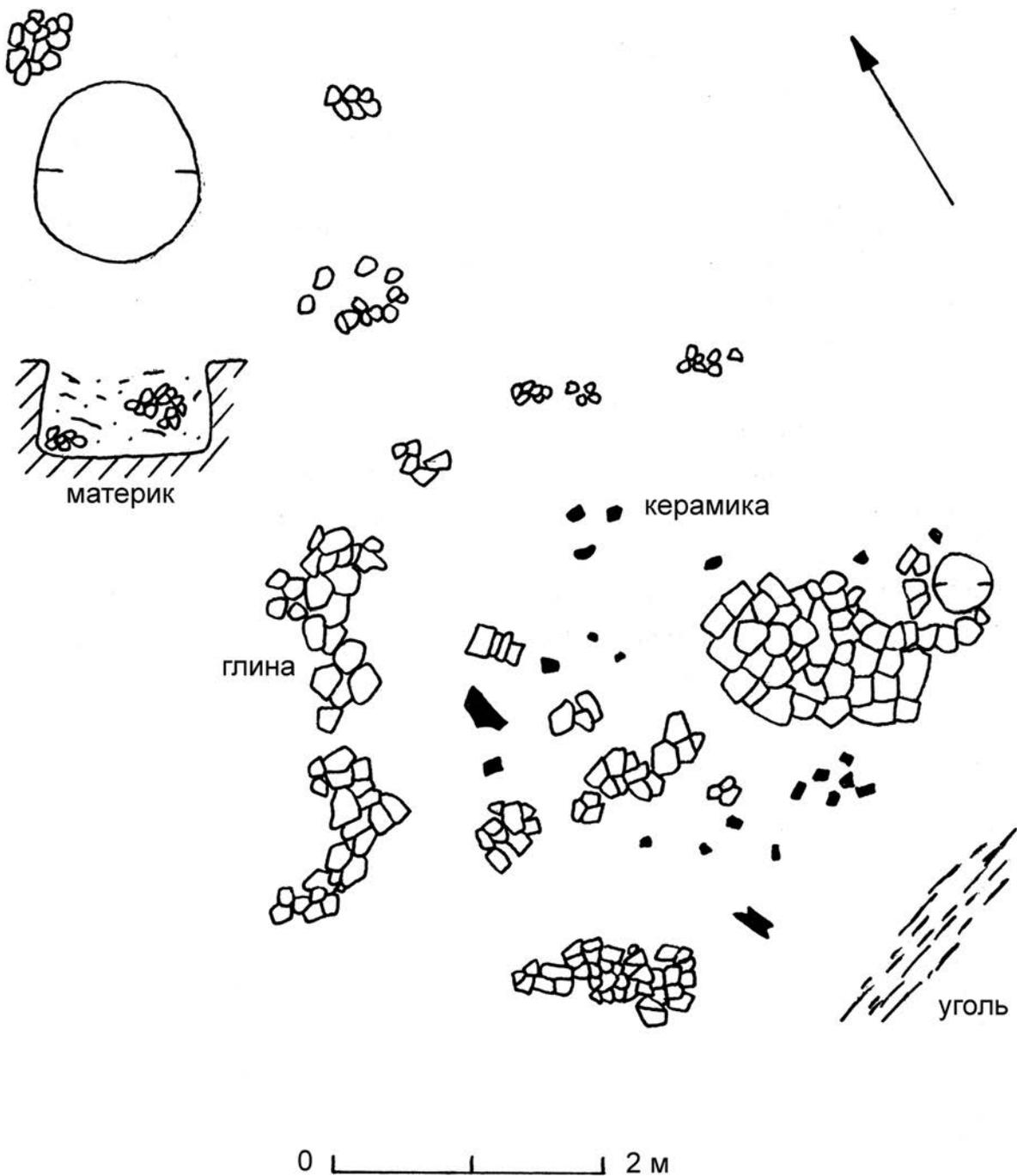


Рис. 30. Рахны, поселение, раскоп 3, жилище 3 (по П.И. Хавлюку).

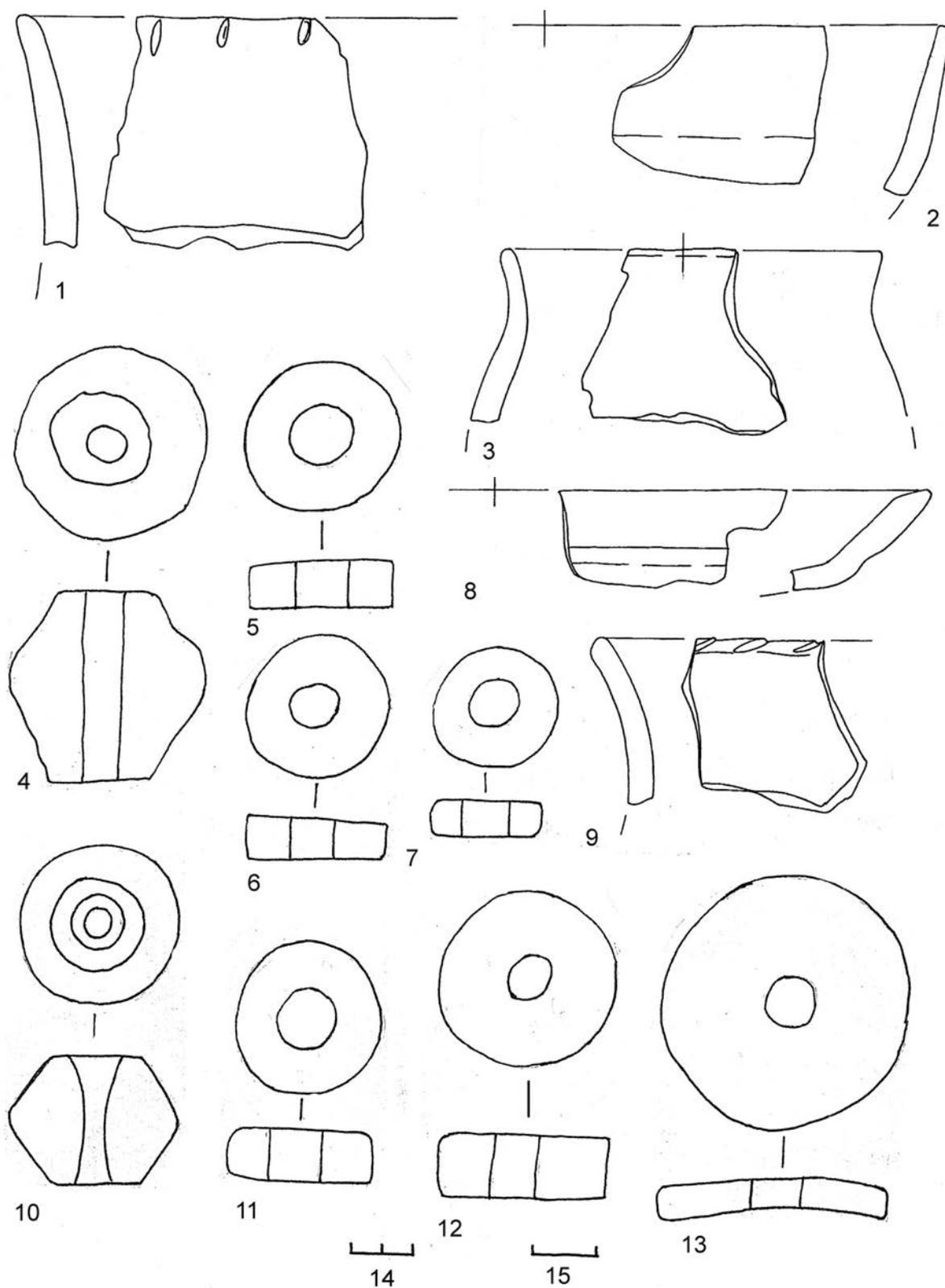


Рис. 31. Рахны, поселение, материалы.

1,2,4 – раскоп 3; 3 – раскоп 4; 5,8,9 – раскоп 5; 6,7,9-13 – раскоп 6; 1,3,9 – груболепная керамика (примеси в керамическом тесте: 1 – без четко выраженных; 3 – дресва и известняк; 9 – шамот); 2 – фр-т чернолощенной миски; 4 – глиняное пряслице с шероховатой поверхностью; 5,12 – пряслице из черепков лепных лощеных сосудов; 6,7,11 – пряслице из черепков красноглиняных амфор; 8 – фр-т лепной вторично обожженной миски; 10 – глиняное пряслице с подлощенной поверхностью; 13 – пряслице из черепка гончарного серолощенного сосуда (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова). Масштабы к позициям: 14 – 1-3,8,9; 15 – 4-7,10-13.

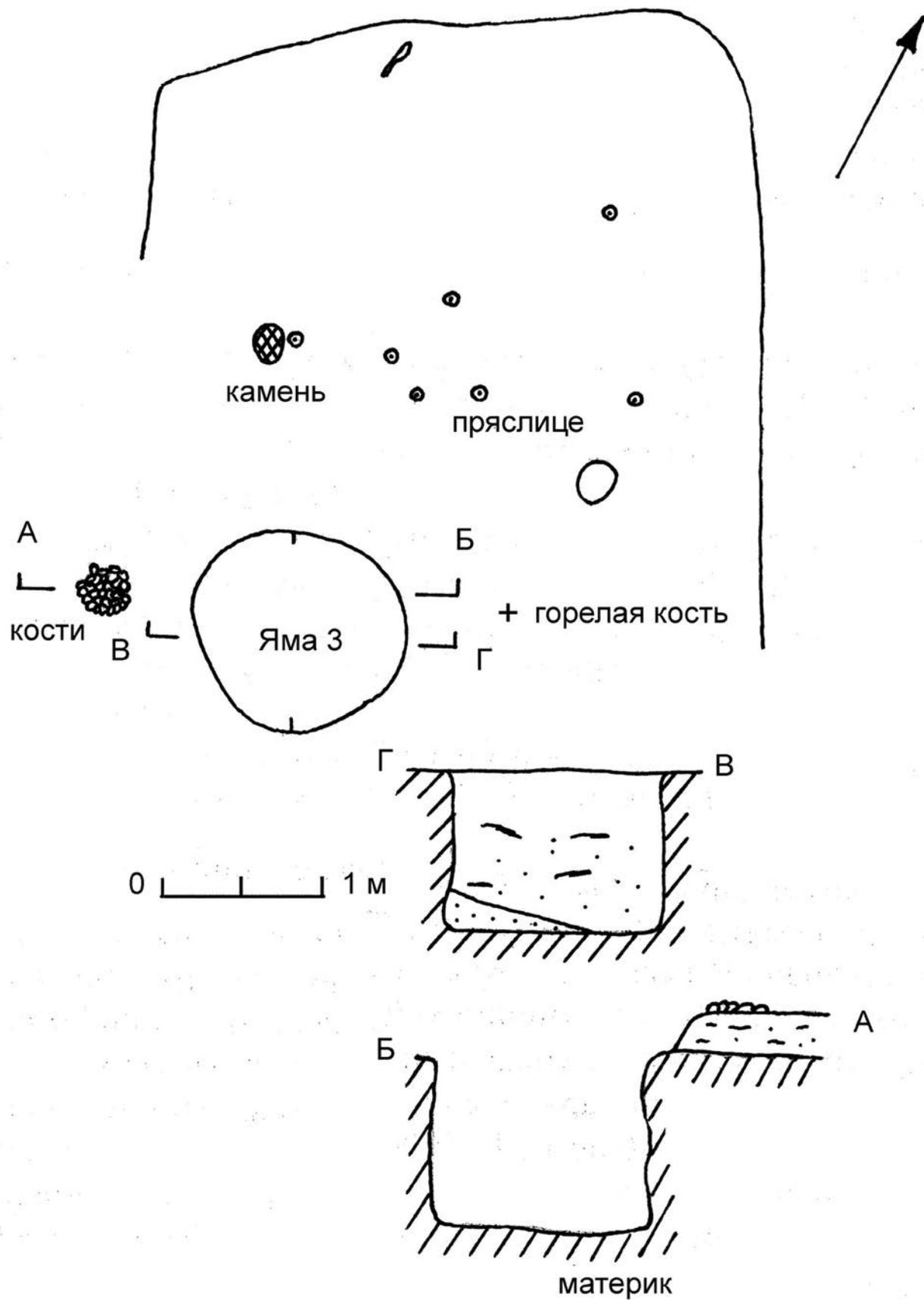


Рис. 32. Рахны, поселение, раскоп 6, «жертвенное место» (по П.И. Хавлюку).

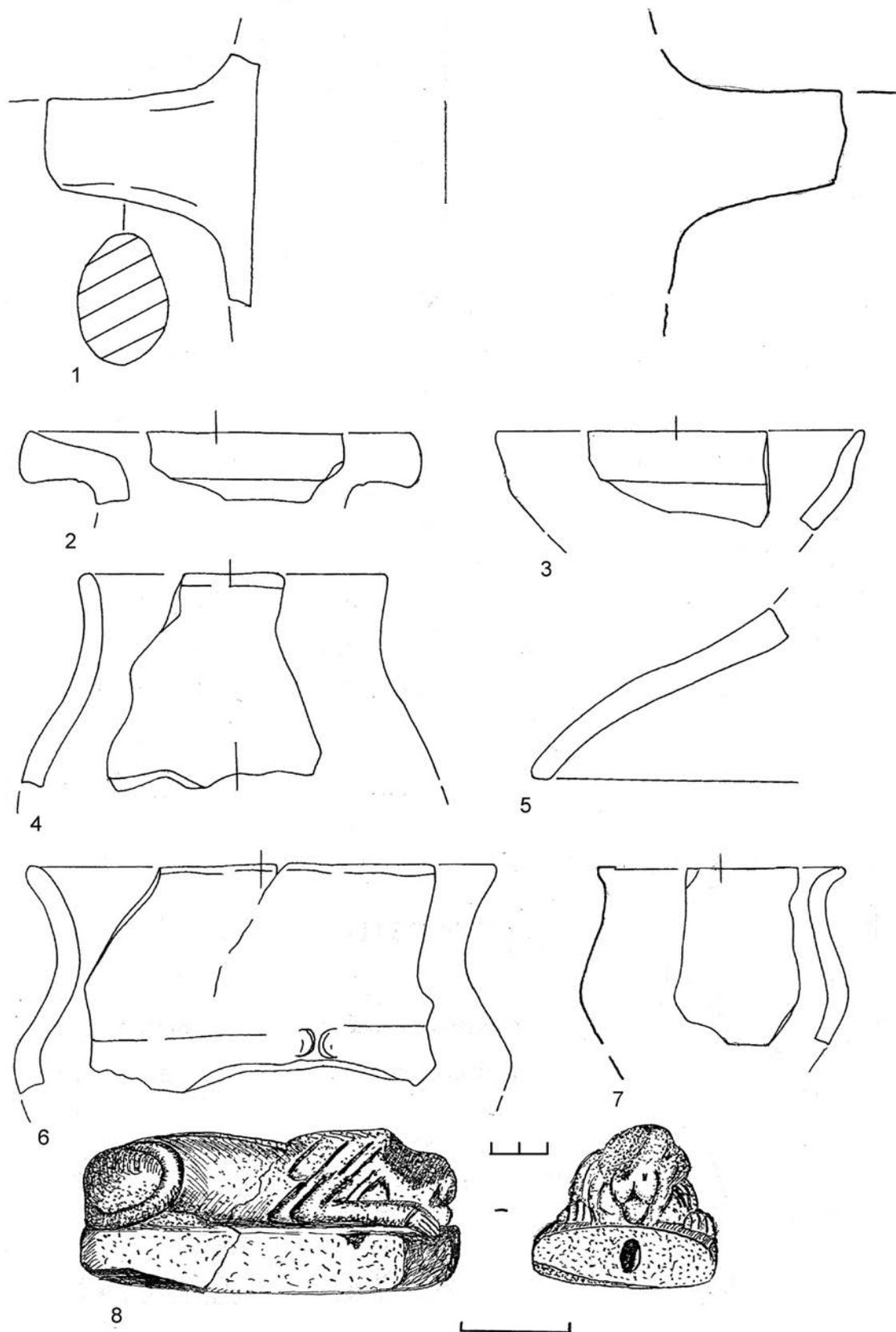


Рис. 33. Рахны, поселение, раскоп 6.

1,2 – фр-ты красноглиняных амфор; 3,6 – груболепная керамика с дресвой в тесте; 4,5 – груболепная керамика с шамотом в тесте; 6 – фр-т лепного подлощенного сосуда (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова); 8 – плакетка-пронизь из египетского фаянса (рис. П.И. Хавлюка).

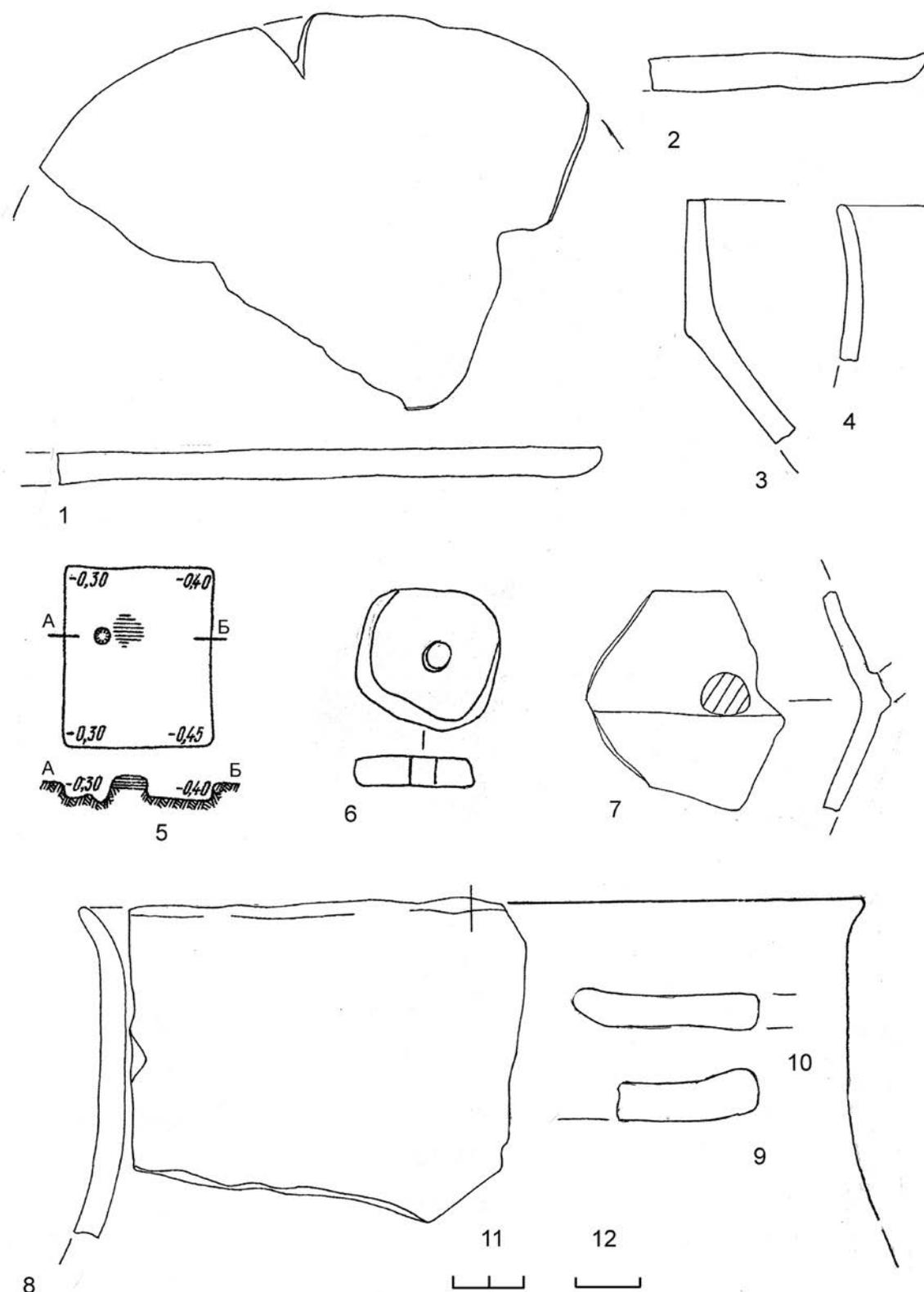


Рис. 34. Рахны, поселение, материалы.

1-4,7,9,10 – раскоп 6; 5 – жилище 2 (план, профиль, без масштаба); 6 – раскоп 7; 8 – жилище 2; 1,2,9,10 – фр-ты лепных дисков (1 – лошенный снизу; 2,9,10 – лошенные двусторонние); 3,4,7 – лепная лошенная керамика; 6 – пряслище из черепка лепного лошеного сосуда; 8 – фр-т груболепного горшка с дрезвой и блестками (рис.: 1,2,7,9 – Ю.Ю. Башкатова; 3,4,8,10 – А.М. Обломского; 5 – П.И. Хавлюка). Масштабы к позициям: 11 – 1-4,7,8; 12 – 6.

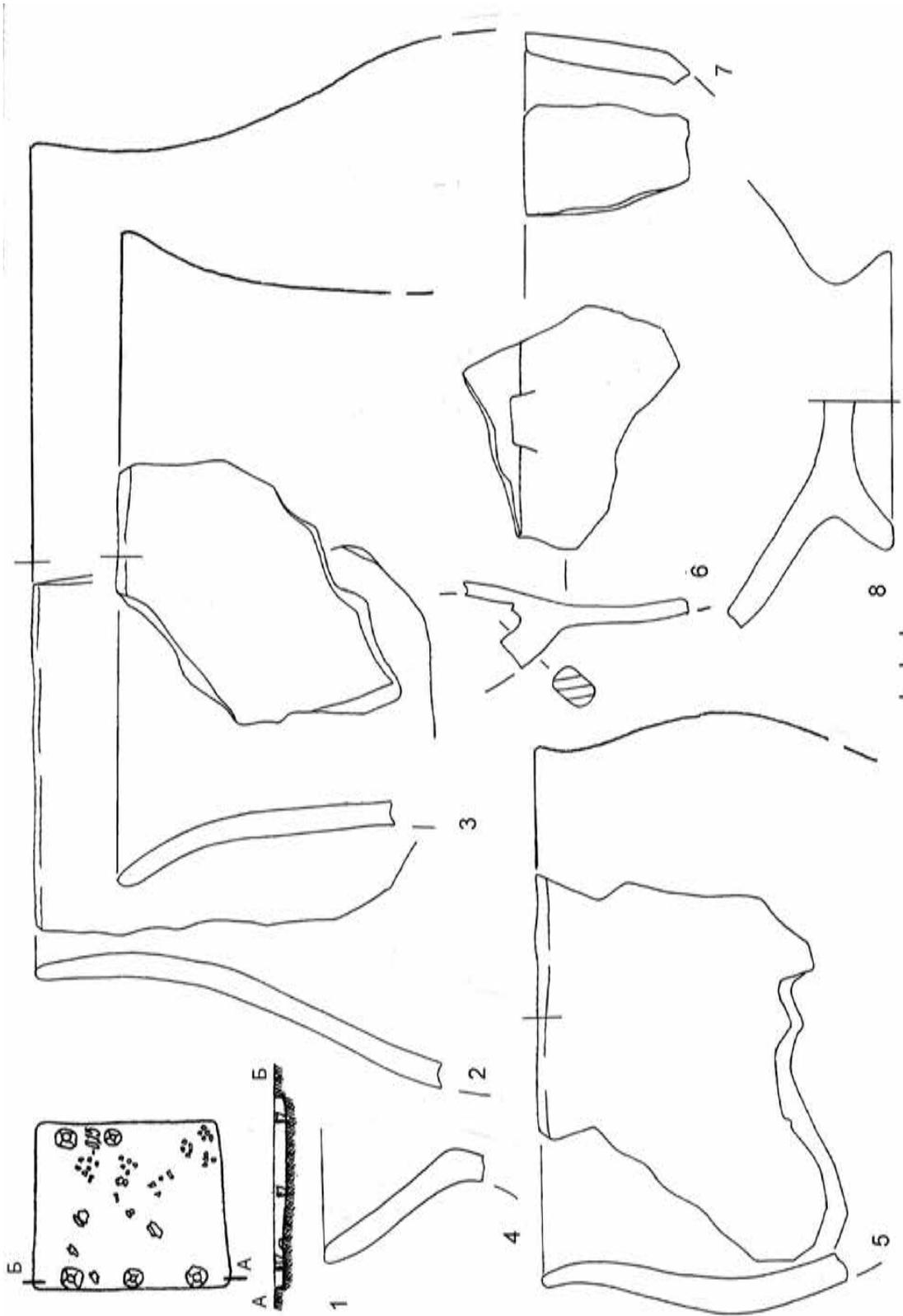


Рис. 35. Рахны, поселение, раскол 8.

1 — хозяйственная постройка (план, профиль, без масштаба); 2-5 — груболепная керамика (примеси в керамическом тесте: 2,5 — шмот; 3 — блестки; 4 — дресва и шмот); 6-8 — лепная лощеная керамика (рис.: 1 — П.И. Хавлюка; 2-6,8 — А.М. Обломского; 7 — Ю.Ю. Башкатова).

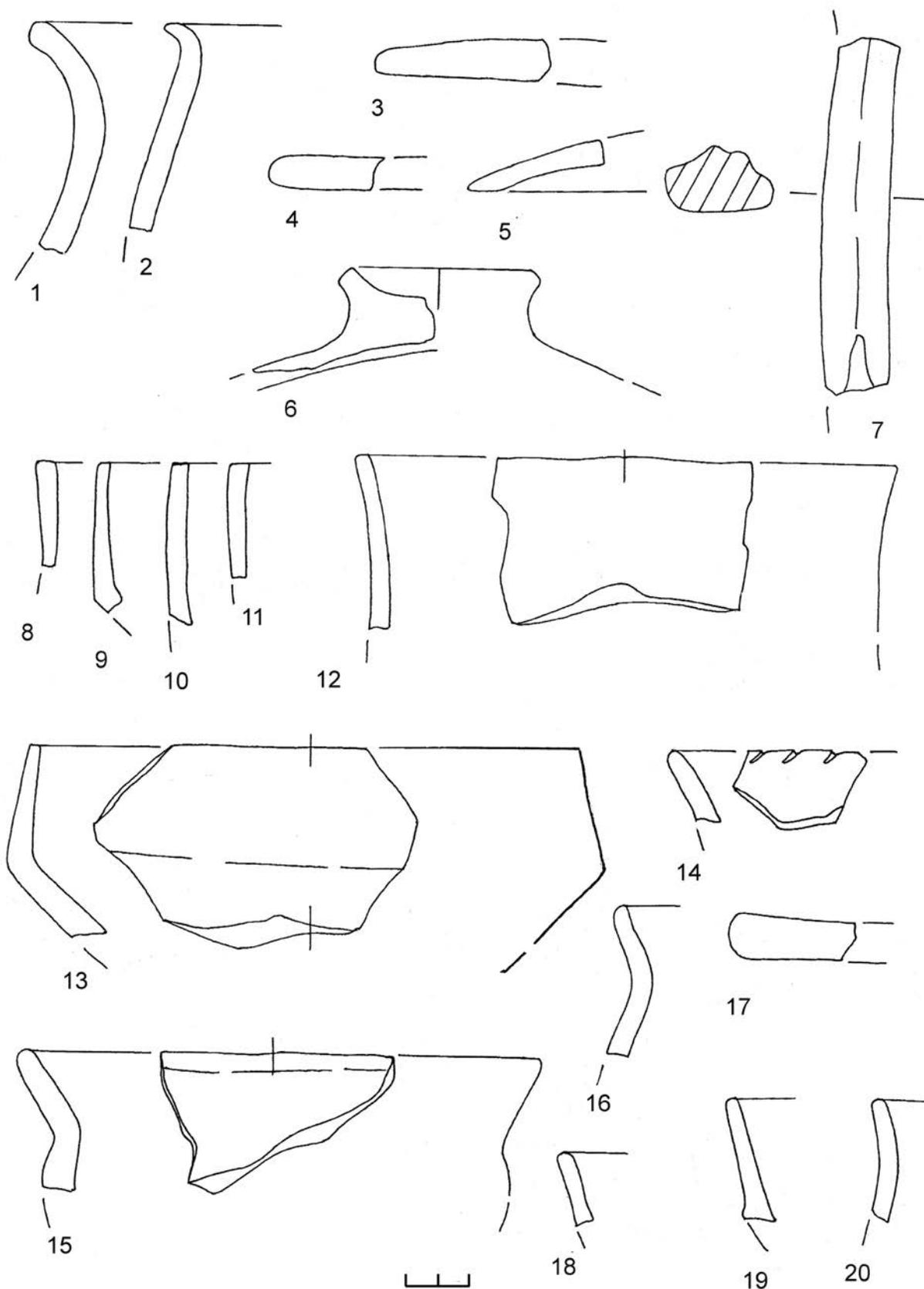


Рис. 36 Ометинцы (1-13), Соколы (14-20).

1-6,14-17 — груболепная керамика (примеси в керамическом тесте: 1,2 — дресва и блески; 3 — известняк; 4,5,15-17 — дресва; 6,14 — шамот); 7 — фр-т светлоглиняной амфоры; 8-13,18-20 — лепная лощеная керамика (рис. А.М. Обломского).

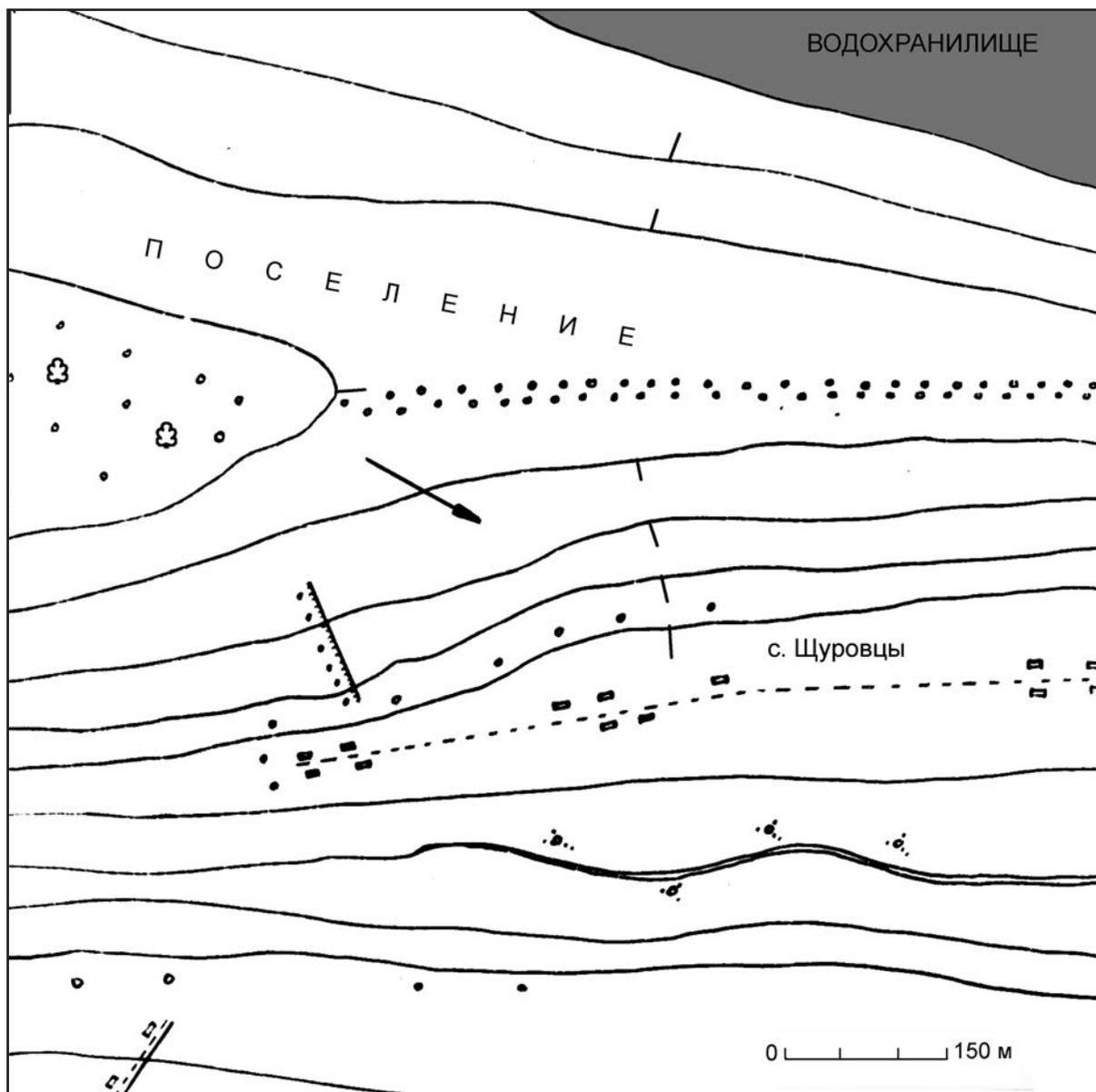


Рис. 37. Щуровцы, план поселения (по П.И. Хавлюку).

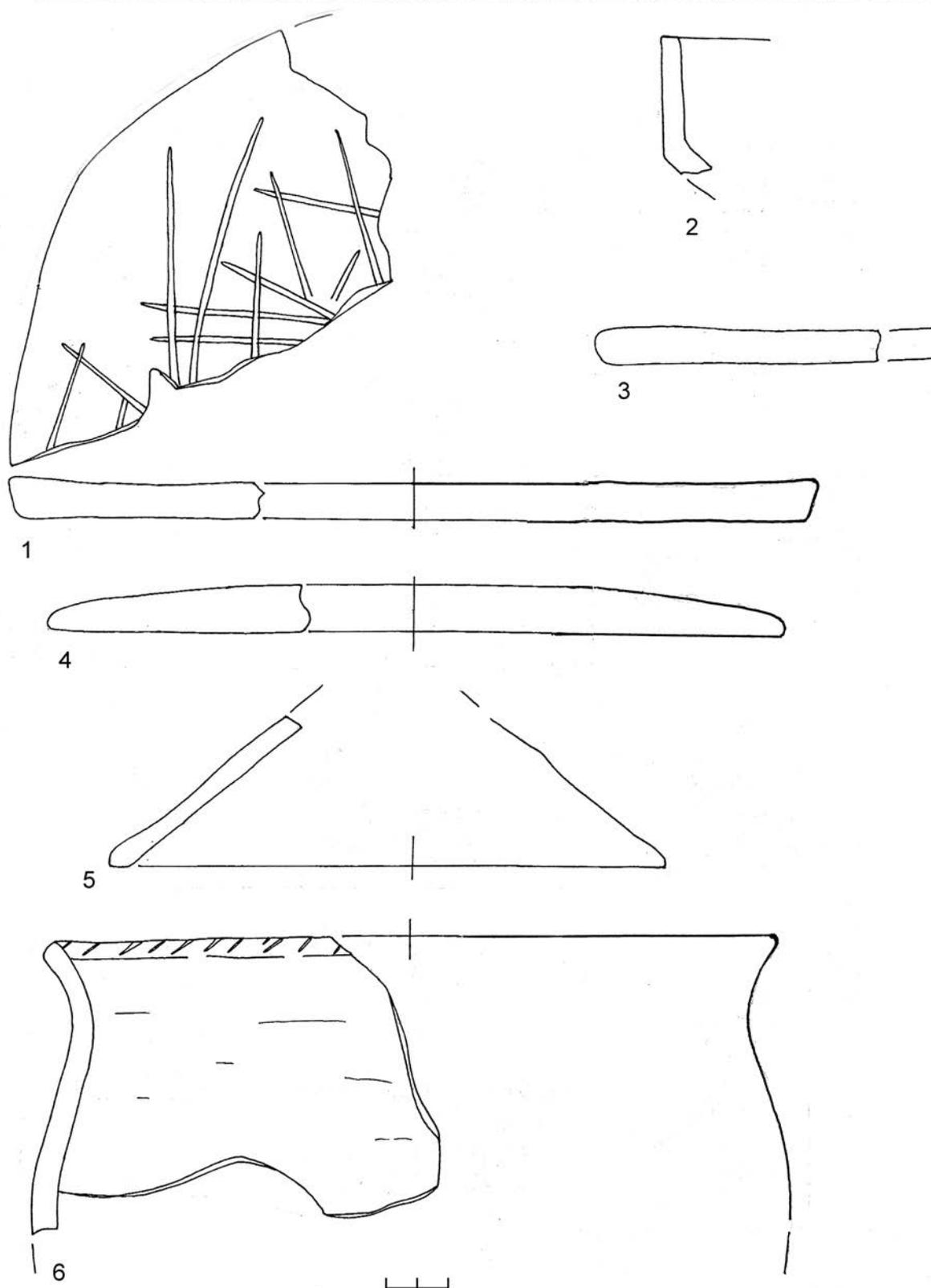


Рис. 38. Шурильцы, материалы.

1 – фр-т диска, серолощенного снизу; 2 – фр-т венчика лепной чернолощенной миски; 3 – фр-т диска, подлощенного снизу; 4 – фр-т груболепного диска с шамотом в тесте; 5 – фр-т крышки с подлощенной поверхностью; 6 – фр-т груболепного горшка с шамотом и дресвой (рис. А.М. Обломского).

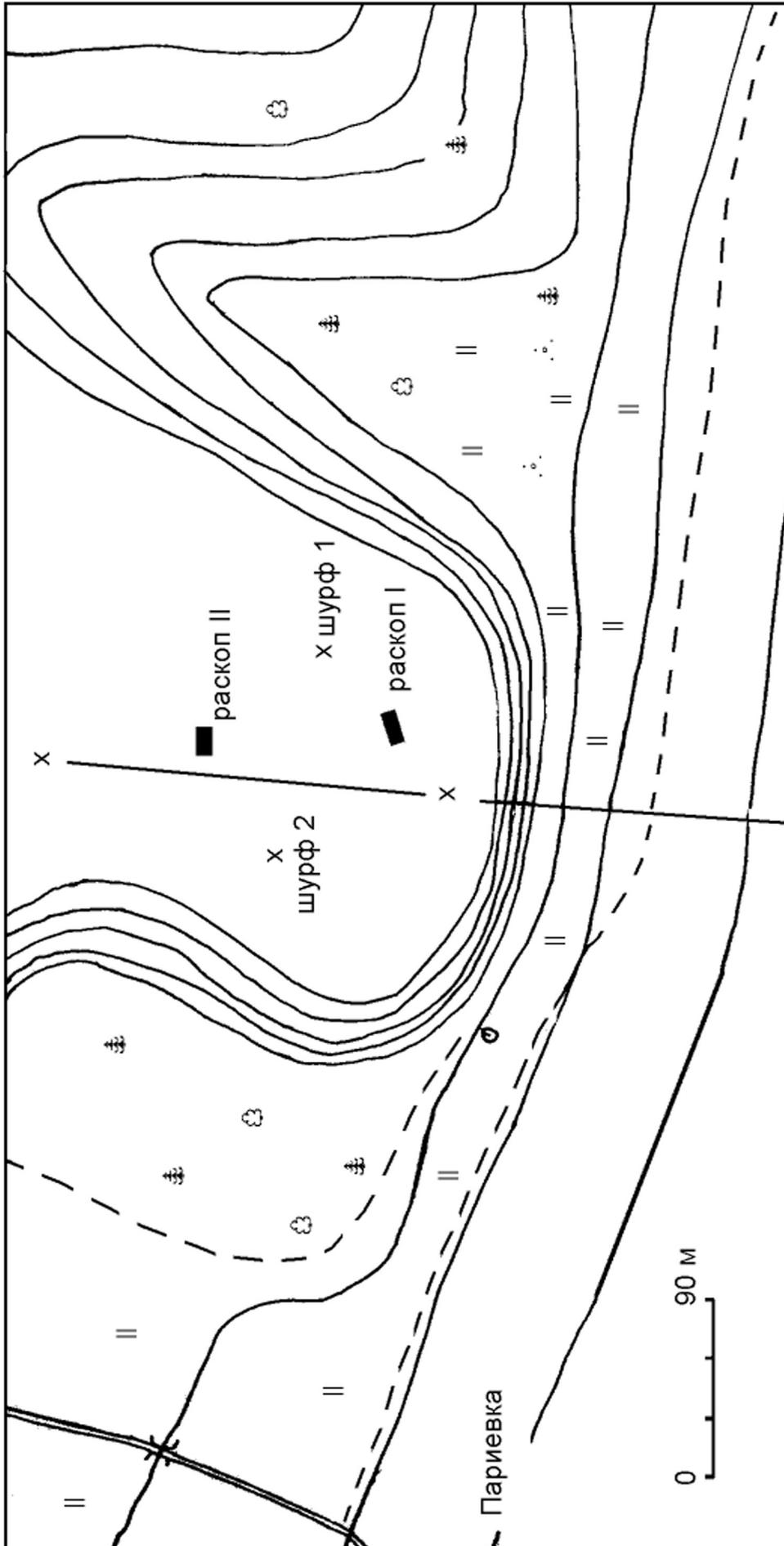


Рис. 39. Париевка, план поселения (по П.И. Хавлюку)

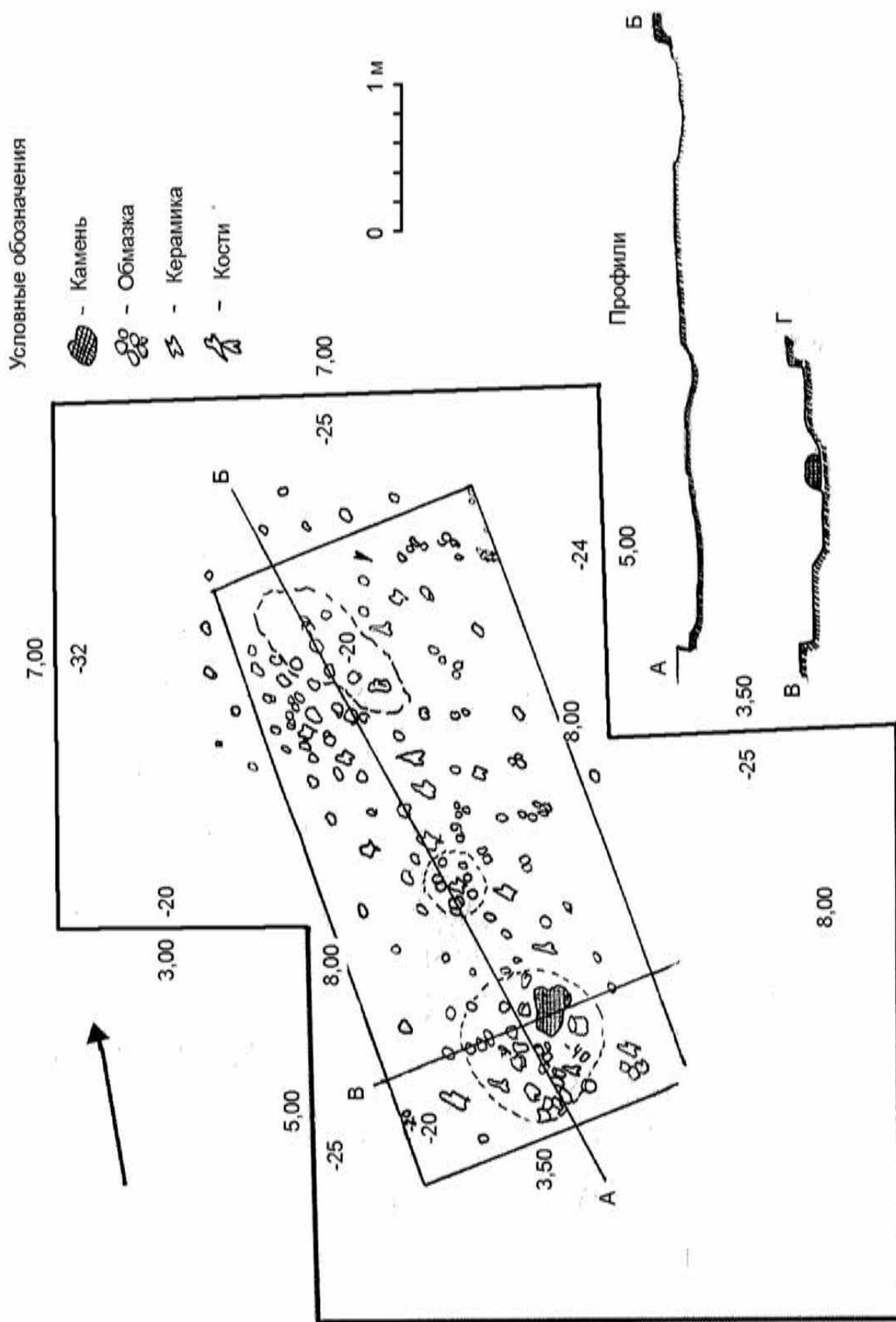


Рис. 40. Париевка, жилище 1, план (по П.И. Хавлюку)

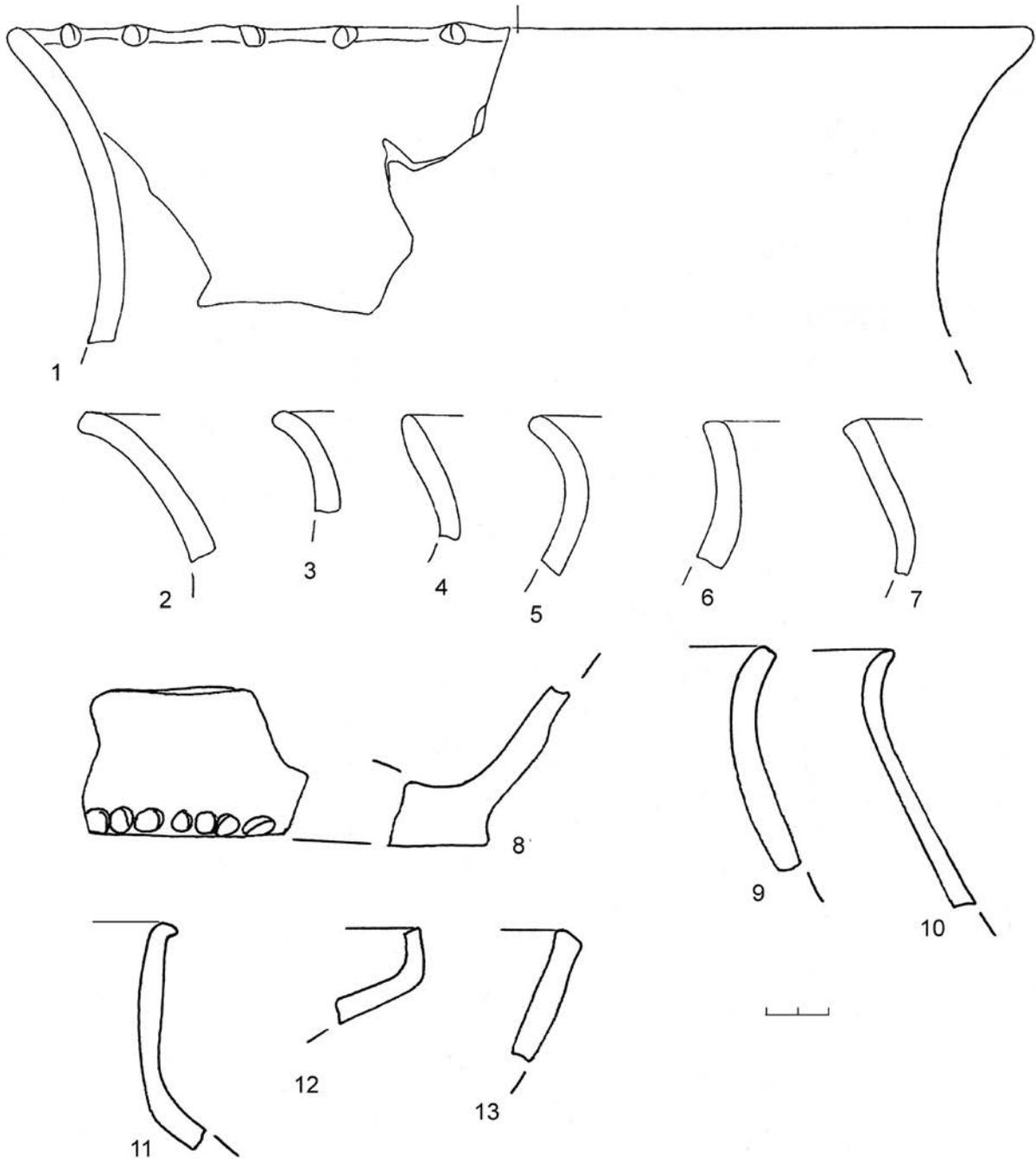


Рис. 41. Париевка, материалы из фондов Винницкого краеведческого музея
(рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова).

1 — яма 7; 2-6 — жилище 2; 7 — жилище 1; 8-13 — культурный слой. 1-3,5-7 — груболепная керамика с блестками в тесте; 4 — фр-т груболепного с блестками и дресвой в тесте; 8-11,13 — груболепная керамика с дресвой в тесте; 12 — фр-т груболепного сосуда с шамотом в тесте.

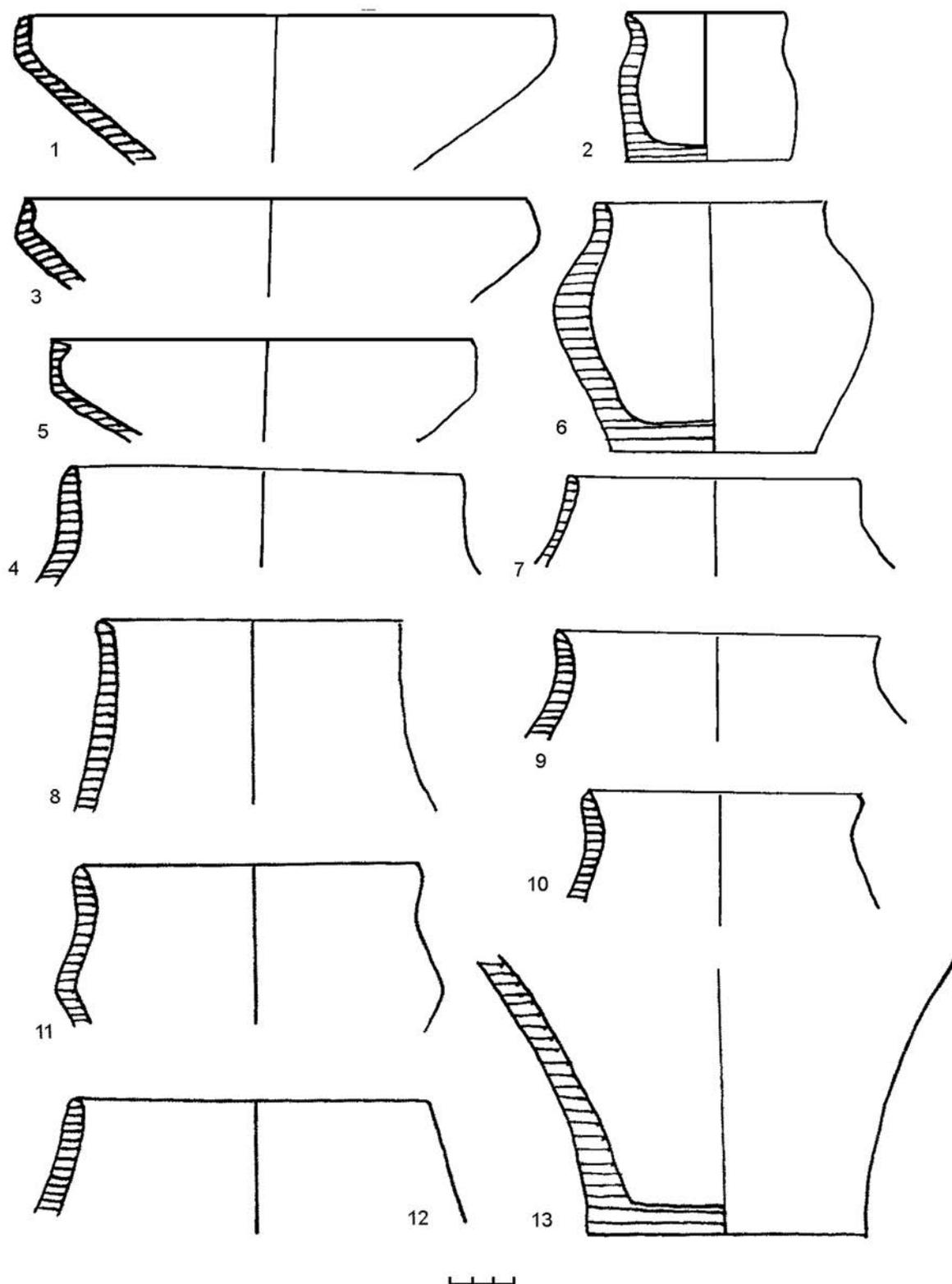


Рис. 42. Париевка, образцы лепной керамики из отчета П.И. Хавлюка.
 1,2,5,7,9,12 – жилище 2; 3,4,11,13 – жилище 1; 6,8,10 – шурф; 6 – груболопной горшок; фактура остальных по описаниям в отчете не ясна.

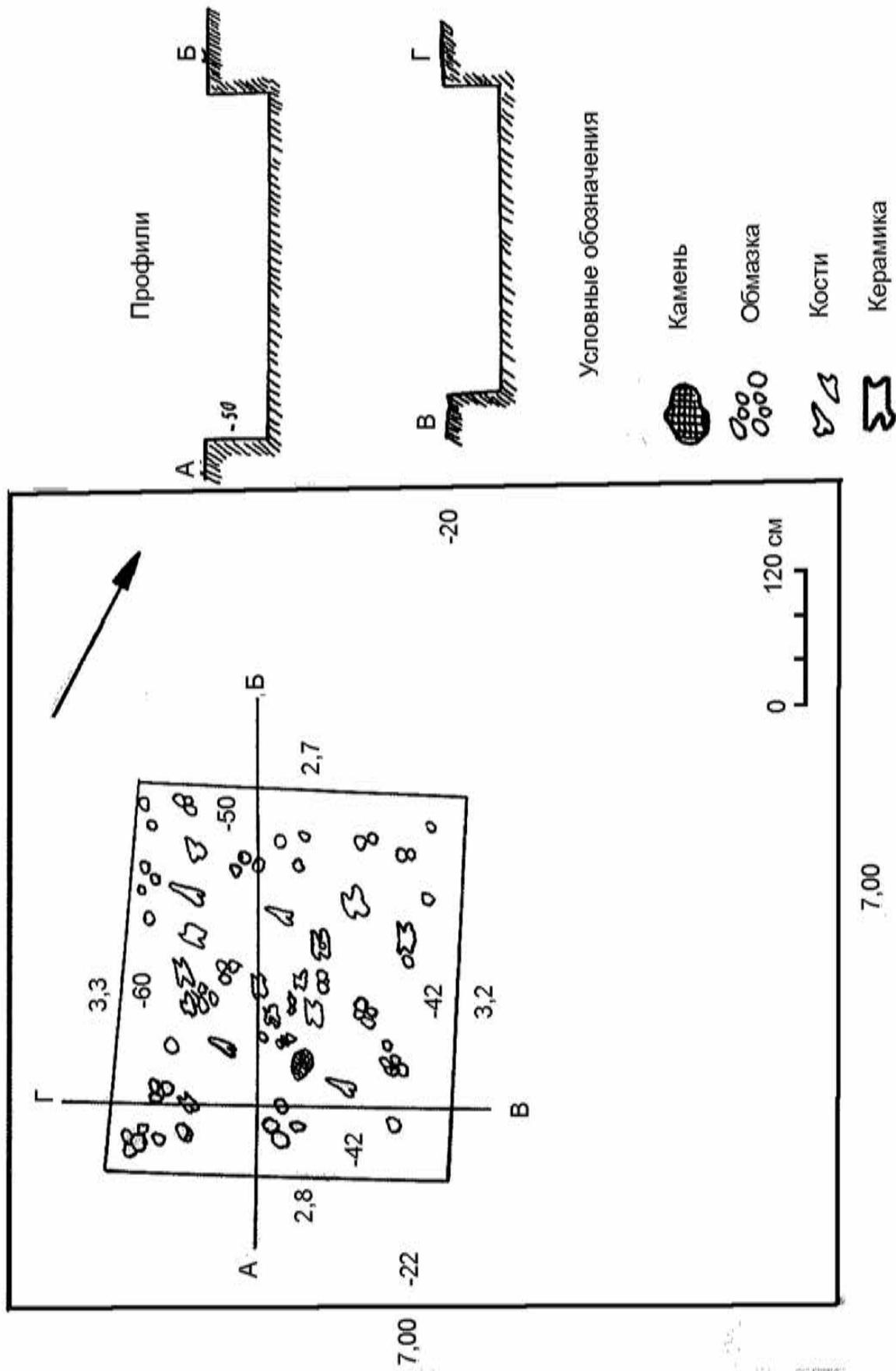


Рис. 43. Париевка, жилище 2, план (по П.И. Хавлюку).

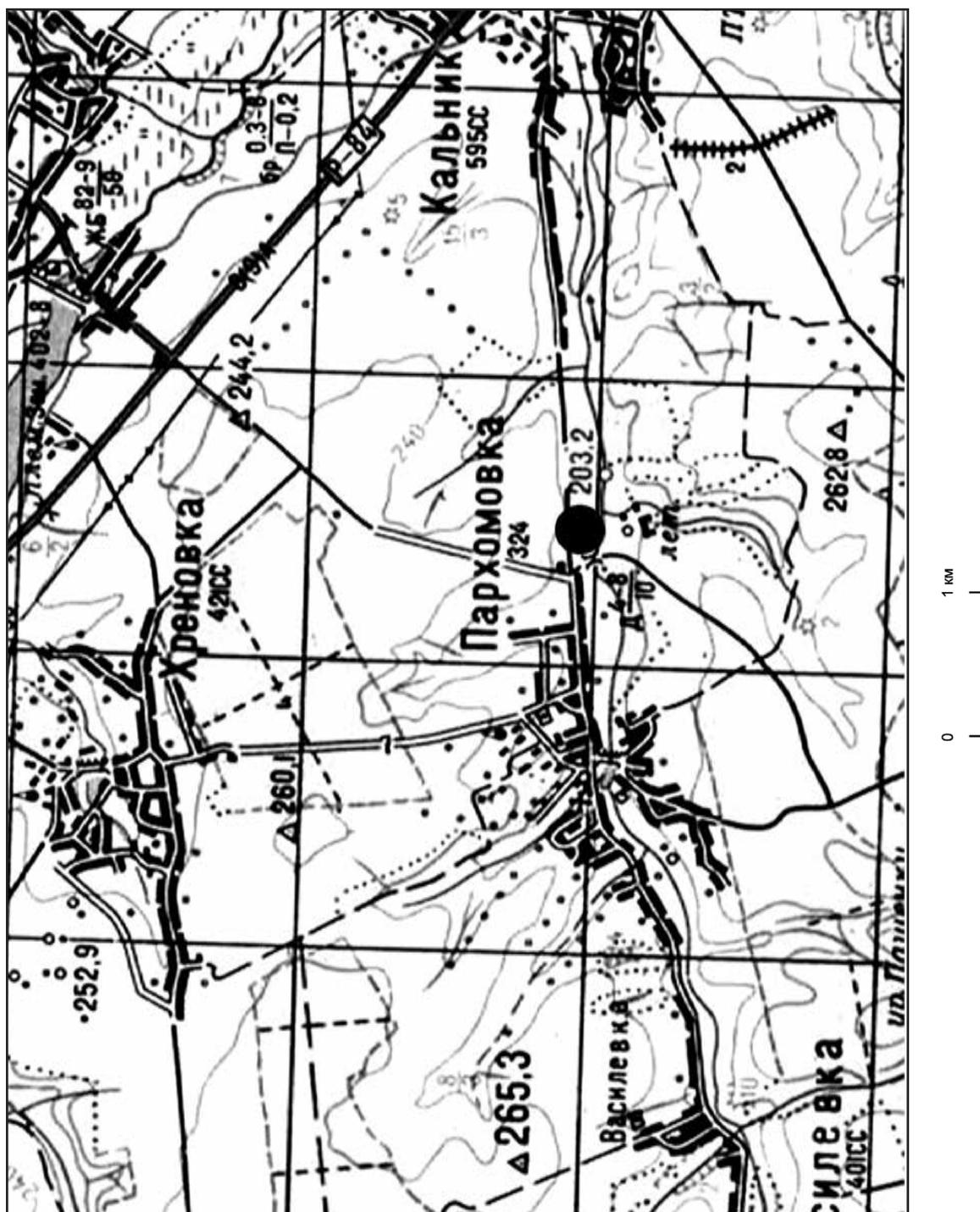


Рис. 44. Пархомовка, схема расположения поселения

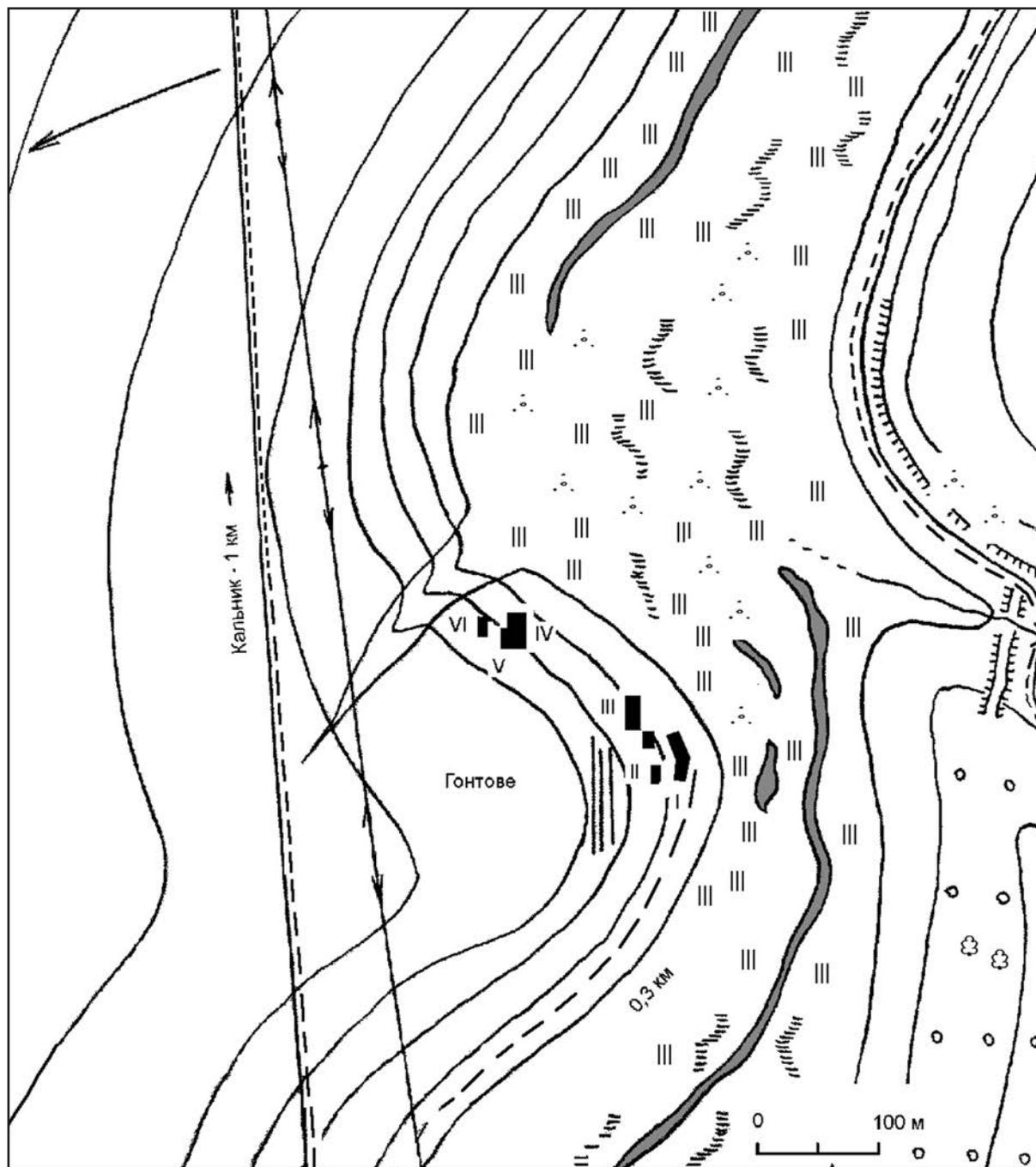


Рис. 45. Пархомовка, план поселения (по П.И. Хавлюку).

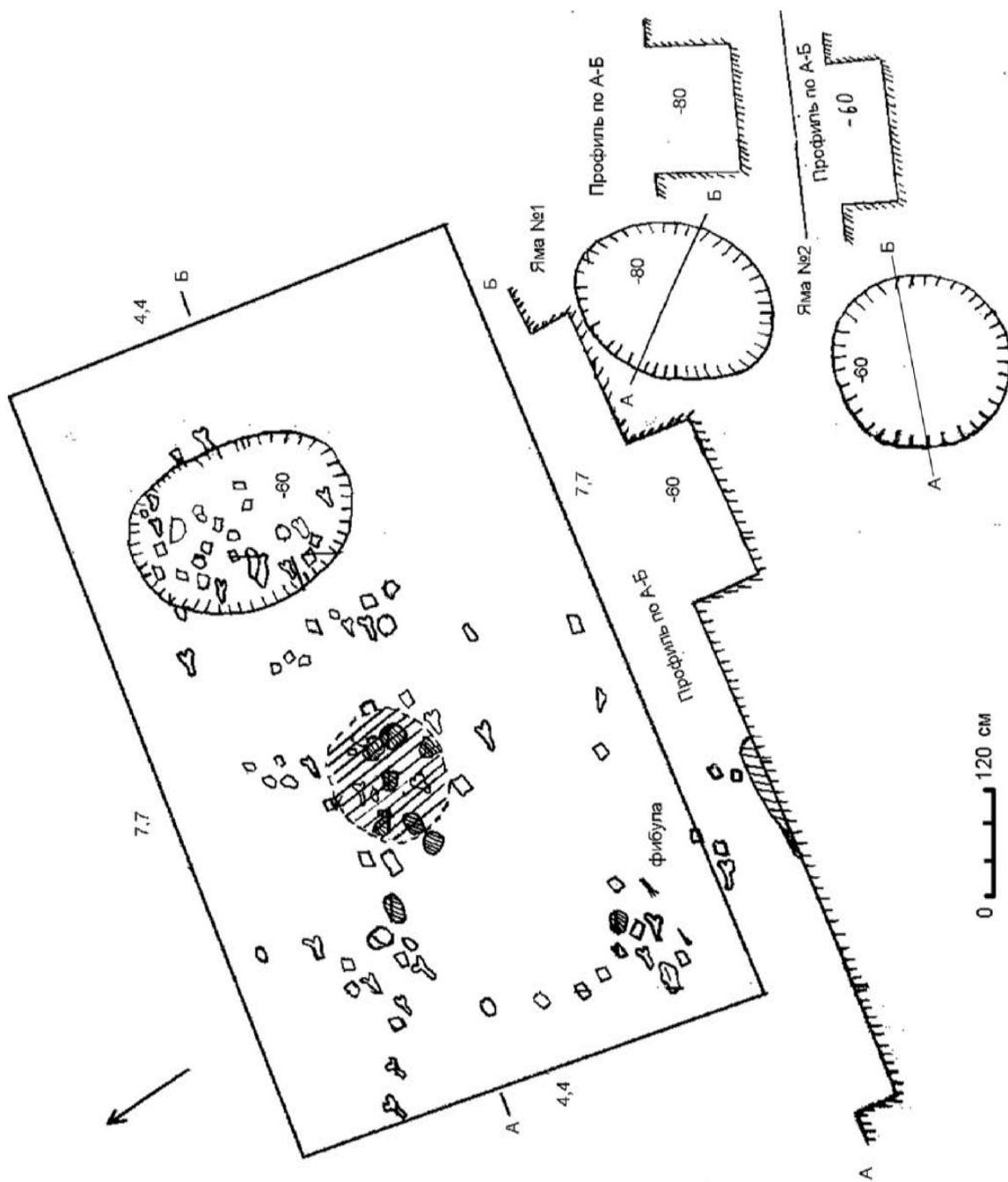


Рис. 46. Пархомовка, жилище 1 1977 г., план (по П.И. Хавлоку).

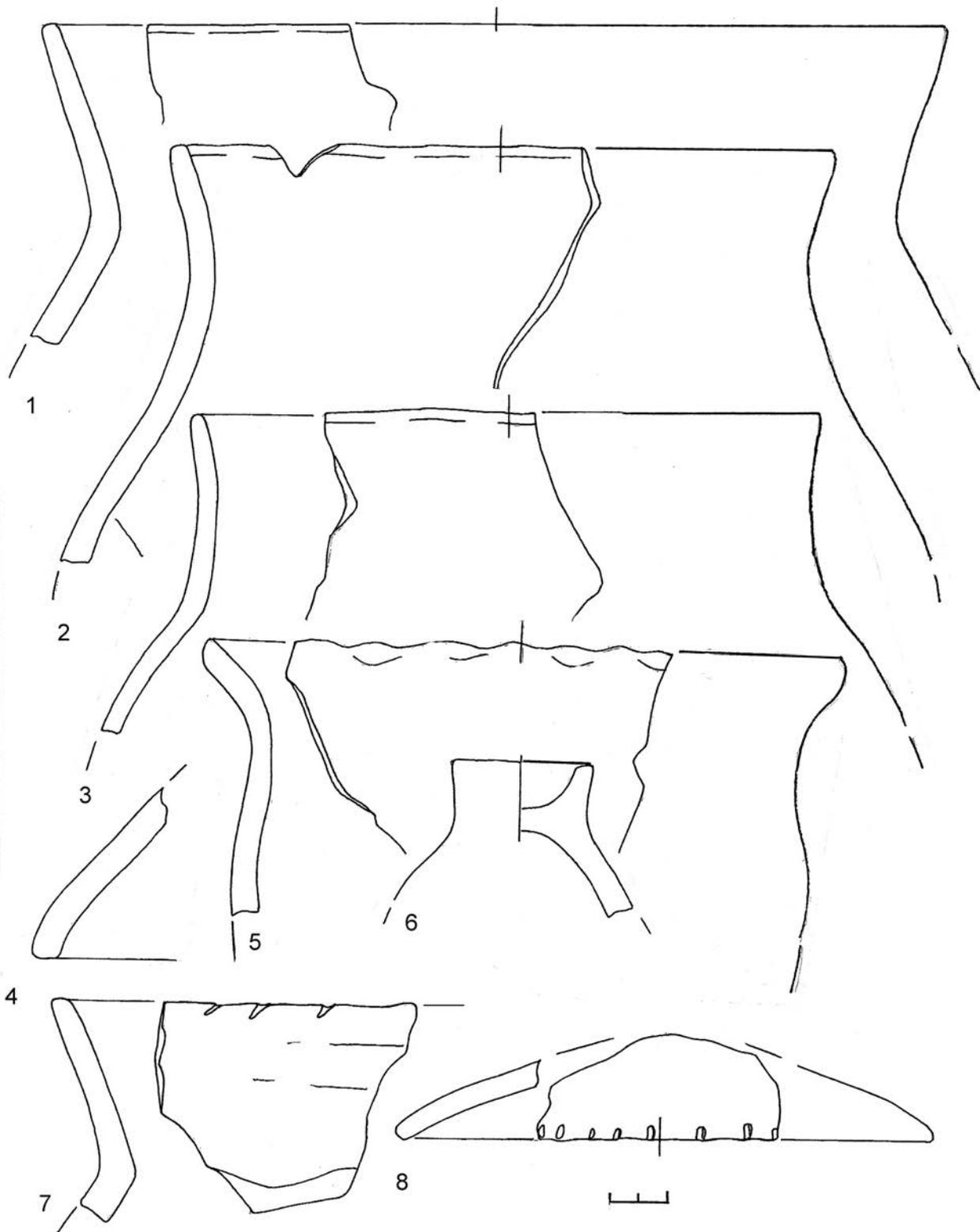


Рис. 47. Пархомовка, жилище 1 1977 г., груболепная керамика.
Примеси в тесте: 1,2,4,6-8 – шамот; 3,5 – дресва (рис. А.М. Обломского).

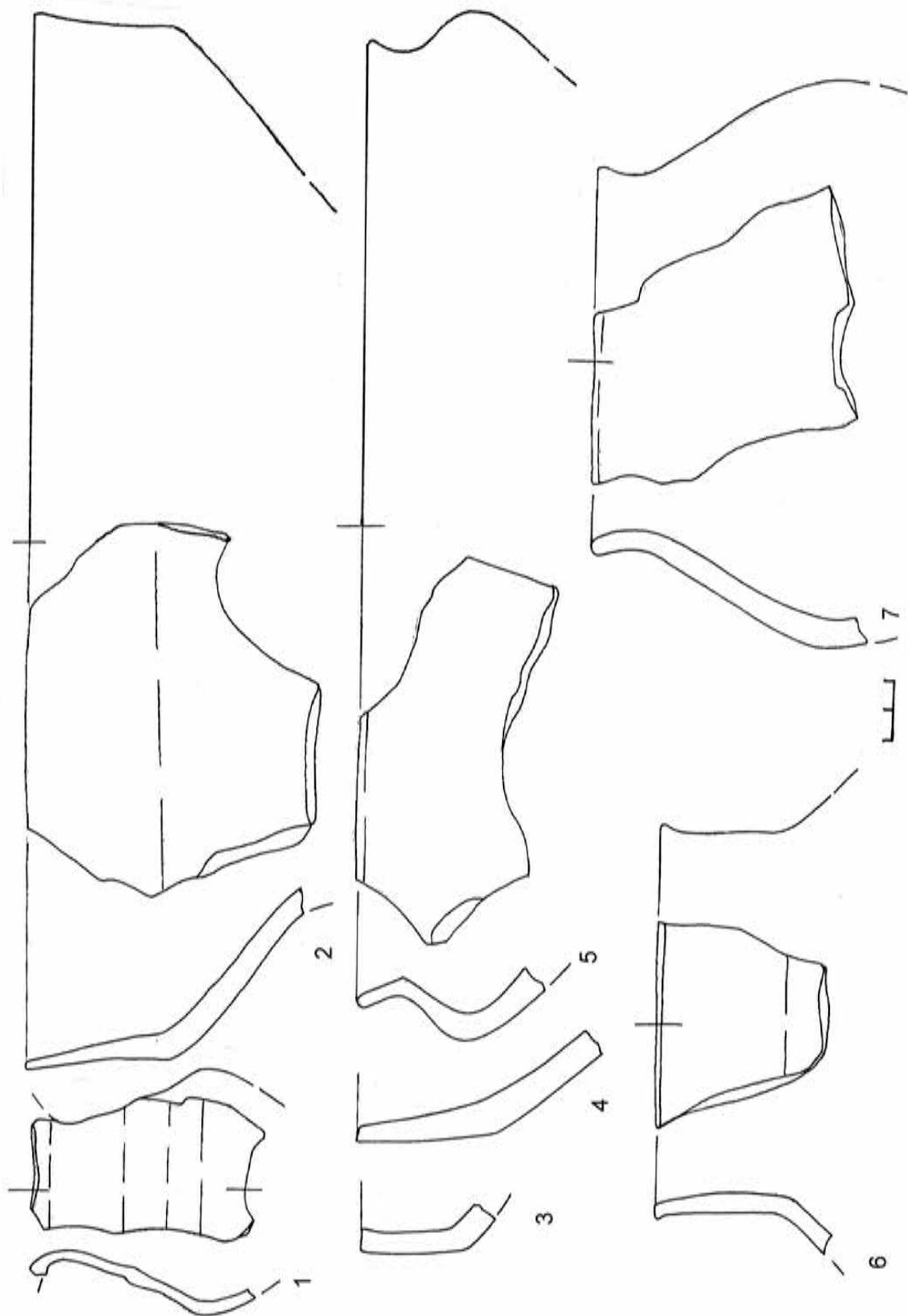


Рис. 48. Пархомовка, жилище 1, столовая керамика.
1 — сероглиняный гончарный кувшин (?) с шероховатой поверхностью; 2-7 — лепная лощеная посуда (рис. А.М. Обломского).

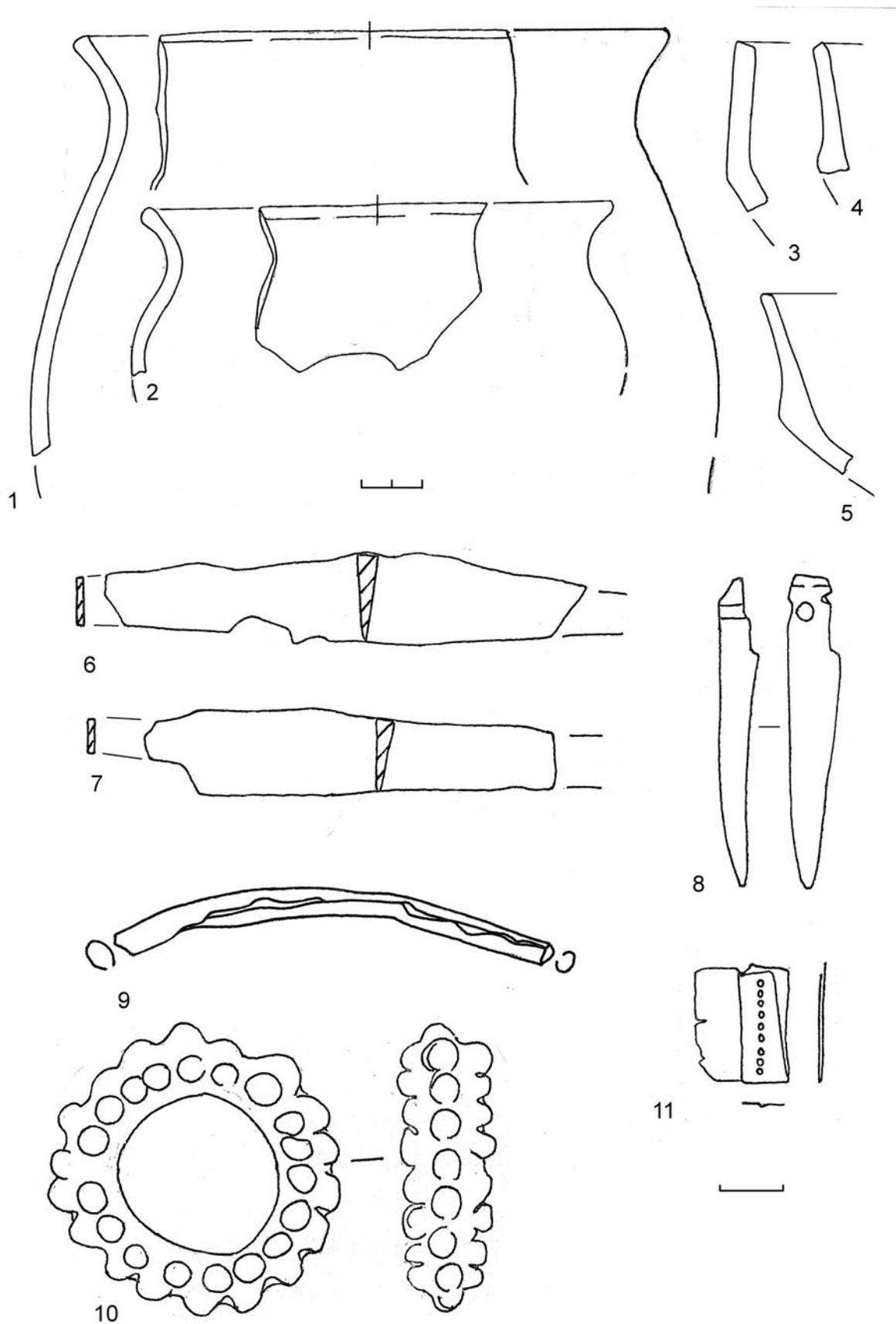


Рис. 49. Пархомовка, жилище 1 (1-9), 2 1977 г. (11), II 1978 г. (10).

1-5 – лепная лощеная керамика; 6,7 – изделия из железа; 8 – проколка из кости; 9-11 – изделия из бронзы (рис. А.М. Обломского).

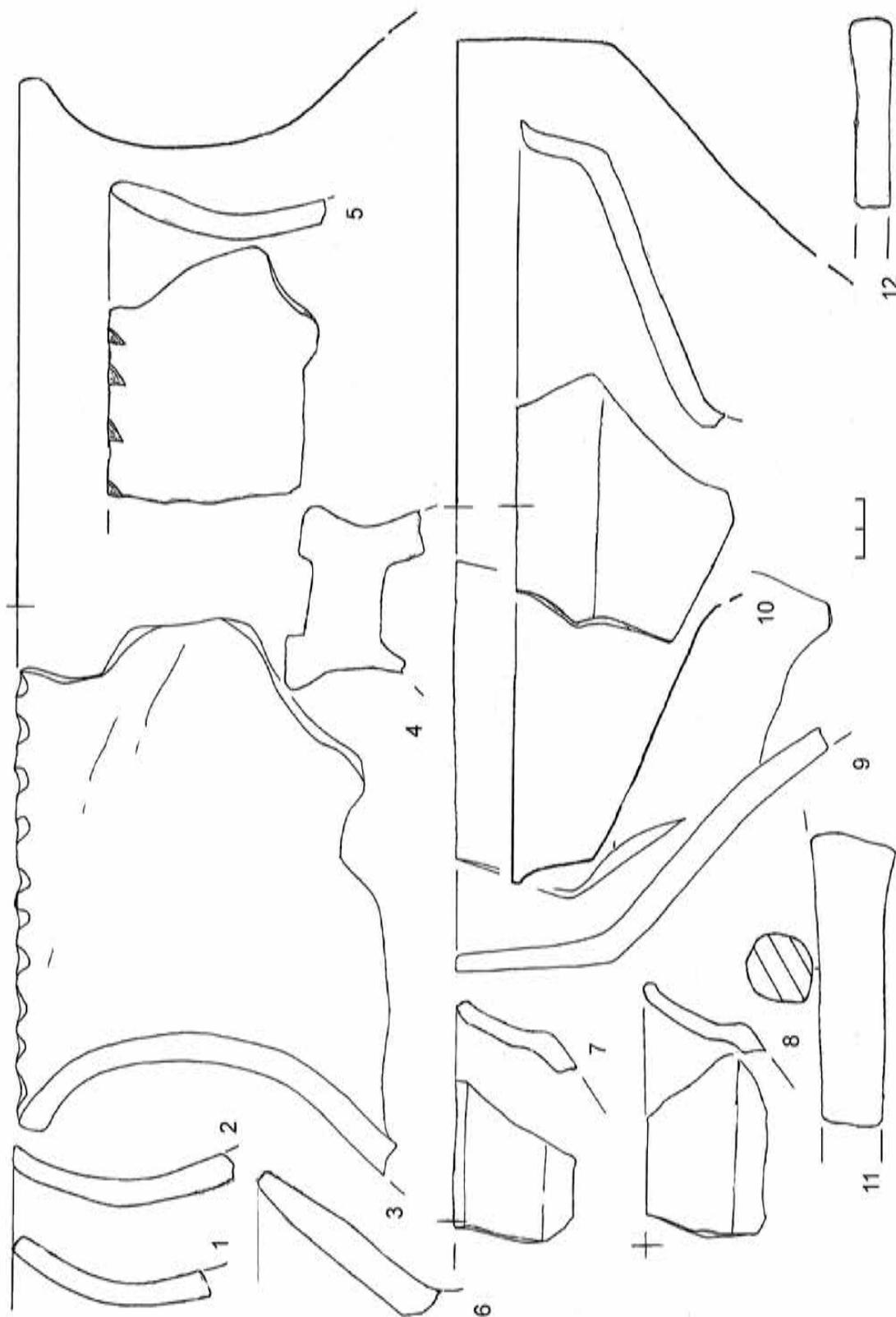


Рис. 50. Пархомовка, яма 1 1977 г., керамика.

1-6, 12 — груболепная (примеси в тесте: 1-3, 6 — дерева; 4 — дерева и шамот; 5 — дерева и органика; 12 — лепная лощеная; 11 — фр-г ручки розовоглиняной с желтым ангобом амфоры (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова).

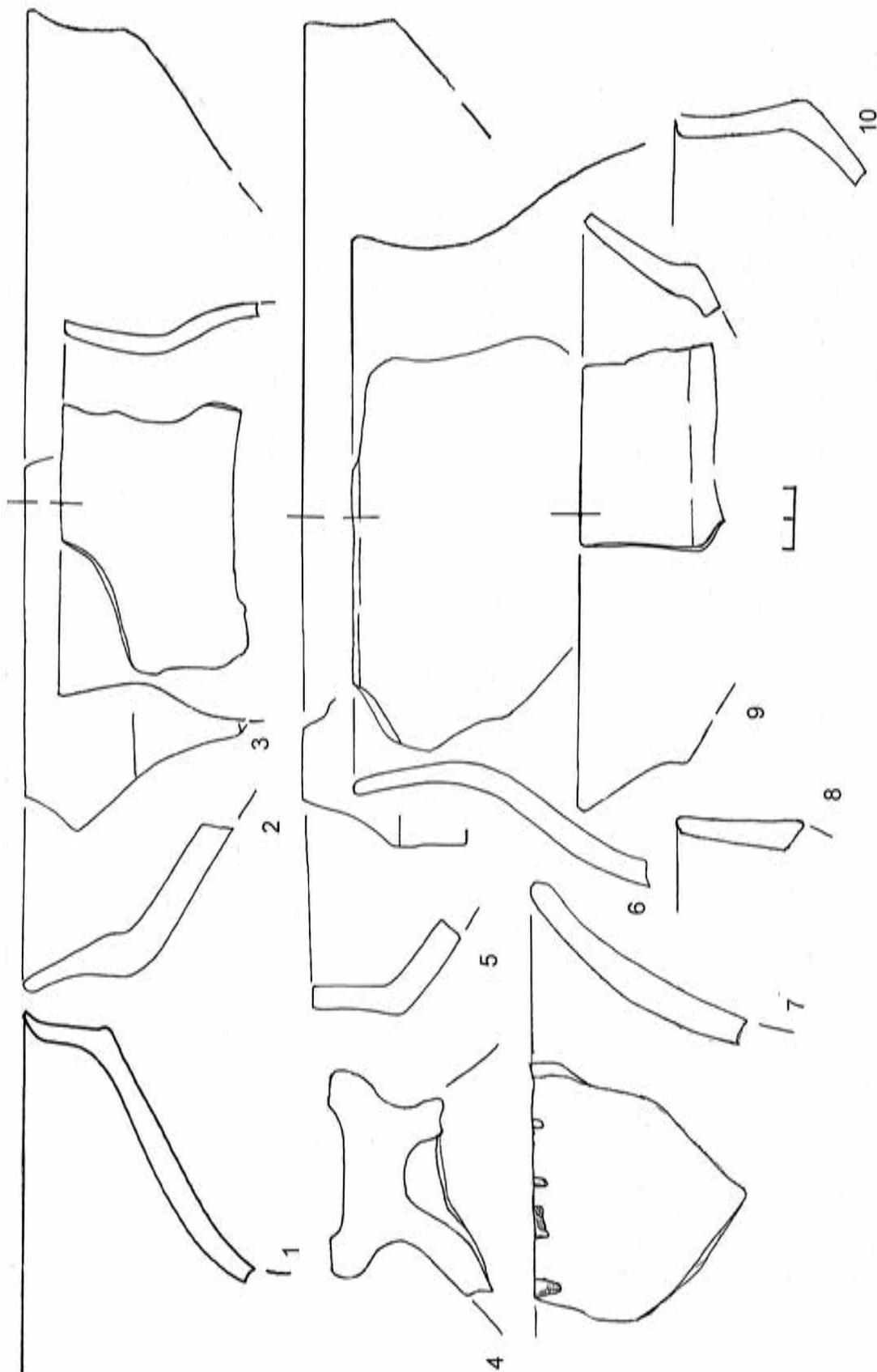


Рис. 51. Пархомовка 1977 г., яма 2 (1,4,7,8,10), шурф 1 (2,3,5,6,9).

4,7 — груболепная посуда с дрсевой и шамотом в тесте; 1-3,5,6,8-10 — лепная лощеная керамика (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова).

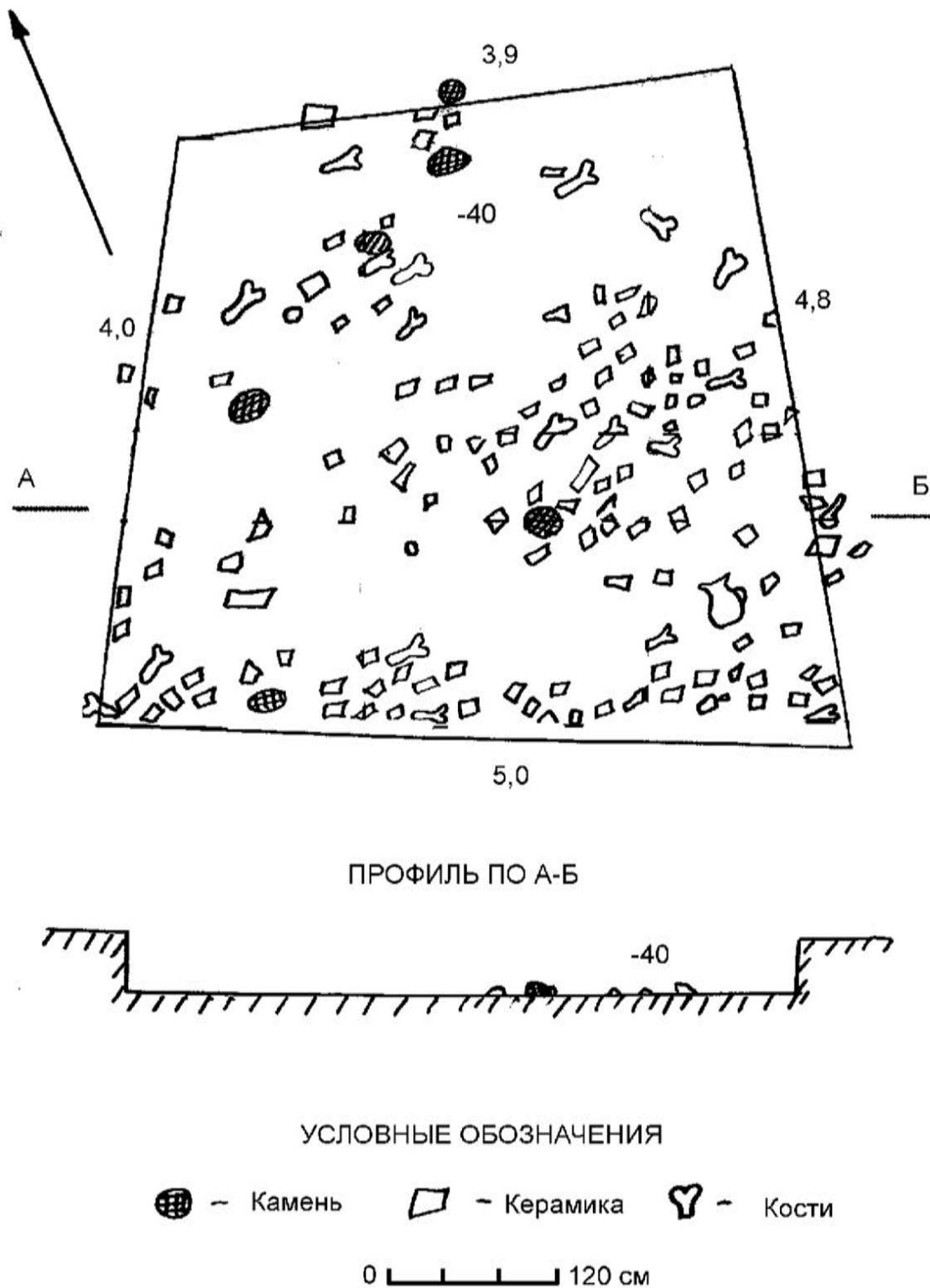


Рис. 52. Пархомовка, жилище 2 1977 г., план (по П.И. Хавлюку).

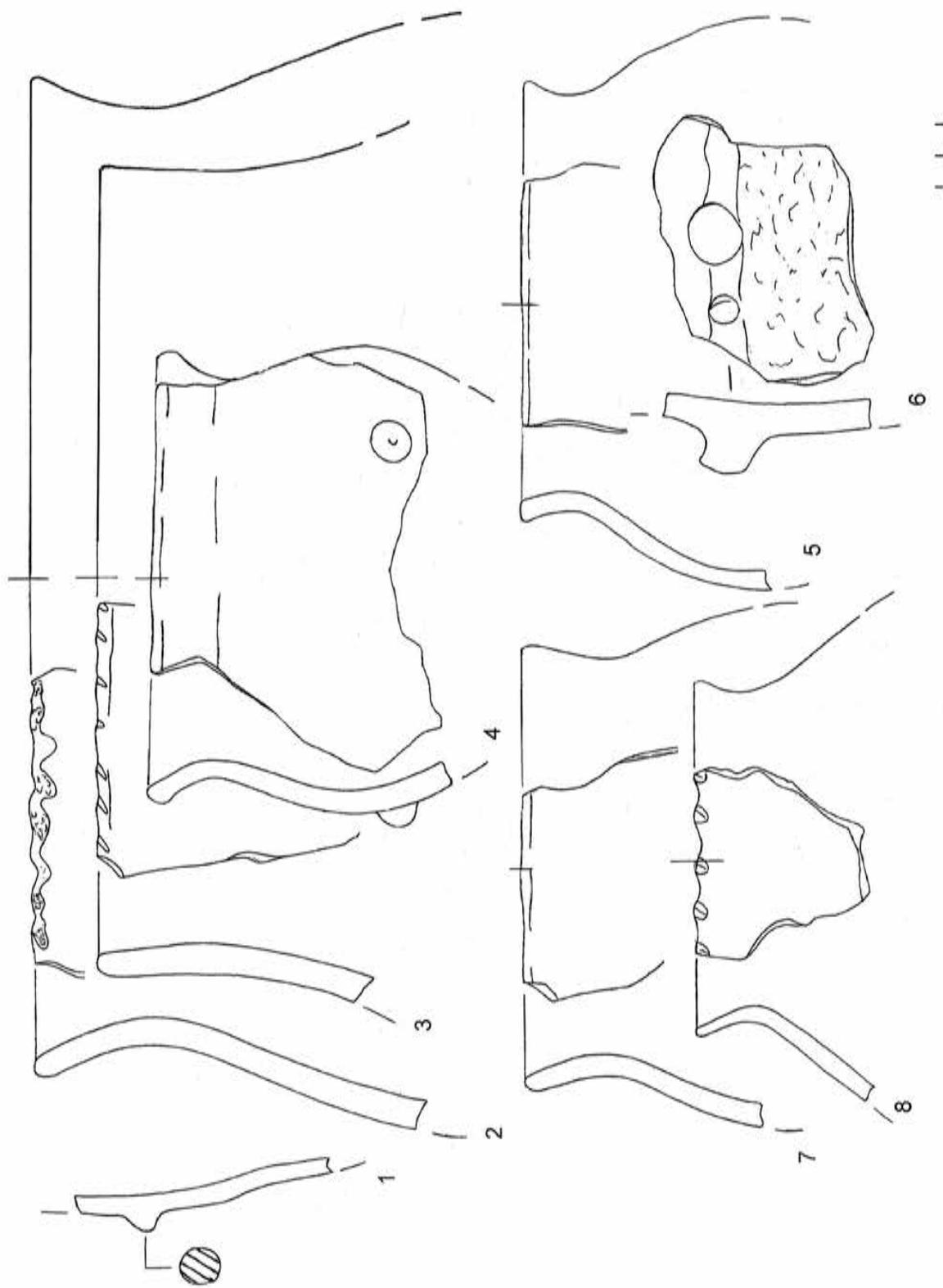


Рис. 53. Пархомовка, жилище 2 1977 г., груболепная керамика.
 Примеси в керамическом тесте: 1,3,7 — дресва; 2,8 — шамог; 4 — дресва и блестки; 5 — блестки; 6 — дресва и известняк (рис. А.М. Обломского).



Рис. 54. Пархомовка, жилище 2 1977 г., лепная лощеная керамика (рис. А.М. Обломского).

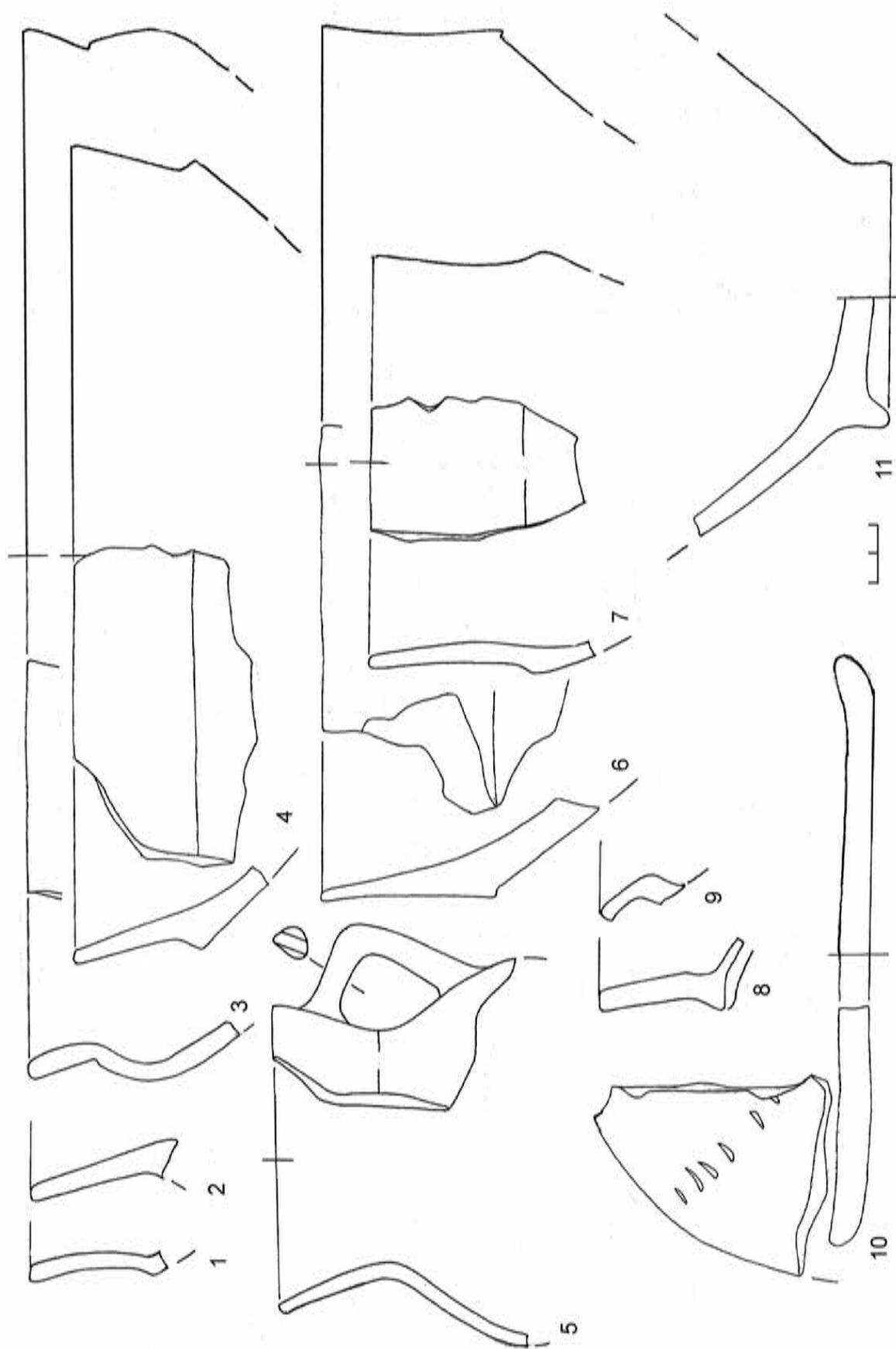


Рис. 55. Пархомовка, жилище 2 1977 г., лепная лощеная керамика (рис. А. М. Обломского).

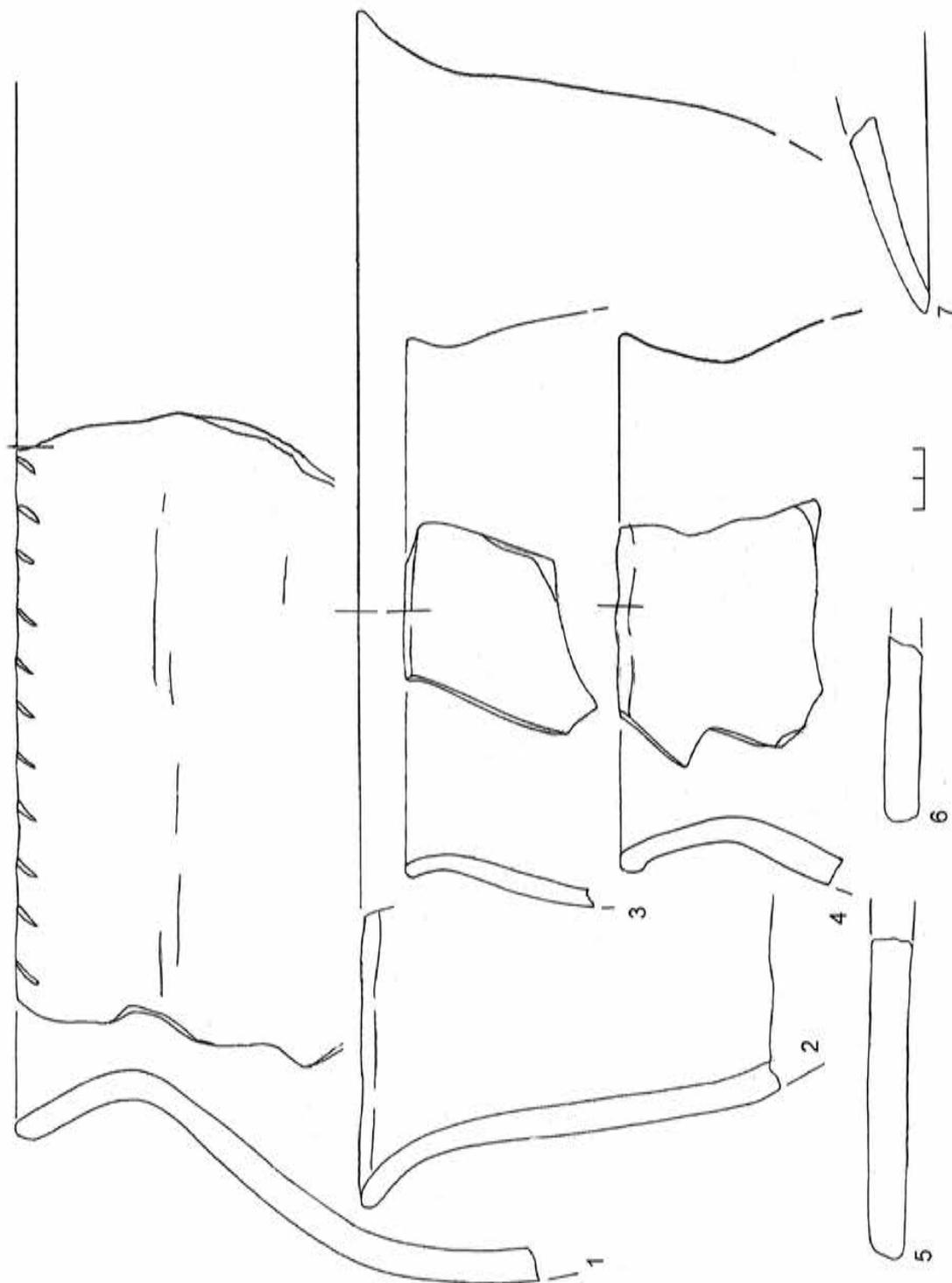


Рис. 56. Пархомовка, 1977 г., шурф 1, груболепная керамика.
Примеси в тесте: 1,6,7 – шамот; 2 – известняк, блески; 3 – дресва, блески; 4,5 – дресва (рис. А. М. Обломского).

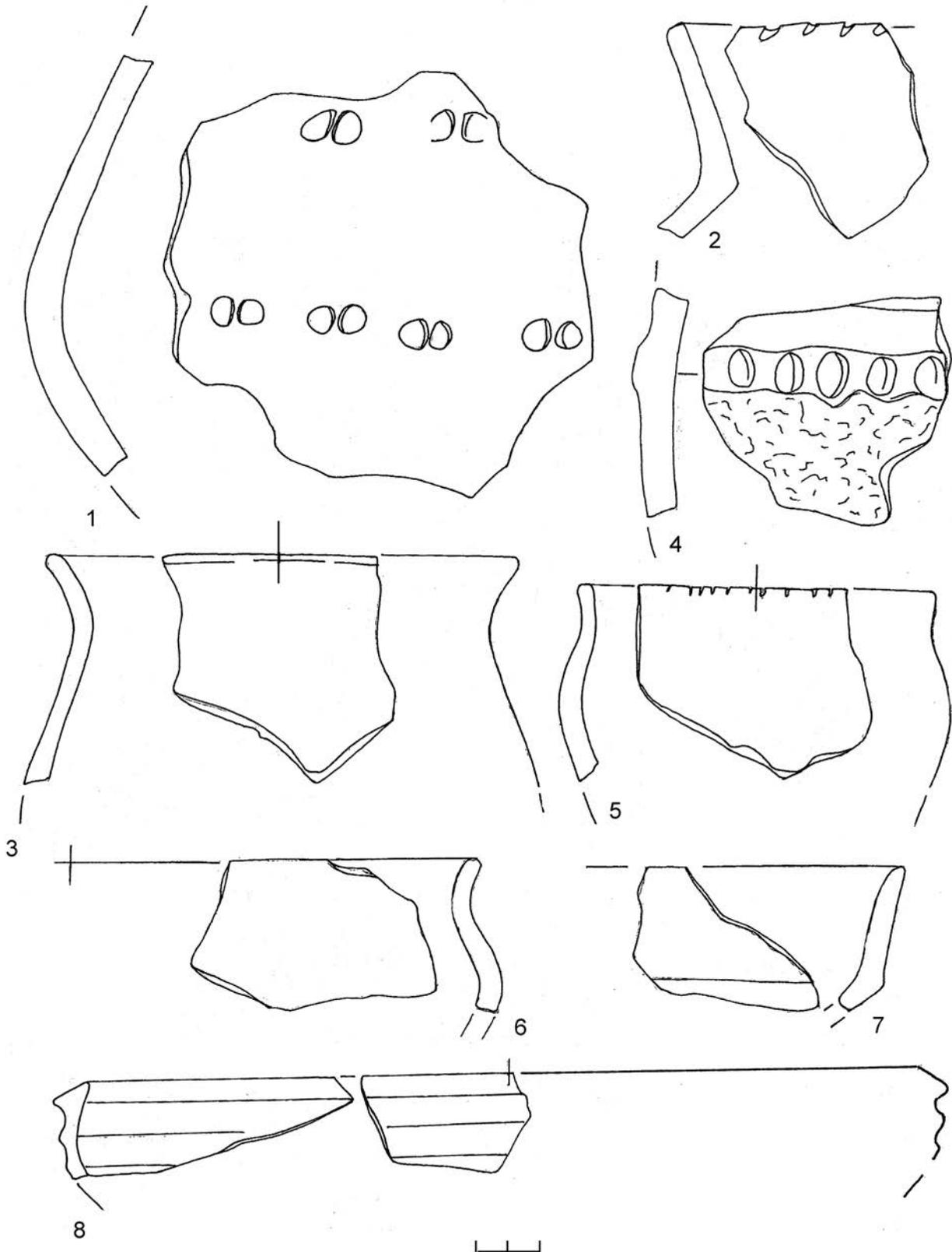


Рис. 57. Пархомовка, 1977 г., шурф 1, керамика.

1-5 – груболепная (4 – с хрупчатой поверхностью; примеси в керамическом тесте: 1,2 – шамот; 3,4 – дресва; 5 – дресва и блески); 6,7 – лепная лошенная керамика; 8 – фр-т серолощенной гончарной миски (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова).

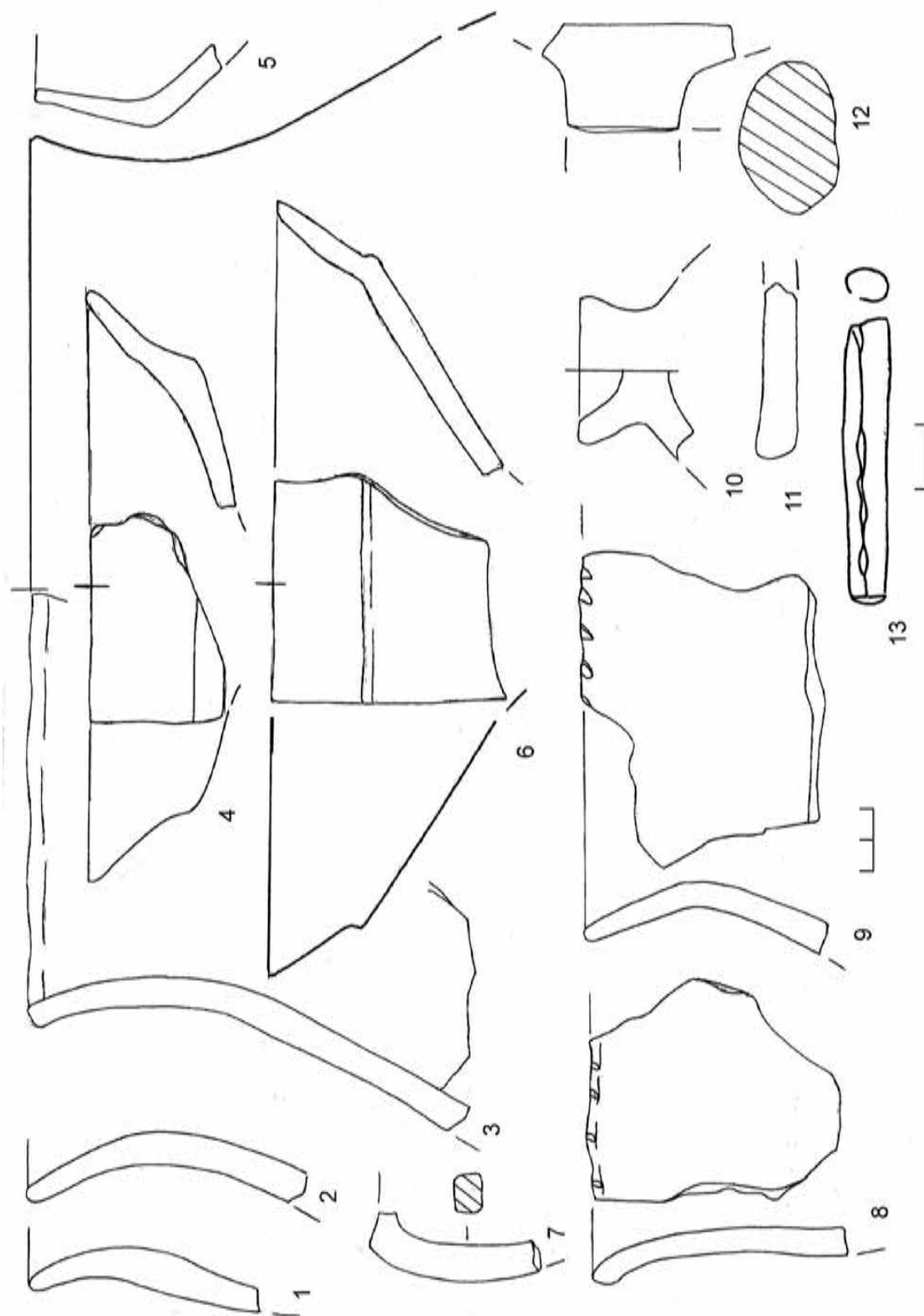


Рис. 58. Пархомовка, 1977 г. Материалы из культурного слоя поселения без четкой привязки к раскопам.

1-3,8-11 — груболепная керамика (примеси в керамическом тесте: 1,8 — дресва; 2,3,10 — шамот; 10,11 — шамот и дресва); 9 — известняк и дресва); 4-7 — лепная лощеная керамика; 12 — фр-т красноглиняной амфоры; 13 — пронизь из бронзы (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова).

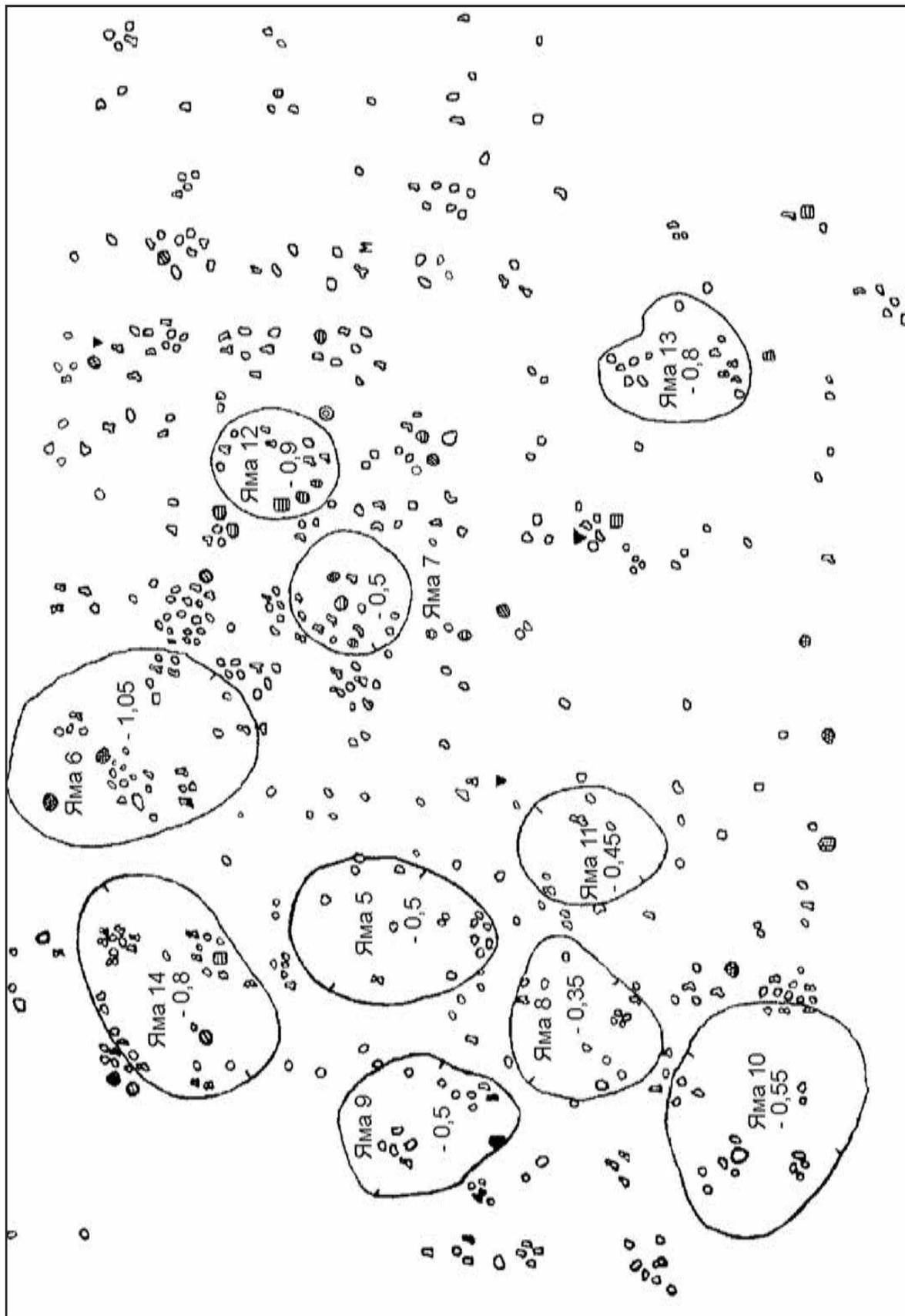


Рис. 59. Пархомовка, раскопки 1978 г., раскол 3, план (по П.И. Хавлюку).

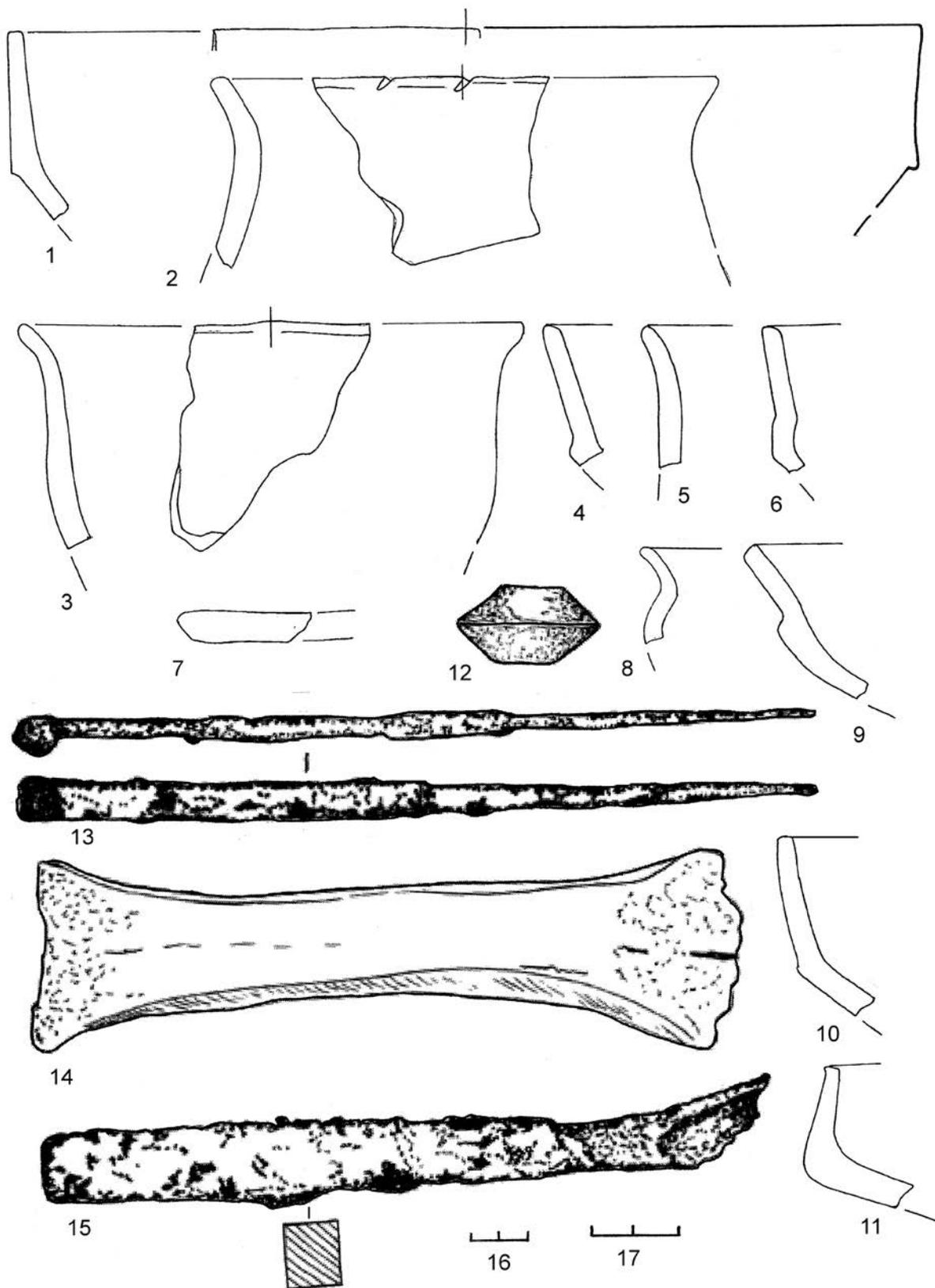


Рис. 60. Пархомовка, 1978 г., культурный слой.

1-14 – раскоп III, 15 – раскоп IV; 1,4-6,8-11 – лепная лощеная керамика; 2,3,7 – груболепная керамика (примеси в керамическом тесте: 2 – шамот; 3 – дресва; 7 – дресва и блески); 12 – глиняное пряслице; 13,15 – изделия из железа; 14 – костяное ложило (рис.: 1-11 – А.М. Обломского; 13-15 – П.И. Хавлюка).

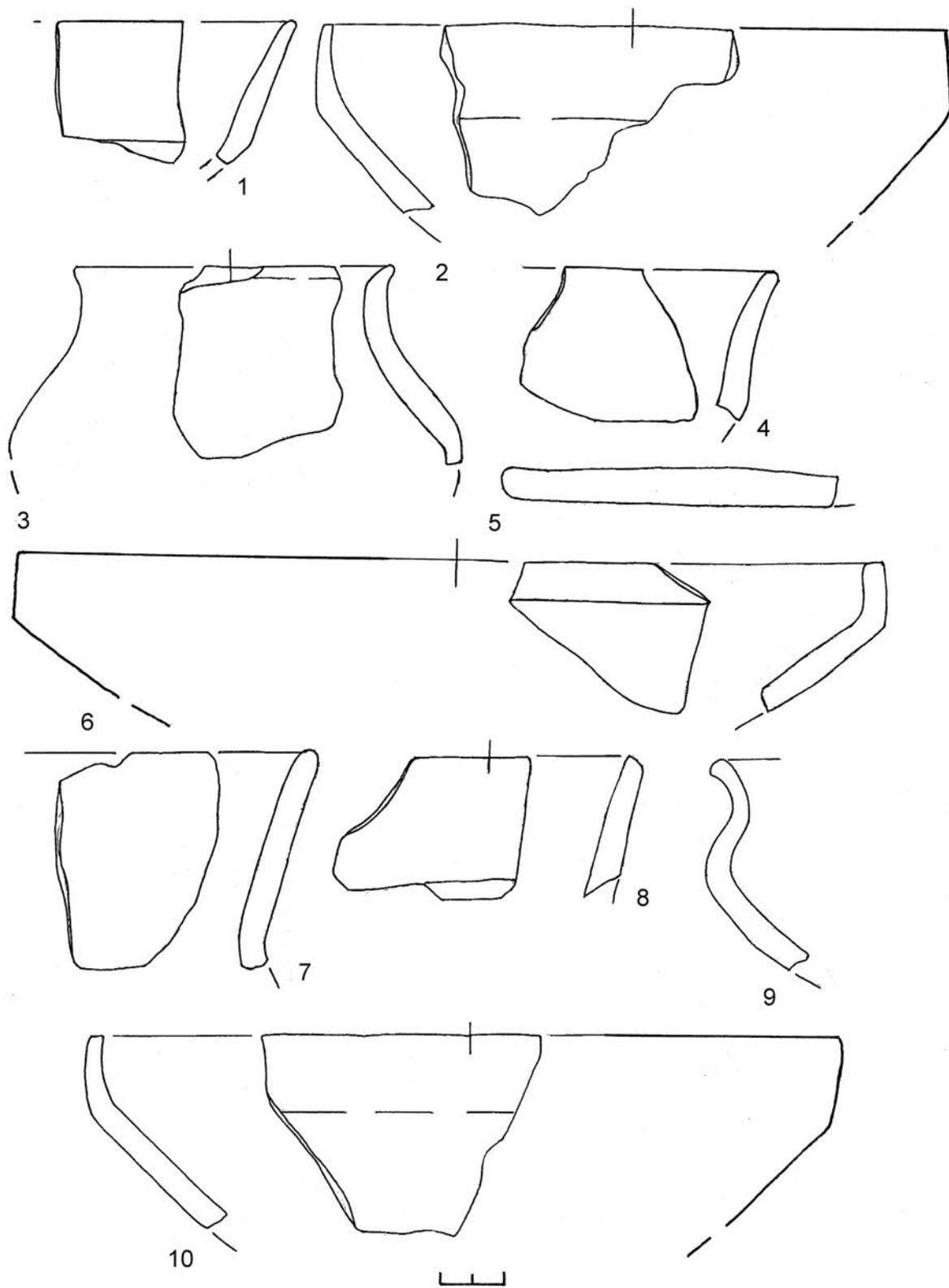


Рис. 61. Пархомовка, 1978 г., керамика.

1-3 – яма 5; 4,5 – яма 6; 6 – яма 7; 7 – яма 8; 8,9 – яма 10; 10 – яма 12; 1,2,4,6,8-10 – лепная лощеная посуда; 3,5,7 – груболепная керамика с дрсевой в тесте (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова).

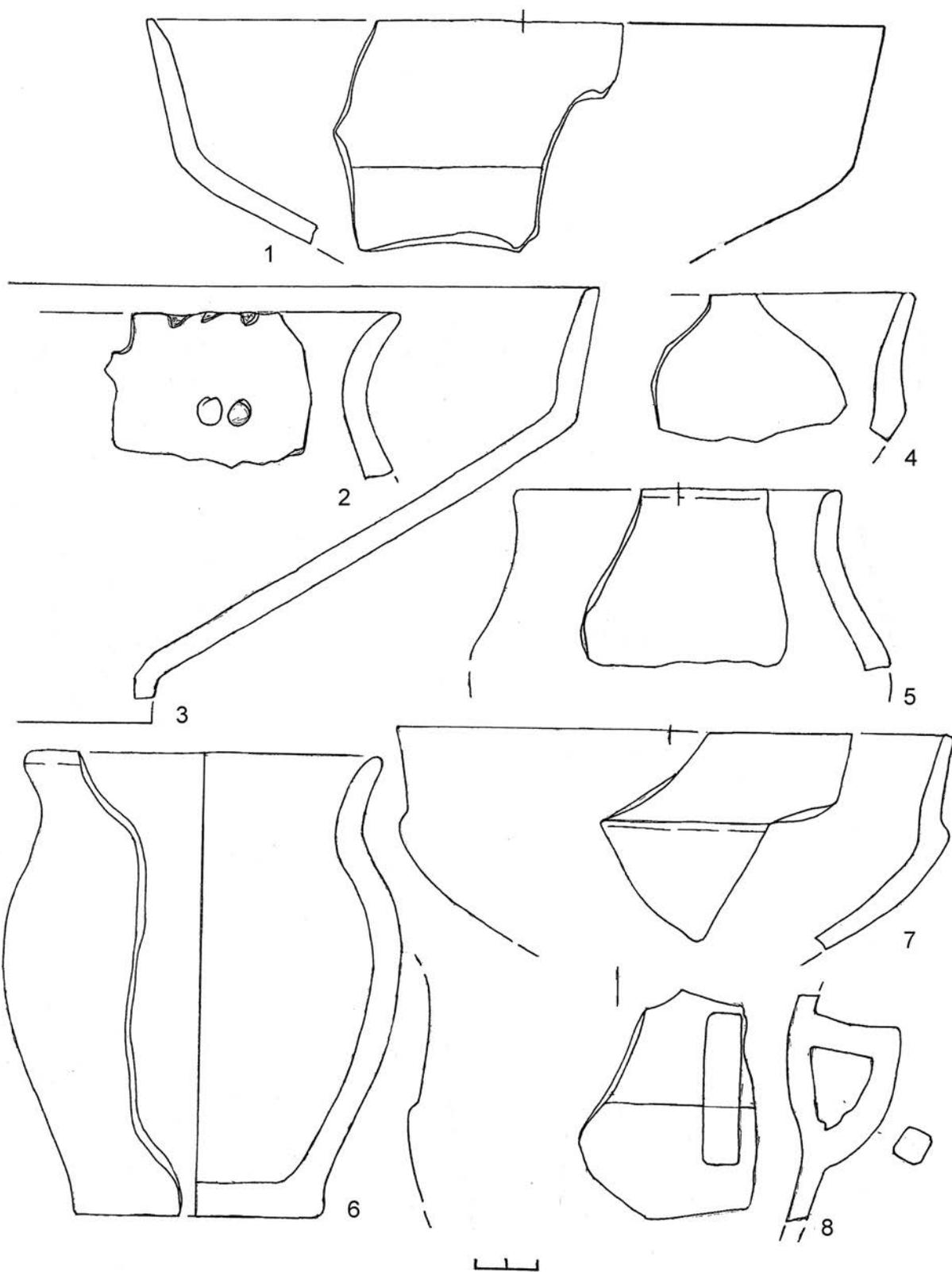


Рис. 62. Пархомовка, 1978 г., керамика.

1,3-5 — яма 13; 2,6-8 — культурный слой раскопа V. 1,3,4,7,8 — лепная лощеная керамика; 2,5,6 — груболепная керамика (примеси в керамическом тесте: 2,6 — шамот; 5 — дресва) (рис. А.М. Обломского и Ю.Ю. Башкатова).

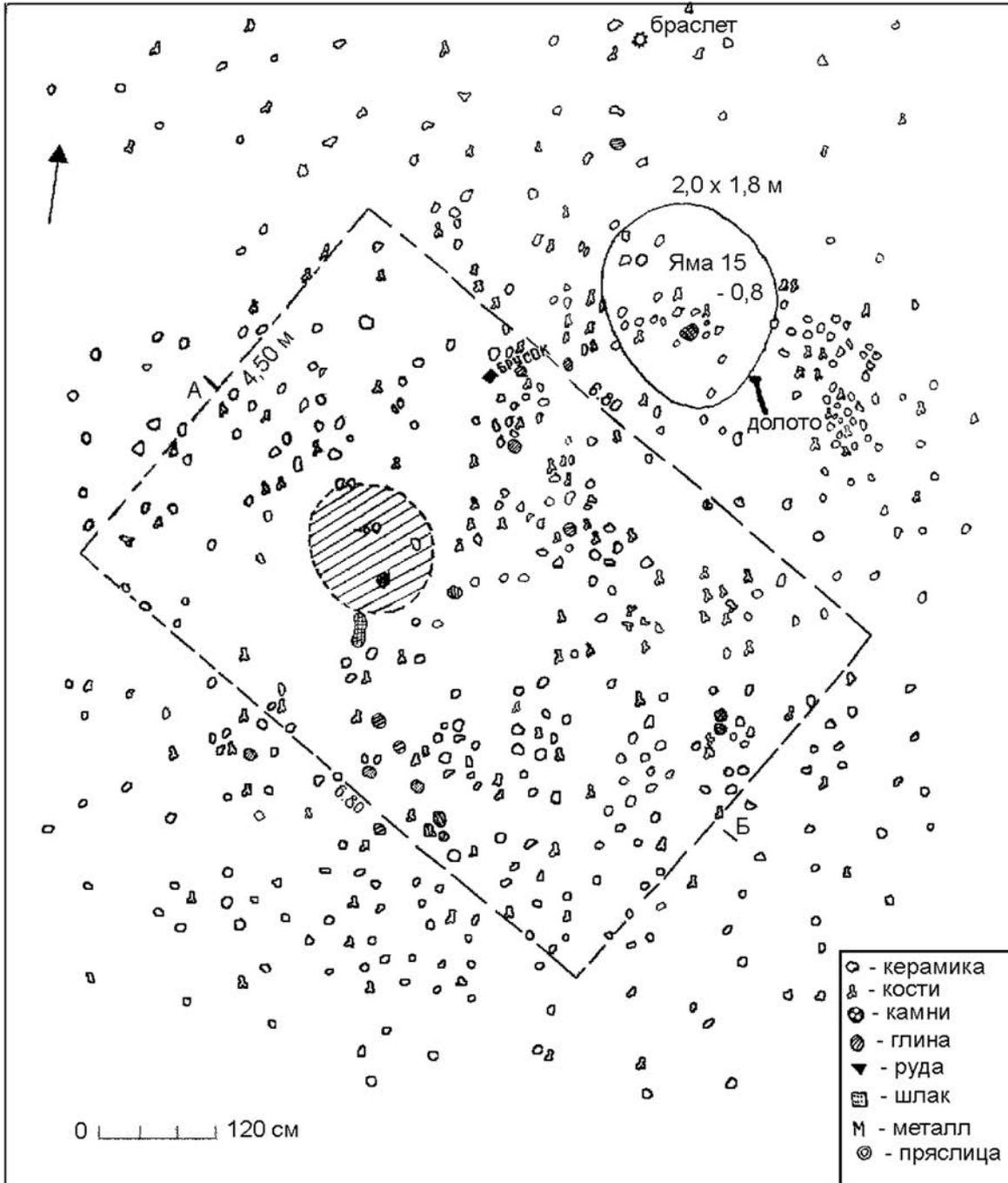


Рис. 63. Пархомовка, раскопки 1978 г., раскоп IV, план (по П.И. Хавлюку).

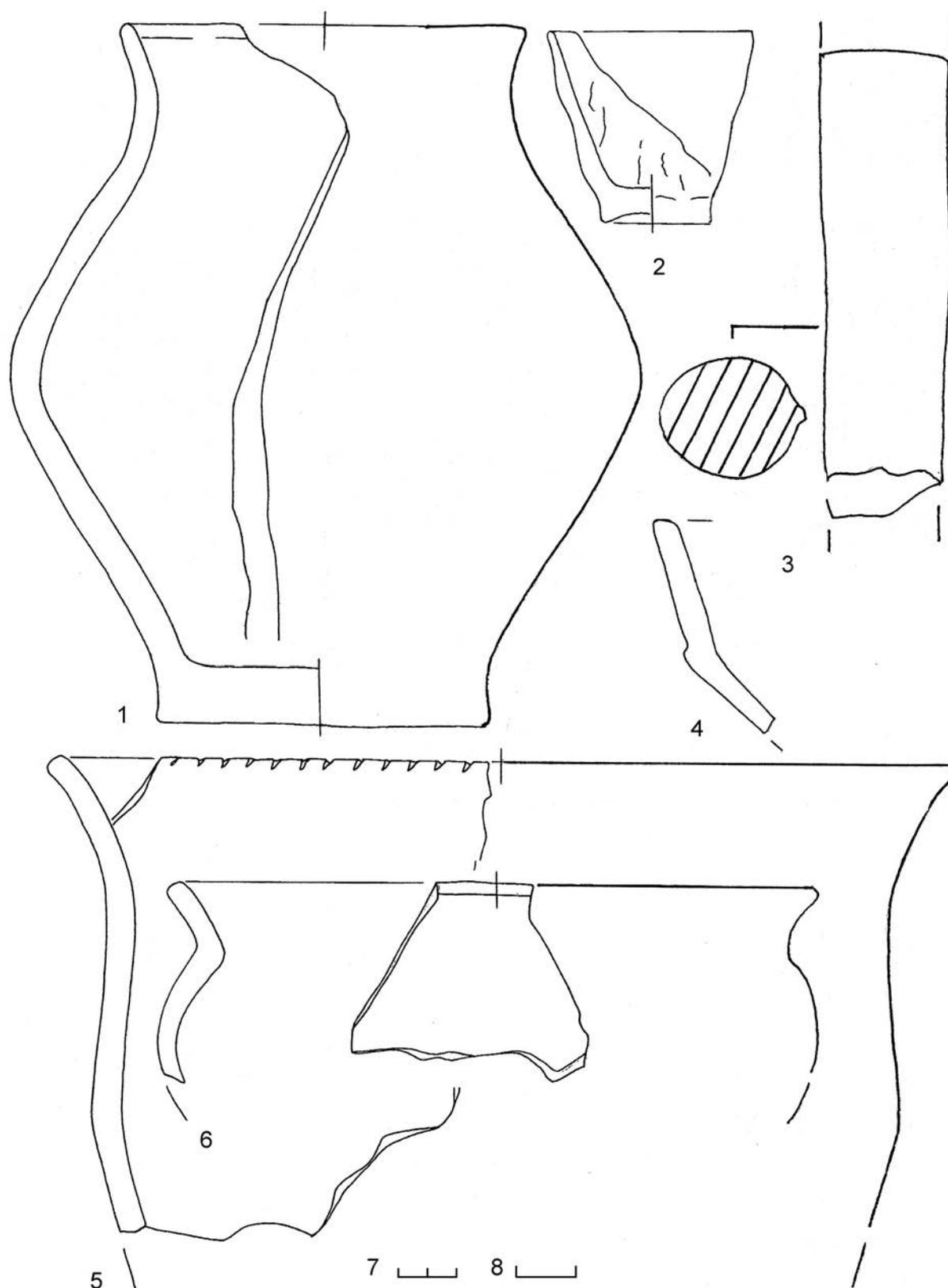


Рис. 64. Пархомовка, 1978 г., траншея III.

1,2,5 – груболепная керамика (примеси в тесте: 1,2 – шамот; 5 – шамот и дресва); 3 – фр-т ручки амфоры; 4,6 – лепная лощеная керамика (рис. А.М. Обломского).

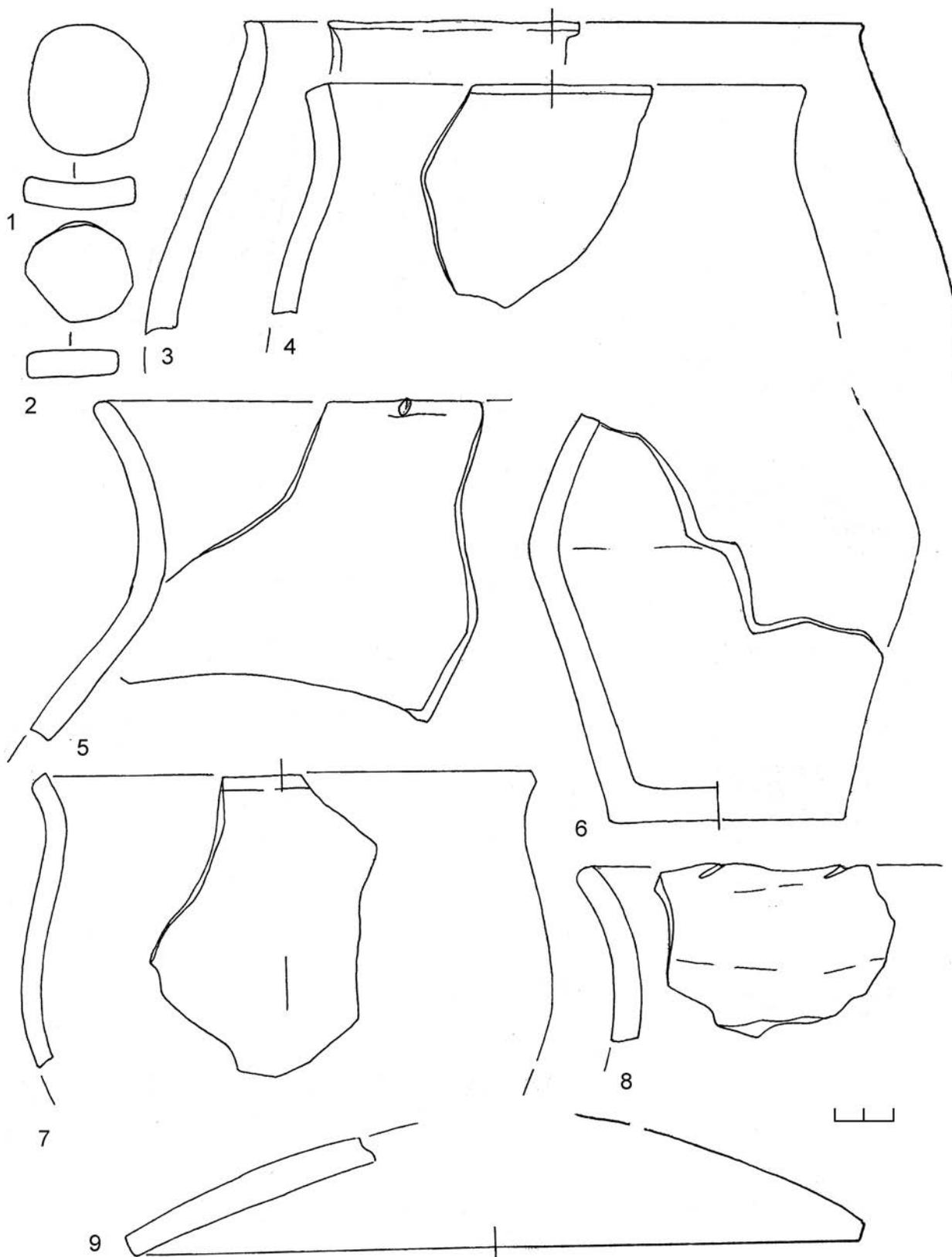


Рис. 65. Пархомовка, 1978 и 1985 гг. Материалы.

1,2,4-9 – 1985 г. (1,4,6,9 – с шифром «х.с.»); 3 – 1978 г. 1,2 – заготовки пряслиц из стенок красноглиняных амфор; 3-9 – груболепная керамика (примеси в тесте: 3,4,7 – с дресвой и блестками; 5,8 – с шамотом; 6,9 – с дресвой) (рис. А.М. Обломского).

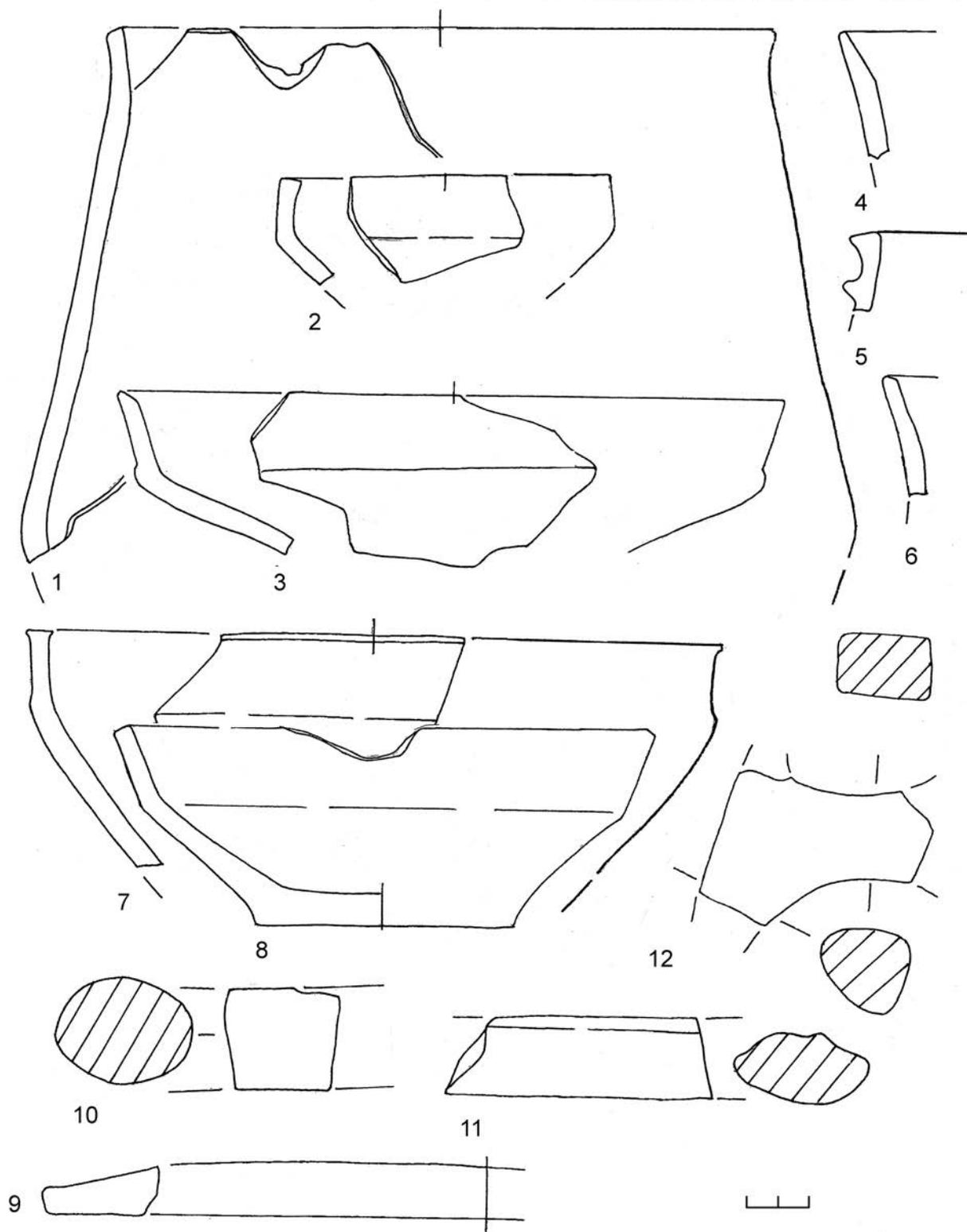


Рис. 66. Пархомовка, 1985 г., керамика.

1-9 – лепная лощеная керамика (1,5-7,9 – с шифром «х.с.»); 10 – фр-т коричневоглиняной амфоры (с шифром «к.с.»); 11 – фр-т светлоглиняной амфоры; 12 – фр-т амфоры из рыжей глины с желтым ангобом (рис. А.М. Обломского).

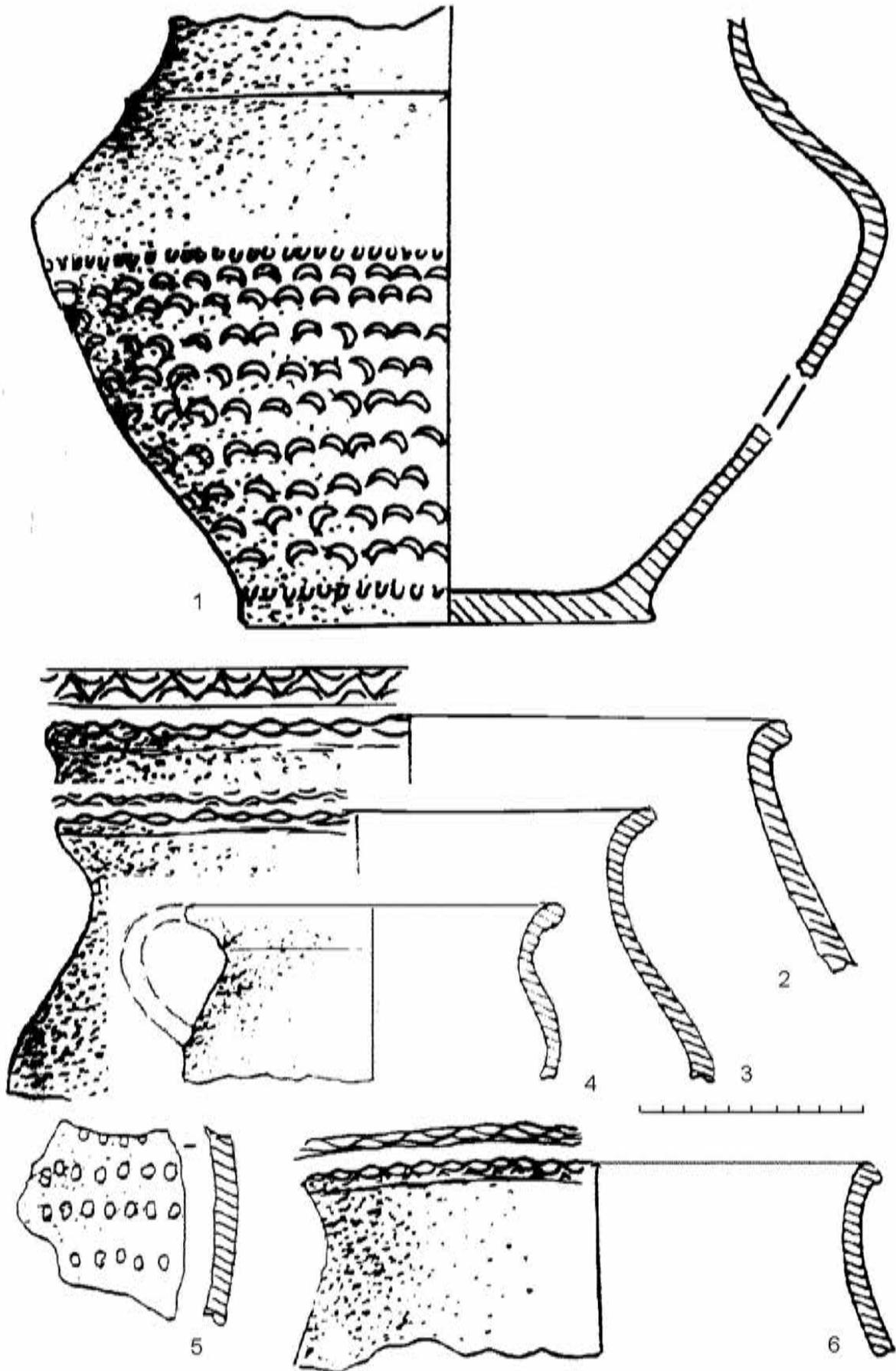


Рис. 67. Райки, лепная керамика (рис. П.И. Хавлюка)

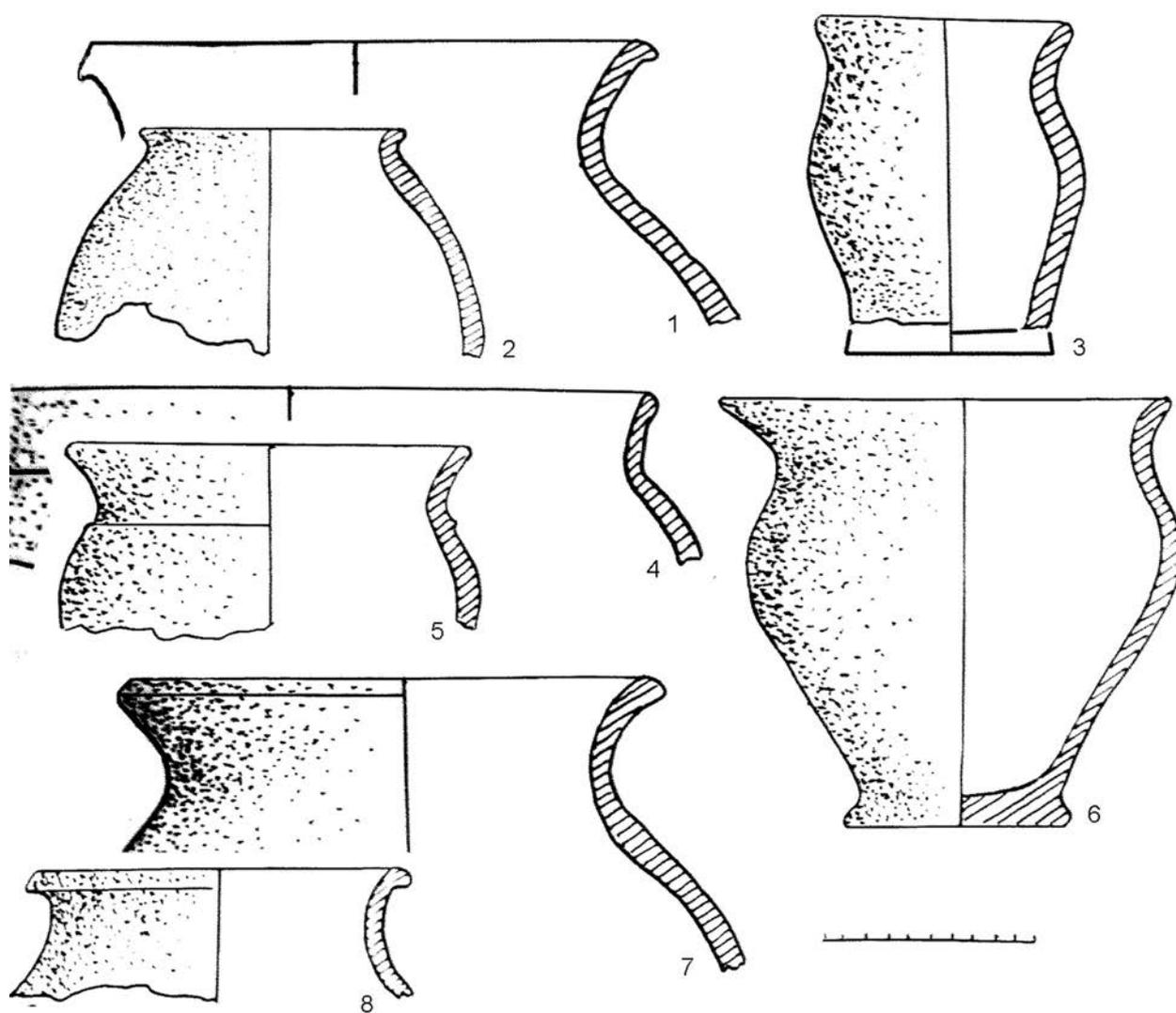


Рис. 68. Райки, лепная керамика (рис. П.И. Хавлюка)

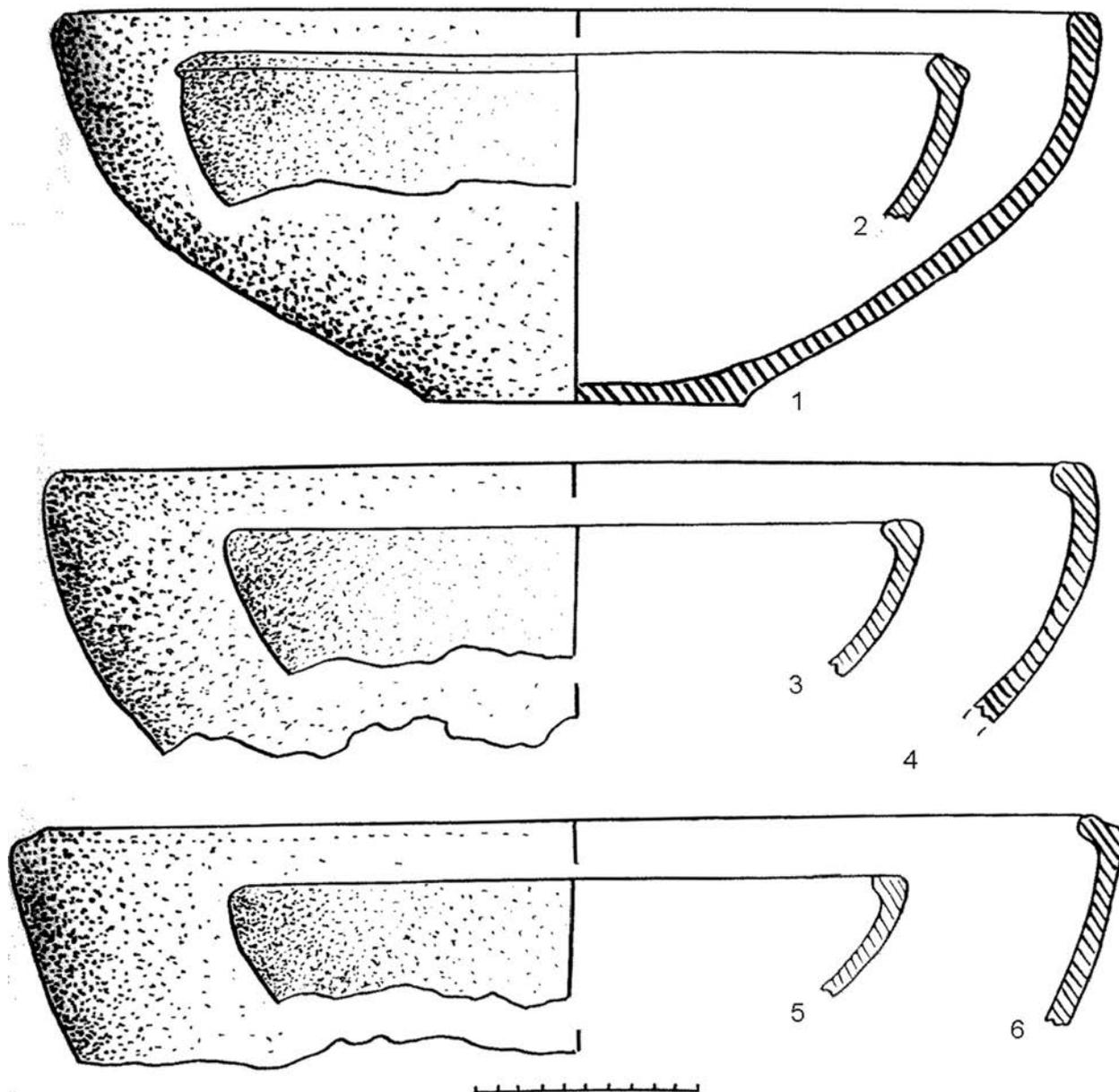


Рис. 69. Райки, лепная керамика (рис. П.И. Хавлюка)

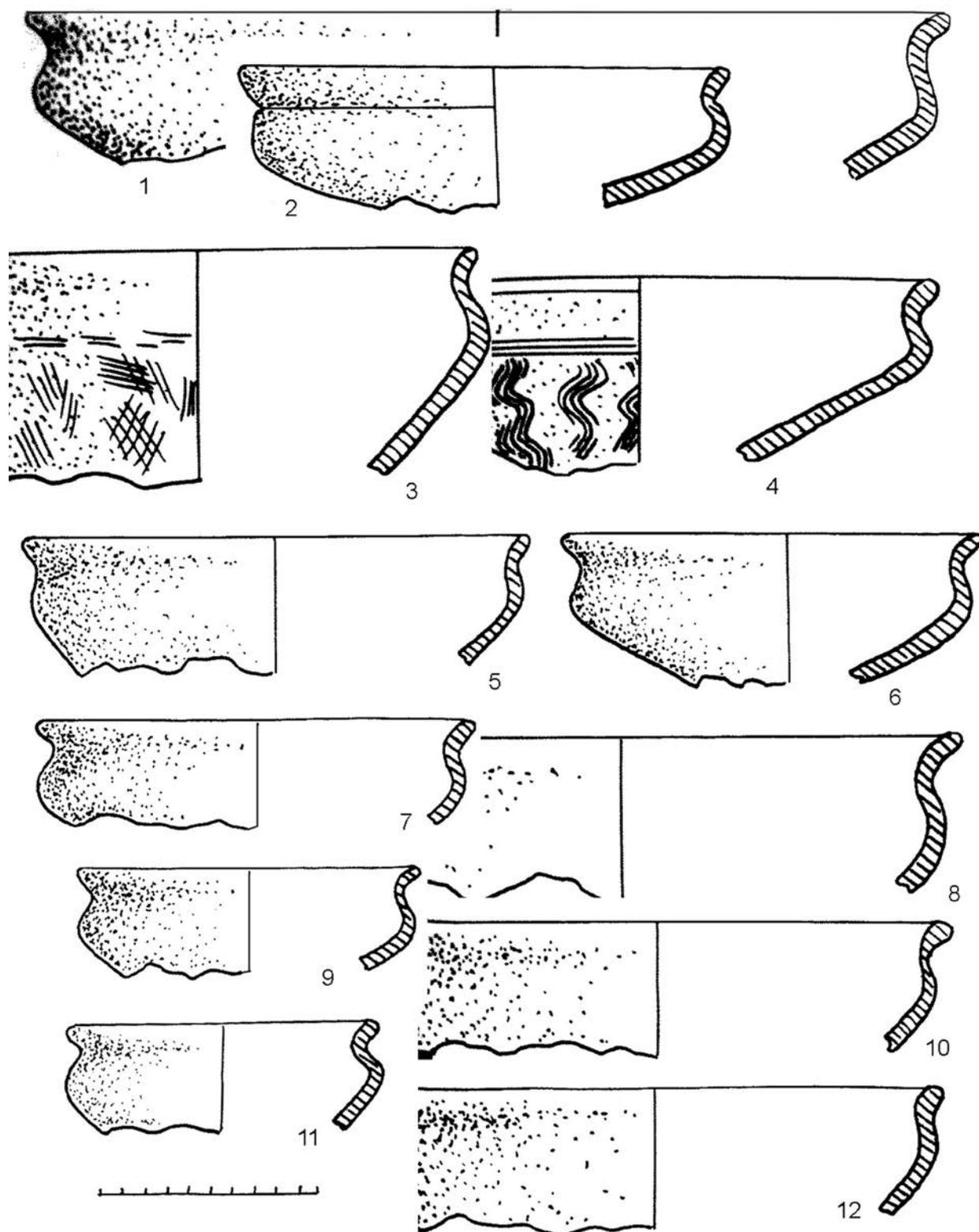


Рис. 70. Райки, лепная керамика (рис. П.И. Хавлюка)

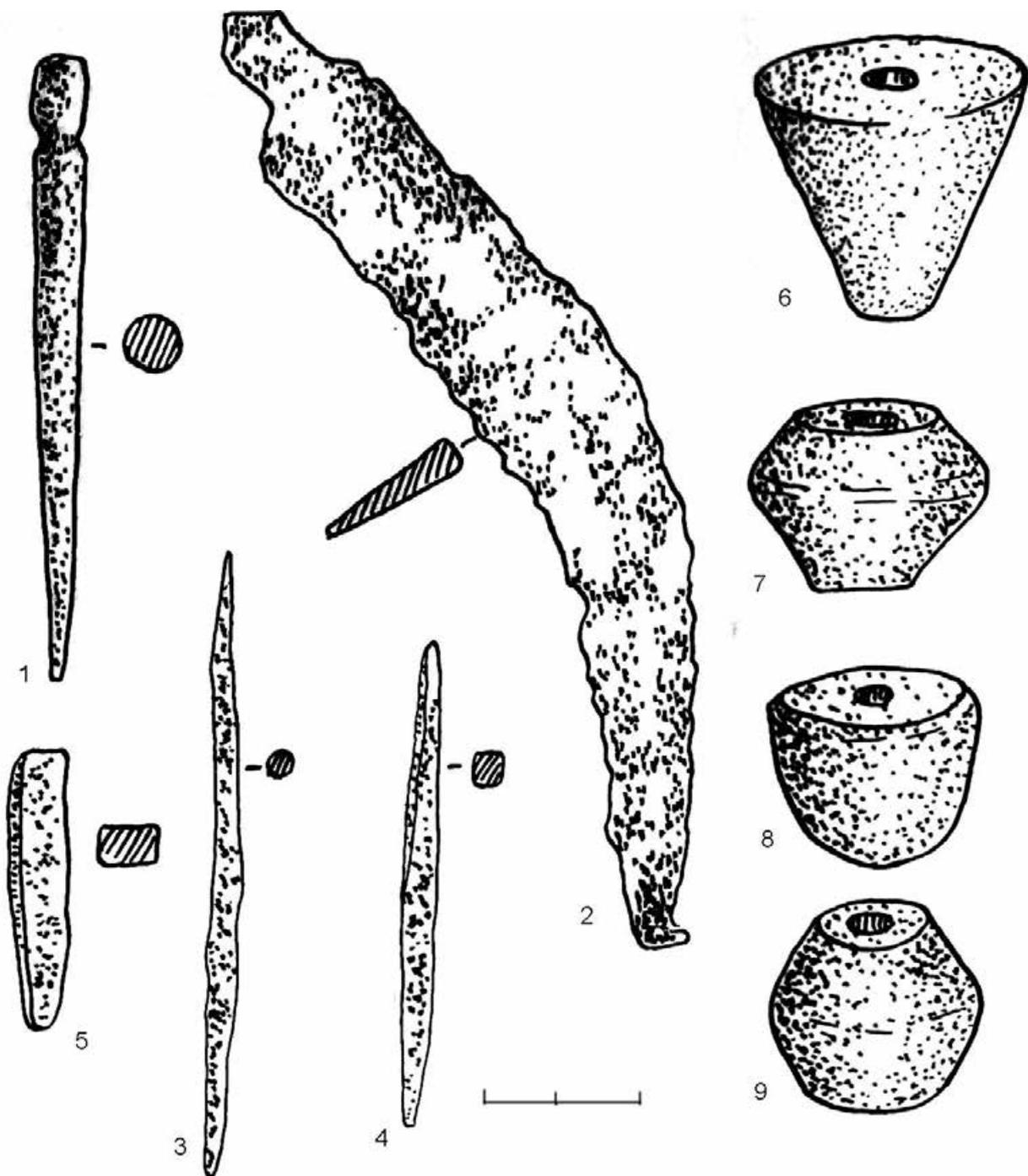


Рис. 71. Райки, вещи (рис. П.И. Хавлюка)
 1 — кость; 2-4 — железо; 5 — бронза; 6-9 — глиняные пряслица.

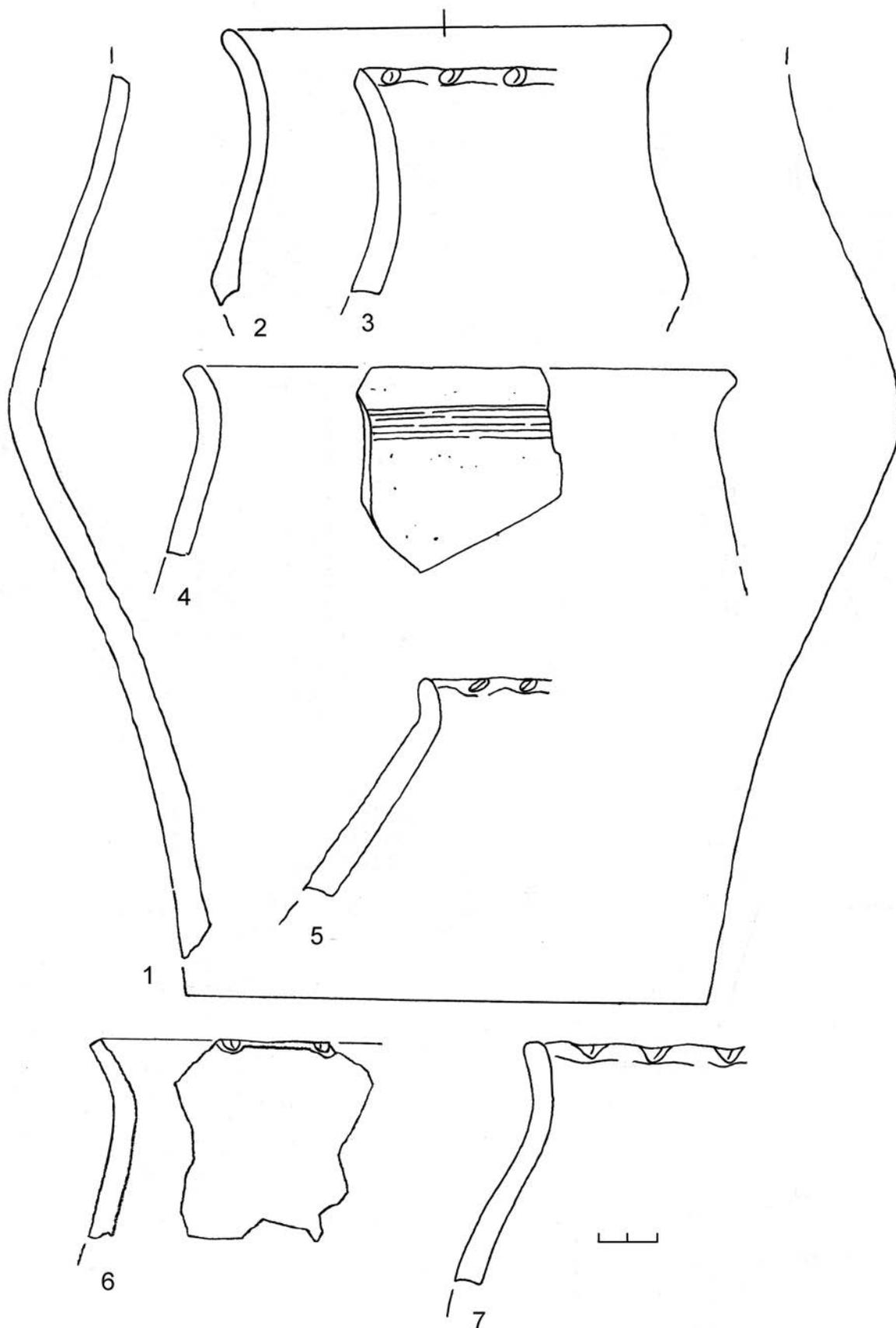


Рис. 72. Осиповка (Пляж), груболепная керамика (рис. А.М. Обломского).

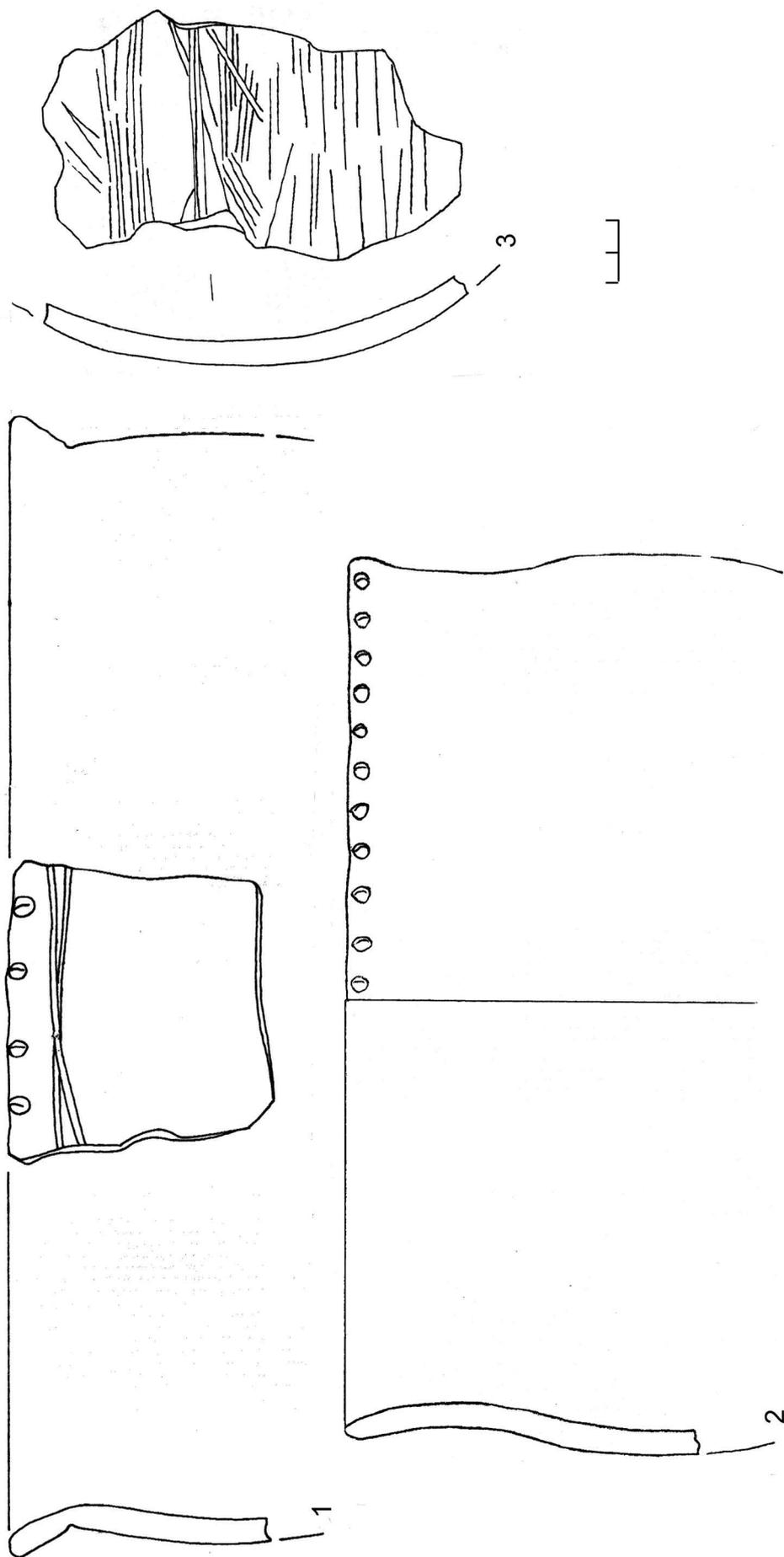


Рис. 73. Осиповка (Пляж), груболепная керамика (рис. А.М. Обломского).

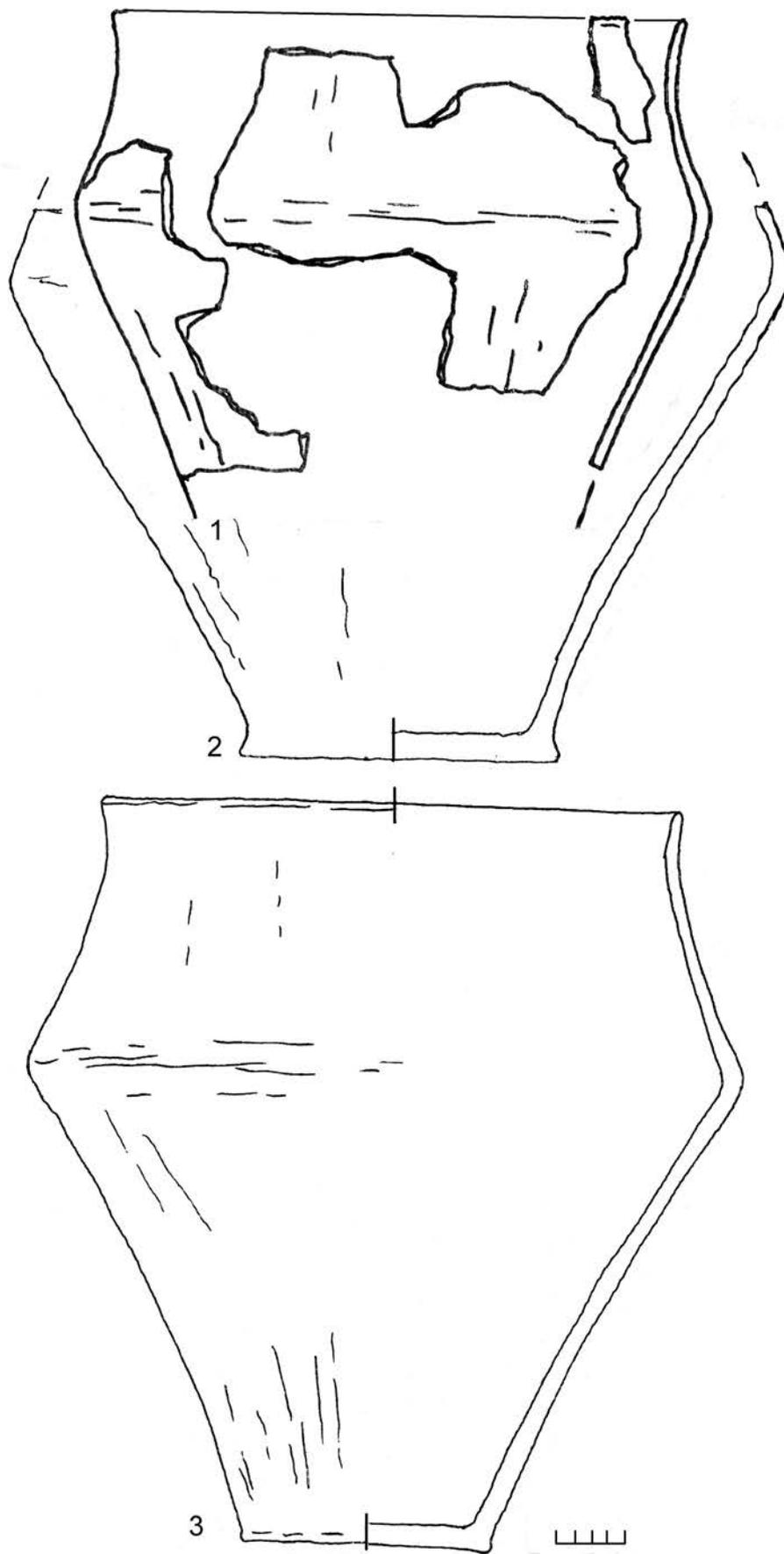


Рис. 74. Осиповка (Пляж), груболепная керамика (рис. Р.В. Терпиловского).

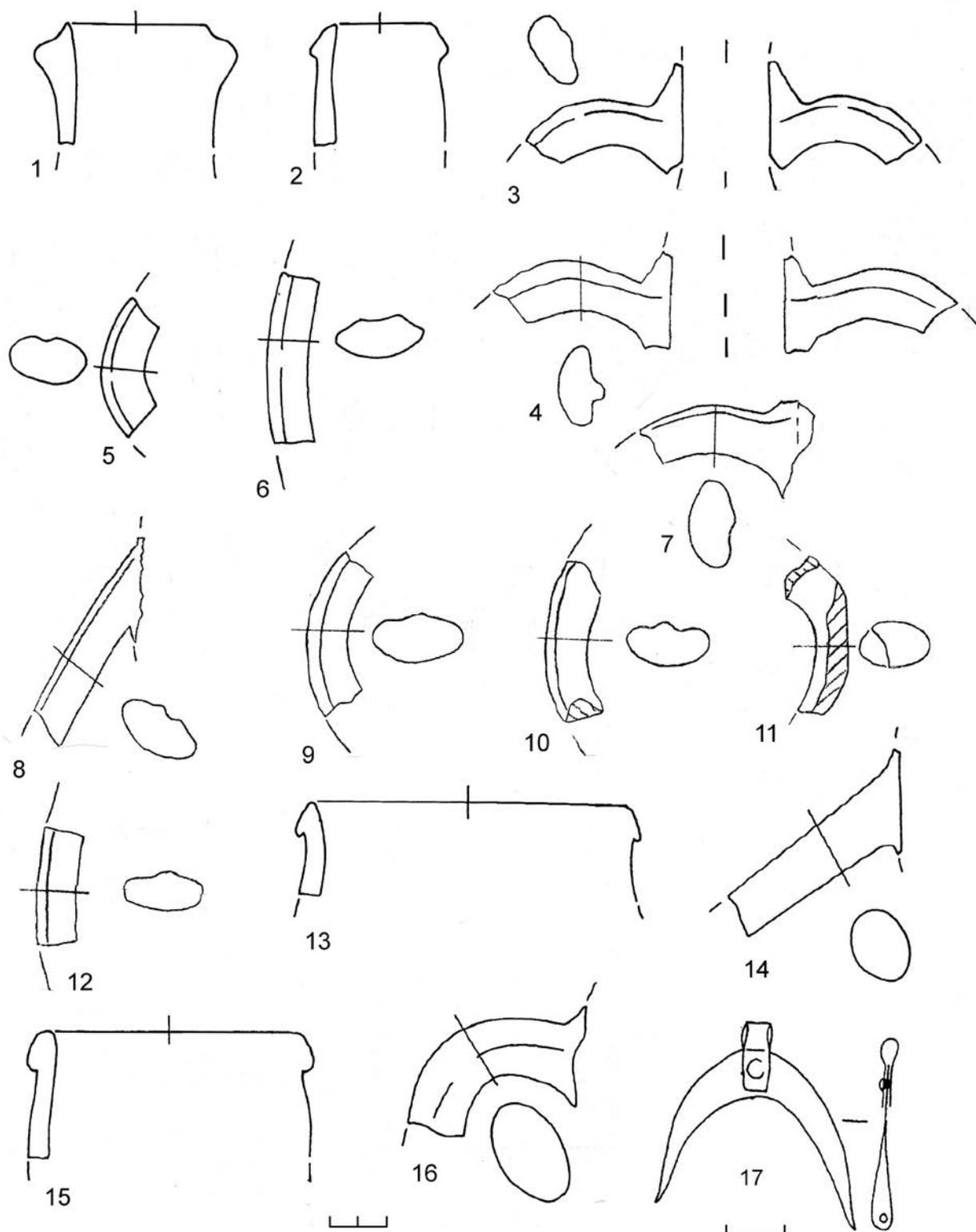


Рис. 75. Осиповка (Пляж), фрагменты амфор из культурного слоя (рис. А.М. Обломского).
1-12 – светлоглиняные; 13-16 – красноглиняные; 17 – бронзовая подвеска.

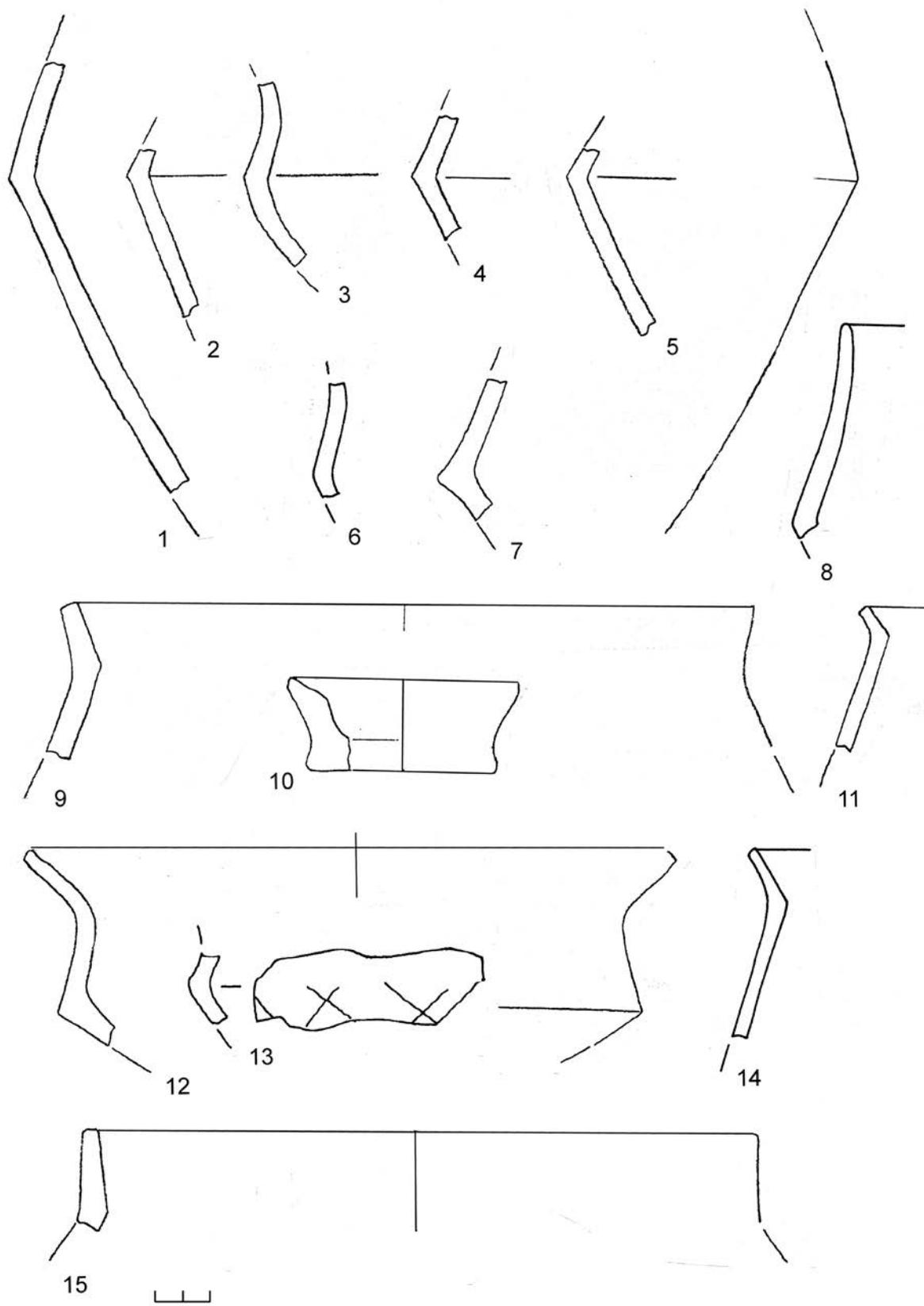


Рис. 76. Осиповка (Пляж), лепная лощеная керамика (рис. А.М. Обломского).

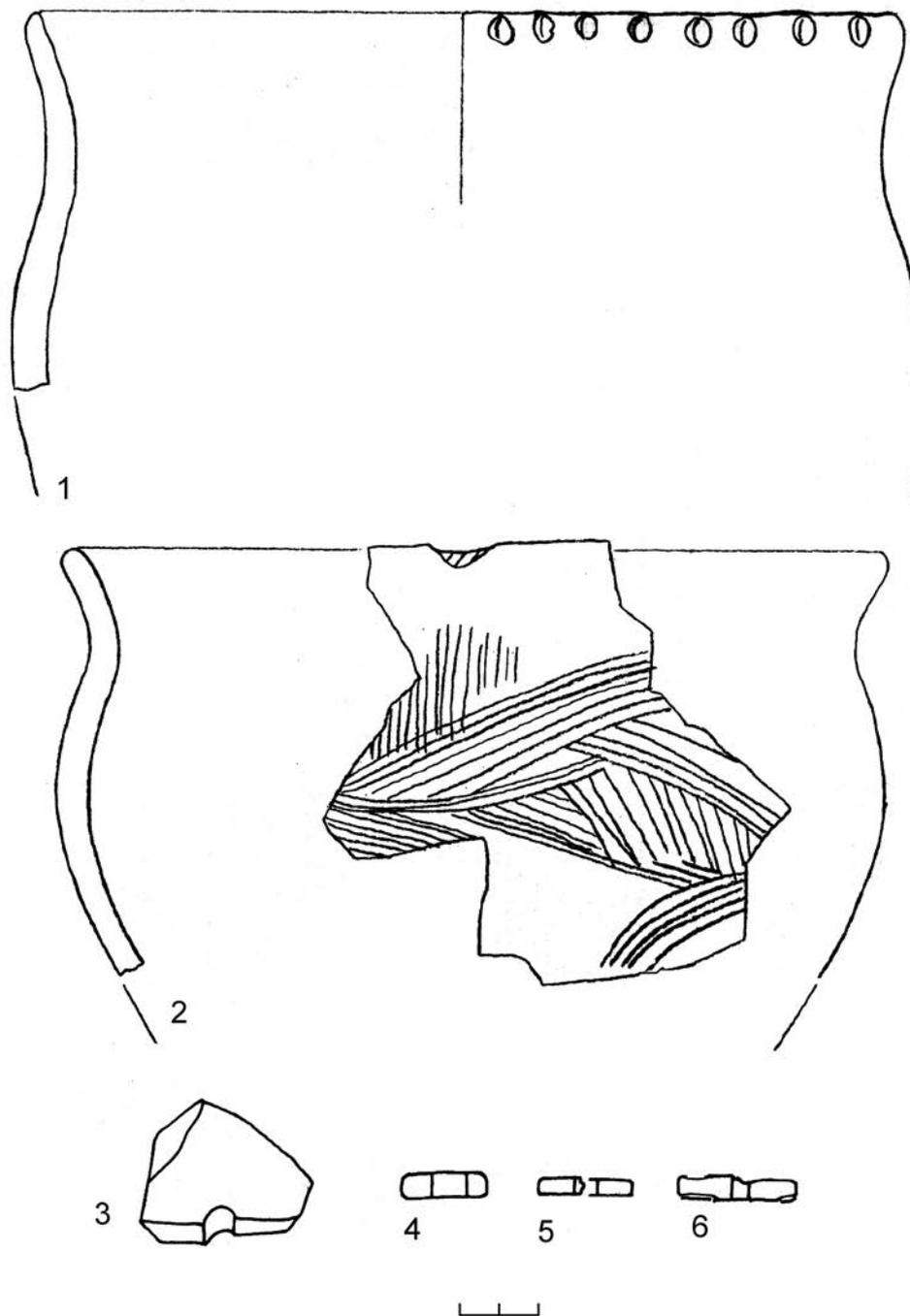


Рис. 77. Осиповка (Пляж), груболепная керамика (1,2), пряслица из стенок сосудов (4-6) и заготовка пряслица из стенки амфоры (3) (рис. А.М. Обломского).

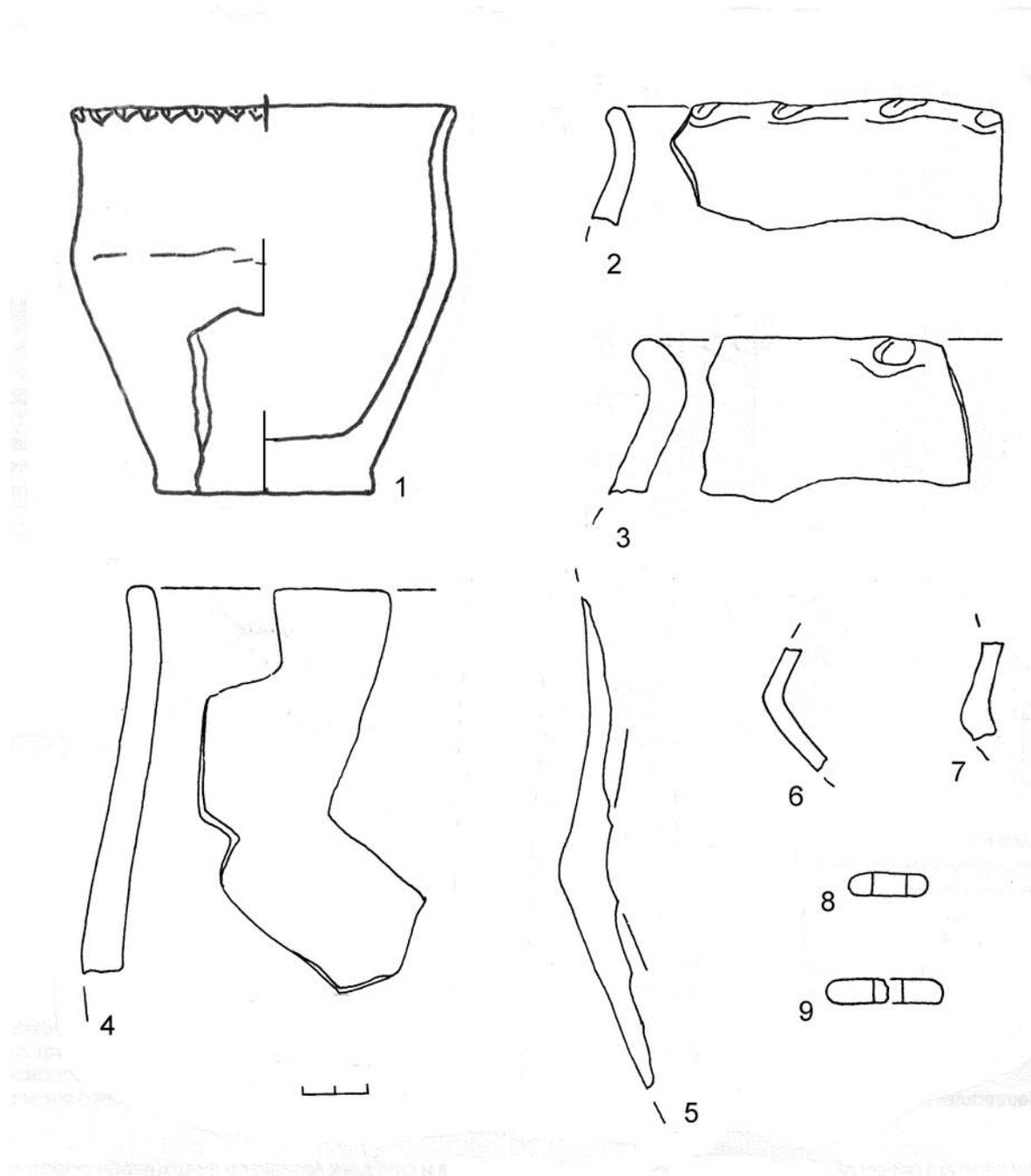


Рис. 78. Осиповка (Лиман), материалы (1 – рис. Р.В. Терпиловского, прочие – А.М. Обломского).
1-5 – груболепная керамика; 6,7 – фр-ты лепных лощеных мисок; 8,9 – пряслица из стенок сосудов.

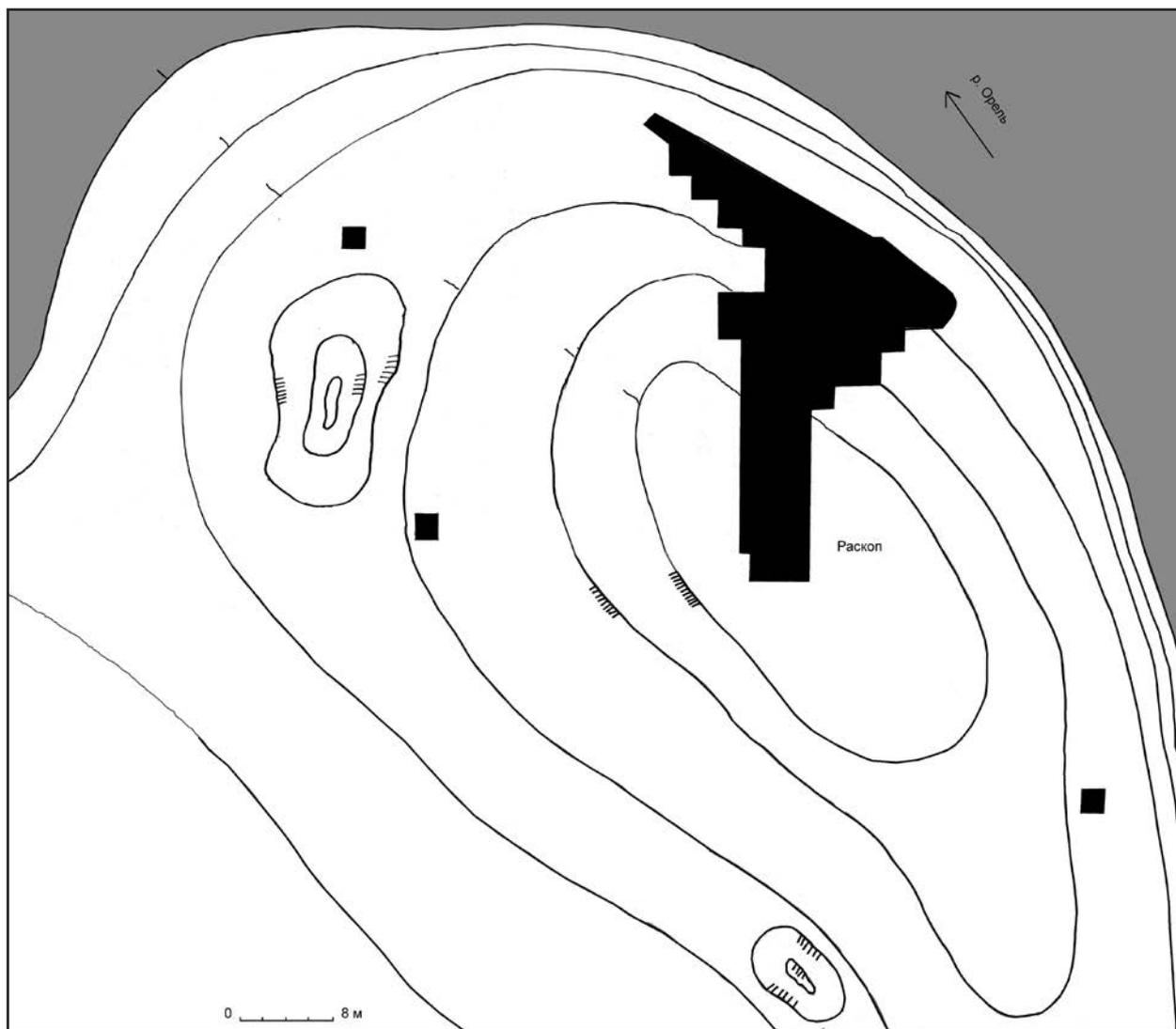


Рис. 79. Чернечина, план поселения (по С.П. Юренко).

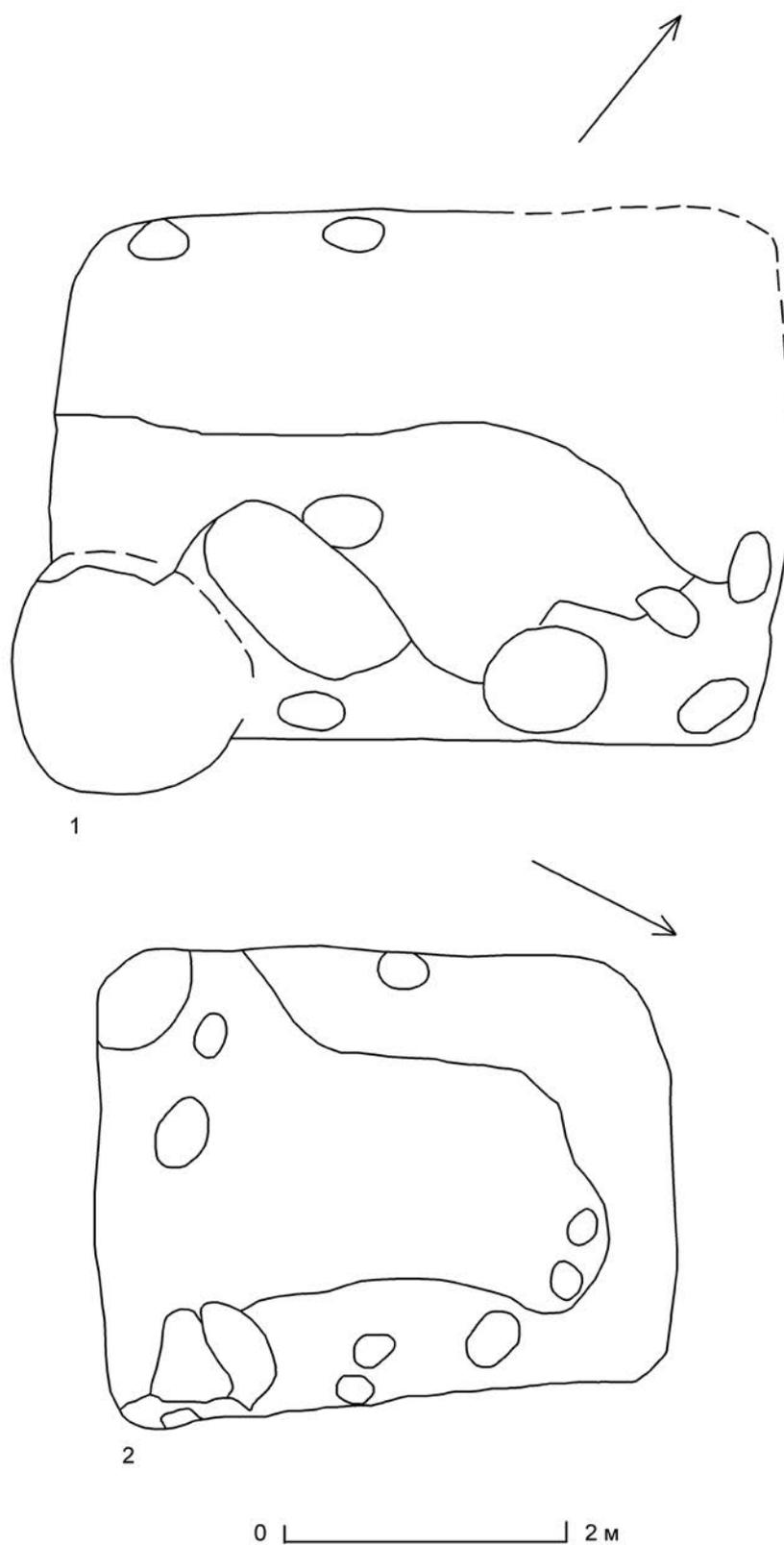


Рис. 80. Постройки поселения Чернечина (по С.П. Юренко).
1 – жилище 4; 2 – жилище 2.

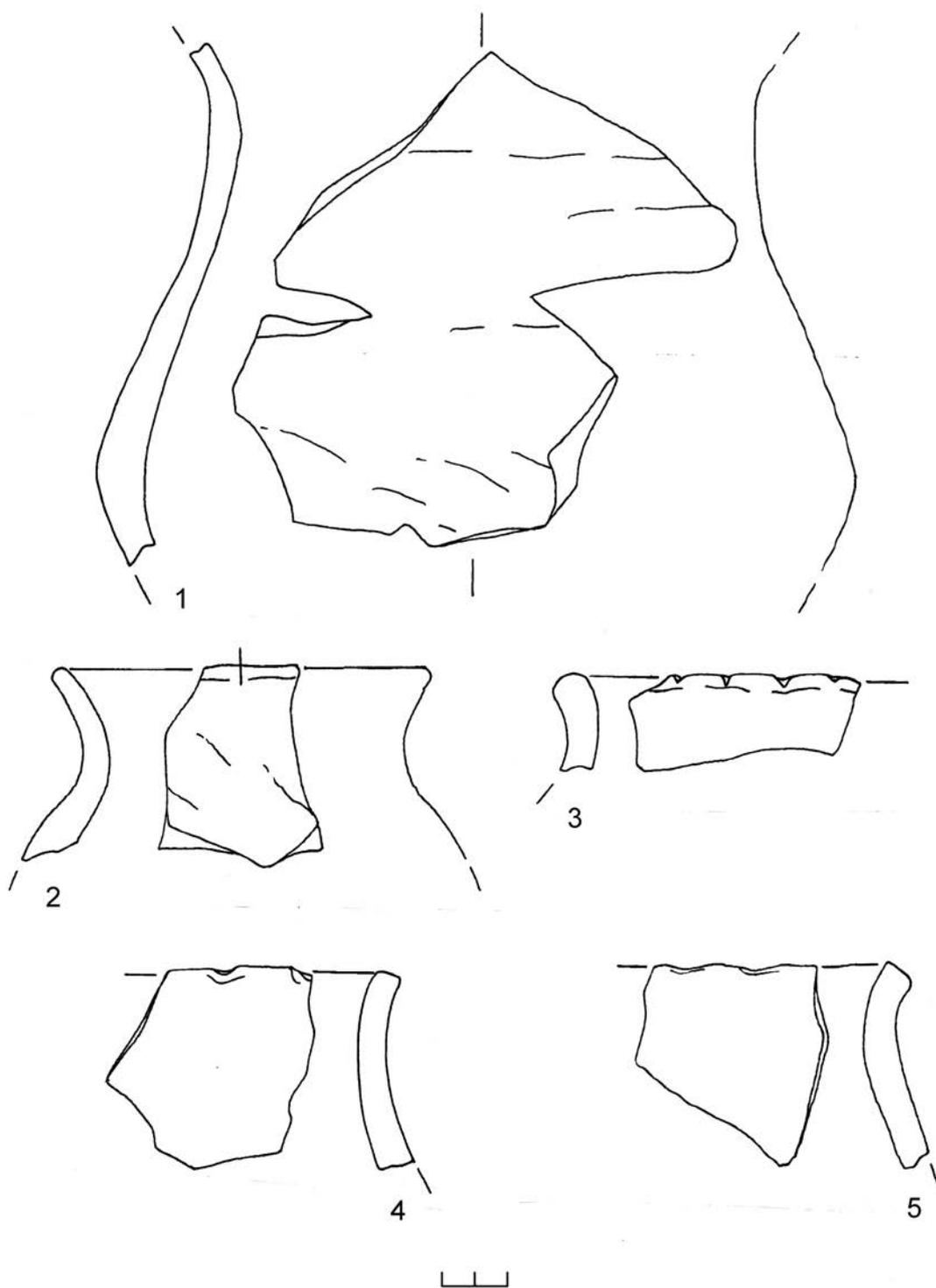


Рис. 81. Чернечина, груболепная керамика.
1 – яма 15; 2-5 – культурный слой (рис. А.М. Обломского).

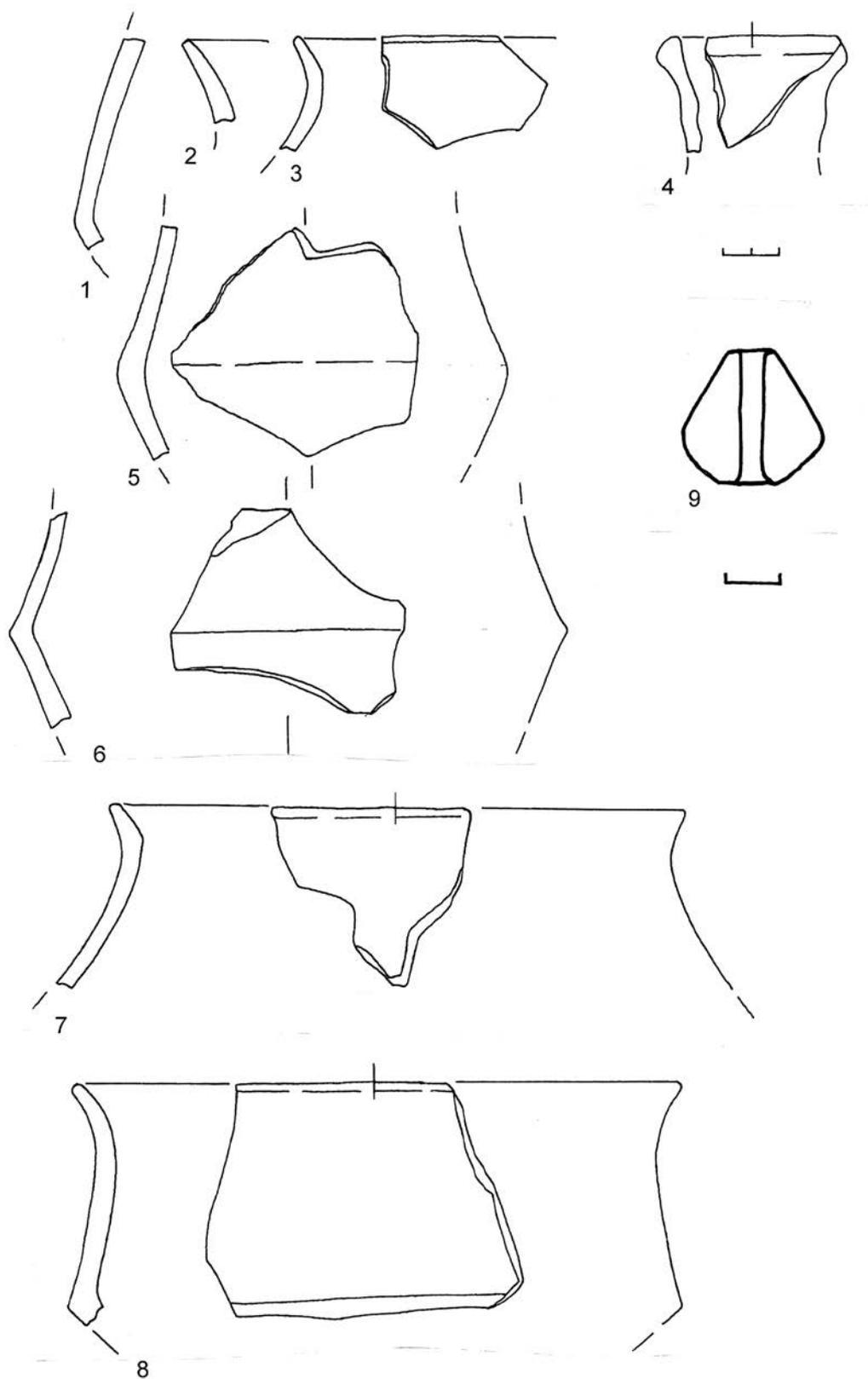


Рис. 82. Чернечина, материалы из культурного слоя.
1-3,5-8 – лепная лощеная керамика; 4 – фр-т горла красноглиняной амфоры; 9 – пряслице
(рис. А.М. Обломского).

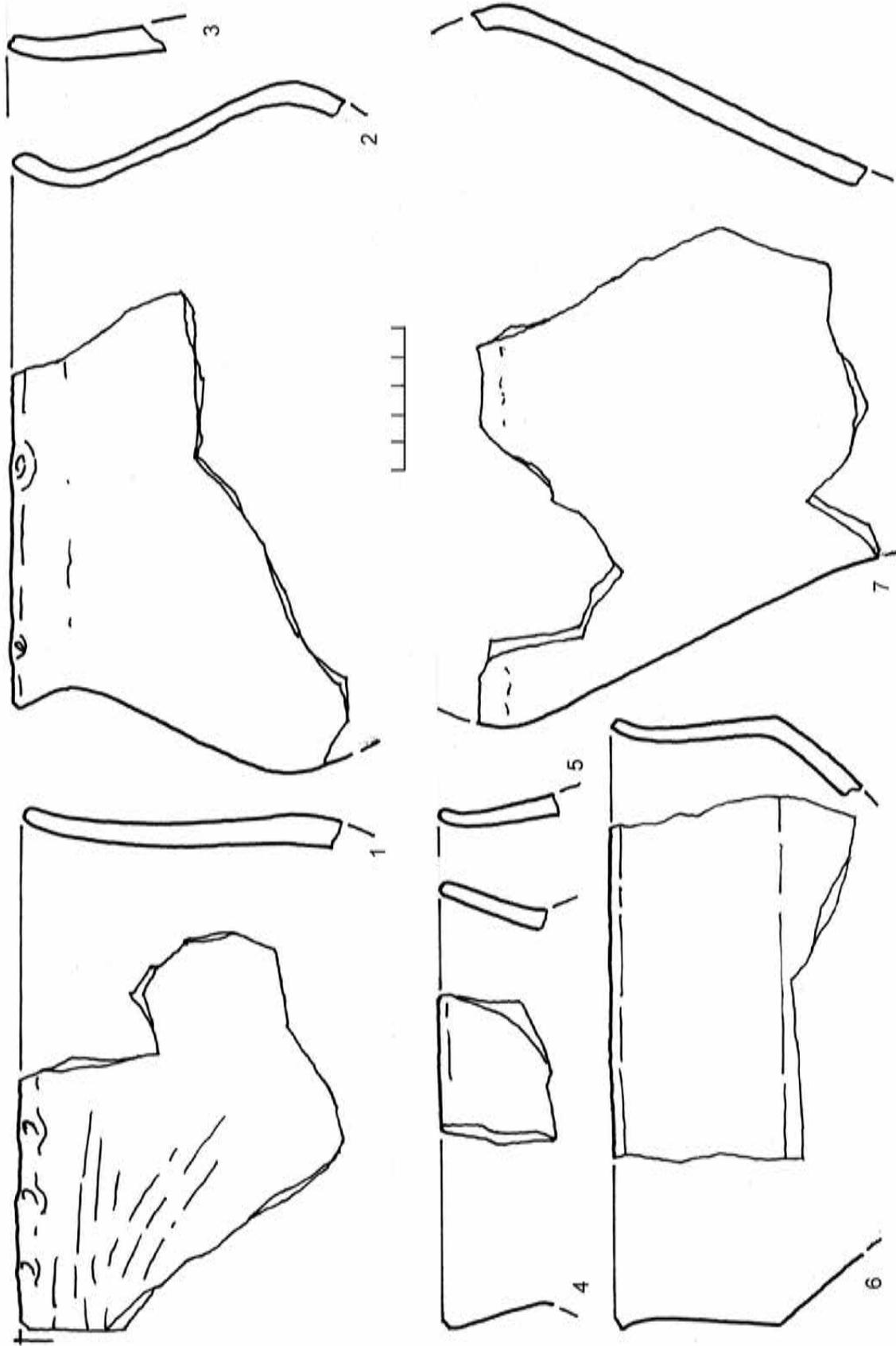


Рис. 83. Вишенки-Мыныччево, керамика.
1-5,7 — груболепная; 6 — лепная лощеная миска (рис. Р.В. Терпиловского).

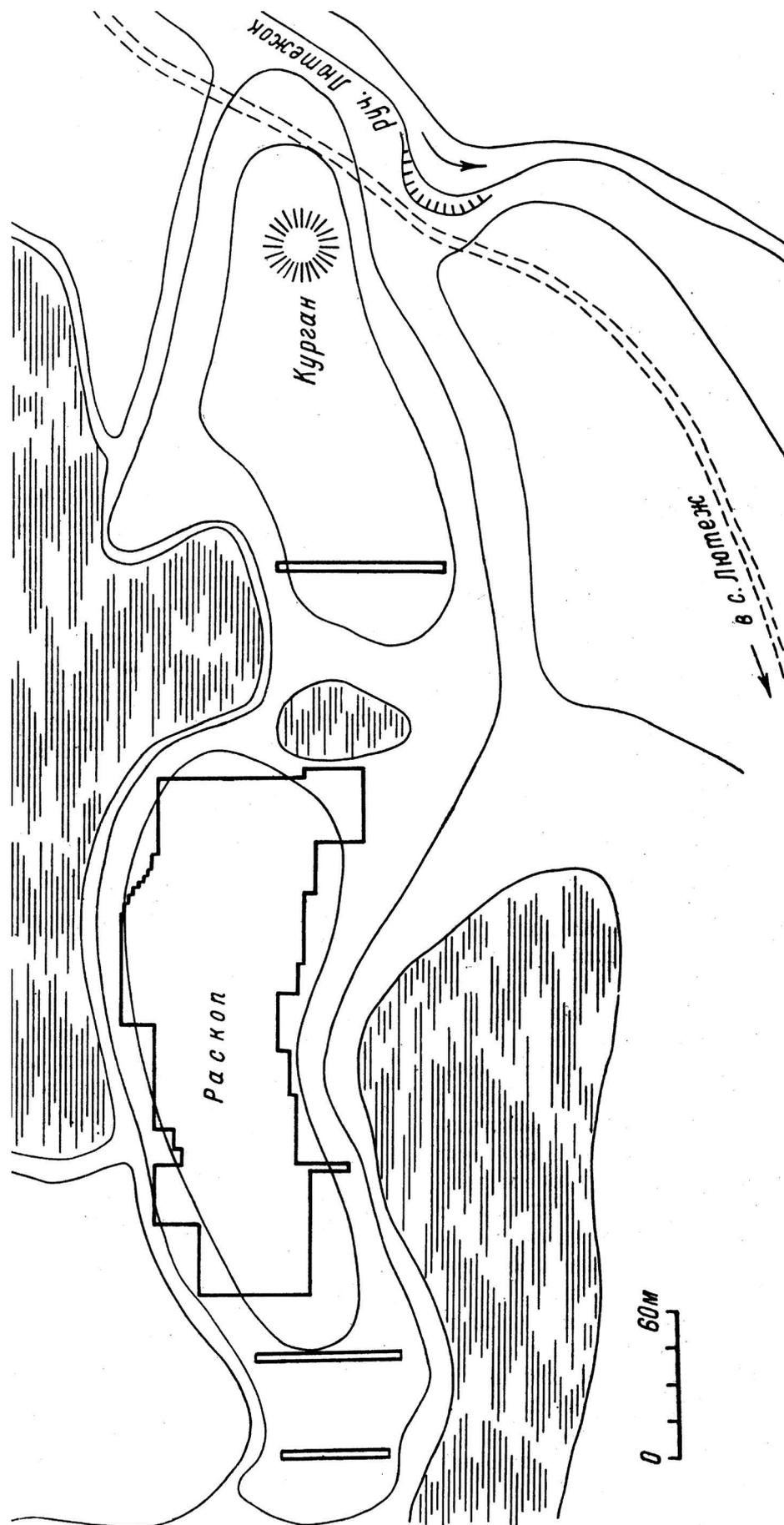


Рис. 84. Лютеж, план поселения (по В.И. Бидзиле и С.П. Пачковой).

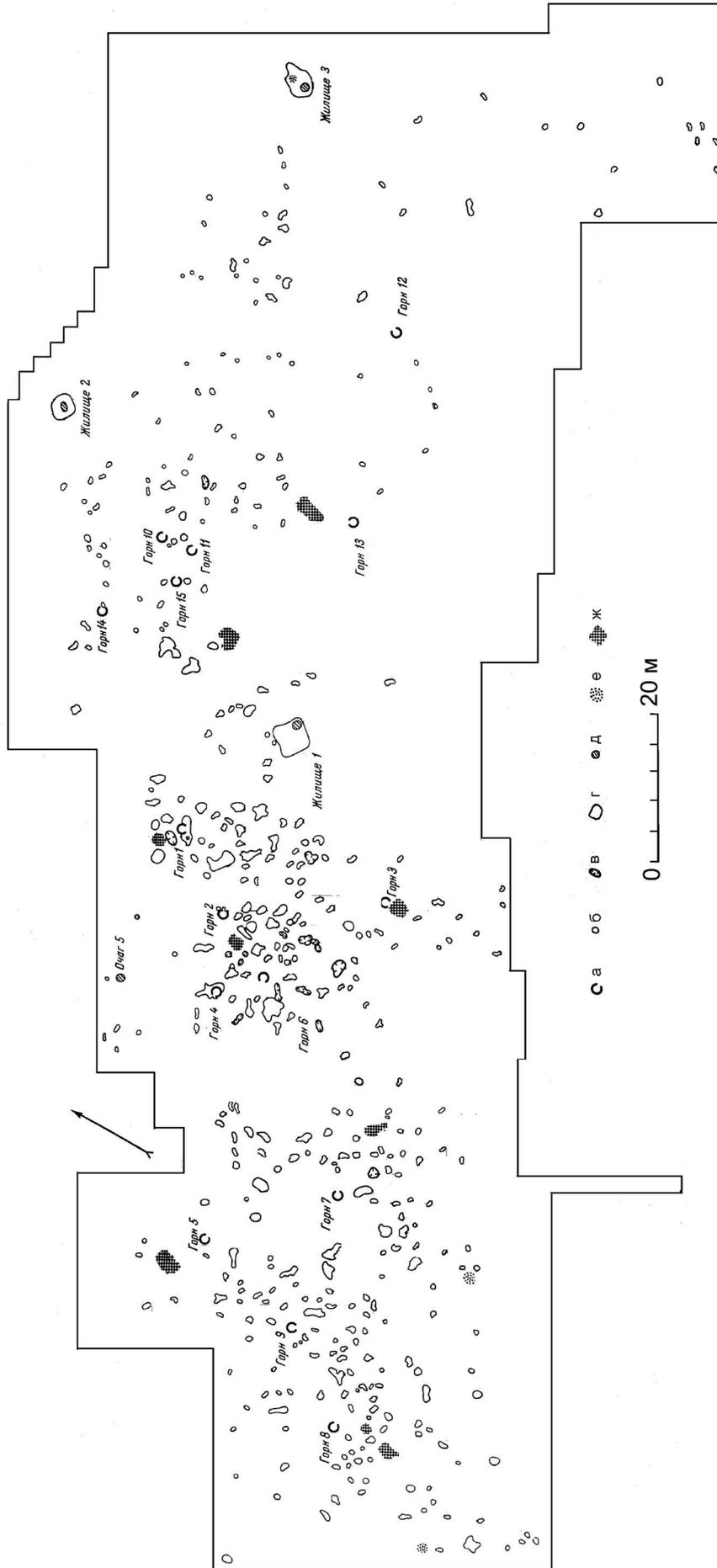


Рис. 85. Лютеж, план раскопа (по В.И. Бидзиле и С.П. Пачковой).

а — остатки сыроступных горнов; б — яма; в — яма с находками зарубинецкой и милоградской культур; г — позднезарубинецкое жилище; д — очаг; е — скопления печины; ж — скопления железного шлака.

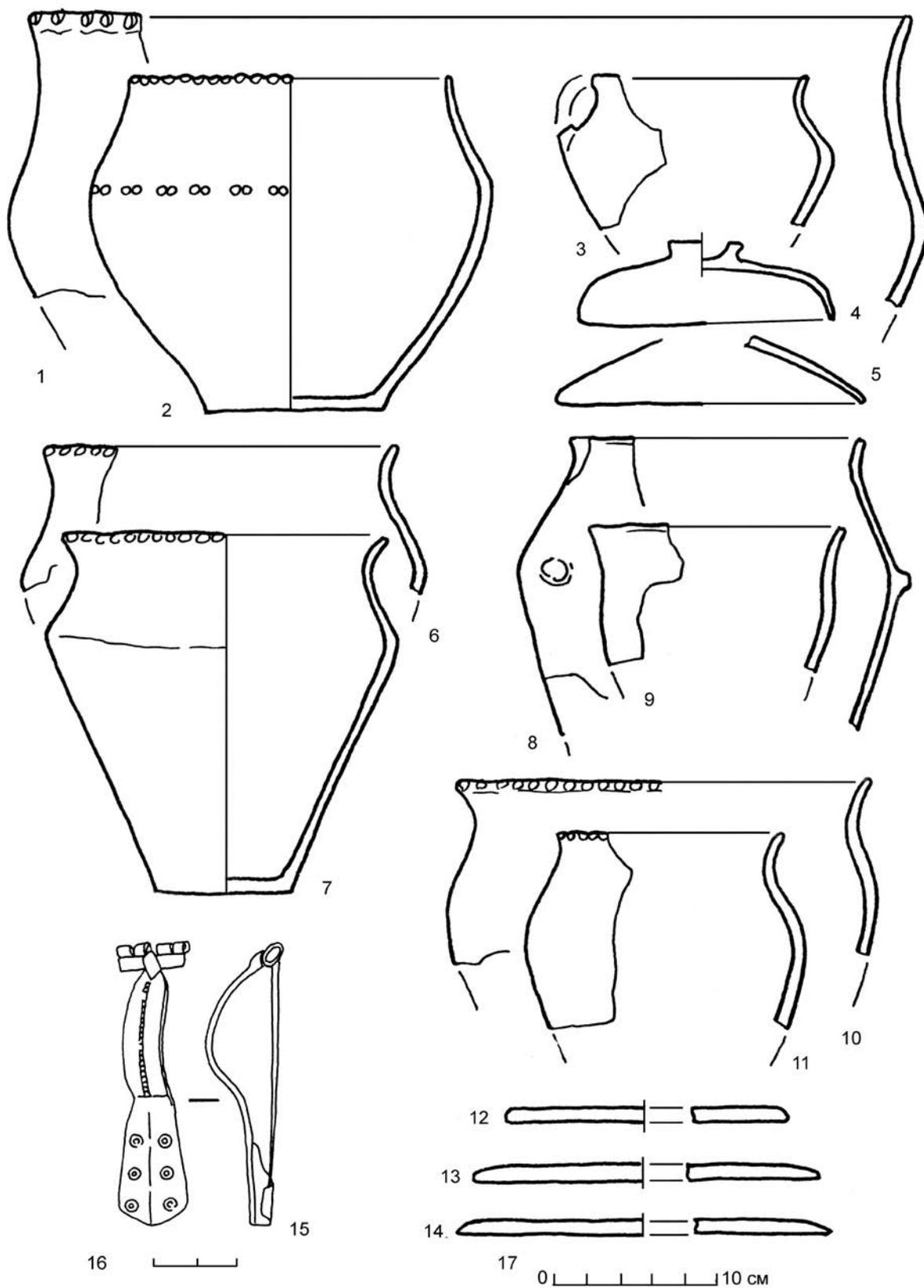


Рис. 86. Лютеж, материалы.

1,2,4-14 – грубослепная керамика; 3 – фр-т чернолощеной кружки; 15 – бронзовая фибула; 16 – масштаб к позиции 15; 17 – масштаб к позициям 1-14. 1 – яма 380; 2 – яма 95; 3 – яма 301; 4 – жилище 2; 5,6,13 – культурный слой; 7 – яма 313; 8 – жилище 3; 9 – яма 400; 10 – яма 152; 11 – яма 323; 12,14 – яма 336 (15 – рис. Р.В. Терпиловского, прочие – А.М. Обломского).

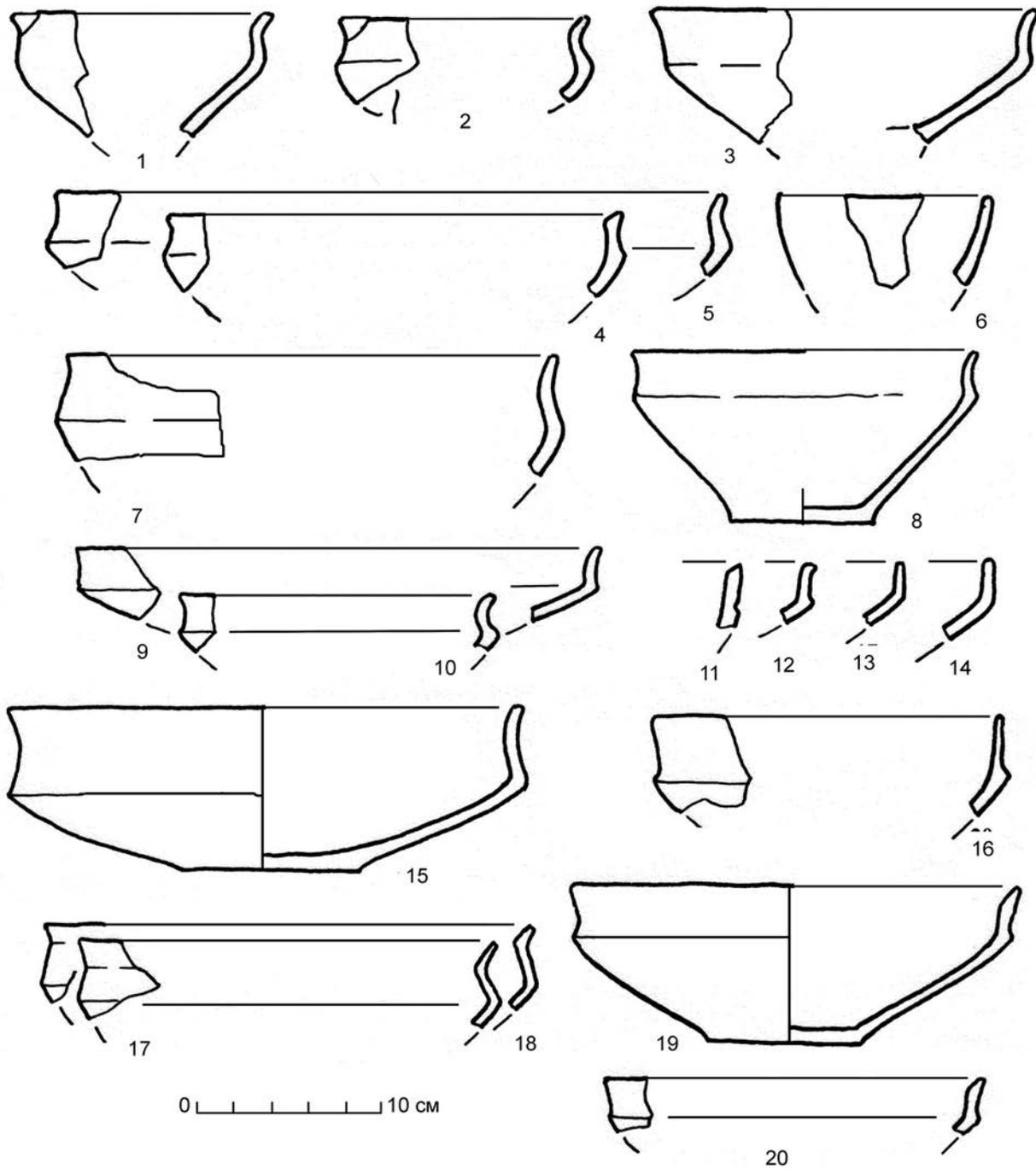


Рис. 87. Лепная лощеная керамика поселения Лютеж.

1 – яма 350; 2 – яма 34; 4,5,10,11-13,15,16,19,20 – культурный слой; 6,9,14 – жилище 3; 7 – яма 74; 8 – департизированная; 17 – яма 309; 18 – яма 117 (рис. А.М. Обломского).

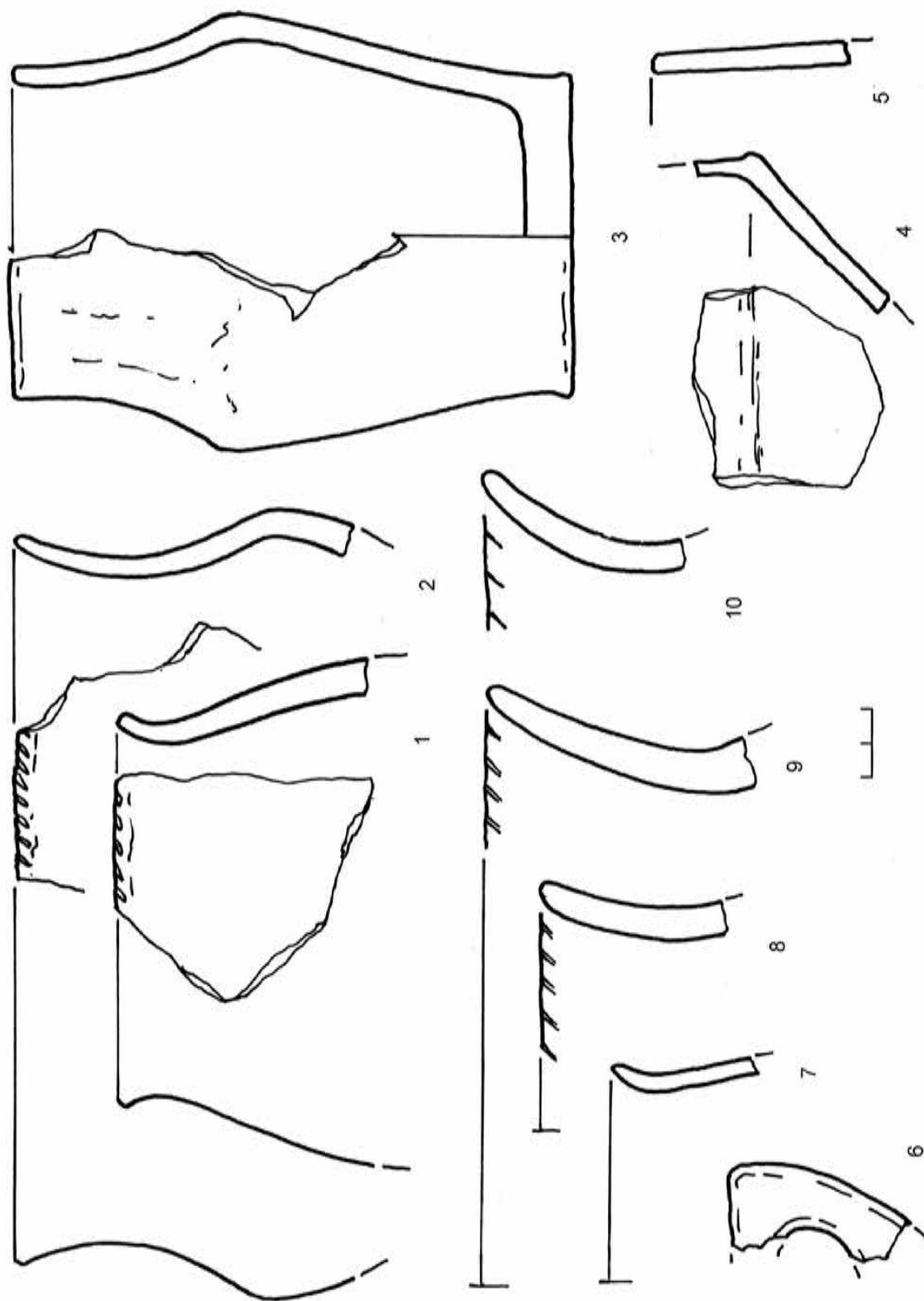


Рис. 88. Бортнички, лепная керамика.
 1-3,7-10 — груболепная; 4-6 — лепная лощеная. (1-5 — рисунки Р.В. Терпиловского; 6-10 — рисунки И.П. Русановой).

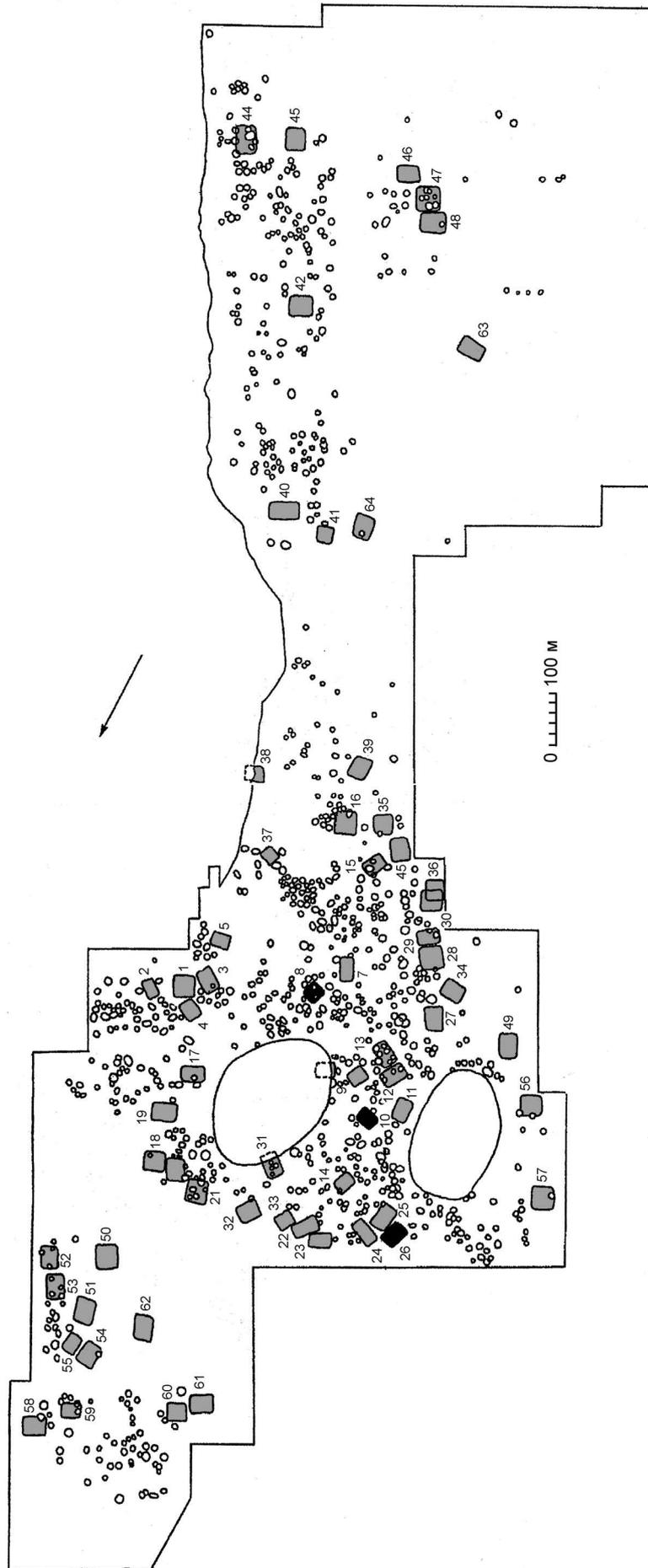


Рис. 89. Оболонь, план раскопанной части поселения (по А. М. Шовкопляс). Серым выделены зарубинецкие и поздnezарубинецкие постройки, черным — раннесредневековые.

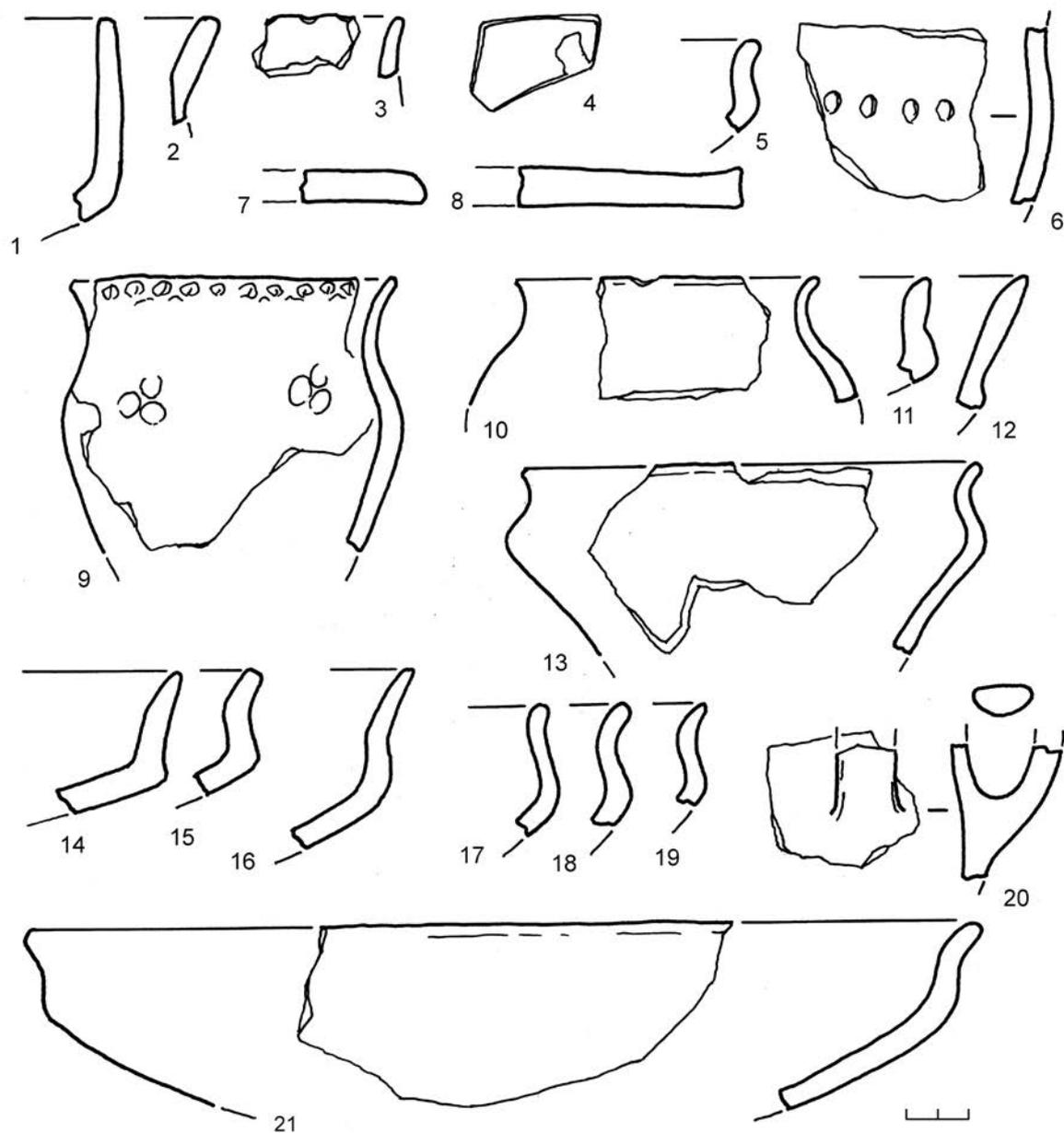


Рис. 90. Оболонь, керамика

1,2,5,10-21 – лепная лощеная керамика; 3,6-9 – груболепная керамика; 4 – фр-т амфоры; 1-3 – жилище 40; 4-13,17-20 – жилище 47; 14-16,21 – жилище 51 (рис. Р.В. Терпиловского).

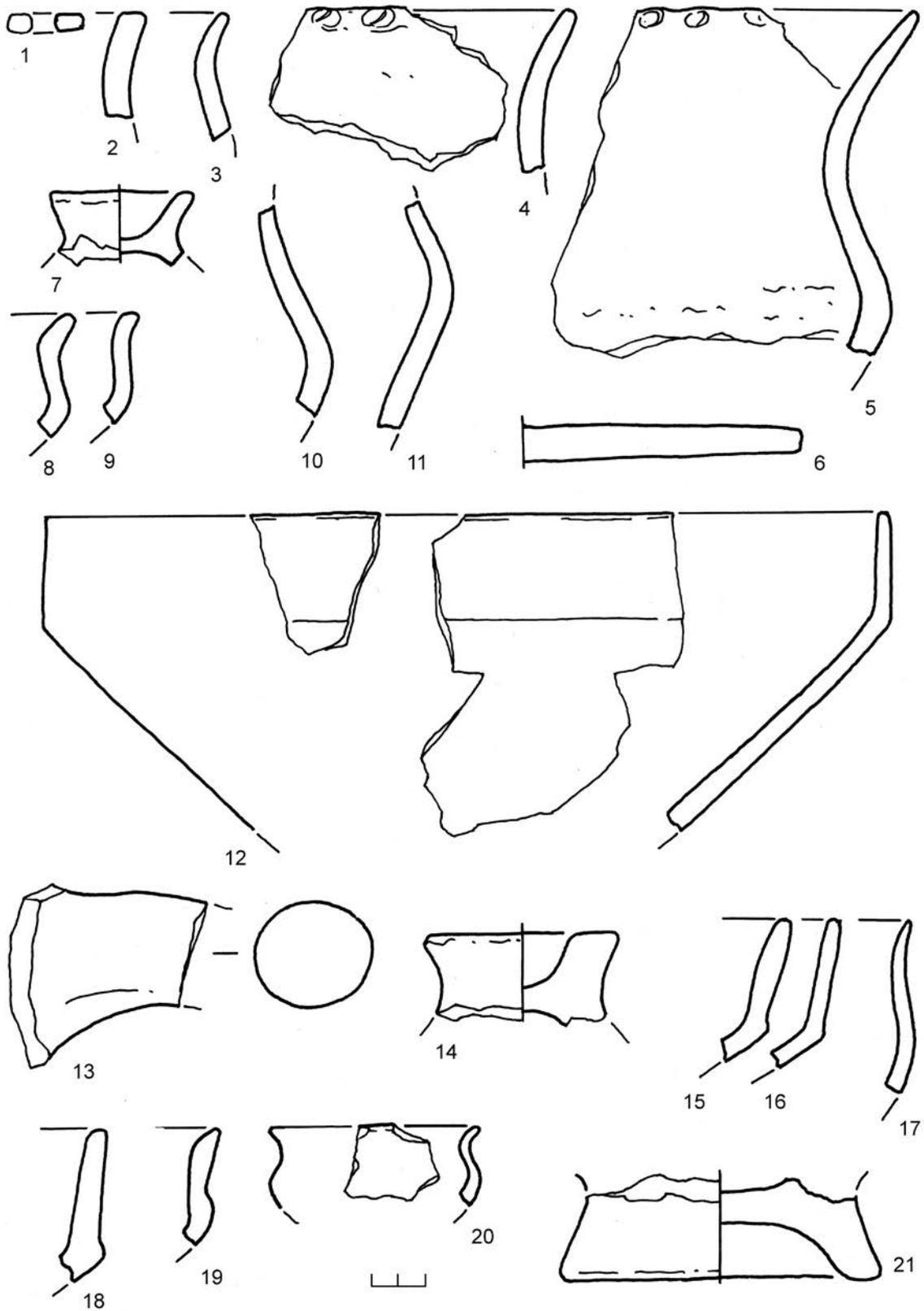


Рис. 91. Оболонь, керамика

1 – глиняное пряслице; 2-6 – груболепная керамика; 7-12, 14-21 – лепная лощеная керамика; 13 – фр-т амфоры; 1-12 – жилище 61; 13-17, 21 – жилище 62; 18-20 – жилище 64 (рис. Р.В. Терпиловского).

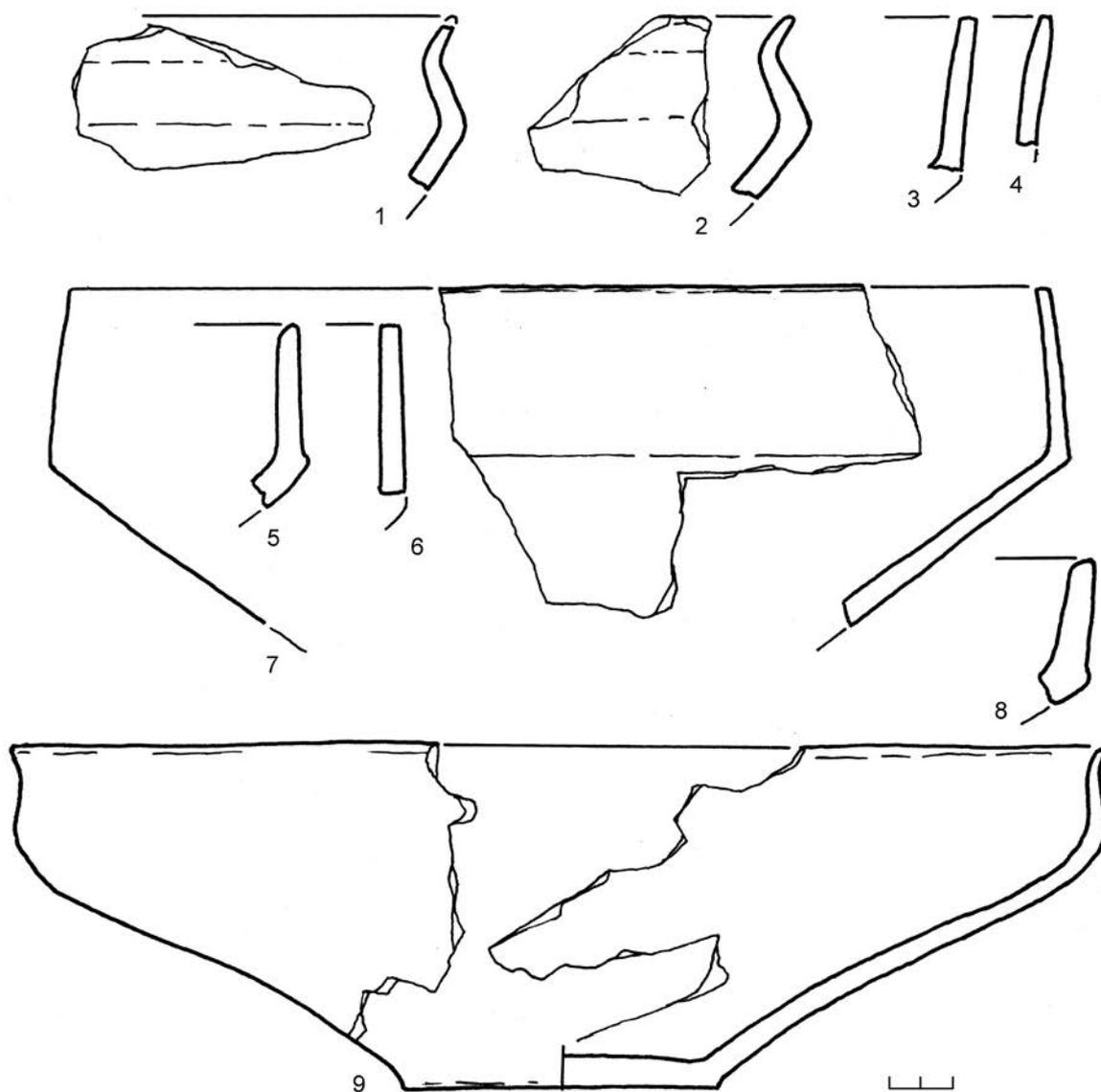


Рис. 92. Оболонь, лепная лощеная керамика
1 – яма 9; 2 – яма 33; 3,4 – яма 735; 5 – яма 639/640; 6 – яма 783; 7 – яма 38;
8 – яма 664; 9 – яма 763 (рис. Р.В. Терпиловского).

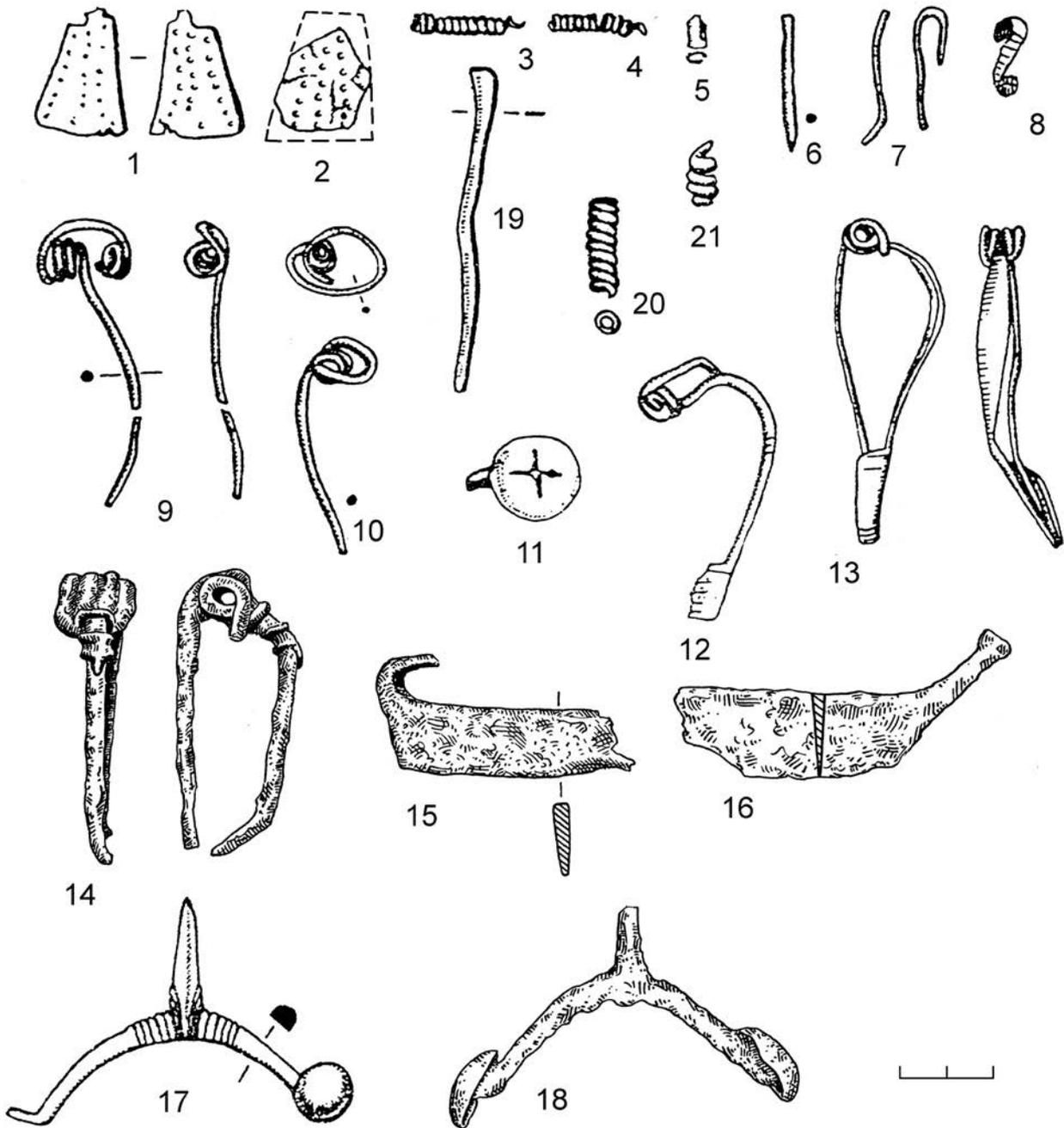


Рис. 93. Оболонь, вещи (рис. Р.С. Орлова).
1-13,17,19-21 – бронза; 14-16,18 – железо.

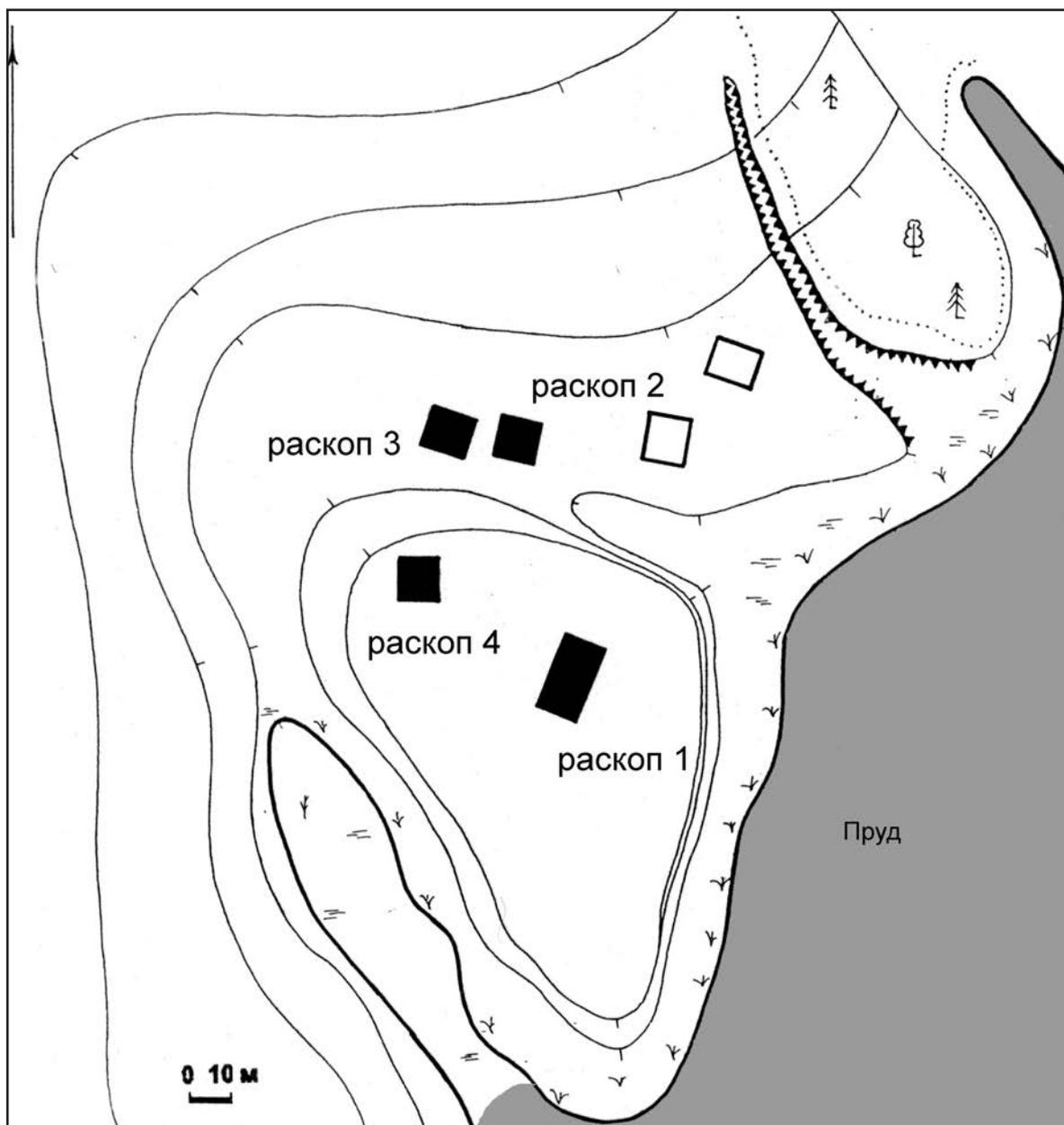


Рис. 94. Крюковщина, план поселения (по О.В. Петраускасу и Р.Г. Шишкину).

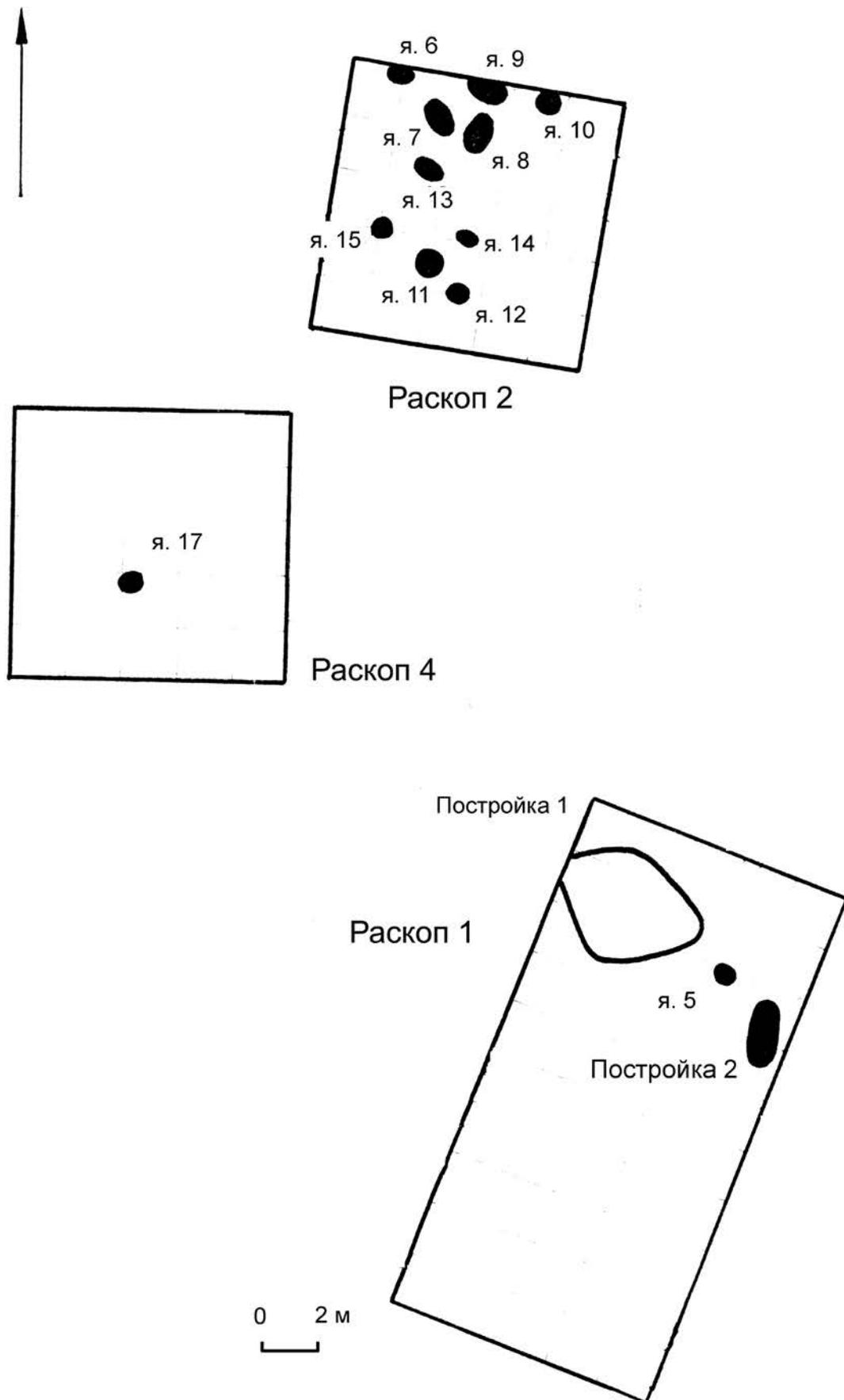


Рис. 95. Крюковщина, планы раскопов с обозначением объектов (по О.В. Петраускасу и Р.Г. Шишкину).

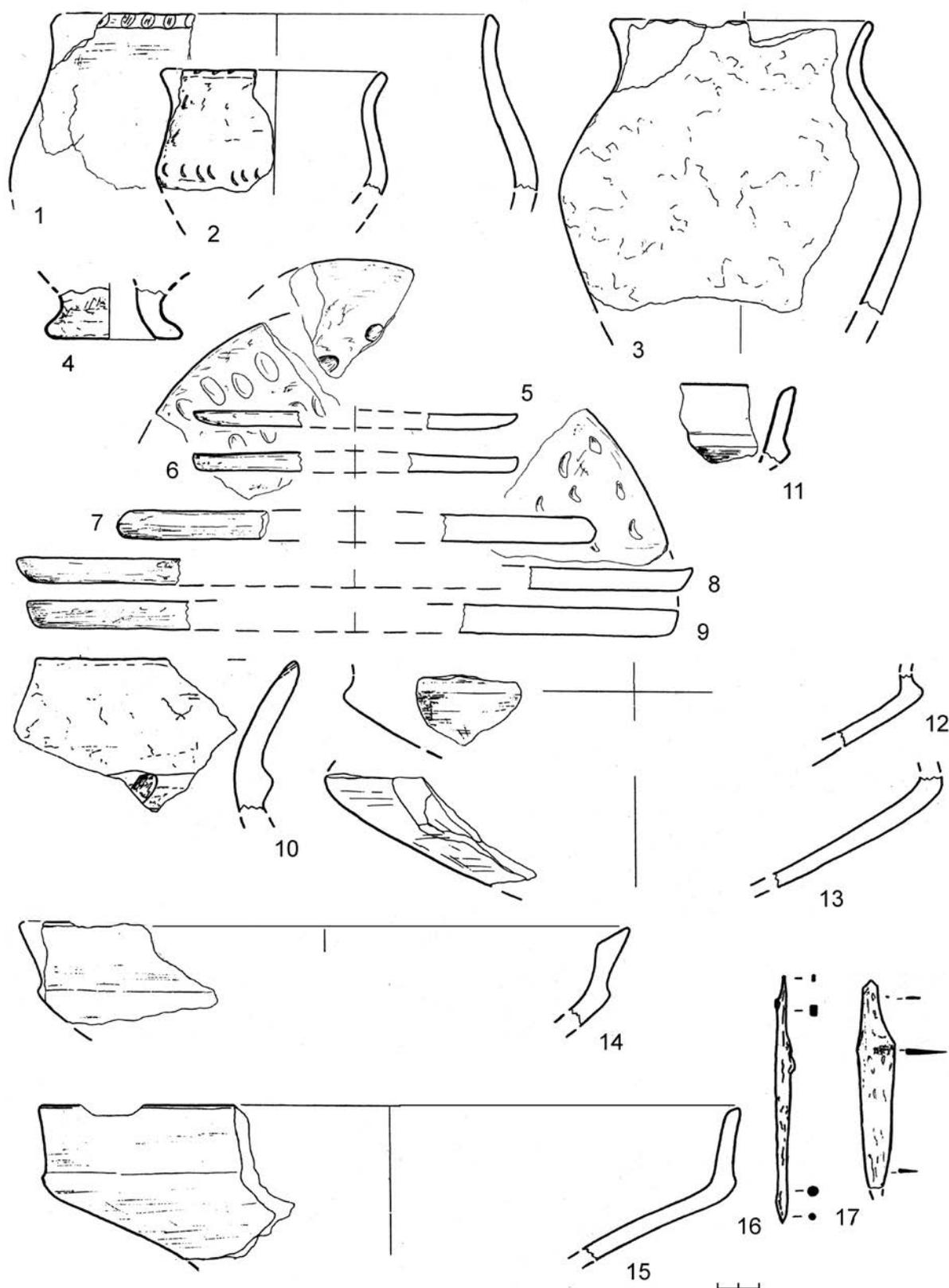


Рис. 96. Крюковщина, материалы.

1-10 – груболепная керамика; 12-15 – лепная лощеная керамика; 16,17 – железо; 1 – яма 10; 2 – яма 11; 3,10,13,16 – культурный слой; 4 – постройка 1; 5-9 – яма 7; 12 – яма 17; 14,17 – яма 14; 15 – яма 15 (рис. О.В. Петрускаса и Р.Г. Шишкина).

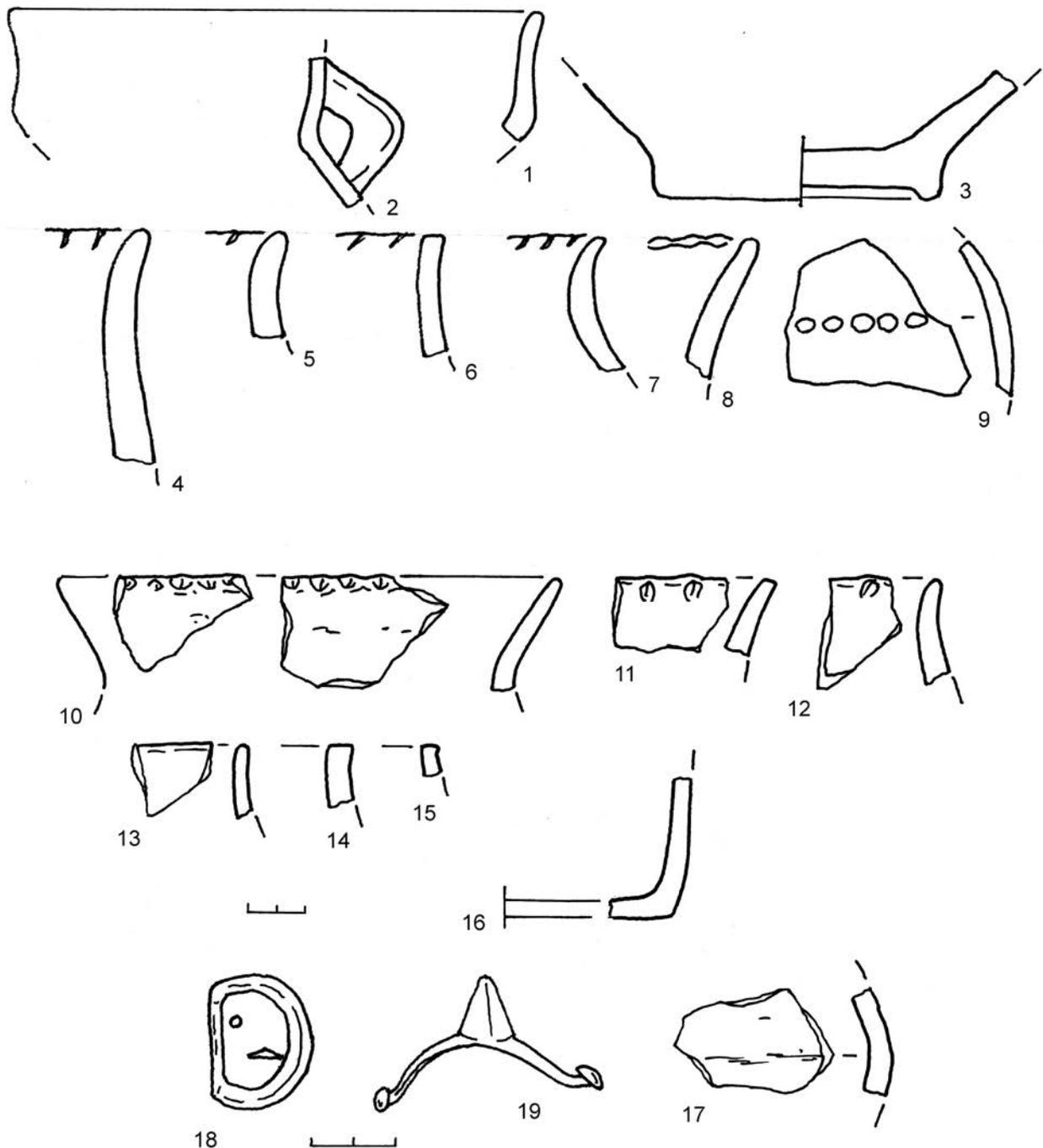


Рис. 97. Новые Безрадичи, материалы.

1-3,13-15 – лепная лощеная керамика; 4-12,16-17 – груболепная керамика; 18 – бронза; 19 – железо;
 1-9 – культурный слой? (рисунки И.П. Русановой); 10-18 – постройка 4 (рисунки Р.В. Терпиловского);
 18 – бронза, 19 – железо.

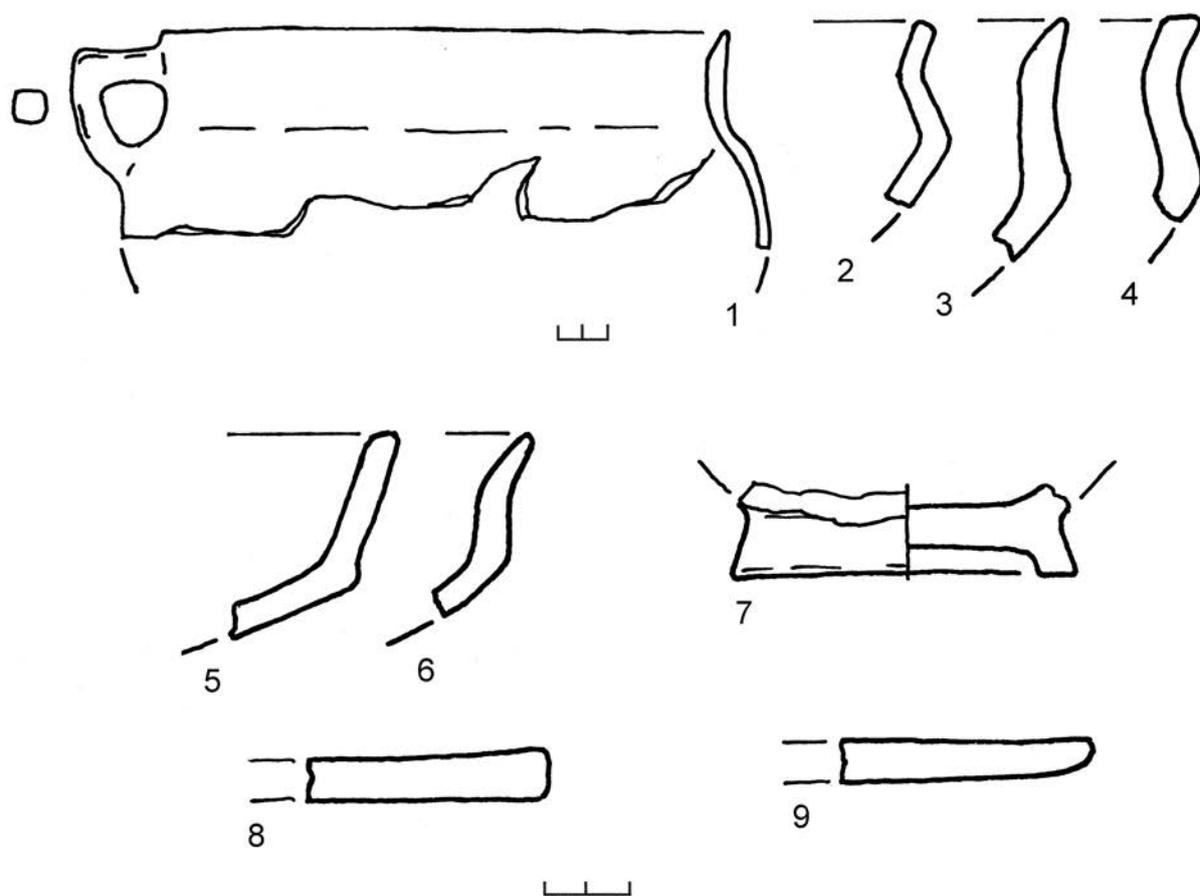


Рис. 98. Таценки, керамика из сборов Е.В. Максимова 1962 г. на правом берегу р. Стугны (рисунки Р.В. Терпиловского). 1-7 – лепная лощеная керамика; 8-9 – груболепная керамика.

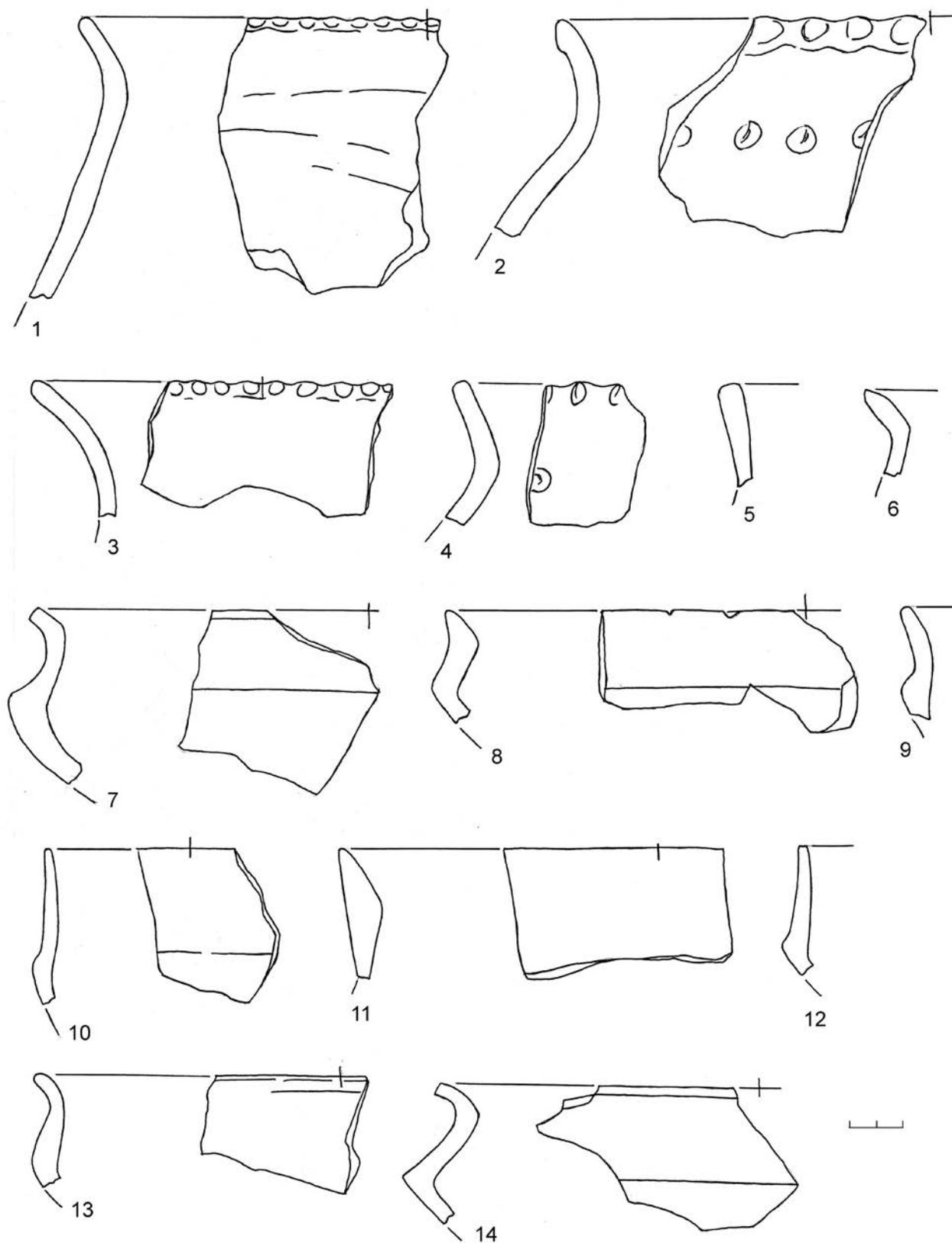


Рис. 99. Таценки, фонды музея истории Киева (рисунки А.М. Обломского).
1-4 – груболопная керамика; 5-14 – лепная лощеная посуда.

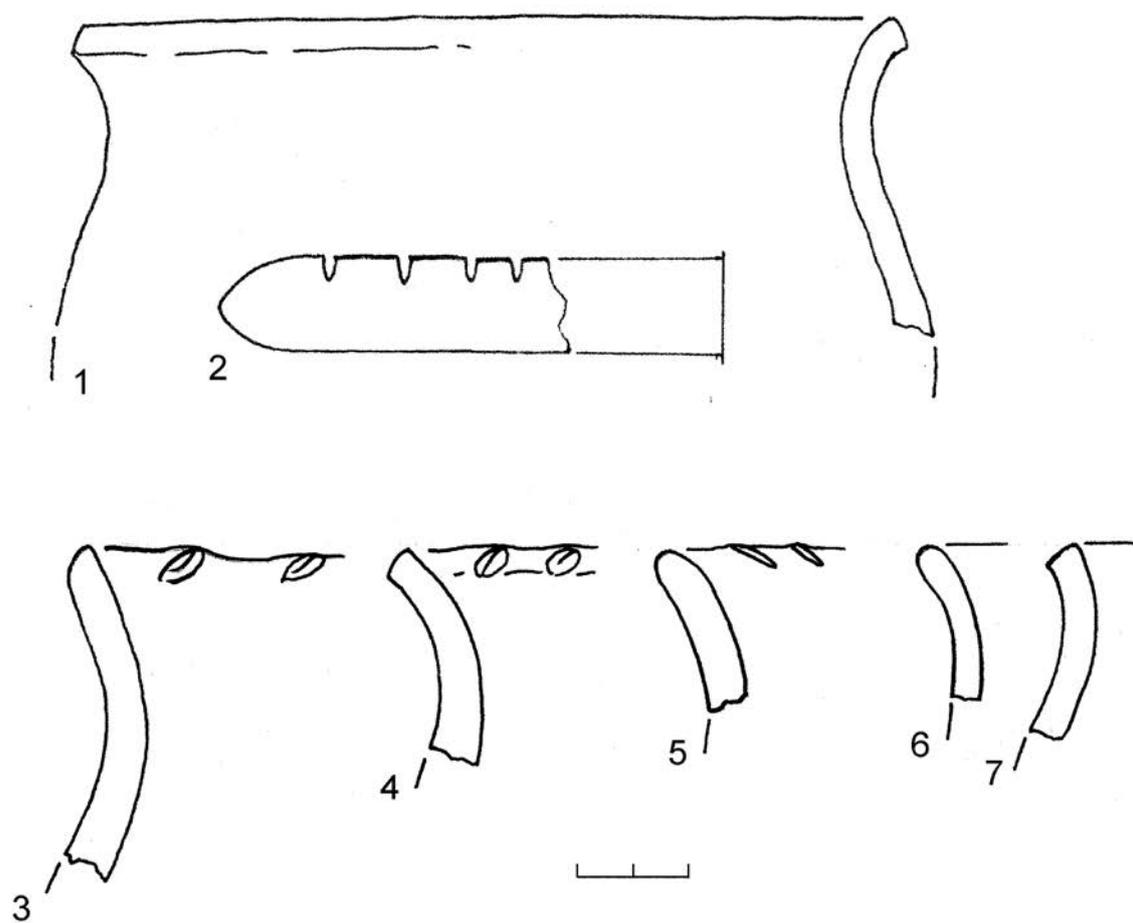


Рис. 100. Ташенки-1, груболепная керамика (рисунки А.М. Обломского)

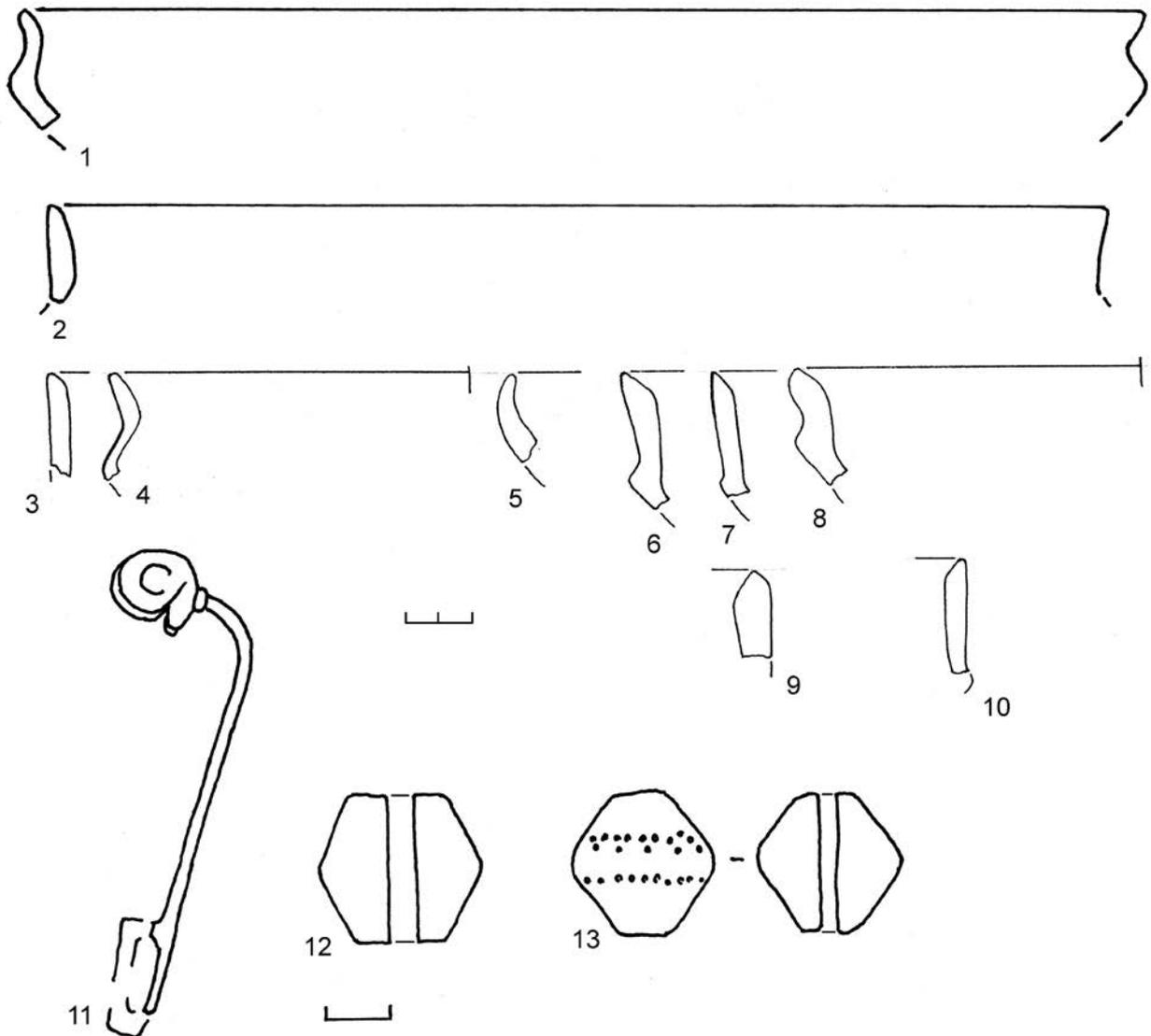


Рис. 101. Ташенки-1, материалы (рисунки А.М. Обломского)
 1-10 – лепная лощеная керамика; 11 – железная фибула; 12,13 – глиняные пряслица.

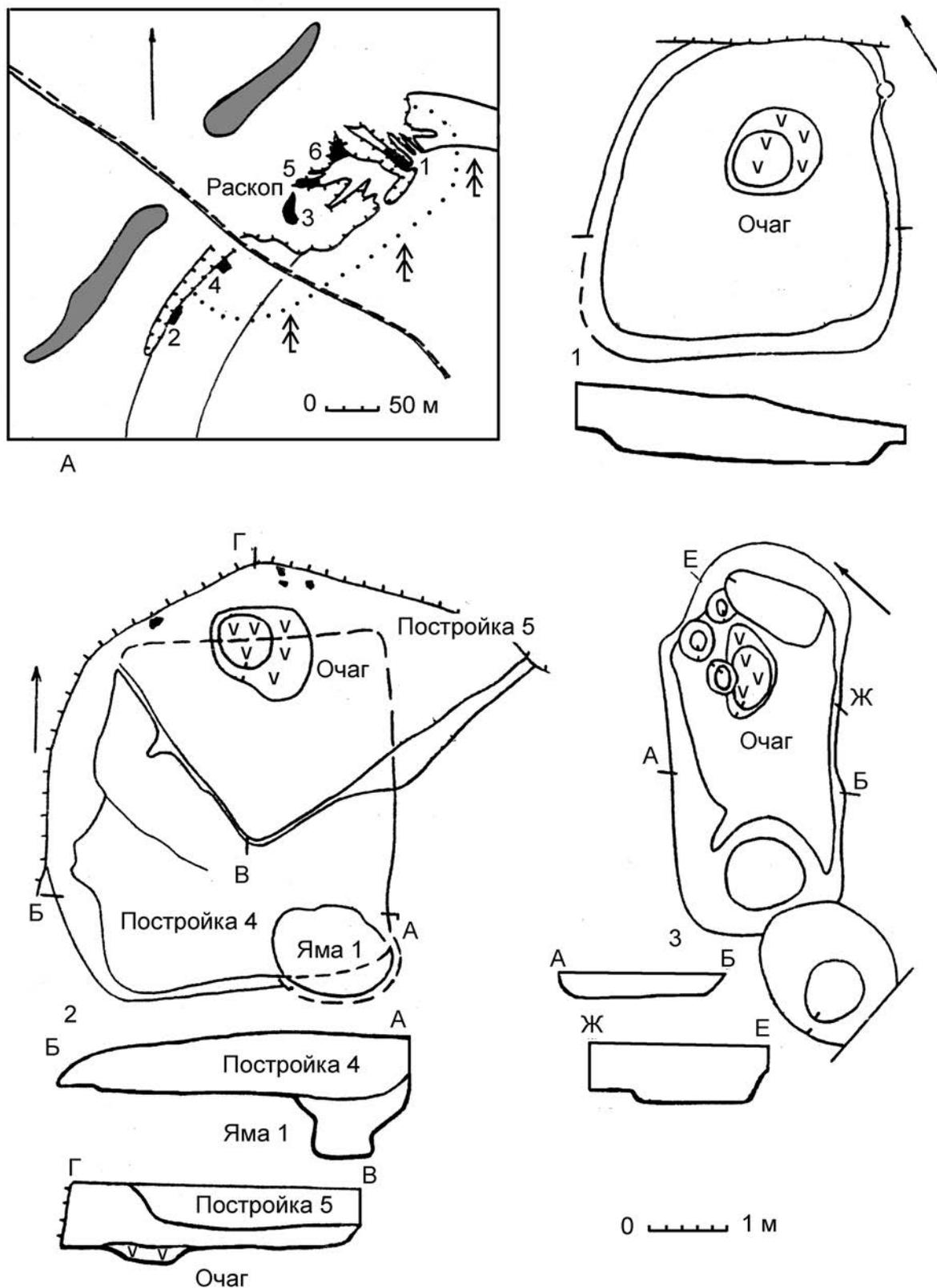


Рис. 102. Березовка-2, план поселения и построек (по А.М. Обломскому).
 А – план поселения; 1 – постройка 2; 2 – постройки 4 и 5; 3 – 'яма 11'.

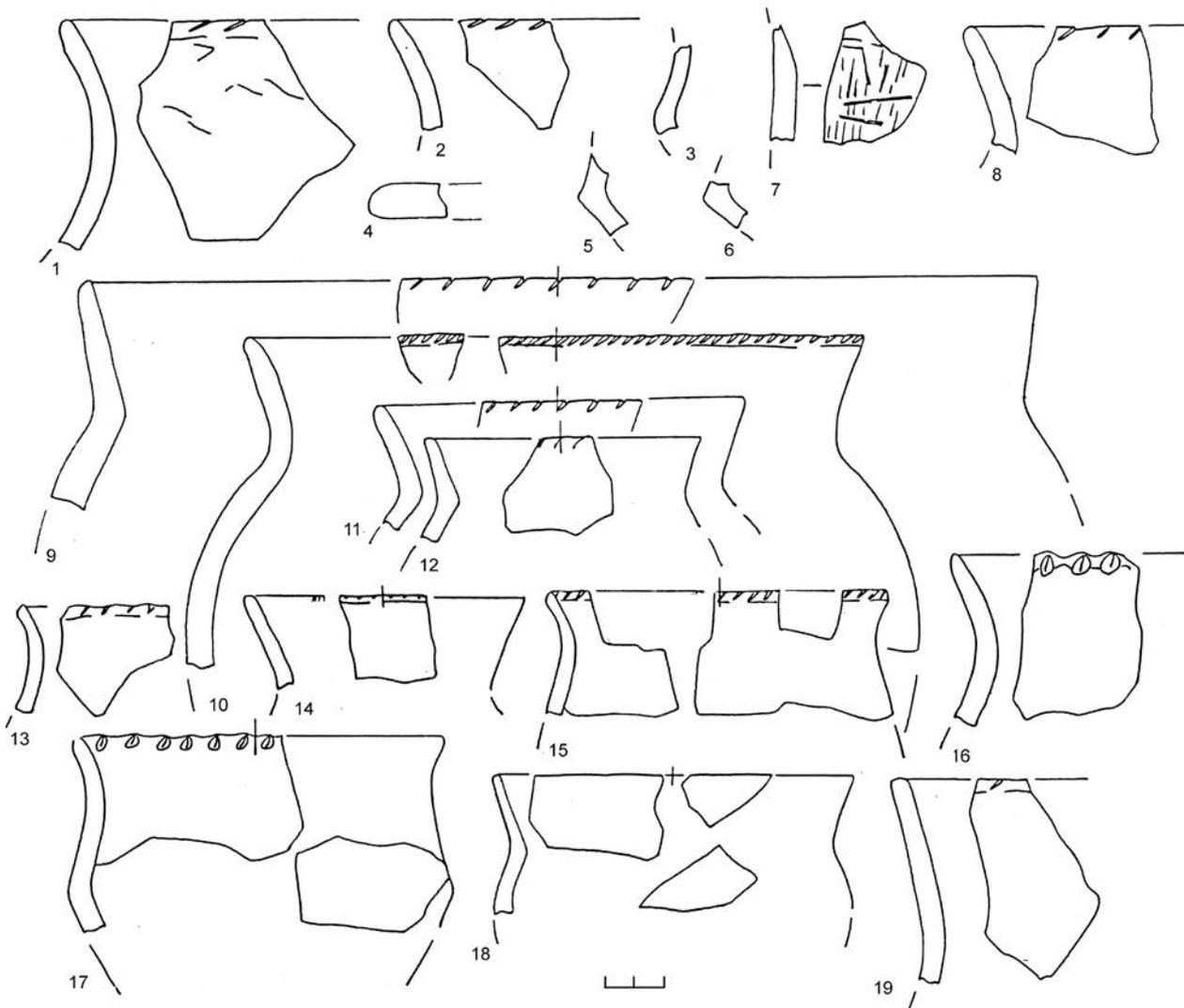


Рис. 103. Березовка-2, лепная керамика.

1,2,4,7-17,19 – груболепная керамика (7 – с расчесами, нанесенными щепкой); 3,4-6,18 – лепная лощеная керамика; 1-3 – постройка 1; 5-19 – постройка 2 (рис. А.М. Обломского).

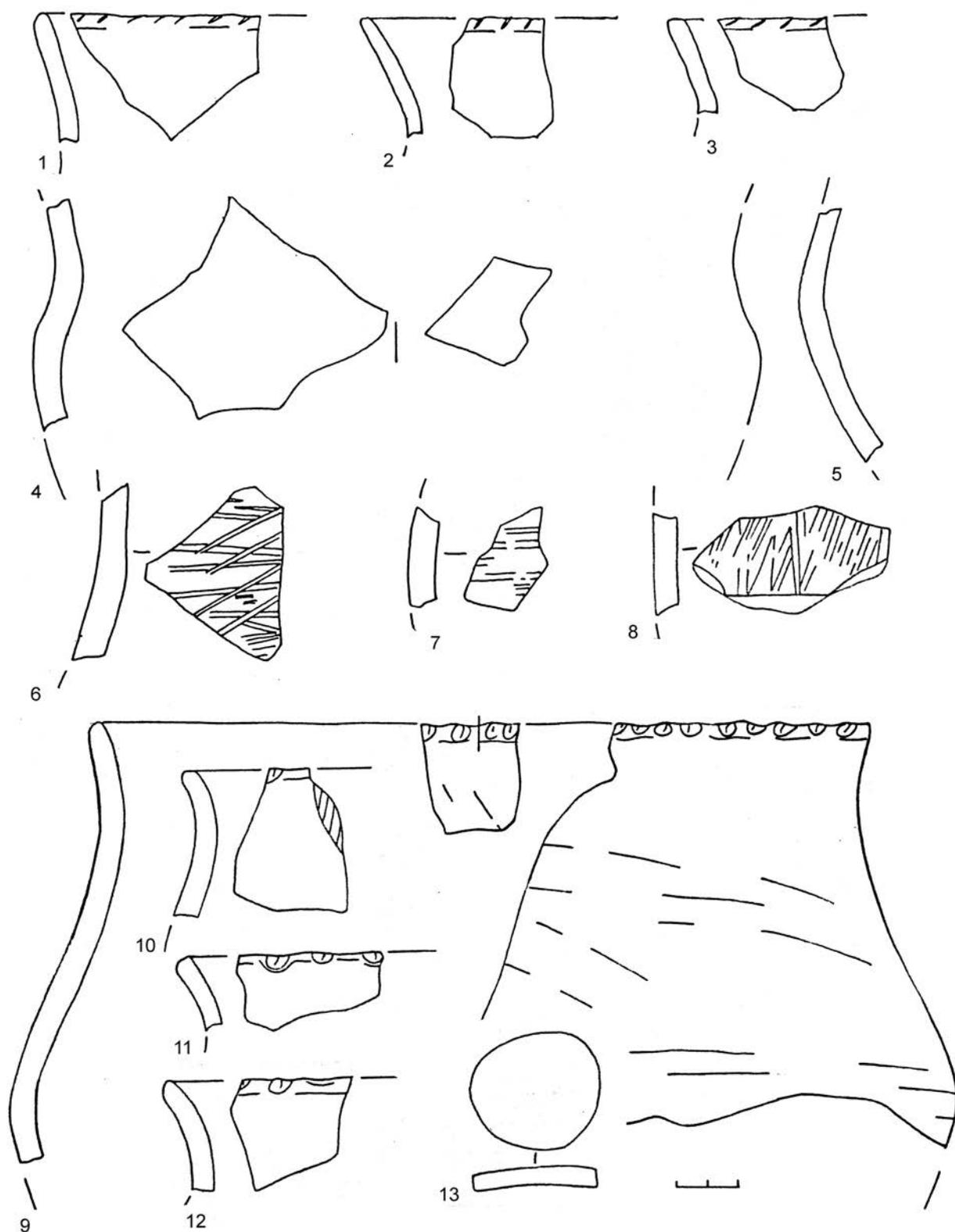


Рис. 104. Березовка-2, груболепная керамика (6-8 – с расчесами, нанесенными гребнем), заготовка пряслица из черепка лепного лощеного сосуда.
 1-5 – постройка 2; 6,7 – постройка 3; 8,10 – постройка 5, стг. 1; 9,11,13 – постройка 5, пол (рис. А.М. Обломского).

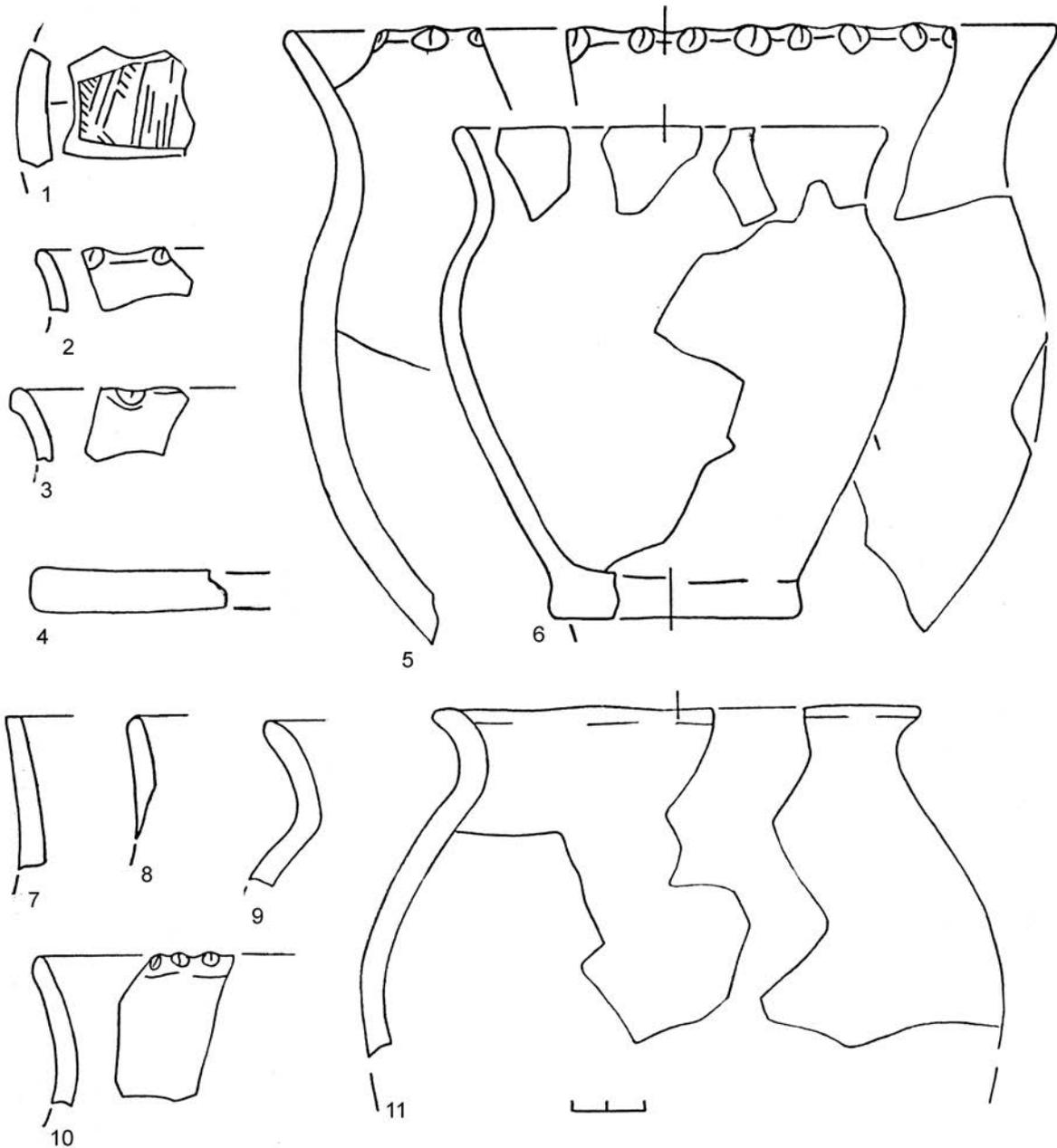


Рис. 105. Березовка-2, груболепная керамика из постройки 4.

1-6 – стратиграфический горизонт 3; 7-11 – стратиграфический горизонт 2 (рис. А.М. Обломского).

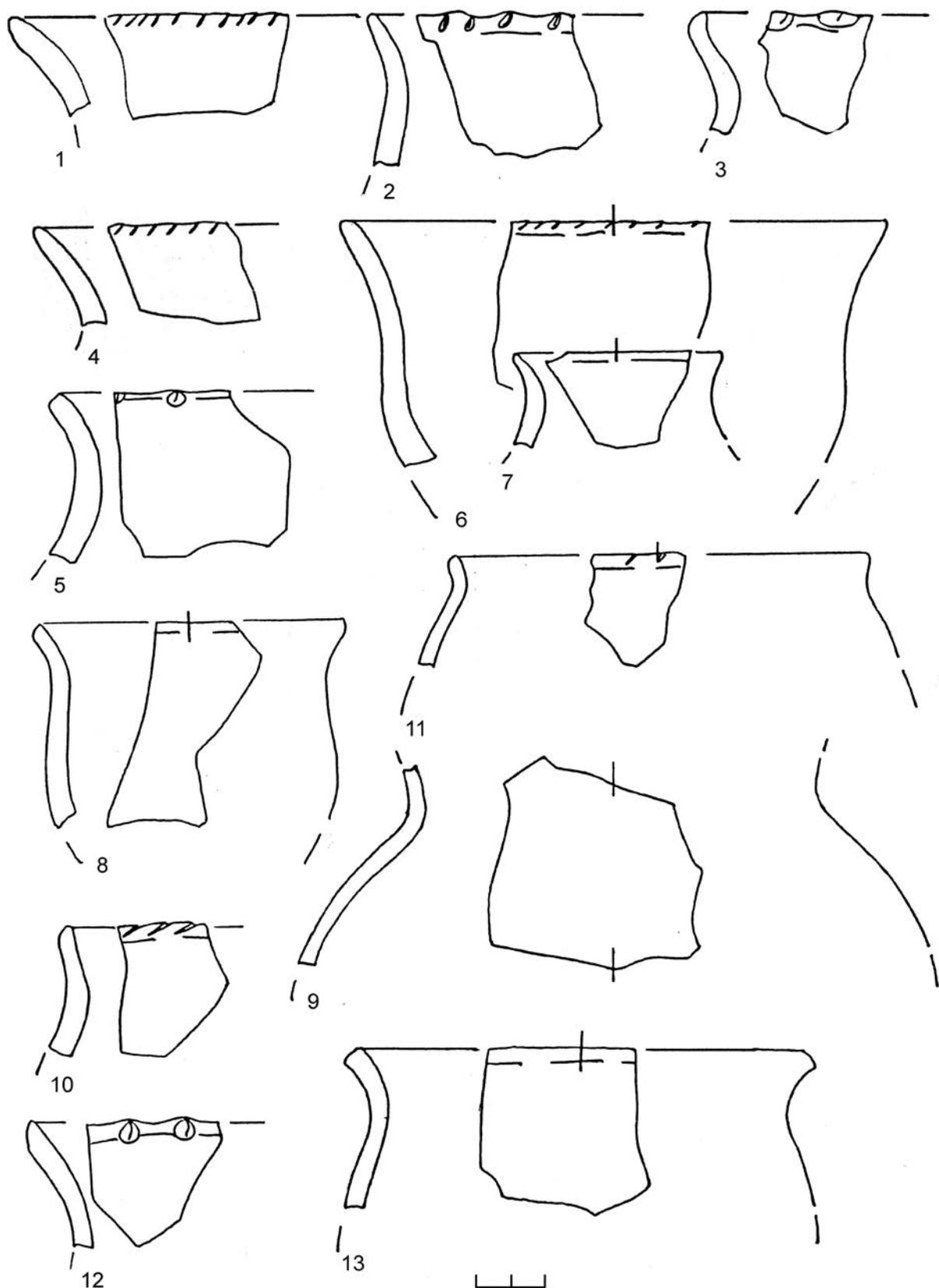


Рис. 106. Березовка-2, груболепная керамика из ям и культурного слоя.

1,2,4 – культурный слой; 3 – раскоп 4, из пятна угля; 5,10-12 – углубление в месте построек 1 и 3; 6,7 – раскоп 1, яма 2; 8 – раскоп 3, яма 14; 9 – подъемный материал; 13 – раскоп 3, яма 6 (рис. А.М. Обломского).

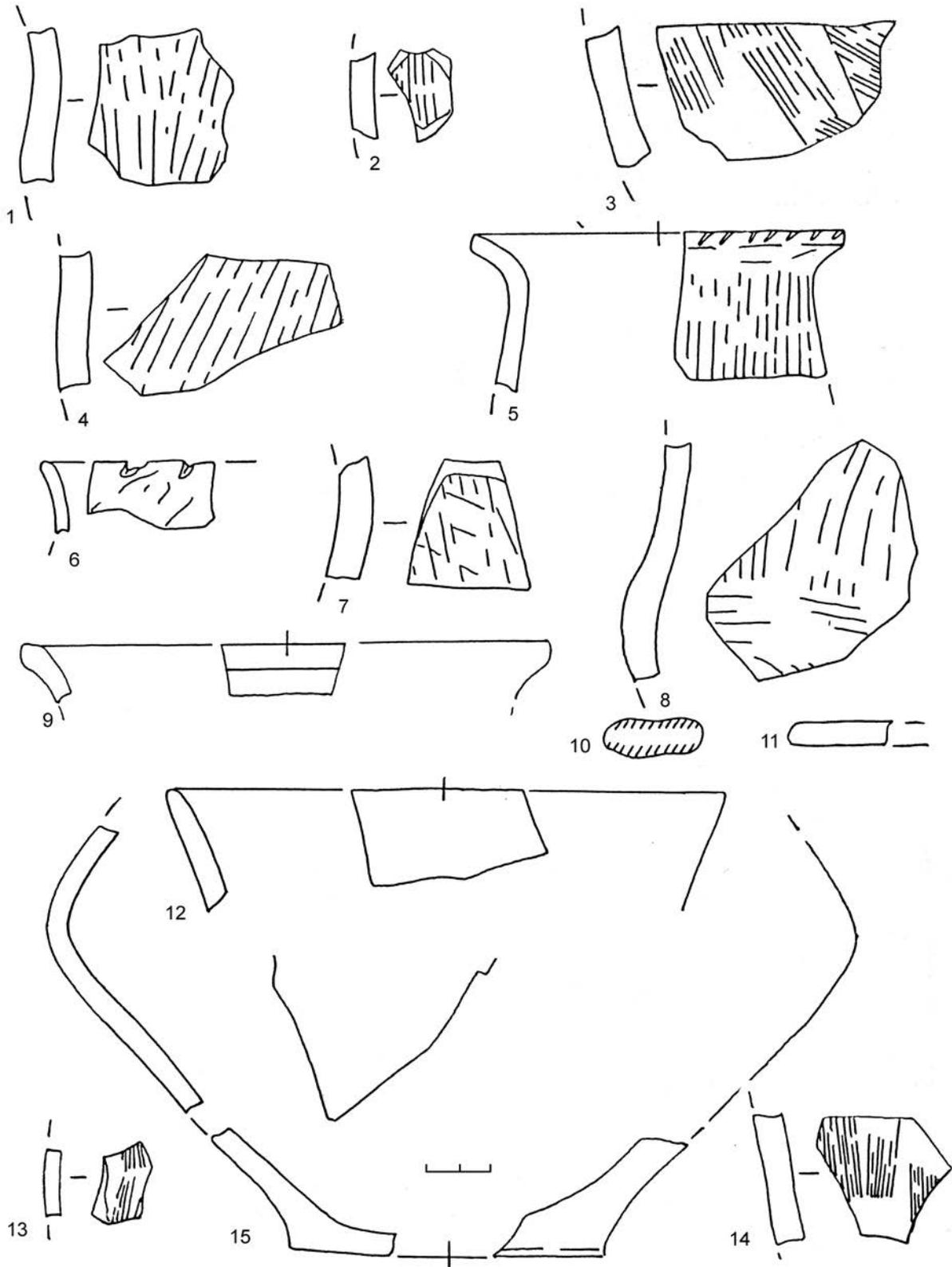


Рис. 107. Березовка-2, керамика из ям и культурного слоя.

1-8, 11, 13, 14 – груболепная керамика (1, 4-8 – заглаженная щепкой; 2, 3, 13, 14 – с расчесами, нанесенными гребнем); 9 – фр-т гончарного коричневоглиняного сосуда; 10 – фр-т ручки сероглиняной амфоры; 12, 15 – лепная лощеная керамика; 1, 2, 4 – углубление в месте построек 1 и 3; 3 – раскоп 5, яма 4; 5 – раскоп 3, яма 17; 6, 12 – раскоп 1, яма 2; 7, 8 – раскоп 1, яма 1; 9 – раскоп 3, яма 12; 10, 14 – раскоп 3, яма 14; 11, 13 – культурный слой; 15 – раскоп 3, яма 10 (рис. А.М. Обломского).

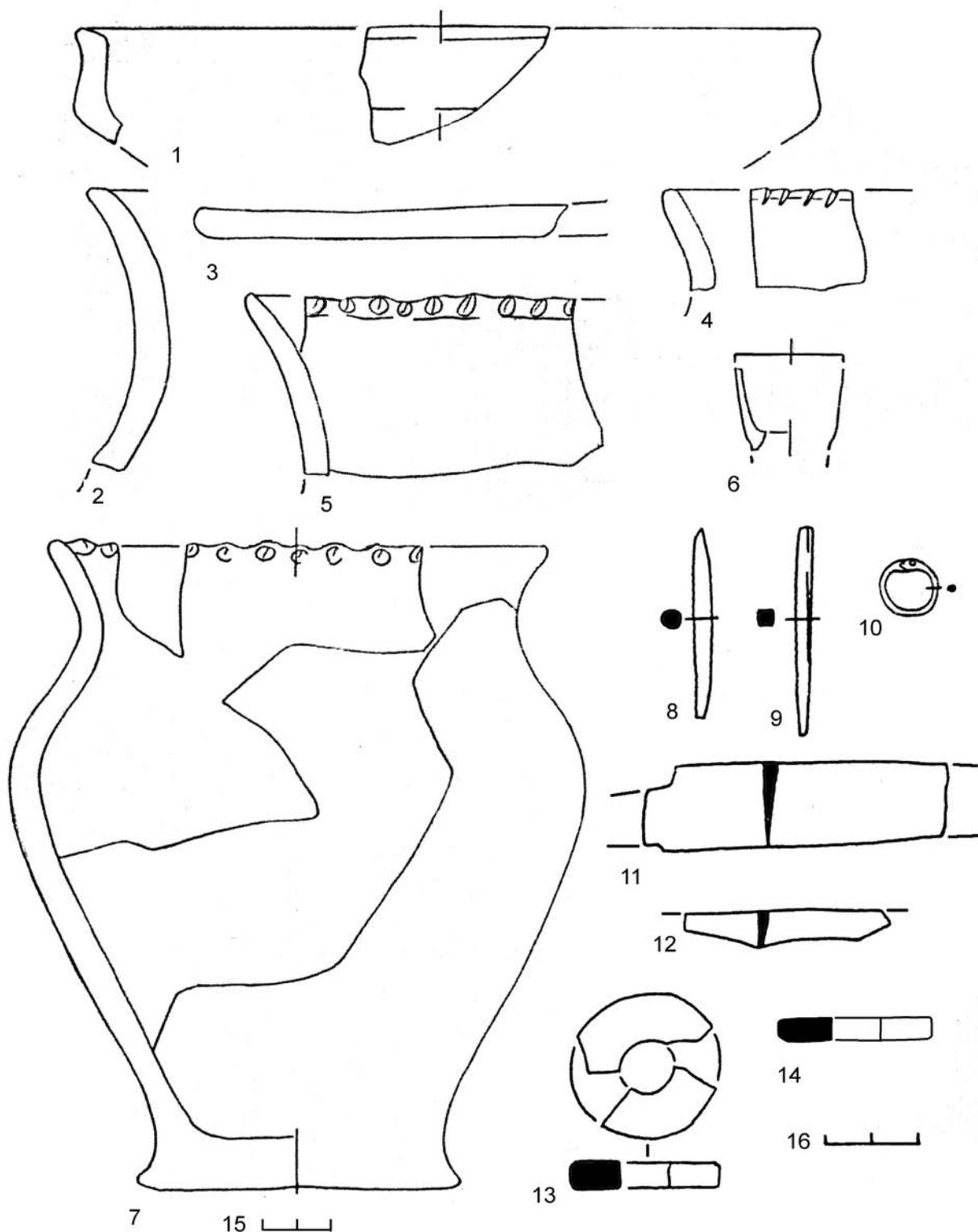


Рис. 108. Березовка-2, материалы.

1 – фр-т лепной лощеной миски; 2-7 – груболепная керамика; 8-12 – железо; 13,14 – пряслица из черепков лощеных сосудов; 1-4 – раскоп 6, яма 1; 5-7 – раскоп 6, яма 3; 8-12 – культурный слой; 13 – раскоп 1, яма 2; 14 – раскоп 5, яма 1; (рис. А.М. Обломского). 15 – масштаб к позициям 1-7,10; 16 – масштаб к позициям 8,9,11-14.

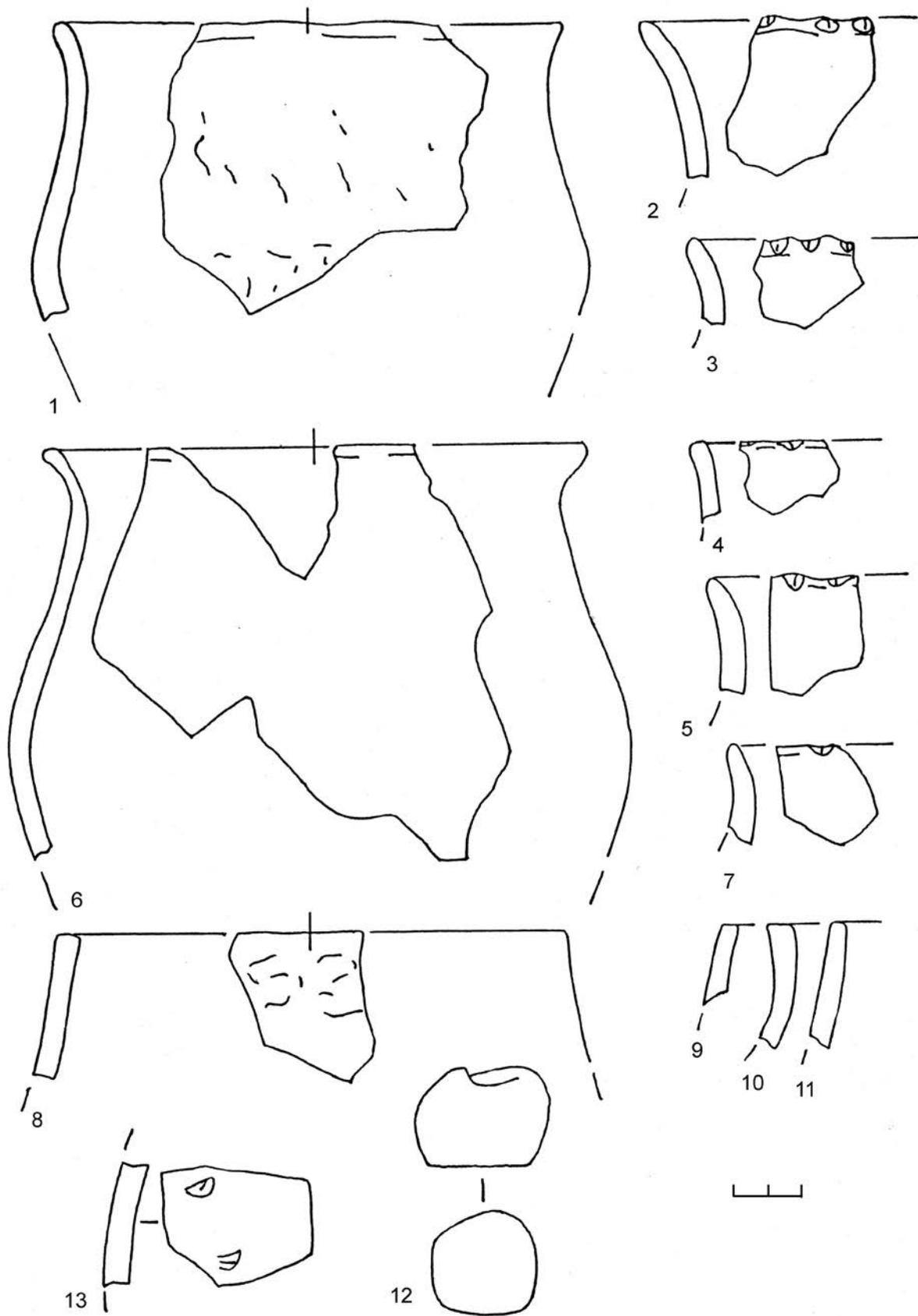


Рис. 109. Березовка-2, раскоп 3, яма 5.
1-11,13 – груболепная керамика; 12 – камень-курант (рис. А.М. Обломского).

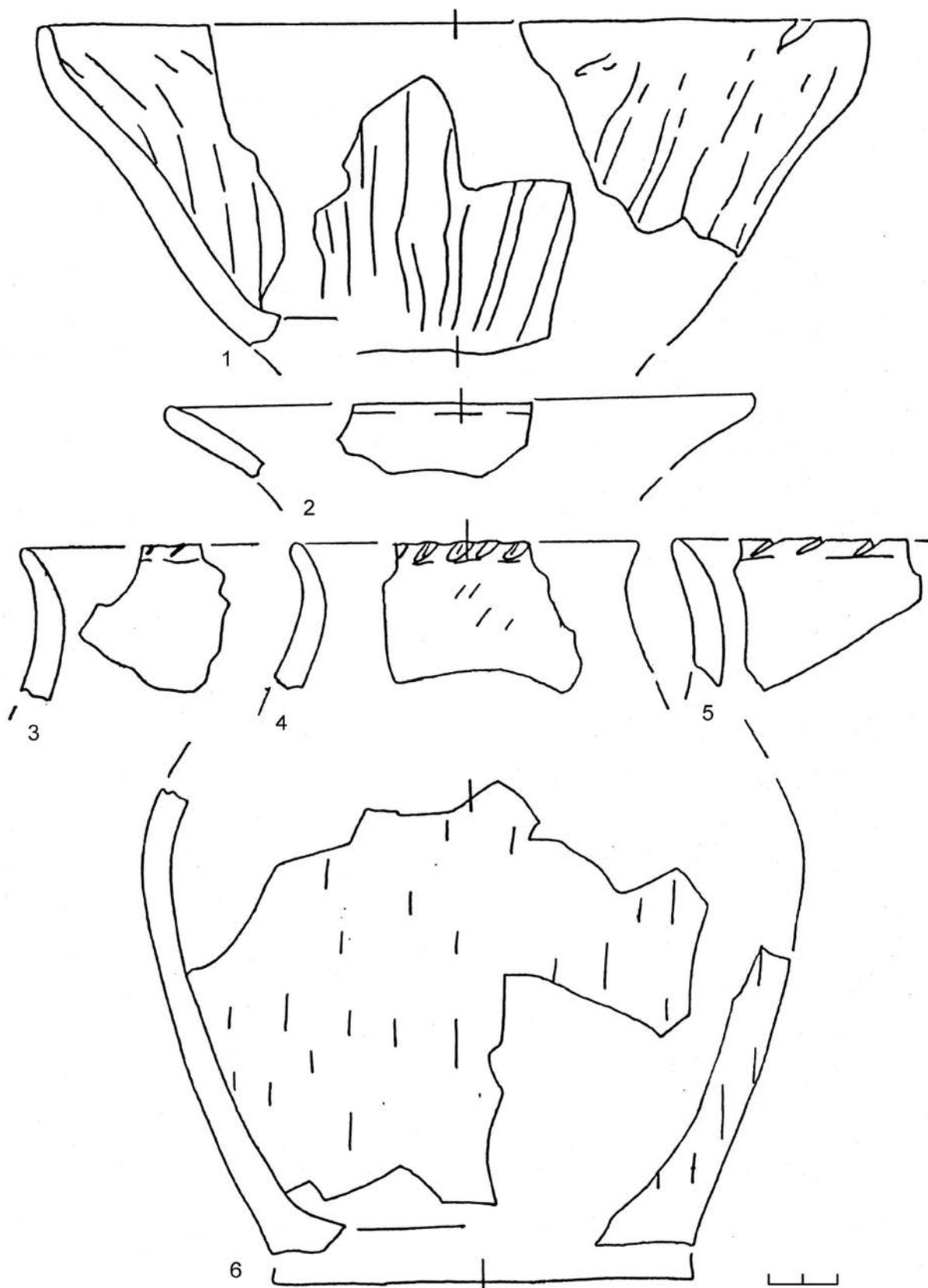


Рис. 110. Березовка-2, раскоп 3, яма 11, груболепная керамика (рис. А.М. Обломского).

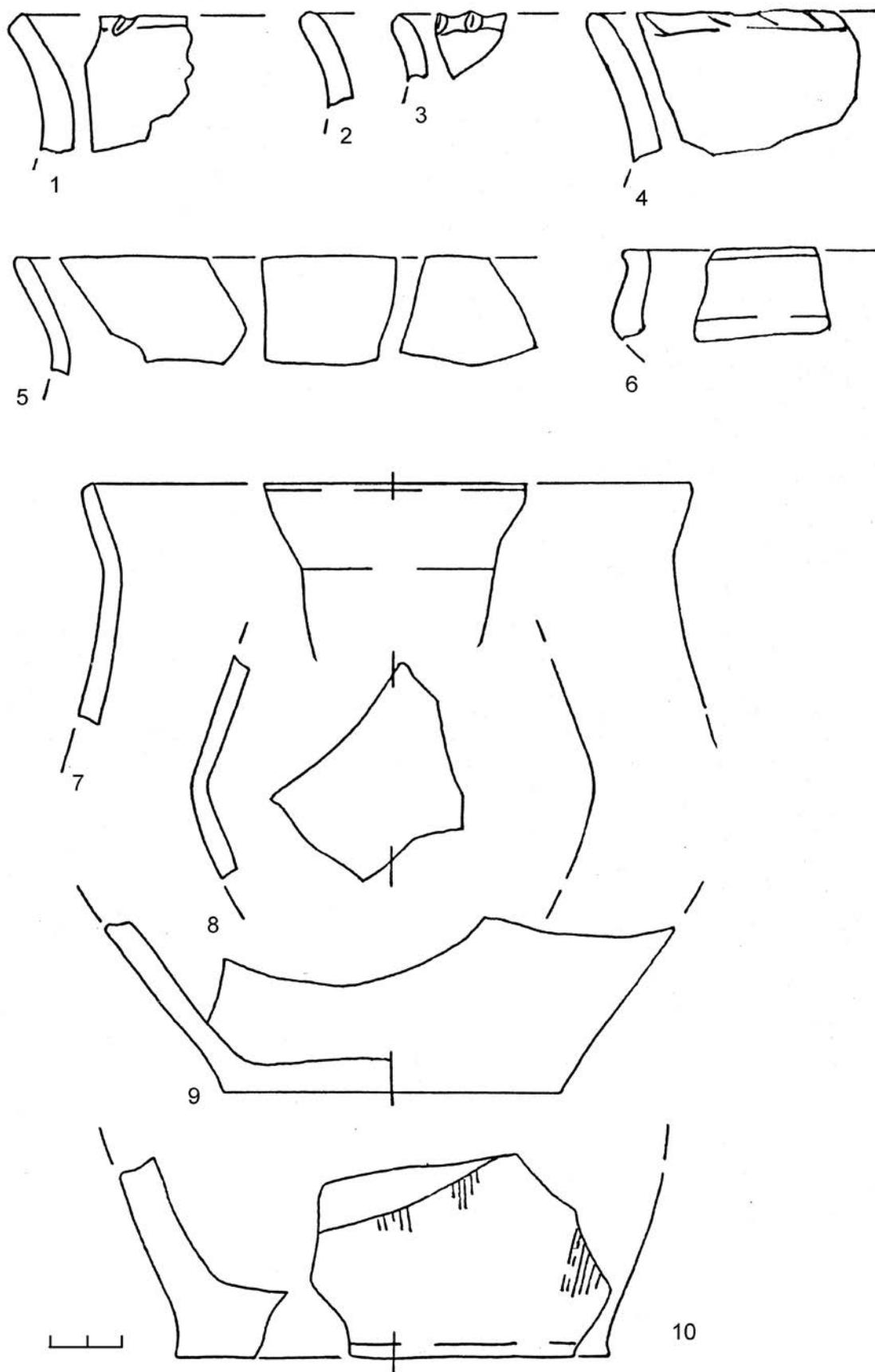


Рис. 111. Березовка-2, лепная керамика

1-4,10 – груболепная керамика (10 – с расчесами гребнем на поверхности); 5-9 – лепная лошенная керамика; 1-9 – раскоп 3, яма 11; 10 – раскоп 3, яма 15 (рис. А.М. Обломского).

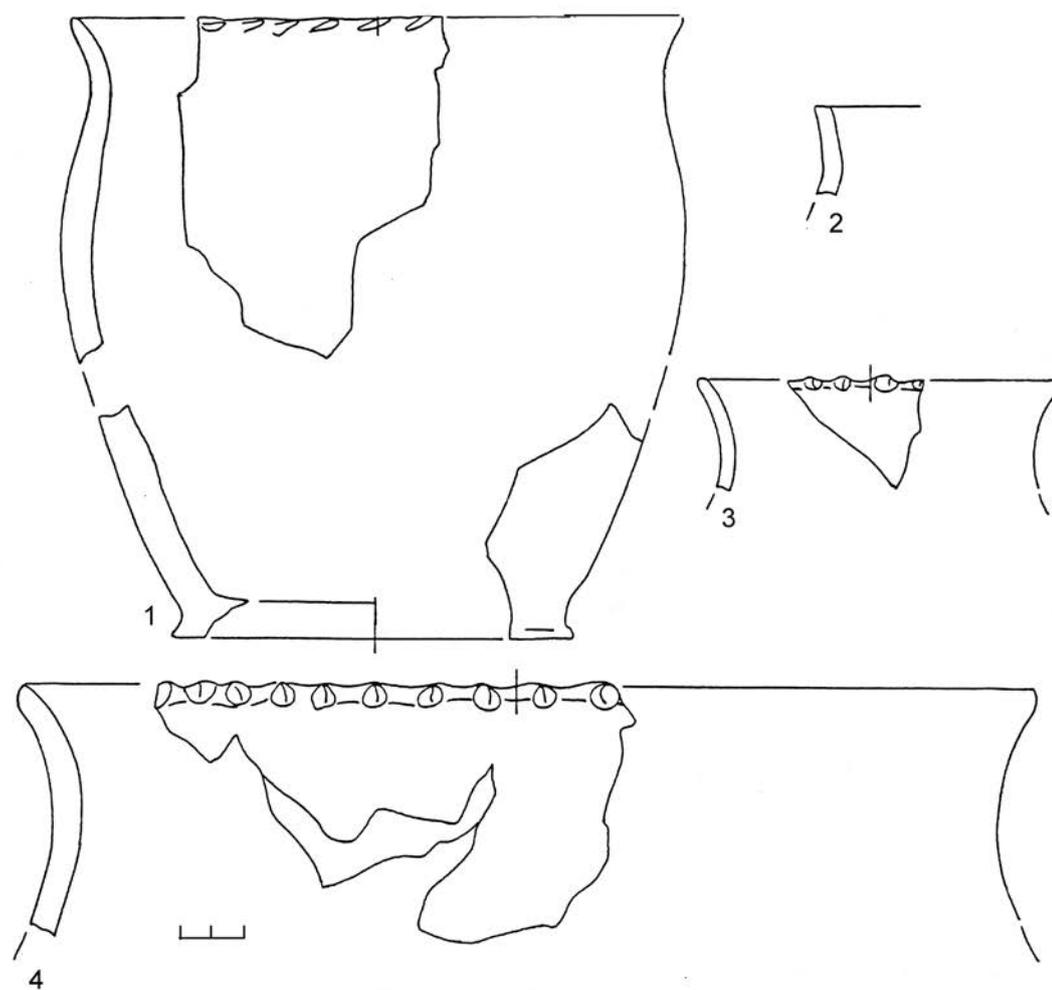


Рис. 112. Березовка-2, раскоп 3, яма 16, горизонт 1 (рис. А.М. Обломского).
1,3,4 – груболепная керамика; 2 – фр-т лепного лошеного сосуда.

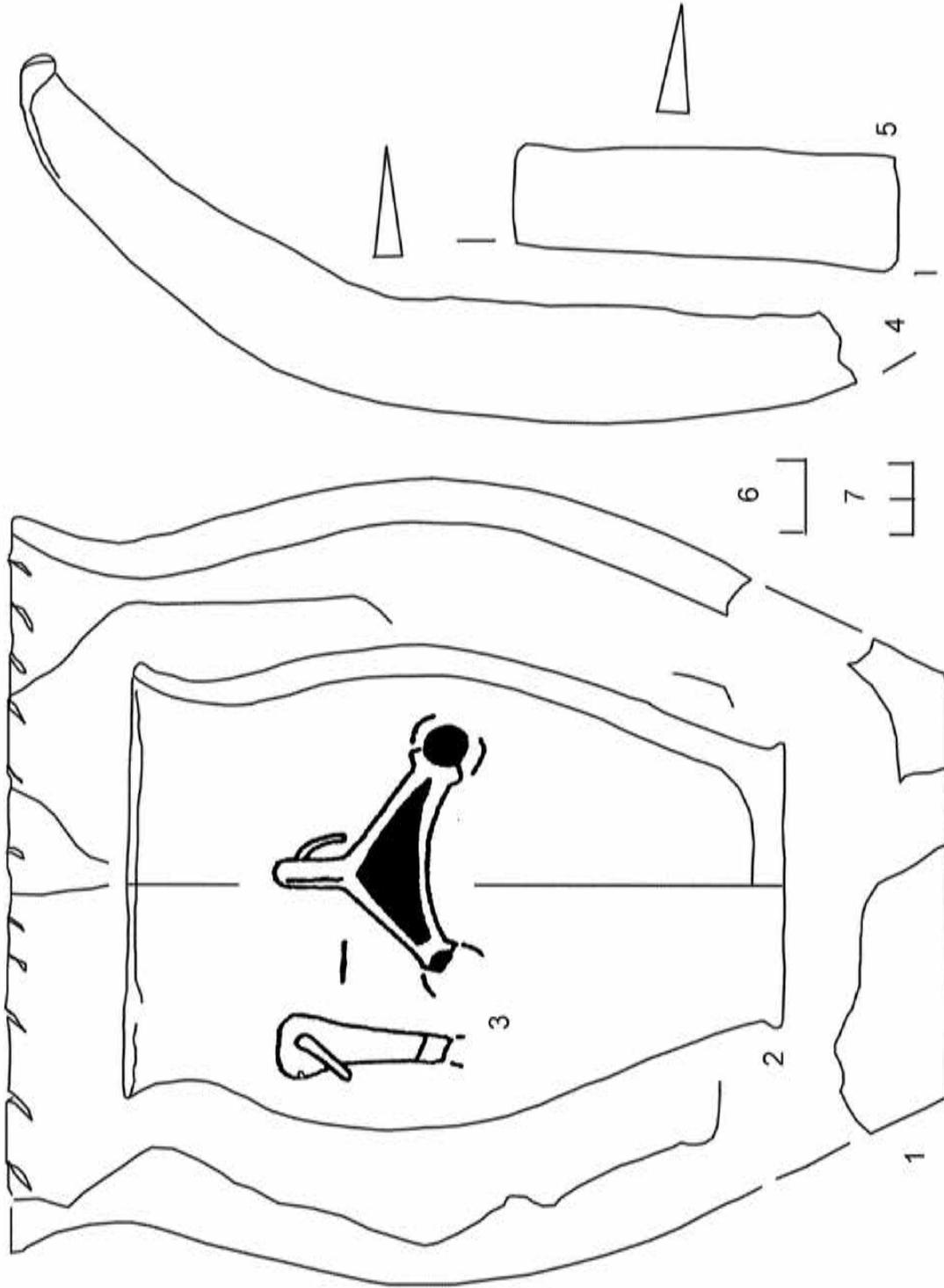


Рис. 113. Жерновец. Материалы из культурного слоя 1979 г. (1,2,4,5) и сооружения 51 1983 г. (3) (рисунки А.М. Обломского и А.А. Узянова).
 1,2 – груболепные сосуды; 3 – бронзовая лунница со вставками красной эмали; 4,5 – обломки железного серпа; 6 – масштаб к позициям 3-5; 7 – масштаб к позициям 1,2.

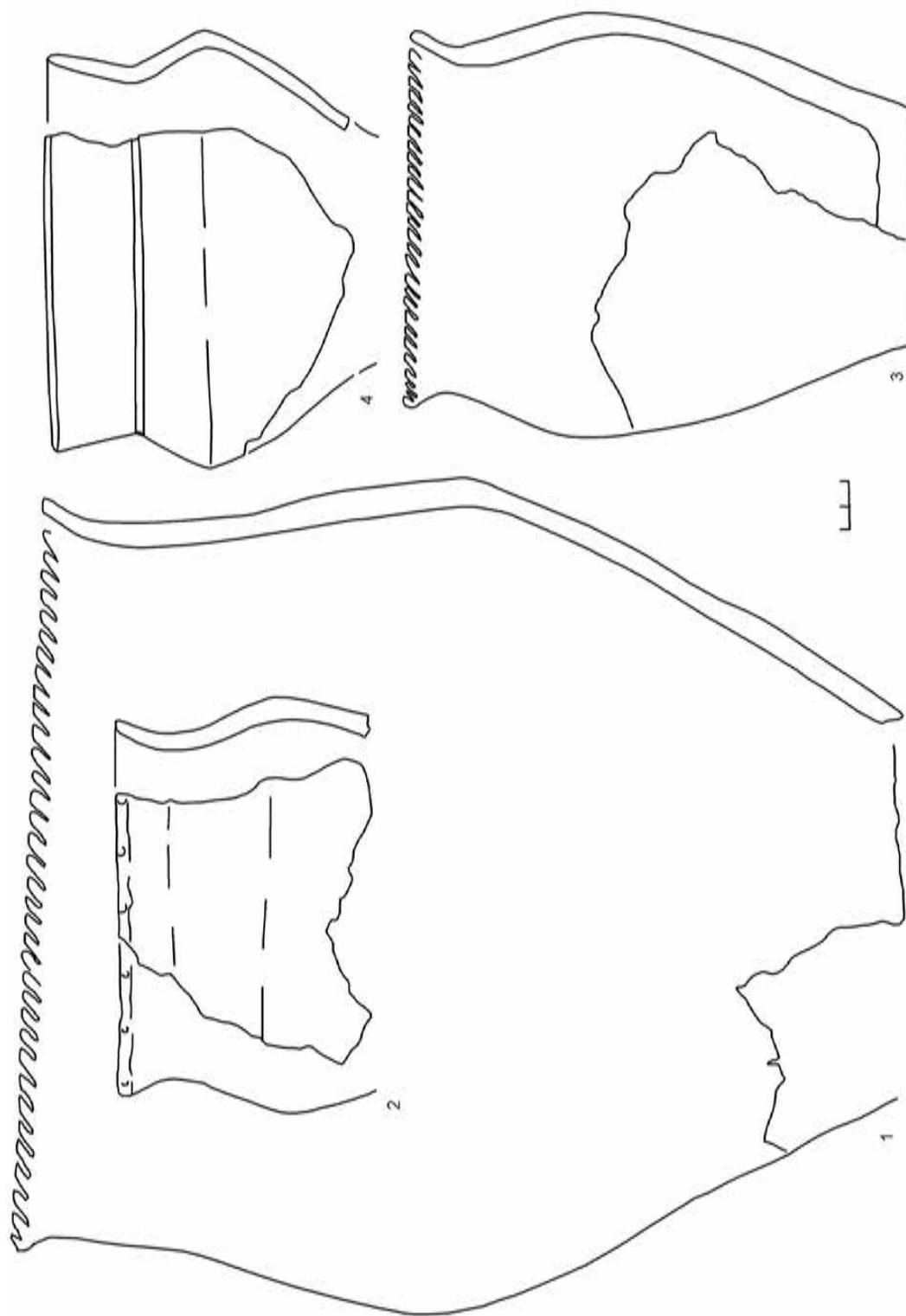


Рис. 114. Жерновец, яма 20 1979 г. (рисунки А.А. Узянова).
1-3 — груболепная керамика; 4 — лепная лощеная миска.

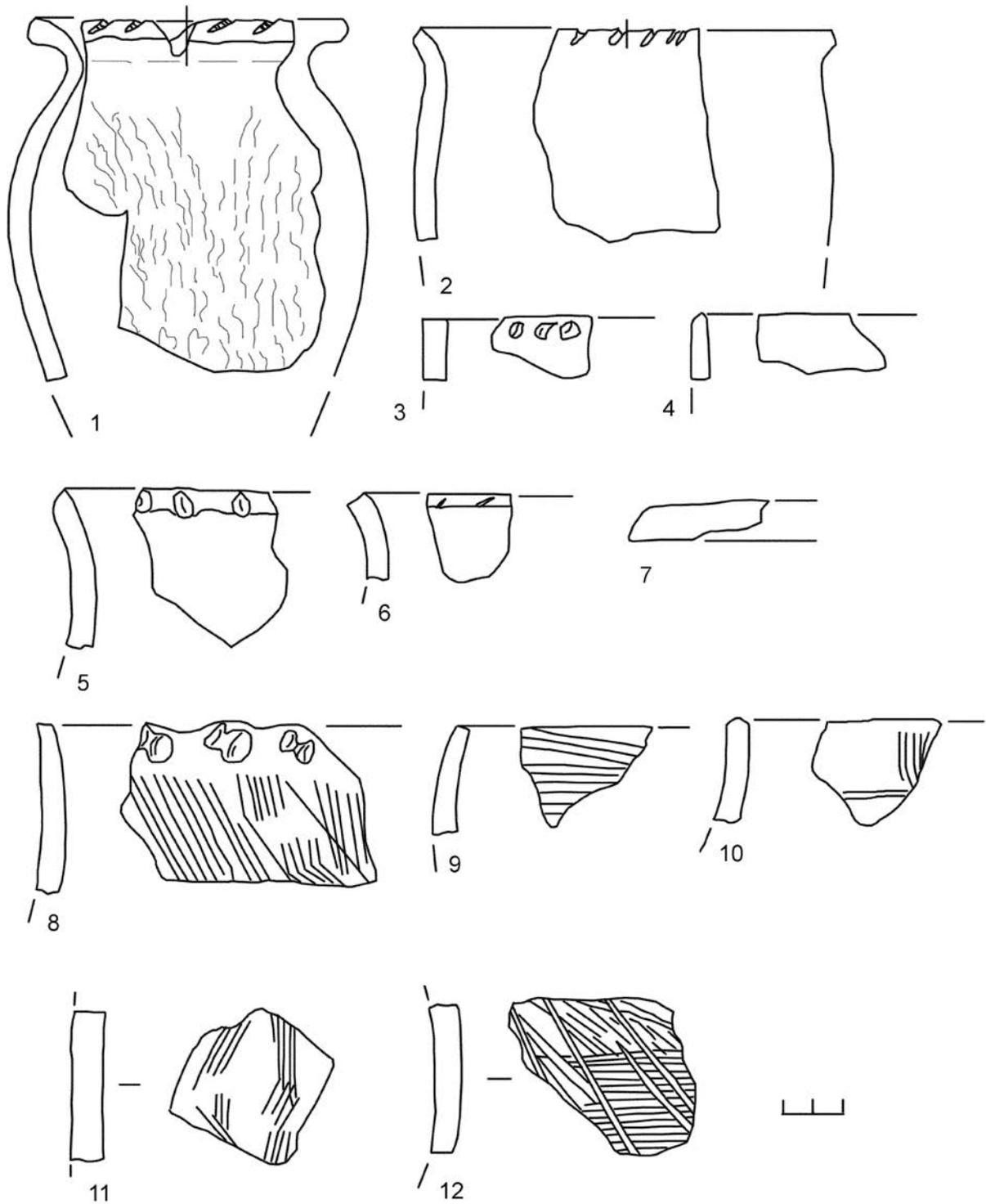


Рис. 115. Жерновец, сооружение X 1980 г., груболепная керамика (рисунки А.М. Обломского).
 1 – с хрупчатой поверхностью и насечками, нанесенными гребнем; 2-7 – с шероховатой поверхностью;
 8-12 – с расчесами, нанесенными гребнем (12 – с дополнительными бороздами, проведенными
 заостренной палочкой).

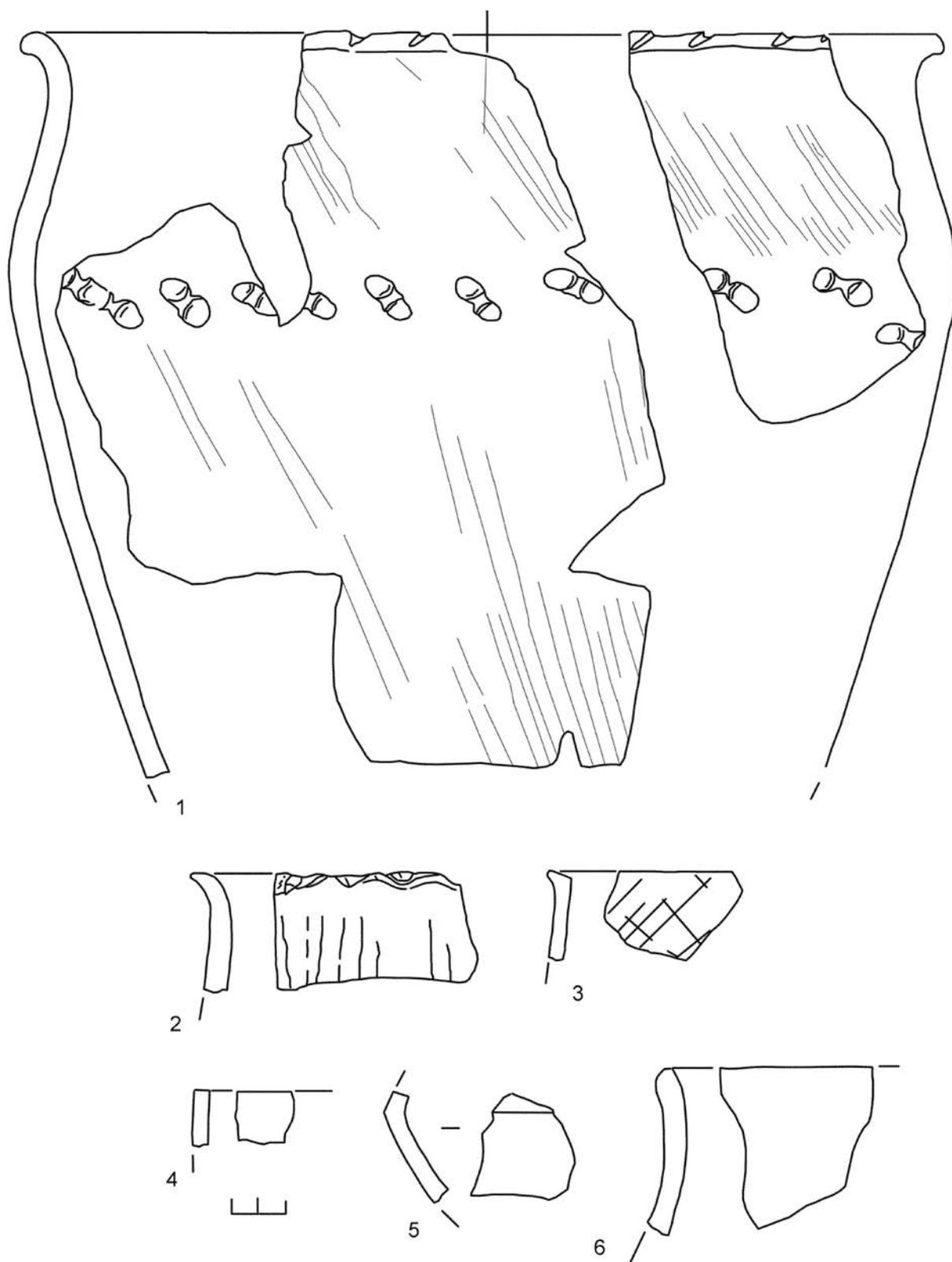


Рис. 116. Жерновец, лепная керамика из раскопок 1980 г. (рисунки А.М. Обломского).
 1 – сосуд с шерховатой поверхностью со слабыми штрихами из сооружения X (из заполнения и скопления обломков жаровни), XI (из заполнения), XII (из завала печи); 2-6 – из культурного слоя над сооружением X (2,3 – покрытые штрихами, 4,5 – с лощеной поверхностью, 6 – с шерховатой поверхностью).

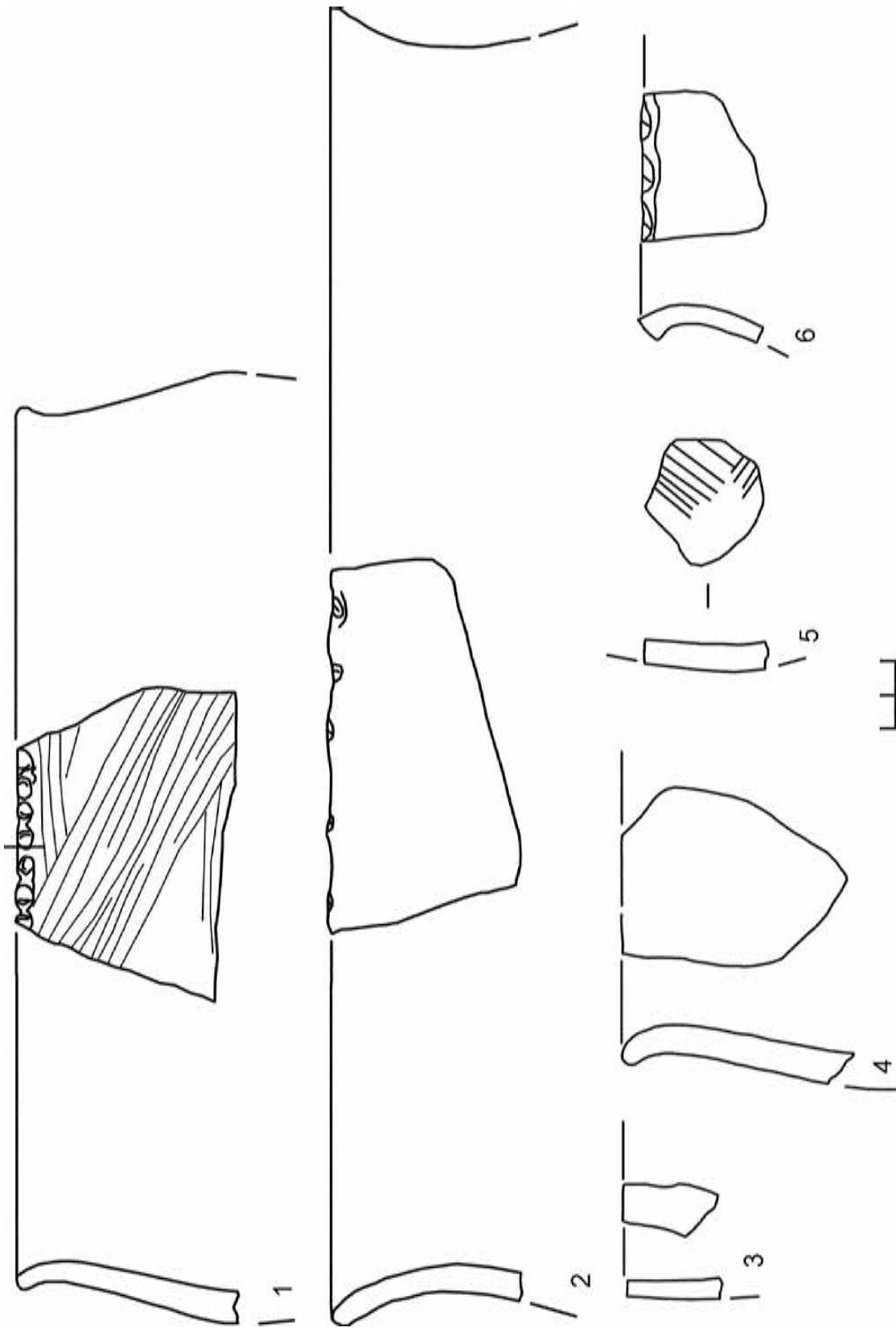


Рис. 117. Жерновец, лепная керамика из раскопок 1980 г. (рисунки А.М. Обломского).

1,2 — из завала печи сооружения XII; 3 — яма 85; 4,6 — яма 82; 5 — яма 92; 1 — со штрихами на поверхности; 2,4,6 — с шероховатой поверхностью; 3 — с лощеной поверхностью; 5 — с расчесами, нанесенными гребнем.

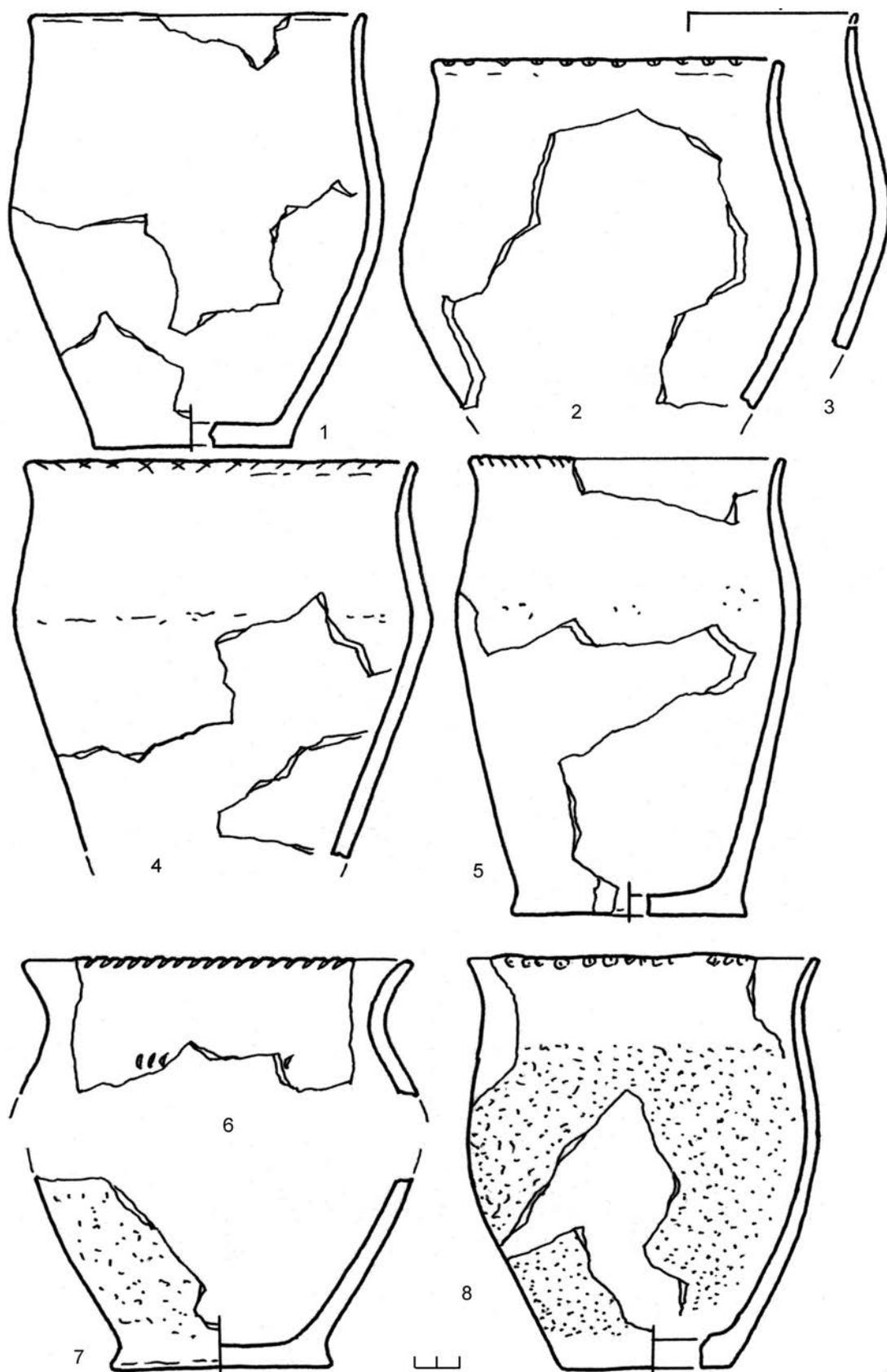


Рис. 118. Солдатское-5, груболепная керамика (7,8 – с хрупчатой поверхностью)
(рис. Р.В. Терпиловского).

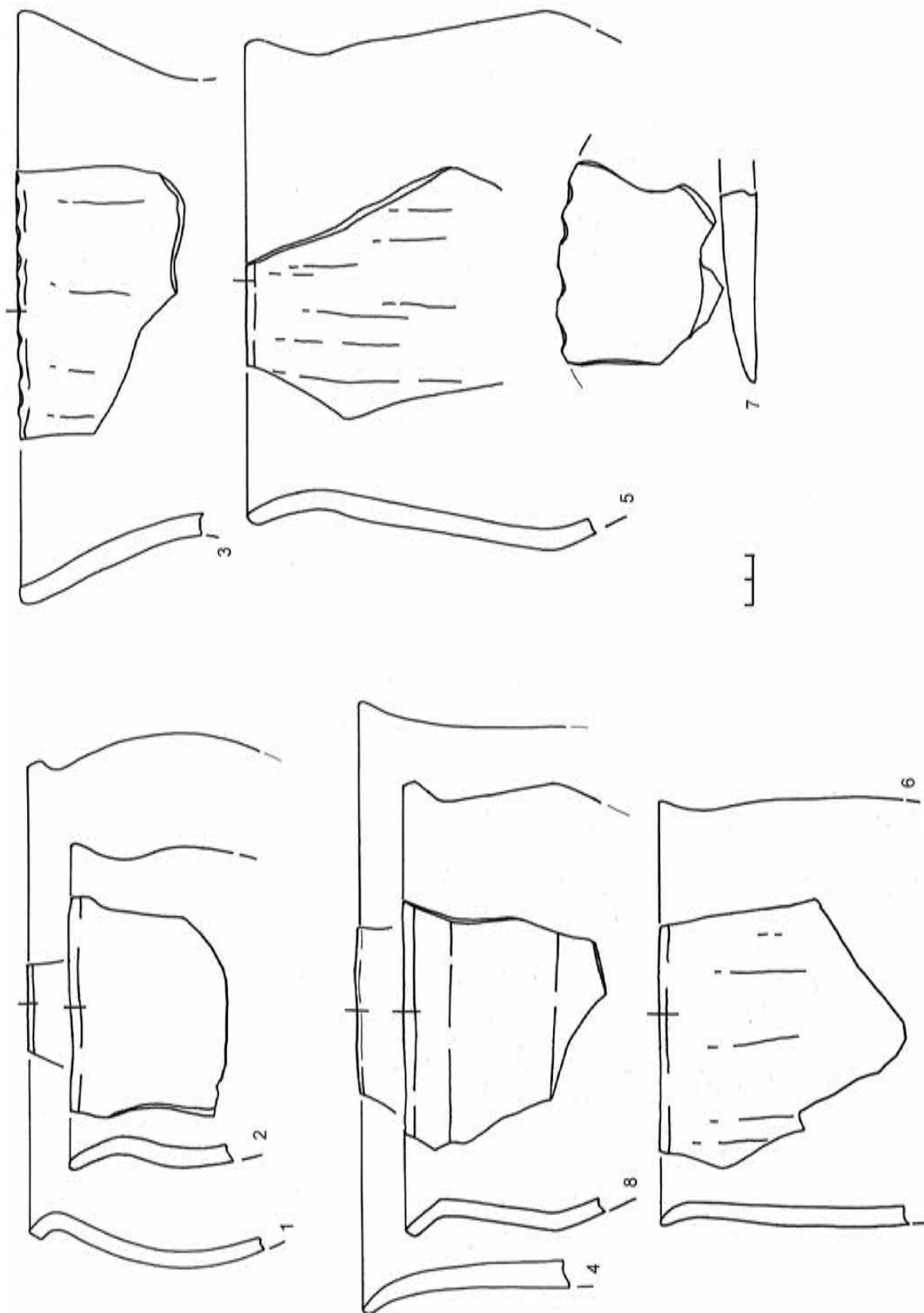
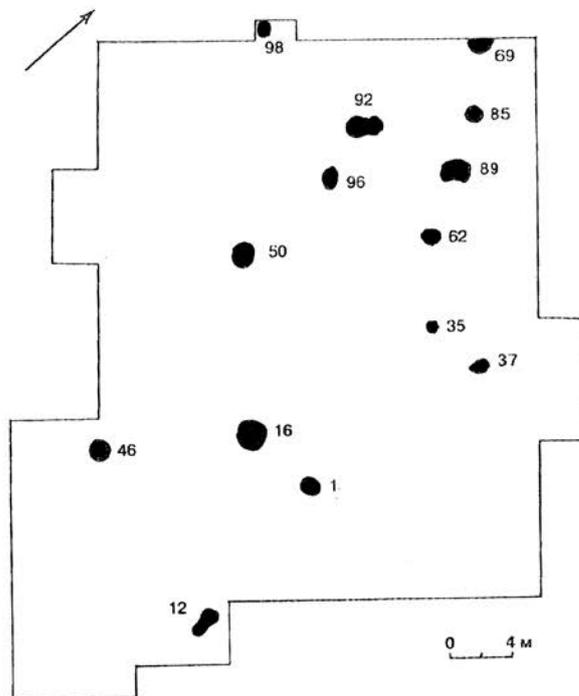
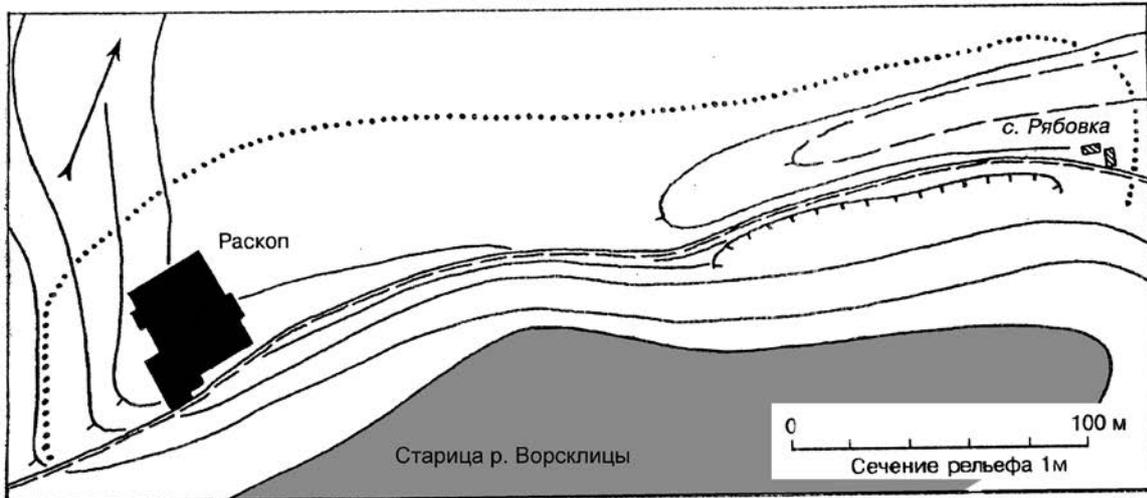


Рис. 119. Песчаное, лепная керамика (рисунки А.М. Обломского).
 1-7 - с шероховатой поверхностью; 8 - с лощеной



Рис. 120. Песчаное, груболепная керамика (рисунки Г.В. Терпиловского).



2

Рис. 121. Рябовка-3. План памятника (вверху) и раскопа (внизу) (по А.М. Обломскому).

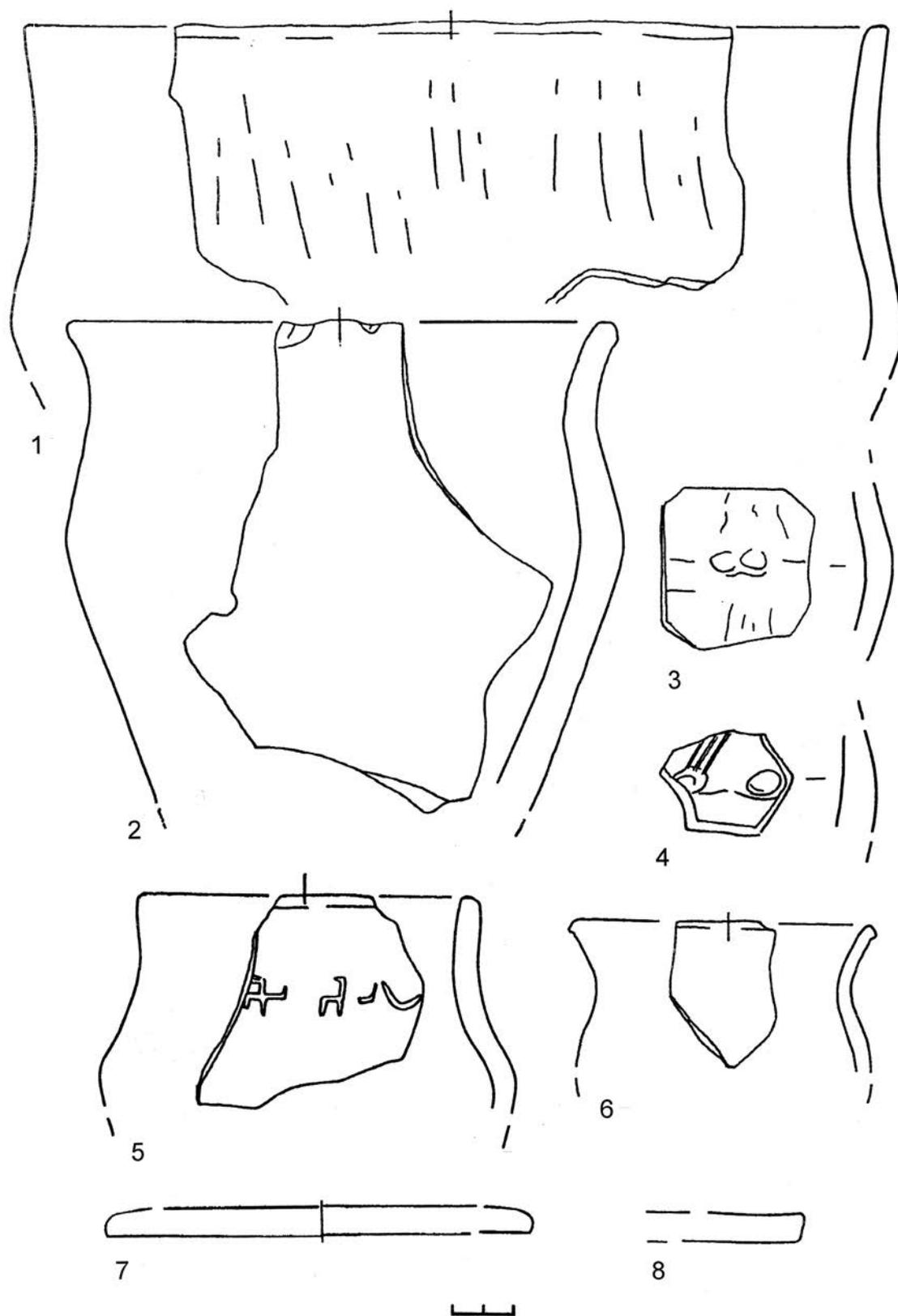


Рис. 122. Рябовка-3. Груболепная керамика (4 – с расчесами гребнем)
 1 – яма 46; 2,5 – яма 89; 3 – яма 69; 4,7 – яма 1; 6,8 – яма 35(1) (рис. А.М. Обломского).

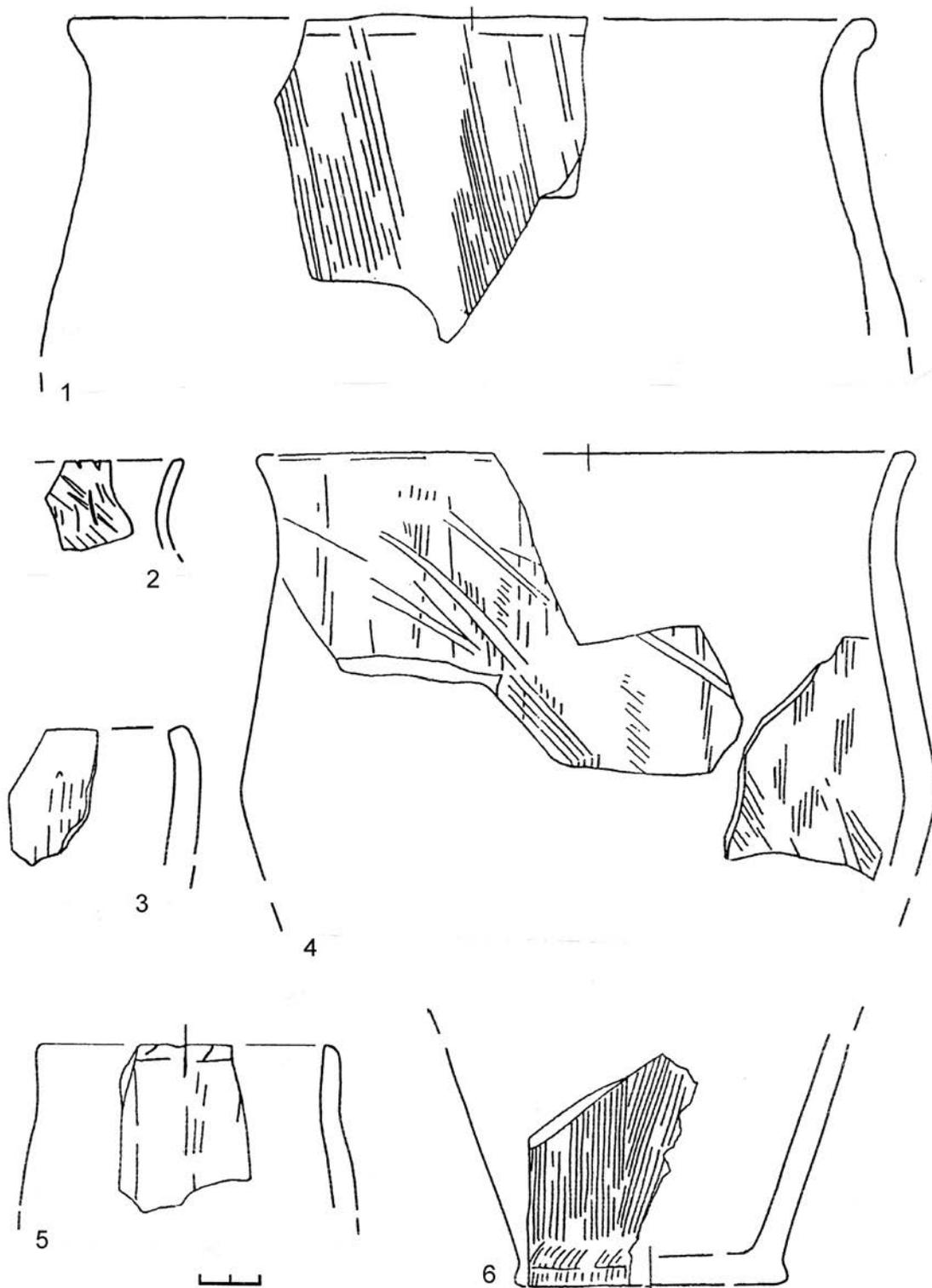


Рис. 123. Рябовка-3; груболепная керамика с расчесами гребнем.
1 – яма 35(1); 2,4 – яма 62; 3,6 – культурный слой; 5 – яма 85 (рис. А.М. Обломского).

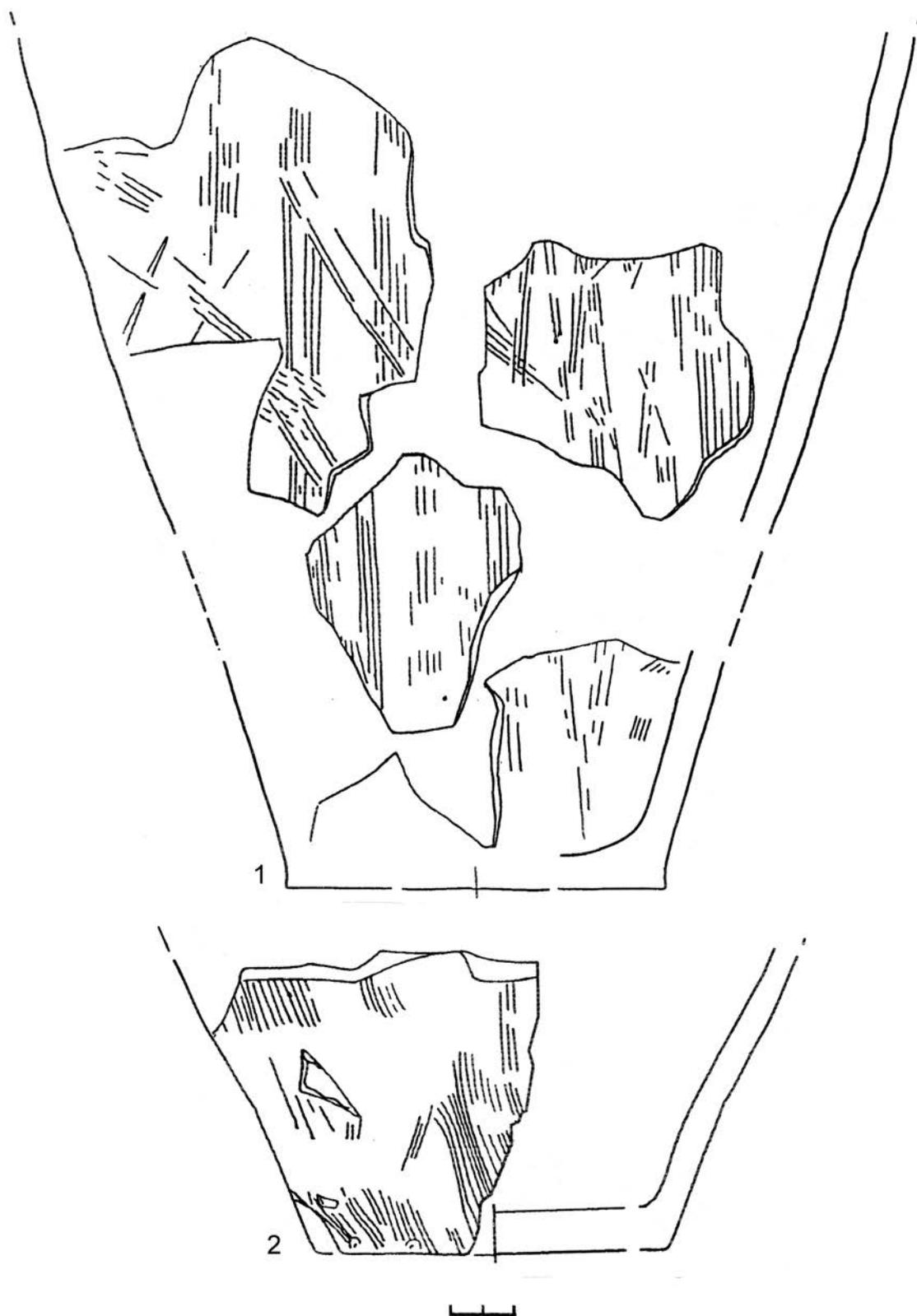


Рис. 124. Рябовка-3; груболепная керамика с расчесами гребнем.
1 – яма 50; 2 – культурный слой (рис. А.М. Обломского).

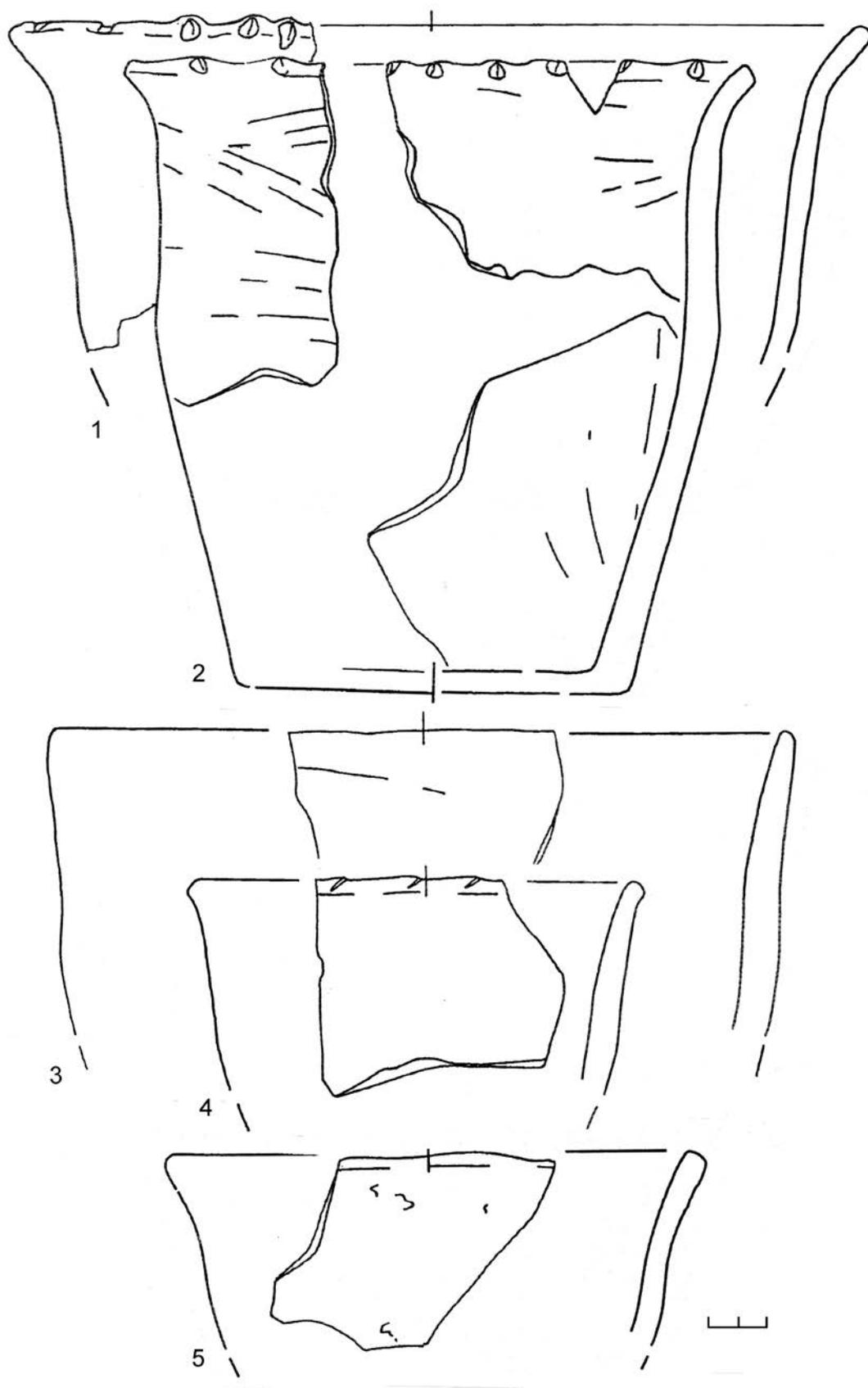


Рис. 125. Рябовка-3; груболепная керамика.
1,2 – яма 96; 3,4 – яма 35(1); 5 – яма 92 (рис. А.М. Обломского).

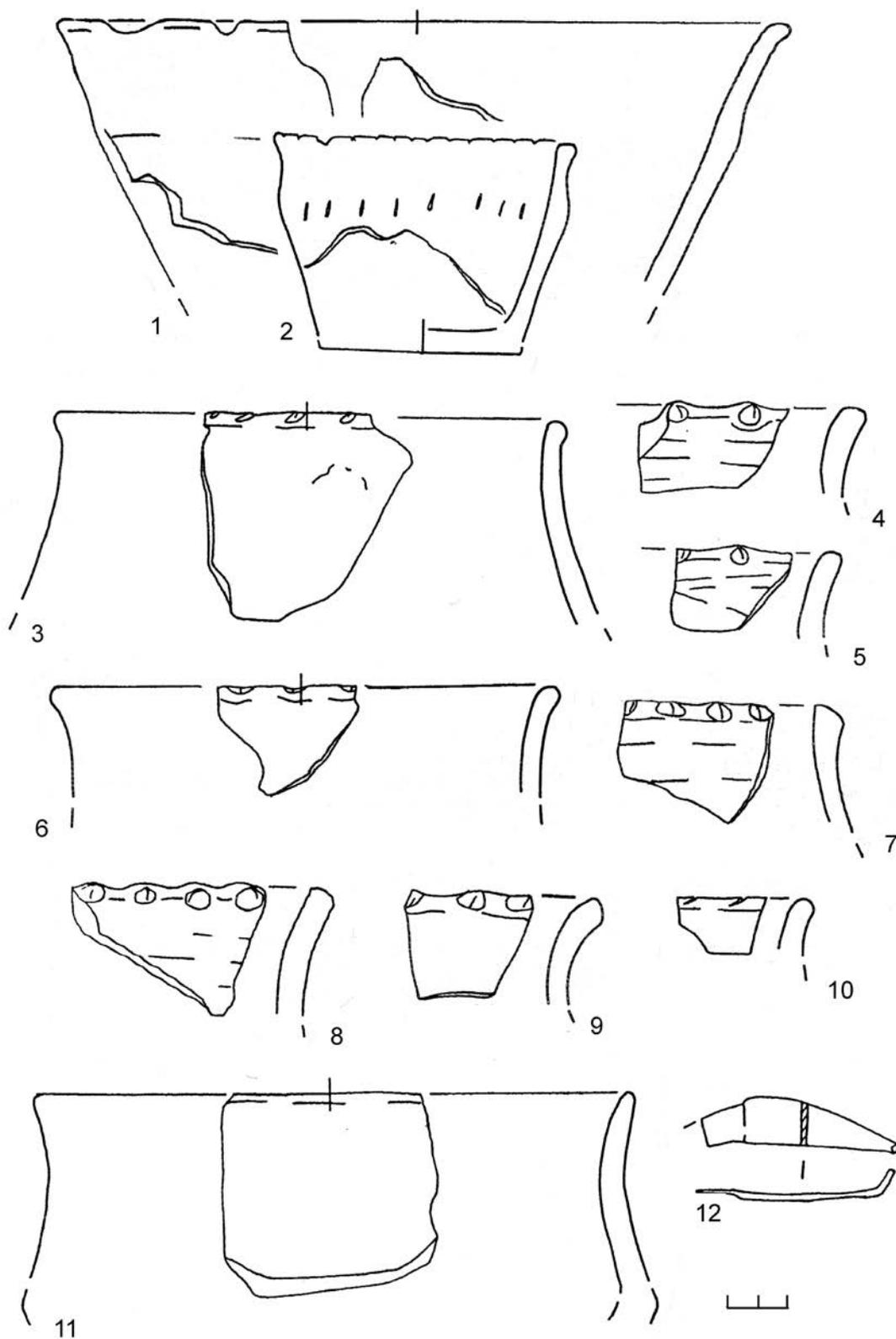


Рис. 126. Рябовка-3, материалы.

1-10 – груболепная керамика; 11 – фр-т лепной лощенной миски; 12 – фр-т железного серпа; 1,2 – яма 50; 3 – яма 98; 4,5,7 – яма 46; 6 – яма 92; 8 – яма 46; 9 – яма 89; 10 – яма 16; 11 – культурный слой; 12 – яма 69 (рис. А.М. Обломского).

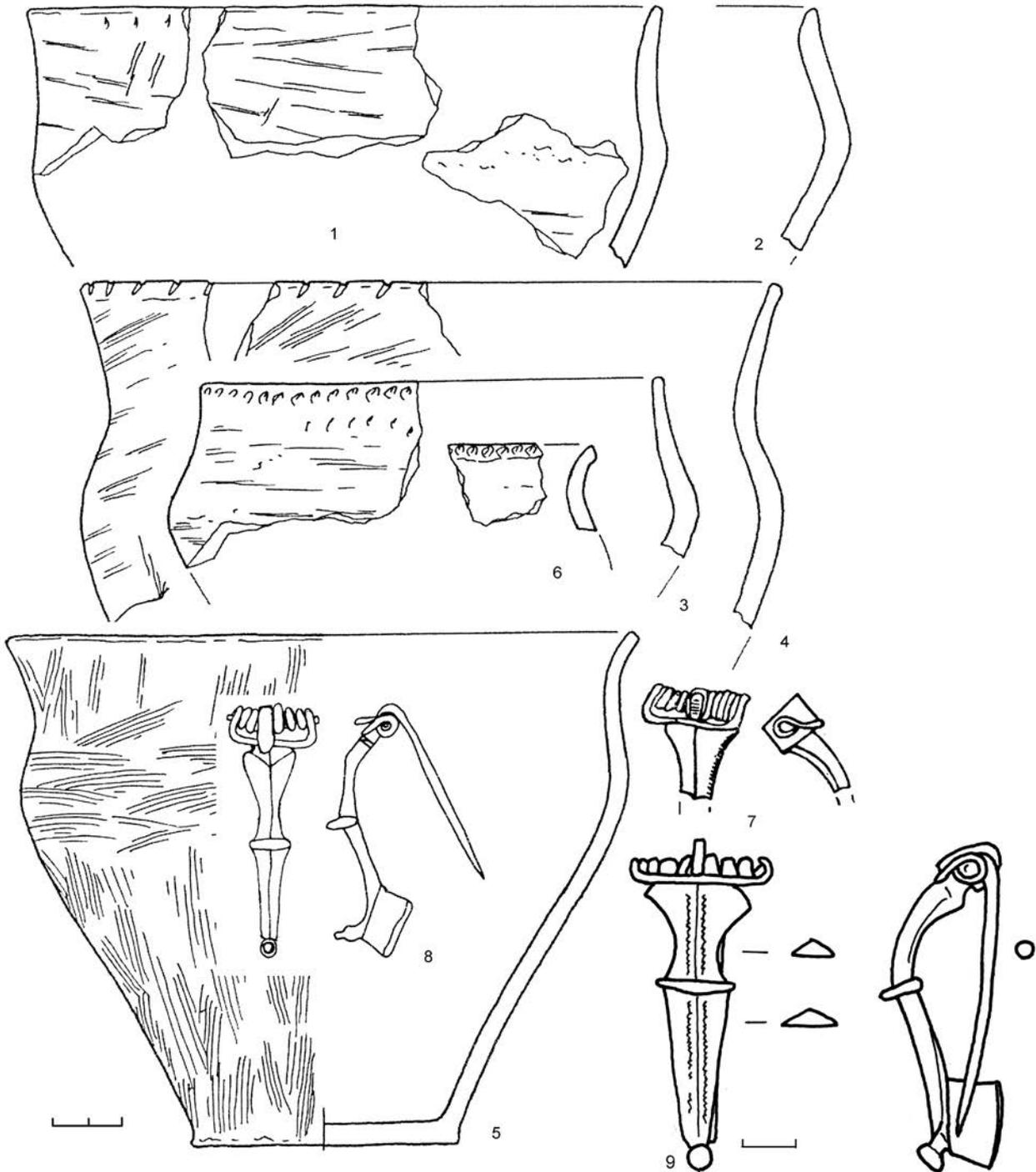


Рис. 127. Некоторые позднезарубинецкие материалы Днепроовского Левобережья. 1-6 – груболепная керамика (5 – с расчесами гребнем); 7-9 – бронзовые фибулы. 1-7 – Вовки; 8 – Коваливка; 9 – Шестовица (1-7 – рис. Р.В. Терпиловского; 8 – С.В. Сапегина; 9 – В.П. Коваленко).

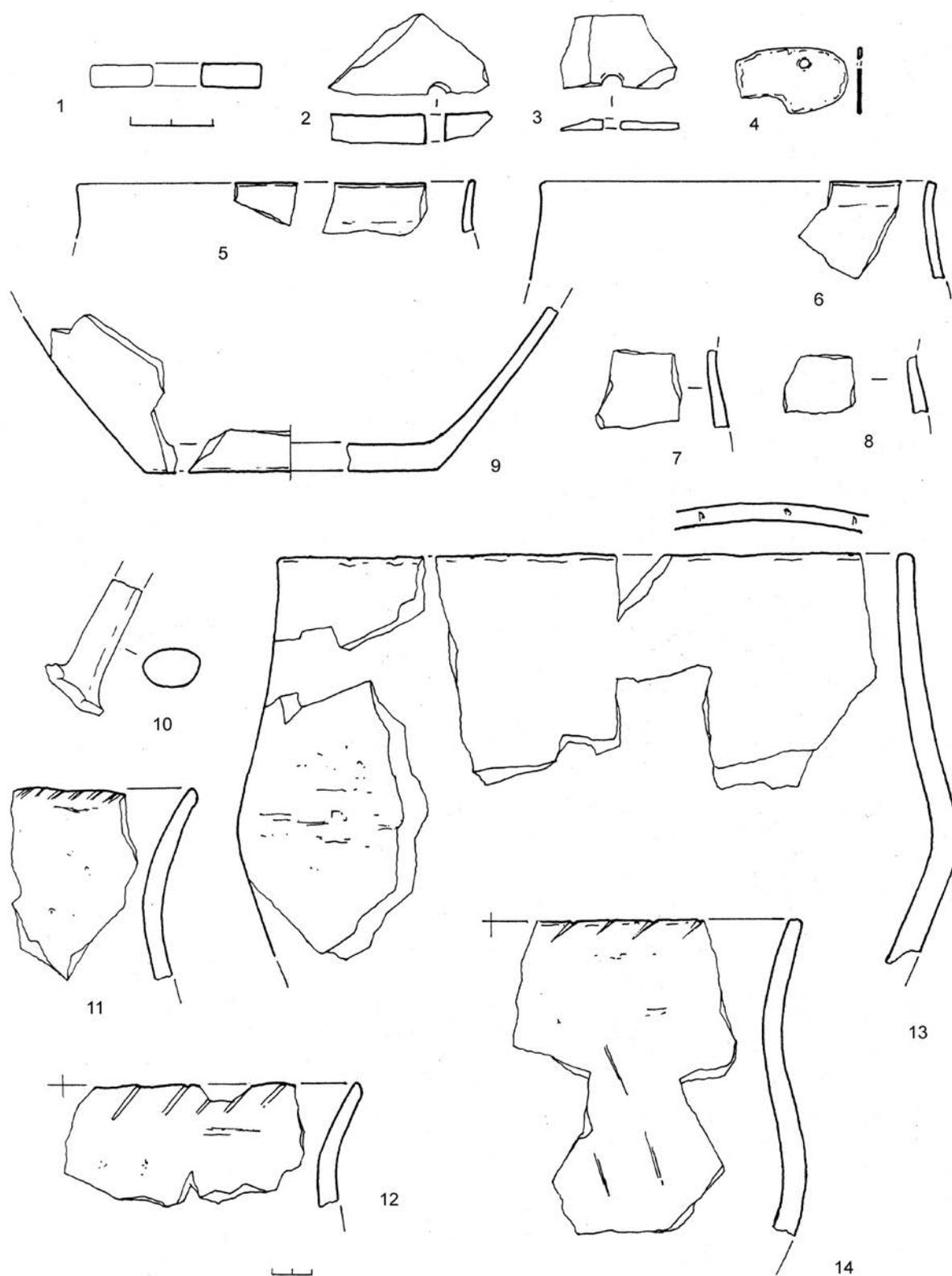


Рис. 128. Бельск, материалы (рисунки Р.В. Терпиловского).

1 – фр-т пряслица; 2,3 – заготовки пряслиц из стенок амфор; 4 – железная пластина; 5-9 – фр-ты чернолощенных мисок; 10 – ручка амфоры; 11-14 – фр-ты груболепных корчаг.

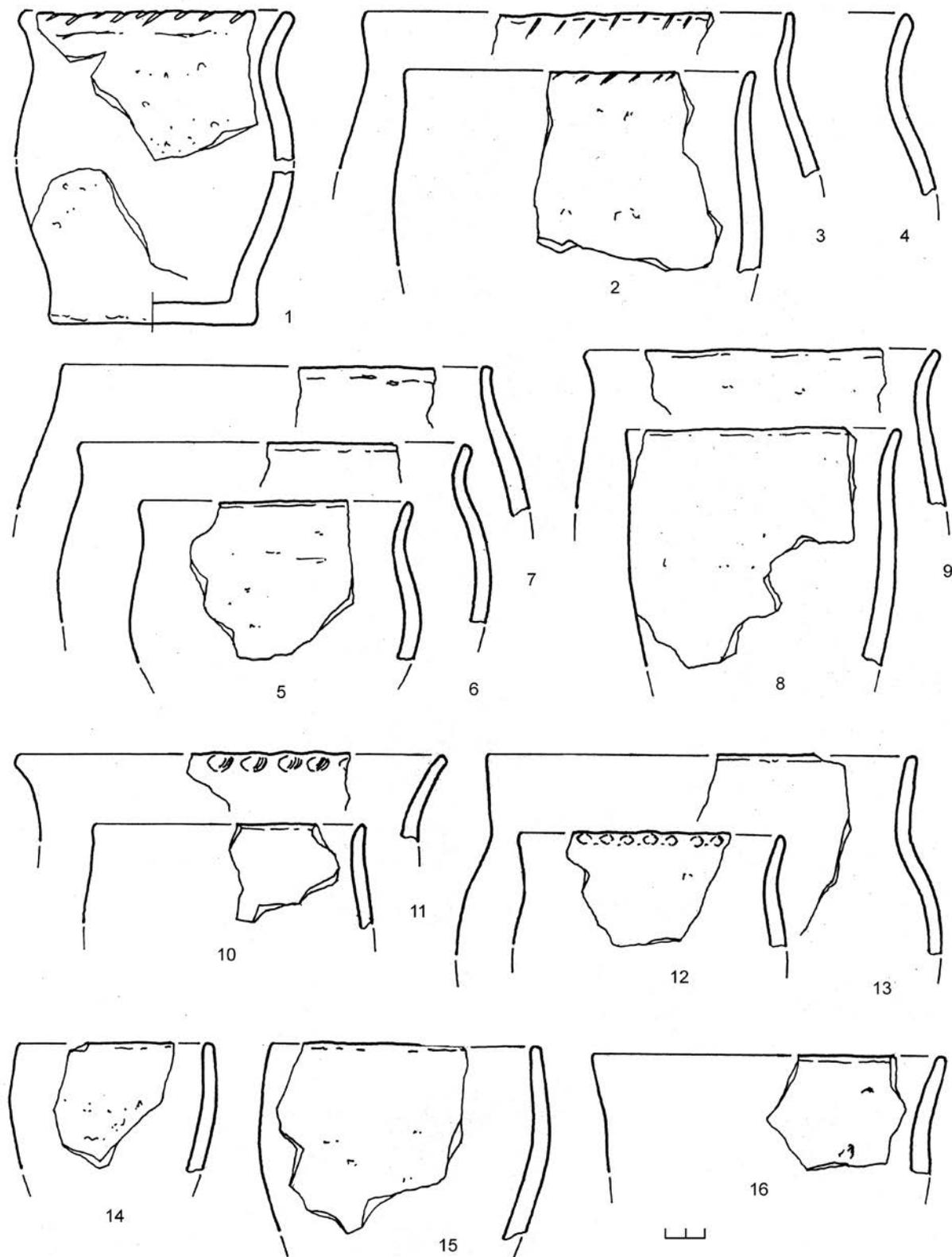


Рис. 129. Бельск, груболепная керамика (рисунки Р.В. Терпиловского).

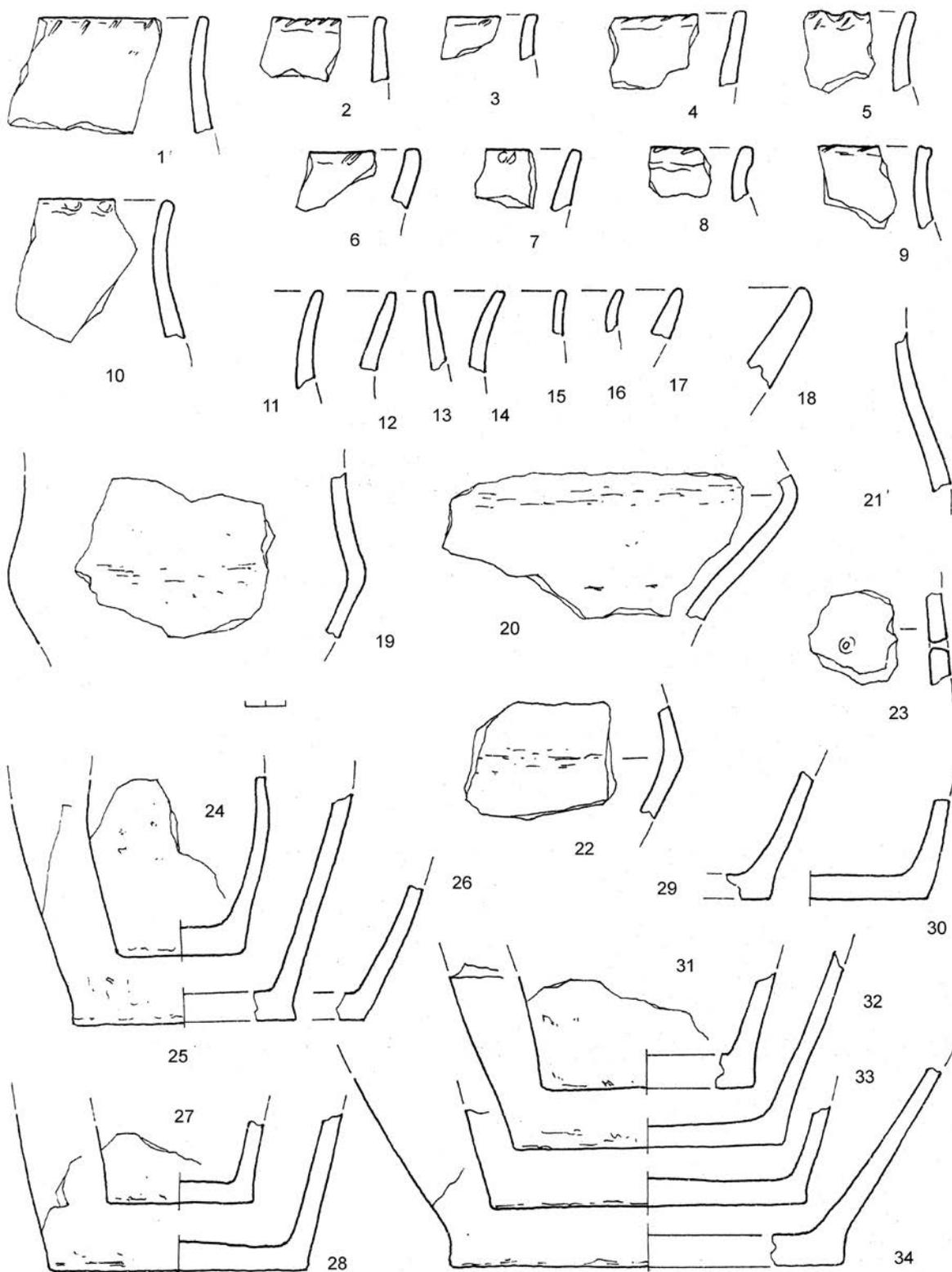


Рис. 130. Бельск, груболепная керамика (рисунки Р.В. Терпиловского).

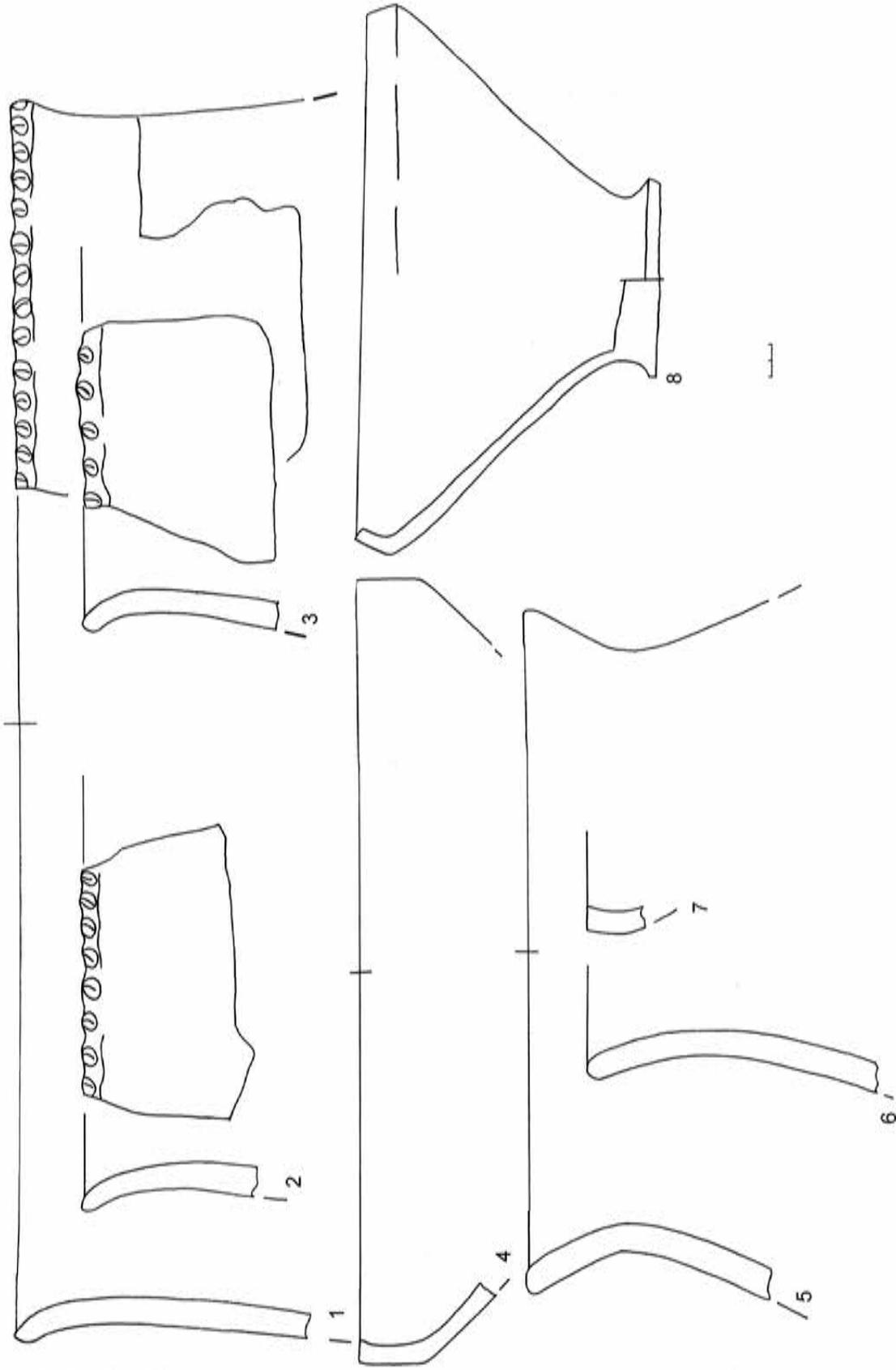


Рис. 131. Новодоновка-1, керамика (рисунки А.М. Обломского).

1-3 — яма 5; 4 — культурный слой; 5 — "зачистка ямы"; 6 — траншея 1, очаг; 7 — зачистка 1, очаг; 8 — около "печи". 1-3,5,6 — груболепная керамика; 4,7,8 — лепная лощеная керамика.

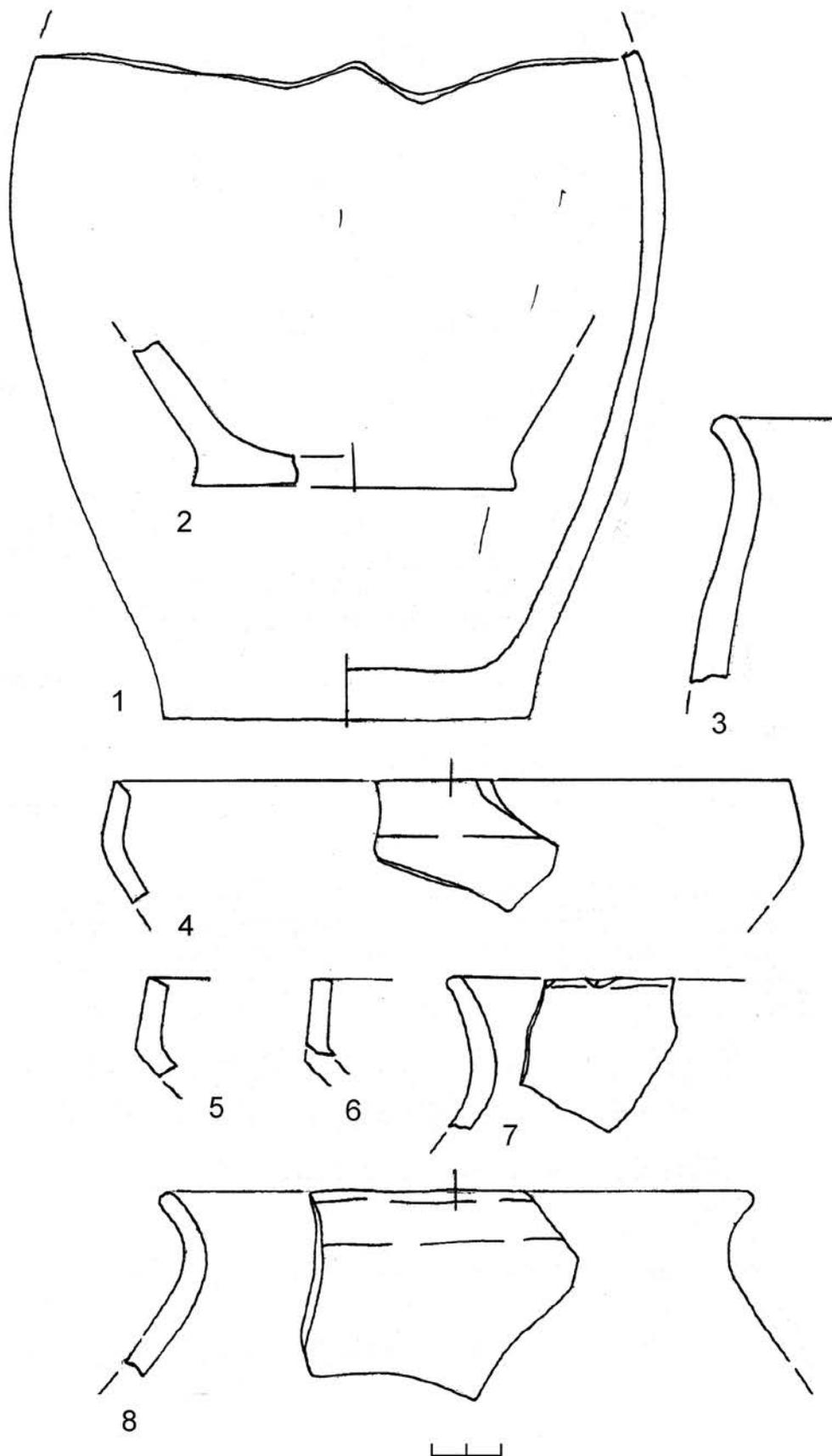


Рис. 132. Колесники, раскоп IV, жилище 2, лепная керамика
1,4-6 – лепная лощеная керамика; 2,3,7,8 – груболепная керамика (рис. А.М. Обломского).

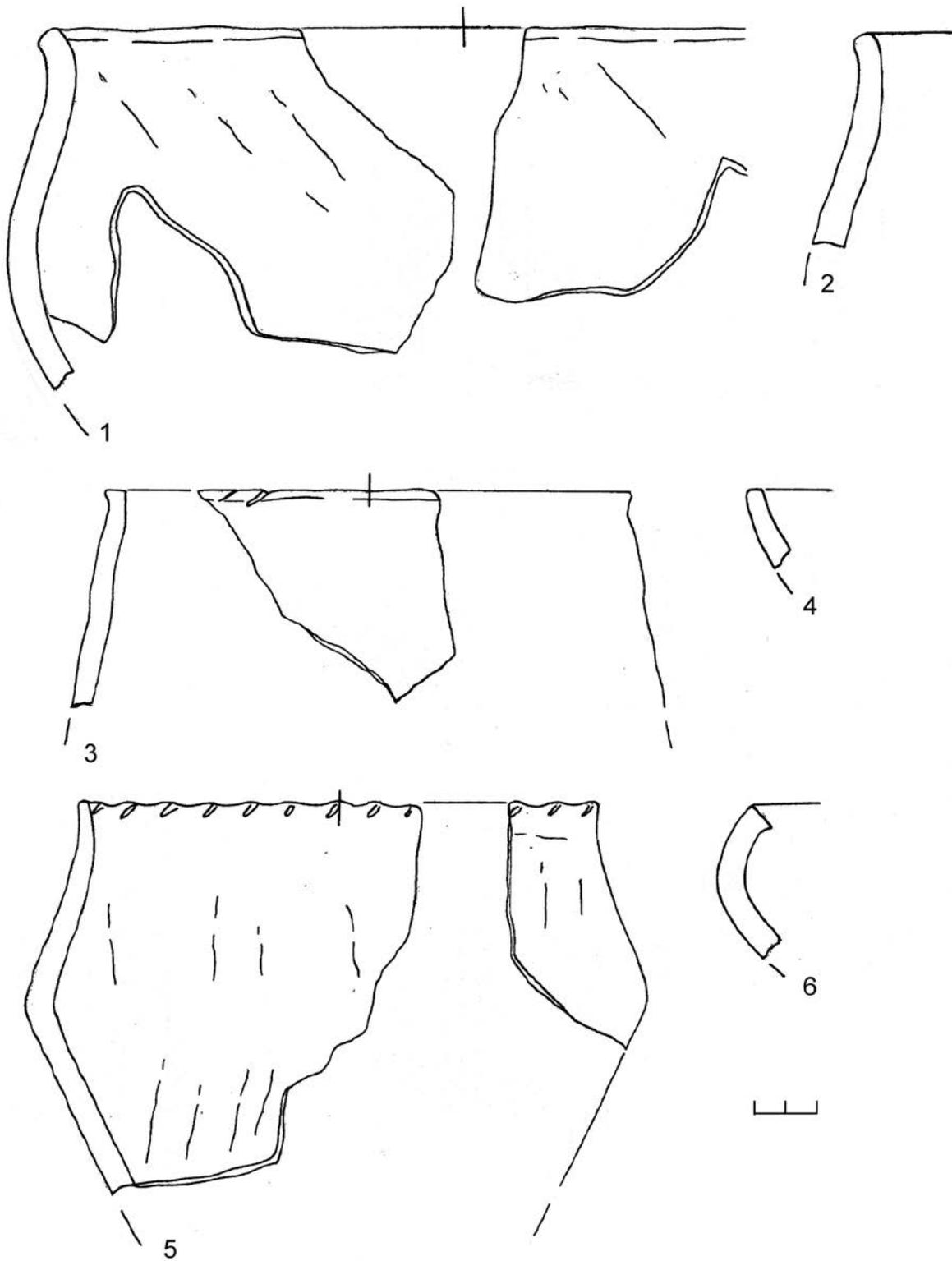


Рис. 133. Колесники, лепная керамика

1,2,3,5 – груболепная керамика; 4,6 – лепная лощеная керамика; 1,4 – раскоп 2, яма 1; 2,3,5,6 – культурный слой (рис. А.М. Обломского).

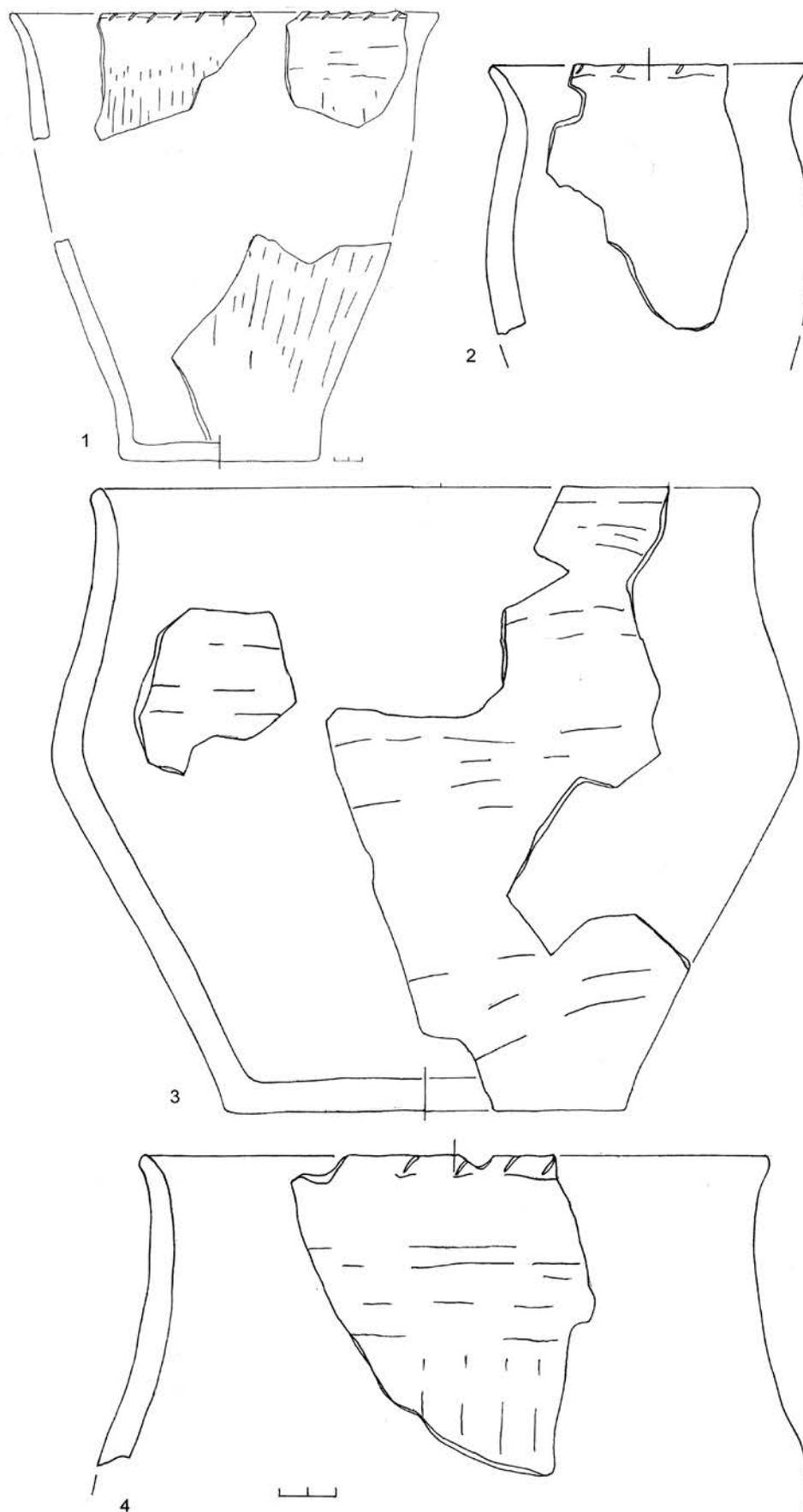


Рис. 134. Родной-Край-1, груболепная керамика.
1,2,4 – яма 24; 3 – яма 7 (рис. А.М. Обломского).

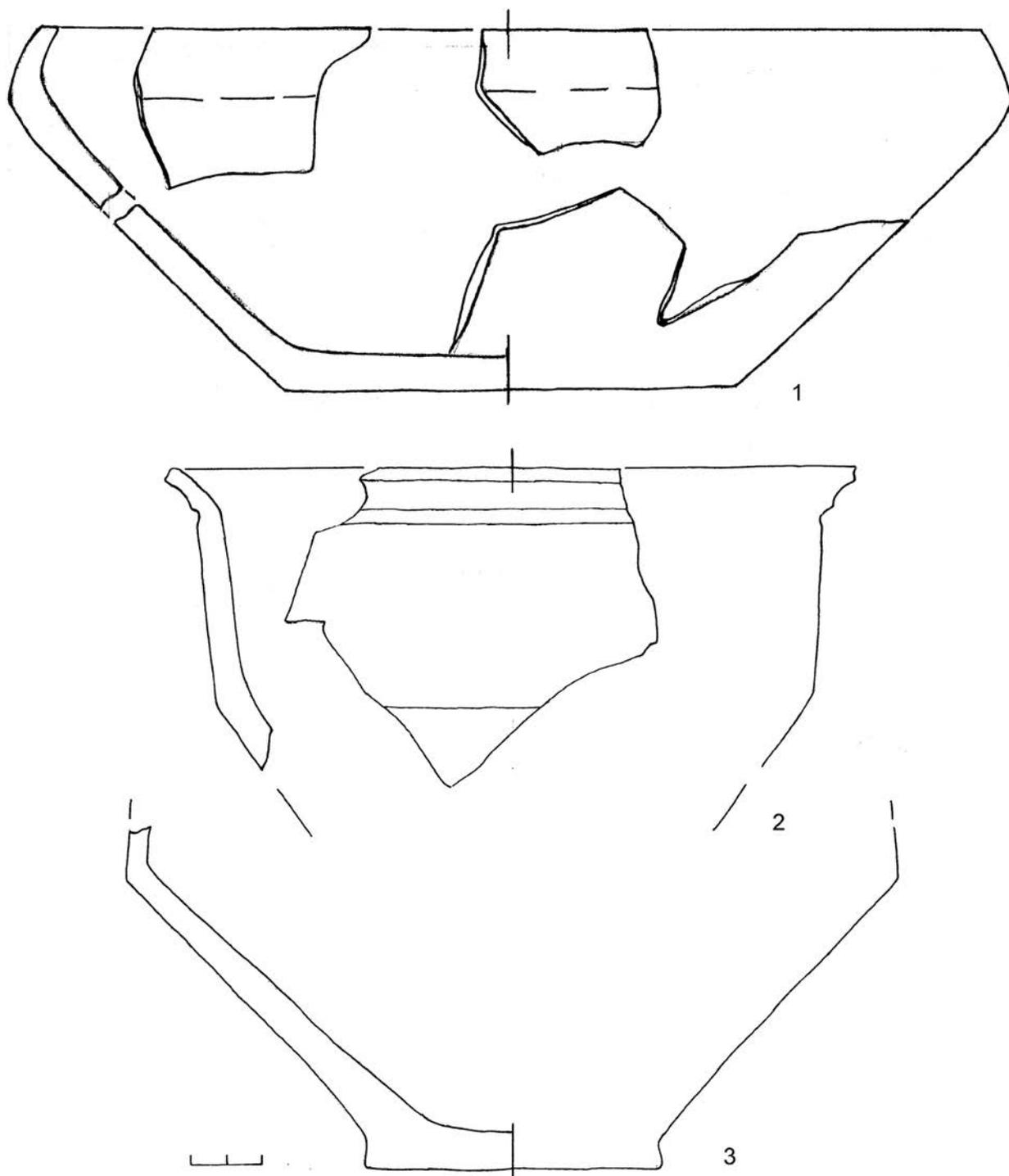


Рис. 135. Родной Край-1, лепная лошенная керамика.
1 – яма 24; 2 – культурный слой; 3 – департизированная (рис. А.М. Обломского).

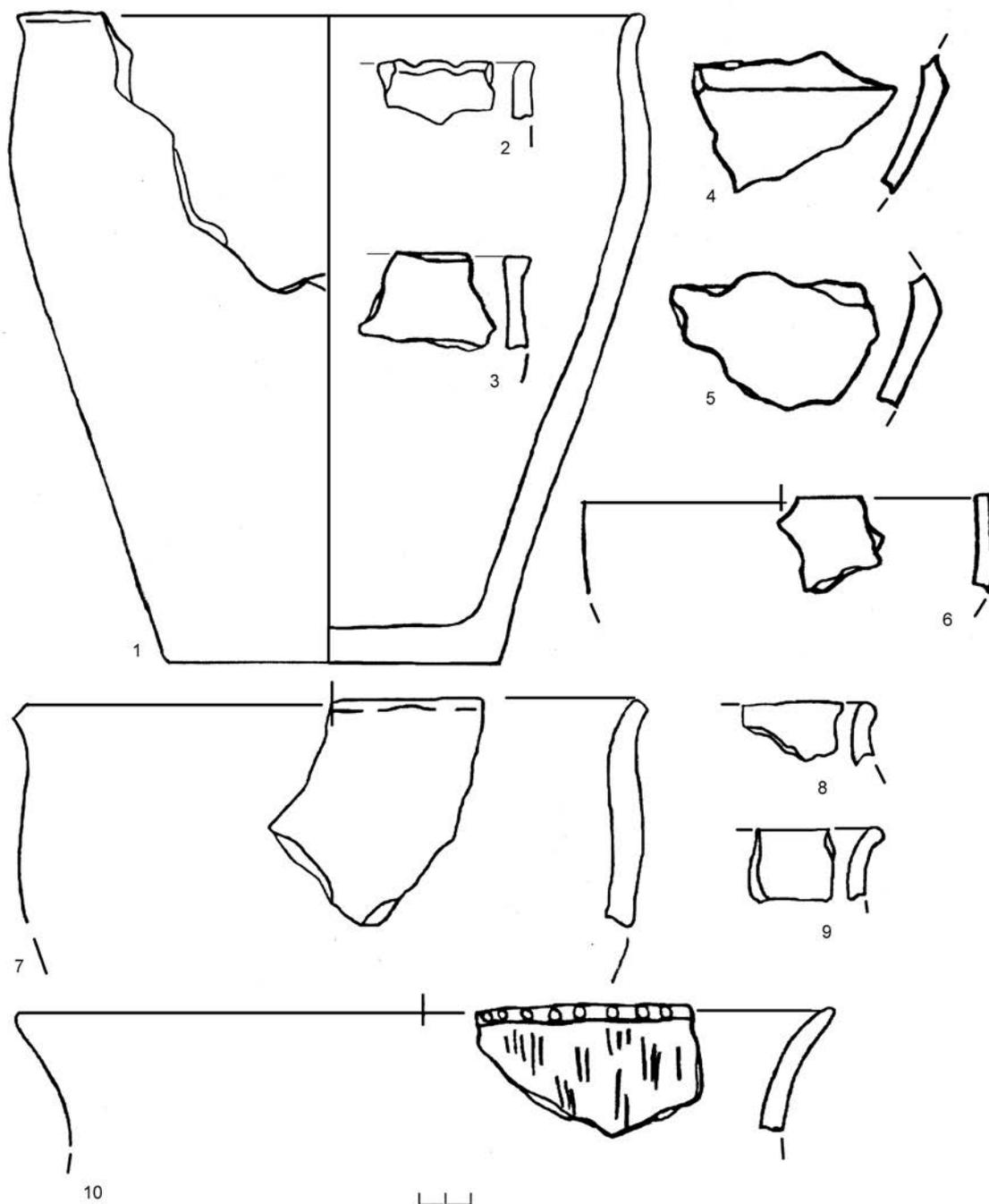


Рис. 136. Решетки. Лепная керамика (рисунки Р.В. Терпиловского).
1-3,7-10 – груболепная керамика (10 – с расчесами гребнем); 4-6 – фр-ты лепных лошенных мисок.

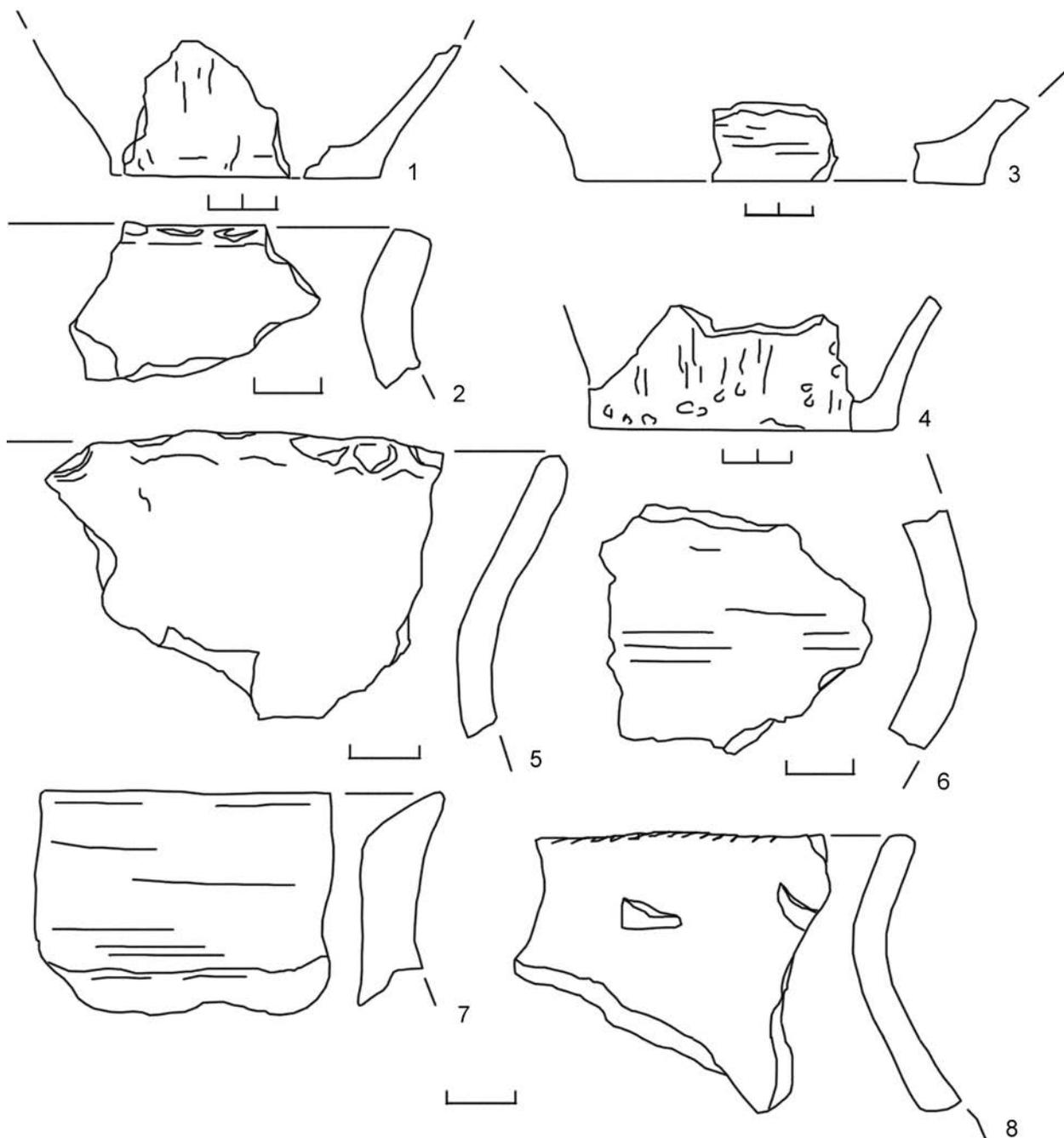


Рис. 137. Старая Буговка. Лепная керамика (рисунки Р.В. Терпиловского).
 1,2,6-8 – с шероховатой поверхностью; 3 – с подшошенной поверхностью; 7 – с лошеной поверхностью.
 1,2 – подъемный материал; 3-8 – шурф.

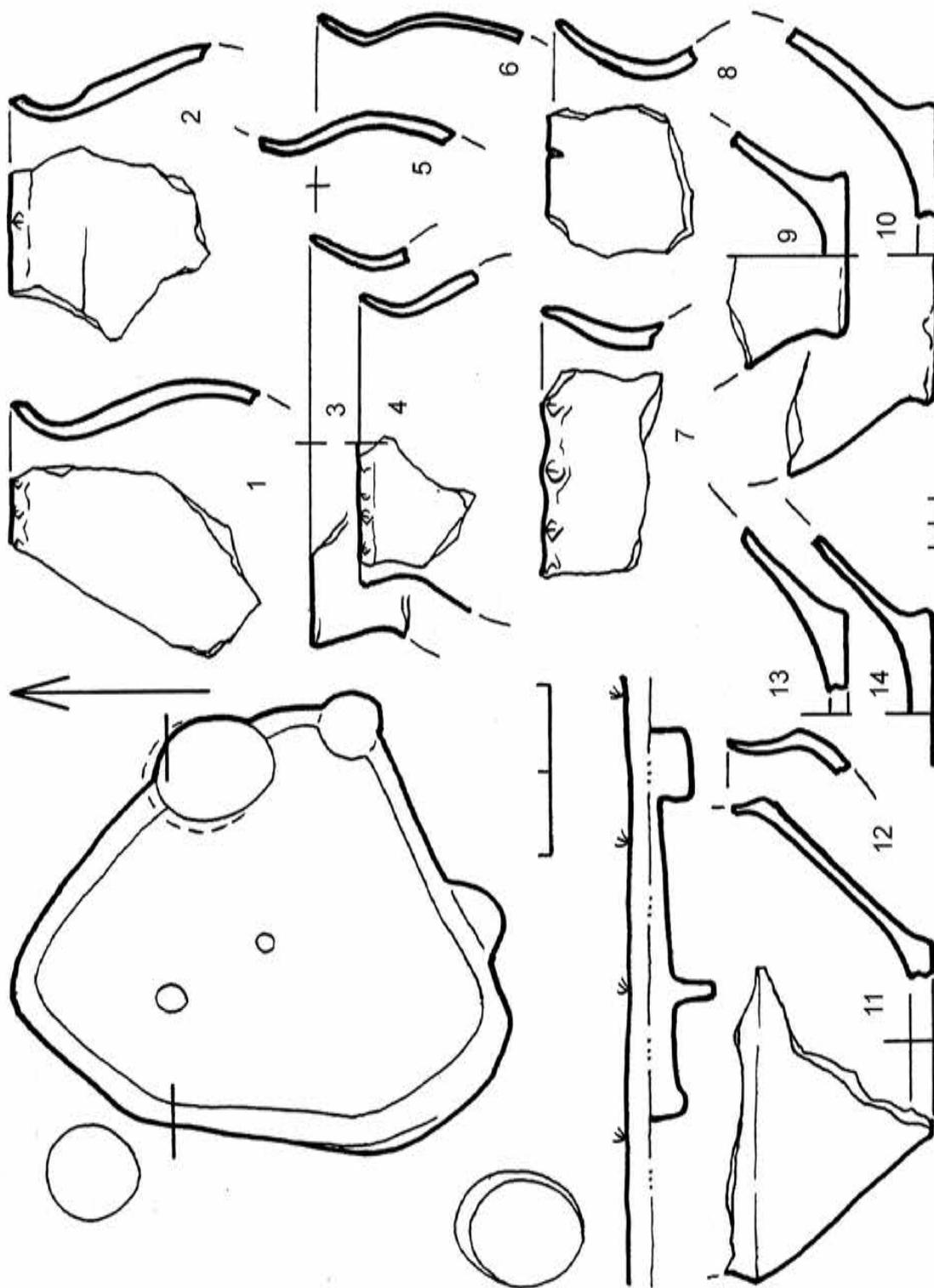


Рис. 138. Киселёвка-3, жилище 1, лепная керамика (рисунки Р.В. Терпиловского).
 1-10 — с шероховатой поверхностью; 11-14 — с лощеной поверхностью.

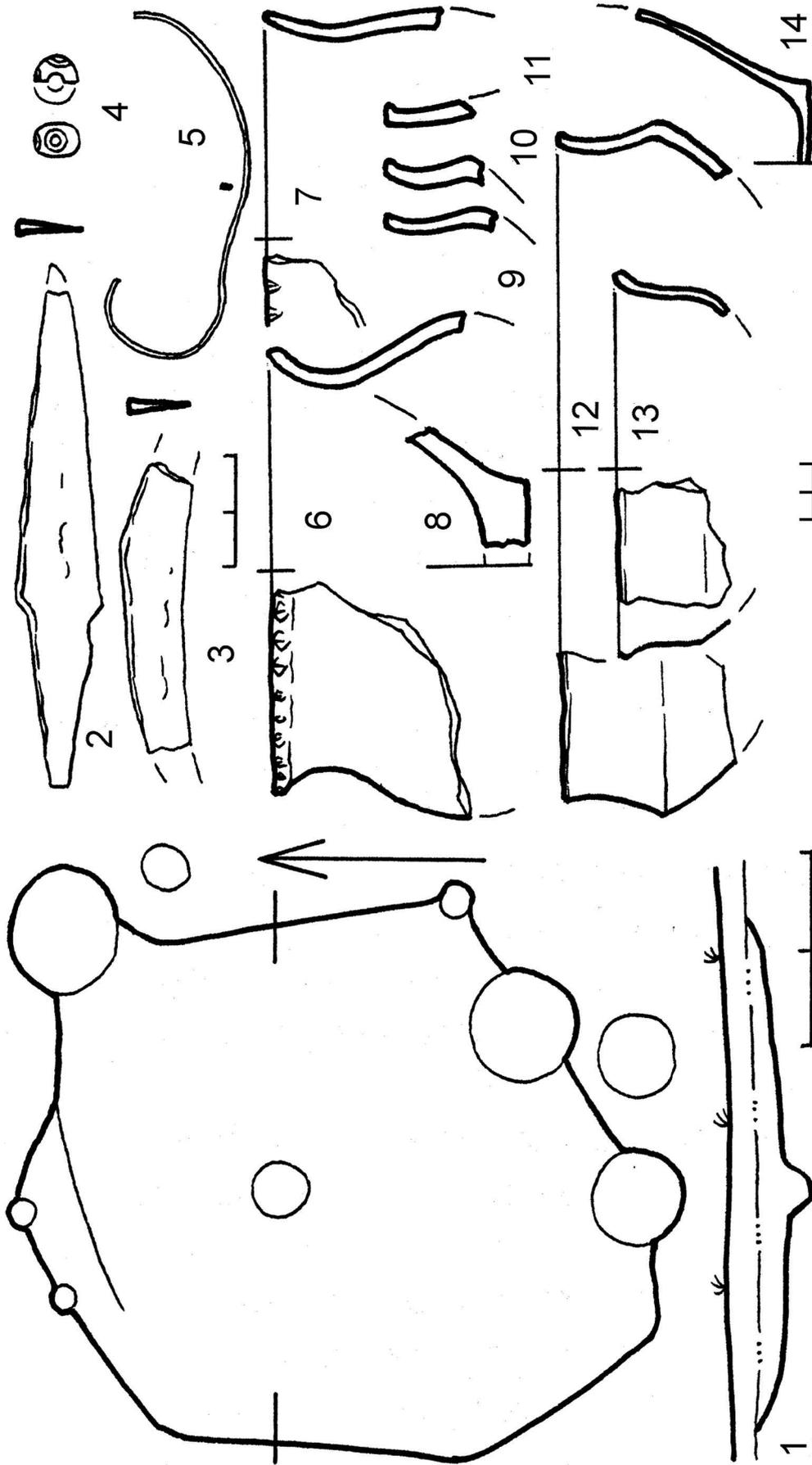


Рис. 139. Киселёвка-3, жилища 1 (4) и 2 (1-3,5-14), материалы (рисунки Р.В. Терпиловского).

1 — план постройки 2; 2,3,5 — железо; 4 — стеклянная бусина; 6-8 — груболепная керамика; 9-14 — лепная лощеная посуда.

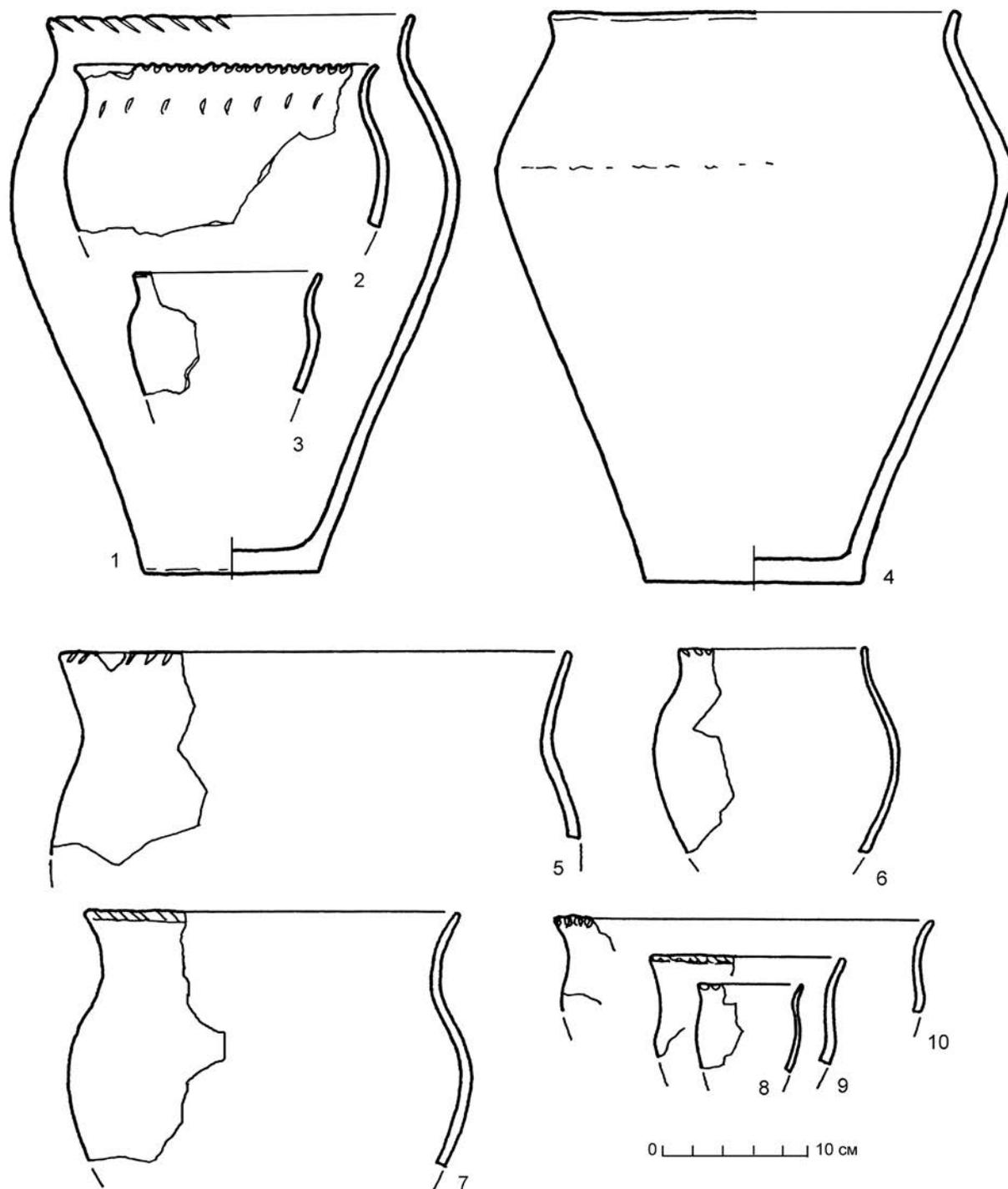


Рис. 140. Памятники типа Почеп, груболепная керамика

1 – Партизанское; 2 – Чулатово; 3 – Киселевка-3; 4 – Почеп; 5-10 – Синьково (1 – рис. А.С. Смирнова; 2 – рис. Р.В. Терпиловского; 4 – рис. Ф.М. Заверняева; 5-10 – рис. А.М. Обломского).

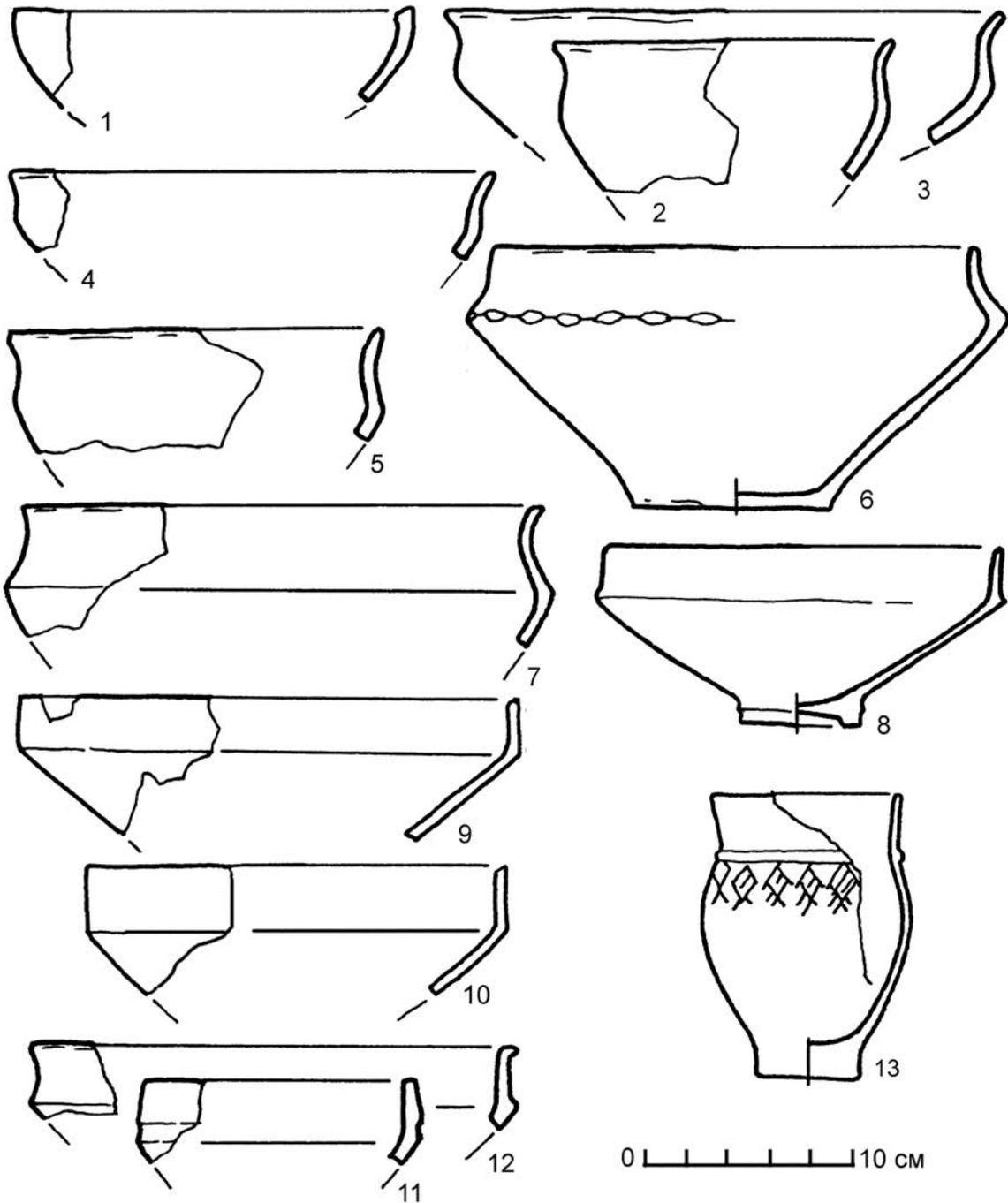


Рис. 141. Памятники типа Почеп, лепная лощеная керамика.

1,9,10,13 – Синьково; 2,5,6,8,11 – Почеп; 3,4,7 – Киселёвка-3; 12 – Чулатово (1,9,10,13 – рис. А.М. Обломского; 2,5,6,8,11 – рис. Ф.М. Заверняева; 3,4,7,12 – рис. Р.В. Терпиловского).

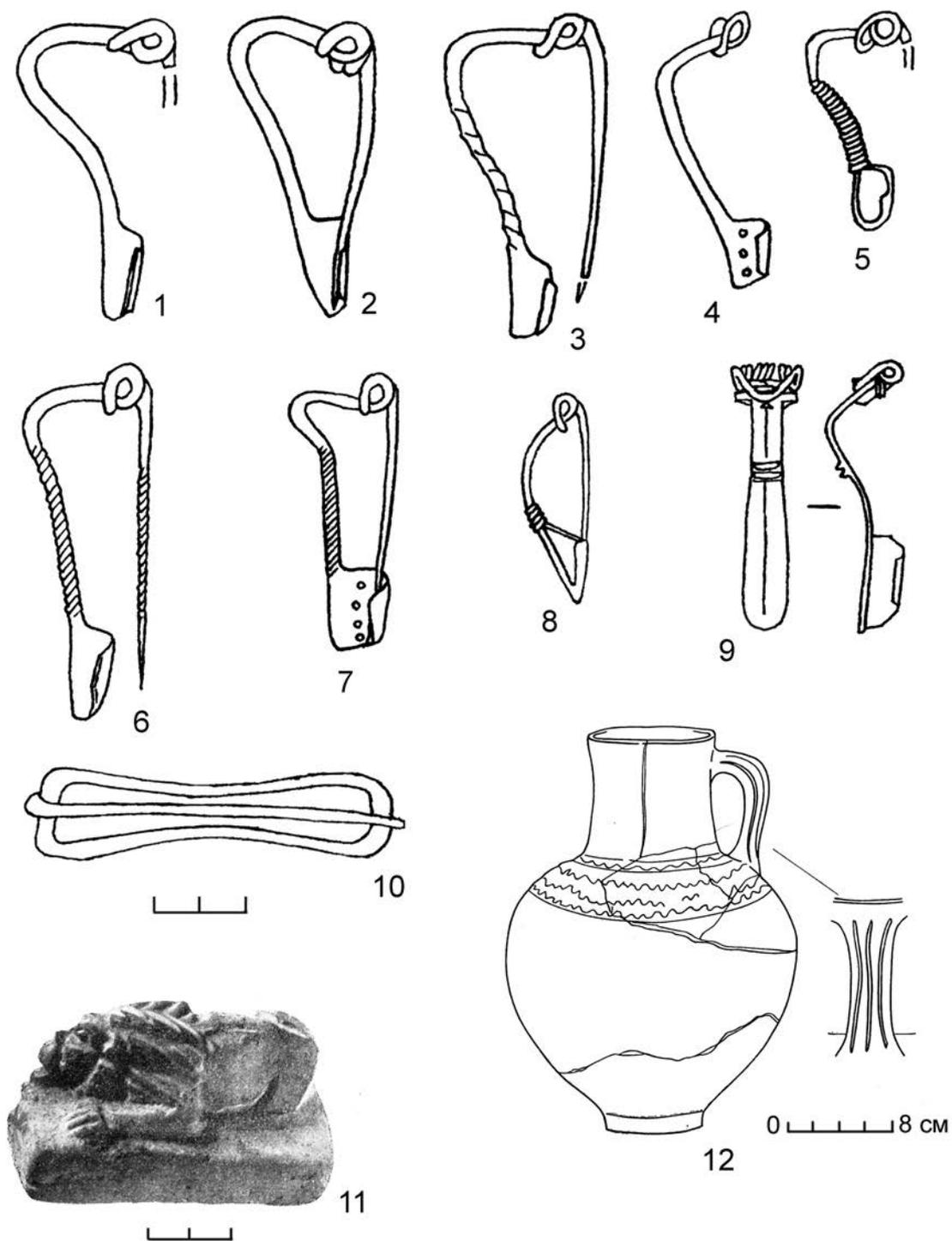


Рис. 142. Памятники типа Почепа, датирующие вещи.
 1-3,5-8,10-12 – Почеп; 4,9 – Синьково (рис. Ф.М. Заверняева и А.К. Амброза); 1-3,6,10 – железо; 4,5,7-9 – бронза; 11 – египетский фаянс; 12 – гончарный серолощенный кувшин.

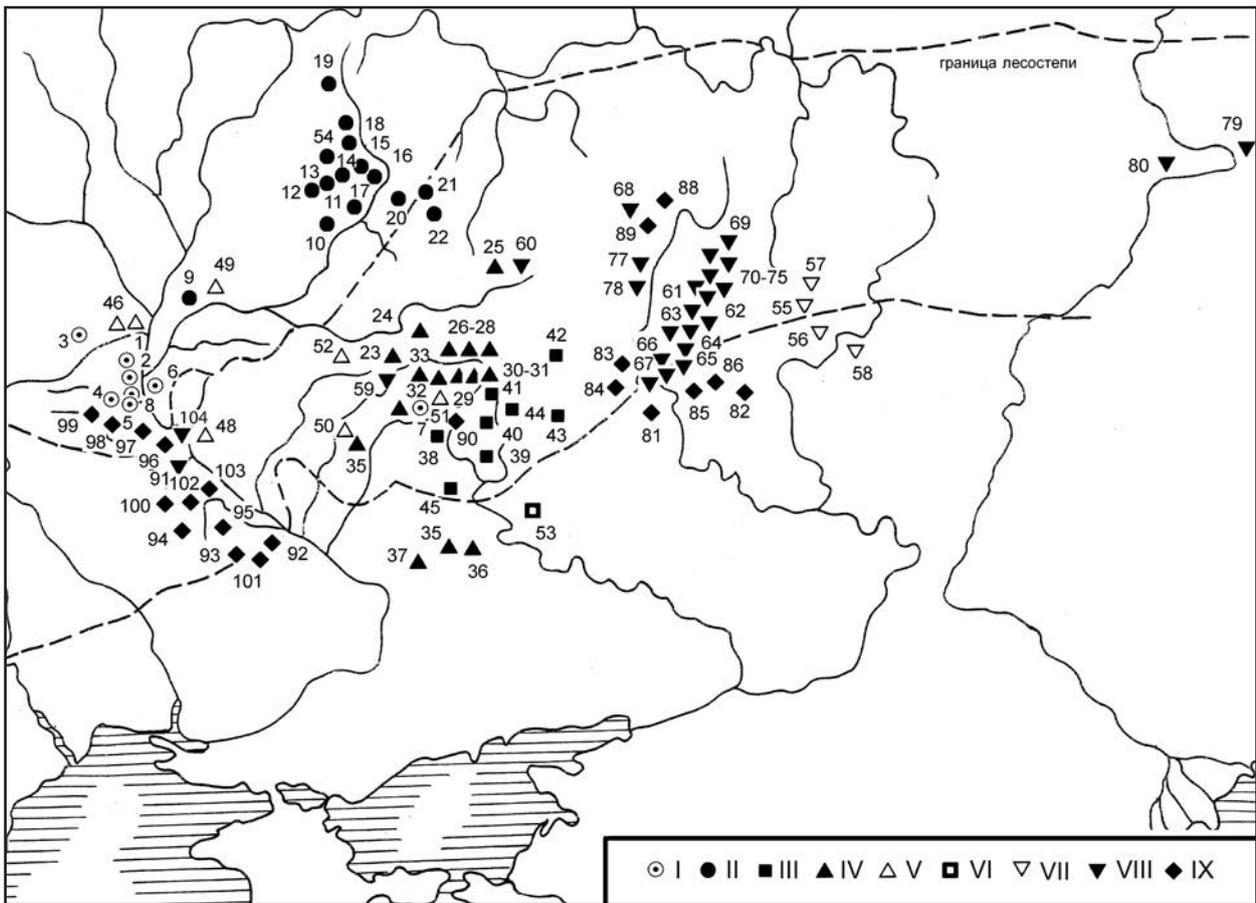


Рис. 143. Этнокультурная ситуация на территории Днепро-Волжской лесостепи в I-II вв.н.э.

Позднестарубинецкие памятники: I – типа Лютеж; II – типа Почеп; III – типа Терновка-2; IV – типа Картамышево-2; V – типа Грини; VI – неопределимые; VII – хоперская группа; позднескифские памятники (VIII); сарматские памятники (IX).

Позднестарубинецкие памятники, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, А.А. Хрекову): 1 – Лютеж; 2 – Оболонь; 3 – Тетеревка; 4 – Новые Безрадици; 5 – Таценки-1; 6 – Бортичи; 7 – Березовка-2; 8 – Крюковщина; 9 – Киселевка-3; 10 – Чулатово; 11 – Колодезный Бугор; 12 – Почеп; 13 – Синьково-Дмитриево; 14 – Синьково; 15 – Огородня; 16 – Хотылево; 17 – Белокаменка; 18 – селище в устье р. Гасомы; 19 – Спартак; 20 – Парня-2; 21 – Партизанское; 22 – Железное; 23 – Песчаное; 24 – Комаровка-2; 25 – Жерновец; 26 – Картамышево-1; 27 – Картамышево-2; 28 – Шмырево; 29 – Гочево-1; 30 – Гочево-3; 31 – Гочево-7; 32 – Бобрава-3; 33 – Богдановка; 34 – Солдатское-5; 35 – Бельск (Озеро); 35 – Осиповка (Лиман); 36 – Осиповка (Пляж); 37 – Чернечина; 38 – Родной Край-1; 39 – Новодоновка-1; 40 – Головино-1; 41 – Терновка-2; 42 – Приоскольское-1; 43 – Колосково-4; 44 – Шоссейное; 45 – Колесники; 46 – Грини-1; 47 – Грини-2; 48 – Решетки; 49 – Змеевка; 50 – Вовки; 51 – Рябовка-3; 52 – Октябрьское-2; 53 – Раковка; 54 – Посудичи; 55 – Шапкино-1; 56 – Шапкино-2; 57 – Подгорное; 58 – Рассказань-3.

Позднескифские и сарматские памятники, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, А.П. Медведеву, И.Е. Бирюкову, Д.А. Сташенкову, А.В. Симоненко): 59 – Битица; 60 – Ратское; 61 – Вертячь; 62 – Курино-1; 63 – Подгорное; 64 – Пекшево; 65 – Животинное; 66 – Староживотинное-3; 67 – Чертовицкое-3 и 6; 68 – Иштутино; 69 – Студеновский-3; 70 – Липецк (городище); 71 – Липецк (Театральная площадь); 72 – Сырское; 73 – Малый Липяг; 74 – Крутогорье; 75 – Пады-4; 76 – Большое Сторожевое; 77 – Замятино; 78 – Ксизово-19; 79 – Царев Курган; 80 – Лбище; 81 – Караяшник; 82 – Манино; 83 – Подклетное; 84 – Сасовка; 85 – Чертовицкое-1; 86 – Чертовицкое-2; 87 – Писарево; 88 – Ново-Никольское; 89 – Борисовка; 90 – Дидов Шпиль; 91 – Дидов Шпиль; 92 – Колонтаев; 93 – Цветна; 94 – Журавка; 95 – Райгород; 96 – Емчиха; 97 – Гришенцы; 98 – Кагарлык; 99 – Краснополье; 100 – Петрик; 101 – Ружичевка; 102 – Яблонька; 103 – Смела; 104 – Бучак.

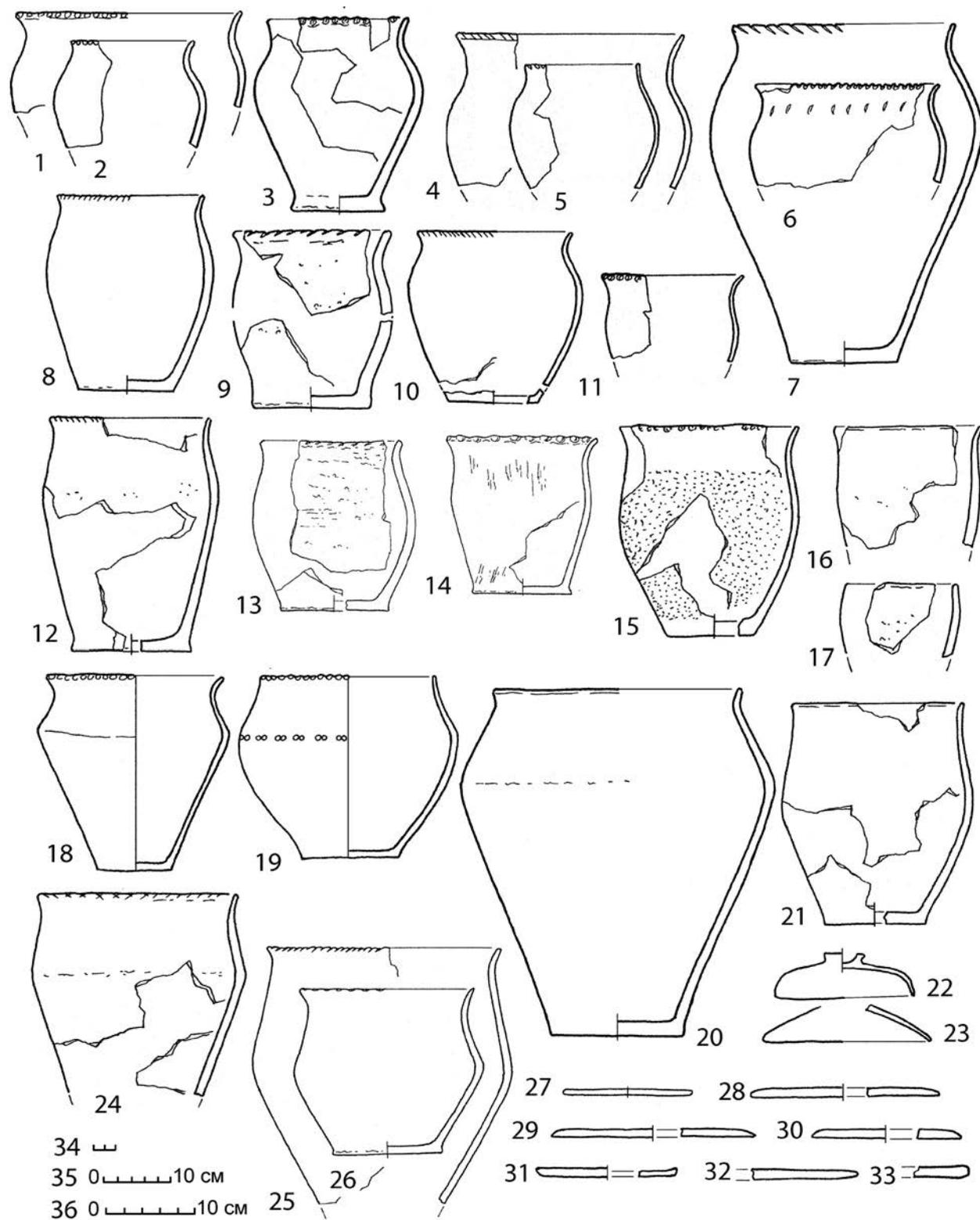


Рис. 144. Груболепная керамика позднезарубинецких памятников.

Памятники типа Лютеж: 1,2,18,19,22,23,28-31 – Лютеж; 3,32,33 – Березовка-2;
 Памятники типа Почеп: 4,5,11 – Синьково; 6 – Чулатово; 7 – Партизанское; 20 – Почеп;
 Памятники типа Картамышево-Терновка: 8,25 – Жерновец; 9,16,17 – Бельск; 12,15,21,24 –
 Солдатское-5; 13,14 – Картамышево-2; 26 – Шоссейное; 27 – Приоскольское-1;
 Масштабы: 34 – к позициям 3,8,9,12,15-17,21,24,32,33; 35 – к позициям 25-27; 36 – к позициям
 1,2,4-7,10,11,13,14,18-20,22,23,28-32.

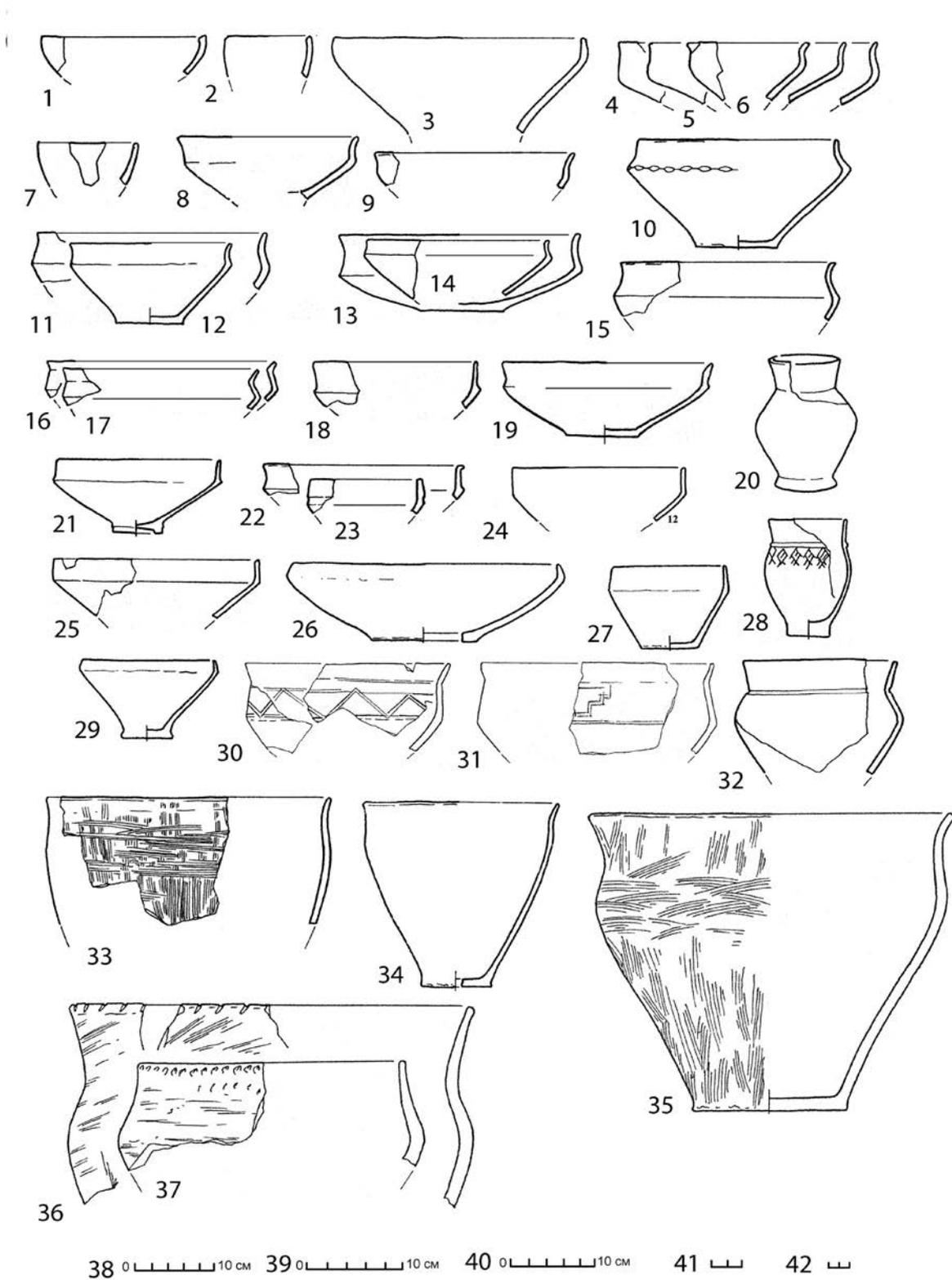


Рис. 145. Лощеная керамика позднезарубинецкого периода (1-32),
груболепная посуда типа Гриней (33-37).

Памятники типа Лютеж: 4-8, 11-14, 16-19 – Лютеж;
Памятники типа Почеп: 1, 24, 25, 28 – Синьково; 9, 15 – Киселевка-3; 10, 20-22 – Почеп; 23 – Чулатово;
Памятники типа Картамышево-Терновка: 2, 30, 31 – Картамышево-2; 3, 26 – Терновка-2;
27 – Шоссейное; 29 – Новодоновка-1; 32 – Жерновец;
Памятники типа Грини: 33, 34 – Грини-1; 35-37 – Вовки;
Масштабы: 38 – к позициям 3, 26, 27, 29, 33, 34; 39 – к позициям 30, 31, 35-37; 40 – к позициям 1, 2, 4-10, 11-19, 21-25, 32; 41 – к позиции 28; 42 – к позиции 20.

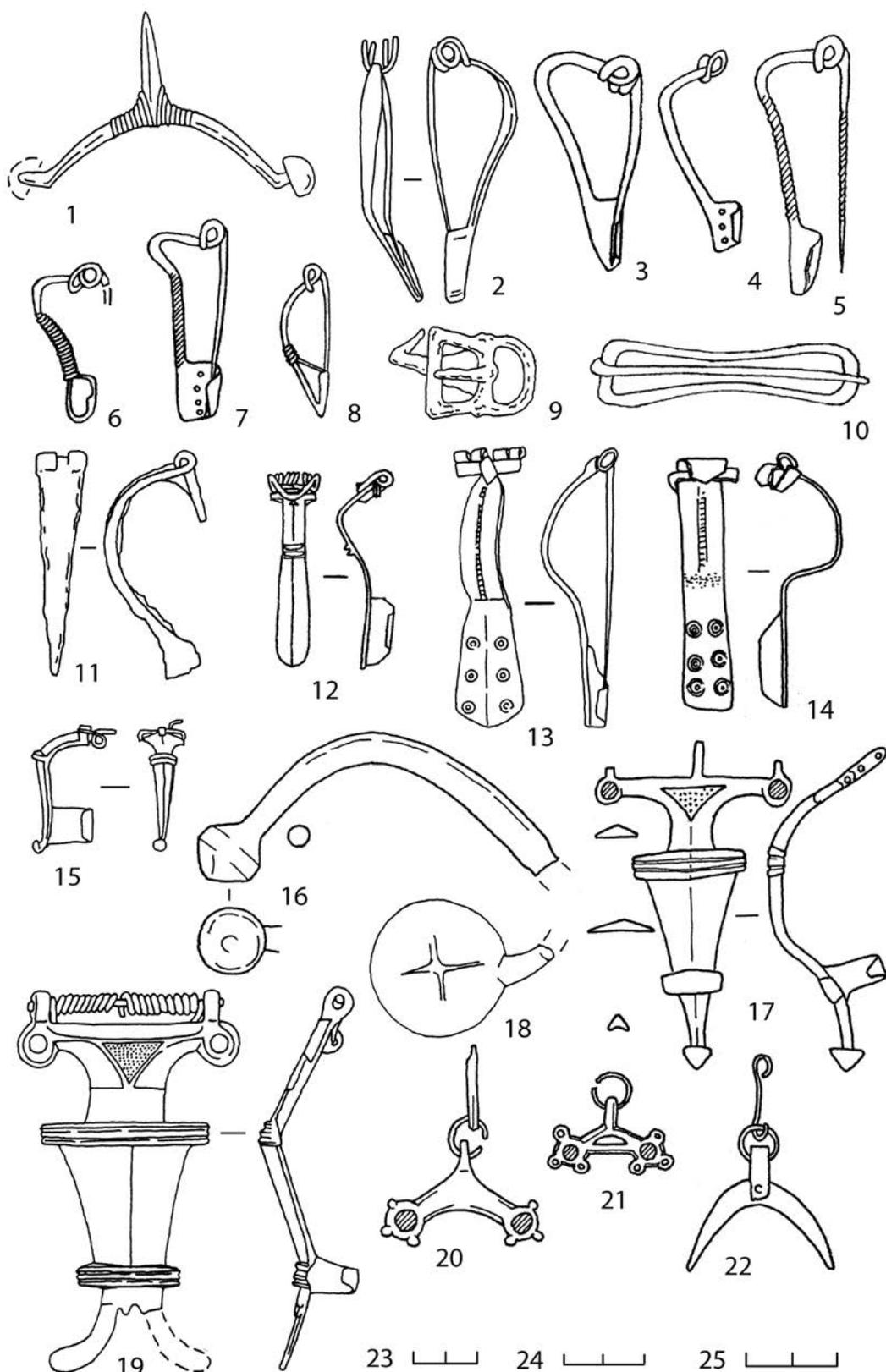


Рис. 146. Датирующие вещи позднезарубинецких памятников.

Памятники типа Лютеж: 1,2 – Оболонь; 5,11,19 – Леськи-3; 13 – Лютеж; 15 – Пасечная;

Памятники типа Почеп: 3-8,10 – Почеп; 12 – Синьково;

Памятники типа Картамышево-Терновка: 14,20,22 – Картамышево-2; 16,17 – Головино-1; 21 – Бобрава-3;

1,2,4,6-8,12-16,18,22 – бронза; 3,5,9-11 – железо; 17-21 – бронза и эмаль. Масштабы: 23 – к позициям 3-8,10,12; 24 – к позициям 1,2, 5,11,13,15,19; 25 – к позициям 14,16,17,20-22.

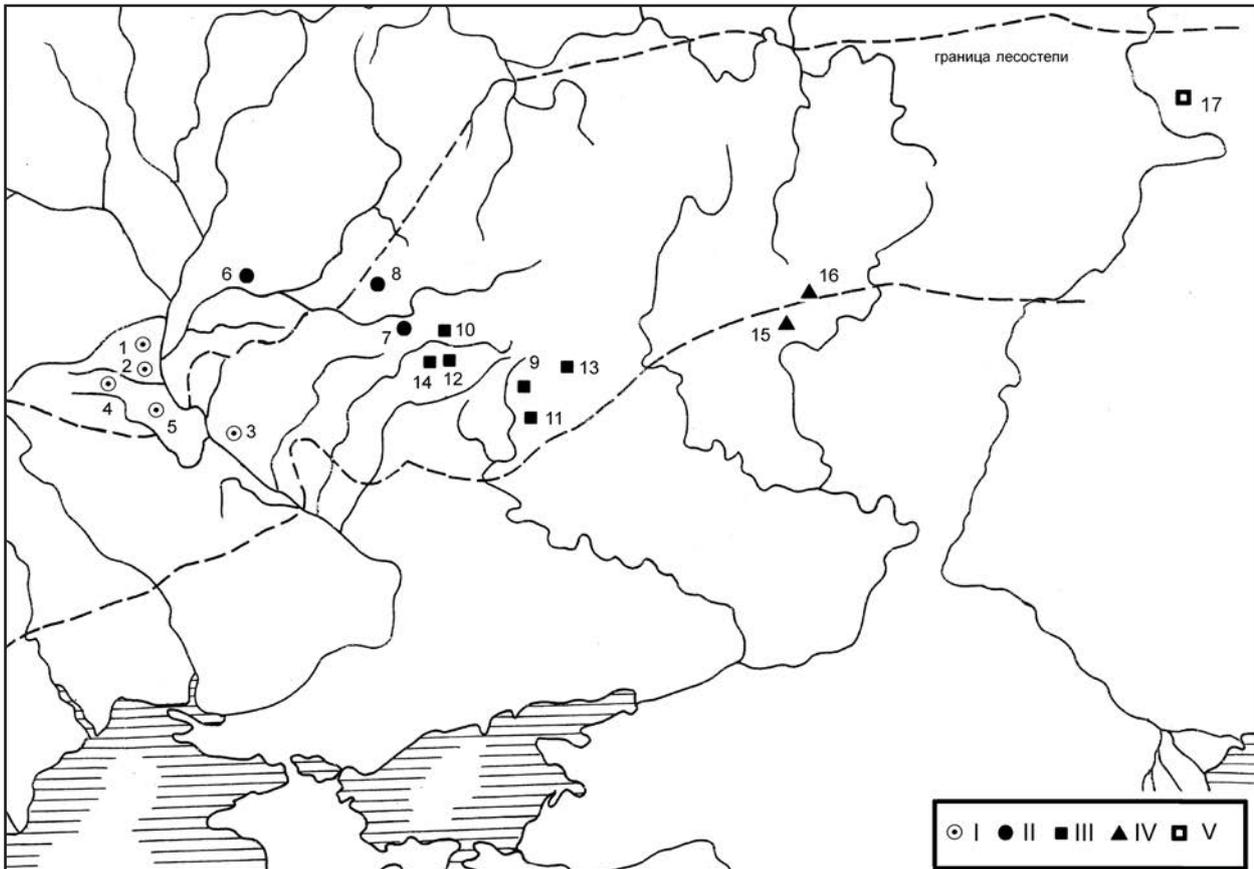


Рис. 147. Ранние киевские памятники на территории Днепро-Волжской лесостепи, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, Н.С. Абашиной).

I – среднеднепровский вариант; II – деснинский вариант; III – сейминско-донецкий вариант; IV – хоперский вариант; V – средневожский вариант.

1 – Казаровичи; 2 – Новые Безрадиичи; 3 – Сушки-2; 4 – Хлепча; 5 – Обухов-1, III; 6 – Гребля; 7 – Попово-Лежачи-4; 8 – Веселое-2; 9 – Шишино-5; 10 – Шмырево; 11 – Приютовка (Шоссейное); 12 – Песчаное (Кулига); 13 – Приоскольское-2; 14 – Гочево-2; 15 – Борисоглебское-4; 16 – Инясево; 17 – Сиделькино.

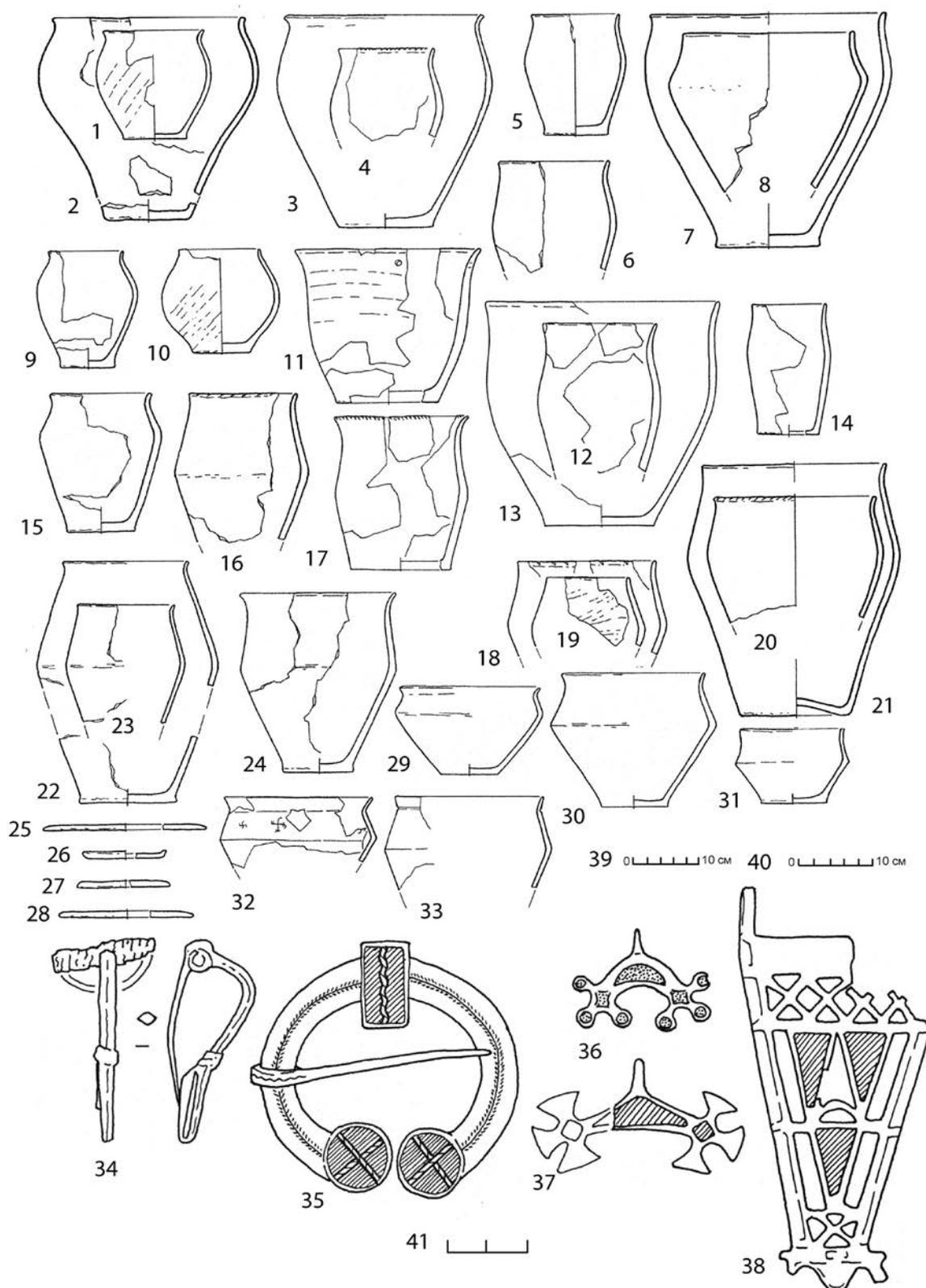


Рис. 148. Керамика и некоторые украшения памятников раннего этапа киевской культуры. Среднеднепровский вариант: 1, 5-8, 15, 16, 20, 21, 34, 36, 37 – Казаровичи; 3, 22-24, 29-31 – Обухов-3; 38 – Новые Безрадици
Сейминско-донецкий вариант: 2, 9, 10, 14, 18, 19, 25-28, 32, 33 – Шишино-5; 35 – Рябовка-1
Деснинский вариант: 4, 11-13, 17 – Попово-Лежачи-4
1-28 – груболепная керамика; 29-33 – лепная лощеная керамика; 34 – железо; 35-38 – бронза и эмаль. Масштабы к рисункам: 39 – к позициям 1, 2, 3, 5-10, 14-16, 18-33; 40 – к позициям 4, 11-13, 17; 41 – к позициям 34-38.

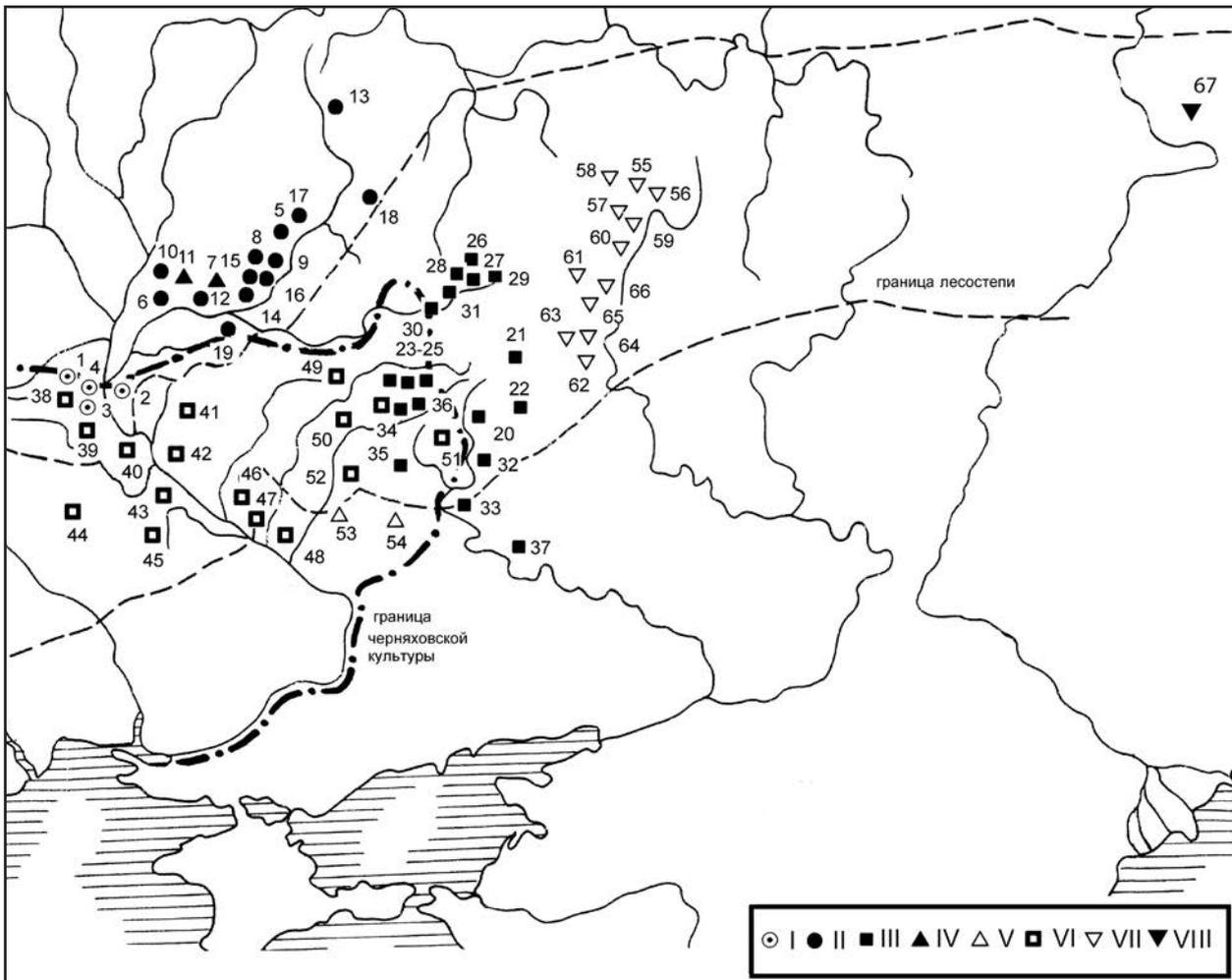


Рис. 149. Этнокультурная ситуация на территории Днепро-Волжской лесостепи в позднеримский период.

Памятники второго этапа киевской культуры, исследованные раскопками (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, Н.С. Абашиной, Д.А. Сташенкову): I – среднеднепровский вариант; II – деснинский вариант; III – сейминско-донецкий вариант; IV – верхнеднепровский вариант (тип Абидни); VIII – памятники Поволжья; поздние сарматские памятники лесостепи по Е.Л. Гороховскому и И.О. Гавритухину (V); черняховские памятники киевской традиции по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому, Н.С. Абашиной (VI); памятники типа Каширки-Седелок по А.М. Обломскому (VII).

Памятники киевской культуры: 1 – Глеваха; 2 – Бортнички; 3 – Обухов-3; 4 – Новые Безрадичи; 5 – Лавриков Лес; 6 – Деснянка; 7 – Мена-5; 8 – Киреевка-1; 9 – Киреевка-2; 10 – Малый Листвен; 11 – Верхнестриженское-3; 12 – Березанка (Овраменков Луг); 13 – Касилово; 14 – Клочков; 15 – Вишеньки; 16 – Мезин; 17 – Форостовичи; 18 – Кветунь; 19 – Долинское; 20 – Шишино-1; 21 – Шмарное (Дачное-2); 22 – Цепляево Второе; 23 – Гочево-1; 24 – Гочево-3; 25 – Гочево-4; 26 – Воробьевка Вторая-2; 27 – Тазово; 28 – Букреевка-2; 29 – Лебяжье-1; 30 – Авдеево; 31 – Студеновский-5; 32 – Новодоновка-2; 33 – Занки; 34 – Боромля-2; 35 – Родной Край-3; 36 – Пожня-1; 37 – Богородичное; 67 – Сиделькино.

Черняховские памятники киевской традиции: 38 – Большая Бугаевка; 39 – Обухов-1; 40 – Черняхов; 41 – Хлопков-1; 42 – Новолиповское; 43 – Ломоватое; 44 – Журавка; 45 – Стецовка-2; 46 – Радуцковка; 47 – Максимовка; 48 – Компанийцы; 49 – Песчаное; 50 – Великий Бобрик; 51 – Головино-1; 52 – Мамрой-2.

Сарматские памятники: 53 – Новые Санжары; 54 – Константиновград (Красноград).

Памятники типа Каширки-Седелок: 55 – Каширка-1; 56 – Каширка-2; 57 – Писарево; 58 – Кытино-3; 59 – Лощина; 60 – Яблоново-1; 61 – Лавы; 62 – Верхнее Турово; 63 – Малая Трешевка-1; 64 – Малая Трешевка-2; 65 – Седелки; 66 – Мухино.

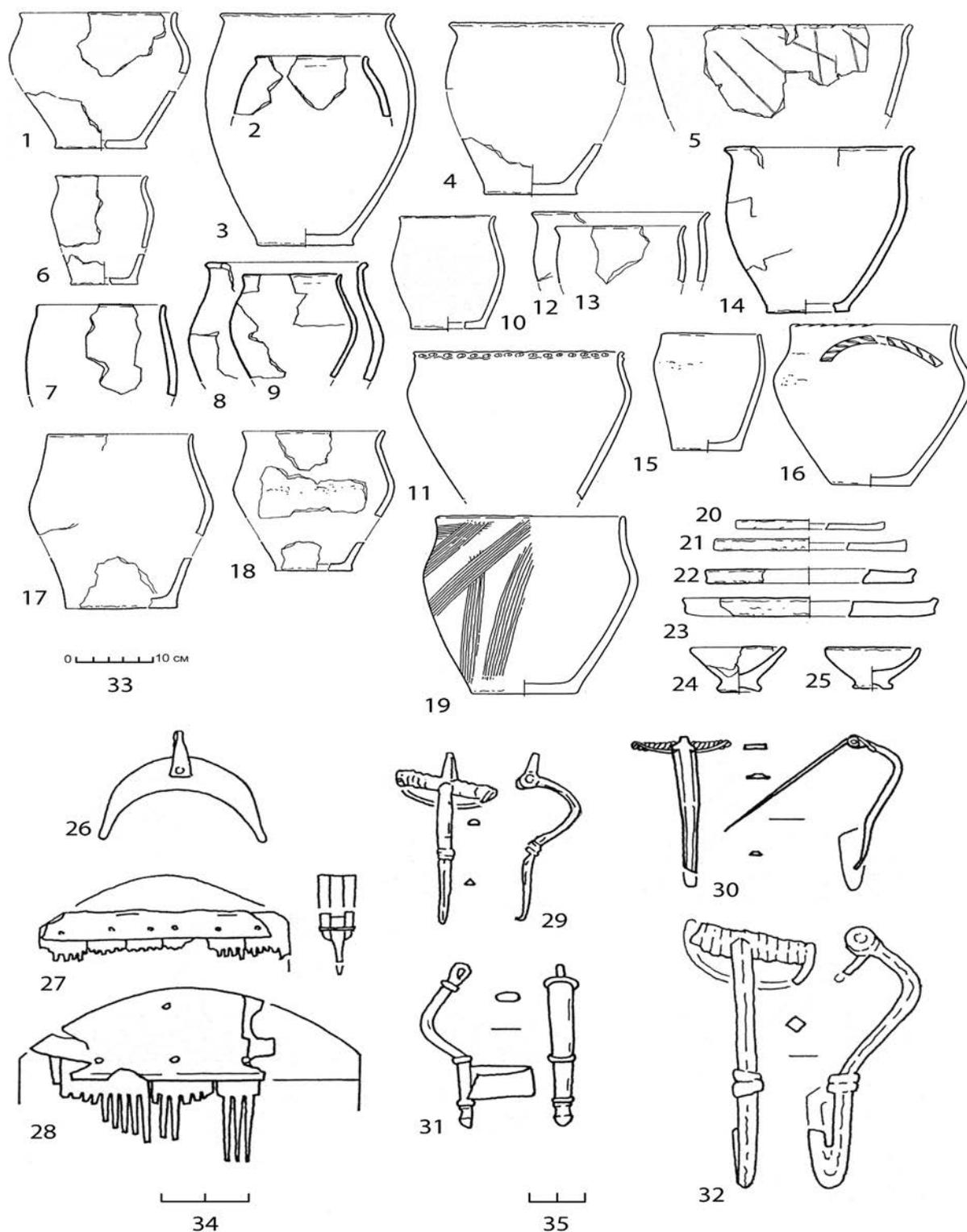


Рис. 150. Керамика и некоторые украшения памятников среднего этапа киевской культуры. Среднеднепровский вариант: 1,5,6,20,21,26-28,30,32 – Глеваха; Сейминско-донецкий вариант: 2,7-9,14,22-25 – Боромля-2; 3,4,12,13,17,18,31 – Букреевка-2; Верхнеднепровский вариант: 11,15,16,19 – Верхнестриженское-3; Деснинский вариант: 10,27 – Лавриков Лес; 1-25 – груболепная керамика; 26,30,31 – бронза; 27,28 – рог; 29,32 – железо. Масштабы: 33 – к позициям 1-25; 34 – к позициям 28-32; 35 – к позициям 26,27.

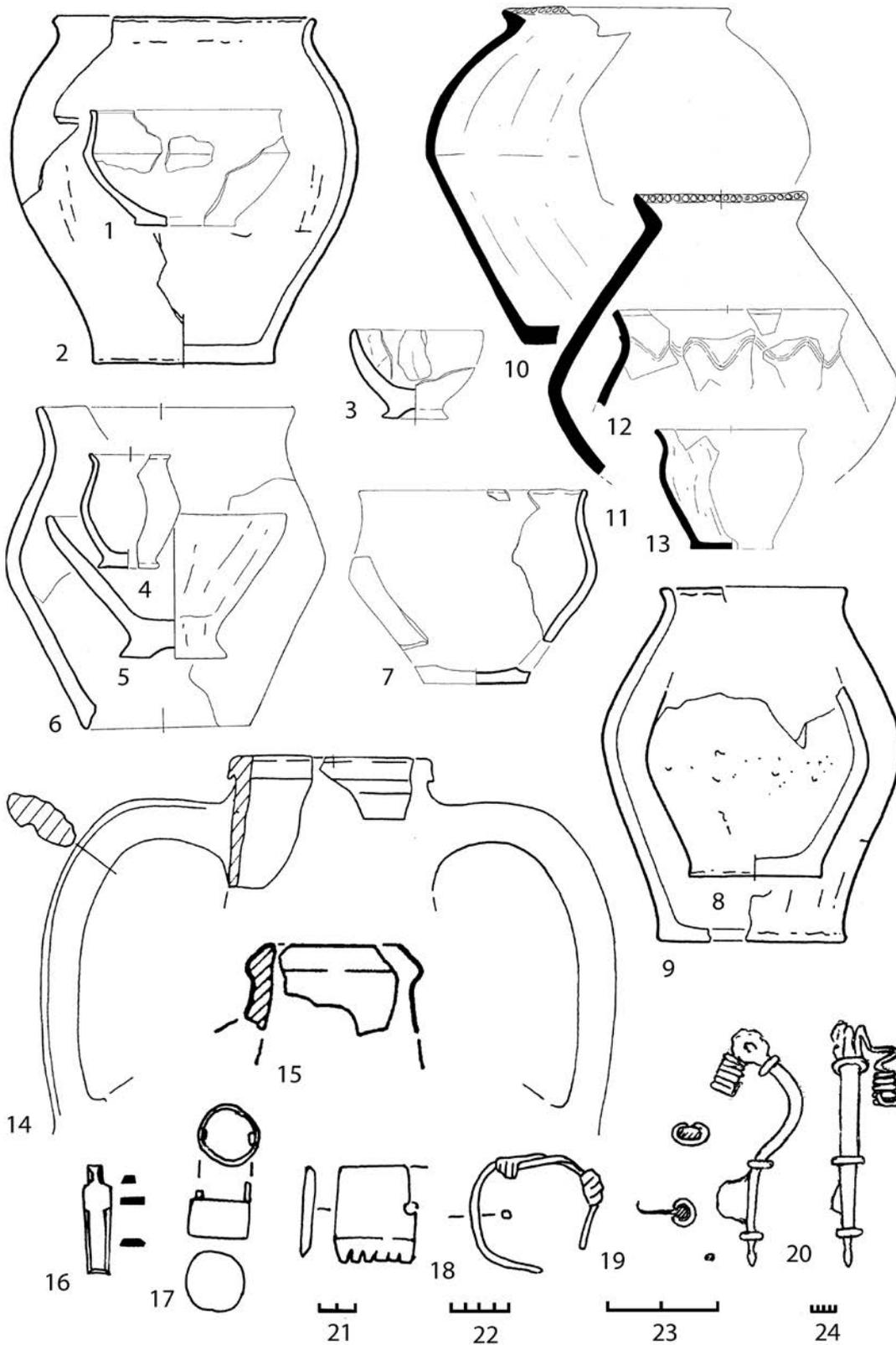


Рис. 151. Керамика и некоторые вещи памятников типа Каширки-Седелок.

1 – лепная миска с лощеной поверхностью; 2-13 – груболепная керамика; 14 – фр-т красноглиняной амфоры; 15 – фр-т светлоглиняной амфоры; 16,19,20 – бронза; 17 – железо; 18 – кость. 1-9 – керамика киевского набора; 10-13 – керамика позднескифского набора; 1,3,7,19 – Кытино-3; 2,8,9,15 – Седелки; 4-6,14,17 – Каширка; 16,18 – Писарево; 20 – Мухино. Масштабы: 21 – к позициям 1,3-7; 22 – к позициям 2,8,9,12-15; 23 – к позициям 16-20; 24 – к позициям 10,11.

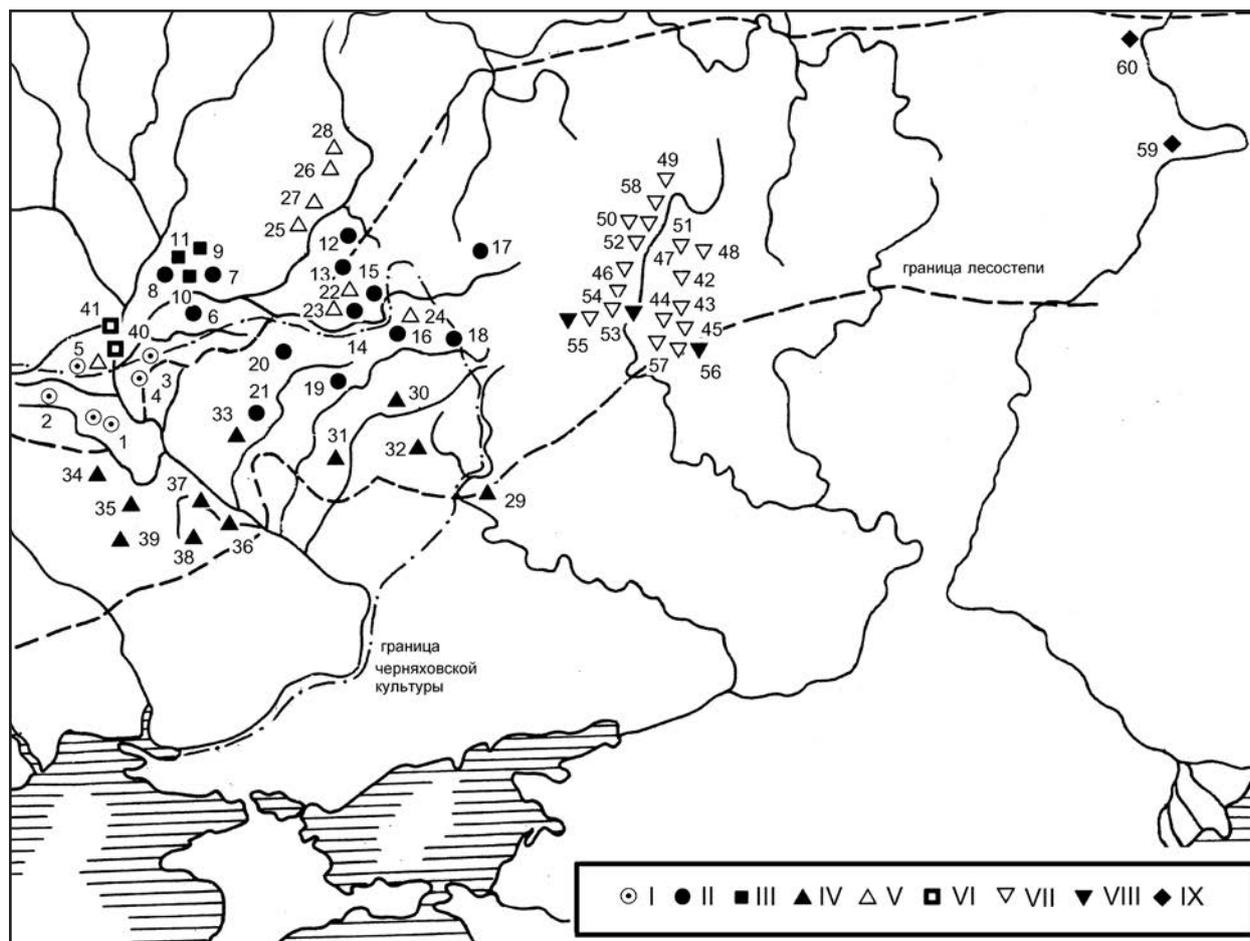


Рис. 152. Днепро-Волжская лесостепь в гуннский период.

Памятники третьего этапа киевской культуры (по А.М. Обломскому, Р.В. Терпиловскому и Н.С. Абашиной): I – среднеднепровский вариант; II – деснинский вариант (памятники типа Ульяновки); III – деснинский вариант (памятники типа Роища); памятники V в. раннесредневековых славянских культур: IV – пеньковской (по Е.А. Горюнову и О.М. Приходнюку); V – колочинской (по Е.А. Горюнову, Р.В. Терпиловскому, А.М. Обломскому); VI – пражской (по И.О. Гавритухину); памятники V в. Верхнего Подонья (по А.М. Обломскому): VII – типа Чертовицкое-Замятино; VIII – труположения типа Животинного могильника; IX – ранние памятники именьковской культуры типа Лбище (по Г.И. Матвеевой).

Памятники киевской культуры: 1 – Обухов-2 и 7; 2 – Мотовиловская Слободка-4; 3 – Погребы; 4 – Вишеньки; 5 – Ходосовка; 6 – Выбли; 7 – Киселевка-2; 8 – Ульяновка; 9 – Роище; 10 – Александровка-1; 11 – Верхнестриженское-2; 12 – Шостка-Локотки; 13 – Кролевец-Подолово; 14 – Пересыпки-1; 15 – Чаплищи-3; 16 – Комаровка-2; 17 – Каменево-2; 18 – Песчаное; 19 – Курган-Азак; 20 – Беседовка; 21 – Сенча.

Ранние славянские памятники средневековья (V в.): 22 – Литвиновичи-3; 23 – Красное-4; 24 – Гапоново; 25 – Заярье; 26 – Смячь; 27 – Колодезный Бугор; 28 – Смольянь; 29 – Занки; 30 – Рябовка-3; 31 – Полузорье-1; 32 – Фески-3; 33 – Хитцы; 34 – Завадовка; 35 – Гута Михайловская; 36 – Пеньковка; 37 – Большая Андрусовка; 38 – Беляевка; 39 – Кочубеевка; 40 – Оболонь; 41 – Старокиевская гора.

Памятники V в. Верхнего Подонья: 42 – Подгорное; 43 – Староживотинное-3; 44 – Чертовицкое-3; 45 – Чертовицкое-6; 46 – Замятинский археологический комплекс (Замятино-1,2,4,5,7-10,12,13); 47 – Малый Липяг; 48 – Крутогорье; 49 – Перехваль; 50 – Каменка-1; 51 – Каменка-4; 52 – Каменка-5; 53 – Ксизовский археологический комплекс (Ксизово-16,17,19); 54 – Ксизово-8; 55 – Мухино-2; 56 – Животинное; 57 – Пекшево; 58 – Нежежеколодезное.

Раннеименьковские памятники: 59 – Лбище; 60 – Карлинское-3.

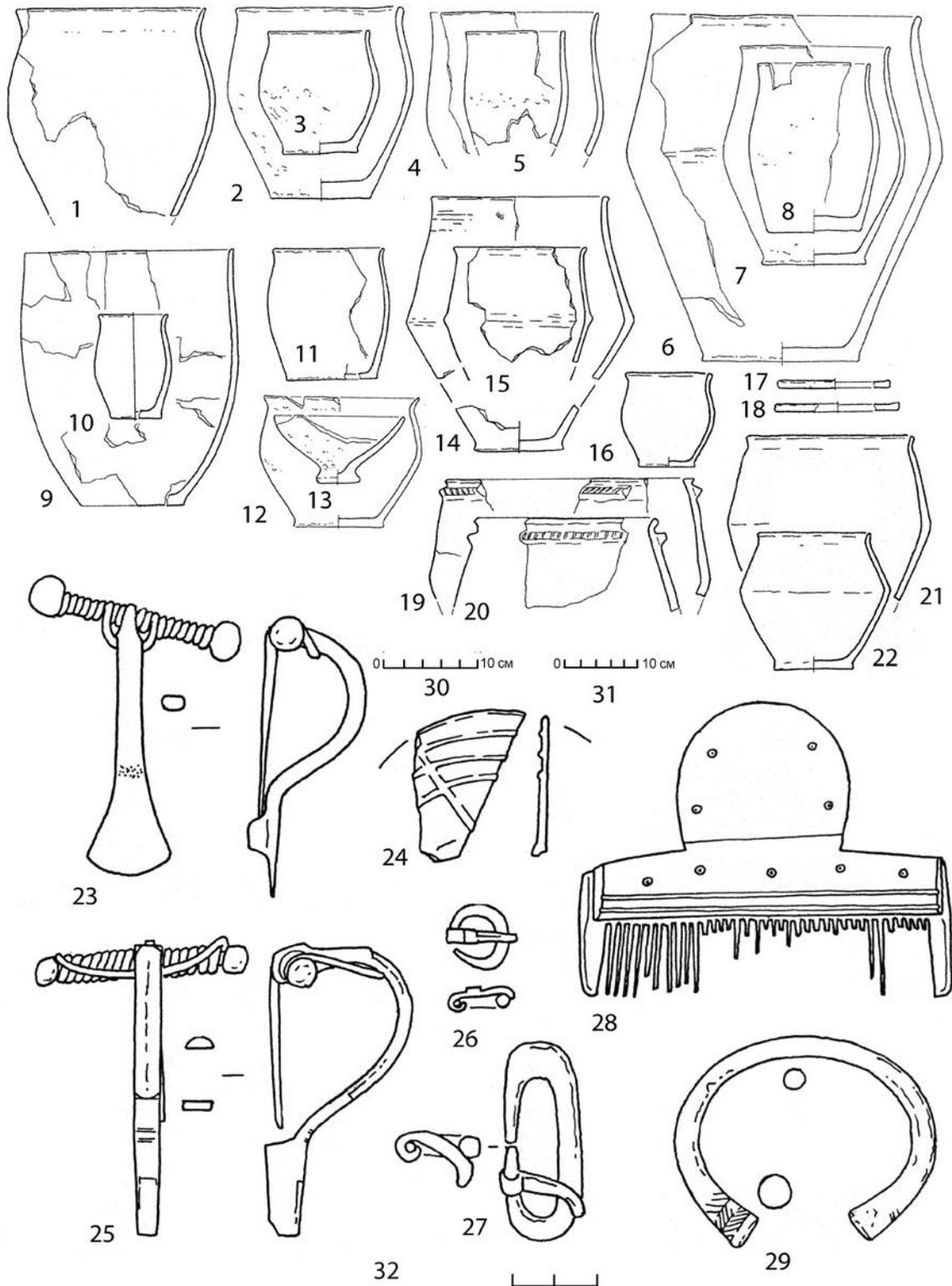


Рис. 153. Поздние памятники киевской культуры и древности киевской традиции в черняховской культуре.

1-22 – груболепная керамика; 23,25,27 – железо; 24,26,29 – бронза; 28 – рог.

Памятники киевской культуры в деснинском регионе: 2-8,12,13,25 – Александровка-1; 14,15,24,26,29 – Ульяновка; 28 – Роище.

Поселение киевской культуры на востоке Днепровского Левобережья: 1,9-11,17,18,23,27 – Каменево-2.

Поселение киевской традиции в черняховской культуре: 16,19-22 – Хлопков-1.

Масштабы: 30 – к позициям 2-8,12,13; 31 – к позициям 1,9-11,14-22; 32 – к позициям 23-29.

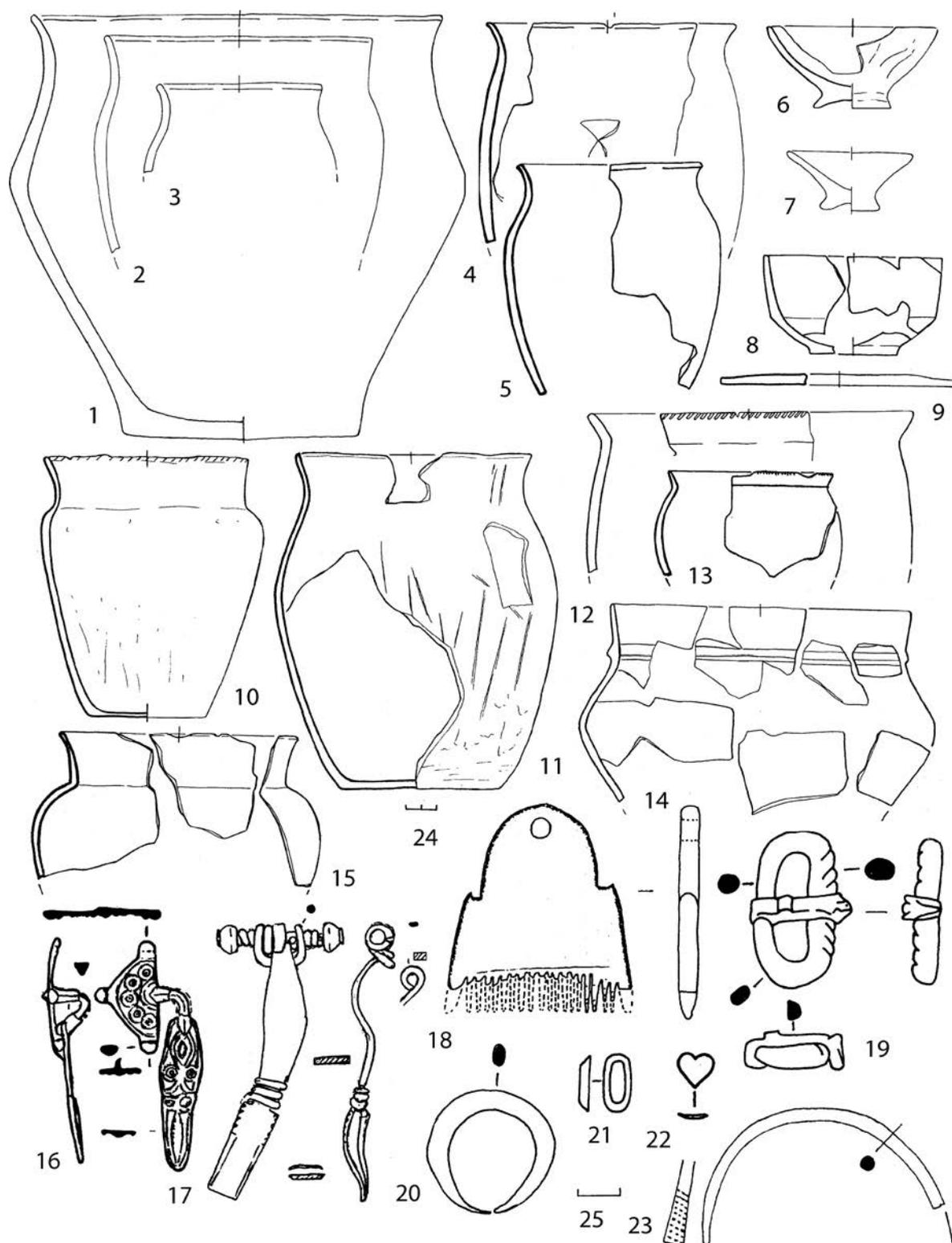


Рис. 154. Материалы памятников типа Чертовицкого-Замятино

1-7,9,10-13 – груболепная керамика; 8,14,15 – лепная лощеная керамика; 16,17,20,23 – бронза; 18 – рог; 19 – железо; 21 – алмадин; 22 – красное стекло.

Керамика киевского происхождения: 1-3,7 – Ксизово-19; 4-6,9 – Замятино-8;
 Керамика окского происхождения: 8,11,12,15 – Замятино-8; 10 – Замятино-7; 13 – Замятино-5;
 Сосуд центральноевропейского происхождения: 14 – Замятино-8;
 Датирующие вещи: 16 – Замятино-5; 17,18 – Мухино; 19,21,23 – Замятино-8; 20 – Замятино-5; 22 – Чертовицкое-3.
 Масштабы: 24 – к позициям 1-15; 25 – к позициям 16-23.

SUMMARY

Introduction

(A.M. Oblomsky)

The Late Zarubintsy history stage of Carpathian region, the Southern Bug region, the Dnieper region, and the Don basin (middle-second half of the 1st–2nd centuries AD) is a special historical period that ends an evolution period of Zarubintsy archaeological culture. Its disintegration occurs as a single historic and cultural commonality in this period. A series of new local settlements appeared as a migrations result of Zaru-bintsy population descendants. The origin of these settlements was more or less related to Zarubintsy culture. These mass migrations were the first impulses that lead finally to the formation of Slav archaeological commonalities of the Early Middle Ages (Penkovka, Kolochin, and, probably, Praga cultures).

The sites of classic Zarubintsy culture (end of the 3rd century BC – beginning of the 1st century AD) are located in the four major areas: the Pripjat region, the Upper Dnieper region, the Middle Dnieper region, the Middle Seim region. The geography of Late Zarubintsy sites horizon corresponds to Zarubintsy sites area partially.

The Late Zarubintsy sites of middle of the 1st–2nd centuries AD, as the brief review above shows, do not make up a single block, but may be divided in several groups separated by fairly large area. The westernmost group of antiquities is located in the upper course of the river Pripjat and in the part adjacent to the basin of the river Western Bug (the sites with ceramics of the Grinevichi Velki-Radost type). The Zubra culture was formed in the 1st century AD in Carpathian region and the Volyn river region with participation of Zarubintsy tribes (Fig. 1).

Several Late Zarubintsy enclaves are found in the Central and the Eastern Ukraine: of Marianovka type in the basin of the Southern Bug, Lutezh – in the Middle Dnieper region, Pochep – in the Desna region, Kartamyshevo – in the east of the Dnieper left bank region, Ternovka – in the Severskij Donets basin. The settlements of Grini type are widespread in the Dnieper region and in the Dnieper forest-steppe left bank area; these settlements appeared several years later than the others.

The Late Zarubintsy settlements of site Tushemlia middle layer type are known on the territory of the Upper Dnieper region. The easternmost group of sites is the settlements and the burials of Shapkino circle in the river Khoper basin (eastern inflow of the river Don).

The monograph presented to the readers is a special research of the Late Zarubintsy period materials of the Ukraine territory, where the most of this circle sites are found. It is written in the genre of archaeological sources collection and consists of introduction, seven chapters, and appendix – sites catalogue. The chapters and articles are written by A.M. Oblomsky, R.V. Terpilovsky, U.U. Bashkatov, G.L. Zemtsov, O.V. Petrauskas, R.G. Shishkin, M.V. Lubitchev, M.V. Rasdobudko, L.I. Belinskaya, V.B. Zvagelsky, and L.A. Tsindrovskaya.

Chapter 1. Historiography of Late Zarubintsy period

(R.V. Terpilovsky)

1. The history of field studies

Relatively small materials of Late Zarubintsy sites were discovered at first in Kiev area in the end of the 1940's – beginning of the 1950's by B.N. Danilenko. The significant archaeological excavations were carried out later in Late Zarubintsy settlements: Lutezh (V.I. Bidzilia, S.M. Pachkova) and Obolon (A.M. Shovkoplias).

The main materials of the 1st–2nd centuries AD were obtained in the Desna river basin during the archaeological excavations of the settlements Pochep (F.M. Zaverniaev) and Sinkovo on the river Sudost (A.K. Ambroz). The following settlements have been studied in the east of the Dnieper left bank area: Vovki, Kartamyshevo-2 (E.A. Gorunov), Bobrava-3, Goche-vo-7 (V.M. Gorunova), Ternovka-2, Beriozovka-2 (A.M. Oblomsky), and others. Several settlements, as well as the cemetery Rakhny, were studied by P.I. Khavliuk in the Southern Bug basin. The group of settlements and burials located in the basin of river Khoper (A.A. Khrekov) is the easternmost

group, it is isolated from the main settlements area of this cultural circle.

A separate group of Late Zarubintsy antiquities is the few in number settlements of Grini type found in the Middle Dnieper region, forest-steppe left bank, and the Desna region. Several sites found from Western Bug to the Upper Dnieper region are probably close to this group of antiquities.

2. The problem of Late Zarubintsy sites determination and its interpretation

The Late Zarubintsy sites study history may be separated into three periods:

1. The 1940's/50's turn – 1970's is "a primary accumulation epoch" of data on Late Zarubintsy sites that are considered as part of "classical" Zarubintsy culture. The beginning of this period concurs with the time of first concepts of "Zarubintsy line" in the Slav ethnogenesis (V.N. Danilenko, P.N. Tretiakov, and others).

2. The end of the 1970's – middle of the 1980's – "the epoch of rethinking", the period of source studies conducting (ceramics complex research, chronology study, etc.). The appearance of an idea that Late Zarubintsy sites are a special ethnic-cultural phenomenon (N.M. Kravchenko, M.B. Shchukin, A.M. Oblomsky, R.V. Terpilovsky, and others).

3. From the end of the 1980's – "period of summing up" on the level of creating generalizing works that took into consideration specific studies of Late Zarubintsy sites completely. As a rule, these sites are examined in one block study with Kiev antiquities of the later period. At the same time the main effort is put on studying ethno cultural processes in certain regions, filling out territory and regional "white spots".

3. Disintegration of Zarubintsy culture and its causes

The Latene traditions disintegrated in the 1st century AD, and several cultures disappeared or transformed. The Zarubintsy culture was also touched by the crisis. The Zarubintsy sites of the Pripiat forest region disappeared, the cemeteries stopped functioning, as well as numerous settlements of the Dnieper region, population migrated massively from these native lands to different directions as far as the Western Bug region in the west, the Upper Desna, Psel, and the Severskij Donets in the north-east and east; the settlements topography changed (mass appearance of bottomland sites).

The crisis of Zarubintsy culture gave an impulse to appearance of new cultural phenomenon under new cultural conditions of the Early Roman Age. The Zarubintsy culture disintegration idea is a basis for combining Late Zarubintsy sites in one commonality and isolation of them from Zarubintsy sites.

The causes of Zarubintsy culture crisis have not been found out yet. It is obvious that the reason of the

crisis was not local (Gothic or Sarmathic invasion). The crisis had a more general character; it means the crisis touched all the area to an equal extent. Beside the migrations, the crisis should have changed the economy and social organization of population. To our mind, the disintegration of Zarubintsy culture happened due to numerous reasons, out of which ecological processes took an important place. It is not improbable that the climate changes were reasons of the Eastern Europe circle migrations in the 1st–2nd centuries AD; the most significant were the migrations of Sarmaths in the steppe zone, disintegration of Zarubintsy culture, Goths moving from Baltic to Volyn.

The Late Zarubintsy sites formed under these conditions are characterized by considerable diversity, which makes it necessary to examine the antiquities of different types separately.

Chapter 2. The sites of Marianovka type of the Southern Bug basin

(A.M. Oblomsky)

These sites were discovered and described by P.I. Khavliuk. Also he made the main publications of the materials.

General observations

Sites of Marianovka type are located in the forest-steppe part of the Southern Bug basin (Fig. 2; 3). 8 settlements and one burial ground were included in the collection (Fig. 3).

The topography of Late Zarubintsy settlements of the Southern Bug basin is slightly different from the traditional topography of the period. Out of 8 settlements only 2 are located on the edge of the first upper flood bed terraces of rivers. The others are located on the tops and slopes of rivers or streams plateaus.

The settlements area is rather large: from 4 to 16 hectares. The remains of not less than 13 land houses are recorded with wattle-and-daub walls of frame construction, 4 constructions deepened in the ground. 12 graves were studied in the Rakhny cemetery (table 1, Appendix).

All the graves are cremations. One of them was committed on the spot, others – in another place. The depths of burial pits: 0.1 – 0.45 m. Dimensions of burial pits: length from 1.45 to 2 m and width from 1 to 1.8 m. As a rule, there were no urns in the graves. The most of the graves were individual, but some collective graves were also found. Vessels (not burned for the second time) could be found in the graves (Fig. 19: 1-3, 8; 20: 1-3; 22: 1, 16, 23: 3, 4; 24: 17, 18, 25: 2). All the other things were touched by fire.

O.V. Petrauskas notes the similarity of Rakhny burials structure with classical Zarubintsy graves. At the same time there were some innovations. The Kiev culture funeral ritual was completely different from the funeral ritual of Late Zarubintsy horizon, though Kiev culture formed, in general, on the Late Zarubintsy basis.

Objects complex

Handmade pottery

Handmade pottery may be divided into 2 groups by the way of handling: polished and rough. Rough pots predominate numerically. Most rough pots are not ornamented. The pots rims are sometimes decorated with finger dimples, but more often – with notches. The body of pots is ornamented rarely. The archaeologists found wheels, covers, and miniature vessels. Among the polished vessels bowls predominate, which are diverse in form. The pottery is shown on Fig. 6-14, 19, 20, 22-25, 27, 29, 31, 33-36, 38, 41, 42, 47-51, 53-58, 60-62, and 64-66.

Among the cooking vessels pots with roundish bodies and outward bended rims are the most prevalent. Tulip type vessels are less common. Other forms of pots are rare, quite rare are ribbed pots; and pots with roundish bodies prevail greatly. Disks and covers are widespread. Among polished bowls the most widely spread are bowls with sharp ribs and straight rims.

Basic forms of the Southern Bug handmade vessels have prototypes of the Middle Dnieper region handmade pottery. Nevertheless, some cooking pots are similar to vessels of Late Scythian sites of the Black Sea region of the Early Roman Age. Bowls with sharp ribs and straight rims are imitations of ancient red lacquer vessels (*terra sigillata*).

The general collection of polished vessels forms of the Southern Bug basin sites is very close to pottery of Late Zarubintsy settlements of the Middle Dnieper area (of Lutezh type) and the Desna region (of Pochep type).

Wheel made pottery

The wheel made pottery is presented by amphorae fragments (Fig. 7: 4, 8: 3, 4, 13: 1-10, 22: 16: 29: 4, 6-8; 33: 1, 2, 36: 7, 50: 11; 58: 12, 64: 3, 66: 10-12), this pottery is dated in total by the 50's of the 1st century BC – first third of the 2nd century AD. Wheel made pottery is also presented by grey clay antique dishes (Fig. 19: 8, 23: 4, 48: 1, 57: 8).

Tools, household items, and weapons

Tools made of iron are presented by sickles, sickle type knives, knives, punches, piercing tools, chisel, shaving knife, spurs, and rings. Tools made of bone are piercing and polishing tools. Clay made tools are mostly spindle whorls.

The metal ornaments are fibulae (Zarubintsy type of variant V – Fig. 21: 4, hinge "Avcissa" type – Fig. 18: 1, eye fibulae of Almgren type 53, 60, 61 – Fig. 21: 2, 3, 24: 16, 26: 4, "western" strongly profiled of Almgren types 67-69 and 236 – Fig. 7: 4, 12: 4, fibulae of Black Sea region strongly profiled variant I-1, according to A.K. Ambroz – Fig. 25: 1, spring-loaded with a smooth body and a button at the end of plate like receiver brooches 1-4 variants of A.K. Ambroz – Fig. 21: 1, 27: 2, 14), the fragment of *sulgama* – Fig. 26: 3, the pin – Fig. 12: 7, bracelets – Fig. 18: 5-7; 21: 5, neck ring – Fig. 26: 1, variety of pendants – Fig. 19: 4, 26: 6, long beads – Fig. 12: 3, 18: 3, 4; 22: 2-6, 9; 24: 1, 3, 6-8; 25: 3-5; 26: 7, 49: 9, 58: 13. The import objects are beads made of glass and cornelian (Fig. 18: 8-11, 19: 7; 20: 4; 22: 5, 11, 12, 24: 15, 25: 12, 13), two plaques made of Egyptian faience with a relief image of a reclining lion on a rectangular base (Fig. 14: 12: 33: 8). Apparently, the 3 rings of cast bronze fitted with knobs were amulets (Fig. 12: 5, 49: 10).

Obviously, the Late Zarubintsy population decoration complex of the Southern Bug forest-steppe part basin was formed on the basis of three main cultural regions: local Zarubintsy, the South and Central European, the ancient Black Sea region.

Problems of chronology, origin and future of Marianovka type sites

The chronological indicators of Marianovka type sites are examined in this part. The conclusion is made that this cultural group existed in the middle of the 1st century AD – middle of the 2nd century AD. The opinion of P.I. Khavliuk that this cultural group appeared in the 2nd century BC is erroneous. The settlement Raiki, which according to his ideas was the earliest of Zarubintsy settlement of the Southern Bug region, is related not to Zarubintsy circle, but to Podkloshevaya culture. The materials of this settlement are published on Fig. 67–71.

The only indirect evidence that before the beginning of the Christ era in the forest-steppe part of the Southern Bug basin there was population influenced by culture Latene are the materials of Sinitsa metallurgical center near Uman. The ceramics of this site is dated by time before the 1st century AD. There is no more specific data on populating of the Southern Bug basin in the classical Zarubintsy period.

The reasons of Marianovka type sites disappearance are not clear. The fire remains were recorded in most of them. Who could destroy Late Zarubintsy settlements?

According to P.I. Khavliuk, reconstructions of the next step in the history of the forest-steppe Bug region and adjacent part of the Dniester River basin was Velbark period. The Velbark culture population is usually identified with the Goths in the beginning of the Late Roman period. According to P.I. Khavliuk, the eastern area of Velbark sites concentration is

practically identical to more ancient sites area of Marianovka type.

The earliest find of Velbark settlements is a fibula from Tymar, which is similar to an object from Rakhny cemetery (Fig. 25: 1) and is dated by the second half of the 1st–2nd centuries AD.

If other chronological indicators of this period are found in the new Velbark sites of the Southern Bug basin, there is a possibility that the Goths destroyed the settlements of Marianovka type.

Chapter 3. Late Zarubintsy sites of the Middle Dnieper region

(*U.U. Bashkatov, R.V. Terpilovsky*)

1. Sites of Lutezh type

Sites of Lutezh type are widespread along both banks of the Dnieper river from the river Teterev in the north to the mouths of the rivers Tyasmin and Sula in the south. Only one settlement Beriozovka-2 is located in the east of the Dnieper river left bank area on the river Vorsklitsa. The archaeological excavations were carried out in 8 sites. Two graves are also known. According to finding investigations data, 27 sites were recorded.

The dated materials are divided into two groups. The first group are fibulae and spurs, typical for Late Latene time (Fig. 93: 13, 14, 17, and 18). The second group consists of eye fibula from Lutezh (Fig. 86: 15), horseshoe-shaped fibula fragment with enamel from Obolon (Fig. 93: 11), buckles and spurs (Novyje Bezradichi) and some other things (Fig. 146: 15). All these items are typical for the end of the 1st–2nd centuries AD and, unlike the first group, are not found in Zarubintsy burials and settlements in the upper parts of the river banks.

Vendy type fibula and famous Zhukin decorations complex are linked with two cremations. Several dozens of different decoration items of the Early Roman period are of the Middle Dnieper Region origin, some of them are connected obviously to Late Zarubintsy sites.

"Bottomland" and the classic Zarubintsy settlements on the upper parts of rivers' banks coexisted partially, but the main upper settlements were left no later than the third quarter of the 1st century AD. Bottomland settlements of landscape type continued to exist later. Obviously, a number of settlements, such as Obolon, appeared at the final stage of Zarubintsy culture, but continued to exist in the 1st–2nd centuries AD.

Handmade ceramics of Lutezh type settlements is divided into rough and polished. The percentage of polished pottery in settlement Lutezh reaches 17.2%. Ceramics is presented on Fig. 83–88, 90–92, 96–101, and 103–112. The most abundant kitchen ceramics are pots with round bodies and curved rim bended

outwards, and some ribbed vessels. Polished ceramics is presented by singular pots and cups, as well as numerous bowls of various forms, among which ribbed vessels with straight rims prevail. The ceramics complex is supplemented by discs and conical covers with hollow handles. In whole, Lutezh ceramics is extremely close to the pottery of classical Zarubintsy settlements and cemeteries of the Middle Dnieper region.

The dwelling type of bottomland sites was studied well on materials of Obolon, where 55 buildings not damaged by late holes were examined. Three houses were excavated in Lutezh and one – in Novyje Bezradichi. These small rectangular buildings with an average wall length of 3.5–4.5 m were slightly deepened into the mainland. They were heated by open hearths. The houses of Obolon and Lutezh had log walls structure construction, impressive polished bowls of Late Zarubintsy forms were found in these houses.

Numerous utility holes were found in the Middle Dnieper region sites except for buildings. Iron processing was developed in Lutezh settlement, where 15 bloomeries and 411 utility and manufacturing holes were designed for each 3 buildings.

In general, it is possible to assume that settlements of Lutezh type continue the development of classical Zarubintsy traditions of the Middle Dnieper region, these sites belonged to direct descendants of Zarubintsy population.

2 Sites of Grini type

Sites of Grini type are not spread on a compact territory. They are scattered across the Middle Dnieper region, the Lower Desna region, the Dnieper forest-steppe left bank region, and the Severskij Donets region. Pots with round bodies and wide necks, as well as ribbed vessels with profile fracture in upper part of body, are widespread in the sites of Grini type. Ceramics of this kind is rarely met in the other Late Zarubintsy sites (Fig. 122–127, 136). Other forms of pots and fragments of polished bowls are rare. Grini type ceramics has its own specific character. The surface of pots was covered with scratches and strokes put in various directions on wet clay by comb or chip.

Remains of buildings are presented by two constructions deepened into the ground for 0.3 m and by the paved by pieces of vessels floor left of one more building. The sizes of the buildings are 3.1 x 3.2 m and 3.4 x 2.6 m respectively; holes for supporting roof posts were found in the floor centre. Clay hearths on the basis of handmade vessels pieces were heating constructions.

The Grini type sites differ from other Late Zarubintsy sites groups by "young age", according to fibulae finds of 84 type by O. Almgren in Shestovitsa and Vovki (Fig. 127: 7.9), fragment of red lacquer (terra sigillata) cup; they are dated by the second half of the 2nd century AD.

The origin of Grini type sites is connected to sites of Kisteni-Chechersk (one of the Upper Dnieper region groups of Zarubintsy culture) widespread from the middle stream of Berezina river to the Middle Posojie region.

Chapter 4. Sites of Pochev type

(*A.M. Oblomsky*)

This cultural-chronological group was first distinguished by A.K. Ambroz in the early 1960's. A.K. Ambroz and U.V. Kukharenko believed that Pochev group had been formed as a result of local traditions evolution of Yukhnov culture with some influence of Zarubintsy culture. P.N. Tretyakov and F.M. Zavernyaev had an adverse opinion. They believed that settlements of Pochev type had formed on Zarubintsy culture basis with some influence of Yukhnov traditions.

In subsequent years both points of view have developed. I.K. Frolov and G.N. Pronin supported A.K. Ambroz's idea. E.V. Maximov and S.P. Pachkova considered Pochev antiquities in Zarubintsy culture context. M.B. Shchukin supported the idea of Zarubintsy culture roots in Pochev antiquities.

A.M. Oblomsky and R.V. Terpilovsky came to a conclusion in 1991 that only antiquities of the third (final) stage of Pochev culture had certain Zarubintsy roots, according to A.K. Ambroz. The Desna region antiquities of the first centuries AD were unique, as this culture took certain local traditions of Yukhnov culture of the Early Iron Age. These traditions are traced in houses building, ceramics complex, and collection of household items. Pochev type sites formed as a result of Yukhnov and the Middle Dnieper region Zarubintsy elements synthesis due to expansion of Zarubintsy tribes' descendants in the Middle and Upper Desna regions.

The interest in Pochev antiquities study became weaker in the 1990's. Several works of U.U. Shevchenko, G.L. Zemtsov, and S.V. Voronya-tov should be mentioned.

Sites of Pochev type are widespread in the territory of the Middle and Upper Desna regions (Fig. 2, 3). The total number of discovered settlements is 85. Only 3 of them are located on the Ukraine territory. All the sites are unfortified. Settlements located relatively low above the water source prevail.

Settlement layout has been studied only in Pochev. There is evidence that two ethnographic groups of inhabitants coexisted in the settlement.

Buildings of Pochev type settlements are divided into 2 groups – deepened into the ground (23 buildings) and above ground houses (17 buildings). The depth of deepened into the ground buildings was from 0.1 m to 1.0 m. These buildings were usually rectangular. The size of most of them was about 4 x 3 m. The walls were of log construction or of carcass construction and even

with usage of wattles. Holes for supporting roof posts were found in 16 buildings. These posts were located in the central part of the building. Open fireplaces were recorded in 4 places in the form of fire remains. The first group of buildings could be habitation places, as well as utility structures.

Except for rectangular buildings, Pochev sites had other forms (round, roundish, hexagonal) of buildings deepened into the ground.

Handmade pottery is divided into kitchen pottery with rough surface and polished pottery for dining. The percentage of polished ceramics ranges from 4–5 to 11%. The basic forms are given on Fig. 138–141. Kitchen pots with round bodies prevail greatly over ribbed vessels. The rough pots majority is ornamented by finger dimplings on rim edge, rarely – by notches. Ornament on pot body is rare. This kind of ornament was applied by a fingernail or a stick, and sometimes it was a festoon like composition. There are pictograms in the form of shaded rhombuses with hooks. The surface of kitchen pots majority is smooth. As an exception, there are fragments of vessels with hatch work and scratches. Bowls are most widely spread among polished vessels. Of these, forms with a rib in the place of profile bending and straight rim are the most numerous.

Tiny vessels of different forms were found in Pochev type settlement, except for types of pottery mentioned above.

Complex of working tools and utility items of Pochev sites is represented by iron knives of different forms, cutters, chisels, needles with eyes, awls, sickle type knives, sickles, clay spindle whorls, different items made from bone and horn. Arrowheads with two spikes both of stick and bushing types are known of armaments. The decorations are presented by bronze and iron fibulae, sulgamas, rings, bracelets, and pendants. The imported glass beads and antique ceramics were also found.

Chronology of Pochev type sites is determined by three groups of finds: the Central European, local, and the Black Sea region origin. The first group includes fibulae of P/R variant, according to classification of U.V. Kukharenko-A.M. Oblomsky (Fig. 142: 1–4), buckle of 13–14 type, and group A, according to R. Madyda-Legutko (Fig. 142: 10), eye fibula of Almgren 53 type (Fig. 142: 9). The second group consists of single-made fibula with tied up foot and deflected back of F variant, according to U.V. Kukharenko (Fig. 142: 5), 7 or 8 single-made fibulae of Pochev variant (Fig. 142: 6,7). The third group consists of relatively close dated antique imports: plaque with a figure of lion of Egyptian faience of 68 type, B variant, according to E.M. Alekseeva (Fig. 142: 11), coping traced fibula of series I, variant 2, according to A.K. Ambroz (Fig. 142: 8), grey clay polished jar (Fig. 142: 12). The date of Pochev sites is determined within the wide range of middle of the 1st–2nd century AD. It has not been possible to

determine yet, in which part of the 2nd century AD the existence of Pochev type sites ended.

Chronology specification of Pochev antiquities depends greatly on accuracy degree of archaeological commonalities dating prior to Pochev culture and following it.

Work on the Desna region antiquities study of the Early Iron Age has just begun. We know only that in the Lower Desna region Pochev antiquities were preceded by Zarubintsy culture Chaplin type sites (the Upper Dnieper region tradition), and in the Middle and Upper Desna regions – Yukhnov culture. The upper chronological boundaries of these two types of sites have not been determined yet.

Kiev culture settlements emerged after Pochev sites in the Desna region. Their earliest date is also vague. Lavrikov Les, Desnyanka, Kireevka-2 – these are the settlements, the chronology of which is more or less distinct, they are dated not earlier than the second half of the 3rd century AD.

The problem of Pochev population future destiny is rather complicated. Available data indicates that population changed in the Desna region with appearance of Kiev culture. Nevertheless, some Pochev traditions are felt in the archaeological complex of Kiev culture (primarily, in house building).

In the Oka basin Pochev population became one of Moshchiny culture components, which emerged in the 3rd century AD.

Chapter 5. Sites of Kartamyshevo-2 and Ternovka-2 types

(A.M. Oblomsky)

The first settlements of Kartamyshevo-2 type were found in the 1970's by D.Ya. Telegin, S.A. Beliaeva, E.A. Syimonovitch, O.N. Melnikovskaya; these sites were investigated afterwards by E.A. Gorunov, V.M. Gorunova, O.A. Shcheglova, A.A. Uzianov, N.A. Tikhomirov, R.V. Terpilovsky, A.M. Oblomsky, I.N. Kulatova, A.B. Suprunenko.

The first settlement of Ternovka-2 type (Novodonovka-1) was studied by V.I. Mitrofanova in 1960. Afterwards the sites of this type were studied by U.V. Buinov, E.N. Petrenko, A.S. Smirnov, A.N. Sorokin, A.M. Oblomsky, I.V. Zinkovskaya, and A.P. Medvedev.

The sites of Kartamyshevo-Ternovka circle were determined as a special cultural and chronological type of antiquities by A.M. Oblomsky and R.V. Terpilovsky in 1991.

All the materials of this cultural group come from unfortified settlements; cemeteries have not been found yet. The only exception is a cremation in Gochevo-1 site.

20 settlements of Kartamyshevo type have been recorded, out of them 7 are located in the Ukraine.

(Appendix 1, table 1). These settlements are located in the Middle and Upper Seim regions and in upper and middle streams of the rivers that flow into the Dnieper from the east: Sula, Vorskla, and Orel.

The settlements of Ternovka type are widespread in forest-steppe part of the Severskij Donets basin and in the Oskol river area. There are 23 Ternovka type settlements, 5 of them are located in the Ukraine (Appendix 1, table 2, Fig. 2, 3).

Settlements located in the first bottomland terraces of rivers prevail.

There is data only on 2 settlements' layouts: Kartamyshevo-2 and Ternovka-2. At first stage Kartamyshevo-2 buildings are divided into single dwelling and single economic areas. On the second stage the buildings are divided into 2 groups. Ternovka-2 was a place inhabited by a maximum of two small families that mastered separate households.

24 dwellings are known in the settlements of Kartamyshevo-Ternovka circle. Most of them were rectangular with wall length from 2.4 to 5.5 m, but more often about 3.5–4.5 m, deepened into the ground from 10 cm to 1 m. The walls of most houses had log construction. Clay daubing was not used during the house building. The holes for central support posts were rare. In a number of houses remains of open fires were found, usually in the form of fireplace traces. The remains of land surface house and a house with a part deepened into the ground were studied.

Utility buildings in the settlements of Kartamyshevo type are extremely rare, but, on the other hand, they are numerous in Ternovka circle settlements. The fireplaces located outside of buildings were found. Specific objects of Kartamyshevo circle settlements are so called conical stoves in the form of holes overlaid with pottery fragments and coated by a thick layer of clay.

Handmade pottery is divided into kitchen pottery with rough surface and polished pottery. The polished pottery makes up in average from 3 to 6.4%. Wheel made pottery (including fragments of amphorae) is very rare. It was found in very few sites because it had been imported.

Kitchen ceramics of Kartamyshevo-Ternovka type was rougher than pottery of Marianovka, Pochev, and Lutezh types. The surfaces often have traces of fingers. Sometimes the pottery has artificially rough surface and is ornamented by comb scratches. Some vessels have traces of chips touches and strokes. Favorite way of rough pottery ornamentation – notches and dimplings put by finger on rim edge. The body of vessels majority has no ornamentation. In general, vessels ornamentation is more widely met in Kartamyshevo sites type than in Ternovka sites type.

Pottery is shown on Fig. 72–78, 81, 82, 118–120, 128–135. Closed pots with round bodies with rim bended outwards prevail among rough vessels, though ribbed pots and can type pots were also found, as well

as miniature vessels of different forms. Discs were discovered in Ternovka type sites. Handmade polished pots were solitary. Bowls were found most often. High ribbed forms with zigzag profile (Fig. 74: 12; 114: 4; 119: 8) were the most widespread in sites of Kartamyshevo type. Sometimes high bowls were ornamented by a belt of stricken zigzags on the body surface, meander elements, vertical lines with hatches and swastikas (Fig. 145: 30, 31). Low ribbed bowls without ornament and with straight rims are widespread in the Severskij Donets basin and Oskol (Fig. 131: 4, 8; 132: 4–6; 135: 1).

Spindle whorls are the most numerous of household items. Fragments of teagels are related to metallurgy. Knives, arrowheads, spurs, pins, frame buckle, sickle, and an axe are made of iron.

Pins, bracelets, long beads, neck ring, cover plates, frame buckles, and eye fibula of Almgren-61 type from Kartamyshevo-2 are made of bronze. Of particular interest are the decorations with notched enamel and the accompanying plate items found in the settlements Bobrava-3, Golovino-1, Gochevo-1, Ezdochnoe, Zhernovets, Kartamyshevo-2, Kolesniki, Osipovka-Pliag, Rodnoi Krai-1, Ternovka-2 (Fig. 146: 17, 20–22). A small series of glass beads are imported items.

According to amphorae material (Fig. 75), eye fibula from Kartamyshevo-2 (Fig. 146: 14), fragments of neck ring from Golovino-1 (Fig. 146: 16) and beads, the sites chronology of Kartamyshevo-Ternovka type is determined within the limits of Late Zarubintsy period in whole, i.e. within middle-second half of the 1st–2nd centuries AD.

A.M. Oblomsky and R.V. Terpilovsky stated a thesis in 1991 that Kartamyshevo-Ternovka type sites are close to the Middle Dnieper region antiquities of Lutezh circle due to common handmade rough pottery and house building traditions. A.M. Oblomsky and R.V. Terpilovsky also concluded that these sites emerged as a result of the Middle Dnieper region Zarubintsy people descendants' migration to the east of the Dnieper left bank region and the Severskij Donets basin.

The antiquities of Kartamyshevo circle are unique due to elements related to Pshevorsk culture. Some small groups of Pshevorsk culture population migrated to the Dnieper Don watershed. There is no direct evolutionary link between the antiquities of Kharievka type (the 2nd century BC – beginning of the 1st century AD) and Kartamyshevo-Ternovka type sites. Kharievka type sites were widespread in the north-eastern part of the Dnieper forest-steppe left bank region; these sites had features of Zarubintsy, the Middle Dnieper region, Pshevorsk, and Yastorf in their archaeological complex.

Direct evidence appeared in the 1980's–1990's that the Middle Dnieper region population penetrated to the east. Late Zarubintsy handmade ceramics typical for the Middle Dnieper region was discovered in

Beriozovka-2 and Zhernovets settlements, which are published in this monograph (Appendix, Fig. 102–117).

At the end of the 2nd– beginning of the 3rd century AD settlements of the Seim-Donets variant of Kiev culture spread around in the east of the Dnieper left bank region, the Severskij Donets region, and Oskol. The initial phase of these settlements was named antiquities of Shishino-Shmiriovo type.

Early sites of the Seim-Donets variant show interconnection of two types of Late Zarubintsy antiquities (of Kartamyshevo circle, from one side, and Ternovka, from the other side) that existed in the previous period separately. Thus, the Seim-Donetsk version of Kiev culture formed as a result of Late Zarubintsy population micro migrations.

Sites of Kartamyshevo-2 type are directly related to formation of the Desna antiquities variant of Kiev culture. Ceramics complex of the earliest Kiev culture sites of the Desna and the Middle Seim regions (Popovo-Lezhachi-4, Veseloe, Greblia) have prototypes in the east of the Dnieper left bank area.

Chapter 6. Topography and layout of settlements, building types

(U.U. Bashkatov, G.L. Zemtsov)

The problems of topography, planigraphy, and house building of Late Zarubintsy period are examined in detail in the 6th chapter. All sites currently known have been analyzed.

The sites may be divided into 3 groups in terms of topography.

The first group consists of settlements located in the slopes and capes of first bottomland terrace (41 of 86 recorded sites, 47%). Overwhelming majority of such settlements is situated no more than 5 m above bottomland level.

The second group of sites consists of the settlements found on the hills of the first bottomland terrace or on the bottomland dunes (34 sites, 40%). They are located 4 m above the bottomland. The exceptions are settlements Novodonovka-1 in the Severskij Donets region (6 m) and Berezniaki on the Sula river (3.5–7 m).

The third group of settlements is located on the native bank, its topography is similar to "classical" Zarubintsy; there are only 11 of them (13%). These sites are located relatively high – on the 3.5–7 m level (Vovki) and 10–14 m (Chulatovo).

Examining this data on local variants, 4 traditions may be distinguished in topography of Late Zarubintsy settlements. The settlements of first "eastern" tradition are located usually in bottomland and terraces, as Kartamyshevo-2, Ternovka-2, and Pochep, which are situated on the territory of the Ukraine and Russia (Oblomsky, 1991, table 1). Lutezh type sites of the

second tradition are located in bottomland or near it in the Middle Dnieper region. Settlements of Grini type are situated most often on slopes and capes of the first bottomland terrace; the Marianovka circle settlements – on native banks of rivers and streams.

The layout was analyzed on the basis of the most well studied settlements (Obolon, Kartamyshevo-2, Parkhomovka, Marianovka, Lutezh, and others).

A.M. Oblomsky, R.V. Terpilovsky, and A.V. Petrauskas came to a conclusion in 1991 that the Late Zarubintsy settlements had had 3 main types of layout:

1. Large settlements of Obolon and Pochep types consisted of several groups of dwelling places and continued Pilipenkova Gora tradition; these settlements became rare in the 1st–2nd centuries AD.

2. Settlements of Lutezh and Kartamyshevo-2 types with a common utility yard; they were close to Chaplin fortified settlement (the most widespread type).

3. Miniature settlements of Ternovka-2 type consisted of one or two buildings.

These conclusions should be clarified. Layout of settlement Lug IV (Obolon) coincided with Pilipenkova Gora only on early existence stages. It became more similar to the second type construction on later stages. Most likely, the situation was the same in Pochep settlement. The earlier horizon was related to the same type in Kartamyshevo-2.

One more layout type may be distinguished according to materials of settlements Lug IV (Obolon) and Kartamyshevo-2 (upper horizon). The buildings were located at a distance of 10–20 m from each other; each construction had its own set of utility holes. This type was widely spread, as well as the second type, at later time of Kiev culture. The appearance of this layout type was connected with the further disintegration of patriarchal family.

The study of Late Zarubintsy dwellings has lasted for over fifty years; it began with the works of A.K. Ambroz (1955, 1956, and 1957). Nevertheless, some questions have not been resolved yet because many materials have not been published, and some documentation is doubtful. The Late Zarubintsy house building is described in detail in the 6th chapter according to our present knowledge level.

U.U. Bashkatov stated a hypothesis that log construction type of house building had appeared in the middle of the 1st century BC. This assumption supported the idea that the house building tradition of the Middle Dnieper region had been taken from the final classical Zarubintsy culture sites through the Late Zarubintsy settlements to Kiev culture. Also he made an attempt to divide settlement Lug-IV (Obolon) into construction horizons according to house building data, which was confirmed by the ceramics materials in whole.

The Southern Bug basin dwellings were divided into 2 groups of buildings: above ground constructions, which are similar to the Middle Dnieper region

buildings, and structures deepened into the ground for a half close to Pochep buildings. However, significant differences were found.

G.L. Zemtsov and U.U. Bashkatov examined in detail the buildings of the eastern Dnieper left bank area and the Severskij Donets basin. Special type of dwelling place formation was recorded in the Desna region during the Late Zarubintsy period. The buildings were with significantly much deeper floors of rectangular or square shape, with an open hearth, log construction walls, and central roof supporting posts. This tradition of house building continued in the Desna region later. Large ground based houses of Pochep type sites were analyzed once again. In general, the authors did not deny the existence possibility of above ground houses, nevertheless, they considered this problem debatable and requiring further field studies. Houses deepened into the ground of elongated proportions often with shallow construction pit and without central supporting posts were typical for the east of the Dnieper left bank area and the Dnieper Don watershed.

Chapter 7. At the Slavs origin (Instead of conclusion)

(O.V. Arion, U.V. Bashkatov, A.M. Oblomsky, R.V. Terpilovsky)

The role of different sciences (history, linguistics) in study of Slavs ethno genesis is examined in the beginning of the chapter. According to archaeological data, the results of east line of this process are stated below. This process led to formation of medieval Slavic peoples: Antes and Venety of Jordan. This concept represents a further development of P.N. Tretyakov – V.N. Danilenko theory, formulated in the 1960's – 1970-ies.

The starting point of Eastern Slavs peoples formation was a crisis (or disintegration) of Zarubintsy culture. Its characteristics were: disappearance of Zarubintsy sites of the Pripiat forest region in a fairly short period of time, all Zarubintsy cemeteries and a number of the Dnieper region settlements stopped functioning, mass migrations of population from these native territories to different directions from the Western Bug region in the west and the Khoper basin in the west; the topography of settlements changed, social organizations and funeral ceremonies were innovated.

The crisis of Zarubintsy culture gave impulse to appearance of new archaeological phenomenon – Late Zarubintsy cultural and chronological horizon (middle – third quarter of the 1st century AD – the end of the 2nd century AD).

The disintegration of Zarubintsy culture was a result of a complex of reasons, among which ecological processes took an important place. Paleoclimatologists

marked out minimal humidity level and significant increase of average annual temperature for all the first millennium BC and the first half of AD millennium. These circumstances created significant difficulties for Zarubintsy population traditional ways of farming. This fact was perhaps an impulse to start migrations in search of better lands.

Late Zarubintsy sites formed under these conditions may be divided into several groups or types: Grinevichi-Velki – Radost (the Upper Pripiat region and the adjacent part of the Western Bug basin), Marianovka – Rakhny (forest-steppe part of the Southern Bug basin), Lutezh (the Middle Dnieper region), Pochep (the Middle and Upper Desna regions), the middle layer of Tushemlya settlement (the Upper Dnieper region and adjacent regions), Kartamyshevo-Ternovka (forest steppe part of the east of the Dnieper left bank region and the Severskij Donets basin), Shapkino-Rasskazan (the Khoper river basin). Zarubintsy component is felt in Zubra culture of Carpathian and Volyn regions. Sites of Grini type appeared later than others. They did not form on compact territory and were widespread on forest steppe part of the Dnieper region and the Severskij Donets basin.

Late Zarubintsy settlements were located predominantly on the first bottomland terraces above the rivers. The innovation was the appearance of mansions in comparison with the period before Zarubintsy culture collapse. Deepened into the ground houses were relatively small in size. The houses had rectangular shape, open hearths, and walls of carcass or log construction.

Handmade ceramics of southern Late Zarubintsy cultural groups may be divided into rough (for kitchen) and polished (for dining). The first group prevails greatly: korchagas, pots, and flat disks. Basic elements typological similarity of Late Zarubintsy material culture antiquities, on the one hand, and early antiquities of following Kiev culture, on the other hand, indicates on absence of chronological hiatus between them.

A special complex of decorations was formed during Late Zarubintsy period, which included items with notched enamel. Late Zarubintsy archaeological artifacts complex is close in different ways to classical Zarubintsy collection of artifacts, but elements of classical Zarubintsy culture are present in all of them. Except for Late Zarubintsy sites, sites of other cultures were found on the territory of the Dnieper-Don forest steppe: Sarmathian and Late Scythian (Fig. 1). Their areas are located close to each other.

At the turn of the 2nd–3rd centuries AD a new stage of Late Zarubintsy population migration occurred in the forest-steppe zone. As a result of these events, a new archaeological phenomenon emerged – Kiev culture (turn of the 2nd–3rd centuries AD – beginning of the 5th century AD) that is divided into several cultural and chronological types (or variants): the

Middle and Upper Dnieper types (of Abidini circle), the Seim-Donets type, and Khoper type. First information on Kiev settlements and cemeteries in the Volga region of Samara have appeared recently. Kiev culture sites were found in the north in the West Dvina basin and in upper stream area of the Velikaya river.

None of Kiev culture local variants arose as a result of simple evolutionary development of local Late Zarubintsy antiquities. Kiev culture formed in the Middle Dnieper region by traditions merging of the Middle Dnieper population of Lutezh type with the Upper Dnieper-Posozhsk elements. It appeared as a result of two related Late Zarubintsy groups on the Dnieper Don watershed – "western" of Kartamyshevo type and "eastern" of Ternovka type. Pochep tribes, probably, left the Desna region during the 2nd century AD. Carriers of Kartamyshevo type antiquities penetrated into this area later from the south-east, the Upper Dnieper region groups migrated there from the north. The Desna region variant of Kiev culture emerged as a result of their integration. The issue on the Upper Dnieper variant of Kiev culture origin has not been resolved yet. The study of Kiev culture of the Volga region group has just begun. It is clear that Kiev population penetrated into this region from outside. Late Scythian and Sarmathian sites of forest-steppe region ceased to exist not later than the middle of the 3rd century AD.

Thus, the traditions of different Late Zarubintsy groups changed during the process of Kiev culture formation.

Ceramics collection of early Kiev sites keeps a number of Late Zarubintsy relicts. "Barbaric" decorations with notched enamels that appeared in Late Zarubintsy period continued to exist.

Sites of Cherniakhov culture appeared in the second-third middle of the 3rd century AD on the territory of the Middle Dnieper region and the Dnieper left bank region. According to modern data, Cherniakhov culture corresponded to the proto state association headed by the Goths.

Kiev culture people got in touch with Chernyakhov tribes in the second half of the 3rd–4th centuries AD. Imports, primarily, ceramics were widespread. Due to expansion of Chernyakhov culture to the east, the part of Kiev sites of the Middle Dnieper Region and east of the Dnieper left bank region became a part of Chernyakhov culture territory. Kiev population, probably, abandoned their native territory partially. Part of Kiev population was included directly in Chernyakhov culture structure.

Chernyakhov tribes moved to the east, and with this expansion formation of a new cultural group in the Upper Don region was connected (of Kashirka-Sedelki type), elements of Kiev and the Lower Dnieper region of Late Scythian origin were traced in its structure.

The appearance of the Huns in the Eastern Europe steppes and their destruction of Germanarikh power in 375 AD caused a series of massive migrations in

forest-steppe zone. Cherniakhov population migrated to the west, to the frontiers of the Roman Empire, in the end of the 4th – beginning of the 5th centuries AD. Tribes that lived in contact with population of Kiev culture started moving. Thus, a group from Kiev-Cherniakhov region of forest-steppe borderland (settlements Aleksandrovka-1 and Roishche) moved to the north, to the Lower Desna region.

The movement in opposite direction was more intense. Settlements of the Desna variant of Kiev culture appeared in the forest-steppe part of the Dnieper left bank region within the range of Cherniakhov area. The Desna river population penetrated into the Middle Dnieper region and to the east of the Dnieper left bank region. Pottery collection and house building traditions show that Kolochin culture, in general, formed on the basis of the Desna variant of Kiev culture. It is not impossible that it corresponds to the Early Middle Ages Venets of Jordan.

The groups of "Kiev-Kolochin" northern population and Kiev groups of the Middle Dnieper and the Dnieper left bank regions took part in Penkovka culture formation, which was associated with historical Antes. The population of the forest-steppe Dnieper region experienced a strong impact of Chernyakhov culture.

A new cultural group emerged in the Upper Don region during this period: Chertovitskoe-Zamatino settlements and cemeteries of Zhivotinnoe circle; these sites had different ethno cultural elements of Kiev, Late Diakovo, Moshchiny cultures, as well as Germanic and nomadic traditions. It is possible that the group of settlements near modern Zadonsk town played a role of maintenance base of one of Hun Empire departments and some groups of nomads after its collapse. The forest-steppe Don region antiquities of the 6th–7th centuries AD have not been found yet.

Translated by
Daria Mikulska

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (А.М. Обломский).....	5
Глава 1. Историография древностей позднезарубинецкого периода. (Р.В. Терпиловский).....	8
Глава 2. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга. (А.М. Обломский).....	16
Глава 3. Позднезарубинецкие памятники Среднего Поднепровья. (Ю.Ю. Башкатов, Р.В. Терпиловский).....	36
Глава 4. Памятники типа Почеп. (А.М. Обломский).....	45
Глава 5. Памятники типа Картамышево-2 и Терновка-2. (А.М. Обломский).....	54
Глава 6. Топография и планировка поселений, типы построек. (Ю.Ю. Башкатов, Г.Л. Земцов).....	67
Глава 7. У истоков славянства (Вместо заключения). (О.В. Арион, Ю.В. Башкатов, А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский).....	93
Приложение 1. Каталог позднезарубинецких памятников на территории Украины.....	111
ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	152
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	164
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	165
SUMMARY.....	320